



STUDIA  
ROSSICA  
GEDANENSIA

3/2016

# Studia Rossica Gedanensia

3

Redakcja / Редакция / Edited by  
Katarzyna Wojan, Wanda Stec, Olga Makarowska, Marta Noińska

REDAKTOR NACZELNA / EDITOR-IN-CHIEF

**Prof. UG, dr hab. Katarzyna Wojan** (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

ZESPÓŁ REDAKCYJNY / EDITORIAL BOARD

Prof. UG, dr hab. Żanna Śladkiewicz (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – zastępca redaktora naczelnego / deputy editor-in-chief

Dr Wanda Stec (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – zastępca redaktora naczelnego / deputy editor-in-chief

Dr Ewa Konefał (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – sekretarz / secretary

Dr Radosław Kaleta (Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland) – asystent redakcji / editorial assistant

Dr Tatiana Kopac (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – redaktor językowy, język rosyjski / language editor, Russian

Dr Olga Makarowska (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Adam Mickiewicz University, Poland) – redaktor językowy, język rosyjski / language editor, Russian

Dr Aneta Lica (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – redaktor językowy, język polski / language editor, Polish

Mgr Marta Noińska (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – asystent redaktora, redaktor językowy, język angielski / editorial assistant, language editor, English

Bogna Wojan (Politechnika Gdańska, Polska / Gdańsk University of Technology, Poland) – redaktor techniczny / technical editor

Bogusław Wojan (Politechnika Gdańska, Polska / Gdańsk University of Technology, Poland) – redaktor techniczny / technical editor

Kinga Szymańska (Politechnika Gdańska, Polska / Gdańsk University of Technology, Poland) – redaktor techniczny / technical editor

KRONIKA / CHRONICLE

Edited by Katarzyna Wojan

Fotografie pochodzą ze zbiorów prywatnych / The pictures come from the private collections of Tadeusz Bogdanowicz, Danuta Moszyńska, Krystyna Szcześniak, Żanna Śladkiewicz, Dorota Żyłko

PROJEKT GRAFICZNY OKŁADKI / COVER DESIGN

Ekaterina Kaleta

Na okładce: fragment obrazu Izaaka I. Lewitana *Złota jesień* (Золотая осень) (1895), olej, płótno, 82 × 126 cm, Państwowa Galeria Tretiakowska w Moskwie / On the cover: a detail of the painting *Golden Autumn* by Isaac I. Levitan (1895), oil on canvas, 82 × 126 cm, The State Tretyakov Gallery, Moscow

SKŁAD I ŁAMANIE / COMPUTER-AIDED COMPOSITION

Dorota Biniakiewicz

Skład w systemie / Typesetting in the system: InDesign

© Copyright by the Authors and Editorial Board

Printed in Poland

ISSN 2392-3644 (online)

ISSN 2449-6715 (print)

Publikacja finansowana ze środków na utrzymanie potencjału badawczego Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego. / This journal is sponsored by the Faculty of Languages, University of Gdańsk.

ADRES REDAKCJI / EDITORIAL BOARD OFFICE  
Redakcja Studia Rossica Gedanensia  
Wydział Filologiczny / Faculty of Languages  
Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk  
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, PL 80-308 Gdańsk, Poland  
Tel. / Phone +48 58 523 31 65  
e-mail: finkw@univ.gda.pl; filzs@ug.edu.pl

WYDAWCA / PUBLISHER  
Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk  
Wydział Filologiczny / Faculty of Languages  
ul. Wita Stwosza 51, PL 80-308 Gdańsk, Poland  
Tel. / Phone +48 58 523 30 01

DRUK I OPRAWA / PRINTING AND BINDING  
Zakład Poligrafii / Printing Plant  
Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk  
ul. Armii Krajowej 119/121, PL 81-824 Sopot, Poland  
Tel. / Phone +48 58 523 14 49, +48 58 523 13 50

Interdyscyplinarne czasopismo naukowe gdańskich rusycystów. Podejmuje zagadnienia związane z językiem, literaturą, kulturą i historią Rosji, a także komparatystyką. Ukazuje się raz w roku w wersji elektronicznej i drukowanej. Wersją referencyjną jest wersja elektroniczna. Do druku przyjmowane są teksty w języku polskim, rosyjskim i angielskim. Redakcja zastrzega sobie prawo redagowania tekstów. Wszystkie prace nadesłane do redakcji są poddawane anonimowej procedurze recenzyjnej. Prace należy przesłać zgodnie z Wytycznymi dla autorów umieszczonymi na stronie internetowej naszego rocznika.

An interdisciplinary periodical published by scholars in Russian studies in Gdańsk. Devoted to issues connected with Russian language, literature, culture and history, as well as with comparative studies. Published once a year. Studia Rossica Gedanensia is published in print and online. The online version is the primary one. Articles in Polish, Russian and English are accepted. The Editorial Board reserves the right to have the texts edited. Each paper submitted to the Editorial Board is subject to an anonymous review process. Papers are to be submitted in accordance with the Guidelines for Authors listed on the periodical's website.

STRONA INTERNETOWA / HOMEPAGE  
<http://cwf.ug.edu.pl/ojs/index.php/SRG>

PISMO REFEROWANE I INDEKSOWANE W BAZACH / ABSTRACTED AND INDEXED BY THE INTERNATIONAL DATABASES

ARIANTA (Naukowe i Branżowe Polskie Czasopisma Elektroniczne)  
BazHum (Baza Bibliograficzna Czasopism Humanistycznych i Społecznych)  
CEJSH (The Central European Journal of Social Sciences and Humanities)  
Expertus (Bibliografia Publikacji Pracowników, Doktorantów i Studentów UG)  
PBN (Polska Bibliografia Naukowa / Polish Scholarly Bibliography)  
CEON Biblioteka Nauki (Centrum Otwartej Nauki, Interdyscyplinarne Centrum Modelowania Matematycznego i Komputerowego, Uniwersytet Warszawski)  
eLIBRARY.RU (Научная электронная библиотека)  
Google Scholar; Infona (Portal Komunikacji Naukowej)  
OCLC WorldCat  
ROAD (Directory of Open Access Scholarly Resources)  
SCIARY: Worldwide Scientific and Educational Library: Scientific Journals of Republic of Poland



UNIwersytet Gdański • Wydział Filologiczny  
Гданьский университет • Филологический факультет  
University of Gdańsk • Faculty of Languages

# Studia Rossica Gedanensia

ROCZNIK / ЕЖЕГОДНИК / ANNUAL

# 3

Redakcja / Редакция / Edited by  
Katarzyna Wojan, Wanda Stec, Olga Makarowska, Marta Noińska



Gdańsk 2016

RADA NAUKOWA / ADVISORY EDITORIAL BOARD

**Prof. UG, dr hab. Marcelina Grabska** (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – przewodnicząca / chair

**Prof. dr hab. Franciszek Apanowicz** (prof. em., Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

**Prof. dr hab. Valentina N. Avramova / Валентина Н. Аврамова** (Uniwersytet Konstantyna Preslawskiego w Szumen, Bułgaria, Prezydium MAPRYAL / University of Shumen Episkop Konstantin Preslavski, Bulgaria, Presidium of MAPRYAL)

**Prof. dr hab., dr h.c. UMK Andrzej Bogusławski** (prof. em., Uniwersytet Warszawski, Polska Akademia Umiejętności, Polska) / University of Warsaw, Polish Academy of Arts and Sciences, Poland)

**Prof. dr hab. Nadezhda S. Bratchikova / Надежда С. Братчикова** (Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. M.W. Łomonosowa, Rosja / Lomonosov Moscow State University, Russia)

**Prof. dr hab. Volodymyr V. Dubichynsky / Владимир В. Дубичинский** (Narodowy Uniwersytet Techniczny, Politechnika Charkowska, Ukraina / National Technical University, Kharkiv Polytechnic Institute, Ukraine)

**Prof. dr hab. Ivan A. Esaulov / Иван А. Есаулов** (Instytut Literacki im. A.M. Gorkiego w Moskwie, Rosja / Maxim Gorky Literature Institute in Moscow, Russia)

**Prof. dr hab. Tatyana M. Grigoryeva / Татьяна М. Григорьева** (Syberyjski Uniwersytet Federalny w Krasnojarsku, Rosja / Siberian Federal University in Krasnoyarsk, Russia)

**Prof. dr hab. Jerzy Kalisz** (Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland)

**Dr Ihar L. Karpylau / Игорь Л. Копылов** (Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus in Minsk, Belarus)

**Prof. KUL, dr hab. Hubert Łaskiewicz** (Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II, Polska / John Paul II Catholic University of Lublin, Poland)

**Prof. dr hab. Ludmiła Łuciewicz** (Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland)

**Prof. dr hab. Valentina A. Maslova / Валентина А. Маслова** (Witebski Uniwersytet Państwowy im. Piotra Maszerawa, Białoruś / Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Belarus)

**Prof. UG, dr hab. Elżbieta Mikiciuk** (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

**Prof. dr hab. Valery M. Mokienko / Валерий М. Мокиенко** (Petersburski Uniwersytet Państwowy, Rosja / Saint Petersburg State University, Russia)

**Prof. dr hab. Aleksandr V. Motorin / Александр В. Моторин** (Państwowy Uniwersytet Nowogrodzki im. Jarosława Mądrego, Rosja / Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

**Prof. dr hab. Zbigniew Opacki** (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

**Doc. dr Ludmiła V. Rychkova / Людмила В. Рычкова** (Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupały, Białoruś / Yanka Kupala Grodno State University, Belarus)

**Prof. dr hab. Tatyana E. Shapovalova / Татьяна Е. Шаповалова** (Państwowy Regionalny Uniwersytet Moskiewski, Rosja) / Moscow State Regional University, Russia)

**Prof. UW, dr hab. Dorota Urbanek** (Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland)

**Prof. dr hab. Jan Wawrzyńczyk** (prof. em., Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland)

**Prof. dr hab. Georgy V. Vekshin / Георгий В. Векшин** (Moskiewski Państwowy Uniwersytet Wydawniczo-Poligraficzny im. Iwana Fiodorowa, Rosja / Moscow State University of Printing Arts of Ivan Fedorov, Russia)

**Prof. dr hab. Bogusław Żyłko** (prof. em., Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

RECENZENCI / REVIEWERS

**Prof. dr hab. Elena A. Andrushchenko / Елена А. Андрущенко** (Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny im. H.S. Skovorody w Charkowie, Ukraina) / H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine)

**Doc. dr Karine S. Arustamyan / Карине С. Арустамян** (Wanadzorski Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny im. H. Tumaniana, Armenia) / Vanadzor State University named after Hovhannes Tumanyan, Armenia)

**Dr Rafał Beszterda** (Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Polska / Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland)

**Prof. dr hab. Anna Bednarczyk** (Uniwersytet Łódzki, Polska / University of Lodz, Poland)

**Prof. dr hab. Andrzej Chodubski** (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

**Prof. UP, dr hab. Halina Chodurska** (Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie, Polska / Pedagogical University in Cracow, Poland)

**Prof. dr hab. Anatolij T. Gulak / Анатолий Т. Гулак** (Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny im. H.S. Skovorody w Charkowie, Ukraina) / H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine)

**Prof. UWM, dr hab. Janusz Hochleitner** (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Polska / University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland)

**Prof. dr hab. Halina Karaś** (Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland)

**Prof. dr hab. Olga P. Kasymova / Ольга П. Касымова** (Baskirski Uniwersytet Państwowy w Ufie, Baszkortostan, Rosja / Bashkir State University in Ufa, Bashkortostan, Russia)

**Dr Piotr Koprowski** (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

**Prof. dr hab. Jolanta Mędeliska** (Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszcy, Polska / Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz, Poland)

**Prof. dr hab. Joanna Mianowska** (prof. em., Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Polska / Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland)

**Doc. dr Inessa I. Morozova / Инесса И. Морозова** (Narodowa Akademia Nauk Białorusi w Mińsku, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus in Minsk, Belarus)

**Dr hab. Grzegorz Ojcewicz** (prof. em., Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Polska / University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland)

**Prof. dr hab. Georgy S. Prokhorov / Георгий С. Прохоров** (Państwowy Uniwersytet Społeczno-Humanistyczny w Kołomnie, Rosja / Moscow Region State Institute of Humanities and Social Studies in Kolomna, Russia)

**Prof. dr hab. Elena V. Senko / Елена В. Сенько** (Północno-Osetyjski Uniwersytet Państwowy im. Kosty L. Chetagurowa we Władykaukazie, Osetia Północna-Alania, Rosja / North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov in Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, Russia)

**Prof. dr hab. Natalia V. Volodina / Наталья В. Володина** (Państwowy Uniwersytet w Czerepowcu, Rosja / Cherepovets State University in Cherepovets, Russia)

**Prof. dr hab. Halina Waszkielewicz** (Uniwersytet Jagielloński w Krakowie, Polska / Jagiellonian University in Kraków, Poland)





## SPIS TREŚCI / СОДЕРЖАНИЕ

### STUDIA I ARTYKUŁY / ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

#### JĘZYKOZNAWSTWO / ЯЗЫКОЗНАНИЕ

##### SEMANTYKA / СЕМАНТИКА

- Ирина Васильевна Баданина  
ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НОМИНАЦИЯХ ЛИЦ  
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ УСТАРЕВШИХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА  
Р.П. РОГОЖНИКОВОЙ, Т.С. КАРСКОЙ)..... 23
- Виктория Валерьевна Никульцева  
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ АРТИСТОВ БАЛЕТА ХХІ ВЕКА ..... 31
- Елена Витальевна Омельченко, Елизавета Алексеевна Осокина  
ИНФОРМАЦИОННО-ФАСЦИНАТИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ  
КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕГОВОРОВ Ю.А. ГАГАРИНА С ЗЕМЛЕЙ)..... 45
- Владимир Николаевич Шапошников  
СЕМАНТИКА ЧАСТИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ..... 55

##### SŁOWOTWÓRSTWO / СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

- Лариса Викторовна Рацибурская  
СЛОЖНЫЕ ДЕРИВАТЫ В МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ  
СОВРЕМЕННОСТИ..... 67

##### MEDIOLINGWISTYKA / МЕДИАЛИНГВИСТИКА

- Olga Makarowska  
ОСОБЕННОСТИ КОТОМАТРИЦЫ КАК ИНТЕРНЕТ-ЖАНРА ..... 77

##### JĘZYKOZNAWSTWO KORPUSOWE / КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Daniel Dzienisiewicz, Piotr Wierzchoń, Filip Graliński  
К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЗАЦИИ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ  
В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ ..... 99

##### SOCJOLINGWISTYKA / СОЦИОЛИНГВИСТИКА

- Атиркуль Егембердиевна Агманова, Евгения Александровна Журавлева  
ЭТНИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ В ПОЛИНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ  
(НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ В КАЗАХСТАНЕ)..... 123

## JĘZYKOZNAWSTWO GENETYCZNE / ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Marta Noińska  
GENETYKA POPULACYJNA A PROBLEM ETNOGENEZY SŁOWIAN ..... 143

## LEKSYKOGRAFIA / ЛЕКСИКОГРАФИЯ

- Елена Борисовна Кузьмина  
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ СЛОВ  
РУССКОГО ЯЗЫКА (ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) ..... 159

- Katarzyna Wojan  
WKŁAD POLAKÓW DO DOROBKU ŚWIATOWEGO SŁOWNIKARSTWA  
(Z JĘZYKIEM ROSYJSKIM W TLE) ..... 169

## GLOTTODYDAKTYKA / ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Dorota Dziewanowska  
ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА  
ИНОЯЗЫЧНОМУ КОММУНИКАТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ – ЗАЛОГ АДЕКВАТНОЙ  
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ..... 205

## LITERATUROZNAWSTWO / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

## TEORIA LITERATURY / ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ludmiła Łucewicz  
ИСПОВЕДЬ: СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ  
(В АСПЕКТЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ А.В. МИХАЙЛОВА О КЛЮЧЕВЫХ СЛОВАХ КУЛЬТУРЫ)..... 223

## РОЕТУКА / ПОЭТИКА

- Клара Эрновна Штайн, Денис Иванович Петренко  
ПОЭТИКА И МЕТАПОЭТИКА РУССКОГО АВАНГАРДА ..... 237

- Наталья Поддубная  
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПТОВ В ДНЕВНИКЕ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО ..... 274

## КОМПАРАТИВНА ЛИТЕРАТУРА / ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

- Siarhei Padsasonny  
МОТИВ СВОБОДЫ: ОТ ДОСТОЕВСКОГО К АЛЕКСИЕВИЧ ..... 289

## GEOGRAFIA LITERACKA / ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

- Денис Чик  
«ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ»: ТИПОЛОГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ  
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В УКРАИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ  
«РОМАНЕ БОЛЬШОЙ ДОРОГИ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. .... 307

## PRZEKŁADOZNAWSTWO / ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

- Grzegorz Ojcewicz  
NIECENZURALNE PARODIE WIERSZEM IWANA BUNINA A SZTUKA PRZEKŁADU ..... 323

FILOLOGIA ŚLEDZCA / СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Grzegorz Ojcewicz

Z FILOLOGII ŚLEDZCZEJ. CO I DLACZEGO PRZEMILCZANO W PROCESIE KANONIZACYJNYM DOROTY Z MAŁTÓW NA TEMAT WIELKIEGO MISTRZA KONRADA VON WALLENRODE?..... 347

KULTUROZNAWSTWO / КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ

Максим Львович Федоров

Х.Ф. Бояджијева. ЦЕРЕТЕЛЛИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ М.Л. ФЕДОРОВА..... 365

Zbigniew T. Szmurło

PATRIOTA POWSZECHNEGO ABSURDU. IN MEMORIAM WADIM SIDUR..... 378

ТЕОЗОФИЯ / ТЕОСОФИЯ

Piotr Klafkowski

NICHOLAS ROERICH. THE MYSTERIOUS. BRIEF REFLECTIONS

ON THREE ROERICH CONTROVERSIES ..... 407

HISTORIA / ИСТОРИЯ

Cezary Taracha, Pablo de la Fuente

O HISPZAŃSKICH DYPLOMATACH W ROSJI XVIII WIEKU UWAG KILKA..... 431

Наталья Геннадиевна Терехова

IZ WARSZAWY KO DWORU PIETRA WELIKIEGO ILI NESOSTOJAWSHEESJA SWATOWCTWO ..... 442

BIBLIOGRAFISTYKA / БИБЛИОГРАФИСТИКА

Katarzyna Wojan

POLSKA LEKSYKOGRAFIA TERMINOLOGICZNA Z KOMPONENTEM ROSYJSKIM

Z ZAKRESU EKONOMII I ZARZĄDZANIA. BIBLIOGRAFIA SŁOWNIKÓW

WYDANYCH W LATACH 1887–2015 ..... 467

RECENZJE / РЕЦЕНЗИИ

Grzegorz Ojcewicz

Ирина Бетко. „Души изменчивой приметы”... Избранные тексты украинской и русской классики в зеркале мифо-архетипического анализа. Olsztyn:

Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2016, ss. 296 ..... 491

Grzegorz Ojcewicz

Wanda Laszczak. *W kręgu kultury Bogocześnictwa. Studia zebrane o świętej Matce Marii (Skobcowej).*

Studia i Monografie nr 524. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2015, ss. 371 ..... 496

Валентина Авраамовна Маслова

«Да сохранит нас, за все отвечаая, речи родимой бескрайняя даль...»

Рецензия на двухтомную монографию: „Mówimy, jak mówimy...”. *Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne.* Red. Marcelina Grabska, Żanna Śładkiewicz, Gdańsk: Wydawnictwo

Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, ss. 255; „Mówimy, jak mówimy...” *Gdzie ukryta jest potoczność?*

Red. Marcelina Grabska, Żanna Śładkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015,

ss. 279 ..... 500

Piotr Koprowski

Elżbieta Nowicka. *Zapísane w operze. Studia z historii i estetyki opery.*

Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2012, ss. 224 ..... 504

## KRONIKA / ХРОНИКА

## JUBILEUSZE / ЮБИЛЕИ

Irena Fijałkowska-Janiak PROFESOR TADEUSZ BOGDANOWICZ. JUBILEUSZ 70-LECIA URODZIN .....	511
Liliana Kalita, Katarzyna Wojan BIBLIOGRAFIA PRAC NAUKOWYCH PROFESORA TADEUSZA BOGDANOWICZA .....	515

## IN MEMORIAM

Krystyna Szcześniak ŻYCIORYS PROF. DR HAB. LESZKA MOSZYŃSKIEGO .....	521
Krystyna Szcześniak MOJE WSPOMNIENIE O PROFESORZE LESZKU MOSZYŃSKIM .....	524
Dorota Żyłko, Anita Gostomska Konferencja Sławistyczna poświęcona pamięci Profesora Leszka Moszyńskiego <i>Badania nad kulturą Słowian. Między synchronią a diachronią.</i> Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny, Gdańsk, 18 listopada 2016 .....	529

## SPRAWOZDANIA / ОТЧЁТЫ

Żanna Sładkiewicz Отчет о Международной научной конференции <i>Речь. Человек. Мир.</i> <i>Речевое воздействие в разных дискурсах.</i> Гданьский университет, Гданьск, 19–20 мая 2016 г. ....	537
Joanna Mampe Sprawozdanie z Międzynarodowej Konferencji Naukowej <i>Potrzeby współczesnej dydaktyki akademickiej i dydaktyki przekładu.</i> Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny, Gdańsk, 22–23 września 2016 .....	545
Maria Kossakowska-Maras Отчет о проведении международной интердисциплинарной научной конференции на тему: <i>Диалог культур и обществ,</i> Щецинский университет, Щецин, 4 июня 2016 г. ....	547
O AUTORACH / ОБ АВТОРАХ (oprac. Katarzyna Wojan, Wanda Stec, Marta Noińska / сост. Катажина Воян, Ванда Стец, Марта Ноинска) .....	553
WYTYCZNE DLA AUTORÓW / ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	576

# CONTENTS

## STUDIES AND ARTICLES

### LINGUISTICS

#### SEMANTICS

- Irina V. Badanina  
GENDER RELATIONS REFLECTED IN RUSSIAN NOMINATION OF PERSONS  
(BASED ON THE DICTIONARY OF OBSOLETE WORDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE  
BY R.P. ROGOZHNIKOVA AND T.S. KARSKAYA)..... 23
- Viktoria V. Nikultseva  
ON PECULIARITIES OF THE LANGUAGE USED BY PROFESSIONAL BALLET DANCERS  
IN 21ST CENTURY..... 31
- Elena V. Omelchenko, Elizaveta A. Osokina  
INFORMATIONAL AND FASCINATIVE TRANSFORMATION  
IN PROFESSIONAL COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE OF CONVERSATIONS  
OF YURI GAGARIN WITH THE EARTH) ..... 45
- Vladimir N. Shaposhnikov  
SEMANTICS OF PARTICLES IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE ..... 55

#### WORD FORMATION

- Larisa V. Ratsiburskaya  
COMPOSITE DERIVATIVES IN THE MEDIA TEXTS AS SOCIAL MARKERS OF MODERNITY ..... 67

#### MEDIA LINGUISTICS

- Olga Makarowska  
CAT MEMES AS AN INTERNET GENRE..... 77

#### CORPUS LINGUISTICS

- Daniel Dzienisiewicz, Piotr Wierzchoń, Filip Graliński  
ON THE CHRONOLOGIZATION OF RUSSIAN LOANWORDS IN POLISH..... 99

#### SOCIOLINGUISTICS

- Atirkul E. Agmanova, Evgenia A. Zhuravleva  
ETHNIC LANGUAGES IN A POLYNATIONAL SOCIETY  
(ON THE EXAMPLE OF THE TATAR AND THE POLISH LANGUAGES IN KAZAKHSTAN) ..... 123

## GENETIC LINGUISTICS

Marta Noińska	
POPULATION GENETICS AND THE ISSUE OF SLAVIC ETHNOGENESIS .....	143

## LEXICOGRAPHY

Elena B. Kuzmina	
THE PRAGMATIC IDEOLOGICAL COMPONENT OF THE SEMANTICS OF RUSSIAN WORDS (LEXICOGRAPHICAL ASPECT) .....	159
Katarzyna Wojan	
CONTRIBUTION OF POLES TO THE WORLD LEXICOGRAPHY (WITH THE RUSSIAN LANGUAGE AS BACKGROUND) .....	169

## LANGUAGE EDUCATION

Dorota Dziewanowska	
TEACHING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE BEHAVIOUR TO PHILOLOGY DEPARTMENT STUDENTS.....	205

## LITERARY STUDIES

## LITERARY THEORY

Ludmiła Łucewicz	
CONFESSION: THE SEMANTIC CONTENT OF THE CONCEPT (IN THE LIGHT OF A.V. MIKHAILOV'S THOUGHTS ON KEYWORDS OF CULTURE) .....	223

## POETICS

Klara E. Stain, Denis I. Petrenko	
POETICS AND METAPOETICS OF THE RUSSIAN AVANT-GARDE .....	237
Nataliya Piddubna	
VERBALIZATION OF RELIGIOUS CONCEPTS IN TARAS SHEVCHENKO'S DIARY .....	274

## COMPARATIVE LITERARY STUDIES

Siarhei Padsasonny	
THE MOTIF OF FREEDOM: FROM DOSTOYEVSKY TO ALEXIEVICH.....	289

## LITERARY GEOGRAPHY

Denys Chyk	
"FASCINATING GEOGRAPHY": THE TYPOLOGY OF GEOGRAPHICAL IMAGES' CONSTRUCTION IN UKRAINIAN AND ENGLISH "HIGH ROAD NOVELS" OF THE 1ST HALF OF 19TH CENTURY .....	307

## TRANSLATION STUDIES

Grzegorz Ojcewicz	
OBSCENE PARODIC POETRY OF IVAN BUNIN AND THE ART OF TRANSLATION.....	323

## INVESTIGATIVE PHILOLOGY

- Grzegorz Ojcewicz  
FROM CRIMINAL PHILOLOGY.  
WHAT AND WHY HAS BEEN LEFT UNSAID ABOUT THE GRAND MASTER  
KONRAD VON WALLENRODE IN THE CANONIZATION PROCESS  
OF DOROTHEA OF MONTAU ..... 347

## CULTURAL STUDIES

- Maksim L. Fedorov  
H.F. BOYADZHIYEVA. *TSERETELLI*.  
(PREFACE, PREPARATION OF THE TEXT AND COMMENTS BY M.L. FEDOROV)..... 365
- Zbigniew T. Szmurło  
THE PATRIOT OF THE UNIVERSAL NONSENSE. IN MEMORIAM VADIM SIDUR ..... 378

## THEOSOPHY

- Piotr Klafkowski  
NICHOLAS ROERICH. THE MYSTERIOUS. BRIEF REFLECTIONS  
ON THREE ROERICH CONTROVERSIES ..... 407

## HISTORY

- Cezary Taracha, Pablo de la Fuente  
A FEW REMARKS ON THE SPANISH DIPLOMATS IN THE 18TH CENTURY RUSSIA ..... 431
- Natalia G. Terekhova  
FROM WARSAW TO THE COURT OF PETER THE GREAT OR FUTILE MATCHMAKING ..... 442

## BIBLIOGRAPHIES

- Katarzyna Wojan  
POLISH TERMINOLOGICAL LEXICOGRAPHY IN THE FIELD OF ECONOMICS,  
TRADE, MANAGEMENT, INCLUDING A RUSSIAN COMPONENT.  
A BIBLIOGRAPHY OF DICTIONARIES PUBLISHED BETWEEN 1887–2015 ..... 467

## REVIEWS

- Grzegorz Ojcewicz  
Ирина Бетко. „Души изменчивой приметы”... *Избранные тексты украинской  
и русской классики в зеркале мифо-архетипического анализа*.  
Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2016, ss. 296 ..... 491
- Grzegorz Ojcewicz  
Wanda Laszczak. *W kręgu kultury Bogocześnictwa. Studia zebrane  
o świętej Matce Marii (Skobcowej)*. Studia i Monografie nr 524.  
Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2015, ss. 371..... 496
- Валентина Авраамовна Маслова  
«Да сохранит нас, за все отвечая, речи родимой бескрайняя даль...»  
Рецензия на двухтомную монографию: „*Mówimy, jak mówimy...*”. *Komunikacja w języku potocznym:  
podejście interdyscyplinarne*. Red. Marcelina Grabska. Żanna Śładkiewicz, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwer-  
sytetu Gdańskiego, 2014, ss. 255; „*Mówimy, jak mówimy...*” *Gdzie ukryta jest potoczność?* Red. Marcelina  
Grabska, Żanna Śładkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, ss. 279 ..... 500



Piotr Koprowski

- Elżbieta Nowicka. *Zapisane w operze. Studia z historii i estetyki opery.*  
Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2012, ss. 224 ..... 504

## CHRONICLE

### ANNIVERSARY CELEBRATIONS

Irena Fijałkowska-Janiak

- PROFESSOR TADEUSZ BOGDANOWICZ. 70TH BIRTHDAY ANNIVERSARY ..... 511

Liliana Kalita, Katarzyna Wojan

- BIBLIOGRAPHY OF SCHOLARLY WORKS OF PROFESSOR TADEUSZ BOGDANOWICZ ..... 515

### IN MEMORIAM

Krystyna Szcześniak

- LIFE OF PROFESSOR LESZEK MOSZYŃSKI ..... 521

Krystyna Szcześniak

- MY REMINISCENCE OF PROFESSOR LESZEK MOSZYŃSKI ..... 524

Dorota Żyłko, Anita Gostomska

- SLAVIC CONFERENCE IN MEMORIAM OF PROFESSOR LESZEK MOSZYŃSKI.  
*RESEARCH ON SLAVIC CULTURE. BETWEEN SYNCHRONY AND DIACHRONY.*  
UNIVERSITY OF GDAŃSK, 18 NOVEMBER 2016..... 529

### REPORTS

Żanna Śładkiewicz

- International Conference *Речь. Человек. Мир: Речевое воздействие в разных дискурсах.*  
*Language. Human. World. Persuasion in various discourses.* University of Gdańsk, 19–20 May 2016 ..... 537

Joanna Mampe

- International Conference *Potrzeby współczesnej dydaktyki akademickiej i dydaktyki przekładu.*  
*The needs of contemporary academic teaching and translation didactics.*  
University of Gdańsk, 22–23 September 2016..... 545

Maria Kossakowska-Maras

- International Interdisciplinary Conference: *Диалог культур и обществ.*  
*The dialogue of cultures and societies.* University of Szczecin, 4 June 2016 ..... 547

- ABOUT THE AUTHORS (comp. by Katarzyna Wojan, Wanda Stec, Marta Noińska) ..... 553

- GUIDELINES FOR AUTHORS ..... 576

STUDIA I ARTYKUŁY  
ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ  
STUDIES AND ARTICLES



JEZYKOZNAWSTWO  
ЯЗЫКОЗНАНИЕ  
LINGUISTICS



SEMANTYKA  
СЕМАНТИКА  
SEMANTICS



ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ  
В РУССКИХ НОМИНАЦИЯХ ЛИЦ  
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ УСТАРЕВШИХ СЛОВ  
РУССКОГО ЯЗЫКА Р.П. РОГОЖНИКОВОЙ, Т.С. КАРСКОЙ)

ИРИНА В. БАДАНИНА

Московский педагогический государственный университет  
Институт филологии, Кафедра методики преподавания русского языка  
ул. Малая Пироговская, д. 1а, 119435, г. Москва, Россия  
e-mail: irinabadanina@gmail.com  
(получено 4.07.2016; принято 9.08.2016)

**Abstract**

**Gender relations reflected in Russian nomination of persons  
(based on the dictionary of obsolete words of the Russian language by  
R.P. Rogozhnikova and T.S. Karskaya)**

The dictionary of obsolete words by Roza Rogozhnikova and Tatyana Karskaya includes nouns naming individuals according to various criteria, which sheds light on the state of gender relations in the past.

**Key words**

Noun, meaning, nomination of persons, gender relations, dictionary.

**Резюме**

Сопоставительное исследование существительных-номинаций лиц в словаре устаревших слов Розы П. Рогожниковой, Татьяны С. Карской помогает выяснить прошлое состояние гендерных отношений в России.



## Ключевые слова

Существительное, значение лица, гендерные отношения, словарь.

На каждом этапе развития общества можно наблюдать различия между словами, называющими мужчин и женщин. В этом смысле интерес представляет любой период. Нами выбран тот, что был в относительно недавнем прошлом и достаточно полно отражен в русской классической литературе XVIII–XX вв., а затем в лексикографических работах, одной из которых является Словарь устаревших слов русского языка Розы П. Рогожниковой и Татьяны С. Карской<sup>1</sup>.

В некоторых тематических (идеографических) группах состав слов настолько различен по называемому социальному статусу и другим характеристикам мужчин и женщин, что общим для тех и других слов название группы можно считать лишь условно. Так, существительные, называющие профессии и занятия мужчин, можно разделить на две подгруппы – гражданские и военные профессии (занятия), каждую из которых, в свою очередь, – на постоянные и временные.

К гражданским постоянным относятся слова: анатомик – «специалист по анатомии, анатом», аудитор – «должностное лицо, выполнявшее в судах обязанности прокурора и судебного следователя», бард – «поэт, воспевающий героев и воинские подвиги», будочник – «полицейский чин, стоявший на посту у караульной будки с черно-белыми полосами и наблюдавший за порядком на улицах», бурмистр – «при крепостном праве: назначенный помещиком староста из крестьян, следивший за выполнением повинностей, назначением на работу и т.п.», вице-губернатор – «ближайший помощник и заместитель губернатора» и т.д., всего 197 слов.

Гражданские временные занятия: бенефициант – «артист или другой работник театра, в пользу которого давался бенефис», бурсак – «учащийся духовного учебного заведения», вожатый – «человек, указывающий дорогу; проводник, провожатый», вольнослушающий – «тот, кто допущен к слушанию лекций в высшем учебном заведении без зачисления в студенты и не пользующийся казенным содержанием», гайдук – «в XVIII–XIX вв.: выездной лакей в богатом помещичьем доме», гость – «купец, торговец, преимущественно иноземный», делец – «человек, хорошо знавший своё дело», домовод – «тот, кто занимался домашним хозяйством, наблюдал за домом» и т.д., всего 40 слов.

Названия военных профессий и занятий: бригадир – «в русской армии XVIII в.: военный чин 5-го класса (по Табели о рангах); лицо, имевшее этот чин»; воевода – «в Древней Руси: начальник войска, а также управляющий городом или округом (с XVI до конца XVIII в.)»; воитель – «воин, военачальник»; гвардионец – «офицер привилегированного гвардейского полка, учрежденного в русской армии в 1814 г.»; генерал-адъютант – «звание, присваиваемое лицам, имевшим

---

<sup>1</sup> Р.П. Рогожникова, Т.С. Карская. *Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв.* Москва: Дрофа, 2005.

военный чин 1–3 классов и состоявшим в свите императора или фельдмаршала; лицо, имевшее это звание»; гетман – «в XVI–XVIII вв.: выборный начальник украинского казачьего войска и верховный правитель»; гренадер – «первоначально: солдат-пехотинец высокого роста, назначенный для метания ручных гранат; позднее – офицер особых отборных воинских частей»; гусар – «в русской армии и в армиях некоторых стран в XVII–XIX вв.: солдат или офицер частей легкой кавалерии, носивший форму венгерского образца»; денщик – «солдат, состоявший в качестве слуги у офицера»; застрельщик – «солдат в рассыпном бою, который первым встречался с противником, первым начинал стрелять» и т.д., всего 113 слов.

Многие из гражданских и военных занятий мужчин – это государственная служба в армии, различных министерствах, организациях губернского и уездного уровня. Вообще вся военная сфера и почти вся сфера гражданской деятельности были заняты мужчинами.

Постоянные занятия женщин, отраженные в словаре, как правило, трудно назвать профессиями в современном понимании этого слова: барская барыня – «старшая горничная, пользовавшаяся наибольшим расположением помещицы», ворожея – «женщина, которая ворожила, заговаривала, пускала порчу, разгадывала неизвестное или будущее таинственными средствами и приемами» и т.д. К временным занятиям женщин относятся жница – «женщина, которая жала хлеб серпом; жнея», наймитка – «батрачка, наёмная работница», пилигримка – «женск. к пилигрим – странник, путник».

Некоторые из этих слов образованы от однокоренных существительных мужского рода, что свидетельствует либо о вторичности занятия женщины по отношению к занятию мужчины, либо о том, что этим занимались как мужчина, так и женщина: пилигрим – пилигримка, наймит – наймитка. Впрочем, были среди перечисленных и занятия исключительно женские: горничная – «служанка, исполнявшая различные работы в барских комнатах (уборка, уход за платьем, помощь при раздевании и одевании и т.д.)».

Женских профессий и занятий, связанных с государственной службой, чрезвычайно мало: это государыня – «царица, императрица», инспектриса – «в до-революционных женских учебных заведениях: специальная должность для педагога – женщины, надзирающей за поведением воспитанниц» и некоторые другие.

В основном же профессии женщин связаны с обслуживанием и поэтому делают женщин социально зависимыми даже в том случае, когда они самостоятельно работают на возмездной основе: гувернантка – «наёмная домашняя воспитательница, учившая девочек иностранным языкам и умению вести себя в обществе», кормилица – «женщина, вскармливавшая грудь чужого, обычно барского ребёнка», повитуха – «женщина, обычно немолодая, помогавшая при родах». Некоторые из этих слов также образованы от однокоренных слов мужского рода, что говорит о связи между занятиями мужчин и женщин и напоминает о том, что у мужчин также было много профессий низкого социального статуса, напр., гувернер. Но, наряду с этим, социально высокостатусные профессии, за редким исключением, были заняты мужчинами. В словаре содержит-

ся примерно в 9 раз больше слов мужского рода, чем женского, соответственно 351 и 42, и они отражают доминирующее положение мужчин в сфере профессиональной деятельности.

Вторая по количеству слов тематическая группа – названия мужчин и женщин по их социальному происхождению. Обычно оно было связано с их социальным статусом, поэтому трудно разделить слова, называющие людей по их социальному происхождению и социальному статусу. Тем не менее у мужчин это различие более явное, чем у женщин. Например, слова барич – «1. взрослый сын барина, 2. барин по происхождению, типичный представитель дворянства», и благородный – «дворянского происхождения, дворянский, принадлежавший к знатному роду», называют происхождение; а балахонник – «бедно одетый крестьянин», и временщик – «лицо, достигшее власти и высокого положения в государстве и пользующееся неограниченным влиянием на государственные дела благодаря своей личной близости к царю или царице», – социальный статус, т.е. то, что мужчина заслужил своей деятельностью.

В названиях женщин эти два значения, происхождение и статус, обычно сливаются, поскольку первое почти всегда определяло второй: благородная – «женск. к благородный», девка – «крепостная девушка», княжна – «дочь князя», прежде всего называют происхождение женщин. Они были почти исключены из сферы общественных отношений, не могли самостоятельно изменить свой социальный статус, т.к. социально-экономические и исторические условия для этого еще не созрели.

Несколько слов женского рода образовано от слов мужского рода, что говорит о равном социальном происхождении мужчин и женщин: барин – «лицо привилегированного класса, владелец земель и поместий в царской России; дворянин, помещик» – барич, барышня – «дочь барина»; благородный – благородная; граф, «дворянский титул, введенный в России по европейскому образцу Петром I; лицо, носившее этот титул» – графиня (в значении «дочь графа»); царь, «титул монарха; лицо, носившее этот титул», – царевна, «дочь царя». Практически эти пары слов мужского и женского рода отражают семейно-родственные связи, называя дочь по отцу, причем слово мужского рода может называть как происхождение, так и статус мужчины, а слово женского рода – только происхождение женщины, поскольку это слова, называющие незамужних женщин.

Значительно больше слов называют социальный статус, причем у мужчин это названия их собственного социального статуса, напр., лапотник (в значении «тот, кто ходил в лаптях – о бедном крестьянине»), личный дворянин – «лицо, получившее дворянское звание, не переходившее к потомству», человек (в значении «крепостной слуга; вообще слуга мужского пола»); а у женщин – часто названия социального статуса их мужей, скажем, барин – барыня, император – императрица, граф – графиня в значении «жена графа», царь – царица в значении «жена царя».

В этой производности слов женского рода от слов мужского рода отражается положение женщины: она либо дочь мужчины, либо жена мужчины и редко имеет собственный социальный статус независимо от него, обычно в случае,

если она еще не вышла замуж либо является вдовой, монархом. Всего в этой группе зафиксировано 60 слов мужского рода и 29 слов женского рода.

К тематической группе «социальная характеристика» относятся слова, называющие социально значимые или проявляющиеся в социуме качества людей. Из них 78 слов мужского рода: благодетель – «тот, кто оказывал кому-л. покровительство, помощь, услугу», бунтовщик – «участник бунта». Они часто называют мужчин как социально активных личностей, т.е. имеют агентивное значение. Впрочем, есть и слова, отражающие социально низкое положение мужчин либо их невысокие нравственные качества: волокита – «тот, кто любил ухаживать за женщинами», каторжанин – «тот, кто был сослан на каторгу или отбывал ее; каторжник» и т.д.

В этой же тематической группе отмечено 29 слов женского рода, называющих социально значимые свойства женщин: бездомница – «нерадивая, незапасливая хозяйка», бесприданница – «в старом быту: девушка, не имевшая приданого – недвижимого имущества, денег – для того, чтобы выйти замуж», благодетельница – «женск. к благодетель», затейница – «весёлая, изобретательная, склонная к забавным выдумкам женщина; выдумщица» и т.д. Некоторые из этих слов произведены от слов мужского рода, что отражает наличие данных качеств, признаков у мужчин и женщин: грешник, «тот, кто нарушает религиозные предписания, совершает грехи», – грешница, «женск. к грешник», приживал, «мужчина, живший из милости в чужом богатом доме, где он не имел никаких определённых обязанностей», – приживалка, «женск. к приживал».

В этой же тематической группе есть слова мужского рода, многие из которых характеризуют мужчин как социально активных личностей: любезник – «мужчина, который постоянно любезничал с женщинами», повеса – «молодой человек из привилегированной части общества, который вёл праздный, легкомысленный образ жизни».

На этом фоне качества женщин воспринимаются как двусмысленные, что могло быть следствием как их социально зависимого положения, так и более высоких сравнительно с мужчинами нравственных требований к женщинам: одалиска – «женщина, находившаяся во внебрачной связи с мужчиной; любовница», содержанка – «женщина, жившая на содержании у любовника».

Следующая тематическая группа – термины родства и свойства. Поскольку и мужчины и женщины участвуют в семейно-родственных отношениях, то и количество слов, называющих тех и других, почти не различается: 37 слов мужского рода и 34 – женского. Функции мужчин и женщин различны, но сопоставимы по значимости. При сравнении терминов родства и свойства мужского и женского рода можно отметить почти полную симметрию между словами двух родов, отсутствующую в других тематических группах: отчим, «муж матери», – мачеха, «жена отца»; племянник, «сын брата / сестры», – племянница, «дочь брата / сестры». В других наименованиях количество слов мужского и женского рода не равно за счет образования экспрессивно окрашенных слов, таких, как: папенька – «папа (с оттенком ласковой почтительности)»; маменька – «мама (с оттенком ласковой почтительности)»; свекровушка – «свекровь (ласк. к свекровь)», – свекруха, «просторечное свекровь».

Для многих терминов родства и свойства в языке есть разные, словообразовательно не связанные слова мужского и женского рода, напр., отец – мать, дед – бабушка, муж – жена, сын – дочь, брат – сестра, зять – сноха, невестка, дядя – тетя, что свидетельствует об уникальности мужских и женских функций, обусловленных их физической природой, в семейно-родственных отношениях. Эти слова образуют один из наиболее древних пластов лексики. Впрочем, многие существительные женского рода обнаруживают традиционную словообразовательную зависимость от слов мужского рода: родитель, «отец», – родительница, «мать»; племянник – племянница; внук, «сын сына / дочери», – внучка, «дочь сына / дочери».

Тематическая группа «психологические качества» содержит 43 слова мужского рода, которые описывают разнообразные свойства психологии мужчин: баловник – «тот, кто позволяет себе какие-л. вольности ради развлечения», смиренник – «человек кроткого, незлобивого нрава», юродивец – «безумец или человек, принявший вид безумца, обладавший, по мнению религиозных людей, даром прорицания; блаженный» и др.

В группу входят только два слова женского рода: смиренница – «женск. к смиренник», терпеливица – «разг. страдалица». Можно считать, что в прошлом мужчина мог свободнее проявлять свои психологические качества, и они чаще интерпретировались, принимались во внимание, чем такие же женские качества.

В тематической группе «отношение к религиозным убеждениям» отмечено 11 слов мужского рода и два женского: богохульник – «тот, кто богохульствует, поносит Бога или догматы веры»; грешник – «тот, кто нарушает религиозные предписания, совершает грехи»; раскольник – «старобрядец»; христоробец – «человек, отличавшийся праведным поведением, жертвовавший на благие дела, церковные нужды»; грешница – «женск. к грешник»; раскольница – «женск. к раскольник».

Национальность мужчин называют 13 слов: арап – «чернокожий африканец, негр», кроат – «хорват», лях – «поляк», немец – «иностранец, не говоривший порусски, вообще иностранец», росс – «русский, россиянин», чухонец – «до 1917 г.: финн, эстонец» и др. Два слова называют национальности женщин: арапка – «женск. к арап», чухонка – «женск. к чухонец».

Тематическая группа «гендерно-возрастная характеристика» содержит почти равное количество слов мужского и женского рода. Она включает пять слов мужского рода: муж – «мужчина в зрелом возрасте, с чувством достоинства, умный, умевший постоять за себя»; недоросль – «молодой человек, не достигший совершеннолетия и не поступивший еще на государственную или военную службу»; отрок – «мальчик-подросток» и т.д. К этой группе относятся четыре слова женского рода: дева – «девушка», отроковица – «девочка-подросток», цурка – «из польского языка: молодая девушка» и т.д.

В тематическую группу «внешность» вошли четыре слова мужского рода: денди – «из англ. языка: изысканно и модно одетый светский человек; щёголь, фронт», шантрет – «искаж. из франц. языка: шатен» и т.д., а также одно слово женского рода пава – «женщина с плавной походкой и горделивой осанкой».

В группе «территориальная характеристика» представлены слова, называющие людей по месту их проживания. Здесь выявлено пять слов мужского рода: гайдамак – «в XVII–XVIII вв. на Украине: казак, удалой запорожец, участник крестьянского движения против польских помещиков»; ингерманландцы – «старинное название народностей, занимавших во времена Петра I берега Невы и Финского залива»; малоросс – «украинец» и др. К этой группе относится также одно слово женского рода охтинка, т. е. «жительница предместья Петербурга – Охты, или Охтенской слободы».

Прочие тематические группы у слов двух родов не совпадают. Только к мужскому роду относятся группы:

- «физическая характеристика», шесть слов: витязь – «храбрый, доблестный воин; богатырь», зюзя – «сильно пьяный человек» и т.д.;
- «интеллектуальные свойства человека, отношение к образованию», девять слов: книгочей – «любитель чтения, книжник», неук – «невежда, неуч» и т.д.;
- «политические взгляды, убеждения», всего 15 слов: бонапартист – «сторонник действий Наполеона Бонапарта», вольтерьянец – «последователь учения французского философа-просветителя Вольтера, с именем которого в России связано распространение духа свободомыслия, иронического ниспровержения авторитетов; свободомыслящий человек, вольнодумец» и т.д.;
- «хобби, спорт, игры, свободное время», пять слов: банкомёт – «игрок, который держит банк и ведёт игру», соглядатай – «тот, кто наблюдал, созерцал что-либо» и т.д.

Только к женскому роду относятся слова тематической группы «название жены по профессии, роду занятий мужа», т.е. городничиха – «жена городничего – в России с 1775 по 1862 гг. старшего должностного лица, управлявшего уездным городом», корнетша – «жена корнета. Корнет в кавалерии русской армии – первый офицерский чин, равный подпоручику пехоты; военный в этом чине», лекарша – «жена лекаря, врача», чиновница – «жена чиновника – человека, состоявшего на государственной службе, обычно в каком-либо чине» и т.д. Всего 15 слов, образованных от однокоренных слов мужского рода, называющих профессию (занятие) мужчины и имеющих значение «жена того, кто назван в производящей основе».

Итак, на основе анализа устаревших номинаций мужчин и женщин можно сделать вывод, что они отражают неравноправные гендерные отношения в России XVIII–XIX вв.<sup>2</sup> Тем не менее, при всех выявленных различиях, обусловленных историческим, социальным, экономическим, политическим, культурным уровнем развития страны, между мужчинами и женщинами нет непроходимой пропасти, и доказательство этому – большое количество одноименных тематических групп слов мужского и женского рода, регулярные словообразо-

<sup>2</sup> См. об этом также: И.В. Баданина. *Отражение гендерных различий в названиях мужчин и женщин (на материале Словаря устаревших слов русского языка Р.П. Рогожниковой, Т.С. Карской)*. [В:] X Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. Редкол. М.Ю. Мартынова и др. Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2013, с. 188.

вательные связи между словами двух родов. В дальнейшем эти тенденции сохранятся, более того, в различных тематических группах наряду с изменением, расширением лексического состава номинаций будет отмечаться тематическое расширение и количественный рост лексем женского рода<sup>3</sup>. Словообразование существительных женского рода от однокоренных существительных мужского рода с помощью «парных» суффиксов (-ник-/-ниц-, -чик-/-чиц-, -щик-/-щиц-, -ец-/-иц-) также будет развиваться<sup>4</sup>. Выявленные на материале лексики исследованного словаря сходства в лексической семантике, словообразовательные связи между существительными мужского и женского рода, называющими лиц, свидетельствуют о наличии отражающихся в языке объективных условий для дальнейшего сближения социальных функций мужчин и женщин.

## Источник

Рогожникова Р.П., Карская Т.С. *Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв.* Москва: Дрофа, 2005.

## Литература

Баданина И.В. *Отражение гендерных различий в названиях мужчин и женщин (на материале Словаря устаревших слов русского языка Р.П. Рогожниковой, Т.С. Карской).* [В:] *X Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г.* Редкол. М.Ю. Мартынова и др. Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2013, с. 188.

Баданина И.В. *Существительные, называющие лиц, в лексикографическом описании и в современных российских СМИ.* [В:] *Русское культурное пространство. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции Института русского языка и культуры МГУ.* Ред. С.Г. Грачева. Вып. 4. Т. 1. Москва: Перо, 2015, с. 145–150.

Баданина И.В. *Актуальные процессы в области словообразования русских существительных со значением лица.* [В:] *IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25–28 сентября 2009 г.): труды и материалы. В 2-х томах.* Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Т. 2. Казань: Издательство Казанского университета, 2009, с. 5–7.

---

<sup>3</sup> См. об этом, например, И.В. Баданина. *Существительные, называющие лиц, в лексикографическом описании и в современных российских СМИ.* [В:] *Русское культурное пространство. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции Института русского языка и культуры МГУ.* Ред. С.Г. Грачева. Вып. 4. Т. 1. Москва: Перо, 2015, с. 145–150.

<sup>4</sup> И.В. Баданина. *Актуальные процессы в области словообразования русских существительных со значением лица.* [В:] *IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25–28 сентября 2009 г.). Труды и материалы: в 2-х томах.* Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Т. 2. Казань: Издательство Казанского университета, 2009, с. 5–7.

## ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ АРТИСТОВ БАЛЕТА XXI ВЕКА

ВИКТОРИЯ В. НИКУЛЬЦЕВА

Московский государственный областной университет  
Факультет русской филологии  
Кафедра русского языка как иностранного и культуры речи  
ул. Фридриха Энгельса, д. 21-а, 105005 Москва, Россия  
e-mail: severjanin@list.ru  
(получено 10.06.2016; принято 30.09.2016)

### **Abstract**

#### **On peculiarities of the language used by professional ballet dancers in 21st century**

The language of the contemporary professional ballet dancers significantly differs from the language used by the Soviet ballet artists. The author notices such changes as syncopation of the terms of the French origin, reduction of terminological combinations, disharmonious abbreviation, etc. Ballet artists' language in 21st century is also characterized by the active processes of jargonization and vulgarization.

### **Key words**

Ballet, 21st century, lexicon, jargon, professionalisms, means of derivation, abbreviation, metaphorization, idiomatization.

### **Резюме**

Современная речь профессиональных артистов балета значительно отличается от речи советских артистов балета. В ней наблюдаются такие изменения, как усечение терминов французского происхождения, сокращение терминологиче-



ских сочетаний, неблагозвучная аббревиация и мн. др., а также активно идёт процесс жаргонизации и обсценизации.

### Ключевые слова

Балет, XXI век, лексикон, профессиональная речь, профессионализмы, жаргонизмы, способы деривации, аббревиация, метафоризация, фразеологизация.

В XXI веке речь профессиональных артистов балета становится всё более недоступной для понимания «непосвящённых» – как членов их семей, так и любителей балета.

Я, как муж профессиональной балерины, далеко не избалован объяснением профессиональных терминов, которые используют артисты балета. В профессиональные разговоры стараюсь не вмешиваться, многие слова, звучащие при таком общении в моём присутствии, постепенно для меня становятся понятными. Пальцы, пачка, ушки, фуэте и многое другое уже воспринимаются как понятные и очевидные категории. Но есть часть фраз, понимание которых возможно лишь профессионалам или тем, кто пытается их понять, но с точки зрения артиста балета. Поверьте, многие слова из профессиональной речи балетных будут непросты к восприятию неискушенного человека. Некоторые из них поразят своей вульгарностью и алогизмом. Но уверяю Вас, ни того, ни другого в них нет [...],

– таково мнение Александра Аникина<sup>1</sup>.

Однако исследователю профессиональной речи российских танцовщиков невозможно полностью согласиться с подобным мнением.

В основу настоящей статьи положены результаты социологического опроса, который в активной и интерактивной формах проводился среди русскоязычных профессиональных артистов балета, выступающих как на российских, так и на зарубежных сценах. Помимо данных, полученных от артистов балета (не только продолжающих свою карьеру, но и уже завершивших её), интересный материал для исследования был предоставлен педагогами-репетиторами, хореографами, дирижёрами и искусствоведами. Было опрошено более 200 человек, профессионально связанных с искусством балета.

Приходится констатировать, что в современной профессиональной речи артистов балета наблюдаются такие изменения, как усечение терминов французского происхождения, сокращение терминологических сочетаний, неблагозвучная аббревиация, просторечная фразеологизация, неоправданная энантисемия и мн. др. Термины и собственно профессионализмы стали активно замещаться профессиональными жаргонизмами.

Профессиональную лексику современных артистов балета можно распределить по нескольким тематическим группам: обозначения частей сцены, на-

---

<sup>1</sup> А. Аникин. *Профессиональный жаргон и сленг. О чем говорят балетные?* [Online:] <<http://msalexandr17.livejournal.com/777583.html>> (20.09.15).

правления движения на сцене; названия спектаклей; наименования балетной одежды и обуви; обозначения частей балетного урока, видов репетиций, технической стороны подготовки к спектаклю (грим, причёска и проч.); наименования движений, прыжков и поддержек; название частей тела и их положения; номинации, характеризующие уровень профессионализма артистов; обозначения степени нетрудоспособности и т.д.

Рассмотрим профессионализмы, служащие для обозначения частей сцены и направления движения на ней (см. схему 1).



Схема 1. Вид сцены со стороны зрительного зала.

Собственная разработка – В.Н.

Зрительный зал отделён от сцены оркестровой ямой, в центре которой находится дирижёр. Справа и слева от сцены находятся осветительные приборы (рампа). Передняя часть сцены (перед ямой) называется авансценой. Иногда танец или мимансные группы перемещаются сюда. Из-за портала выезжают кулисы. Нижняя кулиса находится у рампы / портала, верхняя – у задника. Задник – декорации на заднем плане. Портал – край между бетоном и первой кулисой. Кулис может быть несколько: 1-я, 2-я, 3-я... Последняя (верхняя) кулиса самая дальняя. Кулисы заканчиваются карманами, т.е. частями сцены по бокам от неё, которые не видны зрителю. Там дожидаются выхода артисты, есть место для разогрева, находится помреж (помощник режиссёра). Вместо слов *назад* и *вперёд* используются слова *вверх* и *вниз*. Верх – у задника, низ – у дирижёра. *Спуститься* означает, что надо переместиться к оркестровой яме, а *подняться*, соответственно, – к заднику. Эти понятия связаны со словом *покат*. Покат – это наклон сцены. Чем старше здание театра, тем больше вероятность того, что у сцены есть покат. Например, на старой (основной) сцене Мариинского театра покат имеется, на новой (Мариинский-2) поката нет.

Наконец, существуют понятия *женская* и *мужская стороны сцены*. Если смотреть на сцену из зрительного зала, то справа мужская сторона, а слева женская. Артисты часто говорят: «Я после поклонов пошёл на женскую / мужскую сторону». В некоторых театрах, например в старом здании Марийского театра оперы и балета, все переодевания происходят соответственно названиям. В новых театрах, а также на новых сценах академических театров, такого явления уже не наблюдается.

Та часть театра, которая находится в поле зрения публики, разделена на сцену и зрительскую часть, куда входит зрительный зал (как правило, разделённый на такие зоны, как партер, бунуар, амфитеатр, бельэтаж, балкон / ярусы), атриум / фойе (их может быть несколько, если зрительный зал многоярусный, причём на отдельном этаже здания может располагаться музей театра), гардеробная, туалетные комнаты, буфет / кафе.

На сцене танцуют артисты (между собой они называют друг друга *балетные* вместо *артисты балета*, как значится в их документах об образовании). Собственно, все делятся на солистов и кордебалет, но иерархия включает, как правило, такие должности, как:

- прима-балерина (прима) / премьер;
- ведущий солист;
- первый солист;
- второй солист (не во всех труппах);
- солист;
- корифей (переходная стадия между солистом и артистом кордебалета, не во всех труппах);
- артист балета / кордебалета.

В профессиональной речи солистов часто называют *солюгами* / *солягами*, ведущего солиста – *жёстким солягой*, а артистов балета / кордебалета – *кордой*. Неуважительное отношение к кордебалету формируется уже в *школе* (первых классах балетного училища / академии). Так, педагоги, рассердившись на «ленивых» учеников, говорят: «Всю жизнь простоишь у воды / у креста», «Прносишь канделябры», «Просидишь под станком» и т.д. (то есть «не будешь востребованным, если плохо занимаешься на уроках»).

Не все артисты бывают заняты в спектакле, чаще его называют *спект*. Те, кто танцует в текущий день, имеют название *состав*. Если один и тот же спектакль идёт несколько дней (*блок*), то существуют 1-й, 2-й, 3-й и т.д. составы. Помимо основного состава, имеется и *запас*, т.е. те артисты, которые в случае необходимости (травмы, недомогания) могут заменить основной состав (*запасать, быть в запасе*).

Нередко в своей среде артисты называют спектакли не полностью, а в виде сокращений или заменяют их названия жаргонизмами: *Лебоз*, *Лебедоз*, *ЛО*, *Лебединое* — балет «Лебединое озеро»; *Дохлый кот*, *ДК* – балет «Дон-Кихот»; *Щелкун*, *Щелкан*, *Щелбан* – балет «Щелкунчик»; *Спяшка*, *Спящая* – балет «Спящая красавица»; *Дама* – балеты «Дама в камелиях» балетмейстера Д. Ноймайера, «Пиковая дама» балетмейстера Р. Пети; *Сон* – балет «Сон в летнюю ночь» балетмейстера Д. Баланчина; *Тщетка* – балет «Тщетная предосторожность» балет-

мейстера Ф. Аштона; *Заточка* – балет «Затачивая до остроты» балетмейстера Й. Эло; *Ручей* – балет «Светлый ручей» балетмейстера А. Ратманского; *Пурген* – хореографическая картина «Вальпургиева ночь» из оперы Ш. Гуно «Фауст» и т.д. Надо отметить, что в речи оперных артистов подобные сокращения наименования спектаклей также имеют место: *Борис* – опера «Борис Годунов»; *Трава* – опера «Травиата»; *Дама* – опера «Пиковая дама» П. Чайковского; *Онегин* – опера «Евгений Онегин» П. Чайковского, существует также балет «Онегин» балетмейстера Д. Кренко и мн. др. Вечер из трёх одноактных балетов часто называют *тройчаткой*, а разные спектакли, идущие подряд один за другим, – *обоймой*. Если в день даются утренний и вечерний спектакли, то такой режим работы называется «двойник», или *День Сурка*, если три спектакля – *тройник*.

Обувь балетных артистов тоже имеет свои различия и свои названия: классическое наименование женской обуви с *пяточком*, на который можно подняться во время танца, – это пуанты. В Санкт-Петербурге их называют *коски* / *каска* (с ударением на 2-ом слоге). Но в разговорной речи эти названия меняются на *туфли* и, что намного чаще можно услышать, *пальцы* (*стоять на пальцах, обшить пяточок у пальцев, пальцы старые / новые, чёрные / белые, взять с собой пальцы*). *Пяточком* называется жёсткая оконечность пуантов, а *пяткой* – их задняя часть (*пришить резинки к пяткам*). Если речь идёт о мягкой балетной обуви, применяемой как мужчинами, так и женщинами, то часто можно услышать такие названия, как *балетки, чешки, тапочки*. Последнее считается в балетном кругу жаргонным, и поэтому ещё в младших классах балетного училища педагог одёргивает учеников за такое «коверкание» слова. Жёсткие туфли для народно-характерного танца именуют *нархарками* или *характерками*. К пуантам прикрепляются, как правило, ленты, к остальным видам обуви – *тесёмки, перепонки, резиночки*. Обувь для разогрева (повышения температуры тела, что благотворно сказывается на мышцах) именуют *валенки, чуни, гетры – шерстянки*, одежду для разогрева – *разогревки*. Если артист хочет похудеть, то он использует специальную одежду (брюки или комбинезон из плащёвки), в которой постоянно потеет, и потому называет её *сауной*.

Профессиональная одежда, как видно, тоже имеет свои названия. Так, сценическая женская юбка может быть разных видов: классическая *пачка* – короткая, стоячая, многослойная, непрозрачная, круглая; *шопенка* – полупрозрачная, ровная, пышная, по щиколотку; *туника* – удлинённая, обвисающая, прозрачная, с ровными / неровными краями; *хитон* – длинная, обвисающая, прозрачная, ровная, с глубокими разрезами по бокам. Пачка и шопенка крепятся к лифу, остальные надеваются на купальник. Обязательно в классических балетах используется трико, т.е. колготки. Трико носят все артисты безотносительно к половой принадлежности. Если и используется слово «колготки» в балетной речи, то только в ироническом ключе. Купальник, надеваемый под костюм, – *патрон*. Трусы у мужчин, в виде банджа крепко стягивающие таз, – *бандит*. Некоторые роли требуют, чтобы на голове у мужчин и женщин была *паутинка*, т.е. сеточка для волос, которая сохраняет причёску в хорошем состоянии.

Убор из перьев, которым женщина украшает причёску, напр., Одиллия в «Лебедином озере», называют *ушки* (с ударением на первом слоге), что явля-

ется омонимом к слову *ушки* (вид причёски). Слово *причёсываться* таит в себе многочасовую работу перед зеркалом. Женская причёска может называться по-разному; напр., гладко зачёсанные за уши и соединённые сзади волосы – *пучок*, *шишка*, *кичка*, *култышка*, а выложенные на уши и соединённые сзади волосы, как в «Жизели» у вилис, – *выкладка*, или *ушки*.

Мужчины и женщины перед спектаклем наносят на лицо грим или *марафет* (гримируются, *мажутся*, *красятся*, *красят глаза*). Грим бывает простой и сложный. Последний наносится профессиональным гримёром. Если грим должен быть очень лёгкий, для придания свежести лицу, то он называется *весна*. Простым гримом также считаются *стрелочки*. Артисты мужского пола чаще, чем женщины, употребляют выражения *нарисовать две палочки*, *нарисовать глаза*, *навести марафет*, *пойти на грим*.

Каждый день артисты балета должны идти на *класс*, т.е. балетный урок в классе (репетиционном зале, *репзале*). В большинстве случаев он представляет собой урок *классики*, т.е. классического танца. Перед уроком и перед выходом на сцену артисты должны *разогреться*, *размяться*, т.е. приготовить своё тело к выполнению различных упражнений или к танцу. В классе есть *палка* (балетный станок) и *середина*. *Стать у палки* значит выполнять упражнения у станка; *стать на середину* – в центре репетиционного зала. Существует выражение *стать на среднюю палку*. Чем заслуженнее и опытнее балерина / солист балета, тем больше у них прав расположиться ближе к центру станка.

Поскольку работа в классе – ежедневный и рутинный, хотя и необходимый труд, то некоторые артисты балета вместо *сходить на класс* говорят *точить носок*, *точиться*, *сходить повозить ногой*, *кинуть палочку*.

В репетиционном зале не только *точат носки*, но и репетируют спектакли. Обычную репетицию часто называют *репой*, генеральную – *генералкой*, *генрепой* или *прогоном*. Репетицию, проходящую непосредственно перед спектаклем, на которой проверяют, все ли артисты на месте, и *в полноги* (по ходу, быстро) оговаривают ошибки, называют *разводной*, *разводкой*. Если необходимо вспомнить порядок исполнения партии под музыку, то говорят *пробежаться по порядку*, вспомнить *географию*; если артист должен повторить свою вариацию сначала, то – *начать от печки* (первоначально от угла балетного зала).

Подготовка к спектаклю – важная сторона постановочной деятельности. Помощником режиссёра, *помрежем*, определяется основной и запасной составы. Лист бумаги, где приведены текущие составы, называют *монтировкой*. Существуют также понятия *выписка* и *афиша*. Выписка – это схема с фамилиями артистов кордебалета для всех танцев на определённый спектакль, а афиша – сольный выход («У тебя сегодня есть афиша?», «В ЛО у меня афиша»). Количество выходов на сцену в течение одного спектакля у артистов кордебалета называется *палками*. От этого зависит размер оплаты за спектакль (*палочная система* оплаты труда). Например, за выход в «Розовом вальсе» «Щелкунчика» платят 5 палок, станцевать лебедей в «Лебедином озере» стоит 10, а *посидеть* в придворных – 4. *Палки* переводятся в рубли. Перед каждым спектаклем артисты ставят свою подпись на листе присутствия. Эта процедура называется *расписаться*.

Монтировщиков, или работников сцены, устанавливающих реквизит, декорации, натягивающих напольное покрытие и т.д., артисты балета называют «монты», «монтеки», «монтиры», «ХПЧ-шники»; художника по свету, осветителя – «световик»; софиты, слепящие глаза артистам, – «лампочки» или, если очень яркие, «дурацкий свет».

Как все люди, артисты балета любят пошутить. Широкое распространение получила следующая шутка: если у обычного человека две ноги, то у балетных их больше сорока, т.е. *правая, левая, передняя, задняя, внутренняя, внешняя, эта, не эта, другая, удобная, неудобная, опорная, толчковая, приставленная, отставленная, прямая, согнутая, свободная, запасная, ещё одна левая, другая правая, та, не та, лишняя, верхняя, нижняя, поднятая, задранная, спущенная, оттянутая, наружная, принимающая, правая передняя, правая задняя, левая передняя, левая задняя, больная, логичная, нелогичная, та, которая на ноге дамы, следующая* и т.д.

Существует такое понятие, как *зелёный, зелёнка, зеленить* – о последнем спектакле в блоке (напр., в последний день гастролей или 31 декабря), где можно повеселиться так, что это будет незаметно для зрителей, но весело для артистов, скажем, изменить детали костюма, реквизит и проч.

В балетных спектаклях бывают сцены охоты, напр., в «Жизели», «Баядерке» и др. Когда проходит репетиция всего балета по эпизодам, режиссёр зовёт кордебалет или миманс: «На сцену охота!». В ответ обычно слышит: «Неохота...».

Имеют хождение и такие фразы:

- «Грим для уродов, класс для бездарных»;
- «Не костюм, а чехол на танк»;
- «Разомнём бочка-окорочка – то, что набрано за лето непосильным трудом»;
- «Поймать звёздочки» – испытать головокружение, слабость;
- «Директор кладбища» – партия Мирты в «Жизели»;
- «Фея Тыкалка» – 5 вариация «Violente» в прологе «Спящей красавицы»;
- «Марафон» – дуэт Золушки и принца Фортюне из 3-го акта «Спящей красавицы»;
- «Пор-де-бра – мордой в бра» (от фр. *port de bras* – «нести руки»)<sup>2</sup>;
- «Принял уже сауну?» (смеются над тем, кто сильно вспотел);
- «Тур, тур – полтора, два тура – три рубля» – кода па-де-де в 3 акте «Спящей красавицы»;
- «Что за колдабуре ты здесь делаешь?..» (от *колобродить* и *pas de bourré*) – неправильное исполнение движения;
- «Я все деньги собрал» – так говорят, если артист смотрел вниз на больших прыжках, что является методической ошибкой;
- «Пришли ли гномики?» – так у начинающих артистов в шутку спрашивают, волнуется ли они перед спектаклем.

Помимо каламбуров, в профессиональной речи *балетных* можно встретить:

<sup>2</sup> Подробнее о французской терминологии в балете см.: *Словарь балетных терминов*. [Online:] <<http://art-diaghilev.com/slovar-baletnyh-terminov/>> (19.06.16).

- а) случаи расширения лексического значения, напр., рутинно заниматься в балетном классе, ежедневно отрабатывать различные элементы – *делать успехи* (неодобр.); опытный, давно танцующий в труппе, но не достигший пенсионного возраста (38 лет), артист – *ветеран, старик* (уважит.);
- б) энантиосемию, напр., хорошо, ровно станцевать в кордебалете – *не выделяться* (одобр.);
- в) иронию, антифразис, напр., артист кордебалета – *солист*; артист, долго работающий в труппе, уставший, вымотавшийся, – *дедушка / бабушка русского балета* (неуважит.), *народный артист* (ирон., шутл.); артист, работающий в труппе и по достижении пенсионного возраста, – *мамонт*.

Части тела в шутку могут называться *хвостом, фунечкой* (о ягодицах, последнее слово приписывается С. Головкиной); *карданом, обедом* (о животе, напр., *подбери обед, подтяни кардан*); *сосисками, макаронами* (о руках), *костылями* (о ногах) и т.д.

Положения тела, конечностей, головы могут иметь как французские терминологические названия (*арабеск – arabesque, плие – plié, экарте – ecarté*), так и, если подобные положения неправильные или неэстетичные, шутливые компаративные обозначения (руки как *снегоуборочные машины, как крылья птеродактиля*).

Неофициальные названия движений метафоричны, экспрессивны и, как правило, не имеют терминологических параллелей: *селёдки (temps glissés)* – небольшие прыжки-продвижения вперёд на опорной ноге, когда корпус тела находится в арабеске; *блинчики (tour de force)* – прыжки с вращениями вокруг собственного тела, туры в воздухе с продвижением; *промокашка* – вид партерного движения, выполняемого всем телом, когда, начиная с рук, артист опускается на грудную клетку и так далее, *промакивая пол телом*; *обводка (promenade)* – обход вокруг партнёрши, когда партнёр держит её за руку, за талию или за ногу; *улитка* – рисунок в танце, который образуется в процессе бега танцовщиц/-ков, начиная с большого круга и с каждым разом сужая его; *свинка* – рисунок в танце, представляющий собой треугольник на сцене, и т.д.

Прыжки и прыжковые элементы имеют французские терминологические названия<sup>3</sup>, а также те, что можно классифицировать как собственно профессионализмы: *американка* – прыжок, когда передняя нога бросается, как на жете, а потом в воздухе сильно бьет по другой ноге, отчего ноги разлетаются в разные стороны в шпагат; *японка* – прыжок, который заключается в том, что мужчина отталкивается одной ногой от земли, другой машет и наверху в высшей точке разносит ноги в шпагат, затем совершает приземление на ту, которой делал мах; *Пётр Иванович (jété entrelacé en dedans)* – обратное перекидное; *перекидной (jété entrelacé)* – большой прыжок со сменой ног; *Емельяныч / Иван Емельянович* (см. ниже); *козлы* – комбинация прыжков с раскрытием ног по кругу, с предшествующим каждому прыжку поворотом, при этом одна нога выпрямлена, а другая

<sup>3</sup> *Терминология в балете*. [Online:] <[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F\\_%D0%B2\\_%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5)> (10.06.16).

согнута в конечной позе; *козёл* (*jété entournant* в *attitude*) – выполненное подряд по кругу жете (иногда по диагонали), со слегка лежащим корпусом; *коза* – маленькие прыжки вперёд в беге по кругу с приставленными ко лбу в виде рогов руками, напр., у Китайской куклы в «Щелкунчике»; *револьтад* (*revoltade*) – прыжок, в ходе которого исполнитель в воздухе перебрасывает одну ногу через другую; *со де баск* (*saut de basque*) – прыжок-поворот в воздухе; *гран батман* (*grand battement*) – мах ногой вперёд-вверх на 180 градусов; *дубли*, *дубляшки* – серия туров (вращений с продвижением по кругу), чаще больше двух; *come* (*sauté*) – маленькие прыжки; *бочка* – прыжок с перевёртыванием в воздухе на 360 градусов при поднятых на 90 градусов в стороны руках; *ножницы* – прыжок-разножка с частой меной ног в воздухе; *пистолет* – прыжок вперёд на 90 градусов, когда обе ноги, прямые, должны достать до вытянутых вперёд рук и т.д.

У многих из этих наименований есть своя история. Например, Наум Азарин-Мессерер поведал, как появилось название *Иван Емельянович*: «История столь экстравагантного названия такова. Иван Емельянович Сидоров (в прошлом танцор, ставший затем педагогом) в беседах с балетной молодежью любил немного прихвастнуть, рассказывая, какой сверхъестественный прыжок был у него в давние годы. Дескать, выполняет он *jété en avant* – прыжок вперед, вдруг его сзади окликают, он развёртывается в прыжке и прилетает обратно на то же место, откуда оттолкнулся. По этому поводу часто смеялись. Однажды Асаф Мессерер попросил товарищей позвать его в тот момент, когда он будет делать перекидное *jété*. В ответ на зов он, находясь спиной к присутствующим, повернулся в воздухе на 180 градусов и приземлился к ним лицом. В шутку новому движению дали название ‘Иван Емельянович’»<sup>4</sup>.

Названия поддержек также образованы на основе метафорического переноса. Кроме флажка (в положении *ecarté*), французских аналогов они не имеют: *рыбка*, *стульчик*, *свечка*, *гробик* / *покойничек*, *птичка* / *ласточка*, *флажок*.

*Гробиком* / *покойничком* называется поддержка в дуэтном танце, в ходе которой партнер поднимает балерину над головой в лежащем положении; *ласточкой* / *птичкой* – поддержка в дуэтном танце, в ходе которой партнер поднимает балерину за бедра в выгнутом в спине положении; *стульчиком* – поддержка, в ходе которой партнер поднимает балерину в сидячем положении на вытянутые руки над головой; *рыбкой* – поддержка на уровне груди, в ходе которой балерина принимает положение *арабеск* (*arabesque*), а партнер поддерживает ее одной рукой за бедра, другой – за вытянутую ногу. Поддержка *свечка* заключается в том, что партнер держит за бедра балерину, поднимает на вытянутые руки, корпус балерины стремится к полу, а ноги вверх. *Флажком* называют поддержку на одну руку, когда у партнёрши ноги почти в шпагате.

Уровень профессионализма танцовщика может быть различным. Если артист превзошёл себя, то говорят, что это *торкает*, если не справился с партией – *завалил*. Он может превосходно выполнить трюк, блеснуть техникой (*фишкануть*), подпрыгнув, задержаться в движении (*зависнуть*), и эту особую степень

<sup>4</sup> Балет. Танец. Запись на интернет-странице сообщества «ВКонтакте». [Online:] <[https://vk.com/wall-35519113\\_3847](https://vk.com/wall-35519113_3847)> (19.06.2016).



вдохновения назовут словами *муза посетила, вышел из себя, пошло*. В таких случаях говорят, что артист *нашет*, то есть работает над собой без устали. Об артисте, постоянно изматывающем себя репетициями, но не демонстрирующем высоких результатов, говорят *грызёт кулисы*. Если же плохо исполнены движения либо танцовщик чуть было не упал, про него можно услышать: «Кустанул», «Поймал кусты». Хорошо исполнил пируэт – *вертуха*; не справился с пируэтом – *плохая вертуха*; некрасиво владеет телом – *корч, корж*; медленно танцует – *как эстонцы*; перестал прыгать, тяжело танцует – *возит ногами, по полу размазался*; теряет равновесие, перемещает центр тяжести – *ушёл с ноги, не на ноге*; не собрался, не закрепил всё внутри – *развалился как пельмень*; не успевает за дирижёром – *глухой/-ая*; принял горизонтальное положение стопы – *сошёл / сошла с пальцев*; принял положение, обратное *птичке* (вытянутой стопе с лёгким изгибом, выгибу стопы) – *косит стопу*; не владеет верхней частью туловища – *пришитая голова, зажата шея*; приведение стопы к первому пальцу (артист неправильно его дотягивает) – *косит подъём*; неправильное исполнение прогиба в III, V и VI пор-де-бра (*port de bras*), когда танцовщик не контролирует мышцы пресса живота, которые должны быть активизированы, – *гнётся животом*; неправильное положение стоп, показывающее, что исполнитель не использует мышцы голени для стабилизации стопы, – *стоять на завалах*; неправильное положение опорной ноги, когда исполнитель не использует в движении ягодичные мышцы, что провоцирует невыворотное исполнение, – *осесть на бедре* и мн. др. Многие из обозначенных ошибочных положений частей тела являются следствием игнорирования методических указаний.

Артист балета может стать нетрудоспособным, напр., получив травму (*сломаться*), сильно похудев (*усохнуть*); у него может *вылететь колено* (сустав выйдет из коленной чашечки), его нога может *киксануть*, т.е. непроизвольно дёрнуться, что может привести к травме. У женщины временная потеря трудоспособности может произойти вследствие менструации, и тогда она может взять *трёшку*, т.е. трёхдневный отпуск. Дирижёр при быстром темпе может *загнать* артиста, или *посадить на ноги*, а у артиста при этом *сядут ноги*. Он может *наврать порядок* (перепутать последовательность движений), *сдохнуть*, стать *дохлым, кишки / лёгкие выплюнуть* (сильно устать), *завалить* пируэт или вариацию. Мужчина может также *завалить* партнёршу, т.е. не уронить её, а продемонстрировать её недостатки, недокрутить и т.д.

Вариацию можно дотанцовывать *на рогах*, а докручивать фуэте – *на зубах*, если это очень тяжело для артиста.

Многие артисты балета мечтают о том, чтобы по достижении 38 лет закончить танцевальную карьеру и выйти на пенсию. Об этом говорят *склеить ласты, повесить бандаж на гвоздь*.

Про опытных артистов часто можно услышать: «Мамонт», «Старожил», «Ветеран». Они составляют *костяк* труппы. Молодых, неопытных обычно называют *птенцы, зелёные, молодёжь, молодняк, новобранцы*.

Педагога в труппе часто величают *сэнсэем, мастером, учителем*, а иногда просто называют *репетитором, тренером*. Худрука (художественного руководителя балетной труппы), в зависимости от степени уважения к нему, – *шефом*,

*боссом, папой*. У некоторых есть клички, напр., Б. Эйфмана прозвали *Бородой*, а Ю. Григоровича – *Григом*.

К гастролям у артистов тоже разное отношение. Если они слишком часты, то это *поездка*. Если для труппы это радость и удовольствие, то *путешествие*. А вот слово *халтура* применяется в двух значениях: 1) гастроль артиста с другой труппой или выступление на корпоративах с целью зарабатывания денег, т.е. подработка; 2) выезд со своей труппой в такое место, где балетные спектакли являются редкостью, для дополнительного заработка театру.

Существуют некоторые территориальные различия в употреблении балетной лексики, но они неявны и не имеют принципиального значения, т.к. многие выпускники Академии русского балета (АРБ) им. А.Я. Вагановой поступают в московские труппы и, наоборот, выпускники Московской государственной академии хореографии (МГАХ) танцуют на петербургских сценах; ср., к примеру, *пучок, пуанты, диагональ* (Москва) и *кичка, каски / коски, косая* (Санкт-Петербург).

Таким образом, современная речь артистов балета значительно отличается от речи советских артистов балета. В балетном лексиконе появляется всё больше жаргонизмов, арготизмов, присутствует и нецензурная лексика. Данные социологического опроса, проведённого нами среди профессиональных артистов балета, служащих в труппах Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Новосибирска, Казани, Перми и др. городов, а также русскоязычных артистов балета, уехавших на работу за границу, свидетельствуют о том, что в XXI веке налицо такие тенденции, как:

- общая жаргонизация лексики, напр., батман фразе (*battement frappe*) – *франешка*; батман тандю (*battement tendu*) – *тандюшка*; вариация (*variation*) – *вариачка*; кордебалет – *корда, гарнир*; жете (*jeté*) – *жетешка, жетешечка*; балеты «Спящая красавица» – *Спящка*; «Баядерка» – *Байда*; выполнить трюк – *физикануть*; выполнять батман тандю (*battement tendu*) – *тандюкать*; умение делать пируэт – *вертуха*; гастроль на стороне – *халтуры*;
- упрощение (усечение) французских терминов, напр., батман фразе (*battement frappe*) – *франне*; батман тандю (*battement tendu*) – *тандю*; па-де-трюа (*pas de trois*) – *трюа*; па-де-кватр (*pas de quatre*) – *кватр*; деми плие (*demi plié*) – *плие*;
- сокращение терминологических сочетаний, напр., репетиционный зал – *зал*; стоять в запасе, быть запасным – *запас, запасать*; занятия в балетном классе у станка – *станок*; занятия в балетном классе в центре зала, т.е. на середине, – *середина*; сокращение названий спектаклей «Утраченные иллюзии» – *Иллюзии*;
- переосмысление общепринятых названий в результате метафоризации, напр., старый, редко идущий спектакль с вышедшими из моды хореографическими и иными элементами – *нафталин*; движение, выполняемое кордебалетом, когда во 2 акте «Лебединого озера» выходит Одетта, т.е. перестроение лебедей во второй картине первого акта, в процессе которого внешний ряд двигается внутрь рисунка, создавая внутренний коридор с эффектом выворачивания чулка, – *чулок*; акт, где танцует Одетта, – *белый акт*; акт, в котором

- танцует Одиллия, – *чёрный акт*; одинаковые спектакли, идущие подряд, – *блок*; разные спектакли, идущие подряд, – *обойма*; виды поддержек – *свечка, гробик / покойничек, стульчик, флажок, рыбка, птичка*;
- фразеологизация профессиональных сочетаний, напр., *быть, стоять, танцевать в кордебалете – стоять у воды / за крестом, носить / держать канделябр*; держать линию, следить за первым – *кинуть косога*; исполнять движение, требующее раскрытия ног в шпагат, при чересчур сильной растяжке, – *рвать меха, гинекологический разрыв*; стабильно выполнить большое количество пируэтов – *поймать стояк, цепануть пируэт*; заниматься в балетном классе – *точить носок, кинуть палочку* (ирон.), *сходить повозить ногой* (пренебр.); о заслуженной, опытной балерине или заслуженном, опытном танцовщике: стать для занятий в балетном классе посредине станка – *стать на среднюю палку*; подтянуть живот – *подобрать обед, подтянуть кардан*; положение тела, когда артист балета подаёт корпус вперёд, слегка нависая над полом, – *сосочки на носочки* (выражение приписывают С. Головкиной), *соски на носки / сосок в носок* (выражение приписывают А. Бондаренко); о дирижёре: начать музыку в момент прыжка, напр., в начале 2 коды «Лебединого озера» у танцовщика, исполняющего партию принца Зигфрида, – *ловить прыжок*; о сольной партии: неожиданно достаться артисту кордебалета – *капнула партия*; слетела балетная туфля – *упала пятка*; сохранять баланс при выполнении балетных па, в частности вращений, – *стать на точку / на ногу*;
- возрастающая роль аббревиации как способа образования профессиональных жаргонизмов и собственно профессионализмов:
- слоговая аббревиация, напр., *гримировочный цех – гримцех*; «Розовый вальс» (в балете «Щелкунчик») – *розвальс*; «Лебединое озеро» – *Лебоз, Лебедоз*;
  - звуковая аббревиация, напр., «Лебединое озеро» – *ЛО*;
  - инициальная аббревиация, напр., «Дон-Кихот» – *ДК*; «Спящая красавица» – *СК*;
  - смешанная аббревиация, напр., «Ромео и Джульетта» – *РиДж*;
  - усечение производящей основы, напр., спектакль – *спект*; монтировщик – *монт, монтир*; «Щелкунчик» – *Щелкун*.

Необходимо также отметить, что в устной речи активно идёт процесс обсецизации, а в письменной наблюдается такое явление, как отказ от дефиса при написании слов *Дон-Кихот* (название балета на музыку Л. Минкуса); *па-де-де (pas de deux)*, т.е. танец вдвоём, дуэт, состоящий из антре (*entree*, вступления), адажио (*adagio*, где танцовщики танцуют медленно, спокойно друг с другом), соло 1 или вариации танцовщика (*variation 1*), соло 2 или вариация танцовщицы (*variation 2*) и коды (*coda*), энергичного танца с использованием разных сложных для исполнения хореографических элементов, для того чтобы впечатлить, а иногда и повеселить публику, обычно проходит под быструю, виртуозную музыку); *па-де-труппа* или танец втроём; *па-де-кватр* или танец вчетвером и др.

Всё это приводит к снижению уровня речевой культуры артистов балета и поклонников этого вида искусства (*фанатов, балетоманов, чёрной сотни*).

Вот как объясняет создавшееся положение артистка балета одной из московских трупп: «Всё дело в том, что из-за специфики нашей профессии в хореографических училищах уделяется очень мало времени развитию речи. Рабочие часы распределяются в пользу физического труда и, как следствие, в массе своей артисты имеют очень небольшой словарный запас. Увы, должна констатировать, что все досадные моменты (хотя, впрочем, иногда и радостные) выражаются не профессиональным сленгом, а нецензурной бранью. Бывает так не со всеми, но большинство делает именно так. Остальные же понятия (во всяком случае, в нашем коллективе) так и выражаются – не ёмким определением, а его описанием»<sup>5</sup>.

Если раньше, соответствуя возвышенному образу *сильфов* и *сильфид*, следили за своей манерой поведения и общения, одеждой, походкой и тем самым формировали уважительное отношение к артисту как таковому и искусству балета в целом, то сегодня, к сожалению, этому не уделяется достаточного внимания, как со стороны самих артистов, так и со стороны их педагогов. Искусство для «избранных», в которые попадают не столько способные дети из широких народных масс, сколько дети известных политиков, бизнесменов, актёров, постепенно превращается в очередной продукт шоу-бизнеса, что не может не отразиться на речевой культуре представителей этой «элиты» общества.

## Благодарность

Автор статьи благодарит за помощь в сборе материала Дениса Медведева, Андрея Болотина, Диану Косыреву, Артемия Белякова, Дмитрия Дорохова, Анастасию Горячеву, Анастасию Меськову, Дарью Хохлову, Ану Туразашвили, Ангелину Карпову, Викторию Литвинову, Владимира Суворова, Нину Бирюкову, Марфу Сидоренко, Сергея Кузьмина, Илью Артамонова, Михаила Крючкова, Нино Асатиани (Большой театр, Москва), Эрику Микиртичеву, Ксению Рыжкову, Оксану Кардаш, Инну Бикбулатову, Евгения Поклитаря, Наталию Конкину, Алексея Попова, Кристину Головачёву, Евгения Жукова, Ольгу Сизых (МАМТ им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, Москва), Александра Сергеева, Елену Евсееву, Викторию Брилёву, Викторию Краснокутскую, Ольгу Белик, Виталия Амелишко (Мариинский театр, Санкт-Петербург), Ивана Зайцева, Михаила Венщикова, Валерию Запасникову, Ольгу Семёнову (Яхнюк), Андрея Немича (Михайловский театр, Санкт-Петербург), Олега Габышева, Кирилла Ефремова (Государственный театр балета Б. Эйфмана, Санкт-Петербург), Веронику Варновскую, Ксению Хабинец, Валерию Побединскую, Егора Мотузова, Сергея Васюченко, Зинаиду Панишеву (Государственный театр «Кремлёвский балет», Москва), Анастасию Кадильникову, Олега Сальцева (РГМТ, Ростов-на-Дону), Дмитрия Прусакова (Балет «Москва»), Олега Ивенко (КГТОБ, Казань), Ивана Кузнецова (НГАТОиБ, Новосибирск), Сергея Доренского, Георгия Гераскина (Москва), Антона Мальцева (Россия – Франция), Анастасию Фё-

<sup>5</sup> Из частной переписки в социальной сети 'VK' («ВКонтакте»). [Online] (5.10.2015).

дорову, Марию-Терезу Бек (Россия – США), Артемия Пыжова (Россия – Словакия), Юлию Тикку (Россия – Венгрия), Алексея Торгунакова (Россия – Польша).

Особую благодарность выражаем педагогам-репетиторам Альберту Галичанину (Санкт-Петербург), Жанне Богородицкой, Леониду Лавровскому-Гарсиа (Москва), заведующей балетной группой Майе Янсон (Санкт-Петербург), балетоведу Нине Аловерт (США) и дирижёру Большого театра Алексею Богораду (Москва).

## Литература

Аникин А. *Профессиональный жаргон и сленг. О чем говорят балетные?* [Online:] <<http://msalexandr17.livejournal.com/777583.html>> (20.09.2015).

## Электронные источники

*Балет. Танец.* Запись на интернет-странице сообщества «ВКонтакте». [Online:] <[https://vk.com/wall-35519113\\_3847](https://vk.com/wall-35519113_3847)> (19.06.2016).

Материалы из частной переписки в социальной сети 'VK' («ВКонтакте»). [Online:] (5.10.2015).  
*Словарь балетных терминов.* [Online:] <<http://art-diaghilev.com/slovar-baletnyh-terminov/>> (19.06.2016).

*Терминология в балете.* Материалы Википедии – свободной энциклопедии. [Online:] <[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F\\_%D0%B2\\_%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%B1%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5)> (10.06.2016).

ИНФОРМАЦИОННО-ФАСЦИНАТИВНАЯ  
ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ  
КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕГОВОРОВ  
Ю.А. ГАГАРИНА С ЗЕМЛЕЙ)

ЕЛЕНА В. ОМЕЛЬЧЕНКО

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (ЧГПУ)  
Кафедра русского языка и методики обучения русскому языку  
пр. Ленина, 69, 454080, г. Челябинск, Россия  
e-mail: el.vital@mail.ru

ЕЛИЗАВЕТА А. ОСОКИНА

Научно-популярный журнал Метеор-Сити  
ул. Курчатова, 19, оф. 239, г. Челябинск, Россия  
e-mail: elosokina@bk.ru  
(получено 10.06.2016; принято 11.10.2016)

**Abstract**

**Informational and fascinate transformation in professional communication (on the example of conversations of Yuri Gagarin with the Earth)**

The article deals with the phenomenon of professional communication on the example of the analysis of the verbatim report of the first soviet cosmonaut Yuri Gagarin and the constructor of the spaceship Sergei Korolev. Professional aviation discourse has some peculiarities such as standardization and impersonality. Analysis of informational and fascinate constituent parts of the conversation allows the authors to reveal changes in professional discourse depending on objective and subjective reasons, in particular, on the development of empathy and personality.

## Key words

Fascination, information, professional discourse, transformation.

## Резюме

В статье рассматривается профессиональная коммуникация на примере анализа стенограммы переговоров первого советского космонавта Юрия А. Гагарина с конструктором корабля Сергеем П. Королевым. Профессиональный авиационный дискурс имеет несколько особенностей, одна из которых – стандартизованность и обезличенность. Анализ информационной и фасцинативной составляющей позволил выявить изменения в исследуемом профессиональном дискурсе, зависящие от объективных и субъективных причин, а именно развитие эмпатичности и личности.

## Ключевые слова

Фасцинация, информация, профессиональный дискурс, трансформация.

В современной науке о языке приобретают значимость исследования в области когнитивной лингвистики, теорий речевого воздействия, коммуникации. Актуальным представляется сопряжение этих разделов языкознания с социо- и нейролингвистикой, лингвокультурологией, а также естественными и точными науками. Исследование информационного и фасцинативного (эмоционального, эмпатического, воздействующего) восприятия текста слушателем/читателем предоставляет возможность рассмотреть множество важных фактов, способствуя тем самым более углубленному изучению дискурса, идиостиля участников диалога, социокультурного пространства языка, а также выявлению примет времени и артефактов.

В настоящей статье изучается информационно-фасцинативный потенциал речи в профессиональной коммуникации научно-технического формата, а именно коммуникация участников радиообмена.

Исследование состоит из следующих этапов:

- определение соотношения информационной и фасцинативной составляющих в коммуникации, условий и способов их трансформации в речи;
- выявление языковых средств фасцинации;
- выявление черт языковой личности участников диалога, исходя из речевых характеристик в информационно-фасцинативном аспекте.

Определим важнейшие понятия нашего исследования.

Под информацией мы будем понимать сообщение, осведомляющее о положении дел или состоянии чего-либо.

Фасцинация – это коммуникативное явление, имеющее глубинную нейрофизиологическую, воздействующую природу. Как коммуникативный процесс,

фасцинация представляет собой воздействие с целью интенсификации восприятия и освоения информации слушателем<sup>1</sup>.

В рамках данного исследования важно сопоставить информацию и фасцинацию в коммуникативном процессе, т.к. особенностью профессионального дискурса является доминирование информации. Но в силу того, что исследуемый дискурс осуществляется в экстремальных условиях, фасцинация в некоторых эпизодах коммуникации становится приоритетной. Коммуникация, по Михаилу М. Бахтину, диалогична. Коммуникативное пространство формируется участниками диалога: реплика (текст, действие) адресанта вызывает резонанс, отклик в поведении адресата. Вячеслав Б. Кашкин подчеркивает, что в рамках коммуникативного процесса следует говорить и о воздействии, и о «речевом взаимодействии» (взаимонаправленность и повторяемость)<sup>2</sup>. В этом смысле глобальная цель коммуникации – не просто передача информации, установление коммуникативного баланса, а реакция адресата (слушателя) представляющая собой информационно-фасцинативный отклик<sup>3</sup>.

Код представлен в отклике, реплике как ответной реакции на коммуникацию и воспринятую информацию. На определенном (начальном) этапе коммуникации происходит обработка и передача информации от одного человека к другому. Информация в ходе автокоммуникации (общения в формате «я-я») облекается в новую форму, становится не просто «близкой», понятной адресату, а являет собой внутренний стимул к осмыслению и наращиванию знаний. Сообщение проходит фильтры доверия/недоверия со стороны адресата (минуя коммуникативные барьеры), перекодируется, усваивается и удваивается – проходит «шлюз внутреннего повторения»<sup>4</sup>; процесс эффективной межличностной коммуникации поэтапен и представляет собой диалектическую спираль развития познания<sup>5</sup>.

Воздействующая коммуникация включает в себя убеждение и внушение, имея информационную и эмоциональную природу. Именно поэтому в процессе коммуникации определяется информационная и фасцинативная составляющие. Информационный поток связан с когнитивным (познавательным) компонентом сознания, фасцинативный – с эмотивным компонентом в силу того, что фасцинация обуславливает повышенный интерес, внимание, эмпатическое восприятие. Информация, преодолевая барьеры коммуникации, проходя фильтры, «наращиваясь» в «шлюзах» в процессе автокоммуникации приобретает семантическую значимость. Чтобы информационная составляющая была более

<sup>1</sup> Е.В. Омельченко. *Фасцинативная коммуникативная стратегия в различных типах дискурса*. Челябинск: Издательство ЧГПУ, 2013.

<sup>2</sup> В.Б. Кашкин *Введение в теорию коммуникации*. Воронеж, 2003 [Online:] <<http://kachkine.narod.ru/CommTheory/2/WebComm2.htm>> (3.07.2012).

<sup>3</sup> Е.В. Омельченко. *Фасцинативная коммуникативная стратегия...*

<sup>4</sup> Б.Ф. Поршнев. *Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества)*. [Online:] <<http://psyfactor.org/lib/porshnev.htm>> (20.10.2016).

<sup>5</sup> Е.В. Омельченко. *Фасцинативная коммуникативная стратегия...*



эффективной, необходимо стратегически и тактически усилить ее потоком фасцинативной составляющей в коммуникации, т.е. использовать, внедрять фасцинативные средства и приемы (ритмизация, повторяемость, метафоризация, экзимплификация и др.)<sup>6</sup>. Это, с одной стороны, позволяет находиться в рамках кодированного сообщения, в котором и заключена информация, управлять, контролировать, регулировать процесс передачи информации, преодолевая коммуникативные барьеры. В этом заключается одно из свойств фасцинации. С другой стороны, – активизировать сознание адресата, развивая у него повышенное внимание, заинтересованность, захваченность путем убеждения и внушения, используя возможности прямой и непрямой коммуникации.

Это интенсифицирует усвоение информации, придает процессу эмоционально-эмпатический, личностный характер, обеспечивает активный отклик адресата в форме текста (высказывания), что свидетельствует о наличии творческого потенциала. Объект речевого воздействия становится субъектом активной речетворческой деятельности.

Фасцинативная составляющая коммуникации в свете вышесказанного проявляется в следующем:

- осуществляет преодоление коммуникативных барьеров со стороны адресанта, прохождение фильтров доверия/недоверия со стороны адресата (с точки зрения эффективности передачи информации)<sup>7</sup>;
- служит воздействующим средством, направленным на убеждение в особой, «мягкой» форме суггестии (с точки зрения ответственности);
- способствует гармонизации двух мощных коммуникативных потоков – информационного и эмоционально-эмпатического;
- позволяет регулировать количество и качество информации в форме сообщения, вносить верифицирующую, акцентированную, семантически значимую для слушателя информацию<sup>8</sup>, проецировать коммуникацию на эффективное достижение цели посредством использования средств и приемов фасцинации (с точки зрения прагматически выстроенной коммуникативной стратегии).

Это подтверждает то, что наличие в коммуникации фасцинативной составляющей позволяет как минимум внедрить в общение определенную коммуникативную стратегию и как максимум сделать процесс коммуникации эффективным в плане «эмпатического диалога»<sup>9</sup> и реализации коммуникативной, информативной, фатической функций речи.

Установленное соотношение информации и фасцинации приобретает особую значимость в рамках исследуемого профессионального дискурса – радиобмена информацией летчика-испытателя (космонавта) и диспетчера (центра управления полетом).

---

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Н.П. Захаров. *Психотерапия пограничных расстройств и состояний зависимости*. Москва: ДеЛи принт, 2004.

По мнению исследователей Ольги В. Акимовой и Марины И. Солнышкиной радиообмен в авиации (в нашем случае – космонавтике) представляет собой профессиональный (авиационный) дискурс, целью которого является коммуникация между пилотом и диспетчером посредством радиотехнических средств для обеспечения эффективности и безопасности полета<sup>10</sup>. Такого рода дискурс включает профессиональный язык и, по мнению Надежды А. Щетининой, разговорные элементы, возникающие в нестандартных ситуациях полета<sup>11</sup>.

Авторы исследований называют следующие характеристики, определяющие изучаемый профессиональный дискурс: стандартизация составляющих коммуникации в переговорах, диалогичность (обмен информацией между диспетчером на земле и пилотом в воздухе), согласованность общения, экономичность вербальных средств. Особым свойством данного дискурса является возможность трансформации элементов разных дискурсов, разных типов коммуникации, а с языковой точки зрения – языковых единиц разного стиля (научного и разговорного).

Отсутствие визуального канала в радиообмене повышает внимание к языковым единицам, вербализующим концепты различных семантических полей (внутреннее состояние, эмоциональное отношение, состояние техники и пр.).

Ирина Н. Прохожай определяет дискурс радиообмена как систему статусно-ролевых отношений. Автор подчеркивает, что такой тип коммуникации устраняет личностное начало, т.к. «стандарты общения закреплены нормативными документами, регламентирующими правила ведения радиообмена». Важнейшей чертой данного дискурса автор называет язык-код, включающий стандартные дискурсивные формулы. При таком типе коммуникации важна ясность и однозначность<sup>12</sup>.

Материалом исследования является стенограмма переговоров С.П. Королева и Ю.А. Гагарина при запуске космического корабля «Восток-1», опубликованная к 55-летию первого полета в космос. В связи с тем, что запуск первого космического корабля – это ситуация неординарная, участники диалога, имеющего строго предписанный характер, не только передают заданную информацию, но и оказываются под воздействием фасциации. Имеется в виду, что людей, находящихся на Земле и контролирующих полет, и самого Гагарина в этот момент захватывают чувства, которые внедряются в процесс передачи информации. В ходе радиоэфира переговоров конструктора корабля и космонавта-испытателя мы слышим, что участники диалога не в силах сдержать свои эмоции. Таким образом, информационный фактор коммуникации переплетается с фасцина-

---

<sup>10</sup> О.В. Акимова, М.И. Солнышкина. *Типология дискурса в профессиональной коммуникации*. [В:] *Актуальные проблемы теории коммуникации*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГПУ, с. 253–270.

<sup>11</sup> Н.А. Щетинина. *Коммуникативные особенности англоязычного дискурса радиообмена гражданской авиации (с участием пилота международных авиалиний)*. Автореферат диссертации к.ф.н. 10.02.19. Тверь: ТГУ, 2013.

<sup>12</sup> И.Н. Прохожай. *Радиообмен как особый вид институционального дискурса*. «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика» 2011. Т. 11. Вып. 3, с. 52–59.

тивным. Это дает возможность исследовать слияние информации и фасцинации, а также представить взаимоотношения участников коммуникации.

Заметим, что Гагарин по статусу переговоров и инструкции обязан сообщать о состоянии техники в изменяющейся среде и своем самочувствии. Характеристика окружающей среды при этом должна представлять собой географические, метеорологические и другие естественно-научные сведения. В лексико-семантической и грамматической форме переговоры – это речевые заготовки, клише. Это выражается в безэмоциональном характере коммуникации.

На первый взгляд, коммуникация Гагарина и Королева не выходит за рамки профессионального общения. Наблюдается краткость и точность высказываний, которая соответствует статусу переговоров.

Королев: *«Кедр», я «Заря-1». Понял вас, у нас дела идут нормально. Машина готовится нормально. Все хорошо. Прием.*

Гагарин: *«Заря-1», я «Кедр». Вас понял. Я так и знал. «Заря-1», я «Кедр». Проверку связи закончил. Как поняли меня? Прием<sup>13</sup>.*

В стенограмме присутствует множество расчетов и технических терминов.

*«Заря-1», я «Кедр». Исходное положение тумблеров на пульте управления заданное. Глобус на месте разделения: широта северная 63 градуса, долгота восточная 97 градусов. В окне коррекции цифра 510. Время разделения – 9 часов 17 минут 7 секунд. Магнитный индекс БКРФ в исходном положении. Первые сутки, день. Давление в кабине – единица, влажность – 65 процентов. Температура 19 градусов. Давление в отсеке 1,2.*

Используется нейтральная лексика (*все нормально, полет продолжается*). Оценка космонавтом происходящего носит обобщенный, стандартизированный характер. Но на очередной вопрос Королева «Как самочувствие?» Гагарин отвечает эмоционально: «Самочувствие хорошее, настроение бодрое».

Королев: *«Кедр», я «Заря-1». Как чувствуете себя?*

Гагарин: *Чувствую себя превосходно. Проверка телефонов и динамиков прошла нормально. Перехожу на телефон.*

Анализ стенограммы переговоров свидетельствует об изменении стиля коммуникации, спонтанности, появлении эмотивной лексики и высказываний, не соответствующих стандартам переговоров.

Гагарин передает свое восхищение видом земли из космоса эмотивами *красиво* (а также однокоренными словами *красота, красивый*), *интересно*.

Примеры: «по краю горизонта такой красивый голубой ореол»; «Наблюдаю облака над землей, мелкие, кучевые. И тени от них. Красиво, красота»; «Очень красивое зрелище»; «Интересно, да, вот сейчас открыто: складки гор, леса».

Отметим, что слова *красиво, интересно* в данном случае характеризуют состояние, которое выражает неразрывно связанные друг с другом физические

---

<sup>13</sup> Полная стенограмма переговоров Юрия Гагарина с Землей с момента его посадки в корабль (за два часа до старта) до выхода корабля «Востока-1» из зоны радиоприема. Энциклопедия «Космонавтика». Ред. А. Железняков. [Online:] <<http://www.cosmoworld.ru/spaceencyclopedia/gagarin/index.shtml?doc10.html>> (1.04.2016).

и душевные ощущения. Употребляемые характеристики (*кучевые*) относятся к метеорологическим терминам, но в однородных рядах они сочетаются с определениями эмоционального характера, что свидетельствует о подвижном переходе информации в фасцинацию.

Гагарин, отвечая на вопросы Королева о том, как переносится полет, дает положительную характеристику своему физическому состоянию. Физическое состояние космонавта тесно связано с состоянием эмоциональным («самочувствие хорошее, настроение бодрое»), при этом наблюдается градация (*самочувствие нормальное – хорошее – отличное – чувствую себя превосходно*). Заметим, что исходной точкой восходящей градации является стандартная формула «самочувствие хорошее». Она передает информацию, которая впоследствии наполняется фасцинативным содержанием. Несмотря на сложность поставленной перед Гагариным задачи – быть первым человеком в космосе – он бодр, оптимистичен, верит в покорение космоса и благополучное завершение полета. Гагарин смеется над шутками Королева и поет песни. Часто повторяются ремарки: «Гагарин смеется»; «Гагарин насвистывает “Ландыши”»; «Гагарин напевает “Летите, голуби, летите”, затем насвистывает этот мотив»; «Гагарин поет песню “о далеком курносом детстве”»; «Гагарин насвистывает мотив “Родина слышит, Родина знает”». Как известно, юмор помогает пережить людям трудные ситуации; Гагарин и Королев используют шутки для того, чтобы разрядить атмосферу напряженности.

Королев: *Колбаса, драже там и варенье к чаю.*

Гагарин: *Ага.*

Королев: *Понял?*

Гагарин: *Понял.*

Королев: *Вот.*

Гагарин: *Понял.*

Королев: *63 штуки, будешь толстый.*

Гагарин: *Хо-хо.*

Королев: *Сегодня прилетишь, сразу все съешь.*

Стоит отметить, что эмоциональность присуща обоим участникам диалога – как Гагарину, так и Королеву. Они иронизируют друг над другом, их контакт становится близким к повседневной жизни, «земным».

Королев: *«Кедр», я «Заря-1». Как слышишь? Прием. Еще раз, будь спокоен за все. До встречи в Москве.*

Гагарин: *Слышу вас хорошо, как меня? Прием.*

Королев: *Слышу тебя отлично. Юра. Ты сейчас занят?*

Гагарин: *Да, есть тут работа. Но не очень занят. Что нужно?*

Королев: *Нашел продолжение «Ландышей», понял?*

Гагарин смеется.

Гагарин: *Понял, понял. В камышах?*

Королев: *Споем сегодня вечером».*

В таких диалогах лексика носит экспрессивный характер.

Королев: *Зараза, а ведь он записывает ведь все, мерзавец. Хе-хе.*

Особый восторг и эмоциональное потрясение у Гагарина вызывает состояние невесомости, которое человек не испытывает на Земле. Эмоции космонавта передаются словами *красота, интересно* («Чувство невесомости интересно. Все плавает. (Радостно). Плавает все! Красота. Интересно»). При этом мы наблюдаем повторяемость; слово *интересно* употребляется дважды, что говорит о силе переживаемого чувства. Наблюдается градация *хорошо – приятно – красиво – интересно* («Чувство невесомости переносится хорошо, приятно»).

Таким образом, профессиональная коммуникация трансформируется в межличностную, эмоциональную, наблюдается слияние информации и фасцинации.

На следующей стадии полета Гагарин дает описание Земли, увиденной им из космоса.

*Докладываю: вижу Землю, видимость отличная. Хорошая видимость. Вижу Землю. Вижу горизонт во «Взоре». Горизонт несколько сдвинуто к ногам.*

В отдельных случаях характеристика природных явлений становится развернутой:

*А сейчас через иллюминатор «Взор» проходит Солнце. Немножко резковат его свет. Вот Солнце уходит из зеркал (Пауза). Небо, небо черное, черное небо, но звезд на небе не видно. Может, мешает освещение.*

Но первый советский космонавт не наблюдает происходящее отстраненно. Вид Земли из космоса завораживает его. В описании встречается как нейтральная, так и эмоциональная лексика (*красивый, звездочка*).

*Внимание, вижу горизонт Земли. Очень такой красивый ореол. Сначала радуга от самой поверхности Земли, и вниз такая радуга переходит. Очень красивое, уже ушло через правый иллюминатор. Видно звезды через «Взор», как проходят звезды. Очень красивое зрелище. Продолжается полет в тени Земли. В правый иллюминатор сейчас наблюдаю звездочку, она так проходит слева направо. Ушла звездочка, уходит, уходит...*

Рассмотрим данный пример, поскольку он особенно передает удивление Гагарина. Космонавт видит, как в одно и то же время сочетаются разные явления природы: ореол, радуга, движение звезд. Отметим повторяемость словосочетания *очень красивый*, а также слов *переходит, проходит, ушла, уходит*, которые являются признаком процесса и изменения. Гагарин внимательно следит за происходящим и дает ему спонтанную оценку. Повторяемость лексем говорит о высокой эмоциональности, о наличии фасцинации.

1) *Вот сейчас Земля покрывается все больше облачностью. Кучевая облачность. Покрывается слоисто-дождевой облачностью. Такая пленка на Земле. Уже земной поверхности практически становится не видно. Интересно, да, вот сейчас открыто: складки гор, леса*

(передается восхищение природой и состоянием невесомости с помощью слов «красиво», «интересно», наблюдение эмоционально).

2) *Вижу горизонт, горизонт Земли выплывает. Но звезд на небе не видно. Земная поверхность, земную поверхность видно в иллюминатор. Небо черное, и по краю Земли, по краю горизонта такой красивый голубой ореол, который темнее по удалению от Земли.*

Речь Гагарина в диалогах характеризует его как человека доброго, открытого и оптимистичного. Космонавт обладает прекрасным чувством юмора. Он не теряет терпения и контроля над собой в сложных ситуациях, более того, пытается подбодрить участников полета. Гагарин – человек надежный, ответственный, смелый и одновременно эмоциональный, «живой», восприимчивый. Именно этими чертами и должен обладать настоящий покоритель космоса.

Выбор песен, которые напевает Гагарин, также не является случайным. Одни песни были популярны в то время (например, «Ландыши»<sup>14</sup>), другие («Родина слышит»<sup>15</sup>, «Летите, голуби»<sup>16</sup>, «Перекресток»<sup>17</sup>) метафорически связаны с ситуацией полета, освоения космоса. Песни придают ему силы и уверенности в себе, эти чувства передаются другим участникам полета.

Представим фрагмент текста песни «Родина слышит, родина знает»:

Родина слышит, Родина знает,  
Где в облаках её сын пролетает.  
С дружеской лаской, нежной любовью,  
Альми звёздами башен московских,  
Башен кремлёвских, смотрит она за тобою,  
Смотрит она за тобою...

Вероятно, Гагарин чувствует себя в роли лирического героя песни – сына своей Родины. Гагарин мечтает, что достигнет поставленной цели, хотя испытывает все трудности полета (перегрузки, перебои в связи, технические проблемы). Им руководит чувство великой ответственности.

Похожие выводы можно сделать, если проанализировать фрагмент текста песни «Летите, голуби, летите».

...Во имя счастья и свободы  
Летите, голуби, вперед.  
Глядят с надеждою народы  
На ваш стремительный полет. ...

Образ голубя олицетворяет полет, голубь символически связывает небо и землю. Гагарин совершает подвиг, он еще не знает, что ждет его впереди; песня же позволяет облегчить восприятие сложной ситуации.

В космосе Гагарину удается о многом подумать, многое вспомнить и многое переосмыслить («Большое видится на расстоянии»). Перед трудным полетом Гагарин думает о земле, о семье, любимых людях, друзьях и о своем долге перед страной. Он вспоминает дом, детство, юность – все это в космосе особо дорого. Гагарин напевает песню Марка Бернеса «Перекресток».

<sup>14</sup> «Ландыши», слова О. Фадеева, музыка О. Фельцмана.

<sup>15</sup> «Родина слышит», слова Е. Долматовского, музыка Д. Шостаковича.

<sup>16</sup> «Летите, голуби», слова М. Матусовского, музыка И. Дунаевского.

<sup>17</sup> «Перекресток», слова В. Орлова, музыка Э. Колмановского.

По весне в вышине  
Занимаются ранние звезды.  
Я иду в тишине  
На знакомый мой перекресток. ...

Гагарина переполняют чувства и человеческие и патриотические.

В ходе переговоров информационная составляющая коммуникации частично преобразуется в фасцинирующую, что свидетельствует о тесной и неразрывной взаимосвязи этих явлений. Объясняется это и объективным (сложностью ситуации) и субъективным (личные характеристики участников коммуникации, взаимная симпатия, эмпатичность общения) факторами. Обратим внимание, что о состоянии участников диалога можно судить преимущественно по фасцинирующей коммуникационной составляющей, которая влияет на изменение профессионального дискурса, приобретающего черты эмоциональности и личности. Анализ этой составляющей позволил интерпретировать некоторые черты личности первого советского космонавта, совершившего полет в Космос, и выявить специфику переговоров Гагарина с Землей.

## Литература

- Акимова О.В., Солнышкина М.И. *Типология дискурса в профессиональной коммуникации*. [В:] *Актуальные проблемы теории коммуникации*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГПУ, с. 253–270.
- Захаров Н.П. *Психотерапия пограничных расстройств и состояний зависимости*. Москва: ДеЛи принт, 2004.
- Кашкин В.Б. *Введение в теорию коммуникации*. Воронеж, 2003. [Online:] <<http://kachkine.parod.ru/CommTheory/2/WebComm2.htm>> (03.07.2012).
- Омельченко Е.В. *Фасцинирующая коммуникативная стратегия в различных типах дискурса*. Челябинск: Издательство ЧГПУ, 2013.
- Полная стенограмма переговоров Юрия Гагарина с Землей с момента его посадки в корабль (за два часа до старта) до выхода корабля «Востока-1» из зоны радиоприема*. [В:] *Энциклопедия «Космонавтика»*. Ред. А. Железняков. [Online:] <<http://www.cosmoworld.ru/spaceencyclopedia/gagarin/index.shtml?doc10.html>> (01.04.2016).
- Поршнева Б.Ф. *Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества)*. [Online:]. <<http://psyfactor.org/lib/porshnev.htm>> (20.10.2016).
- Прохожай И.Н. *Радиообмен как особый вид институционального дискурса*. «Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика» 2011. Т. 11. Вып. 3, с. 52–59.
- Щетинина Н.А. *Коммуникативные особенности англоязычного дискурса радиообмена гражданской авиации (с участием пилота международных авиалиний)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. 10.02.19. Тверь: ТГУ, 2013.

## СЕМАНТИКА ЧАСТИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ВЛАДИМИР Н. ШАПОШНИКОВ

Московский государственный психолого-педагогический университет

Факультет иностранных языков

Кафедра лингводидактики и межкультурной коммуникации

ул. Василия Ботылева, д. 31, 121500 Москва, пос. Рублево, Россия

e-mail: vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

(получено 31.08.2016; принято 11.10.2016)

### **Abstract**

#### **Semantics of particles in the contemporary Russian language**

The article is devoted to the grammatical class of particles in the contemporary Russian language. The character of the particles as language units and their sign typology are analyzed. The author describes the semantics of particles (including their types and variation) and notes the changes taking place in the Russian language as well as the directions and modes of parts of speech development.

### **Key words**

Grammatical class, particles, semantics, language changes.

### **Резюме**

Рассматривается грамматический класс частиц в современном русском языке. Анализируется природа частиц как языковых единиц и их знаковая типология. Изучается семантика частиц, ее типы и варьирование. Фиксируются изменения материала русского языка, пути и способы развития состава части речи.



## Ключевые слова

Грамматический класс, частицы, семантика, языковые изменения.

Служебные слова, сообщаящие лексическим и синтаксическим единицам добавочные значения и выражающие смысловые оттенки в предложении, играют своеобразную роль в организации речи и формировании содержания высказывания. Представляясь не столь значительным материалом по сравнению с содержанием знаменательных частей речи и основными грамматическими категориями, они, тем не менее, имеют широкий семантический объем и являются необходимыми связочными словами, конструктивными словами-отношениями. Они выполняют не только строевую связующую функцию, но и наполняют собою содержание высказывания. Это весьма существенные конструктивные элементы языковой системы, употребление и освоение которых обеспечивает полноценное владение языком.

Указанный сегмент грамматической системы весьма развит в русском языке; частицы многочисленны и в своей массе неоднородны. Они разделяются на различные разряды по семантике и по функциям, определяющим разнообразие и большой объем материала частиц в русском языке, ср. их описания в других языках<sup>1</sup>. Частицы выделяются по разным основаниям, соответствующим их сложноустроенной семантике<sup>2</sup>. В целом создается большой набор разнообразных выражаемых смыслов грамматического и лексического уровня.

Это разнообразие обусловливается природой частиц как единиц языка и типологии языковых знаков. В этих словах лексическое значение представляет содержание их грамматической, логико-синтаксической или экспрессивно-стилистической функции. Группы частиц объединяются «общими свойствами гибридного – полулексического, полуграмматического типа» и, по категориальным признакам, «промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами – с другой стороны»<sup>3</sup>. Лексическое значение присуще немодальным частицам, дифференцирующим и повышающим информативную значимость компонентов высказывания.

Системные связи и отношения между элементами языка обнаруживают себя в процессе функционирования в речи, выражая зависимость одного элемента от других, сходство или различие. В силу их свойств и системного положения лексико-грамматические значения частиц, находящихся под влиянием синтаксического окружения и текстового употребления, очень подвижны.

<sup>1</sup> E. König. *The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective*. London: Routledge, 1991; M. Grochowski, A. Kisiel, M. Żabowska. *Słownik gniazdowy partykuł polskich*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2014; И.И. Киселев. *Частицы в современных восточнославянских языках*. Минск: Наука, 1976.

<sup>2</sup> См. И.А. Кобозева. *Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов*. Москва: Издательство МГУ, 1991.

<sup>3</sup> В.В. Виноградов. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Просвещение, 1947, с. 500.

Частицы – это служебные слова, то есть именно слова по системному статусу, а не аффиксы. Они не служат единственным образом (как слова знаменательных частей речи) обозначением предметных реалий и используются как аффиксы для выражения различного рода отношений между предметами, для выражения отношений реалий к действительности, для отражения в речи их оценки. Именно это определяет их содержательную специфику. При этом некоторые частицы выражают объектные значения, то есть несут информацию об объективных сторонах мира и об отношениях сознания к этому миру.

Частицы – численно ограниченный, по сравнению с другими частями речи в русском языке, состав. В системе языка среди связующих дискурсивных слов наиболее отчетливо выделяются две резко очерченные категориальные области – предлоги и союзы. В грамматической системе между предлогами и союзами, с одной стороны, и наречиями и модальными словами, с другой стороны, находится несколько сравнительно небольших групп частиц. Соответственно отмеченной природе грамматического типа их массив очерчивается нечеткими границами, о чем свидетельствуют и некоторые различия в синхронных описаниях материала.

Этот численно небольшой состав части речи претерпевает изменения. В действительном состоянии грамматического класса и его развитии наиболее заметно образование новых слов, пополняющих его состав; на поверхности языковой картины наблюдается также исчезновение других слов. На данном этапе развития современного русского языка в этом небольшом объеме языкового материала происходят двунаправленные изменения единиц, что имеет значительные последствия для грамматической системы и существенно влияет на изменчивость системы. Многие частицы ушли из системы русского языка, например, ранее активные слова: *вишь, слышь, ну-тка, ин, чай, чу* и др.

Происходят структурные изменения лексики. В отношении ряда частиц наблюдается изменение положения в языковой системе и связь с определенным стилевым слоем лексики. Некоторые модальные частицы стали устаревшими и поэтому выступают в маркированном структурно-семантическом качестве, употребляясь в ограниченной сфере и внося тем самым повышенную экспрессию. В результате стилиевой ограниченности становится незаполненным место в системе языкового выражения.

Употребительность слов определяет численные закономерности в структуре словаря и текста. Редко употребляются в современном русском языке частицы: *ан, таки, так-таки, ли-вопросительное* и *под*. В связи с этим также создается незаполненное место в пространстве дискурсивного выражения. Редкоупотребительные единицы относятся к разным стилевым сферам. Употребление одних частиц замкнуто устно-разговорной сферой; с другой стилиевой стороны ограничены книжно-письменные единицы. Заметно ограничилось использование просторечных частиц: *аж, чуть* и др.

Происходит количественное изменение состава служебной части речи. В современном русском языке на рубеже XXI века образовались новые частицы. Способ их образования характерен для грамматического класса; у определенных морфологических единиц – модальных слов или наречий – образовались

партикульные значения. *Как бы, типа* – модальные частицы; *короче, такая/ой* – определительные частицы; *на самом деле* – выделительно-ограничительная частица; *в итоге* – выделительная частица; *по-хорошему* – определительная частица. Эти недавно появившиеся слова весьма употребительны в современной речи. Например, в разных жанрах коммуникации: «Он завтра придет?» – «*Тина да*» (устная речь, 2007); «Он *типа* не знал» (устная речь, 2008); «Ну дак, эти *типа* госмужи только о себе думают»; «Занятие, конечно, закончилось Настинными слезами – Даша, *типа*, резко ей говорила...» (Р. Сенчин. *Чего вы хотите*, 2010). Приведенные частицы относятся к разговорной и просторечной сфере. Данная стилевая отнесенность является значимой характерной частью их содержания.

Некоторые новые частицы образуются помимо явлений транспозиции, как то: *вполне себе* – имеющая усилительное значение, напр., «Он считал себя неверующим, хотя на деле он-то как раз *вполне себе* христианин» («Ведомости» 23.06.2014); «Мы чуть сбавили ход и приняли вроде как разбитной видок: ноги ж, однако, у нас были *вполне себе* деревянными» (З. Прилепин. *Верочка*, 2011). Ср. ранее функционировавшее фразеологизованное наречно-местоименное словосочетание: «Напротив, напротив, он не мог бы иначе, это художественно, и он *вполне себе* верен» (Ф. Достоевский. *Записные книжки*, 1869); «В нем жили какие-то внутренние потребности вне науки, которые он не *вполне себе* сформулировал» (А. Белый. *На рубеже двух эпох*, 1929).

Служебная часть речи развивается в плане содержания; образуются новые значения у имевшихся в современном русском языке частиц. Тем самым расширяется содержание дискурсивных слов, появляются новые единицы дискурсивного выражения. Эти явления многочисленны в современном русском языке. Мы фиксируем их при выделении типов контекстов методом структурно-семантического анализа текстов, где выявляются семантические валентности как механизм соединения значений слов. Отметим некоторые появившиеся в современной речи значения в дополнение к существовавшему содержанию слов, зафиксированному словарями. Выявим и отметим также синонимичные этим новым значениям частицы.

Частица *А*, согласно Сергею И. Ожегову и Наталии Ю. Шведовой: «1. Обозначает вопрос или отклик на чьи-н. слова (...). 2. Усиливает обращение»<sup>4</sup>. Появляются новые значения частицы *А*:

- определительное значение, отвечающее значению *давай, -ка*: «*А* пройдите сюда»; «*А* давайте угостим кошку» (газета «Маяк» 15.07.2016);
- усилительное значение, отвечающее значению *да, же*: «*А* катись все к чертовой матери! Поминайте, как звали меня...» (Ю. Кузнецов, 2000);
- просторечное присоединительное значение, отвечающее значению *и, вот, и так, а вот*: «*А* в рыло! *А* шкурку снять бритвой» (А. Бушков, 1998).

Дополнительные значения *А*<sup>1</sup>: 1) просторечное выделительное значение, отвечающее значению *-ка, да, ну*: «Не начинай, *а*»; «Слушай, ты *давай* так не разго-

<sup>4</sup> С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. *Толковый словарь русского языка*, Москва: Азбуковник, 1998, с. 15.

варивай, а!» (устная бытовая речь, 2016); 2) указательное значение, отвечающее значению *вот, это, же, ну*: «А здравствуйте» (устная речь, 2012).

Это дискурсивное слово становится агглютинативным элементом, не отделяемым в речи паузой, что свойственно междометию.

Частица *было* выражала модальное значение; слово обозначало, что «действие началось», но прервалось, или предполагалось<sup>5</sup>. Дополнительным значением частицы *было* является усилительное значение, отвечающее значению *же, уж, вон, ведь*: «Мои истошные вопли заставили ее взяться наконец за ухват, которым она начала *было* меня доставать. Короткий комментарий был уже вечером» («Литературная газета» 2015); «Доярку, *было*, наняли, так она вскоре ушла, хоть и платили неплохо» (газеты, 2009); «Так ведь русальницы загрызут доможириху и косточки выплюнут – такое злое до утех чаровное племя. Царь *было* стакнулся с русальницей, так едва ноги унёс» (В. Личутин. *Наваждение*, 2010).

Это производная частица, образованная от глагольной формы. В современной речи.

Частица *давай*. Согласно Ожегову и Шведовой: «3. дава́й(те) *частица*. В сочет. с неопр. несов. в. или с формой 1 л. мн. ч. буд. вр. образует побудительную форму совместного действия (...) . 4. давай, *частица*. С неопр. несов. в. употр. в знач. начал, стал (разг.) (...) . 5. дава́й(те). С пов. накл. другого глагола или без него употр. при побуждении к действию (разг.)»<sup>6</sup>. Дополнительные значения частицы *давай* следующие:

- просторечное выделительное значение: «Она и *давай* его пороть» (устная речь);
- просторечное определительное значение «прощание», «окончание общения»: «Ну всё, *давай*, целую» (устная речь, 2014);
- ограничительное значение: «...» – «Давай» (устная речь);
- разговорное присоединительное значение: «*Давай* залечу»;
- разговорное модально-волевое значение: «Давай»; «*Давай* сюда».

Таким же образом изменились в своем содержании и другие частицы, приобретая и включая новые значения в современном русском языке: *ещё* – разговорное модально-волевое значение; *значит* – разговорное выделительно-ограничительное значение и присоединительное значение; *как* – разговорное выделительно-ограничительное значение; *как-то* – выделительное значение и усилительное значение; *о* – модально-волевое значение и указательное значение; *просто* – присоединительное значение и выделительное значение; *ровно* – определительное значение, напр., «*Ровно* то же самое я говорил раньше» (устная речь); *там* – просторечное неопределенное значение, напр., «Ну поужинаем, *там* вина выпьем» (устная речь, 2010) и усилительное значение, скажем, «Никакие *там* народные дружины и все прочее не справятся с этой задачей»

<sup>5</sup> Толковый словарь русского языка. Том I. Ред. Д.Н. Ушаков. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия» – Объединение государственных книжно-журнальных издательств, 1935, с. 49.

<sup>6</sup> С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь..., с. 150.

(«Российская газета» 1.04.2016); *уже* – просторечное определительное значение, напр., «Да позвони *уже!*» (устная речь, 2007), и ряд других слов.

Внутреннее состояние некоторых частиц обусловлено положением в лексической системе и его изменением. Так, устаревали и изменяли сферу и границы употребительности модальные частицы со значением передачи чужой речи *де*, *дескать*, *мол*, принадлежавшие разговорно-просторечной сфере. Затем они начинают употребляться в письменной сфере и изменяют свое содержание и способ употребления, например:

1. Значение частицы *де* – разговорное модально-волевое, оценка сообщаемого. Например: «Выступить начал. Мол, никакой протокол подписывать не буду. *Де*, фальсификация все» (С. Данилюк. *Рублевая зона*, 2004); «Она ему, *де*, давай быстрее показывай» (Т. Соломатина. *Девять месяцев*, 2010); «Последовала реакция. Из нее следовало, что всё это-*де* не в компетенции Росархива» («Литературная газета» 06.2016).
2. Значение частицы *мол* – эмоционально-оценочное, причем не только передача чужой речи, но и воссоздание мысли и характеристика лица. Например: «Нам сказали, что это, *мол*, не ваше дело» (устная речь, 2014); «К тому же речь идет о наркотиках, а это ох как серьезно. Настолько серьезно, что областные инстанции вряд ли пойдут на смягчение приговора. *Мол*, в деле-то с формальной точки зрения все верно» («Литературная газета», № 30, 2016).

Отдельные частицы изменяют стилевую сферу употребления и переходят из книжно-письменной в разговорную сферу, изменяя при этом содержание. Например, слово *якобы*, согласно словарю под ред. Дмитрия Н. Ушакова: «1. союз. Употр. в знач. союза “что” для выражения неуверенности в чем-н. или недостоверности чего-н. (книж. устар., разг. ирон.). 2. частица. Употр. перед словом для обозначения мнимости, несоответствия действительности, в знач. как будто, будто бы (книж.)»<sup>7</sup>.

В современном русском языке утрачивается оттенок книжности и изменяется значение этой частицы: *якобы* – модальное значение, ссыла на источник информации, обозначение чужой мысли. Например: «Он зарегистрировался в соцсети “Одноклассники”, где и познакомился с вербовщиками из “ИГ”. Те в ходе переписки *якобы* предложили привлечь других выходцев из бывших союзных республик для совершения теракта. Среди возможных вариантов *якобы* называлась террористическая атака на “Бессмертный полк”» («Коммерсантъ» 06.05.2016).

Все эти отмеченные новые значения существуют наряду с имевшимися ранее значениями данных частиц. Они встраиваются в систему содержания слова, расширяя ее.

Кроме преобразования слов создаются и выделяются сочетания частиц, несущие образовавшиеся дискурсивные значения. Они выступают как единицы, выражающие оттенки значений слов в предложении: *вроде как*, *если что*, *или как*, *чуть ли не*, *что-то*, *ничего что*, *тот же* и некоторые другие.

<sup>7</sup> Толковый словарь русского языка. Т. 4. Ред. Д.Н. Ушаков. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940, с. 1461.

В связи с ролью и системным статусом дискурсивных словосочетаний стоит вопрос о границах языковой единицы, существенный для служебной части речи. В этих образовавшихся сочетаниях знаков вопрос о границах решается в соответствии с выражаемым целостным значением – дополнительной информацией, которую они вносят в содержание высказывания. Указанные словосочетания функционируют как устойчивые, выражая определенные структурные значения в тексте.

Грамматическая область выражения добавочных значений лексических и синтаксических единиц в современном русском языке расширяется. К этой области присоединяются другие части речи. В функции вспомогательных смыслов других слов или высказывания в целом выступают слова знаменательных частей речи. В структуре высказывания занимают партикулярную позицию и преобразуются глаголы, в виде той или иной формы: *скажи, получается, проехали, знает, не знаю, давай, смотри/-те*. Например: «В пять часов мне рано. *Смотри*, как можно поступить на самом деле» (разговор по мобильному телефону, устная речь, 2010); «Но у бельгийцев все время чувствуется какая-то скованность, как будто их все время кто-то сдерживает. *Смотрите*, у Бельгии великолепнейшие игроки, но именно в сборной они из года в год не могут раскрыться полностью» («Российская газета» 30.06.2016). В последнем примере слово *смотри/-те* синонимично частицам *вот, именно, как раз*.

При преобразовании содержание таких дискурсивных единиц, основанных на глаголах, включает грамматическое категориальное значение глагола с его лексическим значением и категориальное значение частицы. При этом круг их значений, принципы выделения и разграничения определяются конструктивными функциями другой части речи, модальных слов и их основных групп.

На современном этапе в организации речи и выражении коммуникативных характеристик сообщения выступают также имена прилагательные, местоимения и существительные: *разные, всякие, единственное, единственный; ты, тебе* и некоторые другие. Например, в высказывании «*Единственный* дедушка не растерялся, всех выручил» слово *единственный* синонимично частицам *лишь, только, именно*.

Развитие области частиц сопровождается процессом семантических преобразований лексики и изменения ее функционально-стилевого содержания. Так в современной речи изменяются слова *реальный, реально*. У прилагательного *реальный*, кроме его нескольких значений в русском литературном языке, появляется значение ‘настоящий, подлинный’, ‘неподдельный, несомненный’, ср. англ. *real*: 2. “Genuine, not artificial 3. Complete, thorough; serious”<sup>8</sup>.

В системе современного русского языка это значение *реальный* является разговорно-просторечным.

На этой семантической основе имени прилагательного в современной речи развивается категориальное значение частицы. *Реально*, просторечное, выражает усилительное значение, что синонимично словам *же, ну, да*: «Я тебе *реаль-*

<sup>8</sup> Oxford Advanced Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2000, с. 981.

но говорю» (устная бытовая речь, 2010); «(...) Оставь *реально*» (устная бытовая речь, 2016).

Грамматические значения частиц и их функции приобретаются словами незнаменательных частей речи. С частицами смыкаются и в их роли выступают союзы, которые как часть речи являются формально-структурными показателями связи в предложении. Их принципиальное различие состоит в том, что «связующая функция частицы реализуется в первую очередь в тексте, а не в составе той или иной конструкции предложения. Частица указывает на нелинейные отношения в тексте, хотя может выявлять и синтагматические связи»<sup>9</sup>. В современном русском языке выступают с партикулярным значением такие единицы как *всё, впрочем*.

Иногда междометия приобретают грамматическое значение частиц и их функции. Это явление связано с функциональной основой междометий как единиц, образующих в высказывании отдельное самостоятельное предложение. При этом междометия не имеют номинативного значения, не называют чувства и эмоции, а непосредственно их выражают, представляя их нерасчлененное выражение. При снятии этих критериев некоторые единицы выступают как частицы.

Существуют также лексемы двойственной природы, функционирующие и как частицы, и как междометия. В современном русском языке таковыми являются *ну, о, а*.

Вместе с процессами развития семантики ряд частиц утрачивает свои отдельные значения. Отметим эти устранившиеся значения и их синонимичные связи с близкими по значению частицами:

- *сколь* устаревает в значении *насколько, как, же*;
- *ровно* устаревает в значении *как будто, будто бы*, а также *подобно, как*;
- *всяко* не эквивалентно *же, да, ведь*;
- *прямо* не употребляется как синоним *именно, совершенно*, а также *истинно, подлинно*;
- *ну* устаревает в значении *вдруг, если*, а также *давай*;
- *себе* устаревает в значении *-ка, же, вот*;
- *именно* устаревает в значении *конечно, да*.

В парадигматической системе языка происходит лексико-семантическое перераспределение между частицами. Сохраняющиеся частицы берут на себя функции устаревших единиц. Например, вместо *ну-усилительного* выступает модальная частица *давай*: «Она и *давай* его ругать» (устная речь).

Компенсирующие замены происходят не только на одном уровне, но и на разных уровнях языковой системы. На месте устранившихся частиц активизируется средство фонетического уровня, интонация. Так, ранее было обычным построение вопроса с помощью частицы *ли*, которая была высокочастотной единицей. Теперь при устранении в устной речи и разговорном стиле литературного языка *ли-вопросительного* значение вопроса выражается интонацией.

<sup>9</sup> Э. Шимчук, М. Щур. *Словарь русских частиц*. Berlin: Peter Lang, 1999.

При изменении содержания частицы *-ка* значение смягчения приказа также выражается соответствующей интонацией и тоном произношения фразы.

Грамматическая структура частиц обнаруживает переходные типы. С одной стороны выступают слова, сходные с наречиями, но в значительной степени утратившие грамматические признаки и свойства наречий. Наречия, не соотносительные с живыми грамматическими категориями имени или глагола, а также местоименные наречия нередко выходят за пределы своих наречных функций или совмещают формы и функции наречия со значениями частиц. Таково, например, слово *ещё*, в отличие от наречного употребления, выражающее усилительно-ограничительное значение: «Помнишь, на повороте там *еще* дерево стоит» (устная бытовая речь, 1999). Смешанный характер содержания имеют употребления наречия-частицы в современном русском языке: *уже, всё, исключительно, единственно, только, прямо, просто*.

Содержание партикульных элементов грамматически специфично и вариативно. Содержанием этих элементов выступают функции. В функциональной реализации частицы могут относиться к основным актантам обозначаемых действий, событий. При этом различно заполнение валентностей: актанты могут частицами указываться, отождествляться и квалифицироваться по обозначаемому качеству, количеству или отношению к другим актантам. Способы заполнения валентностей обуславливают вхождение слов различных частей речи в структурную область частиц.

Новое явление в языке возникает на базе существующих и обусловлено их действительными системными связями и отношениями. Новые языковые единицы возникают в соответствии с потребностями социального мышления и реальной действительности. Но их форма и значение устанавливаются в зависимости от того, каким знаковым материалом располагает язык и его структурные уровни.

В этой общей обусловленности языковых процессов заложена мыслительная стратификация. Чем более отвлеченны и удалены от вещного мира развивающиеся языковые структуры, тем слабее на них сказывается социальное воздействие и сильнее воздействие логико-психологическое. При этом сильнее и очевиднее их внутрискруктурная, заложенная в самом языке обусловленность, в чем и проявляется общий закон языкового развития.

Частицы являются воплощением проблемы языковой нормы и реализацией нормы литературного языка. Как единицы разговорной сферы и просторечного регистра языка они имеют соответствующие знаковые свойства: привязанность к ситуации общения, связь с контекстом и обусловленность им, меньшая собственная точность, четкость и ясность содержания. Соответственно, большинство частиц занимают пограничное место в литературном языке, а часть из них находится собственно за пределами литературного языка.

Общей тенденцией развития, действующей во многих языках, является абстрагирование элементов языковой структуры. В языковом функционировании единиц происходит усиление ограниченного круга наиболее общих, повторяющихся признаков значения и ослабление остальных, предметно специфических, менее распространенных и менее представленных в разных смыслах признаков



значения. Это приводит к выпадению из значения более слабых в обобщенном составе, наиболее индивидуализованных признаков, таким образом формируя тенденцию к абстраклизации словесных значений. С течением времени более конкретные элементы языка изменяются, перерастают в более абстрактные, увеличивая меру своей абстрактности. Действием этой тенденции являются процессы развития абстрактных значений на базе конкретных, развитие неполнозначительных слов на базе полнозначительных.

## Литература

- Виноградов В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Просвещение, 1947.
- Киселев И.И. *Частицы в современных восточнославянских языках*. Минск: Наука, 1976.
- Кобозева И.А. *Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов*. Москва: Издательство МГУ, 1991.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азбуковник, 1998.
- Русская грамматика*. Ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Наука, 1980.
- Словарь служебных слов русского языка*. Москва: Азбуковник, 1997.
- Стародумова Е.А. *Русские частицы (письменная монологическая речь)*. Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Москва: Институт русского языка Российской академии наук, 1997.
- Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия» – Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940. (4 т.)
- Шапошников В.Н. *Система языка и языковая норма. Семантическое поле дискурсивного слова и его эволюция. На материале слова «просто»*. «Slavia. Časopis pro slovanskou filologii». 2014, № 4, с. 393–409.
- Шапошников В.Н. *Предикативное слово «было» в современном русском языке. Норма выражения и границы нормы*. «Studia Rossica Gedanensia» 2015, № 2, с. 46–54.
- Шимчук Э., Щур М. *Словарь русских частиц*. Berlin: Peter Lang, 1999.
- Grochowski M., Kisiel A., Żabowska M. *Słownik gniazdowy partykuł polskich*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2014.
- König E. *The Meaning of Focus Particles. A Comparative Perspective*. London: Routledge, 1991.
- Oxford Advanced Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

SŁOWOTWÓRSTWO  
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ  
WORD FORMATION



## СЛОЖНЫЕ ДЕРИВАТЫ В МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ СОВРЕМЕННОСТИ

ЛАРИСА В. РАЦИБУРСКАЯ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет  
им. Н.И. Лобачевского  
Филологический факультет  
Кафедра современного русского языка и общего языкознания  
ул. Большая Покровская 37, 603000 Нижний Новгород, Россия  
e-mail: racib@yandex.ru  
(получено 13.07.2016; принято 8.10.2016)

### **Abstract**

#### **Composite derivatives in the media texts as social markers of modernity**

The article describes socio-political motivation for word-creation processes in the contemporary media. The author focuses on evaluative composite neologisms reflecting the current events in Russia and in the world.

### **Kew words**

Composite neologisms, usual and unusual methods, media, evaluation, expression.

### **Резюме**

В статье характеризуется социально-политическая мотивированность современного медийного словотворчества, при котором создаются сложные новообразования, обладающие оценочностью и отражающие актуальные события в России и мире.

## Ключевые слова

Сложные новообразования, узуальные и незуальные способы, СМИ, оценочность, экспрессия.

Специфику современного медийного словотворчества ученые связывают с кризисным состоянием сознания общества, обусловленным социальными потрясениями в стране и в мире, с его предельной политизированностью, ощущениями границы кануна веков и тысячелетий, утратой былых ценностей и несформированностью, поиском новых; тем вакуумом, который стал заполняться экстремизмом и криминальными ориентирами<sup>1</sup>.

Как отмечают исследователи,

медiateксты всегда документальны. И все же реальность, репрезентируемая СМИ, не есть сама эта реальность. В основе денотата медiateкста лежит объективно существующее или существовавшее событие, но эта «правда жизни» проходит через «сито» интерпретирующего действительность сознания автора<sup>2</sup>.

Автор медiateкста как выразитель интересов определенных социальных групп, партий, сообществ отражает и оценивает действительность в определенном социальном аспекте.

Своеобразными социальными маркерами современности являются авторские новообразования. Широко распространены в медiateкстах сложные дериваты различной структуры.

Сложные новообразования в медийных текстах создаются как узуальными, так и незуальными способами.

К узуальным способам относятся дериваты, образованные способами чистого сложения или сложением в сочетании с аффиксацией. Новообразования, созданные путем чистого сложения, представлены словами как с соединительными элементами (интерфиксами), так и без них: *Спросите любого кошковладельца...* («Радио России» 28.12.2015); *сомнительные эротические киноподделки* (телеканал «Россия-1» 22.12.2015); *В БФУ (Балтийском федеральном университете – Л.Р.) руководителями институтов, кафедр, научных отделов стали преподаватели-космополиты, даже русофобы, а представителей русского воззрения унижают, выдавливают, даже закрывают кафедры. Видимо, именно русофобопроизводство является главной целью* («Литературная газета» 24–30.03.2016, № 12); *Дмитрий Медведев побывал в Крыму [...] и создал очередной мем [...]. Это, пожалуй, самый большой успех Дмитрия Анатольевича в деле мегогенерирования* («Собеседник» 01.07.2016, № 20); *Власть жуликов и воров больше всего опасается именно Демкоалиции ПАРНАС и именно против нашего политического*

<sup>1</sup> Н.Е. Сулименко. *Аномальные явления в зеркале неологического словаря*. «Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований». Т. 2. Ч. 3. Санкт-Петербург: Наука, 2006, с. 18–42.

<sup>2</sup> Л.А. Мардиева. *Социальная реальность и ее интерпретации в медiateкстах. Опыт интегративного исследования*. Казань: Издательство Казанского университета, 2016, с. 88.

объединения в данный момент брошены все силы **кремлежуликов** («Собеседник» 01.07.2016, № 20).

Сложные новообразования без интерфиксов обычно оформляются на письме с помощью дефиса: [...] в силовых конторах все «внезапности», по недоброй советской привычке, заблаговременно и досконально согласовываются, дабы не случилось **конфуза-нежданчика** («Ленинская смена» 07.04.2016); Жалко, что на праздновании не было Ксюши Собчак, владелицы особняка в центре Москвы с рестораном её имени и прочей гламурной **шоу-плесени** («Завтра» 2016, № 10). При этом первая часть может быть представлена как склоняемыми (**конфуз**), так и несклоняемыми (**шоу**) словами.

В последние десятилетия активизировалось создание сложных новообразований по моделям агглютинативного характера, когда один из компонентов (обычно первый) сложного деривата, присоединяется, как бы приклеивается ко второму в неизменном виде: Вы о том, насколько глубоко музыканты «Арии» погружены в байкерское течение? [...] Но говорить, что мы убежденные **байк-ортодоксы** по жизни, я бы не стал. Просто так исторически сложилось, что рок-музыканты и байкеры идут рука об руку («Культура» 22–28.04.2016, № 5); **Мейнстрим-СМИ** и **неокон-ортодоксы** называют Трампа «изоляционистом» (за осуждение войны в Ираке) («Литературная газета» 24–30.03.2016, № 12) – **неоконы** – **неоконсерваторы**; Наверное, каждый не раз встречал людей, которые через пару-тройку слов вставляют краткое матерное, а более длинные высказывания нередко заменяют нецензурными тирадами [...]. Это тоже стиль, и его можно условно назвать стилем быдла. [...] представители **быдло-стайла** предпочитают группироваться вместе, совместно пить и ругаться («Литературная газета» 08–14.06.2016, № 22). В качестве первой части выступают актуальные в социальном плане слова, в частности **Интернет: интернет-разоблачитель** (телеканал «Россия-1» 05.02.2016); **интернет-грабёж** (радио «Вести FM» 18.06.2016); **интернет-криминал** становится все более изоциренным (радио «Вести FM» 18.06.2016).

В сложных дериватах одна из частей (обычно первая) может выступать в усеченном виде: Человек он (Трамп – Л.Р.) веселый – с оптимизмом и здоровым чувством юмора, в других **политшапито** персонажи гораздо скучнее («Литературная газета» 24–30.03.2016, № 12); Впрочем, до момента, когда в Россию хлынут **гомофанаты** Евровидения, [...] еще год («Собеседник» 2016, № 17) – речь идет о фанатах гомосексуалистов. Частотной в новообразованиях является социальная значимая в России часть **алко-** (алкоголь): **Расскажите интересную историю, связанную с алколеделанием** («Селедка» 2016 № 2); **Мы проезжаем мимо Высоковского кладбища и решаем начать алко-трип** почему-то прямо здесь («Селедка» 2016, № 2); **Мы прикидываемся алкотуристами** из Екатеринбурга («Селедка» 2016, № 2); **От алкопричин** ежегодно умирают 500–700 тыс. человек («Собеседник» 2016, № 19).

Исходными для сложносuffиксальных дериватов являются словосочетания, например **толстые журналы** (популярные и влиятельные в России издания), **хитрый план**, **есть гранты**, **один голос**, ср.: **Ему тут же попытались объяснить устами литературных критикесс и толстожурнальных главредов**

(главных редакторов – Л.Р.)... («Литературная газета» 17-23.03.2016, № 10–11); *В российской экспертной среде особое удивление вызывает категория авторов, способных доказать благотворность любой прихоти власти. И явного преступления [...] По мне, так эти эксперты хуже ‘хитропланищиков’, ей-богу. Странники Хитрого Плана, по крайней мере, исходят из того, что среди очевидных трудностей и лишений, окружающих нас, грешных, кроется искра императорской мудрости* («Завтра» 2016, № 23); *Не случайно у нас есть такое выражение, как **грантоеды** (радио «Вести FM» 07.07.2016) – о тех, кто все время стремится получить гранты; Я бы хотел, чтобы все они прошли в Думу. Пусть эти голоса будут слышны. Потому что **одноголосица** – это не очень хорошая вещь* (радио «Вести FM» 06.07.2016).

От сложносuffixальных дериватов следует отличать новообразования, созданные на базе сложных узуальных слов suffixальным способом: 19–20 мая в Олимпийской деревне Сочи прошел саммит Россия – АСЕАН [...] Зачем нужен был такой **калино-малиночный** саммит, спросите вы («Собеседник» 2016, № 9) – ср. исходное калинка-малинка.

Сложные дериваты типовой структуры, созданные узуальными способами, в современных медиатекстах используются не только для номинации реаллий (*кошковладельцы*), но и в большей степени в экспрессивно-оценочных целях (*русофобство, киноподделки, кремлежулики, грантоеды, хитропланищики, толстожурнальные*), в частности для создания иронии (*конфуз-нежданчик, мегогенерирование*). Экспрессия в новообразованиях типовой структуры связана главным образом с семантикой и стилистической окраской мотивирующих слов. Причем некоторые из мотивирующих слов являются инвективными, что делает новообразования средством речевой агрессии (*быдло-стайл, шоу-плесень, кремлежулики*). Сложные дериваты могут быть средством языковой игры, обыгрывая прецедентные феномены: *отныне летоисчисление будет идти как до, так и после **оскаровручения дикаприева*** («Комсомольская правда» 11.03.2016) – ср.: *до Рождества Христова*.

В последнее время активно создаются новообразования путем редупликации – повтора узуальных слов: [...] *это **бизнес-бизнес**, а не прекрасная женщина в кабинете* (радио «Вести-FM» 01.05.2016); *Руководитель должен поздравить, но не **каждого-каждого** подчиненного...* (радио «Вести-FM», 15.06.2016); *Прилепин – очень талантливый писатель, **величина-величина*** (радио «Вести-FM» 27.04.2016); ***Историей-историей** называется историография* (радио «Вести FM» 16.06.2016); *В Кабуле русский культурный центр – это прямо **центр-центр*** (радио «Вести-FM» 08.07.2016); *Если начнется война Армении с Азербайджаном, то это вообще **кошмар-кошмар*** (радио «Вести-FM» 08.07.2016); *Запустить в Европу не знамо кого [...] вообще **катастрофа-катастрофа*** (радио «Вести-FM» 07.07.2016); *А в России это наложилось на общий фон профессиональной деградации. Это наша **болезнь-болезнь*** (радио «Вести-FM» 06.07.2016); *Сейчас изменения **кардинальные-кардинальные*** (телеканал «Россия-1» 19.06.2016); *Мы понимаем, что **чистых-чистых** (спортсменов) вообще не существует* (радио «Бизнес-FM» 07.07.2016); *Вы прям хотите **жениться-жениться**? Вам надо жить **браком-браком*** (1-й телеканал 06.04.2016). Подобные новообразования

выполняют усилительно-оценочную функцию, выделяя денотаты, имеющие реальную ценность (*бизнес-бизнес, центр-центр, жениться-жениться, браком-браком*), или характеризуют социально значимые объекты, явления, события (*величина-величина, кошмар-кошмар, катастрофа-катастрофа, болезнь-болезнь, кардинальные-кардинальные, чистые-чистые*).

К неузуальным способам создания медийных сложных дериватов относятся главным образом заменительное словообразование (редеривация), которое, однако, признается не всеми исследователями, и контаминация в ее различных проявлениях.

При заменительной деривации в исходном слове может заменяться любая морфемная или неморфемная часть. Так, в результате замены второго корня в узуальном *фальшивомонетчики* создаются многочисленные новообразования с первой частью *фальшиво-*, которая указывает на засилье в современной России фальшивых реалий и ложных приоритетов, например: *фальшивотаблетчики, фальшивобилетчики; Фальшивоконвертчики. Сотрудники почты предупреждают, что письмо в фальшивом конверте до адресата не дойдет* («Российская газета» 31.03.2016, № 68).

Ключевое слово современной российской действительности *импортозамещение* послужило исходным для заголовочного новообразования *тракторозамещение: В Центрально-чернозёмной полосе сложилась гиблая ситуация с обеспеченностью машинно-тракторным парком [...]. Выбытие (как говорят на селе) техники почти втрое превышает её поступление в зерновые хозяйства* («Литературная газета» 17-23.03.2016, № 10-11). Исходным для заголовочного новообразования *одессобязнь* послужило узуальное *водобязнь*, в котором меняется первый корень: *Конечно, Одесса остаётся Одессой [...]. В день праздника [...] произошли столкновения. Однако разогнать демонстрантов с георгиевскими ленточками побоялись, страх у людей уходит [...]. А властям, похоже, так теперь и дрожать – от даты до даты* («Литературная газета» 18-24.05.2016, № 18-19).

В узуальном *пулемет* с суффиксоидом *-мёт* меняется первая, корневая часть: *Шуткомет Максим. Анонс нового развлекательного шоу «МаксимМаксим», в котором Галкин получает посылку-пулемет, обещал: юморист будет стрелять очередями шуток* («Собеседник» 2016, № 19).

Меняющиеся части исходного слова и новообразования могут находиться в антонимических отношениях: *Когда вы начинаете сапоги вытирать о православных – это, по-вашему, правосудие, а по-нашему, – левосудие* (телеканал «Россия-1» 27.03.2016).

При контаминации происходит совмещение формально тождественных частей исходных слов в новообразовании, что приводит не только к удвоению семантического объема новообразования, но и к игровому взаимодействию совмещенных частей: *эрдоганомика* (1-й телеканал 13.12.2015) – от *Эрдоган* и *экономика*; *Покупанты* в России [...]. *Эстонцы приезжают в наши аптеки с огромным списком и скупают буквально всё [...]. Раньше мы у них все покупали – они еще на нас сильно злились, называли «покупантами»* («Собеседник» 2016, № 17) – от *покупать* и *оккупанты*; *Свифтопляска* на Тверском бульваре.



Московский драматический театр имени Пушкина поставил пьесу Григория Горина «Дом, который построил Свифт» («Культура» 01-07.04.2016, № 12) – от Свифт и свистопляска; Нужен серьезный врачебный **конвульсиум** (радио «Вести FM» 24.06.2016; о событиях на Украине) – от конвульсии и консилиум.

При графической контаминации в новообразовании, соответствующем узуальному слову, графически выделяется часть, которая соответствует другому узуальному слову. В результате возникает сложное слово особой структуры, когда происходит полное или частичное совмещение разных основ (слов): *Воры совсем **разБОЛТались**. Быстрейший человек земли, спринтер со славного острова Ямайка Усейн Болт сегодня самый обеспеченный легкоатлет планеты. И его экипировка также пользуется спросом. Причем не только у поклонников, но и у воров* («Комсомольская правда» 20–27.01.2016); *ЗаМУРлыкали от обиды. Директор (теннисного – Л.В.) турнира Рэймонд Мур сделал скандальное заявление [...] «Мурлыкание» Мура Виктория Азаренко прокомментировала с истинно королевской снисходительностью* («Союзное Вече» 24–30.03.2016, № 11); Андрей Кураев **БЛОГОсловил** собравшихся («Собеседник» 2016, № 17) – от блог и благо-словил.

В графической контаминации могут участвовать не только имена собственные, но и аббревиатуры: *Круги **ВАДА** сжимаются вокруг российских спортсменов Накануне вердикта по допуску российских атлетов на Олимпиаду в Рио-де-Жанейро Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) опубликовало отчет о проверках на допинг* («Комсомольская правда» 11.06.2016) – обыгрывается прецедентный фразеологизм *круги ада*.

При графической контаминации может наблюдаться смешение разных алфавитов (графодеривация, графогибридизация): *FIFA**нтастика** [...] директор департамента FIFA по проведению соревнований Колин Смит [...] отметил, что Нижний Новгород «будет фантастическим местом проведения матчей Чемпионата мира по футболу»* («Нижегородский рабочий» 13.04.2016, № 14) – от FIFA и фантастика; *У-дар по печени [...]. Также в свекле есть витамин U: благодаря своему липотропному действию способен защитить печень от жирового перерождения* («Московский комсомолец» РРЕ, 16–23.03.2016) – от U и удар.

Исходные слова при контаминации называют актуальные реалии социально-политической и культурной жизни социума. В качестве исходных слов могут выступать имена ключевых фигур современности, известных в прошлом и сейчас деятелей культуры (*Болт, Свифт*).

В процессе контаминации нередко обыгрываются прецедентные тексты, в частности фольклорного характера, например фразеологизм *через ПЕН-колоду. Лет, пожалуй, десять название «Русский ПЕН-центр» в прессе почти не упоминалось. И вдруг эта аббревиатура буквально заполонила СМИ и соцсети. ПЕН оказался на переднем крае информационной войны [...]. PEN – международная неправительственная организация, основанная в 1921 году британскими писателями Джоном Голсуорси и Кэтрин Эми Доусон-Скотт [...]. В России ПЕН-центр (отделение Международного ПЕН-клуба) был учреждён в 1990 году* («Литературная газета» 24–20.03.2016, № 12) – ср. фразеологизм *через пень-колоду*.

В сложных новообразованиях находят отражение драматические события нашего времени и их оценка автором, ср., например, украинские события: *Американо-бандеровская хунта уничтожает инфраструктуру Донбасса*<sup>3</sup>; *И так выглядит подавляющее большинство хохлозомби этого возраста*<sup>4</sup>; *По умолчанию подразумевается, что с таким миллиардо-президентом Россия работать не будет*<sup>5</sup>; *Путинская Россия терпела януковичскую Украину, но не хочет более терпеть прозападную, ющенко-порошенковскую* («Ленинская смена» 11.09.2014). Сложные новообразования типа *Крымнаш* актуализируются в деривационных процессах как исходные слова для новых дериватов: *Крымнашизмом долго сыт не будешь*<sup>6</sup>; *Утритесь, крымнашисты*<sup>7</sup>. Многие сложные новообразования-контаминаты, отражающие украинские события, отмечены явной установкой на языковую игру и имеют оценочный характер. Экспрессия в таких случаях связана с нарушением словообразовательных норм, а также с семантикой и/или стилистической окраской исходных слов: *могилизация* (от могила и мобилизация); *Луганда* (от Луганск и Уганда), *Даунбасс* (от даун и Донбасс), *Пущенная было майдаунами* (от майдан и даун) *ложь о том, что среди погибших большинство – россияне и приднестровцы, чуть ли не офицеры российских спецслужб, что одесская трагедия – провокация со стороны России, что во всем виновата Россия и только Россия, тихо умерла* («Завтра» 2014, № 19); *Выброкадабра* (от выборы и абракадабра). *Уже сегодня можно сказать, что прошедшие 26 октября на Украине внеочередные выборы в Верховную раду стали блестящей победой украинской демократии. А точнее – дипломатии, спецслужб и политтехнологов США, которые эту самую «демократию» из криминально-олигархической диктатуры создали и всячески пользуют* («Завтра» 2014, № 44).

Таким образом, сложные новообразования в современных российских медиа являются ярким средством отражения и оценки актуальной действительности, средством быстрой и острой реакции на злободневные события в стране и мире, на популярных общественных лиц. Медийные словообразовательные неологизмы – это своеобразный эмоциональный выплеск автора, благодаря чему угадываются, определяются болевые точки современности, важнейшие моменты в жизни социума.

## Литература

Мардиева Л.А. *Социальная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования*. Казань: Издательство Казанского университета, 2016.

<sup>3</sup> [Online:] <<http://poznavatelnoe.tv/node/2980>> (10.10.2016).

<sup>4</sup> [Online:] <<http://alexander-rogers.livejournal.com/161034.html>> (10.09.2016).

<sup>5</sup> [Online:] <<http://rusevik.ru/politika/89677-krymnashizmom-dolgo-syt-ne-budesh.html>> (10.09.2016).

<sup>6</sup> [Online:] <<http://rusevik.ru/politika/89677-Krymnashizmom-dolgo-syt-ne-budesh.html>> (2.09.2016).

<sup>7</sup> [Online:] <<http://www.politonline.ru/comments/16559.html>> (2.09.2016).

- Сулименко Н.Е. *Аномальные явления в зеркале неологического словаря*. «Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований». Т. II. Ч. 3. Санкт-Петербург: Наука, 2006, с. 18-42.
- Miturska-Bojanowska J. *Динамические процессы в словообразовании имен существительных в русском языке 2-й половины XX века*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2013.

MEDIALINGWISTYKA  
МЕДИАЛІНГВІСТИКА  
MEDIA LINGUISTICS



## ОСОБЕННОСТИ КОТОМАТРИЦЫ КАК ИНТЕРНЕТ-ЖАНРА

OLGA MAKAROWSKA

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu  
Wydział Neofilologii  
Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej  
al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska  
e-mail: filin@amu.edu.pl  
(nadesłano 1.09.2016; zaakceptowano 24.09.2016)

### **Abstract**

#### **Cat memes as an internet genre**

The article comprises an analysis of one of the new internet genres – cat memes. The author presents the formation process of this particular genre, discusses its basic features and shows its role in the computer mediated communication. The model of an act of communication in which cat memes perform the function of the message is described. The following notions are defined: *internet genre*, *internet message*, *internet meme*. The author presents a typology of internet genres and establishes the position of cat memes among other genres. Moreover, the article draws attention to the similarities between cat memes and one of the Russian folk genres, the *chastushka*, and describes their common features. Finally, the relations between different genres of cat memes and the relations within the genre structure are discussed.

### **Key words**

Cat memes, internet genres, computer mediated communication, internet message, internet meme.

## Резюме

Статья посвящена анализу котоматрицы, одного из новых жанров Интернета. Представляется формирование котоматрицы как жанра, раскрываются ее основные жанровые признаки, выявляется роль в компьютерно-опосредованной коммуникации, описываются главные функции, а также разрабатывается модель коммуникативного акта по передаче и приему котоматрицы как сообщения. Дается определение таким понятиям как *интернет-жанр*, *интернет-коммуникат*, *интернет-мем*. В работе представлена классификация интернет-жанров и место котоматрицы в ней. Обращается внимание на схожесть котоматрицы с жанром частушки, описываются их общие черты. Выявляются межжанровые и внутрижанровые связи, характерные для котоматричных текстов.

## Ключевые слова

Котоматрица, интернет-жанр, компьютерно-опосредованная коммуникация, интернет-коммуникат, интернет-мем, классификация.

## Введение

Как известно, развитие компьютерно-опосредованной коммуникации способствует появлению новых интернет-жанров, в том числе котоматрицы (КМ). Несмотря на достаточно долгое существование, КМ остается почти неисследованной. Главной целью настоящей статьи является характеристика ее в качестве жанра, для реализации которой требуется решить следующие задачи<sup>1</sup>: раскрыть роль КМ в интернет-коммуникации, рассмотреть ее функции, определить место среди других жанров, описать жанрообразующие признаки, выявить специфику тематического содержания КМ, ее вербального компонента, а также меж- и внутрижанровых связей котоматричных текстов.

В качестве основных методов исследования применяются описание, сопоставление, моделирование и дискурс-анализ. Поскольку дискурс, вслед за Марианне В. Йоргенсен и Луизой Дж. Филлипс, трактуется как «особый способ общения и понимания окружающего мира (или какого-то аспекта мира)»<sup>2</sup>, то анализу подлежат, во-первых, один из видов отсроченной во времени интернет-коммуникации, осуществляемый с помощью КМ. Во-вторых, – сам жанр котоматрицы, где в определенной степени раскрывается своеобразие восприятия ее авторами тех фрагментов мира, что запечатлены на фотографиях и ими

---

<sup>1</sup> В статье не затрагиваются вопросы, связанные с выявлением стилистического своеобразие котоматричных надписей, ввиду необъятности темы.

<sup>2</sup> М.В. Йоргенсен, Л.Дж., Филлипс. *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр, 2008, с. 18.

прокомментированы/синтерпретированы<sup>3</sup>. Исследовательский материал насчитывает приблизительно 3000 КМ, размещенных на сайте КОТОМАТРИЦА<sup>4</sup>.

## Становление жанра

В русской культуре прапрообразом КМ послужили соответственно озаглавленные рисунки с животными<sup>5</sup>, а собственно прообразом – фотографии домашних животных с заголовками-комментариями. Они появились более столетия назад<sup>6</sup> и распространялись, среди прочего, в виде открыток<sup>7</sup>. Цифровые технологии позволили размещать фотоснимки зверюшек в интернете, часть из которых изначально сопровождалась подписями, редко – надписями юмористического характера<sup>8</sup>.

На первые рунетские КМ могли повлиять англоязычные локоты<sup>9</sup>, о чем свидетельствует использование эрративов и размещение текстовой части *на* снимке<sup>10</sup>; хотя нанесение надписи на изображение производилось задолго до локотов<sup>11</sup>. Маловероятно, что КМ есть модификация русскоязычного локота, т.к.

<sup>3</sup> Комментирование/интерпретация проводится не только в юмористическом или сатирическом ключе, но и в трагическом. Примером служат *грустные котоматрицы*. См.: [Online:] <<http://magspace.ru/blog/178964.html>>; <<http://oblacco.com/post181467693/>> (24.08.2016).

<sup>4</sup> Сайт <<http://kotomatrix.ru>>.

<sup>5</sup> Например, рисунок *Добрые друзья*, где изображена спящая в обнимку с собачкой девочка (февральский номер журнала «Дѣтское Чтеніе», Санкт-Петербург 1891. [Online:] <<http://www.docme.ru/doc/138438>> (24.08.2016).

<sup>6</sup> *Фамильный портрет* из журнала «Свѣтлячокъ», где на снимке позируют кошечка и собачка – № 6, 1909 г., с. 141. [Online:] <<http://www.docme.ru/doc/138245/svetlyachok-1909-n-06>> (24.08.2016).

<sup>7</sup> *Романъ на черной льстницѣ*, где на снимке собачка поглядывает на окруживших ее песиков-кавалеров. [Online:] <<http://forum.glamour-dog.ru/index.php/topic,6611.0.html>> (24.08.2016).

<sup>8</sup> См. фотоснимки на сайте, разработанном Максимом «Троглодитом» Архиповым в 2001 г. [Online:] <<http://www.korova.ru/humor/viewer.php?id=68&types=p&subtypes=cat>>; <<http://www.korova.ru/humor/index.php?num=1590&types=p&subtypes=cat>> (24.08.2016).

<sup>9</sup> *Локот* от англ. *lolcat* – *lol* или *laugh out loud*, т. е. громко, вслух смеяться над кем-то, плюс *cat*, т.е. кот. (М. Kamińska. *Memy, signa i sigile. Perspektywy e-semiologii*. [В:] *Kultura medialnie zapośredniczona. Badania nad mediami w optyce kulturoznawczej*. Ред. W. Chyła, М. Kamińska, Р. Kędziора, М. Kosińska. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Bogucki, 2010, с. 43–55). Язык надписей англоязычных локотов имитирует «речь» самого кота, не владеющего «литературным человеческим» языком (*I can has cheezburger?*, т.е. «Мона мне чизбургер?». [Online:] <<https://lurkmore.co/Lolcat#LOLCode>> (24.08.2016)) или подражает инфантильной речи владельцев котиков, разговаривающих со своими любимцами (М. Kamińska. *Memy, signa i sigile...*, с. 51). Он (язык) отличается множеством специально вводимых грамматических и орфографических ошибок, а также акронимов и интернет-аббревиатур, поэтому даже получил название *lolspeak* (там же). На него похож язык падонкаффа, полный эрративов, употребляемых в первых КМ.

<sup>10</sup> А) Например: *Меня возьмѣте бухать!? // Ну пажалусто...* [Online:] <<http://www.pozitif.info/2006/02/18/koshaki.html#comment>> (24.08.2016). Снимок котенка выложен 18.02.2006.

Б) Все котоматричные надписи в статье приводятся без правки.

<sup>11</sup> См. снимок *Письнь о свободѣ*, где соловей поет перед клеткой с собаками. [Online:] <<http://>



сайт ЛОЛКОТ.РУ<sup>12</sup> был создан в мае 2008 г., а КОТОМАТРИЦА<sup>13</sup> – в феврале 2008 г. Примерно тогда же в обиход интернет-пользователей входит слово *котоматрица*, поэтому именно с этого момента можно говорить о формировании нового интернет-жанра.

## Определение жанра

Поскольку КМ функционирует в рамках конкретного вида дискурса, интересным представляется понимание жанра его участниками (создателями и получателями КМ)<sup>14</sup>. Показательно, что в определениях интернетчиков подчеркивается первичность фотографии и юмористическая направленность картинки и текста (никто не отметил наличия грустных КМ), а в качестве главных персонажей называются кошки и/или животные:

2010 г.: Котоматрица – это такая картинка, изначально с котэ, на данный момент со всеми нашими братьями меньшими, и с забавной подписью под ней<sup>15</sup>.

2011 г.: Что такое котоматрица? Все очень просто. Котоматрица – это позитивные фото кошек с креативными комментариями пользователей сети<sup>16</sup>.

2012 г.: Небольшая справка: «котоматрица» – это фотографии животных со смешными и остроумными надписями<sup>17</sup>.

2015 г.: Котоматрица – фотографии животных с прикольными надписями<sup>18</sup>.

2016 г.: *Котоматрица* – это когда к фотке с котом придумывают смешной комментарий и размещают его на этом фото. Получаются такие смешные картинки про котов с надписями<sup>19</sup>.

Как видим, мнение интернет-коммуникантов расходится относительно расположения текста (*надпись – подпись – комментарий без указания места размещения*). Один из пользователей указывает, что текст должен быть словами самой зверюшки:

2012 г.: **Akvapiav** Супер!!! Жаль, что в тексте не все юморят... Котоматрица – это комментарий или фраза, как бы от самого животного. Иначе теряется смысл „КОТОМАТРИЦА”<sup>20</sup>.

forum.glamour-dog.ru/index.php/topic,6611.0.html> (24.08.2016).

<sup>12</sup> Сайт <<http://lolkot.ru>>.

<sup>13</sup> Сайт <<http://kotomatrix.ru>>.

<sup>14</sup> Ранее специалистами рассматривалась концептуализация речевых жанров их пользователями, правда, на основании лексикографических дефиниций, данных в неспециализированных словарях (J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska. *Tekstologia*. Warszawa: PWN, 2009, с. 141–144).

<sup>15</sup> [Online:] <<http://rndnet.ru/part-humor/kotomatrici>> (24.08.2016).

<sup>16</sup> [Online:] <<http://romen.at.ua/news/kotomatrica/1-0-28>> (24.08.2016).

<sup>17</sup> [Online:] <<http://www.big-big.ru/interesnoe-v-seti/humor/luchshie-kotomatriczyi-s-koshkami.html>> (24.08.2016)

<sup>18</sup> [Online:] <<http://irecommend.ru/content/kotomatritsa-eto-ne-tolko-koty>> (24.08.2016).

<sup>19</sup> [Online:] <<http://funkot.ru/mems/kotomatrix-best/>> (24.08.2016).

<sup>20</sup> [Online:] <<http://ushilapychvost.ru/blog/43090272049/Kotomatritsa-prodolzhaetsya?page=1>>

Однако эта черта, встречаемая в котоматричных надписях<sup>21</sup>, к доминирующим не относится. Некоторые сомнения у интернетчиков вызвало название *котоматрица* по отношению к фотоизображениям других животных:

**Татарин** 8 сентября 2009 г. 17:05

Многоуважаемый автор)) а почему на КОТоматрицах собаки и крокодилы с медведями? Позвольте высказать своё недоумение по данному поводу...

1 **Boni\_Casl** 8 сентября 2009 г. 17:25

а вы предлагаете делать отдельно СобакО , медведО и крокодилО – матрицы ? :-)

**Татарин** 8 сентября 2009 г. 17:35

Крайне интересный момент)) Я согласен с Вами что при всем обилии постов, Вами создаваемых, дробить их ещё больше – это никакого здоровья не хватит. Может выбрать что то нейтральное? звероматрицы? ржакокартинки? стёборадости? котопесоматрицы? последнее мне кажется очень удачно))) ну как то так наверное)))<sup>22</sup>.

Важно, что одинаковое техническое оформление, тематика и специфика содержания надписей КМ, выложенных на разных сайтах в разделах *КОТОМАТРИЦА*, *КОТОПЁСОМАТРИЦА*, *ЗВЕРОМАТРИЦА* и *ЗООМАТРИЦА* свидетельствуют о синонимичности этих лексем, обозначающих одно и то же явление<sup>23</sup>.

Определённый номинационный хаос возникает: 1) из-за несоответствия названия жанру, напр., за песоматрицу выдаются демотиваторы<sup>24</sup> или даже смешение демотиваторов, лолдогов и песоматриц<sup>25</sup>; 2) из-за употребления разных наименований одного явления, напр., *КМ без котов* – *КМ про собак* – *песоматрица* – *собакоматрица* – *собачья КМ* – *догоматрица*<sup>26</sup>; 3) из-за отождествления или нестроого разграничения жанров<sup>27</sup>.

По частоте выступления лексем в интернете<sup>28</sup> первое место занимает *котоматрица* – 557 тыс. результатов, второе *котопесоматрица* – 101 тыс., третьё *зверо-* и *зооматрица* – по 25 тыс. каждая.

С учетом сказанного, а также на основании анализа котоматричного материала и сравнения его с лолкотами примем, что *котоматрица* – это фотогра-

(24.08.2016).

<sup>21</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/search.php?q=хозяйка>> (24.08.2016).

<sup>22</sup> [Online:] <<http://bonicasl.gorod.tomsk.ru/index-1252399590.php>> (24.08.2016).

<sup>23</sup> Ср.: [Online:] <<http://kotomatrix.ru>>; <<http://subscribe.ru/group/umnyiy-otdyih-lyubimye-pritchiiaforizmyi/3029006/>>; <<http://www.liveinternet.ru/users/4400705/post180645256/>>; <<http://www.liveinternet.ru/tags/%E7%EE%EE%EC%E0%F2%F0%E8%F6%E0/>> (24.08.23016).

<sup>24</sup> [Online:] <[http://funny.webplustwitt.com/kartinki\\_pro\\_ZHivotnye\\_Pesomatrica\\_images\\_50617dc31e608](http://funny.webplustwitt.com/kartinki_pro_ZHivotnye_Pesomatrica_images_50617dc31e608)> (24.08.2016).

<sup>25</sup> [Online:] <[#42822716139](http://jenskiymir.mirtesen.ru/blog/43954683818/Pyosomatritsa.-Ulyibnites-)))> (24.08.2016).

<sup>26</sup> См. соответственно: [Online:] <<http://katrai.ru/post153327964>>; <<http://subscribe.ru/group/sobaka-v-dome/5995398/>>; <<http://personal.klavdievna.ru/post190083670/>>; <<http://smishok.com/gumor/4706-sobakomatrica-svezhaya-podborka.html>>; <<http://subscribe.ru/group/sobaka-v-dome/5995398/>>; <> (24.08.2016).

<sup>27</sup> [Online:] <<http://vilingstore.net/Interesnye-fakty-c15/Kotomatrica-Chto-eto-i196367>> (24.08.2016).

<sup>28</sup> Согласно данным поисковика yandex.ru на 23.08.2016.

фия/собрание фотографий животных с надписью, выполненной неконтурным шрифтом.

## КМ как элемент интернет-коммуникации

Возможность поделиться созданной самим или кем-то КМ с другими людьми обуславливает ее вовлеченность в компьютерно-опосредованную коммуникацию: *межличностную* (напр., пересылка КМ по e-mail другу) или *лично-групповую* (индивид – сборному субъекту, напр., выкладывание КМ в Сети).

Если исходить из того, что коммуникативный акт – это «акт передачи и восприятия определенной информации»<sup>29</sup>, то размещение/распространение КМ в интернете и ее получение при нулевой (бездействии) ответной реакции является однонаправленным технически опосредованным коммуникативным актом. В случае неполучения КМ можно говорить о его усеченности.

Внешнее подтверждение обратной связи имеет место при осуществлении ответного коммуникативного акта, о чем говорит наличие сигнальной ответной реакции в виде проставления лайков, оценок, эмодзи, анимированных смайлов, написания отзыва/комментария. Нулевой и сигнальной реакции сопутствует несигнальная (латентная) ответная реакция в виде эмоционального отклика в душе, мыслей, желаний, которая тоже может быть нулевой (незаинтересованность, равнодушие). Ответная реакция воображаемого (абстрактного, все равно кого) адресата непредсказуема, реального – условно предсказуема, т.е. в целом неизвестна. Само восприятие КМ индивидом происходит вынужденно, когда отправитель присылает ему (гипер)ссылку или понравившуюся КМ, а также целенаправленно или окказионально, напр., в ходе веб- и интернет-сёрфинга.

Модель технически опосредованного коммуникативного акта с использованием КМ в качестве передаваемой-получаемой информации<sup>30</sup> можно представить так (см. схема 1):

<sup>29</sup> К.В. Чистов. *Специфика фольклора в свете теории информации*. [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895?1970)*. Сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. Москва: Наука, 1975, с. 26–43.

<sup>30</sup> *Информация* суть «объективированные смыслы концепта или сочетания таких смыслов избранных концептов» (О. Makarowska. *Культурные, культурно-личностные и коммуникативно-стилевые детерминанты интерперсональной коммуникации между польской и русской молодежью*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2014, с. 44). Форма объективации смыслов в КМ визуальная, т.е. сочетание иконического и вербального компонентов.

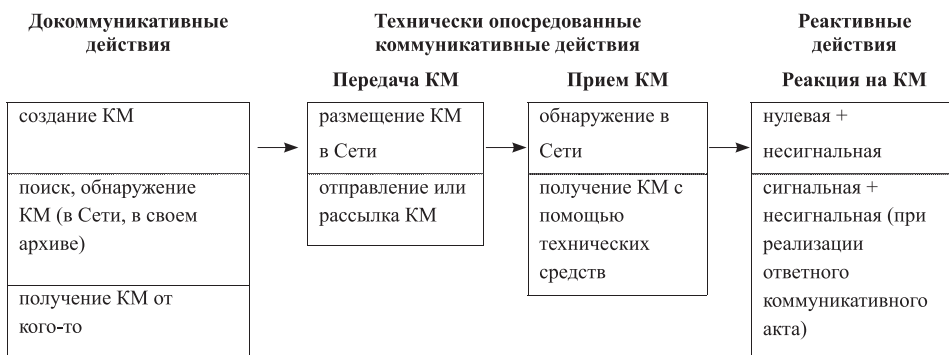


Схема 1. Модель опосредованного коммуникативного акта с использованием КМ  
Собственная разработка.

Подобные коммуникативные акты обычно лишены однопространственности и simultанности<sup>31</sup>, т.к. передача и прием КМ происходят в разных пространствах и с отступлением во времени (специалисты в подобных случаях говорят о разорванности коммуникации на этих уровнях), что в определенной степени касается и докоммуникативных действий.

Коммуникация с КМ в роли передаваемой информации способна сводиться к одному коммуникативному акту, к нескольким (обмен КМ, мнениями, обсуждение КМ в диаде/группе) или ограничиваться ее передачей. Одним словом, она вбирает в себя черты:

- массовой коммуникации, т.е. пространственную и временную разорванность, немгновенную обратную связь<sup>32</sup>, а также асимметричность и усеченность, обусловленные нулевой потенциальностью обратной связи (возможностью ее отсутствия)<sup>33</sup>;
- межчеловеческой опосредованно-дистантной коммуникации, т. е. применение технических средств и удаленность коммуникантов;
- визуальной коммуникации, т.е. передачу информации в визуальной форме<sup>34</sup>.

Основные каналы передачи-получения КМ – электронная почта, сеть Интернет, реже – канал мобильной связи (сотовый телефон). В силу же визуальности котоматричной информации, единственным перцептивным каналом ее восприятия является зрительный. Одним словом, КМ как составляющая смешанной разновидности сетевой коммуникации (компьютерно-опосредованной и телефонной) по сути является визуально-вербальным интернет-коммуника-

<sup>31</sup> Тем не менее известны случаи, когда члены одной семьи обменивались КМ и комментировали их по имейлу, находясь дома в соседних комнатах.

<sup>32</sup> B. Dobek-Ostrowska. *Komunikowanie polityczne i publiczne*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006, с. 77.

<sup>33</sup> O. Makarowska. *Культурные, культурно-личностные...*, с. 59.

<sup>34</sup> J. Dąbala. *Aksjologiczne konsekwencje komunikacji wizualnej a telegeniczność*. [B:] *Komunikacja wizualna w prasie i w mediach elektronicznych*. Red. K. Wolny-Zmorzyński, W. Furman, J. Snopek, K. Groń. Warszawa: Poltext, 2013, с. 89–99.

том, т.е., перефразируя слова М. Хоффмана, единым коммуникативным целым в его возможной изобразительной и словесной комплексности<sup>35</sup>.

## Функции КМ

В интернет-коммуникации КМ выполняет роль своеобразного источника эмоций, чувств, настроений и переживаний, поэтому ее главная функция *эмотивная*. Она заключается, с одной стороны, в передаче и заражении эмоциями реального или подразумеваемого (все равно кого) адресата, единичного/группового; с другой – в выражении своих эмоций и/или желании испытать определенные эмотивные ощущения как в ходе просмотра, так и создания собственной КМ.

Более того, эмотивная функция обуславливает специфику *коммуникативной* функции: смыслы, потенциально заложенные в КМ, передаются с целью поделиться не информацией/знаниями, а экспрессией, ибо именно «экспрессивный (выразительный) компонент эмоций делает их ‘прозрачными’ для окружения<sup>36</sup>. Не менее важны также *ценностная* функция КМ, экспонирующая духовные и жизненные ценности (см. грустные КМ); *интерактивная*, предполагающая взаимодействие на уровне *человек – машина* (пользование компьютером, девайсами и пр. при подготовке, передаче и получении КМ), *человек – человек* (обмен КМ, их обсуждение на форумах, комментирование и под.).

В процессе создания КМ активизируются функции: *людская* (игра в автора-создателя, как в играх с детским конструктором, кубиками или в забытой игре в секретики); *творческая*, побуждающая к самостоятельному творчеству, созданию; *креативная*, возбуждающая воображение, фантазию; *эстетическая*, заключающаяся в использовании или модификации цитат из литературного, песенного, фольклорного, кинематографического и прочего культурного наследия.

## Место КМ среди других меметических жанров

Понятие *интернет-жанр* еще не получил своего однозначного и общепринятого толкования, ибо охватывает «достаточно разнородные по своей природе

<sup>35</sup> А) Михаэль Хоффман определял коммуникат как «модель единого коммуникативного целого ‘в его возможной медиальной комплексности’» (цит. по: А.-М. Ариас. *Поликодовый текст. Теоретические и прикладные аспекты*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2015, с. 10–11).

Б) Некоторыми учеными коммуникат толкуется более широко, т.е. как акт межчеловеческого общения (М. Zaško-Zielińska. *Przez okno świadomości. Gatunki mowy w świadomości użytkowników języka*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002, с. 14). Опираясь на определение коммуниката Валерии Евгеньевны Чернявской, примем, что *интернет-коммуникат* есть продукт коммуникативной деятельности, распространяемый с помощью интернет-технологий и являющий собой единое знаковое множество (вербальное, невербальное, паравербальное, экстравербальное – в любой пропорции и комбинации). Определение Валерии Евгеньевны Чернявской дано в статье *Поликодовое пространство текста. Лингвосемиотическая парадигма языкознания*, опубликованной [в:] *Язык в парадигмах гуманитарного знания. XXI век*. Ред. В.И. Чернявская, С.Т. Золян. Санкт-Петербург: Лингва, 2009, с. 23–37. [Online:] <[http://old.brusov.am/docs/Yazik\\_Paradigma-2009.pdf](http://old.brusov.am/docs/Yazik_Paradigma-2009.pdf)> (24.08.2016).

<sup>36</sup> А.Л. Тертель. *Психология. Курс лекций*. Москва: ТК Велби, Издательство Проспект, 2008, с. 91.

и функциям явления»<sup>37</sup>. Любой (интернет-)коммуникат, в т.ч. визуально-вербальный, как «знаковое коммуникативное единство»<sup>38</sup> является текстом культуры в культурологической трактовке<sup>39</sup>. Каждому же тексту обязательно присущи жанровые признаки<sup>40</sup>, совокупность которых образует модель, воспроизводимую в той или иной степени также в других текстах, на что обратили внимание Михаил Михайлович Бахтин и его последователи. Исходя из их определений речевого жанра<sup>41</sup>, под *интернет-жанром* будем понимать повторяющуюся модель построения интернет-коммуниката, а также собрание интернет-коммуникатов, в которых она объективируется.

Если говорить о разграничении интернет-жанров, то попытки ученых, использующих разные критерии, не принесли ожидаемых результатов, т.к. не удалось ни создать единой типологии, представляющей все разнообразие жанров<sup>42</sup>, ни классифицировать их в более узком русле. Например, при классификации комических интернет-жанров и мемов не были упомянуты лолкоты, КМ, статусы и др.<sup>43</sup>

С целью разработки более точных типологий интернет-жанров некоторые специалисты предлагают воспользоваться такими единицами, как *гипержанр*, *субжанр* и *жанроид*<sup>44</sup>. Однако в случае отдельных жанров, по-нашему, требуется еще более

<sup>37</sup> Ал.А. Селютин. *Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности*. [Online:] <<http://www.lib.csu.ru/vch/173/027.pdf>> (17.08.2016).

<sup>38</sup> А.-М. Ариас. *Поликодовый текст...*, с. 11.

<sup>39</sup> А) Определение *текста культуры* см. [в:] М.М. Шубина, А.М. Руденко. *Основы истории культуры и культурологии*. Новочеркасск: ЛИК, 2011. [Online:] <<http://www.studfiles.ru/preview/4112262/page:22/>> (21.08.2016).

Б) Специалисты отмечают, что «лингвистика текста „сдает“ свои позиции в пользу ... расширенного семиотического и культурного толкования текста» (В.Е. Чернявская. *Поликодовое пространство текста...*, с. 23). Более того, трактовка текста выходит за рамки культуры; он ставится в один ряд с такими категориями, как пространство, время и материя (J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska. *Tekstologia...*, с. 73).

<sup>40</sup> J. Bartmiński, S. Niebrzegowska-Bartmińska. *Tekstologia...*, с. 128–129.

<sup>41</sup> М.М. Бахтин. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1979, с. 307; М. Войтак. *О жанрах речи и их публицистических/печатных конкретизациях*. «Медиалингвистика. Речевые жанры в массмедиа». Вып. 3. Санкт-Петербург 2014, с. 9–13; S. Gajda. *Gatunkowe wzorce wypowiedzi*. [В:] *Polska genologia lingwistyczna*. Red. D. Ostaszewska, R. Cudak. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008, с. 130–142.

<sup>42</sup> Подробнее см.: Е.И. Горошко. *Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области*. [Online:] <<http://www.textology.ru/article.aspx?ald=77>> (17.08.2016); В.В. Деметьев. *Теория речевых актов*. Москва: Знак, 2010, с. 275–276; Е.И. Горошко, Е.А. Землякова. *Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы*. [Online:] <[http://sn-philolocom.crimea.edu/arhiv/2011/uch\\_24\\_11\\_fn/036.pdf](http://sn-philolocom.crimea.edu/arhiv/2011/uch_24_11_fn/036.pdf)> (21.08.2016).

<sup>43</sup> См. соответственно: Ю.В. Шурина. *Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства Интернета*. [Online:] <<http://izvestia.vspu.ru/files/publics/87/39-43.pdf>> (21.08.2016); Е.А. Выналек (Слободян). *О природе интернет-мема*. [В:] *Современный русский язык в интернете*. Ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. Москва: ЯСК, 2014, с. 51–60.

<sup>44</sup> Ранее такое разграничение предложил Константин Федорович Седов относительно речевых не виртуальных жанров (К.Ф. Седов. *Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации*. [В:] *Антология речевых жанров*. Ред. К.Ф. Седов. Москва: Лабиринт, 2007, с. 7–38).

дробное членение. Поэтому воспользуемся также единицами структуризации концепт-пространства, предложенной Верой Ивановной Убийко<sup>45</sup>. При уточнении места КМ в жанровой классификации важно учитывать ее принадлежность к мемам.

В настоящий момент ведется переосмысление понятия *интернет-мем* в связи с изменением его позиции в интернет-коммуникации. Дело в том, что мем обычно дефинируется как единица информации, неожиданно ставшая популярной<sup>46</sup>. Однако их огромное количество, а также возникновение целых мемокомплексов (собраний мемов на форумах, тематических, развлекательных и иных сайтах типа *Статусы на все случаи*, БУ-ГА-ГА и т. п.), из которых мало какой мем имеет шанс стать модным, вынуждает пересмотреть существующие толкования мема.

Поскольку основная цель *интернет-мема* – передача информации, то обоснованно рассматривать его как одну из разновидностей интернет-коммуниката (меметического коммуниката), т.е. краткое, легко распространяемое, адресованное любому получателю, досугового назначения единое коммуникативное целое в его возможной знаковой комплексности.

Представим особенности той ветви жанровой иерархии, к которой принадлежит именно котоматрица (табл. 1)<sup>47</sup>:

Таблица 1. Жанровая иерархия

Гипержанр	– интернет-жанр
Гигажанр	– интернет-мем
Мегажанр	– визуальный интернет-мем
Супержанр	– креолизованный интернет-мем
Субжанр	– статичный интернет-мем
Макрожанр	– вербально-невербальный интернет-мем
Базовый жанр	– котоматрица
Микрожанры	– грустная КМ, веселая КМ, сатирическая КМ
Жанроиды	– фотографии животных с подписями – озаглавленные фотографии животных

Собственная разработка.

К этой же самой группе в качестве базовых жанров (без учета микрожанров и жанроидов) относятся лолкоты, эдвайсы, (де)мотиваторы, аткрытки, интернет-комиксы, креолизованные стишки-порошки<sup>48</sup>.

<sup>45</sup> В.И. Убийко. *Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке*. Уфа: Башгосуниверситет, 1998, с. 4.

<sup>46</sup> Е.А. Выналек (Слободян). *О природе интернет-мема...*, с. 52–53; M. Zaremba. *Memy internetowe (2010–2011)*. «Media i Społeczeństwo» 2012, № 2, с. 60–73. [Online:] <[http://www.mediaispoleczenstwo.ath.bielsko.pl/art/060\\_zaremba.pdf](http://www.mediaispoleczenstwo.ath.bielsko.pl/art/060_zaremba.pdf)> (24.08.2016).

<sup>47</sup> А) Данное классификационное построение предлагаем трактовать как вступительное и открытое для дискуссий. Б) Отсутствие определения классификационных единиц объясняем тем, что оно требует более глубокого рассмотрения вопросов жанровой организации интернет-дискурса, чему препятствует формат статьи. Отметим только, что критериями их выделения являются возможность членения на более мелкие жанры и степень жанровой «разветвленности», если можно так сказать.

<sup>48</sup> [Online:] <<http://www.netlore.ru/poroshki>> (24.08.2016).

В настоящее время меньше всего различий отмечается между КМ и русскоязычным лолкотом<sup>49</sup>. Для них используются фотографии всевозможных животных (хотя в лолкотах преобладают кошки), снятых в неожиданной ситуации, позе, ракурсе, месте, обстановке в одиночку или в обществе других животных/человека. Для создания КМ и лолкотов могут использоваться одни и те же фотоснимки<sup>50</sup>. Единственное визуальное отличие в том, что надписи лолкотов набраны контурным шрифтом с внутренней заливкой или без нее. Эративы в надписях этих жанров уже почти не употребляются; основные характеристики вербального компонента лолкотов и котоматриц совпадают<sup>51</sup>.

Основными жанрообразующими признаками КМ являются:

- креолизованность или сочетание «элементов различных семиотических систем»<sup>52</sup>. Среди КМ встречаются коммуникаты с полной и частичной креолизацией, а также с автосемантической потенциальностью<sup>53</sup>;
- семиотическая комплексность, точнее, единство вербального и визуального компонентов, последний из которых складывается из двух элементов – иконического (фотография) и паравербального (визуальные особенности графической формы текста);
- постоянный предмет изображения, т. е. животные в любой ситуации;
- общая целевая установка, направленная на публичное ознакомление, что облегчает неограниченный доступ к КМ. Другими словами, включение КМ в интернет-дискурс делает ее минимум доступной, максимум известной широким кругам;
- общая функциональная целенаправленность, связанная с вызыванием у адресата определенной эмотивной реакции;
- способ объективации смыслов, заключающийся в применении доступных и понятных вербальных и визуальных средств;
- фольклорность<sup>54</sup>, обусловленная совокупностью признаков, сближающих КМ с частушками. Параллель между этими жанрами позволяет провести не только то, что они являются продуктом непрофессиональной досуговой

<sup>49</sup> [Online:] <<http://kolyan.net/index.php?newsid=35731>> (24.08.2016).

<sup>50</sup> Ср.: [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1606850/>> и <<https://lolkot.ru/2015/07/22/zagrebulka-spekulyatorskaya/>> (24.08.2016).

<sup>51</sup> Общая характеристика вербального компонента КМ дана в статье *Особенности котоматрицы как креолизованного текста* (в печати).

<sup>52</sup> Н.С. Громова. *Креолизация текстов печатных СМИ как способ манипуляции адресатом*. «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2014, № 8 (38), ч. 1, с. 59–63. [Online:] <[http://scjournal.ru/articles/issn\\_1997-2911\\_2014\\_8-1\\_15.pdf](http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_8-1_15.pdf)> (27.07.2015).

<sup>53</sup> А) Подробнее об этом написано в статье *Редирективность котоматричных текстов* (в печати). Б) Полная креолизация подразумевает синсемантические отношения между фотографией и надписью, частичная креолизация – автосемантические (Е.Е. Анисимова. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. На материале креолизованных текстов*. Москва: Academia, 2003, с. 15).

<sup>54</sup> Ряд специалистов относит интернет-мемы к интернет-фольклору, см., напр.: W.J. Burszta, A. Pomieciński. *E-folklor – wstęp*. «Kultura Popularna» 2012, № 3 (33), с. 4–5; Е.А. Выналек (Слободян). *О природе интернет-мема...*, с. 53.



культуротворческой деятельности или что постоянно происходит приращение котоматричного и частушечного материала.

Для обоих жанров характерны: а) сочетание двух семиотических систем (в частушке – музыка и текст, причем напев, как и фотоснимок, не прикреплен к тексту<sup>55</sup>); б) публичная адресность (для кого угодно), т.е. «публичное исполнение», «общественное прослушивание» частых песен<sup>56</sup> и размещение, прочтение КМ в публичном интернет-пространстве; в) непостоянство, т.к. КМ и частушка «всегда кажется новою, она всегда – не та, что ранее»<sup>57</sup>, чему способствует многообразие форм их изложения; г) личностный характер, т.к. в текстах отражаются индивидуальные чувства, настроения, эмоции, хотя по отношению к частушке не все ученые с этим согласны<sup>58</sup>; д) отсутствие в КМ и частушке «резко очерченных и отграниченных образцов»<sup>59</sup>; е) краткость, экспрессивность, возможность быстрого распространения, тематическое разнообразие.

Специфика тематического содержания КМ в его многообразии, обусловливающим трудности, связанные с их тематической классификацией.

Дело в том, что тематика КМ прежде всего задается изображением конкретных животных. На этом основании интернетчики придумали названия мемов, указывающие на их главного персонажа, как-то: *белкоматрица*, *конематрица*, *(бело)медвежья матрица*, *лёвоматрица* (про львов), *дикая КМ* (про диких животных семейства кошачьих), *насекомая матрица*, *крокило-*, *жабо-*, *мышье-*, *обезьяно-*, *корово-*, *черепахо-*, *свине-*, *хомяко-*, *тигро-*, *сурко-*, *рыбо-*, *зайце-* и *олениматрица*<sup>60</sup>. Однако эта идея не прижилась; группировка же КМ по избранному тематическому признаку, напр., *Про еду*<sup>61</sup>, *Кошкин дом*, *Любовь-морковь*, *Отцы и дети*<sup>62</sup> тоже оказалась неудачной.

Полагаем, что причина в том, что КМ, пользуясь словами Павла Александровича Флоренского (написанными в 1909 г. и относящимися к частушке), «как факт самой жизни, имеет множество сторон, и зачислять ее в ту или другую рубрику зависело бы от каприза исследователя», поэтому «такая классификация была бы крайне искусственной и произвольной»<sup>63</sup>. К примеру, КМ – *Стол на шесть персон накрыли. // А уже девятый проглот раздевается...* (котенок

<sup>55</sup> А.В. Кулагина. *Поэтический мир частушки*. Москва: Наука, 2000, с. 19.

<sup>56</sup> В.П. Аникин. *Традиции жанра как критерий фольклорности в современном творчестве (частушки и поговорки)*. «Проблемы современного народного творчества. Русский фольклор». Вып. 9. Москва – Ленинград 1964, с. 82–96. [Online:] <<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10331>> (25.08.2016).

<sup>57</sup> П.А. Флоренский. *Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда*. [Online:] <<http://lib.kostromka.ru/florensky/chastushki.php>> (25.08.2016).

<sup>58</sup> А.В. Кулагина. *Поэтический мир частушки...*, с. 7.

<sup>59</sup> П.А. Флоренский. *Несколько замечаний к собранию частушек...*

<sup>60</sup> [Online:] <<http://www.liveinternet.ru/tags/%E7%E2%E5%F0%EE%EC%E0%F2%F0%E8%F6%E0%21/>> (24.08.2016).

<sup>61</sup> [Online:] <<http://covkysom.ru/pirozchkovaya-dieta-kotomatritsyi-pro-edu-37.htm>> (24.08.2016).

<sup>62</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/>> (24.08.2016).

<sup>63</sup> П.А. Флоренский. *Несколько замечаний к собранию частушек...*

в ужасе прикрывает передними лапками ротик<sup>64</sup>), выложенная в рубрике *Проеду*, с пищей и ее приемом прямых связей не обнаруживает.

Если говорить о жанровой принадлежности вербального компонента КМ, то его сложно отнести к конкретному жанру, т.к. тексты котоматричных надписей отличаются многообразием внутренней организации<sup>65</sup>, смешением и разнообразием функциональных стилей<sup>66</sup>, принадлежностью к монологической, диалогической и полилогической речи<sup>67</sup>.

<sup>64</sup> [Online:] <<http://covkysom.ru/pirozhkovaya-dieta-kotomatritsyi-pro-edu-37.htm>> (24.08.2016).

<sup>65</sup> Пример организации текста:

– стандартной – *Уважаемые граждане, сидящие перед // телевизором и компьютером, СРОЧНО // пройдите на кухню – вас там ожидает // ВАШ КОТ!!! Повторяю...* (кот «говорящий» в микрофон [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/740443/>> (24.08.2016). Текст составлен, как частное объявление не рекламного характера, адресованное потерявшему пассажиру и передаваемое по вокзальному радио, согласно схеме *обращение – требование пройти в конкретное место – имя субъекта ожидания – повтор информации;*

– свободной – *Мурзик с пацанами на лавочке посидел, // о том о сем потрепались, пацаны ужастиков всяких // понарассказали ? ну там про гусей с яблоками // да про пироги с котятами... Жуть!* (на лавочке сидят два утенка и котенок [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1614512/>> (24.08.2016));

– нестандартной – *Видите? Там 3 кота!↓* (два кота, сидящие один за другим, смотрят в дверной проем, стрелка указывает на еле заметное ухо третьего кота внизу снимка [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1610860/>> (24.08.2016).

<sup>66</sup> *Разговорный стиль: Вроде бы Кеша свой, друг. Ну почему же он, // зараза такая, так едой пахнет?!* (котик принохивается к попугаю [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/894048/>> (24.08.2016);

– научный стиль: *Научный семинар на тему: // «Заразительность зевания – // миф или реальность?»* (на 3 снимках изображены 3 тех же самых кота, но на первом снимке зевает кот крайний слева, на втором – кот, сидящий в центре, на третьем – крайний справа [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1655754/>> (24.08.2016);

– публицистический стиль: *Хозяевам на заметку. // Пустой стол может вызвать // голодный обморок у вашего любимого кота.* (на кухонном столе животом кверху лежит кот [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/578510/>> (24.08.2016);

– художественный стиль: *Макушкой мягкой я прильну // К щеке твоей колючей. // И ласково мурча, усну. // Я счастлив... Я везучий...* (котенок, прижавшись к щеке хозяина, уснул у него на плече [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1038824/>> (24.08.2016);

– официально-деловой стиль: *Объяснительная главбуха: «Опоздала на 3 часа, // так как под утро приснился сон, что баланс // наконец сошелся. Следствием этого стала серия // мощных неуправляемых оргазмов. // Прошу войти в положение.»* (на отчетах развалилась кошка [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/107548/>> (24.08.2016);

– смешение стилей: *Итак, если  $F_a=qgV$  и  $F_m=mg$  // учитывая, что  $F_a=F_m$ , получим: //  $qgV=mg$ ,  $g$  взаимноуничтожается, значит  $qV=m$  // Отсюда  $q=m/V$ . Итак, заключение: // насру в спальне ...* (собака задумчиво смотрит в объектив [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/37640/>> (24.08.2016).

<sup>67</sup> См., напр.: [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1109602/>>; <<http://kotomatrix.ru/show/1539737/>>; <<http://kotomatrix.ru/show/675781/>> (24.08.2016).

Более того, среди котоматричных текстов встречаются жанры *письменной речи*, преимущественно малоформатные:

- нелитературные, напр., объявление<sup>68</sup>, заявление<sup>69</sup>, объяснительная записка, инструкция<sup>70</sup>, личное письмо<sup>71</sup>, жалоба<sup>72</sup> и др.;
- литературные, напр., афоризмы АФОРИЗМ // 'Пока вишу – надеюсь...' // *Кот Митяй*. (котенок висит, вцепившись зубами в кусок мяса, который держит хозяин); сентенции НИКОГДА не говори : // 'Колбаса', если // ее у тебя нет! (котик внимательно смотрит в объектив); шуточные парадоксы Я сегодня просто прелесть какая гадость! (кошка с довольным выражением мордочки); грегории<sup>73</sup> Коррупционер, в отличие от взяточника, деньги берет, но НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕТ (котик валяется на разбросанных по полу деньгах); пародии, к примеру, на Песню о друге Владимира Высоцкого<sup>74</sup> и пр.

Авторы КМ используют также всевозможнейшие жанры *устной речи* (приведенная ниже общая классификация устноречевых жанров разработана Юрием Владимировичем Рождественским<sup>75</sup>):

- 1) имеющей «определенный письменный текст в качестве прототипа»<sup>76</sup>. Например, клятвы<sup>77</sup>, радиообъявления в зоопарке<sup>78</sup>, объявления справочного бюро вокзала, объявления выступлений на концерте<sup>79</sup>, телевизионные сообщения, напр., – *Дорогие телезрители, по многочисленным // просьбам мы передаем // повтор передачи «ВЗГЛЯД» с Альбертом Мурзевичем* (на черном фоне оконного проема – белый кот, пристально смотрящий в объектив<sup>80</sup>) и под.;
- 2) не имеющей письменного прототипа, т. е. различные бытовые диалоги, в т. ч. конфликтные (– *А не пошли бы Вы в баню, сэр?! // – Ой-ой-ой, от сэра и слышу!* – два грязных кота, приняв агрессивную позу, «ругаются») <sup>81</sup>, рассказы<sup>82</sup>, комментарии<sup>83</sup>, ябеды (*А, еще, Шарик назвал тебя // МОРДОЙ!!!* – кошечка шепчет на ухо рыжему коту)<sup>84</sup> и т.п.;

<sup>68</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/639534/>> (24.08.2016).

<sup>69</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1028070/>> (24.08.2016).

<sup>70</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/752371/>> (24.08.2016).

<sup>71</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/3538/>> (24.08.2016).

<sup>72</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1115616/>> (24.08.2016).

<sup>73</sup> О шуточной грегории см.: Т.И. Дамм. *Комические афоризмы в современной газете*. «Русская речь» 2002, № 5, с. 48–52.

<sup>74</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/954264/>> (24.08.2016).

<sup>75</sup> Ю.В. Рождественский. *Общая филология*. Москва: Фонд «Новое тысячелетие», 1996, с. 28.

<sup>76</sup> Там же.

<sup>77</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/497896/>> (24.08.2016).

<sup>78</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/359443/>> (24.08.2016).

<sup>79</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/139048/>> (24.08.2016).

<sup>80</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/337163/>> (24.08.2016).

<sup>81</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/811060/>> (24.08.2016).

<sup>82</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/900368/>> (24.08.2016).

<sup>83</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/318070/>> (24.08.2016).

<sup>84</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1309926/>> (24.08.2016).

3) имеющей признаки перечисленных выше классов устной речи, напр., выступление на собрании (*На повестке дня 2 вопроса товарищи: // 1) Не достаточно ли обнаглел наш кот? // и 2) чем сегодня мы его порадуем?* – за круглым столом сидят участники собрания, на документах, разложенных на столе, спит кот)<sup>85</sup>, доклад (*– Таким образом, уважаемые // депутаты, четыре // миллиарда ушли... // далеко-далеко... – выступающий с экрана телевизора презрительно смотрит на кошку, повернувшуюся к нему задом*)<sup>86</sup>, тост<sup>87</sup>, лекция<sup>88</sup> и др.

Конечно, сложно перечислить все жанры устной речи из-за их огромного множества, вбирающего также фольклорные жанры, в т. ч. песенные, напр., частушки (*Разлетелись комары и подошли мушки... // Пели мышшь с гусём и кот матерны частушки!* – на снимке «поющие» гусь, кот и мышшь)<sup>89</sup>, прибаутки (*Да убийца Я, убийца... Своим видом убиваю наповал!!!* – собачка в костюмчике, белой рубашке, с галстуком сидит у таблички *Killer*)<sup>90</sup>, пословицы («*Какая еда, такой и // вид у кота*» – *кошачья пословица* – узкоглазый лопухий кот лижет кислую капусту)<sup>91</sup>, шуточные определения<sup>92</sup> (*Намордник – это когда все вкусное на морде* – песик с испачканной в сметане мордочкой)<sup>93</sup> и пр.

Среди котоматричных надписей распространены тексты, жанр которых еще не определен, это: а) коммуникативные (*Слесаря вызывали?* – из канализационного люка вылезает крокодил)<sup>94</sup> и информационные предложения<sup>95</sup> (*ОСТОРОЖНО! УКРАШЕНО!* – котик спит на лавочке)<sup>96</sup>; б) информативные знаки, т. е. названия любых объектов (*Скрытая котокамера* – из-под крышки картонной коробки смотрят два кошачьих глаза)<sup>97</sup>; в) тексты, несводимые ни к одному жан-

<sup>85</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1251085/>> (24.08.2016).

<sup>86</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1309142/>> (24.08.2016).

<sup>87</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/276976/>> (24.08.2016).

<sup>88</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/476531/>>; <<http://kotomatrix.ru/show/347647/>> (24.08.2016).

<sup>89</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1435775/>> (24.08.2016).

<sup>90</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/952801/>> (24.08.2016).

<sup>91</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1117713/>> (24.08.2016).

<sup>92</sup> Одни ученые относят их к афоризмам (Т.И. Дамм. *Комические афоризмы...*, с. 50), другие – к паремиям (В.А. Маслова. *Новые русские пословицы. Когнитивный и лингвокультурологические аспекты.* [Online:] <<http://www.novsu.ru/file/1092857>> (28.08.2016).

<sup>93</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1040764/>> (24.08.2016).

<sup>94</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/774489/>> (24.08.2016).

<sup>95</sup> Понимание коммуникативных и информационных предложений и информативных знаков как текстов обосновал Александр Иванович Горшков в монографии *Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика.* Москва: АСТ – Астрель, 2006, с. 59–65. О коммуникативных и информационных предложениях и информативных знаках подробнее см.: О. Makarowska. *Культурные, культурно-личностные...*, с. 66–67.

<sup>96</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1344528/>> (24.08.2016).

<sup>97</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/439834/>> (24.08.2016).

ру, многие рифмованные, напр., *В новогодней суете // Вася был на высоте* (кот стоит на верхушке наряженной новогодней елки)<sup>98</sup>.

В надписях КМ встречаются также примеры межжанрового взаимодействия. Прежде всего, это подражание, часто *Вредным советам* Григория Остера<sup>99</sup>; пародия, напр., котоматрица *А ТЫ?! // УЖЕ ДАЛ СВОЕМУ КОТУ // ПОЖРАТЬ?!* (на снимке кот тычет лапкой в зрителя)<sup>100</sup> пародирует плакат Дмитрия Моора «Ты записался добровольцем?» 1920 г.; языковая стилизация<sup>101</sup>, напр., один из видов былинного зачина послужил образцом для текста *Позаныкавишись в жалюзи белые // Расскажу Вам историю жуткую // Как набросились рыбы на Васеньку // И аквариум вдребезги грохнули* (котик сидит на окошке за жалюзи)<sup>102</sup>; жанровое включение, скажем, – *Мадам, пословица: «Баба с возу – // кобыле легче» на собак тоже // распространяется...* (собака с недовольным выражением морды)<sup>103</sup>.

Особого внимания требует анализ внутрижанрового взаимодействия, для чего необходимо раскрыть специфику корреляции между тремя компонентами КМ, т. е. фотоснимками, надписями и текстами, запечатленными на снимке. Поскольку осуществить все эти задачи в рамках одной статьи невозможно из-за широты темы, коротко остановимся на взаимодействии между надписью и текстом как элементом фотографии.

Связь между ними может быть: 1) нулевой<sup>104</sup>; 2) непрямой, напр., когда смысл надписи зависит от текста на снимке<sup>105</sup>, но надпись не связана с ним напрямую; 3) прямой, когда надпись является продолжением мысли, высказанной в тексте, или реакцией на текст, или добавляется к нему<sup>106</sup>. Внутрижанровые интеракции

<sup>98</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1461137/>> (24.08.2016).

<sup>99</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/903374/>> (24.08.2016).

<sup>100</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/42513/>> (24.08.2016).

<sup>101</sup> *Языковая стилизация* есть наделение определенного высказывания чертами, характерными для другого типа высказывания (A. Markowski. *Stylizacja językowa*. [Online:] <[http://czytelnia.pwn.pl/kultura\\_jezyka\\_polskiego-teoria.php](http://czytelnia.pwn.pl/kultura_jezyka_polskiego-teoria.php)> (29.08.2016).

<sup>102</sup> По просьбам интернетчиков автор этого текста написал в комментариях целую «былину», см.: [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1061738/>> (24.08.2016).

<sup>103</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/search.php?q=баб+с+возу>> (24.08.2016).

<sup>104</sup> [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/1369403/>> (24.08.2016).

<sup>105</sup> Надпись: *Лето. Жара. Можно и без формы подежурить*. На снимке аккуратненький беленький домик, похожий на грибок, у дверей которого стоят два белых козла. Смысл надписи становится понятен лишь благодаря таблице *МИЛИЦИЯ*, размещенной на крыше домика – стационарного поста милиции. См.: [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/404706/>> (24.08.2016).

<sup>106</sup> Соответственно:

1) на снимке собака смотрит во встроенное в забор выпуклое окно. На заборе – табличка *ДОБЕГАЮ // ДО КОЛИТКИ // В 2 СЕК. / А ТЫ?* Надпись: *А ты нормы ГТО уже сдал? // Или так... Потренироваться // пришел?* [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/515902/>> (24.08.2016);

2) на снимке кошка висит на закрытой двери, на которой размещено объявление *Котов // в комнату // на пускать!!!* Надпись: *Так я же кошка! // Девки-и-и!!!! Открывайте-е-е!* [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/122240/>> (24.08.2016);

3) на снимке спящий в витрине зоомагазина котик. На витрине – объявление *Не стучать!*, интегрированное в надпись, размещенную выше него. В результате получилась такая кото-

возникают обычно в последнем случае, в результате чего текст на снимке сохраняет свою жанровую принадлежность (напр., к объявлению *Причал // охраняется // собаками* сделана приписка *и котом*) или «растворяется» в тексте надписи (см. сноску 49, пример 3).

## Выводы

Котоматрица являет собой сформировавшийся самостоятельный интернет-жанр. Меметический характер и среда функционирования во многом определяют ее вовлеченность в компьютерно-опосредованную коммуникацию. Как жанр КМ обладает устойчивой структурой (фотография плюс надпись) и формальными качествами (небольшой формат, использование в качестве изобразительного компонента только фотографий, неконтурный шрифт надписи). А как свободная жанровая форма – гибкостью, открытостью к модификациям, отсутствием ограничений в выборе объекта фотоизображения, жестких требований к стилю, композиции и форме надписи, а также к связям между вербальной и невербальной составляющими.

Одновременная многожанровость и жанровая неопределенность вербального компонента разнит КМ с такими интернет-жанрами, как эдвайсы и иллюстрированные стишки-порошки, но роднит с «аткрыткой», локотами и (де)мотиваторами. Много общего у КМ с частушкой, поэтому предстоит еще решить вопрос о ее (не)принадлежности к интернет-фольклору.

## Перспектива исследований

Дальнейшему изучению подлежат стилистические особенности, сюжетное и композиционное построение надписей КМ, межжанровое взаимодействие на линии *фотоизображение – текст надписи*, специфика связей между надписью и жанрами изобразительного искусства, сфотографированными вместе с животными (картины, зарисовки, скульптуры), а также котоматричные микро-жанры.

Учитывая сложность котоматрицы как текста культуры, широкое применение в надписях имплицитных форм и способов выражения мысли, редирективность КМ, в т. ч. жанро-текстовую и жанровую, сочетание знаков отличных семиотических систем, обуславливающее возникновение коммуникативного напряжения при восприятии и понимании КМ, обоснованным представляется рассмотрение ее в русле междисциплинарных исследований, объединяющих теоретические допущения, подходы и методы разных областей гуманитарного знания таких, как теория (межкультурной) коммуникации, лингвистика текста, жанрология (жанроведение и генристика), психолингвистика, (лингво)культурология и семиотика.

---

матричная надпись: *Ушел Морфея я встречать // большая просьба ? // Не стучать!* [Online:] <<http://kotomatrix.ru/show/624738/>> (24.08.2016).

## Литература

- Аникин В.П. *Традиции жанра как критерий фольклорности в современном творчестве (частушки и пословицы)*. [В:] *Проблемы современного народного творчества. Русский фольклор*. Вып. 9. Москва – Ленинград 1964, с. 82-96. [Online:] <<http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10331>> (25.08.2016).
- Анисимова Е.Е. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. На материале креолизованных текстов*. Москва: Academia, 2003.
- Ариас А.-М. *Поликодовый текст: теоретические и прикладные аспекты*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики 2015.
- Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1979.
- Войтак М. *О жанрах речи и их публицистических/печатных конкретизациях*. «Медиалингвистика. Речевые жанры в массмедиа». Вып. 3. Санкт-Петербург 2014, с. 9-13.
- Выналек (Слободян) Е.А. *О природе интернет-мема*. [В:] *Современный русский язык в интернете*. Ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. Москва: ЯСК, 2014, с. 51-60.
- Горошко Е.И. *Теоретический анализ интернет-жанров. К описанию проблемной области*. [Online:] <<http://www.textology.ru/article.aspx?aId=77>> (17.08.2016).
- Горошко Е.И., Землякова Е.А. *Виртуальное жанроведение: становление теоретической парадигмы*. [Online:] <[http://sn-philolocom.crimea.edu/arhiv/2011/uch\\_24\\_11fn/036.pdf](http://sn-philolocom.crimea.edu/arhiv/2011/uch_24_11fn/036.pdf)> (21.08.2016).
- Горшков А.И. *Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика*. Москва: АСТ – Астрель, 2006.
- Громова Н.С. *Креолизация текстов печатных СМИ как способ манипуляции адресатом*. «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2014, № 8 (38), ч. 1, с. 59-63. [Online:] <[http://scjournal.ru/articles/issn\\_1997-2911\\_2014\\_8-1\\_15.pdf](http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_8-1_15.pdf)> (27.07.2015).
- Дамм Т.И. *Комические афоризмы в современной газете*. «Русская речь» 2002, № 5, с. 48-52.
- Дементьев В.В. *Теория речевых актов*. Москва: Знак, 2010.
- Йоргенсен М.В. Филлипс Л.Дж. *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
- Кулагина А.В. *Поэтический мир частушки*. Москва: Наука, 2000.
- Маслова В.А. *Новые русские пословицы. Когнитивный и лингвокультурологические аспекты*. [Online:] <<http://www.novsu.ru/file/1092857>> (28.08.2016).
- Рождественский Ю.В. *Общая филология*. Москва: Фонд «Новое тысячелетие», 1996.
- Седов К.Ф. *Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации*. [В:] *Антология речевых жанров*. Ред. К.Ф. Седов. Москва: Лабиринт, 2007, с. 7-38.
- Селютин Ал.А. *Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности*. [Online:] <<http://www.lib.csu.ru/vch/173/027.pdf>> (17.08.2016).
- Тертель А.Л. *Психология. Курс лекций*. Москва: ТК Велби, Издательство Проспект, 2008.
- Убийко В.И. *Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке*. Уфа: Башгосуниверситет, 1998.
- Флоренский П.А. *Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда*. [Online:] <<http://lib.kostromka.ru/florensky/chastushki.php>> (25.08.2016).
- Чернявская В.Е. *Поликодовое пространство текста: лингвосемиотическая парадигма языкознания*. [В:] *Язык в парадигмах гуманитарного знания. XXI век*. Ред. В.И. Чернявская, С.Т. Золян. Санкт-Петербург: Лингва, 2009, с. 23-37. [Online:] <[http://old.brusov.am/docs/Yazik\\_Paradigma-2009.pdf](http://old.brusov.am/docs/Yazik_Paradigma-2009.pdf)> (24.08.2016).

- Чистов К.В. *Специфика фольклора в свете теории информации*. [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895-1970)*. Сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. Москва: Наука, 1975, с. 26-43.
- Шубина М.М., Руденко А.М. *Основы истории культуры и культурологии*. Новочеркасск: Лик, 2011. [Online:] <<http://www.studfiles.ru/preview/4112262/page:22/>> (21.08.2016).
- Щурина Ю.В. *Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства Интернета*. [Online:] <<http://izvestia.vspu.ru/files/publics/87/39-43.pdf>> (21.08.2016).
- Bartmiński J., Niebrzegowska-Bartmińska S., *Tekstologia*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009.
- Burszta W.J., Pomieciński A. *E-folklor – wstęp*. „Kultura Popularna” 2012, № 3 (33), с. 4-5. [Online:] <<file:///C:/Users/Ola/Downloads/fulltext.pdf>> (25.08.2015).
- Dąbała J. *Aksjologiczne konsekwencje komunikacji wizualnej a telegeniczność*. [В:] *Komunikacja wizualna w prasie i w mediach elektronicznych*. Red. K. Wolny-Zmorzyński, W. Furman, J. Snopek, K. Groń. Warszawa: Poltext, 2013, с. 89-99.
- Dobek-Ostrowska B. *Komunikowanie polityczne i publiczne*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.
- Gajda S. *Gatunkowe wzorce wypowiedzi*. [В:] *Polska genologia lingwistyczna*. Red. D. Ostaszewska, R. Cudak. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008, с. 130-142.
- Kamińska M. *Memy, signa i sigile. Perspektywy e-semiologii*. [В:] *Kultura medialnie zapośredniczona. Badania nad mediami w optyce kulturoznawczej*. Red. W. Chyła, M. Kamińska, P. Kędziora, M. Kosińska. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Bogucki, 2010, с. 43-55.
- Makarowska O. *Культурные, культурно-личностные и коммуникативно-стилевые детерминанты интерперсональной коммуникации между польской и русской молодежью*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2014.
- Markowski A. *Stylizacja językowa*. [Online:] <[http://czytelnia.pwn.pl/kultura\\_jezyka\\_polskiego-teoria.php](http://czytelnia.pwn.pl/kultura_jezyka_polskiego-teoria.php)> (29.08.2016).
- Zaremba M. *Memy internetowe (2010-2011)*. “Media i Społeczeństwo” 2012, № 2, с. 60-73. [Online:] <[http://www.mediaispoleczenstwo.ath.bielsko.pl/art/060\\_zaremba.pdf](http://www.mediaispoleczenstwo.ath.bielsko.pl/art/060_zaremba.pdf)> (24.08.2016).
- Zaśko-Zielińska M. *Przez okno świadomości. Gatunki mowy w świadomości użytkowników języka*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002.





JĘZYKOZNAWSTWO KORPUSOWE  
КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА  
CORPUS LINGUISTICS



## К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЗАЦИИ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

DANIEL DZIENISIEWICZ\*, PIOTR WIERZCHOŃ\*\*

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu  
Wydział Neofilologii  
Instytut Językoznawstwa  
Al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska  
\*e-mail: dzienis@amu.edu.pl  
\*\*e-mail: wierzch@amu.edu.pl

FILIP GRALIŃSKI

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu  
Wydział Matematyki i Informatyki  
Pracownia Systemów Informatycznych  
ul. Umultowska 87, 61-614 Poznań, Polska  
e-mail: efilipg@amu.edu.pl  
(nadesłano 27.09.2016; zaakceptowano 30.09.2016)

### **Abstract**

#### **On the chronologization of Russian loanwords in Polish**

The article discusses the results of chronological research conducted on a group of Russian loanwords in Polish. The analyzed loanwords have been selected on the basis of their frequency in texts with the use of the Odkrywka system (the largest corpus of the 19th and 20th century Polish) developed by researchers from the Institute of Linguistics and the Laboratory of Information Systems at Adam Mickiewicz University in Poznań. Only the units with the frequency of over three occurrences per one million words have been included in the analysis. In the article, fundamental theoretical issues related to linguochronologization are outlined, the earliest records of the analyzed units are presented and the examples of the antedated units are discussed.

Moreover, selected variant forms are described from the perspective of their occurrence frequency.

## Key words

Linguochronologization, photodocumentation, corpus linguistics, Russian loanwords in Polish, orthographic variants.

## Резюме

В статье предпринимается попытка представить результаты лингвохронологизационного анализа, проведенного на группе избранных русских заимствований в польском языке. Заимствования были отобраны на основании их текстовой частотности с помощью системы Odkrywka (букв. Обнаружка), самого большого корпуса польского языка XIX и XX вв., созданного сотрудниками Института языкознания и Лаборатории информационных систем в Университете им. Адама Мицкевича в Познани. Анализу подвергнуты лишь те единицы, средняя частотность которых выше трех употреблений на один миллион слов. В статье описаны некоторые теоретические проблемы, связанные с лингвохронологизацией, представлены самые ранние употребления слов, а также указаны примеры передатировки некоторых, уже имеющих метрику слов. Кроме того, некоторые вариативные формы слов в данной статье описаны с перспективы их частотности в текстах.

## Ключевые слова

Лингвохронологизация, фотодокументация, корпусная лингвистика, русские заимствования в польском языке, орфографические варианты.

## Abstrakt

### Przyczynek do chronologizacji rosyjskich zapożyczeń w języku polskim

W artykule zaprezentowano rezultaty analizy lingwochronologizacyjnej przeprowadzonej na grupie wybranych rosyjskich zapożyczeń w polszczyźnie. Zapożyczenia zostały wyselekcjonowane na podstawie ich częstości w tekstach przy pomocy systemu Odkrywka, stanowiącego jednocześnie największy korpus języka polskiego XIX i XX w., stworzonego przez pracowników Instytutu Językoznawstwa i Pracowni Systemów Informacyjnych Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Analizie zostały poddane wyłącznie jednostki o frekwencji przekraczającej trzy wystąpienia na milion słów. W artykule opisano niektóre teoretyczne zagadnienia związane z lingwochronologizacją, przedstawiono najwcześniej odnalezione świadectwa użycia badanych rusycyzmów, jak również wskazano wyrazy, których datacje zostały przesunięte. Ponadto ustalono frekwencję niektórych form wariantywnych.

## Słowa kluczowe

Lingwochronologizacja, fotodokumentacja, językoznawstwo korpusowe, rosyjskie zażyczenia w polszczyźnie, warianty ortograficzne.

## Введение

### Лингвохронологизация как научная деятельность

Целью хронологизации единиц любого языка является подробное изучение его истории, в том числе установление максимально точного времени появления рассматриваемых единиц в текстах, а также прослеживание изменений, происходящих, например, в области лексики, фразеологии или морфологии. Исследования хронологизационного характера на почве польской лингвистики достигли довольно высокого уровня, как в плане количества трудов, посвященных данной проблематике, так и в плане аккуратности полученных результатов.

Теоретические основы лингвохронологизации, а также инструменты, используемые в исследованиях, совершенствовались в течение многих лет. Впервые хронологической информацией сопровождалась единицы, зафиксированные в серии *Nowe słownictwo polskie*<sup>1</sup>, однако датировки авторов серии многократно подвергались сомнению. Первым, кто начал полемику с авторами, был Я. Вавжинчик, который в своих трудах указывал более ранние употребления зафиксированных ими лексических единиц<sup>2</sup>. Среди многих работ Я. Вавжинчика можно выделить фундаментальный десяти томный лексикографический труд *Słownik bibliograficzny języka polskiego*, в котором для каждой единицы приводится источник эксцерпции и дата публикации<sup>3</sup>.

Исследования в области хронологизации лексических единиц польского языка стали более эффективными с созданием теории лингвохронологизации<sup>4</sup>. Согласно этой теории, задачей исследователя является поиск самых ранних употреблений лексем, но, в отличие от мануальных исследований, эксцерпции подвергаются массово дигитализированные тексты. К ресурсам данного типа

<sup>1</sup> См. напр.: T. Smółkowa. Red. *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1985–1992*. Cz. I: A–O. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 1998.

<sup>2</sup> См. напр.: J. Wawrzyńczyk. *Nowe słownictwo polskie. Fikcje i fakty*. Warszawa: Instytut Informacji Naukowej i Studiów Bibliologicznych Uniwersytetu Warszawskiego, 1999; J. Wawrzyńczyk. *Słownictwo nowopolskie. Redatacje*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej Uniwersytetu Warszawskiego, 2011. Результаты исследований, посвященных передатировке польской лексики, можно также найти на веб-странице [Online:] <<http://redatacje.prv.pl>> (26.09.2016).

<sup>3</sup> J. Wawrzyńczyk. *Słownik bibliograficzny języka polskiego*. T. 1–10. Warszawa: BEL Studio, 2013.

<sup>4</sup> См. работы: P. Wierzchoń. *Fotodokumentacja. Chronologizacja. Emendacja. Teoria i praktyka weryfikacji materiału leksykalnego w badaniach lingwistycznych*. Poznań: Instytut Językoznawstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2008; P. Wierzchoń. *Dlaczego fotodokumentacja? Dlaczego chronologizacja? Dlaczego emendacja? Instalacja gazowa, parking podziemny i „odległość niezerowa”*. Poznań: Instytut Językoznawstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2009; P. Wierzchoń. *Fotodokumentacja 3.0. „Język. Komunikacja. Informacja” 2009*, vol. 4, c. 63–80; P. Wierzchoń. *Torując drogę teorii lingwochronologizacji*. „Investigationes Linguisticae” 2010, vol. XX, c. 105–185.

относятся электронные тексты в формате PDF и DjVu, которые были подвергнуты процессу OCR. Благодаря так сформатированным электронным источникам, исследовательская эффективность в значительной степени повышается, поскольку от лингвиста не требуется чтения всех текстов каждый раз<sup>5</sup>.

Неотъемлемой частью теории лингвохронологизации является фотодокументация, т.е. использование фотографии подлинного текста с целью презентации единицы в ее «естественной текстовой среде»<sup>6</sup>. Фотодокументация состоит из трех постоянных элементов, представляемых в виде фотографии, к которым относятся: цитата, локализация источника и датировка. Присутствие информации в фотографической форме обеспечивает более высокую достоверность данных.

Ниже приводится пример фотодокументации самого раннего употребления имени существительного *chuligan* в польском тексте:

**Rozboje „chuliganów“ w Petersburgu.** Stolica Rosyi trapioną jest od pewnego czasu kłuska t. zw. „chuliganów“, t. j. miejskiego proletaryatu, który rozszalał się obojętnością policyi i żandarmeryi, zajętej wyłącznie śledzeniem „politycznych przestępców“, bezpiecznie grasuje po mieście. W ostatnich dniach chuligani dwukrotnie urządzili wielkie bójkę uliczne, połączone z napadami na tramwaj i podróżnych w nim siedzących.

NOWA  
**REFORMA**

Kraków, Sobota 12 Marca 1904.

## Русские заимствования в польском языке.

### Попытки хронологизации

Воздействие русского языка на польский отмечалось исследователями уже со второй половины XIX века<sup>7</sup>. Из многих работ, посвященных этой теме, мож-

<sup>5</sup> О корпусах, состоящих из материалов цифровых библиотек Польши, см.: F. Graliński. *Polish digital libraries as a text corpus*. [W:] *Proceedings of 6th Language & Technology Conference*. Red. Z. Vetulani, H. Uszkoreit. Poznań: Fundacja Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2013, с. 509–513. К такому типу корпусов можно отнести систему Odkrywka (далее система описывается более подробно).

<sup>6</sup> См.: P. Wierzchoń. *Fotodokumentacja 3.0...* Вопросам использования фотодокументации в лингвистических исследованиях посвящены также работы E. Małek. *Ku fotoleksykografii*. Łódź: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Łódzkiego, 2008; M. Iwanowski. *Fotoaddenda do leksykografii polskiej*. Warszawa: BEL Studio, 2009. Множество примеров фотодокументации можно найти в проекте Я. Вавжинчика *Национальный фотокорпус польского языка*, см.: [Online:] <<http://nfjp.pl>> (16.09.2016).

<sup>7</sup> Из-за ограничений по объему статьи и большого количества работ, связанных с темой русизмов в польском языке, полный список трудов не приводится. Историю вопроса о русизмах

но, к примеру, выделить статью Т. Курочицкого и В.Р. Жепки, затрагивающую количественный аспект русизмов в польском языке в зависимости от стилистического типа проанализированных ими текстов<sup>8</sup>. В этом плане интересна также статья А. Пихан-Киясовой, посвященная русизмам в старейших мемуарах польских ссыльных<sup>9</sup>. Статьи И. Иоахимака-Пражановской касаются, в свою очередь, русизмов и советизмов прессы межвоенного периода<sup>10</sup>.

Вопрос хронологизации русских заимствований в польском языке затронут в работе Х. Карась *Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie okresu zaborów*<sup>11</sup>. В этом труде автор изучила русизмы, присутствовавшие исключительно в варшавской прессе 1795–1918 годов, выделив шесть периодов на территории, вошедшей в состав Российской Империи после разделов Польши:

I: 1795–1815

II: 1815–1831

III: 1831–1864

IV: 1864–1885

V: 1885–1905

VI: 1905–1918

Работа содержит большое количество русских заимствований, зафиксированных в прессе. Изученные в работе русизмы соотнесены с тем или с иным количеством периодов, в зависимости от того, когда они, согласно источникам Х. Карась, появились в текстах на польском языке. Итак, например, слово *bolszewik* соотнесено только с шестым периодом, в то время как слово *wiorsta* выступает во всех типах газет во всех шести периодах. Все слова сопровождаются названиями газет, из которых они извлечены, вместе с датами публикации.

Далее постараемся доказать, считая датировки Х. Карась точкой соотнесения, что во многих случаях возможно найти более ранние употребления некоторых зафиксированных ею русизмов.

## Отбор материала. Хронологизация. Передатировка

Целью данной статьи является хронологизация русских заимствований, почерпнутых из *Универсального словаря польского языка* под ред. С. Дубиша<sup>12</sup>.

в польском языке см. в работе H. Karaś. *Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie okresu zaborów*. Warszawa: Elipsa, 1996, с. 35–46.

<sup>8</sup> T. Kuroczycki, W.R. Rzepka. *Zapóżyczenia leksykalne z języka rosyjskiego we współczesnej polszczyźnie pisanej*. „Studia Rossica Posnaniensia” 1978, vol. 10, с. 107–115.

<sup>9</sup> A. Pihan-Kijasowa. *Leksykalne zapóżyczenia rosyjskie w najstarszych pamiętnikach polskich zesłańców*. [W:] *Ad perpetuam rei memoriam. Profesorowi Wojciechowi Ryszardowi Rzepce z okazji 65. urodzin*. Red. J. Migdał. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2005, с. 313–325.

<sup>10</sup> J. Joachimiak-Prażanowska. *Sowietyzmy w polszczyźnie „Kuriera Wileńskiego” (1924–1939)*. „Acta Baltico-Slavica” 2004, XXVIII, s. 53–61; J. Joachimiak-Prażanowska. *Rusycyzmy w „Kurierze Wileńskim” (1925–1939)*. „Acta Baltico-Slavica” 2010, XXXIV, с. 121–145.

<sup>11</sup> H. Karaś. *Rusycyzmy...*

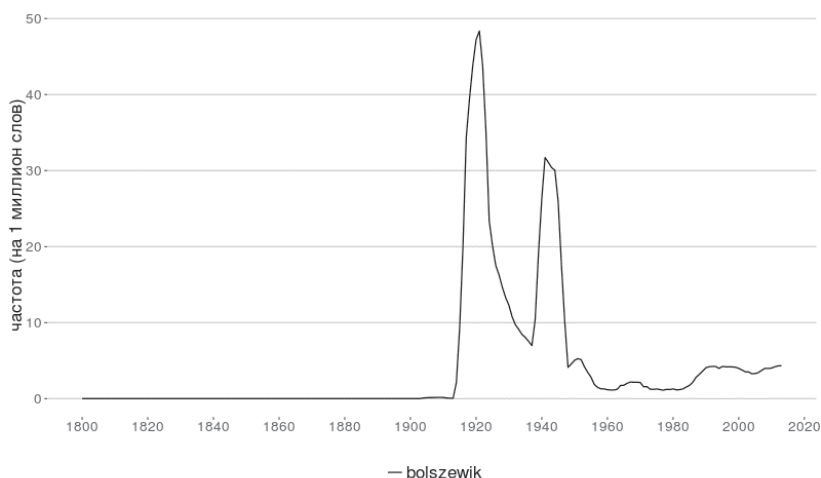
<sup>12</sup> S. Dubisz (red.). *Uniwersalny słownik języka polskiego*. T. 1–4. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe



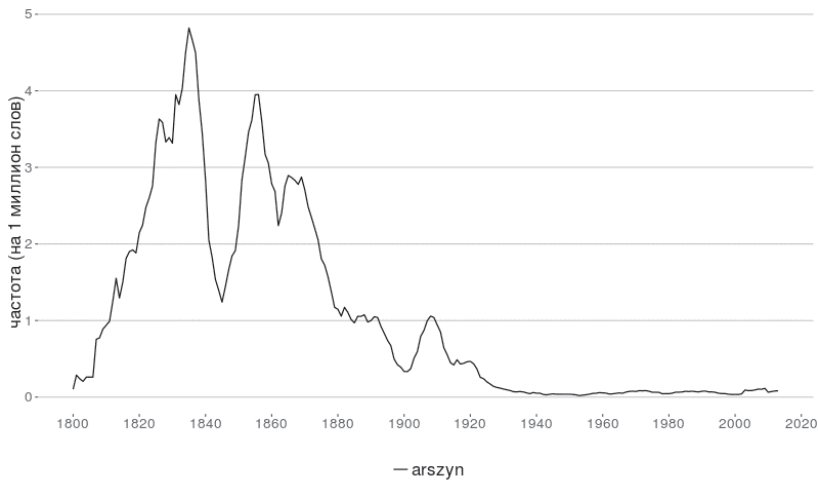
Однако, учитывая количество русизмов, зафиксированных в словаре, объемом в несколько сотен единиц, мы решили сосредоточить свое внимание лишь на наиболее частотных словах.

В процессе анализа были использованы тексты, собранные в системе Odkrywka, представляющей собой самый большой диахронический корпус польского языка, состоящий из сотен тысяч текстов XIX и XX веков. Система является инструментом, пригодным для использования в разнообразных типах лингвохронологизационных исследований, своеобразным «поисковиком» исторических текстов, позволяющим находить в корпусе как однословные, так и многословные единицы, так же, как и современные поисковые системы. Кроме того, система позволяет автоматически генерировать диаграммы частотности слов для определенных периодов на основании текстов, собранных в корпусе.

Итак, для целей данного исследования мы руководствовались одним критерием: нами были отобраны лишь те слова, которые в течение 1800–2013 годов в один момент превысили границу трех употреблений на один миллион слов в собранном нами корпусе. К примеру, в исследовательский материал включено существительное *bolszewik* ‘большевик’, частота употреблений которого в начале двадцатых годов XX в. достигла почти 50:



С другой стороны, в материал включено слово *arszyn* ‘аршин’, которое в первой половине XIX века отличалось средней частотностью почти пяти употреблений на один миллион слов:



Во внимание не принимались единицы, состоящие лишь из нескольких (до четырех) букв, даже если они вписывались в принятые рамки частотности, поскольку в случае кратких слов риск выступления OCR-шума является довольно высоким. Это, например, слова: *blin*, *car*, *diak* и другие.

Придерживаясь таких методологических рамок, мы отобрали следующие единицы<sup>13</sup>:

- arszyn* ‘аршин’
- bałagan* ‘балаган’
- bolszewik* ‘большевик’
- bolszewizm* ‘большевизм’
- chuligan* ‘хулиган’
- czajnik* ‘чайник’
- czystka* ‘чистка’
- dorożka* ‘дрожки’
- gubernia* ‘губерния’
- instruktaż* ‘инструктаж’
- interwent* ‘интервент’
- koczować* ‘кочевать’
- kolchoz* ‘колхоз’
- kombajn* ‘комбайн’
- kopiejka* ‘копейка’
- ochrana* ‘охрана’
- sobór* ‘собор’
- sputnik* ‘спутник’
- szajka* ‘шайка’
- szarańcza* ‘саранча’
- wiorsta* ‘верста’

<sup>13</sup> Слова приводятся в алфавитном порядке согласно польскому алфавиту; русские эквиваленты даются в английских одиночных кавычках.

Однако при датировке так отобранного материала обнаружены были проблемы, которые можно представить в виде следующих вопросов:

1. Какой подход применить в случае слов с изменившимся со временем значением, а также слов, обладающих несколькими оттенками значения (например: *bałagan* ‘временная постройка’, ‘беспорядок’; *bolszewik* ‘член большевистской партии, сторонник большевизма’, ‘сторонник коммунизма вообще’; *koczować* ‘вести кочевой образ жизни’, ‘временно пребывать в тяжелых условиях’, ‘о животных: пребывать на определенной территории’; *kolchoz* ‘коллективное хозяйство’, ‘место, в котором люди пребывают в тяжелых условиях, хаос’)?
2. Какой подход применить в случае слов, стоящих в кавычках, т. е. слов на тот момент еще не укоренившихся в польском языке (например, существительные *czystka* и *chuligan*)?
3. Какой подход применить в случае слова *sobór*, выступающего в контекстах, связанных как с православной, так и католической церковью?
4. Какой подход применить в случае слов, выступающих в качестве как имен нарицательных, так и собственных (*gubernia*)?
5. Какой подход применить в случае слов с изменившейся орфографией (например, *czajnik* → *czajnik*)?

Рассмотрев вышеизложенные вопросы, мы решили, по мере возможности, подобрать фотоэксерпты для всех проблематичных случаев с целью наиболее полной разработки данной группы слов. Ниже представлен список извлеченных единиц в фотографической форме:

arszyn<sup>14</sup>

47,825 depek, 2,064 balek, 14,072 skór  
cielęcych, 1765 skór niedzwiedzych,  
3,165 lisich, 302,156 zajączych, 170,000  
skór popielic, 230,938 sztuk płotna na ża-  
gle, 3,336,000 arszynow różnego gatun-  
ku płotna, 60,144 czwartni pszenicy,  
6,027 czetw: żyta, 78,432 czetw: nasie-  
nia lnianego. Oprócz wielu innych mniej-

D O D A T E K  
D O  
GAZETY WARSZAWSKIEJ

Z WARSZAWY DNIA 8 LUTEGO R. 1805 WE WTOREK.

<sup>14</sup> Следует отметить, что слова *arszyn* и *kopiejka* были найдены А. Пихан-Киясовой уже в текстах начала XVIII столетия, см.: А. Pihan-Kijasowa. *Leksykalne zapożyczenia rosyjskie...* Несмотря на этот факт, мы решили оставить в данном тексте наши открытия ради их фотографической достоверности.

bałagan

Mieysce to, co do zabudowania swego, składa się ze 12 drewnianych chałup, między którymi wiele jest rozpiętych namiotów, czyli *Bałaganów*, z łazaretu i magazynów, które w czasie ieszcze Behringa ekspedycyi zbudowane były. Mieszkańce tuteysi są: 11 familij

**D Z I E N N I K**

**WILENSKI**

**ROK 1806.**

**STYCZEN, LUTY, MARZEC.**

**Dlatego precz ze wszelkimi względami! precz z wszelkim kunktatorstwem i zamknięciem oczu! Nie wolno nam spocząć dopóty, dopóki nie rozleci się w strzępy ten bałagan ministerjalny, zwany urzędem żywnościowym z jego kontraktami, wykupami, certyfikatami prawdziwymi i fałszywymi i t. p.**

40 hal. **ILUSTROWANY**  
**KURJER CODZIENNY**

**Kraków, czwartek 10 kwietnia 1919.**

bolszewik

Ja słyszę, jak czytają gazety nademną — śpię — a duch mój czuwa — jest partya s. r. i s. d. d. n. gi. i wo. d. ki. i wiele innych, a ja mówię, że najlichnieszka jest ...! i ja do niej przystaję. Tu są bolszewiki — partya Mamy.

Tu są szczerzy ludzie ruscy — słup tobie telegraficzny w morzę z pakułami!

**KNIAZPATIOMKIN**

**KRAKÓW 1906.**

śląski, ale odwrotnie. Bo któż po przewrocie zaczął rabować zamki fryderykowskie i wysłał do Zaolzian, by poszli na zadni groń, gdyż ich wyprzedzą Kameszniczanie? Skutek tych nierozważnych kroków znany nam dobrze, bo zaszkodził naszej sprawie w Paryżu, gdzie nas okrzyczano jako bolszewików. A w czasie przygotowań do plebiscytu, któż przychodził do nas w roli agitatorów czeskich, a nie tylko do nas, ale i do Brennej i indziej; któż się odgrażał, że pójdzie do Istebnej rabować? A przed ostatnim przeglądem kon-

**GWIAZDKA CIESZYŃSKA**

**W Cieszynie, piątek, 1. maja 1925.**

## bolszewizm

cializm. Podobnie jak mieniszewicy wychodzą z abstrakcji: „nasza rewolucja jest burżuazyjną“ i dochodzą do idei przystosowania całej taktyki proletariatu do zachowania się liberalnej burżuazji aż do chwili zdobycia przez nią władzy, tak bolszewicy, wychodząc z takiejże nagiej abstrakcji: „dyktatura demokratyczna a nie socjalistyczna“, dochodzą do idei burżuazyjnodemokratycznego samoograniczenia proletariatu, posiadającego władzę państwową. I tu, jak w wielu wypadkach, ograniczoność mieniszewizmu znajduje uzupełnienie w odpowiedniej ograniczoności bolszewizmu.

**PRZEGLĄD SOCJALDEMOKRATYCZNY**

ORGAN SOCJALDEMOKRACJI KRÓLESTWA  
POLSKIEGO I LITWY.

Lipiec 1908.

## chuligan

**Rozboje „chuliganów“ w Petersburgu.** Stolica Rosyi trapiąca jest od pewnego czasu klęską t. zw. „chuliganów“, t. j. miejskiego proletariatu, który rozrachwalony obojętnością policyi i żandarmeryi, zajętej wyłącznie śledzeniem „politycznych przestępstw“, bezpiecznie grasuje po mieście. W ostatnich dniach chuligani dwukrotnie urządzili wielkie bójki uliczne, połączone z napadami na tramwaj i podróżnych w nim siedzących.

NOWA  
**REFORMA**

Kraków, Sobota 12 Marca 1904.

różn ca. Podczas, gdy marynarze kronsztadzcy zbuntowali się z błażej przyczyny i bunt ich był raczej podobny do ruchawek chuliganów w innych miastach Rosyi, gdyż marynarze plądrowali domy i sklepy i mordowali spokojnych mieszkańców, rewolucya sebastopolska miała charakter już nie buntu, ale rewolucyi wojskowej, z podkładem politycznym, rewolucyi świadomej środków i celu.

**NOWOŚCI ILLUSTROWANE**

Kraków, 9 grudnia 1905 r.

czajnik

Dnia 6 Lipca 1819 r. o godzinie 30iej po południu w Warszawie w Rynku Nowego Miasta Nro 346 przez publiczną licytacją sprzedawani będą różne sztuki mosiężne, Koprwa, cynowe, iako to: czajniki, kłoty, miednice, rądło i garki koprwe, salaterki, lichtarze i inne tym podobne ruchomości, a za gotowe kurant pieniądze.

N<sup>o</sup> 54  
**GAZETA WARSZAWSKA**

Z WARSZAWY DNIA 6 LIPCA 1819 ROKU WE WTOREK.

☛ w Sklepie przy ulicy Golębiej czyli Nowomiejskiej Nr: 177, nabyć można rozmaitych naczyń faian-sowych, iako to: Filiżanek, Garnuszków, Czajników, Jmbryczków etc: z fabryki Kraiowej Częstochowskiej; tudzież tamże wyprzedają się z wolnej ręki rozmaite Książki w wszelkich językach, a mianowicie Niemiec-kie Lekarskie.

**KURJER**  
Warszawski

D. 30. Grudnia.  
PIĄTEK.  
ROK 1825.

czystka

Rozkład i wogóle opór wobec władzy sowieckiej daje się równo-cześnie zauważyć i wśród sowiec-kiej warstwy urzędniczej.

Oto np., jak urzędownie ogło-szono, dokonano ostatnio „czystki“ (tj. zwolnienia nieodpowiednich ży-wiołów) składu urzędniczego komi-sarjatu sądowego — i w rezultacie — na razie zwolniono — (rzecz jas-na, nie z kaprysu.

1446 odpowiedzialnych pracowni-ków, a „czystka“ trwa dalej.

**GAZETA**  
**PORANNA**

Lwów, niedziela, 10 czerwca 1923.

walem na zaczepki. I tym razem nie będę się uciekał do pism partyjno-politycznych i do sądu. Odwołuję się do najwyższego sądu, t.j. do sądu ludu. Do parlamentu powrócą także te stronnictwa, które w ostatnich latach przeprowadziły w swych szeregach radykalną czystkę i które pójdą obecnie do parlamentu, aby przeprowadzić wielkie dzieło prezydenta republiki: czystkę publicznego i poli-

**NASZ LUD**

W Cz. Cieszynie, 26. października 1929.

dorożka

Pewny Jmc jadąc dorożką dnia 9. tego Mca. przez dziedzińiec Saski, zgubił czapkę konfederatką zwaną, z wierzchem Aksamitnym karmazynowym, z barankiem jasno kasztanowatym bugarskim. Ktoby znalazł, ma się udać do Pałacu Hetmana Ogińskiego do J. Dobańskiego, a odebrać nagrody, czera zł: 8.

## GAZETA WARSZAWSKA

Z WARSZAWY DNIA 11. CZERWCA R. 1802 W PIĄTEK.

gubernia

Gdy 28. Grudnia w Gubernii *Nowogrodzkiej* wszelkie, składające się nowy rząd, utworzono Trybunały; Pułkownik *G. nieważew*, oncy Konfiliarz, wyłany był od Gubernatora do Imperatorowej Jejności z oznajmieniem tej rzeczy, a dopraszaniem się imieniem całej Szlachty Guberskiej, aby jej wolno było wyjechać do Monarchini swojej Deputacją, którą Jej Imper: Mci złożyła dzięki, za korzyści przez nowy kształt rządu na wszelkie Prowincyi Stany hojnie spływające, y oraz prosiła o zezwolenie na to, żeby wspomniona Szlachta, swojey ku Najjaśniejszey Pani wdzięczności pamiątkę, własnym kosztem w *Nowogrodzie* wystawić mogła.

## S U P L E M E N T D O G A Z E T T W A R S Z A W S K I E Y

W SOBOTE DNIA 22. LUTEGO ROKU 1777.

7 Grudnia d. 15. Marca.

My Paweł Pierwszy Śc. Śc. Oznajmiemy  
całemu Narodowi.

Od samego wstąpienia Naszego na dziedziczny nasz Imperatorski tron, położyliśmy sobie za regułę postrzegać i koniecznie wymagać, aby każdy z wierno nam poddanego narodu zachował się w granicach powołaniu i stanowić jego przepisanych, wypełniając swoje obowiązki, a unikając wszystkiego, coby onym było przeciwnym i naruszało porządek i spokojność wspólności. Teraz dochodzi nas wiadomość, iż w niektórych guberniach chłopcy wychodzą z winnego pośuszeństwa swym Panom, uroiwszy sobie, jakoby oni mieli być swobodnymi, upor swoj i zuchwałość posuwają do tego stopnia, iż przestrog i upominania od zwierzchnictw, władz od nas ustanowionych pojąć niemoga.

## GAZETA POŁUDNIOWO - PRUSKA.

instruktaż

Tow. Woroniec miał instruować służbę wartowniczą. Ożywić zajęcie i oswobodzić je od nudnej i częściej gadaniny.

Historyczny ten instruktaż rozpoczął się zwyczajnie.

— Dowódca drużyny, tow. Miasnikow, jesteście dyżurnym na sportowym polu!

— Rozkaz; dyżurny na sportowym polu!

## SŁOWO

Wilno, Sobota 17 sierpnia 1935 r.

interwent

dentalną G. i żądania interwencji; Sąd Apellacyjny zaś na skutek ich appellacji wyrokiem z d. 21 Listopada (3 Grudnia) i 4 (16) Grudnia 1875 r., uchylił wyrok Trybunału w punkcie uznającym, że interwenci nie mają prawa uczestniczenia w tej sprawie, poczytał owszem wchodzenie ich za konieczne, a w rozpoznaniu sprawy przepisał badanie świadków dla sprawdzenia okoliczności spornych i opinię biegłych na to, jakie środki przedsięwzięć należy dla usunięcia zalewów. Po

## GAZETA SĄDOWA WARSZAWSKA.

Warszawa, dnia 20 Maja (1 Czerwca) 1878 r.

koczować

A mierzczanie ich za to, to dymem, to parą  
Częstowali, Gorzałką i tabaką szarą,  
Zwłaszcza kto miał tabakę, ten prędko i tanie  
Wszystkiego od nich dostał nad własne mniemanie;  
Tabakę dużą zwali kozacką, a zgoła  
Nie wtydał o nią prosić żaden Afławoła.  
Bo lubo wszystkie miało Kozactwo niecnoty,  
Nie miało iednak w sobie buty i piefzczoty.  
Wodę a spleśniałemi żyli sucharami,  
Koczowali nie w domach lecz pod kotarami.

SIELANKI  
POLSKIE  
Z ROŻNYCH AUTORÓW  
ZEBRANE,  
A TERAZ ŚWIEŻO  
DLA POŻYTKU Y ZABAWY CZYTELNIKÓW  
po trzecim przedrukowane  
y poprawione.  
Koperfitychami ozdobione.

WARSZAWIE 1778.



Dnia 20 Generał York stanął z główną kwaterą w *Mitawie*, korpus jego za *Eckau*, które wygodniejszy jest stanowiskiem dla wojska, niż dawno, gdzie po większej części koczowało na błotach, które w późney inż porze mogłyby wiele korpusowi zaszkodzić.

AN N<sup>o</sup> 80  
DODATEK  
DŁO  
GAZETY WARSZAWSKIEJ

Z WARSZAWY DNIA 7 LISTOPADA 1812 R W SOBOTĘ.

Dnia 1 b. m. główna kwatera Cesarzka była w *Wiazmie*, a 9go w *Smoleńsku*. Do 6go czasu był bardzo piękny, 7go zaś zaczęła się zima, i ziemia okryła się śniegiem. Drogi są bardzo śliskie i trudne dla koni pocigowych. Utraciliśmy ich wiele przez mroź i utrudzenie. Koczowanie po nocach wiele im szkodzi. — Od bitwy pod *Małoiarostka*.

kołchoz

Tymczasem próby gospodarki socjalistycznej na wsi rosyjskiej — sowchozy — mające być typem wzorowego gospodarstwa rolnego a zarazem wzorem gospodarki państwowej, opartej na socjalizacji ziemi, kołchozy obejmujące rozmaite typy gospodarki zbiorowej drobnych zrzeszeń, wydały rezultaty zupełnie inne, niż zamierzano; ostatecznym wynikiem jest kapitulacja władz sowieckich przed znanym indywidualizmem chłopów, który umiał znaleźć na socjalizację zawsze odpowiedź, dająca się określić wspólną nazwą: zielonego sabotażu. Dekrety z r. 1921 pozosta-

Województwo Polskie

śró. sobota 24 czerwca 1922.

— Jeśli nie będziesz mnie tytułował ekscelencją, zdradzę ci jako krakowianinowi, że polska ambasada na Törökvesz ut zupełnie nie nadaje się do konspiracji. Wszyscy pracownicy misji mieszkają tu razem, w nowoczesnej kolonii, żeby nie powiedzieć kołchozie. Nie musimy zresztą konspirować, będąc oficjalnymi członkami delegacji rządowych. W tych warunkach zupełnie naturalne było zaproszenie nas przez ambasadora Koźmińskiego na znakomite zrazy z kaszą i rewanż ze strony ambasadora Czechostowacji, Rudolfa Chmela, który podejmował nas obiadem.

PRZE  
KROJ

3 lutego 1991 roku

kombajn

**Widmo głodu wciąż trapi Sowiety**

Moskwa, 3. 8. -AW. Wielka polać kraju nadwołżańskiego staje znów przed widmem głodu. Okolice nadwołżańskie w roku bieżącym zupełnie nie obrodziły. Setki tysięcy dziesięcin, na których prowadziły gospodarstwa kolosalne państwowe organizacje „sowehozy” — Benerdakskij, Kraśnoriezeńskij, Arżanowskij itd. miały urodzaj faktyczny około 3 centna-

rów z hektara. Sprowadzono na zbiorczy setki traktorów, żniwiarek, snopowiązałek i ogromne kombajny, jednak okazało się, że przygotowania te były zbyt późne. Władze sowieckie ogłaszają oficjalnie, że urodzaj w tych okolicach wynosi około 10 centnarów z hektara, co jednak nie odpowiada prawdzie.

## GONIEC WIELKOPOLSKI

Najstarszy i Najtańszy Niezależny Dziennik Demokratyczny

POZNAN, niedziela dnia 4. sierpnia 1929 r.

kopiejka

Imo: Od win Cypryjskich y Greckich, które na konto Tureckie albo Rosyjskie, na Tureckich albo Rosyjskich okrętach będą sprowadzone, nie wyższe cło płacić będzie się, jak od win Hiszpańskich y Portugaljskich zwyczaj jest płacić; to jest 4. Ruble y 50. Rosyjskich Kopiejek od oklefu.

GAZETA WARSZAWSKA

We Środę Dnia 5. Maja Roku 1784.

ochrana

Warównia oblegana, bez otaczania się szyldwachami, odpierania ataków wycieczkami, burzenia przykopów, odpowiadania na podkopy podkopami, jest obrazem obrony biernej, liczącej na wspaniałomyślność, na litość nieprzyjaciela, na wypadek wreszcie — jest w położeniu ojczyzny naszej, polityką owczą wobec polityki wilczej, lękliwą i nierozumną, podszyłą słabością natury polskiej, której wyzyskiwanie odpowiednie pozwala z Polakiem robić, co się zechce. Folgując słabościom naszym, wytwarzającym w nas lenistwo duchowe, spuszczaamy się na obronę bierną i dozwalamy gospodarzyć i bruzdzić u siebie bezkarnie generał-gubernatorom, kuratorom, dyrektorom, prokuratorom, wodzom żandarmeryi, ochrony, policji — bruzdzą więc. Czemużby bowiem bruzdzić nie mieli, gdy

# OGNISKO

1882.

sobór

SIRMICH, *Sirmium*, dawne i fl. M. i Hr. w Sklawonii z Bisk. sufr. Koloczskiego. Są to teraz tylko rozwaliny w okolicach Mitrowitzu. Dwa tu odprawiły się Sobory. Ztąd był rodem Cezarz Probus i Walerjusz-Maxymus, z których pierwszy także był tu zabity. Leży nad Boswethą, przy Sawie o m. 13 od Esleku, 15 o Belgradu. dt. 38. 4. fz. 45. 3.

## DYKCYONARZYK GEOGRAFICZNY,

[1783]

Z piśmiennych źródeł przez niego wyliczone są:

12. Katalog biblioteki Petersburskiej Cesarzkiej akademii nauk.
13. Katalog Moskiewskiej duchownej drukarni.
14. Katalog Nowogrodzkiego Soboru S. Zofii.

## PAMIĘTNIK WARSZAWSKI.

Rok 1815.

S I E R P I E Ń.

sputnik

Co oznacza gwiazda dla oczu? To symbol czegoś dalekiego, nieosiągalnego, wyczarowany jeszcze w tym zamierzczłym czasie, kiedy sputnik nie oblegał firmamentu w postaci gwiazdy. Dzieło ludzkiego mózgu i rąk nie wstąpiło jeszcze wtedy w niebiosy. To był niespełniony promień marzeń na miarę tamtej ludzkości.

## DZIENNIK POLSKI

KRAKÓW

24, 25, 26 XII 1957

szajka

ie przepędzać musi. Lecz potrzeba dziurawi kaminien, te kancelaryjskie piawki, dawnoby już mię zadusiły, gdybym się szczęściem przez posłubienie mojej żony, niepokrewiła się z jednym z ich szajki, i nie miał łaski u Gubernatora, dawniejszego moiego Generała. Dosyć i tego, że zdołał część urzędowania moiego usunąć od ich wpływu. Szlachta wybrała mię i naznaczyła pensję,

IAN WYZYGIV

ROMAN OBYCZAJOWY

1830

TAMBUCHTA BILIAHYNA

1830.

szarańcza

Potym włączę się między wojskiem choroby, iako to czerwona niemoc, puchliny, máligny, y inne, á to pochodzi z Szarańczy y gadzin, co było wielka przeszkoda szczęśliwym zamiślom J. K. MCI Jednak Krol JMC ilc

#  
**JANINA**  
 Zwycięzkich Tryumfow dzielami  
 y  
 HEROICZNYM MĘSTWEM  
**JANA III.**  
 KROLA POLSKIEGO  
 Na Marłowym Polu  
**NAYIASNIEYSZY**  
 Po przelamany  
 Otomańskicy y Tatarskicy file  
 Nieśmiertelnym Wiekom  
 do druku  
**PODANY**

JEJU Roku Pańskiego 1739.  
 w Roku zaś 1759  
 Jáko Polak na uślicie wielu żądają  
 w Szczeru Polskim ięzyku powtorzonym Drukiam  
 na nowo  
 Wstawiony od teyże Drukárni.

wiorsta

Z ROSSYI.  
Z Moskwy d. 8. Grudnia.  
Imperatorowa łeymość 20.  
Listop: na Radzie Senatu nay-  
dując się, wiele do sprawiedli-  
wości i wewnętrznego w Pań-  
stwie rządu ściągających się  
wyrokow podpisała. Lubo zaś

te świeże rozporządzenia ie-  
szcze są tajne, flychać iednak  
z nich to: że 4. nowe Depar-  
tamenta Senatowi przydane,  
że wszystkie nad 300. wiorst  
rozległe Wielkorządztwa na  
dwoje rozdzielone być mają:

GAZETA WARSZAWSKA

WE SRZODE, DNIA 24. STYCZNIA ROKU 1776.

Ниже в таблице единицы представлены в хронологическом порядке, рядом с датами их самого раннего употребления, отмеченного корпусом:

Дата	Слово
1759	szarańcza
1776	wiorsta
1777	gubernia
1778	koczować
1783	sobór
1784	kopiejka
1802	dorożka
1803	arszyn
1806	bałagan
1819	czajnik
1830	szajka
1878	interwent
1882	ochrana
1904	chuligan
1906	bolszewik
1908	bolszewizm
1922	kołchoz
1923	czystka
1929	kombajn
1935	instruktaż
1957	sputnik

Как уже упоминалось, некоторые из вышеприведенных датировок являются передатировками метрик Х. Карась. Несмотря на тот факт, что исследование польских текстов, проведенное нами вне зависимости от их места издания, выходит за рамки варшавской прессы, установленные Х. Карась в ее работе, сравнение имеющихся датировок с большим по объему текстовым материалом позволяет скорректировать хронологию русских заимствований в польском языке в более глобальной перспективе.

Ниже приведены передатировки, установленные в рамках исследуемого материала:

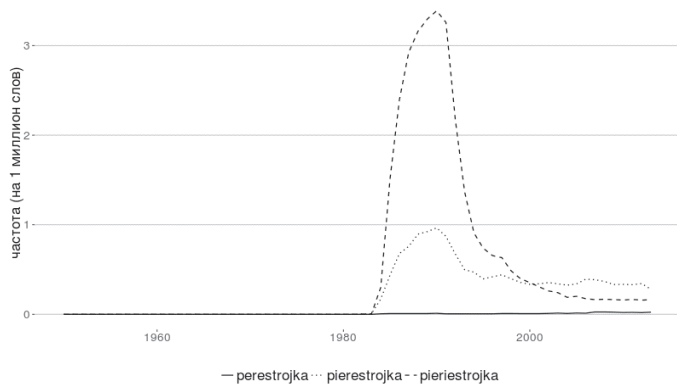
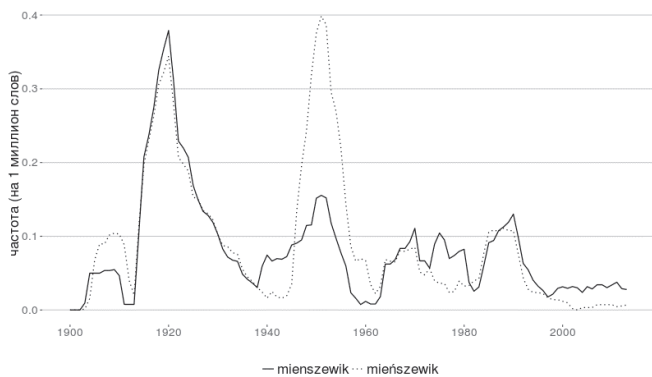
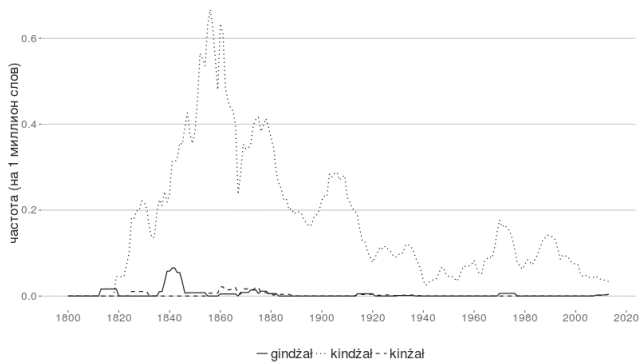
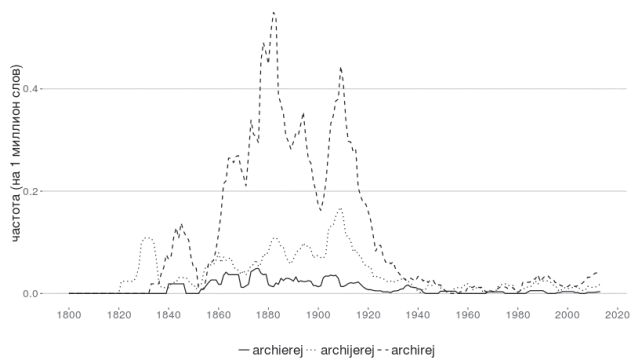
Слово	Датировка Х. Карась	Передатировка
arszyn	1820	1803
bałagan	1852	1806
bolszewik	1917	1906
bolszewizm	1917	1908
chuligan	1905	1904
czajnik	1827	1819
dorożka	1817	1802
gubernia	1812	1777
kopiejka	1824; слово присутствует на протяжении всех периодов во всех типах газет	1784
ochrana	1905	1882
sobór	1815–1831	1783
szajka	1841	1830
wiorsta	1817; слово присутствует на протяжении всех периодов во всех типах газет	1776

Итак, вышеуказанные передатировки можно разделить на две группы, исходя из периодизации Х. Карась:

- а) передатировки в пределах одного и того же периода (*bolszewik*, *bolszewizm*, *czajnik*, *szajka*),
- б) передатировки, выходящие за рамки первоначально установленных периодов (*arszyn*, *bałagan*, *chuligan*, *dorożka*, *gubernia*, *kopiejka*, *ochrana*, *sobór*, *wiorsta*).

### Частотность вариативных форм

В дополнение к хронологизационному исследованию русизмов был проведен анализ частотности некоторых форм, среди которых в разные периоды наблюдались (наблюдаются) орфографические колебания. В данной части работы мы не придерживались принципа частотности свыше трех употреблений на один миллион слов. В итоге, анализу были подвергнуты формы *archiej / archijerej / archirej*, *gindzał / kindzał / kinzał*, *mienszewik / mieńszewik*, *perestrojka / pierestrojka / pieriestrojka*. Результаты исследования представлены ниже в форме диаграмм частотности:



## Заклучение

Представленные в статье рассуждения о хронологизации русизмов в польском языке ценны по трем причинам. Во-первых, благодаря принятым эмпирическим критериям отбора исследовательского материала, была создана хронологическая модель для наиболее частотных заимствований в польском языке, перенятых в течение чуть более двух последних столетий. Во-вторых, удалось сравнить уже имеющиеся датировки с более обширным – чем это было до сих пор – текстовым материалом и скорректировать некоторые из них. В-третьих, была указана частотность вариантов, позволяющая решить, какие формы и с какой частотой употреблялись в определенное время.

Стоит отметить, что именно использование текстов в качестве источников приводит к достоверным результатам при проведении лингвохронологизационного анализа и позволяет формулировать гипотезы на основании данных о реальном употреблении языка. По мере прироста дигитализированных текстов, гипотезы будут становиться все более точными, что, возможно, будет способствовать созданию более детальной хронологической модели русизмов в польском языке.

## Библиография

- Dubisz S. (red.). *Uniwersalny słownik języka polskiego*. T. 14. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003.
- Graliński F. *Polish digital libraries as a text corpus*. [W:] *Proceedings of 6th Language & Technology Conference*. Red. Z. Vetulani, H. Uszkoreit. Poznań: Fundacja Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2013, s. 509–513.
- Iwanowski M. *Fotoaddenda do leksykografii polskiej*. Warszawa: BEL Studio, 2009.
- Joachimiak-Prażanowska J. *Rusycyzmy w Kurierze Wileńskim (1925–1939)*. „Acta Baltico-Slavica” 2010, XXXIV, s. 1245.
- Joachimiak-Prażanowska J. *Sowietyzmy w polszczyźnie Kuriera Wileńskiego (1924–1939)*. „Acta Baltico-Slavica” 2004, XXVIII, s. 53–61.
- Karaś H. *Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie okresu zaborów*. Warszawa: Elipsa, 1996.
- Kuroczycki T., Rzepka W. R. *Zapóżycczenia leksykalne z języka rosyjskiego we współczesnej polszczyźnie pisanej*. „Studia Rossica Posnaniensia” 1978, vol. 10, s. 107–115.
- Małek E. *Ku fotoleksykografii*. Łódź: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Łódzkiego, 2008.
- Pihan-Kijasowa A. *Leksykalne zapóżycczenia rosyjskie w najstarszych pamiętnikach polskich zesłańców*. [W:] *Ad perpetuam rei memoriam. Profesorowi Wojciechowi Ryszardowi Rzepce z okazji 65. urodzin*. Red. J. Międał. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne, 2005, s. 313–325.
- Smólkowa T. (red.). *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1985–1992*. Cz. I: A–O. Kraków: Instytut Języka Polskiego, Polska Akademia Nauk, 1998.
- Wawrzyńczyk J. *Nowe słownictwo polskie. Fikcje i fakty*. Warszawa: Instytut Informacji Naukowej i Studiów Bibliologicznych Uniwersytetu Warszawskiego, 1999.
- Wawrzyńczyk J. *Słownictwo nowopolskie. Redatacje*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej Uniwersytetu Warszawskiego, 2011.
- Wawrzyńczyk J. *Słownik Bibliograficzny Języka Polskiego*. T. 1–10. Warszawa: BEL Studio, 2013.



Wierzchoń P. *Dlaczego fotodokumentacja? Dlaczego chronologizacja? Dlaczego emendacja? Instalacja gazowa, parking podziemny i odległość niezerowa*. Poznań: Instytut Językoznawstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2009.

Wierzchoń P. *Fotodokumentacja 3.0*. „Język. Komunikacja. Informacja” 2009, vol. 4, s. 63–80.

Wierzchoń P. *Fotodokumentacja. Chronologizacja. Emendacja. Teoria i praktyka weryfikacji materiału leksykalnego w badaniach lingwistycznych*. Poznań: Instytut Językoznawstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2008.

Wierzchoń P. *Torując drogę teorii lingwochronologizacji*. „Investigationes Linguisticae” 2010, vol. XX, s. 105–185.

### **Электронные источники**

*NPPF*. [Online:] <<http://nfjp.pl>> (26.09.2016).

*Redatacje. Nieregularnik Leksykograficzny Jana Wawrzyńczyka i Piotra Wierzchońa*. [Online:] <<http://redatacje.prv.pl>> (26.09.2016).

SOCJOLINGWISTYKA  
СОЦИОЛИНГВИСТИКА  
SOCIOLINGUISTICS



ЭТНИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ  
В ПОЛИНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ  
(НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОГО И ПОЛЬСКОГО  
ЯЗЫКОВ В КАЗАХСТАНЕ)

АТИРКУЛЬ Е. АГМАНОВА

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева  
Филологический факультет  
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики  
ул. Кажымукана 11, 010008, г. Астана, Казахстан  
e-mail: agmanova@mail.ru

ЕВГЕНИЯ А. ЖУРАВЛЕВА

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева  
Филологический факультет  
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики  
ул. Кажымукана 11, 010008, г. Астана, Республика Казахстан  
e-mail: zhuravleva\_ea@enu.kz  
(получено 19.07.2016; принято 15.09.2016)

**Abstract**

**Ethnic languages in a polynational society  
(on the example of the Tatar and the Polish languages in Kazakhstan)**

The article investigates the problem of preservation and development of the native languages of the ethnic groups living in Kazakhstan. Factors affecting the conservation and proper functioning of the ethnic languages as well as the development trends caused by their interaction with Kazakh and Russian are considered on the example of Tatar and Polish. The study is based on experimental data (questionnaires, interviews and an associative experiment with representatives of different ethnic groups). The au-

thors also analyze the chosen results of a pilot survey carried out among Poles (Slavic group) and the Tatars (Turkic group) living in Kazakhstan.

## **Key words**

Ethnicity, ethnic language retention, Tatar, Polish, multicultural society.

## **Резюме**

Статья посвящена изучению проблемы сохранения и развития языков этнических групп, проживающих в Республике Казахстан. Факторы, влияющие на сохранение и полноценное функционирование родных языков этнических групп, а также тенденции их развития в условиях взаимодействия с государственным (казахским) и русским языками рассмотрены на примере татарского и польского языков. Исследование основано на экспериментальных данных (анкетирование, ассоциативный эксперимент и интервьюирование представителей разных этнических групп), материалом для данной статьи послужили некоторые результаты пилотного анкетирования, проведенного среди представителей польской (славянская группа) и татарской (тюркская группа) национальностей.

## **Ключевые слова**

Этнос, этнический язык, сохранение, татарский язык, польский язык, поликультурный социум.

## **Введение**

Проблематика статьи обусловлена исследовательским интересом к языковым контактам в полиэтничном обществе, актуальностью изучения особенностей языковой и этнической идентификации и связанных с этими процессами вопросов сохранения и использования родного языка и культуры представителей различных этносов, проживающих в Казахстане, а также специфики их взаимодействия и взаимовлияния в новых геополитических условиях.

В работе выявляются сущностные проявления языковой и этнической идентичности, особенности их модификации и развития в контексте меняющейся языковой ситуации. Исследование направлено на изучение факторов, влияющих на сохранение и полноценное функционирование родных языков этнических групп, а также тенденции их развития в условиях взаимодействия с государственным и русским языками на фоне динамичных этнодемографических процессов.

## Нормативно-правовая база государственной поддержки сохранения и развития родных языков в Республике Казахстан

Республика Казахстан – многонациональное, полиязычное государство, в котором проживают представители более чем 130 этносов. Уникальность этнолингвистического пространства страны определяется не только высокой степенью языкового разнообразия, но и доминированием в социально-коммуникативной системе казахстанского общества государственного казахского и русского языков – языков двух крупных этнических групп. Влияние историко-политических факторов, а именно политики повсеместной русификации, проводимой в советский период, обусловило развитие массового казахско-русского двуязычия. Кроме того, на протяжении продолжительного времени взаимодействие между многочисленными этносами в общественной, административной, экономической, культурной и других сферах жизни осуществлялось преимущественно на русском языке.

Тенденции функционирования и развития родных языков в современном полиэтничном Казахстане являются отражением последовательно проводимой государством в годы независимости языковой политики и результатом современного языкового планирования. Проводимая государством с первых лет независимости языковая политика оценивается как «самая либеральная на всем постсоветском пространстве»<sup>1</sup>, поскольку она направлена не только на обеспечение полномасштабного функционирования государственного языка как важнейшего фактора укрепления национального единства, но и на поддержку сохранения и развития языков всех других этнических групп, проживающих в Казахстане.

Основные направления языковой политики суверенного Казахстана, отвечающие потребностям полиэтничного населения и учитывающие особенности демографической и политической ситуации, отражены в основных законодательных актах Республики Казахстан: Конституция Республики Казахстан (статьи 7, 93)<sup>2</sup>, закон «О языках в Республике Казахстан»<sup>3</sup>, указы и ежегодные Послания Президента страны Нурсултана Абишевича Назарбаева. За годы суверенитета Республики Казахстан принято три государственных программы функционирования и развития языков: «Государственная программа функционирования и развития языков в Республике Казахстан на 1998–2000 гг.»<sup>4</sup>, «Государственная программа функционирования и развития языков в Республике Казахстан на 2001–2010 гг.»<sup>5</sup>, «Государственная программа развития и функци-

<sup>1</sup> Э.Д. Сулейменова. *Языковые процессы и политика*. Алматы: Казак университеті, 2011, с. 41.

<sup>2</sup> Конституция Республики Казахстан. [В:] *Терминологический сборник*. Алматы: Сөздік-Словарь, 2002.

<sup>3</sup> Закон «О языках в Республике Казахстан» (1997 г.). [В:] *Языковая политика в Республике Казахстан. Сборник документов*. Астана: Әділет, 1999.

<sup>4</sup> Государственная программа функционирования и развития языков на 1998–2000 годы. [В:] *Терминологический сборник*. Алматы: Сөздік-Словарь, 2002, с. 213–243.

<sup>5</sup> Государственная программа функционирования и развития языков на 2001–2010 годы. [В:] *Основные законодательные акты о языках в Республике Казахстан*. Алматы: Юрист, 2005, с.

онирования языков в Республике Казахстан на 2011–2020 годы»<sup>6</sup>. В результате реализации первых двух Программ были сформированы правовые основы языкового строительства в основных сферах общественной жизни страны, значительно расширены и укреплены социально-коммуникативные функции государственного языка, сохранены общекультурные функции русского языка, поддерживалось развитие других языков народов Казахстана. В настоящее время находит свою реализацию «Государственная программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011–2020 годы», которая была принята Указом Президента Республики Казахстан № 110 от 29 июня 2011 года. Цель Программы – гармоничная языковая политика, обеспечивающая полномасштабное функционирование государственного языка как важнейшего фактора укрепления национального единства при сохранении языков всех этносов, живущих в Казахстане. В соответствии с указанной целью в Программе намечен блок конкретных задач, касающихся упрочения лингвистического капитала казахстанского общества, что связано не только с развитием и совершенствованием государственного языка, но и сохранением уровня функционирования русского языка в коммуникативно-языковом пространстве страны; оказанием государственной поддержки сохранению и развитию родных языков народа Казахстана:

[...] Создание благоприятных условий для изучения и сохранения языков этносов, проживающих в Казахстане. Пути достижения и система мер:

1. Создание условий для воспитания и обучения в учебных заведениях, языковых курсах, воскресных школах, школах национального возрождения представителей этносов, проживающих в Казахстане

1.1. Оказание учебно-методической помощи (МОН, МК, местные исп. орг.)

1.2. Привлечение опытных специалистов-педагогов, носителей языка, использование международного опыта и современных технологий при обучении родным языкам (МОН, АНК, МК, МИО)

2. Обеспечение необходимых условий для сохранения языков и взаимообогащения культур этносов

2.1. Организация культурно-массовых мероприятий (фестивали, конкурсы, проведение праздников с демонстрацией обычаев и традиций народа и т.д.) (МК, АНК, местные исп. орг.)

2.2. Организация информационно-пропагандистских мероприятий (информационное освещение мероприятий с привлечением СМИ, проведение семинаров, конференций, форумов, декад языков этносов) в целях развития культуры и языков этносов, проживающих в Казахстане (МК, АНК, МСИ, МИД, МОН, местные исп. орг.)

2.3. Обеспечение сохранения исторического и современного письменного наследия этносов (архивы, библиотеки, научные исследования) (МК, АНК, местные исп. орг.)

2.4. Заключение межправительственных соглашений об организации взаимных посещений и проведении мероприятий (МИД, МК, АНК)

---

18–29.

<sup>6</sup> Государственная программа функционирования и развития языков на 2011–2020 годы. Астана, 2011[Online:]. <<http://www.government.kz/ru/programmy/2249-gosudarstvennaya-programma-razvitiya-i-funktsionirovaniya-yazykov-na-2011-2020-gody.html>> (15.07.2016).

### 3. Содействие творческой реализации населения

3.1. Содействие дальнейшей реализации культурных и творческих возможностей этносов (издание печатной продукции, выпуск теле- радиопередач, развитие литературы и искусства) (МСИ, АНК, МК, МИО)<sup>7</sup>.

Как видим, в разработанной программе особое внимание уделяется методическому аспекту рассматриваемой проблемы, использованию традиционных и разработке инновационных методов обучения языку. И это не случайно, ведь Казахстан является уникальной полиэтнической средой, требующей разных подходов к каждому языку.

Необходимо отметить, что в процессе реализации государственной поддержки сохранения самобытности этносов и их языков в условиях возрастающего интереса представителей диаспор к родному языку, культуре, традициям и обычаям своего народа особую роль играет активная деятельность Ассамблеи народов Казахстана, созданной в 1995 году по инициативе Главы государства Н.А. Назарбаева. В Казахстане функционирует более 820 этнокультурных объединений.

## Функционирование татарского и польского языков в Казахстане

### Татарский язык

Татарская диаспора Казахстана является шестой по величине этнической группой многонационального Казахстана: носителями татарского языка в республике являются более двухсот тысяч человек, удельный вес татар от общей численности населения страны по данным переписи 2009 г. составляет 1,3%. Динамика численности татарской диаспоры по данным последних двух переписей выглядит следующим образом: 1999 г. – 248 954 чел.; 2009 г. – 204 229 чел. Таким образом, наблюдается уменьшение удельного веса представителей татарской диаспоры Казахстана на 18%. Необходимо отметить, что среди представителей данной этнической группы численность городского населения (152 449 чел.) значительно превышает количество сельских жителей (51 780 чел.). В разрезе регионов расселения выделяются северо-восточные области (Карагандинская, Восточно-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская, Акмолинская, Северо-Казахстанская), Южно-Казахстанская область, Алматинская область и г. Алматы<sup>8</sup>.

Согласно переписи 1999 г. 92,5 тыс. татар (37,1 %) владеют родным языком, 158,3 тыс. (63,6 %) – казахским языком, 241,3 тыс. (96,9 %) – русским языком<sup>9</sup>.

<sup>7</sup> Там же. В цитируемом тексте документа содержатся следующие аббревиатуры: МОН – Министерство образования и науки, МК – Министерство культуры, АНК – Ассамблея народа Казахстана, МИО – местные исполнительные органы, СМИ – средства массовой информации, МСИ – Министерство связи и информации, МИД – Министерство иностранных дел, исп. орг. – исполнительные органы.

<sup>8</sup> *Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги.* Астана: Агентство статистики Республики Казахстан, 2010.

<sup>9</sup> Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова, Д.Х. Аханова. *Языки народов Казахстана. Социо-*



По данным переписи 2009 г. 104,2 тыс. татар (51,1 %) назвали родным языком татарский, около 100 тыс. (48,9 %) – другие языки<sup>10</sup>.

В Казахстане активно функционирует организованная в 2007 году Ассоциация татар и башкир Казахстана, членами которой являются около 30 юридических организаций со всех регионов Казахстана. Ассоциация принята в члены Международного Союза общественных объединений «Всемирный Конгресс татар», имеет устойчивые контакты с профильными организациями во многих странах мира.

Многогранная деятельность входящих в состав Ассоциации национально-культурных объединений направлена на поддержку изучения и функционирования этнического языка, развитие и пропаганду культурного наследия: открытие татарских воскресных школ в регионах Казахстана; открытие центров и музеев выдающихся личностей-представителей татарской диаспоры; издание художественных произведений, документальных очерков и справочной литературы; укрепление связей в области образования и культуры с Республикой Татарстан; сохранение и пропаганда национальных традиций – ежегодное проведение на региональном и республиканском уровнях национального праздника татарского народа Сабантуй в Казахстане.

Одним из известных в стране этнических объединений является Ассоциация татарских и татаро-башкирских общественных и культурных центров Казахстана «Идел». Ассоциация «Идел» проводит большую работу по возрождению и пропаганде татарской и башкирской культур, изучению языка и истории народа, сохранению национальных обычаев и традиций. Особое внимание уделяется организации научно-практических конференций по проблемам сохранения татарской культуры, проведению праздника Сабантуй, ежегодного музыкального фестиваля «Мелодии Иртыша».

Сохранению и развитию татарского языка и культуры содействуют также научные сообщества Казахстана и Татарстана. Так, с 2015 г. в столице Республики Казахстан городе Астане на базе Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева функционирует «Образовательно-культурный центр Института Каюма Насыри Казанского федерального университета», призванного стать связующим звеном для объединения усилий в деле пропаганды и популяризации татарского языка и культуры<sup>11</sup>. На базе Центра разрабатываются магистерские образовательные программы двудипломного обучения по специальности «Филология», специализации «Казахский язык и литература» и «Татарский язык и литература».

---

лингвистический справочник. Астана: Издательство «Арман-ПВ», 2007.

<sup>10</sup> *Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги.* Астана: Агентство статистики Республики Казахстан, 2010.

<sup>11</sup> Р.Р. Замалетдинов. *О реализации проекта «Институт Каюма Насыри».* [В:] *Творческое наследие просветителей тюркского мира. Материалы международной научно-практической конференции.* Казань: Отечество, 2015, с. 5-6.

## Польский язык

Согласно классификации языков Казахстана по численности референтных этносов, носителями польского языка в республике являются более десяти тысяч человек. Самые большие компактные поселения поляков расположены в Северо-Казахстанской, Акмолинской, Карагандинской и Алматинской областях. В Казахстане действуют общества поляков «Вензь» (Centrum Kultury Polskiej “Więź”) и Союз поляков Казахстана (Związek Polaków Kazachstanu). Несмотря на суровые жизненные испытания, большинство поляков сохранило национальные традиции, сумело передать новому поколению любовь к родной песне, танцам, культуре. В стране действует пять польских обществ, которые занимаются вопросами национального и культурного возрождения. В северных областях, в местах компактного проживания польской диаспоры, ведется вещание спутникового польского телевидения «ТВ Полония» (TVP Polonia).

Согласно переписи 1999 г. 4,3 тыс. поляков (9,1%) владеют родным языком, 4,7 тыс. (9,9%) – казахским языком, 46,8 тыс. (98,9%) – русским языком<sup>12</sup>. По данным переписи 2009 г. 3,2 тыс. поляков (9,3%) назвали родным языком польский, около 30,9 тыс. (90,7%) – другие языки<sup>13</sup>.

В городе Кокшетау и нескольких поселках Акмолинской и Северо-Казахстанской областей, где проживает большое количество представителей польской национальности, функционируют воскресные школы, целью которых является приобщение населения к польской культуре и обучение польскому языку. Данная форма обучения успела хорошо зарекомендовать себя и имеет дальнейшую перспективу.

В Кокшетау уже более 10 лет функционирует молодежный танцевальный ансамбль «Степовы квяты» (“Stepowe kwiaty”), показывающий свое искусство не только в Казахстане, но и за его пределами. Дети и студенты, активно изучающие польский язык, выезжают отдыхать в Польшу. Около 600 студентов из Казахстана обучаются в высших учебных заведениях на своей исторической родине. Ежегодно на бесплатное обучение в вузы Польши принимается до 90–100 студентов из числа казахстанских поляков, среди них 20% также казахов, русских, корейцев, украинцев и других национальностей. Казахские студенты обучаются в вузах Польши, а также в рамках президентской программы «Болашак»<sup>14</sup>.

Одним из важнейших условий успешного языкового развития является организация и обеспечение стабильного функционирования полноценной системы обучения языкам, являющейся составной частью общей культуры общества. Следует отметить, что в определенных регионах компактного проживания населения, представляющего тот или иной этнос, в школах и вузах язык этих этносов довольно долгое время изучался в двух направлениях: как иностранный и как

<sup>12</sup> Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова, Д.Х. Аханова. *Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник*. Астана: Издательство «Арман-ПВ», 2007, с. 199.

<sup>13</sup> *Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги*. Астана: Агентство статистики Республики Казахстан, 2010.

<sup>14</sup> «Болашак» в переводе с казахского языка означает ‘будущее’.

родной, в частности, это относится к немецким и польским диаспорам. Все это давало положительные результаты: студенты данных отделений получали хорошее знание языка, что позволяло им проходить стажировки и семестровое обучение в высших учебных заведениях стран исконного распространения языка. В настоящее время, в связи с отъездом населения, в первую очередь представителей немецкой, еврейской и польской национальностей на историческую родину, интерес к изучению языка, особенно как родного, снизился. Многие классы и отделения в вузах были закрыты. Переезд казахстанских поляков в Польшу, хотя и не носил массового характера, тем не менее имел и имеет место до настоящего времени, что значительно повлияло на наполняемость польских классов и, соответственно, снизило востребованность в учителях польского языка и литературы. Кроме того, в последние годы учителями польского языка часто выступают волонтеры из Польши.

Первым вузом, в котором польский язык и литература начали изучаться как специальность, был Кокшетауский государственный университет им. Шокана Уалиханова. Польское отделение при филологическом факультете Кокшетауского университета было открыто в 1991 году. Для осуществления учебного процесса в университет неоднократно приглашались специалисты из Польши, которые не только проводили занятия, но и создавали благоприятную для обучения польскому языку языковую среду. Университетом были созданы все условия для работы польских преподавателей (заработная плата, обеспечение жильем и др.).

С 1991 по 2006 годы КГУ им. Ш. Уалиханова было выпущено более 100 преподавателей польского языка и литературы для работы в средних школах, имеющих классы с польским языком обучения или запланированные факультативные занятия по польскому языку. Все выпускники выполняли курсовые и дипломные работы, носящие научный характер, участвовали в научных студенческих конференциях, в том числе и в Польше.

Польский язык в северном регионе Казахстана преподается в г. Кокшетау (школа № 5), г. Щучинске (школы № 3, 4, 6, 8), а также в школах г. Степногорска, Шортандинского и Астраханского районов Акмолинской области, в г. Таинша, с. Чкалово, с. Келлеровка и др. Северо-Казахстанской области. Все названные школы обеспечивались педагогическими кадрами, подготовленными в Кокшетауском государственном университете им. Ш. Уалиханова. Хороший уровень знаний, получаемый студентами, подтверждался дальнейшим обучением выпускников в учебных заведениях Польши. К сожалению, востребованность в специалистах для региона ежегодно снижалась, и в 2007 году набор на польское отделение не был сделан.

В 2006 году при поддержке Консульства Польши в РК специальность «Филология: польский язык и литература» была открыта на базе Казахского университета международных отношений и мировых языков<sup>15</sup>. В настоящее время поль-

---

<sup>15</sup> Е.А. Журавлева, Т. Пионтек. *Польский язык в Казахстане: опыт и перспективы изучения в высших учебных заведениях.* [В:] *Славянские языки в этнокультурном пространстве Казахстана: Сборник материалов Международного Круглого стола.* Сост. М.А. Бурибаева,

ский язык как элективная дисциплина введен в программы филологических специальностей в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева (г. Астана) и Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова (г. Караганда).

В 2010 году на филологическом факультете ЕНУ им. Л.Н. Гумилева начинает работать Центр польского языка и культуры. Идея открытия Центра принадлежала Польскому посольству и была поддержана руководством университета. Центр начал оформляться и функционировать с октября 2010-2011 учебного года, чему предшествовала большая работа по согласованию между ЕНУ и Посольством Республики Польша в Казахстане. Для работы в Центре Министерством науки и высшего образования Польши направляются преподаватели польского языка, магистры польской филологии: Томаш Пионтек (2010-2013 уч. годы), Магдалена Закжевска (2013-2014 уч. год), Малгожата Бегус (2014-2016 уч. годы). Центр оснащен интерактивной доской и другими необходимыми для учебного процесса техническими средствами, а также учебниками, дидактическими пособиями и словарями, которые были предоставлены Посольством Республики Польша в Казахстане.

Для постижения одного языка очень важно знать не только его исторические корни, то есть праязык, но и современные родственные языки, в нашем случае современные славянские языки, каковым является польский. Университетское образование предполагает обеспечение взаимосвязи между дисциплинами, а языковыми особенно. Начиная с осени 2010 года, студенты всех специальностей университета имели возможность факультативно изучать польский язык, с 2011-2012 учебного года курс польского языка (элективный курс) вводится в образовательную программу специальности «Русский язык и литература» как один из славянских языков. Проведенный кафедрой теоретической и прикладной лингвистики мониторинг показывает, что студенты заинтересованы в изучении польского языка и вот уже несколько лет выбирают эту дисциплину.

В центре обучаются несколько факультативных групп по уровням обучения: А0, А1, В1, В2 и С1, а также студенты II курса специальности «Русский язык и литература», которые изучают польский язык углубленно. Центр польского языка и культуры организует поездки студентов на летние языковые курсы, проводимые в Варшаве, Кракове, Люблине.

Некоторые совместные проекты, касающиеся образовательной деятельности и обучения студентов, а также позволяющие расширить знания студентов о польской культуре, уже проводятся.

Традицией Польского центра стал проводимый с 2011 года на польском, казахском и русском языках конкурсный Диктант, посвященный творчеству известных писателей и общественных деятелей. Изначально идея проведения Диктанта на польском языке принадлежала Посольству Республики Польша в Казахстане, которое и до сих пор поддерживает это мероприятие, реализуемое теперь в рамках государственной программы полиязычия.

По данным Посольства Республики Польша в Казахстане, число обучающихся польскому языку составляет в настоящее время около 1500 человек. Кроме детей и молодежи, польский язык изучает также взрослое население, что составляет около 30% от общего количества поляков в Казахстане.

В 2014 году обучение польскому языку проводилось в 34 образовательных центрах, среди них: 21 – школы, 7 – польские организации, 4 – при римско-католических приходах и 2 – субботне-воскресные школы. В 2015 г. во всем Казахстане их осталось 13, а в консульском кругу АРП в Астане – 11. В 2015 году в Казахстане обучение польскому языку проводили 25 учителей (13 – направленные из Польши ОРПЭГ, и 12 – местные учителя)<sup>16</sup>.

Думается, что формы обучения польскому языку и литературе могут быть весьма разнообразны.

Реализация государственной программы функционирования и развития языков предполагает создание оптимального социолингвистического пространства в стране, определяемого достижением необходимого функционального соотношения языков, использующихся на территории Казахстана. Все эти меры направлены и на сохранение национальной идентичности казахстанских поляков.

## Методология

Исследование основано на экспериментальных данных (анкетирование, ассоциативный эксперимент и интервьюирование представителей разных этнических групп). В рамках проведенного пилотного этапа анкетирования представителей разных этнических групп Казахстана (2015 г.) в опросе приняли участие по 50 представителей татарской, корейской, польской, ингушской национальностей. Анкетирование направлено на изучение процессов этнической и языковой идентификации, национально-специфических особенностей мировосприятия, специфики взаимодействия этнических языков с казахским, русским и другими языками, взаимодействия и взаимовлияния языковых сознаний этносов в условиях поликультурного и полиязычного казахстанского общества.

Материалом для данной статьи послужили отдельные результаты пилотного анкетирования, проведенного среди представителей польской (славянская группа) и татарской диаспоры (тюркская группа). Рассматриваются результаты опроса, касающиеся языковой компетенции респондентов-татар и респондентов-поляков, использования ими языков в разных социально-коммуникативных сферах, форм сохранения и функционирования родного языка и культуры.

Исследование проводится при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Grant NO. 316 от 13.05.2016).

---

<sup>16</sup> М. Бегус. Уровни обучения польскому языку в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева. [В:] *Славянские и тюркские культурно-языковые контакты. Традиции и ценности*. Ред. М.А. Бурибаева. Астана: Комитет по развитию языков и общественно-политической работы Министерства культуры и спорта РК, 2016, с. 131-135.

## Анализ результатов исследования

Анализ показателей восприятия языка как родного выявил следующую картину: 1) респонденты-татары: 70% опрошенных назвали родным татарский язык, 16,7% – русский язык, 3,3% – казахский язык, 10% указали в качестве родных 2 языка – татарский и русский; 2) респонденты-поляки: 66,7% опрошенных назвали родным русский язык, 16,7% – польский язык, 16,6% указали в качестве родных 2 языка – русский и польский. Таким образом, можно констатировать наличие факта языковой ассимиляции, причем у респондентов-поляков он выражен сильнее.

Необходимо помнить, что данные идентификации языка со своей национальностью могут носить субъективный характер и свидетельствовать лишь о желании респондентов быть причисленными к тому или иному этносу. Наиболее же объективную картину можно получить на основе показателей степени владения тем или иным родным языком и уровня распространения двуязычия.

Для определения уровня пассивного владения языком использованы формулы: б) понимаю речь, но объяснить не могу; с) понимаю речь и могу с трудом объясняться; а для активного владения – d) понимаю речь, свободно говорю и читаю, но не пишу; е) понимаю, свободно говорю, читаю и пишу; также отмечалось незнание языка – а) не владею совсем.

Таблица 1. Владение языками

Уровень владения	Респонденты-татары			Респонденты-поляки		
	Татарский	Казахский	Русский	Польский	Казахский	Русский
не владею совсем	19,4	9,7	–	16,7	23,3	–
понимаю речь, но объяснить не могу	32,3	16,1	–	26,6	43,3	–
понимаю речь и могу с трудом объясняться	19,2	38,6	–	33,3	13,3	–
понимаю речь, свободно говорю и читаю, но не пишу	13,0	13,0	6,5	3,3	–	–
понимаю, свободно говорю, читаю и пишу	19,3	29,0	90,2	16,6	–	96,6

Хорошее владение родным языком отметили 32,3% респондентов-татар и 19,9% респондентов-поляков, пассивное владение – 51,5% респондентов-татар и 59,9% респондентов-поляков, не владеют родным языком 19,4 % респондентов-татар и 16,7% респондентов-поляков. Результаты проведенного исследования позволяют констатировать доминирование двуязычных татар: если взять за пороговый показатель «понимаю речь и могу с трудом объясняться», то в целом можно считать двуязычными 80,6% респондентов с разной степенью владения

государственным языком, а также 96,7% респондентов с хорошим владением русским языком. Среди респондентов-поляков лишь 13,3% указали невысокий уровень владения казахским языком, 96,6% свободно владеют русским языком.

Существует мнение, согласно которому русский язык сохранит свое распространение в Казахстане в силу требований экономического развития и эффекта глобализации<sup>17</sup>. Результаты анкетирования свидетельствуют об определяющей роли русского языка в становлении речевой деятельности респондентов и дальнейшем его доминировании в разных социально-коммуникативных сферах. Как показывают данные, по признаку языка до поступления в школу русскоязычных татар (67,7%) оказалось больше, чем татароязычных (9,7%) и двуязычных (русский и казахский – 6,5%; татарский и русский – 9,7%); 96,7% респондентов-поляков до поступления в школу говорили на русском языке.

Для определения сфер использования казахского, русского и других языков были проанализированы ответы респондентов на вопросы об области применения этих языков с указанием интенсивности (всегда, часто, иногда) употребления их в следующих сферах: а) на работе (в учебе); б) на рынке; в) на улице и транспорте; д) в семье; е) просмотр телепередач; ф) слушание радио; г) чтение газет, книг.

Таблица 2. Характеристика употребления языков в различных сферах общения

РЕСПОНДЕНТЫ-ТАТАРЫ							РЕСПОНДЕНТЫ-ПОЛЯКИ							
СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ							СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ							
а	б	в	г	д	е	ж	а	б	в	г	д	е	ж	з
ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК							ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК							
иногда							иногда							
6,4	3,2	6,5	6,5	6,5	6,5	12,9	13,3	-	-	6,7	6,7	13,3	16,7	
часто							часто							
6,5	3,2	3,2	45,2	35,4	12,9	29,0	6,7	3,3	3,3	-	-	3,3	-	
всегда							всегда							
19,4	6,4	3,2	45,2	32,2	16,1	29,0	3,3	3,3	3,3	45,2	10,0	10,0	10,0	
КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК							КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК							
иногда							иногда							
9,7	3,2	9,7	3,2	3,2	-	6,5	6,6	13,3	10,0	-	20,0	6,7	10,0	
часто							часто							
25,8	25,8	25,8	9,7	19,3	9,6	29,0	6,7	6,7	6,7	-	-	10,0	-	

<sup>17</sup> W. Fierman. *Kazakh Language and Prospects for Its Role in Kazakh «Groupness»*. USA: Ab Imperio. George Mason University 2005, с. 393–423. [Online:] <<http://mason.gmu.edu/~cenasia/Fierman.pdf>> (10.07.2016).

всегда							всегда						
25,8	25,8	25,8	12,9	12,9	6,4	32,2	-	-	-	12,9	-	-	-

a	b	c	d	e	f	g	a	b	c	d	e	f	g
РУССКИЙ ЯЗЫК							РУССКИЙ ЯЗЫК						
иногда							иногда						
3,2	3,2	3,2	-	3,2	16,2	9,7	-	-	-	-	3,3	3,3	-
часто							часто						
3,3	6,5	6,5	22,6	13,0	-	-	3,3	3,3	3,3	-	-	-	-
всегда							всегда						
93,5	90,3	90,3	77,4	83,8	83,8	90,3	96,7	93,3	93,3	73,3	83,3	76,6	76,6
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК							АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК						
иногда							иногда						
-	-	-	-	-	3,2	-	-	-	-	-	3,3	-	-
часто							часто						
-	-	-	-	3,2	3,2	-	-	-	-	-	-	-	-
всегда							всегда						
-	-	-	-	3,2	3,2	-	-	-	-	-	-	-	-

Результаты анкетирования свидетельствуют о доминировании русского языка практически во всех сферах.

Данные по активному использованию родного языка, определяемого по формуле «всегда» и «часто», имеют следующие особенности: 1) респонденты-татары: в семье – 45,2% «всегда», 45,2% – «часто», просмотр телепередач – 35,2% «всегда», 35,4 % – «часто», при чтении газет и журналов – 29 % «всегда», 29 % «часто»; 2) респонденты-поляки: в семье – 45,2% «всегда», просмотр телепередач и слушание радио – 10,0% «всегда», при чтении газет и журналов – 10,0% «всегда».

Активное использование государственного языка отмечено в следующих сферах: 1) среди респондентов-татар: чтение газет, книг – 29% «всегда», 32,2% – «часто»; на работе (в учебе) – 25,8% «всегда», 25,8% – «часто»; б) в сфере торговли – 25,8% «всегда», 25,8 % – «часто»; в) на улице и транспорте – 25,8% «всегда», 25,8% – «часто»; просмотр телепередач – 12,9 % «всегда», 19,3 % – «часто»; в семье – 12,9% «всегда», 9,7% – «часто»; 2) среди респондентов-поляков: в семье – 12,9% «всегда»; слушание радио – 10,0 % «часто»; на работе (в учебе) – 6,7% «часто»; б) в сфере торговли – 6,7% «часто»; в) на улице и транспорте – 10,0% «часто». Данные анкетирования свидетельствуют о более широком и активном использовании казахского языка респондентами-татарами по сравнению с респондентами-поляками, что, возможно, обусловлено генеалогическим родством казахского и татарского языков, относящихся к тюркским языкам.

Данные по активному использованию английского языка характеризуются невысокими показателями: респонденты-татары отметили просмотр телепере-



дач – 3,2% «всегда», 3,2% – «часто»; слушание радио – 3,2% «всегда», 3,2% – «часто». Респонденты-поляки указали лишь пассивное использование английского языка при просмотре телепередач (3,3%).

Особенности предпочтений респондентов в выборе языка обучения и воспитания детей в будущем отражены в следующей таблице.

Таблица 3. Выбор языка обучения и воспитания детей в будущем (респонденты-татары)

Языки							
Татарский	Русский	Татарский, казахский	Татарский, русский	Татарский, русский, казахский, английский	Татарский, английский, русский	Русский, татарский, казахский	Русский турецкий, татарский
16,7	13,3	3,3	30,3	10,0	20,0	3,3	3,3

Таблица 4. Выбор языка обучения и воспитания детей в будущем (респонденты-поляки)

Польский	Русский	Русский, польский	Русский, польский, казахский	Русский, польский, английский
13,3	43,3	23,4	10,0	6,7

Выявленные предпочтения респондентов в выборе языка образования и воспитания детей позволяют сделать следующие выводы: 1) среди респондентов-татар преобладает выбор татарского и русского языков (30,3%); татарского, английского, русского языков (20%); татарского языка (16,7%); 2) респонденты-поляки отдали предпочтение русскому языку (43%). Необходимо отметить, что казахский язык в качестве компонента двуязычного (татарский, казахский) и полиязычного (татарский, русский, казахский, английский; русский, татарский, казахский; русский, польский, казахский) образования и воспитания детей выбран 16,6 % респондентов-татар и 10,0 % респондентов-поляков. Аналогичная позиция татарского языка составляет 70,2%, русского – 66,9%, английского – 30%. Среди респондентов-поляков родной польский язык и русский язык как компоненты полиязычного образования (русский и польский; русский, польский, казахский; русский, польский, английский) указали 40,1% респондентов, английского языка – 6,7%.

Вместе с тем результаты анкетирования показали наличие устойчивого мнения о важности и необходимости знания государственного языка (83,9 % респондентов-татар, 90 % респондентов-поляков), что свидетельствует о наблюдаемом в обществе процессе роста востребованности казахского языка, осознания его функциональной значимости. 74,2% респондентов-татар и 83,3% респондентов-поляков считают, что усвоение казахского языка поможет им в профессиональной деятельности. Среди иностранных языков, владение которыми важно для профессиональной деятельности, лидирующие позиции занимает английский язык (58,1 % респондентов-татар и 43,4 % респондентов-поляков); среди

других языков указаны арабский (9,7% респондентов-татар) и китайский (3,2% респондентов-татар).

Согласно концепции этнолингвистической жизнеспособности, представленной в исследовании Giles H., Bourhis R.Y., Taylor D.M., витальность этнической группы проявляется в использовании этнического языка как важного фактора этнической идентификации и сохранения этнокультурной самобытности, проявляющейся в социально-экономических, этнических, культурных и религиозных аспектах<sup>18</sup>. Особенно это важно для этносов, проживающих длительный период в поликультурной среде. В связи с этим, нами большое внимание уделено выявлению факторов, способствующих сохранению этнического языка.

Таблица 5. Факторы сохранения и развития родного языка

Факторы	Респонденты-татары	Респонденты-поляки
посещение воскресной школы	25,8	19,9
использование родного языка в семье	67,8	48,3
общение с друзьями своей национальности	38,8	39,7
чтение художественной литературы	22,6	19,8
просмотр телепередач	29,0	23,2
чтение газет, журналов	22,6	9,9
интернет	–	6,6
учеба	–	3,3

Результаты анализа подтверждают значимость использования этнических языков в сфере семейно-бытовых отношений как фактора наибольшего сохранения родного языка в условиях преобладания казахско-русского двуязычия, характерного для языковой ситуации Казахстана. Таким образом, использование родного языка в процессе живого общения в кругу семьи (67,8% респондентов-татар и 48,3% респондентов-поляков) и с друзьями (38,8% респондентов-татар и 39,7% респондентов-поляков), по мнению респондентов, в наибольшей степени способствует сохранению этнического языка. По степени убывания частотности выбор респондентами других факторов сохранения родного языка представлен следующим образом: просмотр телепередач (29% респондентов-татар и 23,2% респондентов-поляков), посещение воскресной школы (25,8% респондентов-татар и 19,9% респондентов-поляков), чтение художественной литературы (22,6% респондентов-татар и 19,8% респондентов-поляков) и чтение газет, журналов (22,6% респондентов-татар и 9,9% респондентов-поляков). Следует отметить, что респонденты-поляки указали также использование родного языка в интернете (6,6%) и в учебном процессе (3,3%).

<sup>18</sup> H. Giles, R.Y. Bourhis, D.M. Taylor. *Towards a theory of language in ethnic group relations*. [B:] *Language, ethnicity and intergroup relations*. London: Academic Press, 1977, с. 307-348.

## Заключение

Данные исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на наметившиеся тенденции языкового сдвига, у респондентов наблюдается стремление осознать собственную этническую принадлежность, роль родного языка как важнейшего символа этноса, что находит поддержку со стороны государства.

Конкретные задачи, обозначенные в «Государственной программе функционирования и развития языков в Республике Казахстан на 2011–2020 годы», направлены на дальнейшее сохранение языков и культур этносов Казахстана. Действующие во всех регионах страны этнокультурные центры вносят большой вклад в дело сохранения и развития родных языков и культур, дальнейшего сплочения казахстанского общества на принципах согласия и толерантного межэтнического взаимодействия.

В условиях новой языковой политики весьма актуальным является исследование процессов этнической и языковой идентификации, поскольку позволяет обозначить круг проблем, обусловленных как предшествующими периодами в истории страны, так и социально-политическими и экономическими факторами современности. Решение этих проблем важно для поступательного и стабильного развития страны, для дальнейшей реализации идеи мирного сосуществования этносов, проживающих на территории Республики Казахстан.

## Литература

- Бегус М. *Уровни обучения польскому языку в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева*. [В:] *Славянские и тюркские культурно-языковые контакты. Традиции и ценности*. Ред. М.А. Бурибаева. Астана: Комитет по развитию языков и общественно-политической работы Министерства культуры и спорта РК, 2016, с. 131–135.
- Giles H., Bourhis R.Y., Taylor D.M. *Toward a theory of language in ethnic group relations*. [В:] *Language, ethnicity and intergroup relations*. London: Academic Press, 1977, с. 307–348.
- Государственная программа функционирования и развития языков на 1998–2000 годы*. [В:] *Терминологический сборник*. Алматы: Сөздік-Словарь, 2002, с. 213–243.
- Государственная программа функционирования и развития языков на 2001–2010 годы*. [В:] *Основные законодательные акты о языках в Республике Казахстан*. Алматы: Юрист, 2005, с. 18–29.
- Государственная программа функционирования и развития языков на 2011–2020 годы*. Астана, 2011. [Online:] <<http://www.government.kz/ru/programmy/2249-gosudarstvennaya-programma-razvitiya-i-funktsionirovaniya-yazykov-na-2011-2020-gody.html>> (15.07.2016).
- Журавлева Е.А., Пионтек Т. *Польский язык в Казахстане. Опыт и перспективы изучения в высших учебных заведениях*. [В:] *Славянские языки в этнокультурном пространстве Казахстана: Сборник материалов Международного Круглого стола*. Сост. М.А. Бурибаева, А.А. Махамбетова, А.А. Шахин. Астана: Комитет по языкам Министерства культуры и информации РК, 2013, с. 64–71.
- Закон «О языках в Республике Казахстан» (1997 г.)*. [В:] *Языковая политика в Республике Казахстан. Сборник документов*. Астана: Әділет, 1999.

- Замалетдинов Р.Р. *О реализации проекта «Институт Каюма Насыри»*. [В:] *Творческое наследие просветителей тюркского мира. Материалы международной научно-практической конференции*. Казань: Отечество, 2015, с. 5-6.
- Конституция Республики Казахстан*. [В:] *Терминологический сборник*. Алматы: Сөздік-Словарь, 2002.
- Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги*. Астана: Агентство статистики Республики Казахстан, 2010.
- Сулейменова Э.Д. *Языковые процессы и политика*. Алматы: Қазақ университеті, 2011.
- Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аханова Д.Х. *Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник*. Астана: Издательство «Арман-ПВ», 2007.
- Fierman W. *Kazakh Language and Prospects for Its Role in Kazakh «Groupness»*. USA: Ab Imperio. George Mason University, 2005, с. 393-423. [Online:] <<http://mason.gmu.edu/~cenasia/Fierman.pdf>> (10.07.2016).



JĘZYKOZNAWSTWO GENETYCZNE  
ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ  
GENETIC LINGUISTICS



## GENETYKA POPULACYJNA A PROBLEM ETNOGENEZY SŁOWIAN

MARTA NOIŃSKA

Uniwersytet Gdański

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich

Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka  
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska

e-mail: marta.noinska@ug.edu.pl

### **Abstract**

#### **Population Genetics and the Issue of Slavic Ethnogenesis**

Despite long-going discussions among scholars of various disciplines, there is no consensus as to the location of the Slavic homeland. The article describes the recent discoveries in population genetics, which may shed some light on the problem of the Slavic origins. In the first part, the author gives a synthetic description of various theories concerning the origins of the Slavs, with focus on linguist's views. The second part is devoted to the results of the latest research in population genetics: analyses of contemporary mtDNA, Y-DNA and autosomal DNA of the Slavic nations, as well as ancient mtDNA from the territory of contemporary Poland.

### **Key words**

Slavs, homeland, ethnogenesis, population genetics, linguistics, DNA, autochthonous hypothesis, allochthonous hypothesis.



## Резюме

### Популяционная генетика, а вопрос славянского этногенеза

Несмотря на многолетние дискуссии между учеными различных специальностей, не существует единого мнения относительно расположения славянской прародины. В статье описываются последние открытия в области генетики, которые могут пролить свет на проблему славянского происхождения. В первой части, автор дает синтетическое описание различных теорий, касающихся происхождения славян, с акцентом на взгляды лингвистов. Вторая часть посвящена результатам последних исследований в области генетики: анализам современной мтДНК, Y-ДНК и автосомной ДНК славянских народов, а также древней мтДНК с территории современной Польши.

## Ключевые слова

Славяне, прародина, этногенез, популяционная генетика, лингвистика, ДНК, автохтонная гипотеза, аллохтонная гипотеза.

## Wprowadzenie

Językoznawcy, archeolodzy, etnografowie, antropologowie i historycy od dawna próbują rozwikłać zagadki związane z pochodzeniem Słowian. Jest to zagadnienie nadal aktualne, ponieważ mimo wielu prób ustalenia, skąd przybyli Słowianie, badaczom wciąż nie udało się osiągnąć konsensusu w tej kwestii<sup>1</sup>. Ludy, które przyczyniły się do ekspansji języków słowiańskich, zamieszkiwały obszary na tyle odległe od Imperium Romanum, że nie zostały one dokładnie opisane przez uczonych antycznych (w przeciwieństwie do chociażby plemion germańskich). Pierwsze wzmianki w sposób oczywisty odnoszące się do plemion słowiańskich znajdujemy dopiero w źródłach z VI wieku n.e. Co więcej, „świadectwa archeologiczne, zwłaszcza w porównaniu do tych, które pozostawiły społeczności Europy Zachodniej, są ubogie nie tylko pod względem ilościowym, ale i jakościowym”<sup>2</sup>.

W obliczu tych faktów zasadnym wydaje się sięgnięcie do nowych danych dostarczanych przez intensywnie rozwijającą się w ostatnich latach genetykę populacyjną.

---

<sup>1</sup> Dokładny opis sporu wraz z krytyką w: X. Бирнбаум. *Славянская прародина: новые гипотезы (с заметками по поводу происхождения индоевропейцев)*. «Вопросы языкознания» 1988, № 5. [Online:] <<http://www.philology.ru/linguistics3/birnbaum-88.htm>> (dostęp: 26.09.2016); A. Błażejowski. *Starożytni Słowianie*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2007; A. Juras. *Etnogeneza Słowian w świetle badań kopalnego DNA*.1 Praca doktorska wykonana w Zakładzie Biologii Ewolucyjnej Człowieka Instytutu Antropologii UAM w Poznaniu pod kierunkiem prof. dra hab. Janusza Piontka. Poznań 2012; A. Juras et al. *Ancient DNA Reveals Matrilineal Continuity in Present-Day Poland over the Last Two Millennia*. „PLoS ONE” 2014, No. 9 (10); L. Moczulski. *Tajemnice wczesnych Słowian*. Warszawa: Bellona, 2015.

<sup>2</sup> K. Borowiec. *Kanon wiedzy na temat tzw. etnogenezy Słowian. Czas przełomu*. „Kwartalnik Językoznawczy” 2012, nr 1, s. 11.

W najnowszych publikacjach naukowych z zakresu językoznawstwa poruszających problem etnogenezy Słowian możliwość wykorzystania wyników badań genetyków jest jedynie sygnalizowana<sup>3</sup> lub zupełnie się o niej nie wspomina. Jeszcze do niedawna lingwiści w rozważaniach na temat „praojczyzn” różnych populacji dość sceptycznie odnosili się do uwzględniania badań biologii ewolucyjnej. Rozwój genetyki populacyjnej w ostatnich latach spowodował jednak, że przy opisie problemów nurtujących językoznawców nie można nie uwzględnić badań genetyków<sup>4</sup>. Współcześnie dzięki analizom DNA możliwe jest nie tylko dokładniejsze niż kiedykolwiek określenie szlaków migracyjnych różnych populacji, lecz również powiązanie ich z określonymi kulturami archeologicznymi.

W pierwszej części artykułu syntetycznie przedstawiony zostanie problem praojczyzny Słowian; w drugiej zaś przywołane będą wyniki najnowszych badań genetyki populacyjnej dotyczące pochodzenia ludów słowiańskich prowadzone przez międzynarodowe zespoły specjalistów.

### Kim są Słowianie i skąd przybyli?

Pojęcie *Słowianin* ma charakter językoznawczy – odnosi się bowiem do grupy ludzi posługujących się językami słowiańskimi. Współcześnie języki tej grupy używane są przez około 315 milionów osób zamieszkujących głównie tereny środkowej i wschodniej Europy oraz północnej Azji<sup>5</sup>. Obecnie języki słowiańskie dzieli się na trzy główne grupy: wschodniosłowiańskie, zachodniosłowiańskie i południowsłowiańskie. Niektórzy badacze postulują istnienie czwartej, wymarłej grupy, której reliktem miałyby być dialekt staronowogrodzki<sup>6</sup>. Lingwiści zakładają istnienie języka prasłowiańskiego, będącego „przodkiem” późniejszych odmian regionalnych. Rozpad słowiańskiej wspólnoty językowej datowany jest na okres dość późny – od VI do nawet IX wieku n.e., a jego przyczyny można zaliczyć do ekstralingwistycznych<sup>7</sup>.

<sup>3</sup> K. Borowiec. *Kanon wiedzy...*, s. 34.

<sup>4</sup> Badania genetyków dotyczące migracji w okresie przedhistorycznym w kontekście poszukiwania praojczyzny Indoeuropejczyków są uwzględniane przez językoznawców i krytycznie omawiane, np. D.W. Anthony, D. Ringe. *The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives*. „Annual Review of Linguistics” 2015, No. 1, s. 199–219; P. Heggarty. *Ancient DNA and the Indo-European Question*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2015. [Online:] <<http://dlc.hypotheses.org/807>> (dostęp: 18.06.2016).

<sup>5</sup> *Slavic Languages*. [W:] *Encyclopaedia Britannica 2016*. [Online:] <<https://www.britannica.com/topic/Slavic-languages>> (dostęp: 27.09.2016).

<sup>6</sup> А.Ф. Журавлев. *Лексико-статистические системы славянского языкового родства*. Москва: Индрик, 1994; А. Зализняк. *Древненовгородский диалект*. «Studia Philologica” 2004. Москва: Языки славянской культуры. [Online:] <<http://gramoty.ru/dnd/full/005Vvedenie.pdf>> (dostęp: 29.09.2016); В.В. Иванов. *Генеалогическая классификация языков*. [W:] *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ред. Виктория Н. Ярцева. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1990, s. 93–98.

<sup>7</sup> S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords in Proto-Slavic*. Amsterdam–New York: Editions Rodopi, 2013, s. 15.

Najważniejszym czynnikiem wydaje się ekspansja Słowian na rozległe tereny, do której doszło między VI i VIII wiekiem n.e. Pod koniec VIII wieku Słowianie zajmowali już ogromne terytorium od jeziora Ilmień na północy po granice współczesnej Grecji na południu, od rzeki Oki na wschodzie aż po Łabę na zachodzie. Ludy słowiańskie napotykały na swojej drodze różne populacje rodzime, a tym samym inne języki, co przyczyniło się do stopniowej dyferencjacji dialektalnej. Co więcej, przed rozproszeniem się na tak ogromnym terytorium Słowianie nie mieli standardowej, literackiej odmiany języka, a przed chrystianizacją najprawdopodobniej nie posługiwali się pismem<sup>8</sup>. Piśmiennictwo rozwinęło się dopiero w poszczególnych regionach i nosiło znamiona dialektów lokalnych.

Plemiona słowiańskie (już pod swoją własną nazwą) pojawiają się na kartach historii stosunkowo późno, bo dopiero w VI wieku n.e. w pracach gockiego historyka Jordanesa oraz bizantyjskiego historyka Prokopa z Cezarei<sup>9</sup>. Są to niewątpliwie najstarsze świadectwa kontaktów Słowian z Gotami i Imperium Rzymskim<sup>10</sup>. Wielu polskich archeologów uważa, że o Słowianach na podstawie źródeł można mówić właśnie od pierwszej połowy VI wieku po Chrystusie<sup>11</sup>. W artykule *Praojczyzna Słowian w ujęciu źródłoznawczym* Michał Parczewski powołuje się na „świadectwa Jordanesa, Prokopa z Cezarei i Pseudo-Maurycego, pomijając wcześniejsze wzmianki jako zbyt wątpliwe”<sup>12</sup>.

Analiza źródeł historycznych<sup>13</sup> wskazuje, że:

- starożytni Rzymianie nie wymieniają nazwy *Słowianie*,
- Wisła w historiografii antycznej uważana była za rzekę graniczną między ludami germańskimi i sarmackimi,
- istnieją przesłanki, aby utożsamić Słowian z Wenedami, jednak część badaczy uważa Wenedów za odrębny lud staroeuropejski,
- w opisach Słowianie łączeni są z obszarami bagiennymi,
- ani Jordanes, ani Prokop z Cezarei nie wspominają o migracji Słowian/Wenedów nad Dunaj, co może świadczyć o tym, że obaj uznawali ich za ludność rodzimą na tych terenach,
- ogromna ekspansja Słowian rozpoczęła się w VI wieku.

W polskiej literaturze przedmiotu badaczy różnych dziedzin dzieli się często na autochtonistów i allochtonistów<sup>14</sup>. Autochtoniści sądzą, że Słowianie bytowali na terenach dzisiejszej Polski już w epoce brązu i opowiadają się za ciągłością osadniczą na tych obszarach. Allochtoniści zaś poszukują praojczyzny Słowian poza dzisiejszymi granicami Polski, najczęściej nad środkowym Dnieprem. W archeologii nurt autochtonistyczny często kojarzony jest z naukowcami związanymi z Uniwersytetem im. Adam Mickiewicza w Poznaniu, m.in. Tadeuszem Makiewiczem i Tadeuszem Mali-

<sup>8</sup> L. Moszyński. *Wstęp do filologii...*, s. 17.

<sup>9</sup> S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, s. 65.

<sup>10</sup> Tamże, s. 66.

<sup>11</sup> K. Borowiec. *Kanon wiedzy...*, s. 11.

<sup>12</sup> Tamże.

<sup>13</sup> Zestawienie na podstawie: K. Borowiec. *Kanon wiedzy...*; A. Błażejewski. *Starożytni Słowianie...*; L. Moczulski. *Tajemnice...*; S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*

<sup>14</sup> A. Błażejewski. *Starożytni Słowianie...*, s. 11; A. Juras et al. *Ancient DNA Reveals...*



rozpocząć ekspansję, wędrując na południe przez Karpaty aż do Dunaju oraz dalej na wschód, docierając do Dniepru. Ta ekspansja terytorialna spowodowała stopniowy rozpad języka prasłowiańskiego na dialekty<sup>22</sup>.

Powyższa hipoteza wspierana jest przez białoruskiego językoznawcę Wiktora Martynowa, który w monografii *Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры* przedstawił szereg argumentów lingwistycznych na jej poparcie: „автор рассматривал наличие славяно-германского взаимодействия древнейшего периода в качестве оновного аргумента в пользу гипотезы о вислодрской прародине славян”<sup>23</sup>. Martynow postulował między innymi istnienie stosunkowo licznych zapożyczeń słowiańskich w języku pragermańskim, co miaoby świadczyć o bardzo wczesnych kontaktach słowiańsko-germańskich nawet już w V wieku p.n.e. Byłby to niezwykle ważki argument przemawiający za umiejscowieniem praojczyzny Słowian na terenach dzisiejszej Polski, jednak większość omawianych przez niego pożyczek uważana jest przez innych językoznawców za zapożyczenia w przeciwnym kierunku<sup>24</sup>. Sama idea obecności zapożyczeń prasłowiańskich w językach germańskich została jednak wykorzystana w późniejszych pracach na temat wczesnych słowiańsko-germańskich kontaktów językowych. Zarówno Zbigniew Gołąb, jak i Saskia Pronk-Tiethoff zaproponowali przy tym krótkie, własne wykazy pożyczek prasłowiańskich w językach germańskich<sup>25</sup>.

Witold Mańczak również był zwolennikiem teorii autochtonistycznej i sądził, że „nie sposób zlokalizować praojczyzny Słowian gdzie indziej niż w dorzeczu Odry i Wisły”<sup>26</sup>. Badania Mańczaka opierały się na statystykach leksykalnych analiz przekładów *Biblii* na różne języki europejskie. Im bliższe sobie języki, tym bliżej powinny być usytuowane ich praojczyzny.

Przyjmując założenie, że w obrębie danej grupy spokrewnionych ze sobą języków najbardziej archaiczny i najbliższy językowi matce jest ten, który ma największy odsetek słownictwa wspólnego z pozostałymi językami siostrami, Profesor Mańczak doszedł do wniosku, że możliwe jest geograficzne wskazanie praojczyzny ludów mówiących tymi językami. [...] W świetle danych statystycznych pierwotne siedziby Słowian znajdują się w dorzeczu Wisły i Odry<sup>27</sup>, z którymi z kolei pokrywa się mniej więcej praojczyzna Indoeuropejczyków, sytuowana przez językoznawców m.in. na Ukrainie, w Armenii czy Azji Mniejszej<sup>28</sup>.

Nie wszyscy językoznawcy zgadzają się jednakże z metodologią przyjmowaną przez Mańczaka. Pronk-Tiethoff uważa na przykład wyniki jego badań za wątpliwe<sup>29</sup>, a Hanna Popowska-Taborska nie aprobuje „stosowanej przez niego metody badaw-

<sup>22</sup> L. Moszyński. *Wstęp do filologii...*, s. 203.

<sup>23</sup> В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое взаимодействие...*, s. 3.

<sup>24</sup> Por. Z. Gołąb. *O pochodzeniu Słowian...*; S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*

<sup>25</sup> Tamże.

<sup>26</sup> W. Mańczak. *Praojczyzna Słowian*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001. [Online:] <<http://www.slavinja.republika.pl/tekst27.htm>> (dostęp: 20.09.2016).

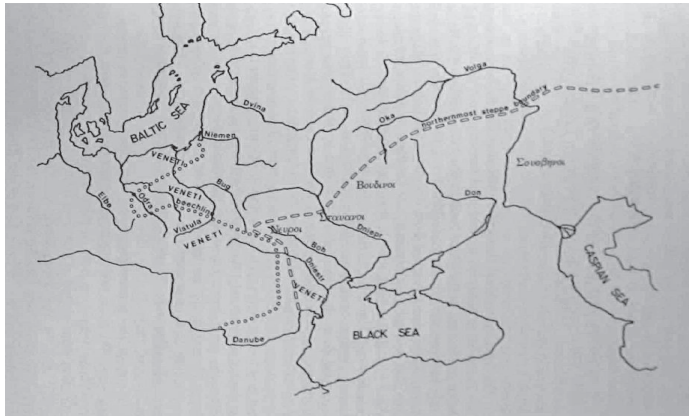
<sup>27</sup> W. Mańczak. *Wieża Babel*, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1999, s. 89–128.

<sup>28</sup> P. Dębowski. *O dorobku naukowym Profesora Witolda Mańczaka z okazji jubileuszu 90. urodzin*. „Język Polski” 2014, nr 3, s. 194–199.

<sup>29</sup> S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, s. 55.

czej, zmierzającej do ustalenia pokrewieństw językowych na podstawie frekwencji leksykalnych w wybranych tekstach – bez uwzględnienia historyczno-kulturowych uwarunkowań rozwoju słownictwa<sup>30</sup>.

Bazując na danych językoznawczych z uwzględnieniem warunków naturalnych i ekonomicznych, Gołąb umiejscawia praojczyznę Słowian bardziej na wschód – pomiędzy środkowym Dnieprem i dorzeczem Odry, gdzie ludy słowiańskie przybyły z nad górnego Donu bytowałyby od VI wieku p.n.e. do I wieku n.e.<sup>31</sup> (rys. 2). Południową granicę wyznaczają tu ludy irańskie, Goci i Hunowie oraz dalej na zachód łańcuchy górskie: Karpaty i Sudety. Zgodnie z teorią Gołąba ludy słowiańskie rozpoczęły migrację w kierunku zachodnim pod naporem irańskich nomadów około 500 roku p.n.e.<sup>32</sup> Najpierw dotarły one do Wisły i Bugu, a stamtąd udały się na północ, docierając nad Morze Bałtyckie około I wieku n.e. Gołąb sądzi, że opisani przez Ptolemeusza Wenedowie to Słowianie. Leszek Moczulski również uważa, że brak nazwy Słowianie nie musi oznaczać nieobecności tego etnosu w źródłach antycznych, wspominani przez pisarzy starożytnych Wenedowie zaś to najprawdopodobniej Słowianie, tyle że pod innym imieniem<sup>33</sup>.



Rys. 2. Praojczyzna Słowian wg Zbigniewa Gołąba<sup>34</sup>

Źródło: Z. Gołąb. *The Origins of the Slavs. A Linguist's view*. Columbus: Slavica Publishers, 1992, s. 309.

W książce *Очерк сравнительной грамматики славянских языков* Samuel Bernstein zwraca uwagę na brak przesłanek przemawiających za obecnością Słowian nad Morzem Bałtyckim na początku naszej ery<sup>35</sup>. Według Bernsteina wpływ Cesarstwa

<sup>30</sup> H. Popowska-Taborska. *Co językoznawca powiedzieć może o wczesnych dziejach Słowian*. [W:] Mańczak W. (red.) *Praojczyzna Słowian. Zbiór wypowiedzi*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001, s. 32.

<sup>31</sup> Z. Gołąb. *The Origins of the Slavs. A Linguist's view*. Columbus: Slavica Publishers, 1992, s. 300–301.

<sup>32</sup> Tamże.

<sup>33</sup> L. Moczulski. *Tajemnice...*

<sup>34</sup> Z. Gołąb. *The Origins...*, s. 309.

<sup>35</sup> С.Б. Бернштейн. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Moskwa: Наука, 1974. [Online:] <<http://www.myfilology.ru/tutorials/slavic-philology/bernstein-sb-outline-of-the->

Rzymskiego na język i kulturę Słowian byłby o wiele większy, gdyby zamieszkiwali oni tereny na szlaku bursztynowym. Co więcej, o Słowianach pod taką właśnie nazwą nie wspominają uczeni antyczni, co może świadczyć o braku kontaktu z ludami słowiańskimi<sup>36</sup>.

Z kolei specjalizujący się w analizie hydronimii Jürgen Udolph umiejscawia praojczyznę Słowian na terenach dzisiejszej Galicji (rys. 3). Tatry wyznaczają zachodnią granicę słowiańskiej kolebki, a zbrocza Karpat – jej granicę południową<sup>37</sup>.



Rys. 3. Praojczyzna Słowian wg Jürgen Udolpha<sup>38</sup>

Źródło: S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords in Proto-Slavic*. Amsterdam–New York: Editions Rodopi, 2013, s. 62.

W monografii poświęconej zapożyczeniom germańskim w języku prasłowiańskim Pronk-Tiethoff wspiera hipotezę Udolpha. Takie umiejscowienie praojczyzny Słowian pozwala na datację pierwszych kontaktów słowiańsko-germańskich na III wiek n.e., a tym samym wyklucza zapożyczenia z języka pragermańskiego do prasłowiańskiego<sup>39</sup>. Nie jest to jednak teza zgodna z badaniami większości lingwistów, którzy uznają pożyczki pragermańskie w prasłowiańskim. Zarówno Valentin Kiparsky, jak i Zbigniew Gołąb sądzą, że plemiona słowiańskie i germańskie spotkały się już w I wieku n.e. co zaowocowało konkretnymi zapożyczeniami<sup>40</sup>. Georg Holzer wspiera hipotezę postulującą istnienie zapożyczeń z języka pragermańskiego, powołując się na wspólne innowacje germańsko-bałto-słowiańskie:

Es muss mit vorgotischen germanischen Lehnwörter im Slavischen grundsätzlich gerechnet werden, und zwar auch mit gemeingermanischen, wenn man bedenkt, dass die eben genannten

comparative-grammar-of-slavic-languages> (dostęp: 20.09.2016).

<sup>36</sup> Por. С.Б. Бернштейн. *Очерк сравнительной грамматики...*; S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*; В.В. Седов. *Происхождение и ранняя история славян*. Moskwa: Наука, 1979. [Online:] <<http://www.rulit.me/books/proishozhdenie-i-rannyyaya-istoriya-slavyan-read-15544-1.htm>> (dostęp: 20.09.2016).

<sup>37</sup> X. Бирнбаум. *Славянская прародина...*

<sup>38</sup> S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, s. 62.

<sup>39</sup> Tamże, s. 27.

<sup>40</sup> Z. Gołąb. *The Origins...*, s. 310.

slavisch-(baltisch)-germanischen Innovationen ja das gesamte (wenn auch nicht unbedingt noch einheitliche) Germanische miterfast haben<sup>41</sup>.

Przedstawicielom różnych dyscyplin naukowych nie udało się jednak ustalić, skąd rozpoczęła się ekspansja ludów słowiańskich. Zapewne bez nowych danych nie sposób odpowiedzieć na pytania od lat intrygujące przedstawicieli nauk humanistycznych. I tutaj z pomocą przychodzi genetyka populacyjna, która choć sama nie daje odpowiedzi na pytania związane z etnogenezą, ponieważ zajmuje się pokrewieństwem biologicznym, a nie kulturowym, to może niewątpliwie dostarczyć cennych informacji o populacjach bytujących na terenach między Wisłą i Odrą w czasach przedhistorycznych.

## Etnogeneza Słowian w świetle badań genetyki populacyjnej

Na wstępie warto przytoczyć wyniki badań mitochondrialnego DNA (mtDNA) przeprowadzonych przez zespół naukowy profesora Tomasza Grzybowskiego z Collegium Medicum przy UMK w Bydgoszczy, które zostały opublikowane w 2002 roku<sup>42</sup>. Analizy genetyków wskazują na istotną rolę procesów interetnicznych (mieszanie i asymilacja ludności) w historii genetycznej Słowian. Antropolodzy z UAM w Poznaniu pracujący pod kierunkiem Janusza Piontka powołują się w swych badaniach na artykuł Tomasza Grzybowskiego i wsp. dotyczący etnogenezy Słowian<sup>43</sup>. Naukowcy z Poznania zaznaczają, że badania szkieletów<sup>44</sup> wskazują na brak zróżnicowania biologicznego populacji ludzkich z dorzecza Odry i Wisły w okresie wpływów rzymskich i we wczesnym średniowieczu, „co potwierdzają badania genetyczne, wykazujące, że pula genetyczna Słowian zachodnich, wschodnich i południowych jest częścią całkowitej puli genetycznej europejskich grup etnicznych i ma najwyższą liczbę filogenetycznie pokrewnych typów mtDNA”<sup>45</sup>. Piontek podkreśla centralną pozycję Słowian zachodnich spośród słowiańskich grup etnicznych, co wydaje przeczyć hipotezie allochtonicznej<sup>46</sup>.

Z kolei w artykule Krzysztofa Rębały i jego zespołu badawczego *Y-STR variation among Slavs: evidence for the Slavic homeland in the middle Dnieper basin* przytoczone zostały argumenty przemawiające za hipotezą allochtoniczną<sup>47</sup>. Badano nierekombinacyjne markery typu STR zlokalizowane na chromosomie Y, które ujawniają przynależność do określonej męskiej linii rodowej występującej w populacji z określoną

<sup>41</sup> G. Holzer. *Review of Saskia Pronk Tiethoff. Germanic Loanwords in Proto-Slavic*. „Slavia Cestralis” 2014, No. 1, s. 104.

<sup>42</sup> T. Grzybowski et al. *Mitochondrial DNA variability in Poles and Russians*. „Annals of Human Genetics” 2002, No. 66, s. 261–283.

<sup>43</sup> J. Piontek, B. Iwanek, S. Segda. *Antropologia o pochodzeniu Słowian...*, s. 81.

<sup>44</sup> Analizowano budowę morfologiczną czaszki i częstości występowania cech odontologicznych.

<sup>45</sup> J. Piontek, B. Iwanek, S. Segda. *Antropologia o pochodzeniu Słowian...*, s. 81.

<sup>46</sup> Tamże.

<sup>47</sup> K. Rębała et al. *Y-STR variation among Slavs: evidence for the Slavic homeland in the middle Dnieper basin*. „Journal of Human Genetics” 2007.



częstością. Analiza dystrybucji haplotypów Y-STR wykazała, że pod względem genetycznym można podzielić Słowian na dwie grupy:

1. Słowianie zachodni, wschodni, Słoweńcy i zachodni Chorwaci,
2. pozostali Słowianie południowi<sup>48</sup>.

Naukowcy poparli teorię allochtoniczną pochodzenia Słowian, „używając jako argumentu stwierdzenia, że skoro Ukraińcy są pod względem genetycznym najbardziej podobni do pozostałych populacji Słowiańskich, to w związku z tym Słowianie prawdopodobnie wywodzą się właśnie z obszarów obecnej Ukrainy”<sup>49</sup>. Według Rębały i wsp. analiza haplotypów Y-STR wskazuje na znikomy udział plemion żyjących w czasach przedhistorycznych na terenach dzisiejszej Polski w puli genowej Słowian wschodnich i południowych, co pozwala sytuować kolebkę języków słowiańskich na terenach położonych nad środkowym Dnieprem:

Results of the interpopulation Y-STR haplotype analysis exclude a significant contribution of ancient tribes inhabiting present-day Poland to the gene pool of Eastern and Southern Slavs, and suggest that the Slavic expansion started from present-day Ukraine, thus supporting the hypothesis that places the earliest known homeland of Slavs in the basin of the middle Dnieper<sup>50</sup>.

Kolejne badania genetyków z Collegium Medicum w Bydgoszczy przemawiają jednak za ciągłością osadniczą na terenach dzisiejszej Polski od okresu brązu, co może stanowić argument na rzecz autochtonicznej teorii pochodzenia Słowian<sup>51</sup>. Na podstawie analiz próbek mtDNA pobranych od 2,5 tys. osób z różnych współczesnych populacji słowiańskojęzycznych naukowcy stwierdzili, że niektórzy przodkowie Słowian pojawili się w Europie nawet 4 tys. lat temu. W artykule z 2013 roku opublikowanym przez „PLoS ONE” Marta Mielnik-Sikorska i wsp. na podstawie analiz pełnego mitochondrialnego DNA oraz częstości Y-DNA wykluczają hipotezę mówiącą o tym, że Słowianie przybyli na tereny między Wisłą i Odrą dopiero w VI wieku n.e.

[...] one may exclude the migrationist assumption that Central European territories were populated by the Slavs only at the very beginning of sixth century, following whole scale depopulation of the northern areas of Central Europe. Indeed, the data presented herein indicates that visible changes of material culture of Central Europe in the fifth century did not result from extensive demographic changes, but were rather accompanied by continuity of some maternal and paternal lineages between Bronze and early Middle Ages<sup>52</sup>.

W 2015 roku w magazynie „PLoS ONE” opublikowane zostały wyniki wieloletnich interdyscyplinarnych badań nad pulą genową Słowian i Bałtów, przeprowadzone przez międzynarodowy zespół genetyków i językoznawców pod kierunkiem Olega Balańskiego<sup>53</sup>. Dane dostarczone przez autosomalny, mitochondrialny i Y-DNA zostały

<sup>48</sup> Tamże.

<sup>49</sup> A. Juras. *Etnogeneza Słowian...*, s. 53.

<sup>50</sup> K. Rębała et al. *Y-STR variation among Slavs...*

<sup>51</sup> M. Mielnik-Sikorska et al. *The History of Slavs Inferred from Complete Mitochondrial Genome Sequences*. „PLoS ONE” 2013, No. 8 (1).

<sup>52</sup> Tamże.

<sup>53</sup> A. Kushniarevich et al. *Genetic Heritage of the Balto-Slavic Speaking Populations: A Synthesis of*

porównane z analizami językoznawczymi oraz danymi geograficznymi. Uczni doszli do wniosku, że dzisiejsze różnicowanie genetyczne przypisać można asymilacji istniejących wcześniej na poszczególnych terenach komponentów genetycznych różnych dla populacji posługujących się dziś językami zachodnio-, wschodnio- i południowo-słowiańskimi:

Combining all lines of evidence, we suggest that the major part of the within-Balto-Slavic genetic variation can be primarily attributed to the assimilation of the pre-existing regional genetic components, which differed for West, East and South Slavic-speaking peoples as we know them today<sup>54</sup>.

Analizując materiał genetyczny, autorzy starali się znaleźć podobieństwa i różnice wśród współczesnych populacji słowiańskich. Należy zaznaczyć, że portret genetyczny Słowian wyraźnie różni się od niemieckojęzycznych sąsiadów oraz narodów ugrofińskich<sup>55</sup>.

Udało się ustalić, że mieszkańcy centralnej i południowej Rosji, Białorusini i Ukraińcy tworzą jedną bliską genetycznie grupę. Geny ludzi pochodzących z północy Rosji różnią się od innych populacji wschodniosłowiańskich – naukowcy znaleźli w nich wiele wspólnego z populacjami ugrofińskimi. W grupie Słowian zachodnich Polacy wykazują największą bliskość ze Słowianami wschodnimi, Czesi zaś, i w nieco mniejszym stopniu Słowacy, posiadają dużą część genów wspólną z Niemcami i innymi populacjami zachodnioeuropejskimi. Słowianie południowi tworzą oddzielną grupę zbliżoną genetycznie do Rumunów, Węgrów i Greków. Słowianie południowi pod względem genetycznym nie są homogeniczni – można ich podzielić na trzy grupy: zachodnią (Słoweńcy, Chorwaci i Bośniacy), środkową (Serbowie) i wschodnią (Macedończycy i Bułgarzy).

Naukowcy przeczuwają, że Słowianie wraz z ekspansją zaszczerpili swój język i kulturę miejscowym populacjom zamieszkującym tereny przed ich przybyciem: Słowianie zachodni – narodom bałtyckim, a Słowianie południowi – przedśłowiańskim narodom bałkańskim. Geny tych populacji przyczyniły się do zaistniałego różnicowania genetycznego.

Uczni wyróżniają dwa główne etapy kształtowania się słowiańskiej puli genowej: początkowo miała miejsce asymilacja populacji miejscowych, późniejsza wymiana genów odbywała się zaś już wewnątrz obszaru słowiańskiego. Procesy te były niejako oddzielne w przypadku Słowian Południowych, którzy genetycznie są bardziej podobni do niesłowiańskich narodów Bałkanów aniżeli do pozostałych Słowian:

[...] генофонд славян при их распространении по Европе складывался в два этапа: сначала проходила ассимиляция местных популяций, а затем – формирование местных особенностей славян с активным обменом генами внутри славянского ареала. Эти процессы сцементировали западных и восточных славян в единую генетическую общность. Что касается южных славян, то у них происходили аналогичные процессы, в ходе кото-

---

*Autosomal, Mitochondrial and Y-Chromosomal Data*. „PLoS ONE” 2015, No. 10 (9).

<sup>54</sup> A. Kushniarevich, O. Utevska, et al. *Genetic Heritage...*

<sup>55</sup> Н. Маркина, О. Балановский. *Генофонд славян – единство в многообразии. Реконструкция генетической и лингвистической истории балто-славянских популяций*. 2.09.2015. [Online:] <[http://генофонд.рф/?page\\_id=5139](http://генофонд.рф/?page_id=5139)> (dostęp: 27.09.2016).

рых они приобрели большее сходство с неславянскими народами Балкан, чем с другими славянскими народами<sup>56</sup>.

Obecnie możliwe są również badania kopalnego DNA, który „może być izolowany ze szczątków organizmów ludzkich, zwierzęcych lub roślinnych, które pochodzą z wykopalisk archeologicznych, kolekcji muzealnych lub innych paleobiologicznych źródeł jak np. osadów glebowych lub lodowcowych”<sup>57</sup>.

Dzięki kopalnemu DNA uzyskujemy bezpośredni dostęp do materiałów genetycznych populacji historycznych i prehistorycznych. Pierwszą pracą naukową w zakresie badań etnogenezy Słowian, w której wykorzystano wyniki analizy polimorfizmu kopalnego mitochondrialnego DNA, jest doktorat Anny Juras z UAM w Poznaniu.

Zbadano szczątki 72 osób z terenów obecnej Polski wywodzących się z populacji z okresu rzymskiego oraz średniowiecza. Kopalny mitochondrialny DNA udało się pozyskać od 43 osobników: od 23 osób z okresu wpływów rzymskich i 20 z okresu średniowiecza. Na podstawie analiz uzyskanego materiału genetycznego autorka podjęła próbę oceny istnienia kontynuacji lub dyskontynuacji genetycznej na przełomie okresu rzymskiego i średniowiecza. Wyniki nie są jednoznaczne.

Z jednej strony różnice na poziomie genetycznym, a także stosunkowo duże odległości genetyczne pomiędzy badanymi populacjami oraz istotna liczba informatywnych haplotypów wspólnych dla średniowiecza oraz Białorusi, Ukrainy i Bułgarii, mogą przemawiać za brakiem ciągłości genetycznej na przełomie okresu rzymskiego i średniowiecza. Z drugiej jednak strony największa liczba informatywnych haplotypów mtdna wspólnie dzielonych pomiędzy populacją z okresu rzymskiego i populacją współczesną z Polski, a także obecność podhaplogrupy N1a1a2, mogą potwierdzać, że pewne linie wykazywały ciągłość genetyczną przynajmniej od okresu rzymskiego lub nawet neolitu, na terenach obecnej Polski<sup>58</sup>.

Kolejne badania na podstawie tego samego materiału (kopalne mtDNA 43 osobników) przeprowadzone zostały przez zespół naukowców z UAM w Poznaniu wspomagany przez naukowców z Danii, Szwecji i Estonii<sup>59</sup>. Specjaliści postulują, że współcześni zachodni Słowianie mają profil mtDNA, który jest najbardziej podobny do występującego u dawnych mieszkańców Europy Środkowej, co według nich wydaje się potwierdzać hipotezę autochtoniczną:

Our data demonstrates that present-day Western Slavs, among analyzed Europeans, exhibit a mtDNA profile that is more similar to one found among ancient inhabitants of Central Europe. This observation appears to be in concordance with the autochthonous hypothesis<sup>60</sup>.

Uczni podkreślają, że tereny współczesnej Polski są stosunkowo mało zbadane pod względem kopalnego DNA i aby lepiej poznać skomplikowaną historię ludów słowiańskich, potrzebne będą szersze badania populacji prehistorycznych, zwłaszcza w zakresie DNA komórkowego<sup>61</sup>.

<sup>56</sup> Tamże.

<sup>57</sup> A. Juras. *Etnogeneza Słowian...*, s. 32.

<sup>58</sup> Tamże.

<sup>59</sup> A. Juras et al. *Ancient DNA Reveals...*

<sup>60</sup> Tamże.

<sup>61</sup> Tamże.

Obecnie dysponujemy zbyt małą ilością danych, by rozstrzygnąć ostatecznie spór o praojczyznę Słowian. Wydaje się, że analizy większej ilości kopalnego DNA pozyskanego z terytoriów dzisiejszej Polski mogą okazać się pomocne w rekonstrukcji pradawnych dziejów ludów słowiańskich. Aby odpowiedzieć na pytania wciąż nurtujące naukowców, konieczne jest dokonanie zakrojonych na szerszą skalę badań interdyscyplinarnych, uwzględniających zarówno najnowsze odkrycia biologii ewolucyjnej, jak i prac archeologów, językoznawców oraz historyków.

## Bibliografia

- Błażejowski A. *Starożytni Słowianie*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2007.
- Borowiec K. *Kanon wiedzy na temat tzw. etnogenezy Słowian*. *Czas przełomu*. „Kwartalnik Językoznawczy” 2012, nr 1.
- Dębowski P. *O dorobku naukowym Profesora Witolda Mańczaka z okazji jubileuszu 90. urodzin*, „Język Polski” 2014, nr 3, s. 194–199.
- Gołąb Z. *O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych*. Kraków: Universitas, 1991.
- Gołąb Z. *The Origins of the Slavs. A Linguist's view*. Columbus: Slavica Publishers, 1992.
- Grzybowski T., Malyarchuk B.A., Derenko M.V., Czarny J., Woźniak M., Miścicka-Śliwka D. *Mitochondrial DNA variability in Poles and Russians*, “Annals of Human Genetics” 2002, No. 66, s. 261–283.
- Heggarty P. *Ancient DNA and the Indo-European Question*. Lipsk: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology 2015. [Online:] <<http://dlc.hypotheses.org/807>> (dostęp: 18.06.2016).
- Holzer G. *Review of Saskia Pronk Tiethoff. Germanic Loanwords in Proto-Slavic*. “Slavia Cestralis” 2014, No. 1.
- Juras A. *Etnogeneza Słowian w świetle badań kopalnego DNA*. Praca doktorska przygotowana pod kierunkiem prof. dra hab. Janusza Piontka w Zakładzie Biologii Ewolucyjnej Człowieka Instytutu Antropologii na Uniwersytecie im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Poznań 2012.
- Juras A., Dabert M., Kushniarevich A., Malmström H., Raghavan M. et al. *Ancient DNA Reveals Matrilineal Continuity in Present-Day Poland over the Last Two Millennia*. “PLoS ONE” 2014, No. 9 (10).
- Kiparsky V. *Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*. Helsinki: Druckerei der Finnischen Literaturgesellschaft, 1934.
- Kushniarevich A., Utevska O., Chuhryaeva M., Agdzhoyan A., Dibirova K., Uktveryte I. et al. *Genetic Heritage of the Balto-Slavic Speaking Populations: A Synthesis of Autosomal, Mitochondrial and Y-Chromosomal Data*. “PLoS ONE” 2015, No. 10 (9).
- Mańczak W. *Praojczyzna Słowian*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001. [Online:] <<http://www.slavinja.republika.pl/tekst27.htm>> (dostęp: 20.09.2016).
- Mańczak W. *Wieża Babel*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1999, s. 89–128.
- Mielnik-Sikorska M., Daca P., Malyarchuk B., Derenko M., Skonieczna K. et al. *The History of Slavs Inferred from Complete Mitochondrial Genome Sequences*. “PLoS ONE” 2013, No. 8 (1).
- Moczulski L. *Tajemnice wczesnych Słowian*. Warszawa: Bellona, 2015.
- Moszyński L. *Wstęp do filologii słowiańskiej*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.
- Piontek J., Iwanek B., Segda S. *Antropologia o pochodzeniu Słowian*. Monografie Instytutu Antropologii UAM, 12. Poznań: Instytut Antropologii UAM, 2008.
- Popowska-Taborska H. *Co językoznawca powiedzieć może o wczesnych dziejach Słowian*. [W:] Mańczak W. (red.) *Praojczyzna Słowian. Zbiór wypowiedzi*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001, s. 32.

- Pronk-Tiethoff S. *The Germanic Loanwords in Proto-Slavic*. Amsterdam–New York: Editions Rodopi, 2013.
- Rębała K., Mikulich A.I., Tsybovsky I.S., Sivakova D., Dzupinkova Z., Szczerkowska-Dobosz A., Szczerkowska Z. *Y-STR variation among Slavs: evidence for the Slavic homeland in the middle Dnieper basin*. "Journal of Human Genetics" 2007. The Japan Society of Human Genetics and Springer. [Online] (dostęp: 21.09.2016).
- Бернштейн С.Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Москва: Наука, 1974. [Online:] <<http://www.myfilology.ru/tutorials/slavic-philology/bernstein-sb-outline-of-the-comparative-grammar-of-slavic-languages>> (dostęp: 20.09.2016).
- Бирнбаум Х. *Славянская прародина: новые гипотезы (с заметками по поводу происхождения индоевропейцев)*. «Вопросы языкознания» 1988, № 5. [Online:] <<http://www.philology.ru/linguistics3/birnbaum-88.htm>> (dostęp: 26.09.2016).
- Журавлев А.Ф. *Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства*. Москва: Индрик, 1994.
- Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*. «Studia Philologica» 2004. Москва: Языки славянской культуры. [Online:] <<http://gramoty.ru/dnd/full/005Vvedenie.pdf>> (dostęp: 24.02.2011).
- Иванов В.В. *Генеалогическая классификация языков*. [W:] *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ред. В.Н. Ярцева. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1990, s. 93–98.
- Маркина Н., Балановский О. *Генофонд славян – единство в многообразии. Реконструкция генетической и лингвистической истории балто-славянских популяций*. 2.09.2015. [Online:] <[http://генофонд.рф/?page\\_id=5139](http://генофонд.рф/?page_id=5139)> (dostęp: 27.09.2016).
- Мартынов В.В. *Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры*. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1963.
- Седов В.В. *Происхождение и ранняя история славян*. Москва: Наука, 1979. [Online:] <<http://www.rulit.me/books/proishozhdenie-i-rannyya-istoriya-slavyan-read-15544-1.html>> (dostęp: 20.09.2016).

LEKSYKOGRAFIA  
ЛЕКСИКОГРАФИЯ  
LEXICOGRAPHY



# ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)<sup>1</sup>

ЕЛЕНА БОРИСОВНА КУЗЬМИНА

Санкт-Петербургский государственный университет  
Филологический факультет  
Кафедра русского языка  
Университетская набережная, д. 7/9, 199034, Санкт-Петербург, Россия  
e-mail: elena\_kuzmina01@mail.ru  
(получено 25.08.2016; принято 7.09.2016)

## **Abstract**

### **The pragmatic ideological component of the semantics of Russian words (lexicographical aspect)**

The article presents the ideological component of the semantics of Russian words as an object of linguistic research in the framework of the structural-systemic and communicative-pragmatic approach. The paper reveals different meanings of the term “pragmatic ideological component” and describes the nature of the pragmatic component (its close connection with the evaluative component). The author also determines the place of the pragmatic ideological component in the structure of meaning in different types of lexemes and its lexicographic representation in monolingual dictionaries of the Russian language.

## **Key words**

Linguistic pragmatics, lexical semantics, lexicology, lexicography.

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. «Лексика русского языка с прагматическим компонентом семантики», проект № 15-04-00373.



## Резюме

В статье в качестве предмета лингвистического исследования в рамках структурно-системного и коммуникативно-прагматического подходов к описанию языка представлен идеологический компонент семантики слова. В работе раскрывается разное содержание термина «идеологический прагматический компонент», описывается природа данного прагматического компонента (тесная связь с оценочным компонентом), определяются его место в структуре лексического значения разных типов слов и способы его лексикографической репрезентации в толковых словарях русского языка.

## Ключевые слова

Лингвистическая прагматика, лексическая семантика, лексикология русского языка, лексикография русского языка.

В современной лингвистике все больше внимания уделяется лексической прагматике, предметом изучения которой являются прагматические свойства отдельного слова – прагматические компоненты в структуре его значения.

Термин «прагматический компонент» стал употребляться относительно недавно – в научных работах последних лет, и связано это с тем, что в работах отечественных лингвистов появляется новый аспект исследования лингвистической прагматики. Имеется в виду изучение прагматического аспекта слова, которое трактуется как центральная единица языковой системы. Иначе говоря, рассматривается взаимосвязь семантики и прагматики в структуре значения лексических единиц (Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, Н.А. Лукьянова, Г.Н. Складневская и др.). В работах же зарубежных ученых прагматические исследования осуществляются преимущественно на уровне речевых актов, предложения и текста (Дж. Серль, Дж. Остин, В. Дресслер, Дж. Лич и др.).

Таким образом, научная мысль развивается от исследования прагматики текста к изучению прагматики отдельного слова.

Под термином «прагматический компонент» вслед за Ю.Д. Апресяном, В.Н. Телией и др. мы понимаем заключенные в лексическом значении дополнительные оттенки смысла (стилистические, социальные, историко-языковые, историко-культурные, этические, эстетические и т.п.), определяющие функциональные возможности слова и содержащие сведения о речевой ситуации, в которой происходит общение, о характеристиках коммуникантов, об их целях и намерениях, а также об эмотивных, экспрессивных, оценочных составляющих речи и в целом о коммуникативно-прагматическом пространстве<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> Ю.Д. Апресян. *Прагматическая информация для толкового словаря*. [В:] Ю.Д. Апресян. *Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Языки славянской культуры, 1995, с. 156–198; В.Н. Телия. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва: Наука, 1986.

Учеными выделяются разные виды прагматических компонентов, основными из которых являются оценочный, эмоциональный, экспрессивный, стилистический, социальный (статусы говорящего и адресата, социальные роли, гендерная информация, возрастная и профессиональная характеристики), идеологический и культурный.

В последнее время все больше исследователей привлекает идеологический компонент семантики как предмет лингвистического исследования. Этот аспект отражен в исследованиях М.Н. Эпштейна, Ю.Д. Апресяна, Г.Н. Складаревой, Т.А. Трипольской и Е.Ю. Булыгиной и др.

Особым вопросом в них стоит формулировка определения идеологического прагматического компонента, его сущности.

Под идеологическим компонентом некоторые специалисты понимают «оценку, даваемую денотату с точки зрения соответствия или несоответствия идейным и политическим принципам того социума (класса, общественной группы), к которому причисляет себя говорящий»<sup>3</sup>. Отмечается также, что

идеологический компонент в семантической структуре слова способен продвигаться с периферии в центральную, ядерную часть. В таком случае сема идеологической оценки попросту вытесняет или заменяет собой предметно и понятийно мотивированные ядерные семы. [...] Со временем идеологический компонент в семантике слова может ослабевать, стираться или даже коренным образом трансформироваться – оценка меняется с «минуса» на «плюс» или наоборот. [...] Такие слова несут в себе отпечаток конкретной эпохи и конкретного общества<sup>4</sup>.

Г.Н. Складаревой подчеркивается значительная отдаленность идеологического прагматического компонента от денотативного ядра, а также что он (компонент) «основан на искаженных знаниях и истинах, навязанных, внушенных и пропагандируемых в конкретном социуме. Закрепленность идеологического компонента за тем или иным знаком осознается и проявляется только в речевом акте, не получая при этом эксплицитного выражения»<sup>5</sup>.

В исследовании *Прагматическое значение слова как фактор коммуникативного влияния* О.Е. Чернова приходит к выводу, что «появление у слова идеологической семантики переводит его в разряд идеологем»<sup>6</sup>. Под идеологемой понимается «языковая единица, семантика которой покрывает

<sup>3</sup> В. Norman, H. Jachnow. *Идеологический компонент и его место в значении слова*. «Zeitschrift für Slavische Philologie» 1999, № 58, с. 45.

<sup>4</sup> Т.А. Кутенева. *Смысловая динамика идеологем советской эпохи (от идеологии, пропаганды, агитации до пиара)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2008. [Online:] <<http://cheloveknauka.com/smyslovayadinamika-ideologem-sovetskoj-epohi>> (24.11.2016).

<sup>5</sup> Г.Н. Складарева. *Прагматика и лексикография*. [В:] *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. К 60-летию члена-корреспондента РАН Ю.Н. Караулова*. Ред. Ю.С. Степанов, Е.А. Земская, А.М. Молдован. Москва: Институт русского языка РАН, 1995, с. 68.

<sup>6</sup> О.Е. Чернова. *Прагматическое значение слова как фактор коммуникативного влияния*. «Известия Уральского федерального университета» 2003, серия 2, № 28, с. 192.

идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат идеологический»<sup>7</sup>.

Одним словом, идеологический компонент семантики – это прагматический компонент, отражающий установки и идеалы господствующей в обществе идеологии.

Какова же сущность идеологического прагматического компонента? Как представляется, природа идеологического прагматического компонента двояка. Его специфика состоит в том, что, с одной стороны, отмечается его близость к оценочному компоненту. Так, М.Н. Эпштейн рассматривает идеологический прагматический компонент как один из способов отражения оценочности в языке: «Способ выражения оценочности в языке – одна из тех лингвистических проблем, с которыми приходится сталкиваться при анализе идеологических текстов»<sup>8</sup>. То же отмечает и Г.Н. Скляревская, говоря, что к оценочному компоненту «близок [...] идеологический прагматический компонент, который соотносится не с всеобщими и вечными представлениями о мире, а с некоторыми временными истинами, принятыми в обществе и закрепленными в языке (словаре)»<sup>9</sup>.

Идеологический прагматический компонент, с другой стороны, тесно связан с национально-культурным компонентом, так как «в семантике слова, а именно единицы общественно-политической лексики, сочетается собственно логическое понятие, которое находится под влиянием национального видения мира, и субъективная модальность, в основе которой национальное своеобразие ценностной системы общества и присущий ему способ выражения оценочности (О. Вольф, В. Телия)»<sup>10</sup>.

В зависимости от формулировки определения идеологического прагматического компонента выявляется круг слов, которые содержат (эксплицитно или имплицитно) идеологический компонент в своей семантике. В работе Е.Ю. Булыгиной и Т.А. Троепольской дана классификация слов, которые, по мнению авторов, содержат идеологический компонент семантики:

1. Политическая лексика: *товарищи, товарищи из братских коммунистических партий, соратники по партии, верные ленинцы, западные партнеры, политические оппоненты, либералы, демократы, почвенники, патриоты* и др. 2. Конфессиональная лексика: *православие, мусульманство, иудаизм, религия, Бог, Всевышний* и др. 3. Номинации по национальным, расовым, этническим признакам, которые во все време-

<sup>7</sup> Н.А. Купина. *Языковое строительство. От системы идеологем к системе культурем*. [В:] *Русский язык сегодня. Сборник статей*. Отв. ред. Л.П. Крысин. Вып. 1. Москва: Азбуковник, 2000, с. 183.

<sup>8</sup> М.Н. Эпштейн. *Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса)*. [В:] «Вопросы языкознания» 1991, № 6, с. 19.

<sup>9</sup> Г.Н. Скляревская. *Новый академический словарь. Проспект*. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 1994, с. 49.

<sup>10</sup> Т.В. Весна. *Идеологический и национально-культурный компоненты в сематической структуре лексики политического дискурса (на материале франко- и русскоязычной прессы 90-х годов)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Одесса, 2002, с. 1.

на потенциально содержали идеологический компонент. Нейтральные, по данным словарей, в реальной коммуникации они обрастают отрицательными значениями: *кавказец, лицо кавказской национальности, грузин, чеченец, немец, еврей, цыган, чукча* и др. 4. Номинации лиц традиционной/нетрадиционной сексуальной ориентации: *гетеросексуалы, гомосексуалисты, голубые, лесбиянки, сексменьшинства, гейропа* и др. 5. Наименования по территориальному признаку (центр – периферия): *регионы, периферия, столицы, мегаполис, город, деревня, село, глухомань, замкадыши* «те, кто проживает за московской кольцевой автодорогой» (из телепередачи на телеканале НТВ) и т.д. 6. Социально-профессиональная лексика: *милиция – полиция, менеджер – управленец, разведчик – шпион* и др.<sup>11</sup>

Ученые отмечают следующее:

Во всех перечисленных группах наблюдаются интенсивные динамические процессы, которые связаны с появлением/возвращением/вытеснением/сменой идеологически маркированных значений. Именно этот лексический слой наиболее остро реагирует на социально-экономические и политические изменения в обществе<sup>12</sup>.

К предложенной классификации можно добавить слова, связанные с понятиями морали и этики, напр., *благотворительность, праведник, филантропия, милосердие* и др.; а также лексику, которая, на первый взгляд, напрямую не связана с вопросами идеологии, но содержит идеологический компонент в семантике. Такие слова Ю. Караулов назвал «показательными для эпохи точками» и в качестве примера привел слово *сын*, проанализировав изменения его значения и оценочного ореола в разные эпохи жизни нашего общества. Так, ученый отметил, что «в 20-е гг. это слово передавало презрительное отношение к лицам дворянского происхождения, в 30-е гг. оно имело значение „кулацкий сын», а несколько позже – потомок репрессированного человека»<sup>13</sup>.

Идеологический прагматический компонент может быть по-разному представлен в структуре лексического значения слова. По этому параметру лексику, содержащую идеологический прагматический компонент, можно разделить на несколько групп:

1. Идеологический компонент может быть тесно спаян с денотативной частью лексического значения. В таком случае в денотативную часть включается рациональный оценочный (положительный/отрицательный) компонент. Так, дефиниция слова *религия* в *Словаре русского языка* под редакцией А.П. Евгеньевой (Малый академический словарь, МАС) ‘мировоззрение, несовместимое с научным миропониманием, основанное на вере в существование бога, сверхъестественных сил, управляющих миром’ (МАС, 1934, т. 3, с. 704) явно идеологизировано и содержит отрицательный оценочный компонент, выражаемый через определения ‘антинаучный’, ‘сверхъестественный’. При

<sup>11</sup> Е.Ю. Булыгина, Т.А. Трипольская. *Интерпретационный материал прагматически маркированного слова. Взаимодействие идеологического и оценочного компонентов*. [В:] «Вестник НГПУ» 2015, № 5 (27), с. 12–13.

<sup>12</sup> Е.Ю. Булыгина, Т.А. Трипольская. *Интерпретационный материал прагматически...*, с. 13.

<sup>13</sup> Ю.Н. Караулов. *Словарь и человек*. [В:] *Теория языка и словари. Материалы Всесоюзной конференции 1-3 октября 1987 г. Звенигород*. Кишинев: Штиинца, 1988, с. 7.

этом существенно искажается денотат слова: религия отнесена к классу «мировоззрения», тогда как в современных толковых словарях русского языка, где уже в определении данного слова снят идеологический налет советского времени, религия квалифицируется как форма общественного сознания. К примеру, религия определяется как 'одна из форм общественного сознания – совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в существование Бога или божества либо сверхъестественных сил, являющихся предметом поклонения' (*Русский семантический словарь* под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 3. Москва, 2003, с. 6509).

Вряде слов с течением времени и сменой идеологических установок и идеалов изменялась денотативная часть значения, причем сигнификат оставался неизменным. Это отмечается в слове *сын*, в котором «денотат (дворянский, кулацкий, репрессированный) мог меняться, но сигнификат (классово-чуждый, враждебный) оставался»<sup>14</sup>.

Когда идеологический компонент тесно спаян с ядерной денотативно-сигнификативной частью лексического значения, может происходить также и искажение сигнификата слова. Так, в дефиниции лексемы колхоз 'коллективное хозяйство (кооперативное добровольное объединение крестьян для совместного ведения крупного социалистического производства на основе общественных средств производства и коллективного труда)' в МАС (т. 2, 1982, с. 78) включены такие признаки понятия, как 'добровольное', 'кооперативное', которые не соответствуют реальным признакам понятия *колхоз*. То же явление отмечается в толковании слова *бизнес* в МАС (т. 1. 1981, с. 89) 'деловое предприятие, ловкая афера и т.п. как источник личного обогащения, наживы', поскольку само явление было чуждо экономической системе советской страны и ее идеологическим установкам (общественное было выше личного), оно описано с негативной стороны как 'ловкая афера'.

Встречаются примеры, когда идеологический компонент, входящий в денотативно-сигнификативный блок лексического значения, несколько раз меняет свою окраску. Так, в семантике слова *советский* с течением времени и сменой идеологических постулатов несколько раз меняется оценочный вектор. В советский период слово содержало положительную оценку и употреблялось в значениях, отмеченных в МАС (т. 4. 1984, с. 175): 'относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов': Советский народ. Советское правительство. Советская конституция. Советская Армия. Советская промышленность. Советское студенчество; 'добытый, изготовленный и т.п. в Стране Советов': Советские сорта пшеницы; 'свойственный Стране Советов': Советский метод индустриализации страны. Советская законность; 'свойственный людям Страны Советов': Советский образ жизни. Советский патриотизм является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа. (М. Калинин, *О коммунистическом воспитании*). В период смены экономической и политической формации прилагательное *советский* приобрело негативную окраску 'связанный с застоём,

<sup>14</sup> Ю.Н. Караулов. *Словарь и человек...*, с. 7.

тоталитарный, на современном этапе «очень многие наши сограждане произносят прилагательное „советский” с пафосом и трепетом, связывают с ним сентиментальные воспоминания»<sup>15</sup>.

2. Идеологический компонент семантики может содержаться в прагматической зоне значения и быть тесно спаянным с оценочным компонентом. Так, слово *халтурить* (*халтура*), которое изначально употреблялось в речи духовенства (от лат. *chartularium* – ‘поминальный список, который священник читает, молясь за упокой’), а затем распространилось через театральный жаргон в общенародный язык<sup>16</sup> в значении ‘побочный и преимущественно легкий заработок сверх основного, обычного, первоначально у певчих, у церковного причта’ (*Толковый словарь русского языка* под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. 1940, с. 1131), содержало негативную оценку. В советское время к отрицательному оценочному компоненту добавился идеологический, поскольку в соответствии с советским трудовым законодательством было разрешено иметь только одно место работы, побочный заработок был запрещен, и его принято было скрывать. Стремление к обогащению осуждалось и должно было являться чуждым советскому человеку.

Сейчас идеологический компонент глаголом *халтурить* утрачен, хотя отрицательная оценка у слова сохраняется. Однако изменилось ее основание: побочный заработок негативно оценивается не потому, что он запрещен, а потому, что или это не основная (возможно, временная или легкая) работа, где не нужно прилагать большие усилия, к которой несерьезно относятся, или она выполняется в ущерб основному делу. Например: *Работа для тех, кто хочет халтурить; Халтурил время от времени*. Возможно также шутивное употребление слова, когда говорящий хочет показать незначительность, несерьезность (иногда мнимую) своего занятия, напр., *Халтурую понемножку*.

3. Идеологический компонент может быть связан со стилистическим компонентом в прагматической зоне семантики. Так, в *Толковом словаре русского языка* под ред. Д.Н. Ушакова (т. 2, 1938, с. 105) при слове *любовница* ‘женщина, которая находится в половой связи с мужчиной, но не состоит с ним в браке’ стоят пометы *устар.* и *неодобрит.* Указанные пометы не отражают реальных особенностей функционирования слова (нахождение его в пассивном словарном запасе, неупотребительность). Они указывают читателям на то, что данное слово называет явление, отсутствующее в советском государстве, не соответствующее его понятиям о морали и нравственности, но свойственное языку (и идеологии) предшествующей исторической эпохи (царской России).

4. Идеологический прагматический компонент может быть представлен в виде потенциальной семы, не отмеченной в дефиниции слова. Так, основное значение слова *чиновник* сформулировано в МАС (т. 4, 1984, с. 678) как ‘государственный служащий в дореволюционной России и в буржуазных странах’. В его семантике содержится потенциальная сема ‘чуждый’, ‘чуждой’,

<sup>15</sup> В. Новиков. *Словарь модных слов*. Москва: АСТ-Пресс, 2012, с. 91.

<sup>16</sup> М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 4. Москва: Прогресс, 1986–1987, с. 167.

поскольку существительное производно от слова *чин* 'в дореволюционной России: присваиваемое государственным служащим и военным звание по табели о рангах, связанное с предоставлением определенных сословных прав и преимуществ', а также с реалиями царской России и буржуазных стран. Эта потенциальная сема проявляется уже в производном значении, содержащем отрицательную оценочность: 'должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле. – Там на рейде чиновники сидят, чернильные крысы! – волновался Володя Макаров. – Им наплевать на то, что мы потеряли два часа. Крымов, Танкер «Дербент»' (МАС, т. 4, 1984, с. 678).

Лексикографические способы экспликации идеологического прагматического компонента разнообразны, но прежде всего эта информация о слове фиксируется с помощью традиционных лексикографических способов описания: толкования, стилистических помет, семантического конкретизатора, словарного комментария и иллюстративного материала.

Как отмечено в работе Е.Ю. Булыгиной и Т.А. Трипольской на примере *Толкового словаря русского языка* под редакцией Д.Н. Ушакова:

В [...] словаре прагматическая информация представлена неравномерно в разных зонах словарной статьи, и (можно выделить ряд комбинаций распределения, например, идеологического компонента по ее разным структурным элементам: 1) нейтральное толкование + не нейтральные пометы; 2) нейтральное толкование + идеологически маркированный контекст; 3) прагматический компонент в толковании + идеологически маркированный контекст; 4) прагматический компонент в толковании + специальные пометы + прагматически маркированный контекст<sup>17</sup>.

В ранее проанализированных примерах из словарей находим все эти способы отражения идеологического прагматического компонента в лексикографии.

Хочется только добавить, что идеологический компонент (идеологически окрашенное значение слова) может быть вовсе не выражен лексикографически. Именно «сокрытие» и делает слово, как это ни парадоксально, идеологически более нагруженным. Так, у слова *диссидент* в МАС (т. 1, 1981, с. 403) отмечено только одно значение 'устар. Тот, кто отступает от господствующего в стране вероисповедания; вероотступник'; в то время как в советское время оно было более употребительно в другом значении 'тот, кто не согласен с господствующей идеологией в стране, обществе; инакомыслящий'. Таким образом, в Советском Союзе скрывалось, что существовали люди, которые были недовольны господствующей идеологией и преследовались за свою позицию, свое мнение, подвергались репрессиям. Сокрытие этого значения у слова свидетельствовало о том, что явление, обозначенное существительным *диссидент*, якобы отсутствовало в советском обществе, где в конституции были провозглашены свобода слова и свобода мысли.

Идеологический прагматический компонент семантики особенно заметен при сопоставлении словарей, созданных при разных политических системах. Сейчас,

<sup>17</sup> Т.А. Трипольская, Е.Ю. Булыгина. *Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями*. [В:] «Вестник НГПУ» 2015, № 2 (24), с. 30.

когда современные словари стремятся избавиться от идеологических наслоений, необходимо продолжать его изучать, в том числе лексикографическими методами, и вырабатывать приемы его лексикографического маркирования на современном этапе, чтобы отразить прагматические свойства слова, очень значимые в процессе коммуникации. Исследование идеологического прагматического компонента важно не только в прикладном плане, но и в теоретическом, так как помогает проследить тонкую взаимосвязь различных компонентов семантики в структуре лексического значения.

## Литература

- Азнаурова Э.С. *Прагматика художественного слова*. Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1988.
- Азнаурова Э.С. *Нормы речевого общения, языковая и коммуникативная компетенция*. [В:] *Нормы человеческого общения*. Тезисы докладов. Горький: ГГПИИЯ, 1990, с. 21–24.
- Апресян Ю.Д. *Формальная модель языка и представление лексикографических знаний*. [В:] «Вопросы языкознания» 1990, № 6, с. 123–139.
- Апресян Ю.Д. *Прагматическая информация для толкового словаря*. [В:] Ю.Д. Апресян. *Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Языки славянской культуры, 1995, с. 156–198.
- Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. *Интерпретационный материал прагматически маркированного слова. Взаимодействие идеологического и оценочного компонентов*. [В:] «Вестник НГПУ» 2015, № 5 (27), с. 8–22.
- Весна Т.В. *Идеологический и национально-культурный компоненты в сематической структуре лексики политического дискурса (на материале франко- и русскоязычной прессы 90-х годов)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Одесса, 2002.
- Караулов Ю.Н. *Словарь и человек*. [В:] *Теория языка и словари. Материалы Всесоюзной конференции 1–3 октября 1987 г. Звенигород*. Кишинев: Штиинца, 1988, с. 5–10.
- Купина Н.А. *Языковое строительство. От системы идеологем к системе культурем*. [В:] *Русский язык сегодня. Сборник статей*. Отв. ред. Л.П. Крысин. Вып. 1. Москва: Азбуковник, 2000, с. 182–189.
- Кутенева Т.А. *Смысловая динамика идеологем советской эпохи (от идеологии, пропаганды, агитации до пиара)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2008. [Online:] <<http://cheloveknauka.com/smyslovaya-dinamika-ideologem-sovetskoj-epohi>> (24.11.2016).
- Мокиенко В.М. *Депатетизация патетизмов в современных текстах*. [В:] *Современные языковые процессы. Межвузовский сборник*. Отв. ред. П.А. Дмитриев, Г.А. Лилич, Д.М. Поцепня. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2003, с. 55–69.
- Новиков В. *Словарь модных слов*. Москва: АСТ-Пресс, 2012.
- Русский семантический словарь*. В 6 т. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Азбуковник, 1998–2007.
- Скляревская Г.Н. *Реальный и ирреальный мир толкового словаря (к вопросу о прагматическом компоненте слова)*. [В:] «Scando-Slavica» 1993, № 39, с. 166–178.
- Скляревская Г.Н. *Новый академический словарь. Проспект*. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 1994.



- Скляревская Г.Н. *Прагматика и лексикография*. [В:] *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. К 60-летию члена-корреспондента РАН Ю.Н. Караулова*. Ред. Ю.С. Степанов, Е.А. Земская, А.М. Молдован. Москва: Институт русского языка РАН, 1995, с. 63–71.
- Скляревская Г.Н. *Русский язык конца XX века. Версия лексикографического описания*. [В:] *Словарь. Грамматика. Текст. Сборник статей*. Отв. Ред. Ю.Н. Караулов, М.В. Ляпон. Москва: Российская Академия Наук. Отделение литературы и языка. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1996, с. 463–473.
- Словарь русского языка*. В 4 т. Под ред. А.П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1981–1984.
- Слышкин Г.Г. *Лингвокультурные концепты и метаконцепты*. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2004.
- Сусов И.П. *Лингвистическая прагматика*. Москва: Восток–Запад, 2006.
- Телия В.Н. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва: Наука, 1986.
- Толковый словарь русского языка*. В 4 т. Под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: Советская энциклопедия, 1935–1940.
- Трипольская Т.А., Булыгина Е.Ю. *Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями*. [В:] «Вестник НГПУ» 2015, № 2 (24), с. 28–40.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Москва: Прогресс, 1986–1987.
- Чернова О.Е. *Прагматическое значение слова как фактор коммуникативного влияния*. [В:] «Известия Уральского федерального университета» 2003, серия 2, № 28, с. 192–198.
- Эпштейн М.Н. *Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса)*. [В:] «Вопросы языкознания» 1991, № 6, с. 19–33.
- Norman B., Jachnow H. *Идеологический компонент и его место в значении слова*. [В:] «Zeitschrift für Slavische Philologie» 1999, № 58, с. 43–58.

## WKŁAD POLAKÓW DO DOROBKU ŚWIATOWEGO SŁOWNIKARSTWA (Z JĘZYKIEM ROSYJSKIM W TLE)

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański  
Wydział Filologiczny  
Instytut Skandynawistyki  
Pracownia Języka Fińskiego, Kultury i Gospodarki Finlandii  
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna  
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska  
e-mail: finkw@univ.gda.pl  
(nadesłano 12.08.2016; zaakceptowano 6.09.2016)

### **Abstract**

#### **Contribution of Poles to the world lexicography (with the Russian language in the background)**

The article describes the contribution of Polish world-class scholars to the development of lexicography, ethnography and Oriental linguistic studies. Many of them worked in exile in Russia. The Polish scholars often were the precursors in particular fields of Orientalism, such as Ainu studies, Siberian studies, Yakutology, Karaim studies, Kurdology, Mongology, Manchu studies, etc. The author presents the lexicographical works compiled by the Polish scholars, such as the first bilingual and multilingual dictionaries of Russian and the Oriental languages/dialects (Avestan, Buryat, Chinese Even, Yakut, Japanese, Karaim, Kazakh, Kurdish, Manchu, Mongol, Orok, Sanskrit, Old Uzbek, Tajik, Tunguska), the endangered Paleosiberian languages (Ainu, Nivkh, Itelmen or Kamchadal, Koryak) as well as rare Slavic dialects including Resian.

The Polish scholars created their own methodological schools and became role-models and educators of many prominent linguists. They have left a lasting trace by creating valuable, often unique works including lexicographical studies which contributed to the integration of the linguistic world.

## Key words

The history of lexicography, Polish lexicographers, world lexicographical heritage, Oriental languages, Russian, exiles.

## Abstrakt

W artykule w syntetyczny sposób opisano wkład do rozwoju leksykografii o zasięgu światowym, a także do rozwoju światowego językoznawstwa orientalistycznego oraz etnografii wniesiony przez polskich uczonych, w dużej mierze działających na zesłaniu na terytorium Rosji. Polacy byli często prekursorami poszczególnych dziedzin orientalistyki, takich jak: ajnologia, syberystyka, jakutologia, karaimistyka, kurdologia, mongolistyka, mandżurystyka i in. Przedstawiono fundamentalne dzieła leksykograficzne, w których Polacy jako pierwsi dokonali zestawienia badanych przez siebie języków orientalnych z językiem rosyjskim (słowniki języków i narzeczy: awestyjskiego, buriackiego, chińskiego, eweńskiego, jakuckiego, japońskiego, karaimskiego, kazachskiego, kurdyjskiego, mandżurskiego, mongolskiego, orokańskiego (uilta), sanskryckiego, starouzubeckiego, tadżyckiego, tunguskiego), ginących paleoazjatyckich (ajnuskiego, niwchijskiego (giliackiego), itelmeńskiego (kamczadańskiego) koriackiego), a także rzadkich narzeczy słowiańskich (m.in. rezańskiego).

Polscy uczeni byli mistrzami i wychowawcami wielu wybitnych lingwistów, stworzyli własne szkoły metodologiczne, pozostawiając po sobie trwały ślad w postaci wartościowych, częstokroć unikatowych, dzieł naukowych, w tym opracowań słownikarskich, przyczyniając się do integracji światowego językoznawstwa.

## Słowa kluczowe

Historia leksykografii, polscy słownikarze, dziedzictwo narodowe, dorobek światowego słownictwa, języki orientalne, język rosyjski, zesłańcy.

Znaczna liczba dzieł językoznawczych, które można i należy włączyć w poczet dorobku leksykografii polskiej, a opracowanych i wydanych przez Polaków z dala od ojczyzny, stanowi jej tyleż chlubną, co często niedostatecznie znaną i uznaną kartę<sup>1</sup>. Prace wielu wybitnych polskich uczonych są ważkim składnikiem dorobku ogólnoswiatowej kultury i cywilizacji, dotyczy to zwłaszcza dziedzin lingwistyki, leksykografii, encyklopedystyki, etnologii, antropologii itd. „Właśnie Polacy, bardzo sprawni wszędzie poza swoim krajem, jeżeli przymusowo czy dobrowolnie znaleźli się w Rosji, działali tam jako cywilizatorzy” – pisał Czesław Miłosz w eseju *Rodzinną Europą*<sup>2</sup>. Pobyt i działalność naukowa Polaków poza granicami kraju uwarunkowane były

<sup>1</sup> O tym: K. Wojan. *Osiągnięcia leksykografów polskich na obczyźnie od wieku XVI do roku 1959*. [W:] *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. T. 3. Red. A. Pstyga. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, s. 73–81.

<sup>2</sup> Cz. Miłosz. *Rodzinną Europą*. Warszawa: Czytelnik, 1998, s. 164.

na przestrzeni stuleci bardzo zróżnicowanymi czynnikami – szczególnie w okresie, gdy ojczyzna pozbawiona była politycznej niepodległości. Część z nich wyjechała do obcych ośrodków akademickich w celu zdobycia starannego wykształcenia bądź zrobienia kariery naukowej, a niekiedy i dyplomatycznej, część musiała ulec przemocy zaborcy. Wśród całej plejady wybitnych uczonych pochodzących z Polski wyróżnić można profesorów języków orientalnych, znawców kultur Wschodu, antropologów, lekarzy, tłumaczy, geologów, geografów, botaników, zoologów, historyków, misjonarzy, wydawców. Niektórzy zostali powołani na członków Rosyjskiej Akademii Nauk, rektorów uniwersytetów, kierowników katedr. Wielu z nich uczestniczyło w ekspedycjach naukowych, inni pomimo trudnych warunków zesłańczych sens życia odnaleźli w działalności naukowej, poświęcając się na przykład fascynującym etnolingwistycznym i etnograficznym badaniom ludów zamieszkujących Syberię – najbardziej rozległy obszar Azji. Jak uczy historia, ich postawa patriotyczna nie była jednolita – jedni służyli obcej władzy, wypierając się swej polskości (np. Józef Szczepan Kowalewski, Józef Sękowski<sup>3</sup>, Adalbert Starczewski), a nawet zapisując się niechlubnie jako szpiegdy i donosiciele (np. Adam Rogalski), inni byli działaczami patriotycznymi (m.in. Benedykt Dybowski, Adam Szymański, Aleksander Czekanowski), na przykład w ramach Wielkiej Emigracji (m.in. Leonard Chodźko). Działalność językoznawcza i leksykograficzna uczonych polskiego pochodzenia na obczyźnie obejmowała niezwykle szeroką tematykę, w kilku przejawach miała ona charakter wybitnie pionierski, a nawet prekursorski.

Celem artykułu jest syntetyczny zarys dorobku Polaków w zakresie słownictwa światowego z językiem rosyjskim w centrum. Opis poniższych zagadnień stanowi fragment rozważań zawartych w przygotowywanej do druku monografii bibliograficzno-historycznej *Z dziejów leksykografii polsko-rosyjskiej. Słowniki lingwistyczne (bibliografia za lata 1700–2015)*, która ukaże się nakładem Wydawnictwa Uniwersytetu Gdańskiego.

W pierwszej połowie XIX wieku ośrodkami skupiającymi orientalistów polskich były uniwersytety w Wilnie, Petersburgu oraz Kazaniu. Uczni polscy, bądź polskiego pochodzenia, mają olbrzymie zasługi na tym polu i, jak konstatował Ludwik Bazylow<sup>4</sup>, do języków wschodnich „specjalną predylekcję”. Wybitnym znawcą języków orientalnych był profesor Instytutu Języków Wschodnich w Petersburgu i pierwszy turkolog w Rosji Antoni Muchliński (1808–1877). Wydał on drukiem interesujący *Źródłosłownik wyrazów, które przeszły wprost czy pośrednio, do naszej mowy z języków wschodnich, tudzież mających zobopólną analogję co do brzmienia lub znaczenia z dołączeniem zbiorku wyrazów, przeniesionych z Polski do języka tureckiego* (Petersburg 1858). Muchliński jest także autorem prac o polskich Tatarach.

<sup>3</sup> Sękowski (ps. Baron Brambeus), carski cenzor, zażądał nawet usunięcia historii Polski z podręczników i wygłaszał w języku rosyjskim satyry antypolskie. Nie życzył sobie „być” Polakiem ani łączenia jego osoby z Polonią petersburską. Zob. L. Bazylow. *Polacy w Petersburgu*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984, s. 176.

<sup>4</sup> L. Bazylow. *Polacy w Petersburgu...*, s. 173.

Podwaliny naukowej mongolistyki rosyjskiej i europejskiej stworzył Józef Szczepan Kowalewski (1801–1878)<sup>5</sup>, wileński filareta, urodzony w Brzostowicy Wielkiej w powiecie grodzieńskim. Po zesłaniu do Kazania rozpoczął studia orientalistyczne na miejscowym uniwersytecie. Z zamiłowania był nie tylko orientalistą, ale i syberiologiem. Dzięki niezwykłym uzdolnieniom lingwistycznym opanował mongolski, mandżurski, chiński i tybetański. W latach 1827–1831 przebywał w Mongolii i w Chinach jako członek rosyjskiej misji dyplomatycznej. Po powrocie nadal pracował jako profesor na uniwersytecie w Kazaniu, gdzie prowadził zajęcia z języka mongolskiego i chińskiego. Jako pierwszy cudzoziemiec nieprawosławnego wyznania został powołany na stanowisko rektora uniwersytetu<sup>6</sup>. Relacje ze swych wędrówek i prowadzonych badań Kowalewski przedstawił w sześciotomowej pracy, której skrócona polska wersja została opublikowana w 1835 roku pt. *Przejazd z Mongolii do Chin*<sup>7</sup>. Jako pierwszy Europejczyk badał wierzenia Buriatów i Tunguzów, zdobywając międzynarodową sławę, zyskując miano „chodzącego Buddy” i stając się tym samym „najwszechstronniejszym badaczem dalekowschodnich języków nie mających jeszcze gramatyk i słowników”<sup>8</sup>. Jego ekspedycje zaowocowały wydaniem m.in. fundamentalnego trzynomowego słownika *Монгольско-руско-французский словарь, удостоенный С. Петербургской Академией Наук Премии Демидова* (Kazań 1844–1849) zawierającego ok. 40 000 jednostek leksykalnych. Był to nie tylko zwykły słownik językowy, lecz także skrócona encyklopedia wiedzy z zakresu wierzeń i społecznych cech kultury mongolskiej [...], opracowanie kosmologii lamaickiej, stanowiące istotne kompendium wiedzy niezbędnej do interpretacji ideologii, mitologii czy wierzeń Mongołów<sup>9</sup>.

Słownik ten przedrukowano również w Pekinie w 1933 roku. Do innych ważnych dzieł Kowalewskiego należą: *Краткая грамматика монгольского книжного языка* (Kazań 1835), dwuczęściowa *Монгольская хрестоматия* (Kazań 1836–1837), *Буддийская космология* (1837). Jego prace wzbudziły ogromne zainteresowanie

<sup>5</sup> O tym: W. Kietlicz-Wojnacki. *Polskie osiągnięcia naukowe na obczyźnie. Od średniowiecza do II wojny światowej*. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1980; *Монголовед О.М. Ковалевский. Биография и наследие (1801–1878)*. Ред. Р.М. Валеев. Казань: Алма-Лит, 2004; J. Rowiński, J. Szczudlik. *Z historii kontaktów polsko-chińskich (do 1945 roku)*. „Azja-Pacyfik” 2005, nr 8, s. 9–42; O. Polańska. *Spuścizna naukowa mongolisty Józefa Kowalewskiego (1801–1878) w archiwach Rosji*. „Zesłaniec” 2008, nr 49, s. 31–36.

<sup>6</sup> Jednocześnie Kowalewski był dyrektorem i nauczycielem w kazańskim liceum, a także okresowo inspektorem szkolnictwa w guberni. W latach 1862–1878 był wykładowcą historii na Cesarskim Uniwersytecie Warszawskim (do 1869 roku jednostka nazywała się Szkołą Główną). Ponieważ prezentował wielce ugodową postawę wobec władz carskich, nie brał też udziału w powstaniu styczniowym, pełnił urząd dziekana Wydziału Filologiczno-Historycznego, tym samym aktywnie działał na rzecz rusyfikacji uczelni. Zob. Wł. Kotwicz. *Józef Kowalewski, orientalista (1801–1878)*. Ze wstępem M. Lewickiego, bibliografią oprac. przez M. Kotwiczównę, oraz niewydaną korespondencją Kowalewskiego. Wrocław: Wrocławskie Towarzystwo Naukowe, 1948.

<sup>7</sup> J. Sz. Kowalewski. *Przejazd z Mongolii do Chin*. „Tygodnik Petersburgski. Gazeta urzędowa Królestwa Polskiego” 1835, t. 6. St. Petersburg: w drukarni wojennej – za J. Rowiński, J. Szczudlik. *Z historii kontaktów polsko-chińskich...*, s. 21.

<sup>8</sup> W. Kietlicz-Wojnacki. *Polskie osiągnięcia naukowe na obczyźnie...*, s. 160.

<sup>9</sup> Tamże, s. 160.

w środowisku światowych orientalistów, co zaowocowało propozycją przygotowania serii artykułów dla redakcji paryskiego leksykonu encyklopedycznego – jednego z pierwszych wydawnictw tego typu w Europie<sup>10</sup>. Ten wybitny uczony został uhonorowany członkostwem paryskiej Soci t  Asiatique, duńskiego Towarzystwa Badaczy Starożytności Nordyckich oraz Rosyjskiej Akademii Nauk. Za działalność naukową otrzymał wiele ważnych odznaczeń.

Kowalewski zgromadził okazały zbiór ksiązek, r kopis w i materia w etnograficznych dotyczących lud w Azji Środkowej, jest autorem klasycznych prac w dziedzinie mongolistyki, buddyzmu, badaczem historii, j zyk w, literatury, religii, folkloru, etnografii lud w mongolskich. Szczeg lną rol  odegrał w kształceniu kolejnych pokoleń orientalist w i mongolistów rosyjskich, m.in. Dordji Banzarowa (ros. Доржи Банзаров, 1822–1855), Wasilija P. Wasiljewa (ros. Василий Павлович Васильев, 1818–1900), Konstantego F. Gołstuńskiego (ros. Константин Ф dorович Голстунский, 1831–1899), Gałsana Gombojewa (ros. Галсан Гомбоев (1822–1863), Alekseja M. Pozdniejewa (ros. Алексей Матвеевич Позднеев, 1851–1920), oraz orientalisty polskiego – Władysława Kotwicza (ros. Владислав Людвигович Котвич, 1872–1944)<sup>11</sup>.

Z Kazaniem zwi zany by  także J zef Wojciechowski (1793–1850), lekarz rosyjskiej misji prawosławnej, przebywający przez blisko 20 lat w Pekinie. Jego świetna znajomość j zyk w mandaryńskiego i mandzurskiego oraz rozległa wiedza medyczna powodowały, że leczył także wysokich dostojników dworu cesarskiego<sup>12</sup>. Po powrocie z Chin zajął się studiami sinologicznymi; został profesorem literatury. Do niego należy autorstwo trzytomowego słownika chińsko-mandzursko-rosyjskiego, nad którym pracował w latach 1844–1850, będąc już profesorem Uniwersytetu Kazańskiego<sup>13</sup>. Za jego kunszt medyczny i zasługi dla dworu cesarskiego wystawiono mu pomnik.

Rangi wkładu naszych językoznawc w w dorobek orientalistyki dowodzi pierwszy w świecie słownik rosyjsko-japoński, zawierający 17 000 s w, opublikowany w 1857 roku. Jego autorem by  J zef Goszkiewicz (1817–1845), lingwista i przyrodnik urodzony w ujeździe rzeczyckim guberni mińskiej, tłumacz misji admirała Putiatina do Chin i pierwszy konsul rosyjski w Japonii (1858–1865)<sup>14</sup>. W pracach słownikarskich uczestniczył Tachibana Kosai<sup>15</sup>. Przy aktywnym udziale Goszkiewicza podpisano Traktat z Shimody (w 1855 roku), który zapoczątkował rosyjsko-japońskie stosunki dyplomatyczne i handlowe. Goszkiewicz by  poliglotą, opanował japoński, chiński, mandzurski, koreański i mongolski. Praca *О корнях японского языка* została opublikowana już pośmiertnie (Wilno 1899). Uczony pozostawił szereg cennych mate-

<sup>10</sup> O. Polańska. *Spuścizna naukowa mongolisty J zefa Kowalewskiego...*, s. 32.

<sup>11</sup> Za *Монголовед О.М. Ковалевский...*

<sup>12</sup> J. Rowiński, J. Szczudlik. *Z historii kontakt w polsko-chińskich...*, s. 21.

<sup>13</sup> Tamże, s. 21.

<sup>14</sup> Zob. А.П. Кузнецов. *Вклад И.А. Гошкиевича в становление русско-японских отношений в XIX веке*. Санкт-Петербургский государственный университет. Восточный факультет. Кафедра истории стран Дальнего Востока. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007.

<sup>15</sup> В.А. Irish. *Hokkaido. A History of Ethnic Transition and Development on Japan's Northern Island*. Jefferson (North Carolina) – London: McFarland & Comp., 2009, s. 97.

riałów językoznawczych, przechowywanych aktualnie w Archiwum Wschodoznawstwa Instytutu Wschodnich Rękopisów Rosyjskiej Akademii Nauk w Petersburgu<sup>16</sup>. Są wśród nich *Материал для составления китайско-русского словаря, выдержанного в ключевой системе иероглифики* (ss. 1103), *Русско-китайский словарь А–Я* (ss. 231), *Французско-китайский фразеологический словарь А–М*, t. 1–2 (ss. 405, 377), *Маньчжурско-русский алфавитный словарь в 3-х томах* (ss. 381, 275, 380), *Маньчжурско-русский словарь* (ss. 614), *Русско-маньчжурский словарь от А до Я* (ss. 201).

Znawcą języków wschodnich oraz europejskich był Adalbert (Albert) Wojciech Wicentowicz Starczewski (1818–1901), zrusyfikowany w młodości Polak działający w Petersburgu. Opublikował on, zgodnie z ówczesnymi zaleceniami carycy Katarzyny II, szereg obszernych, praktycznych przewodników. Praca *Спутник русского человека в Средней Азии, заключающий в себе словари (написанные русскими буквами) языков: I. Тюркского (джарагайского или узбекского) с особенностями наречий: кашгарского-хивинского и туркменского. II. Киргизского (казакского). III. Татарского (казанского и оренбургского). IV. Сартского (городского, узбекского, преимущественно технического) и V. Таджикского (бухарского) с грамматическими очерками* (1878) zawierała słowniki: starouzbecko-rosyjski (ok. 10 000 słów), kazachsko-rosyjski (ok. 6000 słów), tatarsko-rosyjski (ok. 3000 słów), uzbecko-rosyjski (ok. 3000 słów), tadżycko-rosyjski (ok. 3000 słów). Inne przewodniki Starczewskiego to *Сибирский переводчик по линии строящейся сибирской и уссурийской желѣзныхъ дорогъ и по вѣсьмъ нароходнымъ сибирскимъ рѣкамъ* (Petersburg 1893) oraz *Кавказский толмач. Переводчикъ съ русскаго на главнейшия кавказскіе языки. Заключающий в себе 27 языков: абхазский, аварский, андійский, армянский, грузинский, дарго, джарский, дидойский, ингуишский, кабардинский, кубечинский, кумыцкий, лазский, лакский (казикумыцкий), лезгинский (кюринский), мингрельский, ногайский, осетинский (тагурский), осетинский (дигорский), сванетский, талышинский, татарский-кавказский, тушетский, удинский, хирканский (хюркилинский), черкесский и чеченский (по каждому языку до 2400 слов, до 300 фраз и грамматический очерк языка)* (Petersburg 1891). Książki przeznaczone były przede wszystkim dla żołnierzy i urzędników, pełniących funkcje naczelników w danym regionie. Katarzyna II była zdania, iż znajomość języka i kultury narodów podległych Rosji jest konieczna w celu ich podporządkowania. Warto też wspomnieć o wielojęzycznym słowniku-poradniku dydaktycznym z roku 1886, przeznaczonym do samodzielnej nauki języków obcych (francuskiego, angielskiego i niemieckiego) pt. *Русский Меццофант. Руководство как научиться говорить на иностранном языке в две – три недели. Составленное для французского, немецкого и английского*, który ukazał się wprawdzie nie na gruncie polskim, lecz w kraju zaborcy.

Starczewski był poza tym dziennikarzem i encyklopedystą. Jeszcze jako student wydał pierwszy tom dzieła *Сказания иностранных писателей XVI века о России* (1841), rok później ukazał się tom drugi *Historiae Rathenicae Scriptores exteri saeculi XVI* (1842). W *Galerie slave composée des portraits des personnages les plus célèbres*

<sup>16</sup> Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (była filia: Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН). Фонд 13. И. А. Гошкевич.

*des pays Slaves: tirés de la grande collection de I. Krasicki [...] avec des notices biographiques...* wydanej około 1842 roku w Berlinie zamieścił portrety i biografie około 360 przedstawicieli świata słowiańskiego. Ogłosił drukiem opracowanie *Литература русской истории с Нестора до Карамзина*. W latach 1848–1853 redagował monumentalny 12-tomowy *Справочный энциклопедический словарь*, będący pierwszym ukończonym słownikiem omawianego typu w języku rosyjskim<sup>17</sup>. W rękopisie pozostawił opisy gramatyk dziesięciu języków słowiańskich. Znaczącą pracą był *Словарь древняго славянскаго языка, составленный по Остромирову Евангелию*, Ф. Миклошичу, А.Х. Востокову, Я.И. Берёдникову и И.С. Кочетову wydany w 1899 roku w Drukarni A.S. Suworina w Petersburgu. Opublikował również *Карманный стоязычный словарь. Первый опыт применения лингвистики к общественным нуждам, посредством общедоступного и наглядного ознакомления русских людей* (Petersburg 1887), zawierający wyrazy również w innych językach niż rosyjski. Był redaktorem wydawnictwa *Библиотека для Чтения* Józefa Juliana Sękowskiego herbu Prawdzic (1800–1858), polskiego orientalisty, pisarza, carskiego cenzora powiązanego z petersburską masonerią.

„Osobiste nieszczęście Edwarda Piekarskiego stało się prawdziwym błogosławieństwem dla badań nad językiem jakuckim” – podsumował niegdyś Nikołaj Poppe<sup>18</sup>. Edward Piekarski (1858–1934), urodzony w folwarku Piotrowicze w powiecie iłmeńskim na Białorusi, był badaczem Syberii, lingwistą, leksykografem, etnografem, sybirakiem (zesłanym w 1888 roku), działaczem szeregu organizacji rewolucyjnych. Początkowo kształcił się w Instytucie Weterynaryjnym w Charkowie. Po zesłaniu w latach 1894–1896 brał udział w ekspedycji zorganizowanej przez Wschodniosyberyjski Oddział Cesarskiego Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego, sfinansowanej przez kupca i filantropa Innocentego M. Sibiriakowa. W 1900 roku zezwolono Piekarskiemu na przeniesienie się do Jakucka. W latach 1903–1904 uczestniczył w ekspedycji kierowanej przez Władimira E. Popowa, zesłańca, i prowadził badania nad Tunguzami, a przy okazji zbierał eksponaty dla Muzeum im. Aleksandra III w Petersburgu<sup>19</sup>. W latach 1905–1910 Piekarski pracował w Muzeum Rosyjskim, gdzie zajmował się katalogowaniem zbiorów etnograficznych; następnie podjął pracę w Akademickim Muzeum Antropologii i Etnografii w charakterze wicekustosza Działu Etnografii. Pełnił funkcję sekretarza Działu Etnograficznego Cesarskiego Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego, notabene był ostatnim redaktorem jego organu „Живая старина”. Pracował w Gabinetzie Turkologicznym Rosyjskiej Akademii Nauk. Był członkiem Polskiego Towarzystwa Orientalistycznego oraz Akademii Nauk ZSRR.

Wkrótce po osiedleniu się w Jakucku Piekarski zawarł związek małżeński z Jakutką i założył niewielkie gospodarstwo<sup>20</sup>. Umożliwiło mu to nawiązanie kontaktów z tu-

<sup>17</sup> K. Wojan. *Osiągnięcia leksykografów polskich na obczyźnie...*, s. 80.

<sup>18</sup> J. Arvaniti. *Edward Piekarski (1858–1934)*. [W:] *Polscy badacze Syberii*. Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 2008, s. 47.

<sup>19</sup> J. Arvaniti. *Edward Piekarski...*, s. 47. Zob. też W. Armon. *Polscy badacze kultury Jakutów*. Monografie z Dziejów Nauki i Techniki, 112. Polska Akademia Nauk. Instytut Historii Nauki, Oświaty i Techniki. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1977.

<sup>20</sup> A. Kuczyński. *Polskie opisanie świata – Azja*. „Świat Polonii”. Witryna Stowarzyszenia „Współ-



bylcami. Konieczność opanowania języka jakuckiego przerodziła się szybko w systematyczną pracę nad gromadzeniem materiału słownikowego. Piekarski nie miał odpowiedniego przygotowania lingwistycznego; przyszło mu zatem pokonywać wiele trudności i niepowodzeń.

Uczony ogłosił ponad 100 prac (głównie w języku rosyjskim) w zakresie kultury Jakutów i Tunguzów; publikował też po polsku w „Roczniku Orientalistycznym”. Do najważniejszych jego osiągnięć należy opracowanie monumentalnego słownika jakucko-rosyjskiego, który stał się fundamentem turkologii jakuckiej. *Словарь якутского языка* powstał przy pomocy miejscowego duchownego prawosławnego Dimitrija D. Popowa oraz zesłańca politycznego – znanego rosyjskiego etnografa Wsiewołoda M. Jonowa, który nawet odstąpił Piekarskiemu swoje bogate zbiory słownikowe<sup>21</sup>. W pracach słownikarskich znaczący udział miała również folklorystka i ołonchosut (tj. autorka jakuckich eposów i pieśniarka) – Maria N. Androsowa-Jonowa (Андросова-Ионова Мария Николаевна, 1864–1941) – znawczyni języka jakuckiego i tradycji<sup>22</sup>. Piekarskiemu umożliwiono także wykorzystanie rękopiśmiennych słowniczków opracowanych przez wcześniejszych zesłańców<sup>23</sup>. Słownik, nad którym pracował pół wieku, stanowi dzieło wyjątkowe, pomnikowe, gromadzi bowiem bogaty materiał frazeologiczny dobrze ilustrujący użycie danego słowa oraz zawiera dokładny opis przedmiotów i zjawisk, desygnowanych przez daną lemmę. Był on „momentami nowym gatunkiem literackim”<sup>24</sup>. Prezentował w istocie encyklopedię życia narodu, jego kultury materialnej i duchowej<sup>25</sup>, zapis wybranych słów jakuckich stanowiących klucz do zrozumienia etnosu<sup>26</sup>. Mottem dzieła stało się wyznanie: „Język plemienia jest odbiciem całego jego życia, to muzeum, w którym zebrane są wszystkie skarby jego kulturalnego i intelektualnego życia”<sup>27</sup>. Autor uwzględnił w swojej pracy pokrewieństwo niektórych wyrazów z językami tureckimi, biorąc pod uwagę także zapożyczenia mongolskie, tunguskie i rosyjskie. Większość haseł zawiera obszerne informacje z zakresu etnografii.

Rozbudowany system przypisów dokumentuje prawdziwość przytoczonych wiadomości, dając przez to możliwość do ich łatwiejszej konfrontacji z obszerniejszym kontekstem. Nie pomija też E. Piekarski bogatego materiału toponomastycznego i onomastycznego, zamieszcza przezwiska, przekleństwa i zwroty »nieprzyzwoite«. Wszystko co zanotował w terenie i zgromadził z innych źródeł, znalazło miejsce w słowniku<sup>28</sup>.

nota Polska” 8.09.2011. [Online:] <[http://cyfrowaetnografia.pl/Content/291/Strony%20od%20LUD1967\\_t51\\_cz2-7.pdf](http://cyfrowaetnografia.pl/Content/291/Strony%20od%20LUD1967_t51_cz2-7.pdf)> (dostęp: 18.08.2016).

<sup>21</sup> Tamże.

<sup>22</sup> Е.Д. Андросов. *Олонхосуты и певцы Таатты*. Ч. 1. Якутск. Центр культуры и искусства им. А. Кулаковского Министерства культуры Республики Саха (Якутия). Якутск: Ситим, 1993.

<sup>23</sup> A. Kuczyński. *Polskie opisanie świata...*

<sup>24</sup> W. Konończuk. *Wyspa Jakuck*. „Nowa Europa Wschodnia” 2013, nr 6. [Online:] <<http://www.new.org.pl/1490.post.html>> (dostęp: 18.08.2016).

<sup>25</sup> Zob. *Предисловие ко второму изданию*. [W:] Э.К. Пекарский. *Словарь якутского языка*. Т. 1. Изд. 2-е. Москва: Академия наук СССР, 1958.

<sup>26</sup> W. Konończuk. *Wyspa Jakuck...*

<sup>27</sup> A. Kuczyński. *Polskie opisanie świata...*

<sup>28</sup> A. Kuczyński. *Wkład Polaków w badania nad ludami Syberii i ich kulturą*. „Lud” 1968, t. 51, cz. 2, s. 555.

Dzieło stało się podstawowym narzędziem pracy jakutologów. Pierwsze zeszyty przyniosły Piekarskiemu Złoty Medal Cesarskiego Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego, które stwierdzało, iż słownik „ze względu na obfitość zebranych w nim danych leksykalnych, zaczerpniętych wyłącznie z żywej mowy, nie ma sobie równego w całej literaturze o Turkach”<sup>29</sup>. Pierwsza, niewielka wersja słownika ujrzała światło dzienne w Jakucku w 1899 roku i liczyła 132 strony. Tam też ukazał się w 1905 roku *Краткий русско-якутский словарь*. Pomnikowy, trzynastotomowy *Словарь якутского языка* Piekarskiego, o objętości 1929 stron (tekst *in quarto*), wychodził w okresie 1907–1930 w Petersburgu/Piotrogradzie/Leningradzie i był afiliowany przy Cesarskiej Akademii Nauk, a następnie Akademii Nauk ZSRR. Wydanie drugie (trzytomowe) pojawiło się w latach 1958–1959 (zob. rys. 1), zaś kolejne w 2008 roku. Słownik ten przedrukowano również w Istambule 1945 roku; nosił turecki tytuł *Yakut Dili sözlüğü*<sup>30</sup>. Z innych ważniejszych osiągnięć leksykograficznych Piekarskiego wymienić należy *Przysłowia i przypowiadki jakuckie* opublikowane w „Roczniku Orientalistycznym” (1925); ta publikacja zawiera 135 oryginalnych przysłów jakuckich z tłumaczeniem na język polski.

Praca naukowo-badawcza Piekarskiego wspierana była przez Rosjan. Również w okresie władzy radzieckiej jego wkład w rozwój etnografii Jakucji oraz cały dorobek naukowy spotykały się z najwyższym uznaniem<sup>31</sup>.

<p>Атамаи 1) прозвище? Атамаи сурда название урочища <i>Осм</i>. 2) название урочища <i>Осм</i>. 3) название наслеговъ (1-го и 2-го Атамайского) въ Намскомъ улусѣ. атамай (у <i>В.</i>: атаман) [русск.] 1) атаманъ; разбойничій атаманъ, предводитель разбойничей шайки, <i>В.</i>; абасы атаманъ атаманъ абасы-духовъ; сильнѣйшій абасы-богатырь; арѣя улѣс атаманнара лучшіе люди западнаго улуса <i>В.</i> 2) свѣдущій, искусный въ дѣлѣ своемъ, мастеръ: сахалы атаман онъ мастерски говорить по-якутски. <sup>1</sup>атян [ср. <sup>1</sup>атярѣя и тюрк. адян] защита, покровительство, заступничество, <i>Пор.</i> <sup>2</sup>атян [ср. атялѣя, <sup>2</sup>атярѣя] атян ах ставитъ кому на счетъ оказанную мелкую услугу; атян айыс считается съ кѣмъ услугою.</p>	<p>строить: аласа дѣйни атара каллибит нову юрту строить пришли мы <i>М.</i> атяр (v) [отъ <sup>1</sup>ат; ср. аттан, аттаннар и тел. лѣб. аткар отъ ат-+кар] отправлять, отсылать, отпущать, снаряжать и посылать, препровождать, представлять <i>Пор.</i>, провозжать; сироваживать, прогонять; отстранять, удалять, <i>А.</i>, съ Аес. (ср. <sup>2</sup>Бт); тобус аттахъ кісіні атярбыт посылать онъ людѣи на девяти коняхъ; үрдүк аҕкар сатҕалабыт аҕараҕы атярдым (сп.) на твое высокое имя испустившася аҕараи - духа я (шаманка) изгнала; атаран іе провозжать; аҕысыты атярар (= аҕысыт атярбыта) проводы аҕысыт, совершаемые на третій день послѣ родовъ (аҕысыты атярар күнү илэ аҕысыт аттанар күнү илэ, въ который аҕысыт оставляетъ родильницу); нынѣ этотъ день для женщинъ ранѣе рожавшихъ наступаетъ черезъ двое сутокъ послѣ родовъ. атара [ср. тюрк. адыр, азыр, айыр, айр и</p>
---	---

Rys. 1. Fragment słownika jakucko-rosyjskiego Edwarda Piekarskiego

Źródło: Э.К. Пекарский. *Словарь якутского языка...*, t. 1, s. 187–188.

Działalność naukowo-badawczą na Syberii rozwijał również Benedykt Tadeusz Dybowski herbu Naęcz (1833–1930), zesłany tam za udział w powstaniu styczniowym. Ten polski lekarz, zoolog, przyrodnik, limnolog, podróżnik, odkrywca i pedagog urodził się w Adamarynie w powiecie mińskim w rodzinie szlacheckiej. Był propagatorem teorii ewolucji Darwina, a także języka esperanto, społecznikiem, po-

<sup>29</sup> W. Kietlicz-Wojnacki. *Polskie osiągnięcia naukowe na obczyźnie...*, s. 159.

<sup>30</sup> E. Pekarский. *Yakut Dili sözlüğü*. Cilt 1: (A–M). İstanbul: Ebüzziya m. TDK, 1945.

<sup>31</sup> A. Kuczyński. *Polskie opisanie świata...*

litykiem i działaczem niepodległościowym<sup>32</sup>. W latach 1862–1864 Dybowski zajmował stanowisko profesora zoologii i anatomii porównawczej w Warszawskiej Szkole Głównej. Na katordze zajmował się między innymi faunistyką, odkrył wiele gatunków ryb, płazów i skorupiaków. Prowadził również intensywne badania limnologiczne Bajkału, Angary i Selengi. Uczestniczył w wielu wyprawach badawczych, m.in. w podróży Amurem i Ussuri do Morza Japońskiego (1872–1875)<sup>33</sup>. Po ułaskawieniu w roku 1878 ponownie wyjechał na Kamczatkę. W drodze przez Petersburg, Moskwę, Tomsk, Irkuck i Władywostok zebrał bogaty materiał lingwistyczny i antropologiczny dotyczący Ajnów z Sachalinie. W latach 1879–1883 dobrowolnie przebywał na Kamczatce, m.in. lecząc chorych na trąd i syfilis oraz prowadząc dalsze wielostronne badania naukowe<sup>34</sup>. Został uhonorowany Złotym Medalem Cesarskiego Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego za pracę nad fauną i florą Bajkału oraz Orderem św. Stanisława i tytułem radcy dworu za działalność na Kamczatce. W niepodległej Polsce odznaczony został Krzyżem Komandorskim z Gwiazdą Orderu „Polonia Restituta”. Otrzymał tytuł doktora honoris causa Uniwersytetu Lwowskiego, Uniwersytetu Warszawskiego i Uniwersytetu Wileńskiego; został członkiem honorowym Wschodniosyberyjskiego Oddziału Cesarskiego Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego w Irkucku, Towarzystwa Naukowego Kraju Amurskiego we Władywostoku, Societas Cesarea Naturae Curiosum Mosquense oraz wielu innych polskich i zagranicznych towarzystw naukowych, a także członkiem Akademii Umiejętności w Krakowie, Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, Akademii Nauk ZSRR i Towarzystwa Abstynentów w Warszawie i Łodzi<sup>35</sup>.

Benedykt Dybowski walczył nie tylko o prawa ginącego narodu; prowadził nieprzerwanie szeroko zakrojone prace naukowo-badawcze. Przebywając na półwyspie nieustannie gromadził materiał antropologiczny, zoologiczny, etnograficzny i językowy. Utworzony przez niego korpus leksykalny, liczący ok. 10 000 wyrazów koriackich i itelmeńskich (kamczadańskich), stał się podstawą późniejszych opracowań słowników języków ludów aborygeńskich Kamczatki<sup>36</sup>.

Powyższą listę uzupełnia dorobek Ignacego Józefa Eligiusza Radlińskiego (1843–1920), polskiego religioznawcy wywodzącego się z Wołynia, filologa klasycznego, historyka literatury i krytyka biblijnego, wolnomyśliciela, który zesłańcem jednak nie był. Z materiałów i notatek przekazanych przez Benedykta Dybowskiego wynika, że Radliński przygotował do druku cenną serię *Słowników narzeczy ludów kamczackich. Ze zbiorów Prof. B. Dybowskiego*. Owa pięciotomowa seria leksykograficzna dotycząca narzeczy Ajnów, Kamczadałów i Koriaków została wydana przez Akademię Umiejętności w Krakowie w latach 1891–1894. Były to absolutnie unikatowe opracowania: *Słownik narzecza Ainów, zamieszkujących wyspę Szumszu w łańcuchu Kurylskim przy Kamczatce* (1891); *Słownik narzecza Kamczadałów, zamieszkałych nad rzeką Kamczatką* (1891); *Słownik narzecza Kamczadałów południowych* (1892); *Słownik narze-*

<sup>32</sup> H. Krajewska. *Benedykt Tadeusz Nałęcz Dybowski (1833–1930)*. [W:] *Polscy badacze Syberii*. Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 2008, s. 28–29.

<sup>33</sup> Tamże, s. 28.

<sup>34</sup> Tamże, s. 28.

<sup>35</sup> Tamże, s. 29.

<sup>36</sup> A. Kuczyński. *Wkład Polaków w badania nad ludami Syberii...*, s. 540.

*cza Kamczadałów zachodnich* (1892); *Słownik narzecza Koryaków wschodnich* (1894). Po latach, w 1998 roku w Warszawie ukazał się *Словарь ительменского языка. Из собраний Бенедикта Дыбовского* (*Słownik języka Kamczadałów*), rejestrujący trzy narzecza Itelmenów. Zebrany itelmeński materiał leksykalny Dybowski objaśniał po polsku i łacinie. Współczesne wydanie jego słownika zostało uzupełnione o przekład rosyjski przez niemiecką propagatorkę języka itelmeńskiego, syberiologa – Tjan Zaczoną.

Jednym z mniej znanych Polaków zajmujących się badaniami etnograficznymi Jakutów był Adam Szymański, ps. Adam Lach (1852–1916), wołyński etnograf, prozaik, publicysta i działacz polityczny, założyciel Związku Synów Ojczyzny na rosyjskim Uniwersytecie Warszawskim, skazany na osiedlenie w Jakucji w 1878 roku, skąd powrócił w 1885 roku. Podczas pobytu na zesłaniu Szymański zainteresował się kulturą Jakutów<sup>37</sup>. Dużą popularność w świecie przyniosły mu opowiadania z życia katorżników. Rezultaty prac badawczych Szymańskiego nie są zbyt liczne. Większość zebranych przez niego materiałów pozostała w rękopisach w Archiwum PAN w Warszawie<sup>38</sup> oraz w Bibliotece Jagiellońskiej w Krakowie<sup>39</sup>. Należą do nich m.in. nieukończona syntetyczna monografia geograficzno-etnograficzna *Ziemia jakucka i jej mieszkańcy* (z. 1–15), dwa zeszyty frazeologicznego *Słownika porównawczego jakuckiego* oraz 84-stronicowy referat *O pochodzeniu i znaczeniu nazwy Tunguz* napisany na posiedzenie Oddziału Etnografii Cesarskiego Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego 16/28 kwietnia 1891 roku. Pierwsza wersja słownika jakuckiego, składająca się z dwóch zeszytów, powstała w latach 1895–1899, zaś druga przepisana została w latach 1900–1901 i liczy ok. 170 stron<sup>40</sup>. Słownik zawiera 200 słów jakuckich z paralelami w językach: niemieckim, litewskim, rosyjskim, serbskochorwackim, greckim i łacińskim<sup>41</sup>. Nieznane są powody zaniechania przez Szymańskiego dalszych prac edytorskich. Opracowywany słownik porównawczy z pewnością był wówczas pierwszą tego typu pracą leksykograficzną. Współcześnie utworzony w nim korpus leksykalny poddawany jest intensywnej krytyce z uwagi na liczne odautorskie „fantazje” w kombinacji słów. Poniżej (rys. 2) przykład krytyki leksykograficzno-etymologicznej Marka Stachowskiego<sup>42</sup>:

Wcześniej, w jednym z zeszytów *Материалы о Якутском крае*, podzielonym na dwie części, Szymański zamieścił: *Словарь* (Petersburg 1898) oraz *Словарь и различные материалы*. Prace owe prezentują dość amatorski, kompilatorski w formie, wybór słów zaczerpniętych z różnych języków ludów zamieszkujących Azję Centralną i Syberię. W większości materiał został wyekscerpowany z publikacji szanowanych specjalistów, m.in. niemiecko-rosyjskiego indologa Ottona Nicolausa von Böhling-

<sup>37</sup> O tym: A. Kuczyński. *Wkład Polaków w badania nad ludami Syberii...*; W. Armon. *Polscy badacze kultury Jakutów...*; M. Stachowski. *Ein handschriftliches vergleichendes Wörterbuch des Jakutischen von Adam Szymanski*. „Türk Dilleri Araştırmaları” 1994, nr 4, s. 67–74; J. Arvaniti. *Adam Szymański pseudonim Adam Lach (1852–1916)*. [W:] *Polscy badacze Syberii*. Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 2008, s. 40–41.

<sup>38</sup> A. Kuczyński. *Wkład Polaków w badania nad ludami Syberii...*, s. 552.

<sup>39</sup> M. Stachowski. *Ein handschriftliches vergleichendes Wörterbuch des Jakutischen...*, s. 68.

<sup>40</sup> Tamże, s. 69.

<sup>41</sup> Tamże, s. 69.

<sup>42</sup> Tamże, s. 70.

Nr. 7: *kiang* [sic!, = *kiāŋ*] ‘breit, weit, ausgedehnt [...]’; zusammengestellt z. B. mit lit.<sup>10</sup> *žengin* ‘Perineum, Damm’ und *žangus* ‘schreitend, gleitend’, dt. *Gang*, gr. *έκας* (mit *v*-Ausfall) ‘[Adv.] weit’, *έκων* ‘freiwillig’ (da – wie Szymański bei dem daneben stehenden gr. *ένεκα* erklärt – derjenige, der weit entfernt ist, frei ist, d. h. einen freien Willen hat), hierzu auch gr. *όγκος*, “geräumig und daher aufgebläht”, u. a. m.

Nr. 16: *kät-* ‘anlegen, anziehen, tragen’, zusammengestellt mit dem wohlbekannten griechischen Kleidungsnamen *χιτών* sowie mit lat. *cutis* ‘Haut’ und dt. *Haut* (welchem ein paar Zeilen weiter auch dt. “*K(l)eid*” und “*set(z)en*” folgen), weiter mit poln. “*k(t)ać*” ~ russ. “*κ(λ)αδ-у*” ‘legen’, aber auch mit poln. *kiecka* ‘Rock [umgangsspr.]’ und russ. *кутаться* ‘sich einhüllen, sich umwickeln’. Was das poln. *kiecka* anbelangt, so ist es zwar tatsächlich ein türkisches Lehnwort im Polnischen, eines jedoch, das mit jak. *kät-* (= osm. *gij-* id.) nichts gemein hat; es ist nämlich ein Diminutivum < poln. *kieca* (1648) – *kiecza* (1732) id. < osm. *keçe* ‘Filz’.<sup>11</sup>

Rys. 2. Krytyczne omówienia wybranych haseł słownika Szymańskiego przez M. Stachowskiego  
 Źródło: M. Stachowski. *Ein handschriftliches vergleichendes Wörterbuch des Jakutischen von Adam Szymanski...*, s. 70.

ka, etnografa i podróżnika Georgija Potanina, fińskiego etnografa i uralisty Matthia-sa Alexandera Castréna, rosyjsko-niemieckiego historiografa Gerharda Friedricha Müllera, niemieckiego orientalisty Juliusa Heinricha Klaprotha, sinologa Jean-Pierre’a Abel-Rémusat, rosyjsko-niemieckiego orientalisty Isaaka Jakoba Schmidta<sup>43</sup>. Tylko w niektórych wypadkach Szymańskiemu udało się dokonać samodzielnych, celnych interpretacji etymologicznych terminów geograficznych<sup>44</sup>.

W 1885 roku Adam Szymański został powołany na członka Cesarskiego Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego.

Jednym z powszechnie znanych polskich zesłanych na Syberię za udział w powstaniu styczniowym był Aleksander Piotr Czekanowski (1833–1876), podróżnik, geolog, paleontolog, badacz Syberii Środkowej, urodzony w Krzemieńcu na Wołyniu. Po zwolnieniu z prac przymusowych Czekanowski rozpoczął działalność w Syberyjskim Oddziale Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego, prowadząc m.in. badania w południowej części guberni irkuckiej. Materiał kartograficzny ekspedycji Czekanowskiego wszedł w skład wielkiej mapy Rosji azjatyckiej i został opublikowany w niemieckiej wersji językowej. Duże znaczenie miał zebrany przez badacza materiał lingwistyczny i etnograficzny, który stał się podstawą wydania w Petersburgu w 1878 roku słownika języka Ewenów – *Словарь наречия конфигирских тунгусов*<sup>45</sup>. Słownik ten został dopracowany przez estońskiego Niemca, bałtologa i tybetologa, akademika Franza Antona Schiefnera (1817–1879) w fundamentalnym artykule *Alexander Czekanowski’s*

<sup>43</sup> З. Педос. *О якутских материалах Адама Шиманского в собраниях Архива ПАН и Варшаве*. Перевод А. Барковски, В.В. Петрушкина. Койданава: Амма – Якутск: Частное издательское товарищество Згода, 1997.

<sup>44</sup> Тамże.

<sup>45</sup> В. Андреев, Ю.Чернов. *Сибирский след Александра Чекановского*. „Восточно-Сибирская правда” 2003, nr 24432, z dn. 6.03.2003. [Online:] <[http://www.vsp.ru/social/2003/03/06/450215?call\\_context=embed](http://www.vsp.ru/social/2003/03/06/450215?call_context=embed)> (dostęp: 18.08.2016).

*Tungusisches Wörterverzeichnis* (1878). Zawiera on ok. 1800 słów i 217 fraz wraz z ich przekładem na język rosyjski. Schiefner uzupełnił słownik Czekanowskiego o wiele paraleli z innych narzeczy ewenkijskich i eweńskich posiłkując się wcześniejszymi publikacjami oraz dołączył doń materiały językowe zebrane przez Richarda Maacka (ros. Ричард Карлович Маак, 1825–1886), estońsko-niemieckiego antropologa i podróżnika<sup>46</sup>.

Wybitnym, światowej sławy uczonym, etnologiem, socjologiem, muzeologiem i językoznawcą, badaczem ludów północno-wschodniej Azji, kultur paleoazjatyckich i tungusko-mandżurskich (ałtajskich), był – nazywany „Królem Ajnów” oraz „Bratem” – Bronisław Piotr Ginet Piłsudski (1866–1918), urodzony w majątku w Zułowie na Wileńszczyźnie, starszy brat Marszałka. Jako student Wydziału Prawa Uniwersytetu Petersburskiego za domniemany udział w przygotowywanym zamachu na cara Aleksandra III został on skazany na karę śmierci przez powieszenie; wyrok zamieniono jednak na zesłanie na Sachalin i na 15 lat katorgi<sup>47</sup>. Piłsudski osiadł we wsi Rykowskoje w okręgu tymowskim. Jego inteligencja i wykształcenie szybko zwróciły uwagę władz katorżniczej kolonii<sup>48</sup>. Przymusowy pobyt wykorzystał do pracy naukowej. Na Sachalinie zajmował się nauczaniem dzieci strażników, prowadzeniem badań meteorologicznych, botanicznych i etnograficznych. W 1899 roku osiadł we Władywostoku i podjął tam pracę w miejscowym muzeum jako kustosz Oddziału Towarzystwa Geograficznego. Na prośbę władz Cesarskiej Akademii Nauk w 1903 roku ponownie przyjechał na Sachalin, aby poprowadzić badania nad Ajnami. Założył tam pierwszą szkółkę dla dzieci. W tym samym roku przyłączył się do ekspedycji Wacława Sieroszewskiego (1858–1945) na Hokkaido w Japonii w celu zbadania kultury niezjaponizowanych Ajnów. Kontakty z ludnością autochtoniczną, wśród której wypadło mu egzystować, rozbudziły w Piłsudskim zainteresowania osobliwym językiem, obyczajami i tradycjami miejscowej społeczności. Rozpoczął on wówczas gromadzenie materiału etnograficznego, w czym pomogła mu nabyta znajomość języków aborygeńskich: niwchijskiego (giliackiego), orokańskiego (uilta) i dwóch gwar języka ajnuskiego (ajnu). Piłsudski utrwalił na fotografiach wygląd, obyczaje, kulturę i sztukę Ajnów<sup>49</sup>, a na

<sup>46</sup> A. Czekanowski. *Словарь наречия конфигирских тунгусов*. Санкт-Петербург, 1878.

<sup>47</sup> Zob. A. Kuczyński. *Wkład Polaków w badania nad ludami Syberii...*; M. Stęпка. *Losy „Króla Ajnów”*. „Nowy Dziennik” z dn. 4–5.12.1999, s. 10 [Online:] <[http://www.pilsudski.org/archiwa/skan\\_powiekszenie.php?nrar=701&fondpath=701-001&folderpath=701-001-146&pic=701-001-146-011.jpg&title=%20Strona%2011](http://www.pilsudski.org/archiwa/skan_powiekszenie.php?nrar=701&fondpath=701-001&folderpath=701-001-146&pic=701-001-146-011.jpg&title=%20Strona%2011)> (dostęp: 26.08.2016); J. Arvaniti. *Bronisław Piotr Ginet-Piłsudski (1866–1918)*. [W:] *Polscy badacze Syberii*. Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 2008, s. 50–52; A. Kuczyński. *Polskie opisanie świata...*

<sup>48</sup> M. Stęпка. *Losy „Króla Ajnów”...*, s. 10.

<sup>49</sup> A.F. Majewicz. *Dzieje i legendy Ajnów. Indeks. Słownik*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1983; A.F. Majewicz, E. Majewicz. *An Ainu-English Index-Dictionary to B. Piłsudski's for the Study of the Ainu Language and Folklore of 1912*. Seria Językoznawstwo. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1986; A.F. Majewicz. *The Aborig[ines] of Sakhalin*. Pt. 2: *Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore*, 1. Dictionary-index by A.F. Majewicz, E. Majewicz. Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 2. Preprint Series. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, Stęszew, 1992; A.F. Majewicz. *The Aborigines of Sakhalin*. Series Trends in Linguistics. Dokumentation, 15–2. The

unikatowych fonograficznych wałkach woskowych zarejestrował również ich muzykę i śpiewy zwane jukarami. Dzięki kompetencjom językowym Piłsudski nie musiał korzystać z usług tłumacza, zdobył zatem zaufanie i autorytet wśród ludności sachalińskiej; szybko stał się członkiem plemienia. Zafascynowany miejscową kulturą ożenił się z Ajnuską o imieniu Chuhsamma, krewną wodza Kimura Bafunke, z którą miał syna Sukezo i córkę Kyo. Warto wspomnieć, iż potomkowie Piłsudskiego żyją do dnia dzisiejszego w Japonii. Plonem prowadzonych przez etnologa badań były liczne bezcenne (głównie rękopiśmienne) prace etnograficzne o autochtonach Sachalinu oraz dolnego biegu Amuru — Ajnach (Ajnu), Niwchach (Giliakach), Orokach (Ulta, Ulta, Ulcha), Ulczach (Nanajach, Goldach, Mangach). Jego zasług w sferze poznania jednego z najbardziej zagadkowych ludów świata – sachalińskich Ajnów, pramieszkańców dzisiejszych wysp japońskich, brutalnie wypartych i wymordowanych z czasem przez Japończyków – nie sposób przecenić. W spuściźnie Piłsudskiego znajdują się m.in. zapisy tekstów ajnuskich, ok. 300 fotografii z utrwalonymi typami antropologicznymi<sup>50</sup>, pokaźne zbiory słów wymienionych wyżej języków autochtonów, a także 100 oryginalnych woskowych wałków fonograficznych<sup>51</sup>. Dorobek rękopiśmienny i fotograficzny Bronisława Piłsudskiego przechowywany jest obecnie w Zbiorach Specjalnych Biblioteki Naukowej PAU i PAN w Krakowie. Uczony za swoje ogromne zasługi otrzymał Medal Cesarskiego Rosyjskiego Towarzystwa Geograficznego.

Studia ajnologiczne Bronisława Piłsudskiego wysłały naukowe rekomendacje najznakomitszych specjalistów światowych (patrz seria prac Majewicza). Jego dorobek jest szczególnie doceniany w świecie uczonych japońskich. Trud zebrania wiekopomnych dzieł Piłsudskiego sprzed I wojny światowej podjął Alfred Franciszek Majewicz (w dużej mierze przy udziale Elżbiety Majewicz) z Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; tym samym trwale przywrócił w naszym kraju pamięć o wybitnym uczonym. Dzięki staraniom Majewicza odczytano zapis na wałkach Edisona, co z kolei spowodowało odrodzenie zainteresowania kulturą Ajnów<sup>52</sup>. Badacz zainicjował ogromne przedsięwzięcie międzynarodowe, w ramach którego dokonano rekonstrukcji, naukowej oceny i upowszechnienia w świecie ogromnego dorobku naukowego Bronisława Piłsudskiego. Zawiązał imponujący projekt International Committee for

---

Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 1. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1998; A.F. Majewicz. *Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore (Cracow 1912)*. Series Trends in Linguistics. Dokumentation, 15–2. The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 2. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1998.

<sup>50</sup> A.F. Majewicz. *Ainu language and folklore materials*, 2. Reconstructed, translated and edited by A.F. Majewicz with the assistance of E. Majewicz. The Collected works of Bronisław Piłsudski. Vol. 3. Berlin–New York: de Gruyter Mouton, 2004.

<sup>51</sup> O tym: J. Bańcerowski. *Zapisy fonograficzne Ajnów*. „Bulletin Phonographique” 1964, nr 6, s. 91–96; A. Ogonowska. *Treść wałków fonograficznych Bronisława Piłsudskiego według odczytu specjalistów japońskich*. Monograph Series International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 3. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1993. Zob. też prace A.F. Majewicza.

<sup>52</sup> A. Ogonowska. *Treść wałków fonograficznych Bronisława Piłsudskiego...*; Zob. też S. Szlachtycz. *Piłsudski B., Majewicz A. czyli Ajnowie a sprawa polska*. [Film biograficzny]. Scenariusz, realizacja, komentarz S. Szlachtycz. Prod. Telewizja Polska, Szczecin 1999.

Restoration and Assessment of B. Piłsudski's Life and Work (ICRAP)<sup>53</sup>. Dzieła Piłsudskiego ukazywały się seryjnie pod redakcją naukową badacza nakładem prestiżowego wydawnictwa Mouton de Gruyter<sup>54</sup>.

Dorobek Bronisława Piłsudskiego tylko w zakresie samej leksykografii jest nie do przecenienia w skali światowej. Opracował on bowiem pionierskie, bogate materiały słownikarskie w transkrypcji cyrylicy oraz w zapisach fonograficznych. Do prac o dużej wartości naukowej zalicza się słownik ajnusi<sup>55</sup>. Autor przełożył w nim ponad 10 000 słów z języka ajnu. Słownik zawiera ponadto 2000 nazw własnych. Swoje dzieło Piłsudski przedstawił na posiedzeniu Akademii Umiejętności w Krakowie, które odbyło się w dniu 13 marca 2011 roku<sup>56</sup>. Wersje słownika wraz z przekładami na angielski przygotował do druku i wydał Alfred Majewicz przy udziale Elżbiety Majewicz. Niekwestionowanym osiągnięciem Piłsudskiego jest pierwsze naukowe opracowanie fonetyki izolowanego języka ajnuskiego, dokładna charakterystyka jego dźwięków, ujawnienie różnic między ajnuskim a rosyjskim i innymi językami europejskimi, opis zawiłanych kwestii akcentologicznych, prawideł morfologicznych i mechanizmów słotwórczych, a także wyodrębnienie kategorii części mowy<sup>57</sup>. Rosyjski badacz Walerij D. Kosariew, wykorzystując dzieła Piłsudskiego, ułożył i opublikował przed ponad dekadą *Ajnu-niśa itaku-ćomen Bronisław Piłsudski kari. Karaxtun itaku* (= *Айнско-русский словарь по Брониславу Пилсудскому. Сахалинский диалект. Около 6000 слов и выражений*) (2004)<sup>58</sup>. Słownik ten stanowi połączenie leksykonu i opracowania z zakresu fonetyki, transkrypcji, morfologii i składni. Jest to zarazem pierwsza próba stworzenia słownika ajnuso-rosyjskiego z podstawami gramatyki ajnuskiej.

<sup>53</sup> Zob. A.F. Majewicz. *The ICRAP Project Concerning B. Piłsudski's Work on Peoples and Languages of Sakhalin and Lower Amur*. „Lingua Posnaniensis” 1985, nr 28, s. 109–115.

<sup>54</sup> A.F. Majewicz. *The Aborigines of Sakhalin*. Series Trends in Linguistics. Dokumentation, 15–2. The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 1. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1998; A.F. Majewicz. *Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore (Cracow 1912)*. Series Trends in Linguistics, Dokumentation, 15–2. The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 2. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1998 i in.

Dzieła zebrane Piłsudskiego prof. Majewicz zaprezentował podczas obrad plenarnych LXXIII Zjazdu Polskiego Towarzystwa Językoznawczego w Kielcach, wygłaszając referat *Przekraczać granice dyscyplin – 40 lat prac nad dziełami zebranymi Bronisława Piłsudskiego* w dniu 29.09.2015.

<sup>55</sup> B. Piłsudski. *Отчёт Б.О. Пилсудскаго по командировке к айнам и орокам о. Сахалина*. „Известия Русскаго Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях” 1907, nr 7, s. 49.

<sup>56</sup> B. Piłsudski. *Materiały do języka i folkloru Ajnów*. „Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii Umiejętności za rok 1911” nr 3 (16), s. 3–5.

<sup>57</sup> B. Piłsudski. *Materials for the study of the Ainu language and folklore*. Collected and prep. for publ. by Bronisław Piłsudski. Ed. under the supervision of J. Rozwadowski. Cracow: Imperial Academy of Sciences, 1912.

<sup>58</sup> В.Д. Косарев. *Ajnu-niśa itaku-ćomen Bronisław Piłsudski kari. Karaxtun itaku = Айнско-русский словарь по Брониславу Пилсудскому. Сахалинский диалект. Около 6000 слов и выражений*. Автор-составитель В.Д. Косарев. „Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее)” 2004, № 7, s. 207–436.



Drugi znaczący słownik ułożony przez Piłsudskiego obejmował język niwchijski (giliacki); zdaniem Wacława Sieroszewskiego liczył on ok. 6 000 słów<sup>59</sup>. Najprawdopodobniej Piłsudski swoje zbiory odstąpił innemu zesłańcowi, rosyjskiemu badaczowi Niwchów – Lwu (Chaimowi-Leibie) Jakowlewiczowi Sternbergowi (1861–1927), który miał go zainspirować do badań etnograficznych. Słownik przechowywany jest w Petersburskim Oddziale Rosyjskiej Akademii Nauk wraz z materiałami Sternberga<sup>60</sup>. Na bazie tego słownika wdowa Sara Arkadjewna Rathner-Sternberg (Саpa Аркадьевна Ратнер-Штернберг, 1870–1942) sporządziła słownik niwchijsko-rosyjski (giliacko-rosyjski), jak dotąd, niestety, niewydany. Dokładny okres kompilowania przez Piłsudskiego słownika nie jest znany; powstał on prawdopodobnie w połowie lat 90. XIX wieku. Słownik ma dużą wartość naukową w badaniach folklorystycznych i przekładzie tekstów sachalińskich Niwchów. Jego zaletą jest dokładne odzwierciedlenie niwchijskich słów przy użyciu transkrypcji cyrylickiej. Piłsudski prawidłowo wyróżnił i zapisał specyficzne dźwięki z repertuaru fonetyki niwchijskiej, m.in. frykatę [ɣ], oznaczając ją łacińską literą *h*, a także tylnopodniebienny dźwięk [ɲ]<sup>61</sup>. W Polsce glosariusz niwchijski rękopisu Piłsudskiego przygotował edytorsko Majewicz<sup>62</sup>; praca zawiera równoległy tekst niwchijski, rosyjski i angielski<sup>63</sup>. Poniżej zaprezentowano fragment<sup>64</sup> słownika języka sachalińskich Niwchów na literę *B*:

**ва́һанд** строгать, скоблить (ножи́ком), крошить (чай)  
**вакв́акэнд** кислый  
**ва́лленд** резать (материю, дерево, веревку)  
**вару́нд** не попасть  
**ваху́нд** рвать (веревку)  
**ва́хызинд** расходиться в разные стороны (о людях и о животных)

<sup>59</sup> W. Sieroszewski. *Bronisław Piłsudski*. „Rocznik Podhalański” 1921, nr 1, s. XVI. Por. też В.Д. Косарев. *Ajnu-nuča itaku-ćomen Bronisław Piłsudski kari...*

<sup>60</sup> А.Б. Островский, А.Ф. Маевич. *Словарь сахалинских нивхов Бронислава Пилсудского*. „Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее)”. Вып. 11. Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство, 2007, s. 3.

<sup>61</sup> Тамże, s. 3.

<sup>62</sup> B. Piłsudski. *Bronisław Piłsudski's Sakhalin Nivghu glossary*. Preprint, prepared for print and edited by A.B. Ostrovskiy and A. Majewicz. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1992; B. Piłsudski. *Materials for the study of the Nivghu (Gilyak) language and folklore (manuscript facsimile)*. Pref. by Koichi Inoue and A.F. Majewicz. Preprint – International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 12. Sapporo – Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1996; B. Piłsudski. *Materials for the study of the Nivghu (Gilyak) language and folklore (manuscript facsimile)*. 2. Pref. by A.F. Majewicz. Preprint – International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies 12a. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1999.

<sup>63</sup> A.F. Majewicz. *Bronisław Piłsudski's Sakhalin Nivghu glossary*. Prep. for print and ed. by A.B. Ostrovskiy and A.F. Majewicz. Preprint Series. International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, Stęszew, 2. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1992.

<sup>64</sup> Źródło: Б. Пилсудский. *Словарь сахалинских нивхов*. „Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее)”. Вып. 11. Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство, 2007.

**вахчунд** рвать (materię)  
**вѣрунд (вершкруд)** согнуть (pałkę)  
**вершкѣинд** покупать, продавать, менять  
**веськарлянт** twerдый  
**виѣнд** бегать (o животном)  
**виинд** уходить, ездить  
**вильляхоѣнд** голый (o człowieке)  
**воюнд** показывать  
**вўзигинд** мешать (что-нибудь)  
**вўзинд** стлать постель  
**вувльўлюнд** полоскать (рот, чашку)  
**вувльвўлькунд** завертывать  
**выкызинд** потерять, покидать (людей)  
**вылигунд** перевернуть  
**вьѣунд** глубокий

Opracowaniem powstałego jesienią 1905 roku w wiosce Troickoje nad Amurem<sup>65</sup>, 131-stronicowego manuskryptu Bronisława Piłsudskiego prezentującego słownik nanajski (goldyjski, goldzki, ulczański) z utrwalonymi 1660 słowami (z tekstem równoległym rosyjskim) i tekstem 26 zagadek zajął się również Majewicz<sup>66</sup>; dzieło ujrzało światło dzienne najpierw w 1995 roku, a następnie w 2000 roku. Duża część uwzględnionych tu słów funkcjonuje w leksykonie współczesnym<sup>67</sup>. Słownik języka ludu Ulcza (Olcza, Goldów, Mangunów) wydany został przez Majewicza we współpracy z Łarysą W. Ozolińą<sup>68</sup>.

Piłsudski w 1904 roku stworzył również korpus leksykalny składający się z ok. 3000 haseł z języka Oroków (orokańskiego, uilta, ulta)<sup>69</sup>, z czego – jak się okazuje – 250 słów

<sup>65</sup> A.F. Majewicz. *Ainu language and folklore materials* 2. Reconstructed, translated and edited by A.F. Majewicz with the assistance of E. Majewicz. The Collected works of Bronisław Piłsudski. Vol. 3. Berlin–New York: de Gruyter Mouton, 2004, s. VII.

<sup>66</sup> A.F. Majewicz. *Bronisław Piłsudski's Nanaian Glossary of 1905*. Facsimile. Publ. by A.F. Majewicz. Preprint Series. International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, Steszew. Vol. 9. Steszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1995; A.F. Majewicz. *Materials for the Study of the Nanaian Language and Folklore. The Nanaian Dictionary*. Prep. by M.D. Simonov. Seria Bronisław Piłsudski. The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Ed. A.F. Majewicz. Vol. 4. International Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies. Steszew: International Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies, 2000.

<sup>67</sup> A.F. Majewicz. *The Aborigines of Sakhalin*. Series Trends in Linguistics. Dokumentation, 15–2. The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 1. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1998, s. 5.

<sup>68</sup> A.F. Majewicz. *Materials for the Study of the Ulcha (Mangun) language and folklore*. Ed. by A.F. Majewicz. The Ulcha (Mangun) dictionary and texts prepared by L.V. Ozolińa. The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 4. International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies. Berlin–New York: de Gruyter Mouton, 2002.

<sup>69</sup> B. Piłsudski. *Materials for the study of the Orok (Uilta) language and folklore. 2. Grammatical notes on Orok, Orok texts, Orok-Polish dictionary*. Transcribed from the manuscripts by E. Majewicz. Provided with English transl. and equivalents by E. and A.F. Majewicz. Introd. by Wł. Kotwicz. Prefaced and ed. by A.F. Majewicz. Working Papers. Adam Mickiewicz University Poznań, Poland. Institute

funkcjonuje do dzisiaj<sup>70</sup>. Słownik orokańsko-rosyjski w postaci materiałów językowych ujrzał światło dzienne w edycjach Majewicza, który dokonał również transkrypcji manuskryptu<sup>71</sup>. Materiał ilustracyjny zgromadzony przez Piłsudskiego posłużył uczonym rosyjskim do stworzenia współczesnego słownika orokańsko-rosyjskiego<sup>72</sup>.

Na przestrzeni ostatniej dekady ukazywały się kolejne edycje materiałów leksyograficznych Piłsudskiego z zakresu języków tungusko-mandżurskich. Zostały one opracowane przez Majewicza i jego zespół w postaci prac zbiorowych<sup>73</sup>.

Badania nad kulturą Oroków i Goldów prowadził również Stanisław Poniatowski (1884–1945), profesor etnologii i etnografii Wolnej Wszechnicy, wykładowca Uniwersytetu Warszawskiego, uczestnik ekspedycji naukowej na Syberię. Zebrał on i opublikował *Materiały do słownika języka Goldów nadamurskich* (Warszawa 1923)<sup>74</sup>. Poniatowski był zwolennikiem słynnej kulturowo-historycznej szkoły etnografii.

Do kręgu orientalistów kurdologów należał August Żaba herbu Kościęsza (1801–1894), urodzony w Krasławiu w polskiej rodzinie katolickiej, absolwent Instytutu Wschodniego przy Departamencie Azjatyckim Kolegium Spraw Zagranicznych w Petersburgu. Przez z górą 20 lat (1828–1848) August Żaba pracował jako dragoman (tj. tłumacz, przewodnik i pośrednik między cudzoziemcami a mieszkańcami Bliskiego

of Linguistics, 17. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 1987; A.F. Majewicz. *The Aborigines of Sakhalin...*, s. 5.

<sup>70</sup> A.F. Majewicz. *The Aborigines of Sakhalin...*, s. 5.

<sup>71</sup> B. Piłsudski. *Materials for the study of the Orok (Uilta) language and folklore. 1: Фонетические и грамматические замечания к языку Ороков, орокские тексты*. Transcribed from the manuscript and ed. by A.F. Majewicz. Working Papers. Adam Mickiewicz University Poznań, Poland. Institute of Linguistics 16. Poznań: Adam Mickiewicz University, 1985; B. Piłsudski. *Materials for the study of the Orok (Uilta) language and folklore. 2: Grammatical notes on Orok, Orok texts, Orok-Polish dictionary...*; A.F. Majewicz. *Materials for the study of the Orok (Uilta) language and folklore. The Orok (Uilta) dictionary*. Prep. by L.V. Ozoliņa. Ed. by A.F. Majewicz. Preprint Series. International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, Poland 21. The Collected works of Bronisław Piłsudski. Vol. 5. Szteżew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 2001.

<sup>72</sup> Л.В. Озолина. *Орокско-русский словарь*. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2001.

<sup>73</sup> A.F. Majewicz. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 4: Materials for the Study of Tungusic Languages and Folklore*. International Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies Preprint 42/1–2. Szteżew, 2007 [limited ICRAP Project internal edition]; A.F. Majewicz. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 4: Materials for the Study of Tungusic Languages and Folklore*. Ed. by A.F. Majewicz, with the assistance of M.D. Simonov, L.V. Ozoliņa, T.B., E. Majewicz, T. Wicherkiwicz and W. Winter. International Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies Preprint 42/1–2. Proofread printing. Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies Preprint 2009 [Ultimate edition appeared with Berlin–Boston: de Gruyter Mouton in 2011]; A.F. Majewicz with the assistance of L.V. Ozoliņa et al. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 4: Materials for the Study of Tungusic Languages and Folklore*. Berlin–Boston: de Gruyter Mouton, 2011; A.F. Majewicz with E. Majewicz. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 4: Materials for the Study of Tungusic Languages and Folklore. Indices*. Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies. Preprint 46. Saitama, 2011; A.F. Majewicz. *Przekraczać granice dyscyplin – 40 lat prac nad dziełami zebranymi Bronisława Piłsudskiego...*

<sup>74</sup> S. Poniatowski. *Materials to the Vocabulary of the Amur River Gold (= Materjały do słownika Goldów nadamurskich)*. Bibliotheca Universitatis Liberae Polonae. A, fasc. 10. Varsaviae: Universitatis Liberae Polonae, 1923.

Bschodu) przy rosyjskich konsulatach w Jaffie, Salonikach i Smyrnie, a następnie był rosyjskim konsulem w Erzurum w Turcji wschodniej, zamieszkiwanej ówczesnie licznie przez Kurdów i Ormian<sup>75</sup>. Położył nieocenione zasługi w badaniach nad językiem, literaturą i kulturą Kurdów, dał tym samym podwaliny europejskiej i rosyjskiej kur-dologii. Zgromadzone podczas wypraw terenowych materiały systematycznie przekazywał Cesarskiej Akademii Nauk<sup>76</sup>. Wśród dosyć dużej liczby materiałów przesłanych przez Kościeszę Żabę należy wymienić przede wszystkim: *Uwagi o literaturze i plemionach kurdyjskich*; *Streszczenie dzieła kurdyjskiego autorstwa Ahmeda Efendi pt. Mem û Zin*; *Słownik kurdyjski dialektów Hekkari i Revendi*; *Gramatykę, którą w kurmandzi napisał Eli Teremaxî*; *Podstawowe wiadomości dotyczące nauki gramatyki i niektórych niezbędnych zasad związanych z badaniami nad nią*; *Zbiór opowiadań kurdyjskich, z tłumaczeniem na język francuski*<sup>77</sup>.

August Kościeszę Żaba opracował pierwszy w świecie słownik mało znanego ówczesnie języka kurdyjskiego – kurdyjsko-rosyjsko-francuski oraz francusko-rosyjsko-kurdyjski. Jego rękopisy nie zostały do tej pory wydane; przechowywane są w petersburskiej filii Archiwum Rosyjskiej Akademii Nauk. Na bazie zgromadzonych przez Kościeszę Żabę materiałów leksykograficznych został wydany słownik kurdyjsko-francuski *Dictionnaire kurde-française* (Peterburg 1879), liczący 494 strony, z dialogami, uzupełniony przez niemieckiego iranistę, prof. Ferdynanda Justiego (1837–1907). Praca zawiera odsyłacze do źródeł danego słowa; leksyka podawana jest w grafii arabskiej, transkrypcja zaś została jest na alfabecie łacińskim (zob. rys. 3). W informacji o wydaniu tego słownika „Gazeta Lwowska” podała biogram autora i podkreśliła, iż nasz rodak „pierwszy też dał poznać Europie mowę i literaturę tych plemion”<sup>78</sup>.

Owoce licznych peregrinacji Augusta Kościeszę Żaby było dzieło *Recueil de notices et récits kourdes servant à la connaissance de la langue, de la littérature et des tribus du Kourdistan, réunis et traduits en français par M. Alexandre Jaba consul de Russie à Erzeroum*. Całkiem niedawno na łamach „Fritillaria Kurdica. Bulletin of Kurdish Studies” (Kraków 2015) ukazało się jego polskie tłumaczenie *Zbiór uwag i opowieści kurdyjskich, dzięki którym można poznać język, literaturę i plemiona Kurdystanu, zebranych i przetłumaczonych na język francuski przez Aleksandra [sic!] Żabę, konsula rosyjskiego w Erzurum, przy współpracy Meli Mahmuda Bajazidiego. Sankt-Petersburg, 1860*. Należy zaznaczyć, iż opracowanie to dotąd nie straciło na znaczeniu. Weszło ono do kanonu wiedzy na temat Kurdów i ich języka. Podziw budzi fakt, iż materia-

<sup>75</sup> Za A. Kuczyński. *Polskie opisanie świata – Azja...*

<sup>76</sup> Tamże.

<sup>77</sup> A. Żaba Kościeszę. *Zbiór uwag i opowieści kurdyjskich, dzięki którym można poznać język, literaturę i plemiona Kurdystanu, zebranych i przetłumaczonych na język francuski przez Augusta Kościeszę-Żabę, konsula rosyjskiego w Erzurum, przy współpracy Meli Mahmuda Bajazidiego. Sankt-Petersburg, 1860*. Tłum. na podstawie tekstu francuskiego. Oprac. nauk. A. Kościeszę-Żaba, J. Bocheńska, M. Rzepka. Przedm. do wyd. pol. Joanna Bocheńska. Przedm. do wyd. ros. z 1860 roku Peter Lerch. „Fritillaria Kurdica. Bulletin of Kurdish Studies” 2015, nr 9. Kraków: Institute of Oriental Studies, Jagiellonian University National Science Centre, s. 24. [Online:] <[http://www.kurdishstudies.pl/files/Fritillaria\\_Kurdica\\_2015\\_09\[2\].pdf](http://www.kurdishstudies.pl/files/Fritillaria_Kurdica_2015_09[2].pdf)> (dostęp: 20.08.2016).

<sup>78</sup> Za A. Kuczyński. *Polskie opisanie świata – Azja...*



jako polska<sup>81</sup>, białoruska<sup>82</sup> lub rosyjska<sup>83</sup>. W młodości Kossowicz związany był m.in. z Janem Sulimą Sawiniczem, Tadeuszem Ładą Zabłockim i tajnym Stowarzyszeniem Miłośników Literatury Ojczyźnej, działającym w okresie 1822–1823<sup>84</sup>. Początkowo nauczał greki w gimnazjach, m.in. w Twerze i Moskwie, pracował też jako gubernator. Zafascynowany był językami obcymi, jako samouk zgłębiał sanskryt, biblijny hebrajski i arabski. W latach 1845–1847 wykładał już w ormiańskim Łazariewskim Instytucie Języków Wschodnich w Moskwie; w owym czasie zasłynął przekładami z sanskrytu, które publikował m.in. w czasopiśmie naukowym „Москвитянин” wydawanym przez Michaiła Pogodina<sup>85</sup>. W 1850 roku Kossowicz został mianowany redaktorem prac naukowych w Cesarskiej Bibliotece Publicznej w Petersburgu. Prawo wykładania sanskrytu w Uniwersytecie Petersburskim przyznano mu dopiero w 1858 roku, zaś po dwóch latach otrzymał posadę profesora nadzwyczajnego. Jednocześnie prowadził wykłady ze starożytnej greki, języka awestyjskiego i języków staroperskich. W 1865 roku uzyskał habilitację z zakresu językoznawstwa porównawczego w Uniwersytecie Charkowskim<sup>86</sup>. Kajetan Kossowicz jest rzadkim przykładem utalentowanego, przejawiającego ogromną pracowitość i samodyscyplinę, samouka o interesującej osobowości, a także charyzmatycznego dydaktyka, nauczyciela kilku pokoleń filologów, któremu udało się urzeczywistnić swoje lingwistyczne i translatoryczne dążenia i udało się wybić w świecie akademickim. Choć nie przygotował samodzielnie poważniejszej pracy naukowej, to przecież zapisał się w nauce rosyjskiej jako pierwszy sanskrytolog i wielki popularyzator literatury hinduskiej<sup>87</sup>. Niewątpliwie prace Kossowicza w poszczególnych działach orientalistyki rosyjskiej miały charakter nowatorski.

Kossowicz zyskał światową sławę dzięki publikacjom na temat zabytków piśmiennictwa awestyjskiego oraz glosariów. Był też autorem znaczących słowników przekładowych. Pierwszą większą pracą leksykograficzną, niestety nieukończoną (jeden tom: *a – гурн – jama*), był unikatowy, *Санскрито-русский словарь*, liczący ponad 10 000 słów, wydany w Petersburgu w 1854 roku. W latach 1854–1856 jego poszczególne zeszyty (w sumie trzy) ukazywały się też odrębnie w wydaniach zwartych *Прибавления к „Известиям Императорской Академии Наук”*. Słownik kontynuowany był na łamach pisma „Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности” do roku 1857 (opublikowano jego 18 części). Początkowo w to-

<sup>81</sup> J.A.W. Reychman *Kajetan Kossowicz, zapomniany hellenista i językoznawca...*

<sup>82</sup> А.А. Прохоров. *Каэтан Андреевич Коссович (1814–1883) – первый санскритолог белорусских земель*. [W:] *Великое культурное наследие Индии и Беларуси. К 75-летию Пакта Рериха (Материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 17 сентября 2010 г.)*. Минск: Право и экономика, 2011, s. 13–28. [Online:] <[http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/93078/1/Prokhorov\\_Kosovich.pdf](http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/93078/1/Prokhorov_Kosovich.pdf)> (dostęp: 28.08.2016).

<sup>83</sup> И.К. Рогозинников. *К биографии К.А. Коссовича...*

<sup>84</sup> А.А. Прохоров. *Каэтан Андреевич Коссович...*, s. 23.

<sup>85</sup> Zob. np. T. Pobożniak. *Recepcja „Mricczhakati” w Europie*. [W:] *Wasantasena. Teatr im. Juliusza Słowackiego w Krakowie, sezon 1972/1973*. Kraków, 1973, s. 4–7.

<sup>86</sup> И.К. Рогозинников. *К биографии К.А. Коссовича...*

<sup>87</sup> С.К. Булич. *Коссович Каэтан Андреевич*. [W:] *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. 16 (31): *Конкорд–Коялович*, 1895, s. 385–386. [Online:] <<http://dlib.rsl.ru/viewer/01003924229#?page=399>> (dostęp: 26.08.2016).

mach 3–6 (1854–1857) tegoż pisma wychodziły materiały do słownika i gramatyki. Na uznanie zasługuje fakt, iż był to pierwszy w Rosji słownik sanskrycko-rosyjski. Choć dostrzegano w nim niekonsekwencje formalne (głównie na poziomie graficznym), słownik nie aspirował przecież do rangi pracy naukowej, Kossowicz jasno bowiem wyrażał swój zamiar: „если это сочинение откроетъ въ отечествѣ нашемъ доступъ къ изученію одного изъ древнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ языковъ въ мірѣ: то моя цѣль будетъ достигнута”<sup>88</sup>. Autor przyjął własny sposób transliteracji oparty na grafice cyrylicy i porządku alfabetu rosyjskiego; pojawiają się w nim jednak, i to dość licznie, zapisy w alfabecie dewanagari za pomocą fontów francuskich (rys. 4). Wokabuły *a, ā, b, bh, v, g, gh, h* zawierają od 10 000 do 14 000 artykułów<sup>89</sup>. Siatka hasłowa ma charakter wyraźnie kompilacyjny, zdaje się kopiować filologiczno-etymologiczny słownik *Dictionary, Sanskrit and English* angielskiego orientalisty Horacego Haymana Wilsona (1786–1860), ułożony z materiałów zebranych przez rodzimych uczonych, uzupełniony własnymi badaniami i wydany w 1819 roku w Kalkucie<sup>90</sup>. Słownik Kossowicza, mimo licznych uwag krytycznych zgłaszanych przez sanskrytologów współczesnych, niewątpliwie pozostaje w kręgu zainteresowania historyków leksykografii hinduskiej.

O wiele cenniejszym dziełem słownikarskim Kossowicza był, uhonorowany w 1848 roku przez Cesarską Akademię Nauk Nagrodą Demidowa, dwutomowy, zawierający ok. 110 000 haseł, *Греко-русский словарь* (Moskwa 1848), opracowany we współautorstwie z bratem – filologiem klasycznym, profesorem Uniwersytetu Warszawskiego – Ignacym Kossowiczem (1808–1878). Hasła zaczynające się od pierwszych liter alfabetu greckiego *Α–Είς* opracował Kajetan Kossowicz, pozostałe zaś – Ignacy. Dzieło zaliczane jest do najpełniejszych opracowań słownikarskich dotyczących relacji języka starogreckiego i rosyjskiego. Ignacy Kossowicz wydawał też sam niewielkie słowniki grecko-rosyjskie<sup>91</sup>.

Dla celów dydaktycznych Kossowicz opracowywał chrestomatia i glosariusze. Spośród sporej liczby tego typu publikacji wymienić należy następujące: *Еврейская хрестоматия, с ссылками на грамматику Гезениуса и глоссарием еврейско-русским* (Petersburg 1875) z dołączonym słownikiem hebrajsko-rosyjskim rejestrującym ok. 4000 haseł (praca stała się podstawowym podręcznikiem w seminariach duchownych); *Легенда об охотнике и паре голубей. Извлечение из Маха’бараты, с присовокуплением русской транскрипции, латинского перевода и санскрито-русского глоссария* (Petersburg 1859), w której słownik sanskrycko-rosyjski utrwał ok. 1400 słów; *Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции, рус-*

<sup>88</sup> К.А. Коссович. *Несколько слов о Санскрито-Русском Словаре*. „Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности” 1854, т. 3, с. 211.

<sup>89</sup> За В.И. Тихвинский. *Вводные замечания к словарю К.А. Коссовича*. [Online:] <<http://tvitaly1.narod.ru/SSlovari.html>> (dostęp: 26.08.2016).

<sup>90</sup> А.А. Прохоров. *Каэтан Андреевич Коссович...*

<sup>91</sup> И.А. Коссович. *Греческо-русский словарь, для семи книг «Одиссеи»*. (А, Е, Ζ, Ι, Κ, Λ, Μ). Издания г-на Ежевского. Пересмотренный, пополненный и изданный старшим учителем 1-й Московской гимназии, магистром И. Коссовичем. Москва: Университетская типография, 1848; И.А. Коссович. *Греческо-русский словарь*. Москва: Синодальная типография, 1858.

असौम्यस्वर असौम्य-स्वरा, 3 р. (-раh, -рā, -рам), съ грубымъ, неприятнымъ голосомъ.	अस्वत् अस्वा-त्वा, ср. (-त्वा), не имѣіе собственности, — не имѣіе правъ, или способности къ чему л.
असौन्दर्य असौन्दर्या, ср. (-र्या), безобразіе.	अस्वत्ता अस्वत्ता, ж., т. ж. ч. асавता.
असौष्टव असौष्टाва, ср. (-ла), 1) отвратительность, безобразіе; 2) отсутствіе достоинствъ.	अस्वच्छ असौच्छа, 3 р. (-чāh, -чā, -чам), непрозрачный, не очень ясный, темный.
असौजन असौजана, ср. (-нам), 1) неуваженіе, презрѣніе, пренебреженіе; 2) избѣганіе; 3) невниманіе, непослушаніе.	अस्वच्छन्द असौच्छанда (сва+चंद), 3 р. (-ндаh, -нда, -ндам), 1) не зависящій отъ самого себя, зависимый; 2) перемчивый, послушный.
असौख्य असौख्या, ж., 1) избѣганіе, неисполнительность, несоблюденіе известнѣхъ требованій или правъ; 2) пренебреженіе, презрѣніе; 3) непослушаніе.	अस्वदु असौदु, 3 р. (-дуh, -ду, -дум), безкусный, неприятный.
असौचित्य असौचित्या, 3 р. (-तāh, -तā, -там), 1) оставенный безъ вниманія, пренебреженный, неисполненный, — кого не послушались; 2) отъ чего отмыкли, что перестали употреблять, отъ чего воздерживаются.	अस्वद्व्याय असौद्व्या, ж. (-द्या), 1) брагманъ не изучающій ведъ до своего посвященія; 2) промежутокъ въ изученіи ведъ, определяемый законами въ известныя дни.
असौच्य असौच्या, 3 р. (-च्या, -чā, -чам), 1) на что не должно обращать вниманія, — чему не должно служить; 2) что не должно дѣлать, или чего не должно употреблять.	अस्वानिविक्रय असौवानिक्रा (асौваин), ж. (-क्रā), продажа безъ правъ собственности, чужаго, — безъ хозяина.
असौय असौया, 3 р. (-свай, -сā, -свам), не принадлежащій кому л., несвой, несобственный.	अस्वानिक असौवानика (сौваин), 3 р. (-каh, -ка, -кам), не имѣющій хозяина.
1. अस्वभाव असौभाव, м. (-भाव), не свой или неестественный характеръ, ненатуральное расположеніе.	अस्वानिन असौवाин, 3 р. (-мин, -мин, -мин), 1) не хозяинъ чему л., не имѣющій никакихъ правъ на обладаніе чѣмъ л.; 2) не имѣющій хозяина.
2. अस्वभाव असौभाव, 3 р. (-свай, -сā, -свам), не съ собственными качествами, съ чужимъ характеромъ или свойствами, — различнаго характера.	अस्वार्थ असौार्था (сва+ार्था), 3 р. (-рthā, -рthā, -рthām), 1) не свой собственный; 2) недостающій, недействительный; 3) имѣющій иное значеніе.
अस्वभाति असौभाति, 3 р. (-тиh, -тиh, -ти), 1) принадлежащій къ другой кастѣ; 2) иного происхожденія, рода, иной породы.	अस्वार्थ्य असौार्थ्या, ср. (-рthā), дурное расположеніе, дурное здоровье, — отсутствіе улобствъ, бѣдность.
अस्वक्र अсва-क्र, 3 р. (-क्रā, -क्रā, -кram), принадлежащій иному, несвой.	अस्वकार असौकार, м. (-कार), не согласіе на предложеніе.
अस्वद्वय असौद्वया (асвава), 3 р. (-द्या, -द्या, -дыам), чужой, принадлежащій другому, несвой.	अस्वकृत असौकर्ता, 3 р. (-ताh, -ता, -там), на что не согласился, необѣщанный, отказанный.
1. अस्वत् असौवта, (-सु+अन्ता), 3 р. (-त्ताh, -न्ता, -न्ताम), 1) оканчивающійся хорошо, ведущій къ дурной развязкѣ; 2) (सु+अन्ता), приближающійся къ кончинѣ.	असि असि (Lat. ensis), м. (-सिh), мечъ, <i>Срав. ост-рымъ (Гильф.)</i> .
2. अस्वत् असौवта, м. (-न्ताh), т. ж. ч. асманта.	असिगाण्ड असिगанд, м. (-ण्दाh), небольшая подушка.
अस्वत्त असौवत्ता, м. (-न्ताh), <i>собств.</i> , незасыпающій, — божество.	असिहति असि-हति, м. (-तिh), вооруженный мечемъ.
अस्वत्त असौवत्ता, 3 р. (-раh, -рā, -рам), съ дурнымъ или грубымъ голосомъ.	असिदन्त असि-данта, м. (-न्ताh), крокодилъ.
अस्वत्त असौवत्ता, 3 р. (-рjāh, -рjā, -рjām), не ведущій къ небу.	असिद असौदि, 3 р. (-दाh, -दा, -дам), 1) незрѣмый; 2) несовершенный, неполный; 3) несовершенный, несополненный; 4) недоказанный.
अस्वत्त असौवत्ता, 3 р. (-наh, -на, -нам), существенно отличающійся, неравный.	असिदि असौदि, ж. (-दिh); 1) неудача, — несовершенство или неполнота какого л. дѣла; 2) недостатокъ доказательствъ.
अस्वत्त असौवत्ता, 3 р. (-сrjāh, -сrjā, -сrjām), 1) нездоровый, нерасположенный; 2) несчастный, дурной.	असिभाव असौभाव, м. (-भाव), погрозившій оружіемъ.
अस्वत्त असौवत्ता, 3 р. (-нтраh, -нтра, -нтрам), 1) несамостоятельный, зависящій отъ самого себя; 2) перемчивый, попятливый, — послушный.	असिभावक असौभाव-का, м. (-काh), т. ж. ч. асидāва.
	असिभार असौभार, ж., лезвие меча.
	असिभु असौभу, ж. (-भुh), ножъ.
	असिभुका असौभु-का, ж., т. ж. ч. асидену.
	असिक असौка, ср. (-काम), промежутокъ между впадею глагола и подбородкомъ.
	असिक्रिया असौक्रिया (асикий), ж., служанка.

Rys. 4. Fragment słownika sanskryto-rosyjskiego Kajetana Kossowicza

Źródło: *Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности* 1854, т. 4. [Online:] <<http://feb-web.ru/feb/izvest/1856/01/561m241.htm>> (dostęp: 28.08.2016).

скаго и латинскаго перебодов, объяснений, критических примечаний, санскритскаго перевода и сравнительнаго глоссария (Petersburg 1861). Ostatnia pozycja zawierała glosariusze: rosyjski, łaciński i sanskrycki. Ostatnim znaczącym dziełem było wydanie *Inscriptiones Paleo-Persicae Achaemenidarum* (Petersburg 1872) – perskich inskrypcji klinowych z transkrypcją łacińską i komparatywnym glosarium. Kajetan Kossowicz za swoje zasługi został uhonorowany najwyższym odznaczeniem perskim – Orderem Lwa i Słońca.



Niemalży wkład do leksykografii wniósł jeden z najwybitniejszych polskich językoznawców teoretyków – Jan Ignacy Niecisław Baudouin de Courtenay (1845–1929) – indoeuropeista i sławista, prekursor strukturalizmu, założyciel tzw. kazańskiej szkoły lingwistycznej, znany jako twórca teorii fonemu, pionier gramatyki historycznej języka polskiego, autor licznych prac z zakresu gramatyki porównawczej języków słowiańskich i indoeuropejskich, wolnomyśliciel, profesor wielu uniwersytetów – Uniwersytetu Kazańskiego, Uniwersytetu Jurjewskiego (Dorpackiego), Uniwersytetu Petersburskiego, Uniwersytetu Jagiellońskiego oraz Uniwersytetu Warszawskiego. W latach 1919–1929 Baudouin de Courtenay kierował Katedrą Językoznawstwa Porównawczego Uniwersytetu Warszawskiego. Był członkiem Polskiej Akademii Umiejętności i członkiem korespondentem Petersburskiej Akademii Nauk. Pisał w językach: polskim, rosyjskim, czeskim, niemieckim, włoskim. Baudouin de Courtenay zasłynął jako obrońca polskiej kultury<sup>92</sup>, walczył o równorzędny status języka polskiego z rosyjskim. Za swoje przekonania wyrażone w broszurze *Национальный и территориальный признак в автономии* spędził trzy miesiące w carskim więzieniu. Należał do Koła Przyjaciół Niepodległości Polski założonego w Petersburgu. Był też zwolennikiem międzynarodowego esperanto<sup>93</sup>.

Pierwsze kroki na polu nauki Baudouin de Courtenay stawiał u boku Izmaïła Sreniewskiego, który zainteresował go dialektologią. De Courtenay zajmował się m.in. badaniem dialektów słowiańskich używanych przez Ślązaków, Kaszubów, Serbów, Słoweńców. Uczestniczył w licznych ekspedycjach naukowych na obszarach dzisiejszej Austrii i Włoch, prowadził m.in. eksperymentalne, terenowe badania fonologiczne, obserwując żywe języki i dialekty. Wiele prac poświęcił badaniom narzecza Rezzjan – słoweńskiego dialektu używanego we Friuli, regionie północnych Włoch. Jednym z najważniejszych opracowań tego zakresu był *Резьянский катихизис как приложение к „Опыту фонетики резьянских говоров”* (Warszawa–Petersburg 1875). Do katechizmu sławista dołączył niewielki słownik rezjańsko-rosyjsko-włoski, obejmujący ponad 1000 słów.

Znamienny jest udział Baudouina de Courtenaya w redakcji trzeciego wydania czterotomowego słownika Władimira Dala *Толковый словарь живого великорусского языка* (Petersburg–Moskwa), opublikowanego w latach 1903–1909. Owo dzieło określane było jako „Baudouinowski słownik Dala”. Do wydania tego Polak włączył wyrazy nienormatywne, a mianowicie kolokwialne i wulgarne, co zresztą spotkało się z wyraźną dezaprobatą ówczesnych recenzentów. Warto podkreślić, iż Władimir Dal (1801–1872) uważany za najwybitniejszego leksykografa rosyjskiego nie był naukowcem, lecz

<sup>92</sup> Ten wybitny uczoney miał jednak przeciwników. Kazimierz Nitsch, autor biogramu zamieszczonego w *Polskim słowniku biograficznym*, pisał: „Umiał głównie uogólniać, mniej zajmował się stroną słownikową, nie nadawał się do pracy zbieraczej, nie miał wielkiego zmysłu dla etymologii...”. „W Rosji dom jego był zawsze ośrodkiem polskości, w Polsce uchodził za jej wroga”. Zob. Nitsch K. *Baudouin de Courtenay Jan Niecisław*. [W:] *Polski słownik biograficzny*. T. 1, z. 2–5: *Andronicus Tranquillus Parthenius młodszy – Beynart Wojciech*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1935, s. 361.

<sup>93</sup> K. Wojan. *Języki sztuczne. Zapotrzebowanie społeczeństw czy fantazja jednostek? Zarys dziejów interlingwistyki*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015.

pełnym pasji amatorem, „kolekcjonerem słów”<sup>94</sup>. W swym słynnym słowniku zawarł pierwszy kompletny opis języka rosyjskiego. Pod terminem *żywy język* (ros. *живой язык*) Dal rozumiał zarówno gwargę, jak i potoczny środek komunikacji warstw wykształconych. Cechował go umiarkowany puryzm, co znalazło przejaw w tolerowaniu słów obcych, o ile nie miały one odpowiedników rodzimych, a zarazem opowiadaniu się przeciwko zbędnym zapożyczeniom.

Na koniec warto wspomnieć jeszcze o dokonaniach – niestety mało upamiętnionych w Polsce – Jego Ekscelencji Hana Hadży Seraji Szapszała (ros. Сергей Маркович (Мордехаевич) Шапшал, karaim. Seraja Ben Mordechaj Szapszał, 1873–1961), urodzonego pod Bakczysarajem karaimskiego duchownego, hachana Eupatorii i Trok (świeckiego i religijnego zwierzchnika wspólnot karaimskich Rzeczypospolitej), turkologa i karaimisty<sup>95</sup>. Kierunek jego późniejszych sukcesów wyznaczyły studia filologiczne w Petersburgu, lata spędzone w Persji (1901–1908)<sup>96</sup> i w Turcji (1921–1928), a także objęcie lektoratu języka tureckiego na Wydziale Języków Wschodnich Uniwersytetu Petersburskiego<sup>97</sup>. Najbardziej owocny naukowo był w jego biografii okres wileński, szczególnie w latach swobód intelektualnych i religijnych II Rzeczypospolitej<sup>98</sup>. Szapszał dążył do rozbudzenia zainteresowania kulturą Karaimów, inicjując w 1932 roku w Wilnie Towarzystwo Miłośników Historii i Literatury Karaimskiej. W międzywojennej Polsce Szapszał znalazł warunki sprzyjające prowadzeniu badań turkologicznych; otrzymał polskie obywatelstwo. Został członkiem Zarządu Polskiego Towarzystwa Orientalistycznego, współpracownikiem Komisji Orientalistycznej Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie. „Był znany ze swej pracy naukowej w najwyższych sferach naukowych, zwłaszcza orientalistów w Petersburgu i Persji. Rozwinął w Polsce, którą uważa za swą najdroższą drugą Ojczyznę, bardzo poważną działalność naukową” – pisał ongiś w liście rekomendacyjnym Marian Morelowski, profesor Uniwersytetu Wileńskiego<sup>99</sup>.

Hadży Seraja Szapszał w polskiej leksykografii zapisał się m.in. jako autor pierwszego w Polsce podręcznika do języka tureckiego – *Wypisy tureckie i słownik turecko-polski* (Wilno 1932). Druga jego praca *Próby literatury ludowej Turków z Azerbajdżanu perskiego (wstęp, teksty, tłumaczenie i azerbajdżańsko-polsko-niemiecki słownik)* ukazała się w 1935 roku w Krakowie i do dziś nie straciła swej wartości<sup>100</sup>. Wraz z radzieckimi i polskimi orientalistami światowej sławy – turkologiem Mikołajem Baszakowem (1905–1995) i reprezentującym Polską Akademię Nauk prof. Ananiaszem

<sup>94</sup> E. Siatkowska. *Slawizmy u Lindego, Jungmanna i Pfula w ujęciu porównawczym*. „Bohemistyka” 2008, nr 1–4, s. 162.

<sup>95</sup> M. Pawelec. *Seraja Szapszał i jego wkład w polską orientalistykę*. „Awazymyz” 2012, nr 1 (34), s. 4–8. [Online:] <<http://www.awazymyz.karaimi.org/dzialy/item/22-seraja-szapszal-i-jego-wklad-w-polska-orientalistyke>> (dostęp: 28.08.2016).

<sup>96</sup> Profesor Szapszał był wychowawcą następcy tronu perskiego (Zob. *Karaimi polscy...*).

<sup>97</sup> Tamże.

<sup>98</sup> Tamże.

<sup>99</sup> R. Jadczyk. *Z prac I Wydziału Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie*. „Przegląd Humanistyczny” 1999, z. 6, s. 162.

<sup>100</sup> H. Kobeckaitė. *Karaimistyka jako nieodłączny element turkologii w Wilnie*. „Almanach Karaimski” 2014, nr 3, s. 70.

Zajączkowskim (1903–1970) – a także młodszymi kolegami – Włodzimierzem Zajączkowskim (1914–1982) i Aleksandrem Dubińskim (1924–2002) – Szpasał wziął udział w opracowaniu fundamentalnego akademickiego *Słownika karaimsko-rosyjsko-polskiego* (*Караимско-русско-польский словарь*), obliczonego na 17 400 słów, który ujrzał światło dzienne dopiero w 1974 roku, trzynaste lat po jego śmierci. Jak ocenia Halina Kobeckaitė<sup>101</sup>, „Słownik ten do dnia dzisiejszego jest jedyną wiarygodną współczesną edycją materiału leksykalnego, niezbędnym źródłem dla wszystkich, którzy w jakikolwiek sposób zajmują się językiem karaimskim”. W pracy tej, utrwalającej język, który wciąż nie jest dostatecznie opisany, zaprezentowano leksykę karaimską głównych dialektów: krymskiego, trocko-wileńskiego i łucko-halickiego. W słowniku zastosowano transkrypcję łacińską dla wyrazów karaimskich. Hasła zostały bogato zilustrowane przykładami użycia w języku. Pracę wzbogacono spisami nazw geograficznych, wykazami nazwisk karaimskich, karaimskim kalendarzem, a także przykładowymi tekstami karaimskojęzycznymi.

Istnieje wiele pisanych dowodów, iż to właśnie uczeni z Polski swoją działalnością, pełną naukowej pasji i nieskrywanej rewerencji wobec przedmiotu badań działalnością rozbudzili zainteresowanie wielu europejskich, a także światowych językoznawców kulturą, historią oraz językami mieszkańców odległych regionów, takimi jak np. języki orientalne czy ginące języki (narzeczca) paleoazjatyckie. Polscy badacze dla wielu wybitnych lingwistów byli mistrzami i wychowawcami, tworzyli niejednokrotnie własne szkoły metodologiczne, pozostawiając po sobie trwałe ślady w postaci wartościowych częstokroć unikatowych dzieł naukowych, m.in. opracowań słownikarskich, i przyczyniając się do integracji światowego językoznawstwa<sup>102</sup>.

## Bibliografia

- Armon W. *Polscy badacze kultury Jakutów*, Monografie z dziejów nauki i techniki, 112. Polska Akademia Nauk. Instytut Historii Nauki, Oświaty i Techniki. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1977.
- Arvaniti J. *Edward Piekarski (1858–1934)*. [W:] *Polscy badacze Syberii*. Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 2008, s. 47–49.
- Arvaniti J. *Bronisław Piotr Ginet-Piłsudski (1866–1918)*. [W:] *Polscy badacze Syberii*. Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 2008, s. 50–52.
- Arvaniti J. *Adam Szymański pseudonim Adam Lach (1852–1916)*. [W:] *Polscy badacze Syberii*. Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 2008, s. 40–41.
- Arvaniti J. *Bronisław Piotr Ginet-Piłsudski (1866–1918)*. [W:] *Polscy badacze Syberii*. Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 2008, s. 50–52.
- Arvaniti J., Pietrzakiewicz D. *Polscy badacze Syberii*. [W:] *Polscy badacze Syberii*. Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 2008, s. 7.
- Bańcerowski J. *Zapisy fonograficzne Ajnów*. „Bulletin Phonographique” 1964, nr 6, s. 91–96.
- Baudouin de Courtenay J. *Nekrolog ks. A. Juszkiewicza*. „Nowiny” 1880 (Dodatek nr 329), s. 2–4.
- Bazyłow L. *Polacy w Petersburgu*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984.
- Czekanowski A. *Словарь наречия конфирских тунгусов*. Санкт-Петербург, 1878.

<sup>101</sup> Tamże, s. 75.

<sup>102</sup> Por. K. Wojan. *Osiągnięcia leksykografów polskich na obczyźnie...*, s. 80–81.

- Irish B.A. *Hokkaido. A History of Ethnic Transition and Development on Japan's Northern Island*. Jefferson (North Carolina) – London: McFarland & Comp., 2009.
- Jaba A. de. *Recueil de notices et récits kurdes servant à la connaissance de la langue, de la littérature et des tribus du Kurdistan, réunis et traduits en français par M. Alexandre Jaba consul de Russie à Erzeroum*. Saint-Petersbourg: Commissionnaire de l'Académie impériale des sciences, 1860.
- Jaba A. de. *Dictionnaire kurde-français*. Saint-Petersbourg: Commissionnaire de l'Académie impériale des sciences, 1879.
- Jadczak R. *Z prac I Wydziału Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie*. „Przegląd Humanistyczny” 1999, z. 6, s. 156–157.
- Karaimi polscy... [W:] *Muzeum Lwowa i Kresów Południowo-Wschodnich w Kuklówce Radziejowickiej*. 26.05.2015, godz. 19:05. [Online:] <<http://www.muzeumlwowa.pl/karaimi-polscy>> (dostęp: 28.08.2016).
- Kietlicz-Wojnacki W. *Polskie osiągnięcia naukowe na obczyźnie. Od średniowiecza do II wojny światowej*. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1980.
- Kobeckaitė H. *Karaimistyka jako nieodłączny element turkologii w Wilnie*. „Almanach Karaimski” 2014, nr 3, s. 65–78.
- Konończuk W. *Wyspa Jakuck*. „Nowa Europa Wschodnia” 2013, nr 6. [Online:] <<http://www.new.org.pl/1490.post.html>> (dostęp: 18.08.2016).
- Kossowicz Cajetanus. *Inscriptiones Paleo-Persicae Achaemenidarum quot hucusque repertae sunt ad apographa viatorum criticasque Chr. Lassenii, Th. Benfeyi, J. Oppertii nec non Fr. Spiegelii editiones achetyporum typis primus edidit et explicavit commentarioscriticos adjecit glossariumque comparativum Paleo-Persicum subjunxit Cajetanus Kossowicz. Ex cusum in typographeo Wladimiri Golowin. Petropoli: Caesareae universitatis impensa, 1872*.
- Kotwicz Wł. *Józef Kowalewski, orientalista (1801–1878)*. Ze wstępem M. Lewickiego, bibliografią oprac. przez M. Kotwiczównę, oraz niewydaną korespondencją Kowalewskiego, Wrocław: nakładem Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, 1948.
- Kowalewski J. Sz. *Przejazd z Mongolii do Chin*. „Tygodnik Petersburgski. Gazeta urzędowa Królestwa Polskiego” 1835, t. 6. St. Petersburg: w drukarni wojennej.
- Kowalewski J. Sz. *Монгольская хрестоматия*. Казань: Императорский Казанский Университет, 1836–1837.
- Kowalewski J. Sz. *Буддийская космология*. Казань: Университетская Типография, 1837.
- Kowalewski J. Sz. *Монгольско-руско-французский словарь, удостоенный С. Петербургской Академией Наук Премии Демидова*. Ч. 1–3 (= *Dictionnaire mongol-russe-français, dédié a sa majesté l'empereur de toutes les Russies*. Couronné par l'Académie Impériale des Sciences = *Монгол-орос-франц толь бичиг*). Сост. О. Ковалевскимъ, Казань: в Университетской Типографии, 1844–1849.
- Kowalewski J. Sz. *Dictionnaire mongol-russe-français*. T. 1–3. Peking, 1933.
- Krajewska H. *Benedykt Tadeusz Nałęcz Dybowski (1833–1930)*. [W:] *Polscy badacze Syberii*. Warszawa: Archiwum Polskiej Akademii Nauk, 2008, s. 28–29.
- Kuczyński A. *Wkład Polaków w badania nad ludami Syberii i ich kulturą*. „Lud” 1968, t. 51, cz. 2, s. 503–584. [Online:] <[http://cyfrowaetnografia.pl/Content/291/Strony%20od%20LUD1967\\_t51\\_cz2-7.pdf](http://cyfrowaetnografia.pl/Content/291/Strony%20od%20LUD1967_t51_cz2-7.pdf)> (dostęp: 18.08.2016).
- Kuczyński A. *Polskie opisanie świata – Azja*. „Świat Polonii”. Witryna Stowarzyszenia „Wspólnota Polska” 8.09.2011. [Online:] <[http://wspolnotapolska.home.pl/swp2/indexa132.html?id=pos\\_az](http://wspolnotapolska.home.pl/swp2/indexa132.html?id=pos_az)> (dostęp: 18.08.2016).
- Majewicz A.F. *Dzieje i legendy Ajnów. Indeks. Słownik*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1983.

- Majewicz A.F. *The ICRAP Project Concerning B. Piłsudski's Work on Peoples and Languages of Sakhalin and Lower Amur*. „Lingua Posnaniensis” 1985, nr 28, s. 109–115.
- Majewicz A.F., Majewicz E. *An Ainu-English Index-Dictionary to B. Piłsudski's for the Study of the Ainu Language and Folklore of 1912*. Seria Językoznawstwo. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1986.
- Majewicz A.F. *Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore*. Vol. 2. Coll. and transl. into Russian by B. Piłsudski. Transcr. and transl. from the manuscr. by A.M. Kabanov, pref. Provided with glosses and ed. by A.F. Majewicz. Working Papers, Adam Mickiewicz University Poznań, Poland. Institute of Linguistics, 39. Poznań: Adam Mickiewicz University, 1990.
- Majewicz A.F. *The Aborig[ini]nes of Sakhalin*. Pt. 2: *Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore, 1*. Dictionary-index by A.F. Majewicz, E. Majewicz. Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 2. Preprint Series. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, Stęszew, 1992.
- Majewicz A.F. *Bronisław Piłsudski's Sakhalin Nivhgu glossary*. Prep. for print and ed. by A.B. Ostrovskiy and A.F. Majewicz. Preprint Series. International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies. Stęszew, 2. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1992.
- Majewicz A.F. *Bronisław Piłsudski's Nanaian Glossary of 1905. Facsimile*. Publ. by A.F. Majewicz. Preprint Series. International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, Stęszew. Vol. 9. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1995.
- Majewicz A.F. *The Aborigines of Sakhalin*. Series Trends in Linguistics. Dokumentation, 15–2. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski*. Vol. 1. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1998.
- Majewicz A.F. *Materials for the Study of the Ainu Language and Folklore (Cracow 1912)*. Series Trends in Linguistics. Dokumentation, 15–2. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski*. Vol. 2. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1998.
- Majewicz A.F. *Materials for the Study of the Nanaian Language and Folklore. The Nanaian Dictionary*. Prep. by M.D. Simonov. Seria Bronisław Piłsudski. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski*. Ed. by A.F. Majewicz. Vol. 4. International Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies. Stęszew: International Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies, 2000.
- Majewicz A.F. *Materials for the study of the Orok (Uilta) language and folklore. The Orok (Uilta) dictionary*. Prep. by L.V. Ozoliņa. Ed. by A.F. Majewicz. Preprint Series. International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, Poland 21. The Collected works of Bronisław Piłsudski. Vol. 5. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 2001.
- Majewicz A.F. *Materials for the Study of the Ulcha (Mangun) language and folklore*. Ed. by A.F. Majewicz. The Ulcha (Mangun) dictionary and texts prepared by L.V. Ozoliņa. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski*. Vol. 4. International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies. Berlin–New York: de Gruyter Mouton, 2002.
- Majewicz A.F. *Ainu language and folklore materials 2*. Recnstruced, translated and edited by A.F. Majewicz with the assistance of E. Majewicz. The Collected Works of Bronisław Piłsudski. Vol. 3. Berlin–New York: de Gruyter Mouton, 2004.
- Majewicz A.F. *The Collecteed Works of Bronisław Piłsudski*. Vol. 4: *Materials for the Study of Tungusic Languages and Folklore*. International Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies Preprint 42/1–2. Stęszew, 2007 [limited ICRAP Project internal edition].
- Majewicz A.F. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski*. Vol. 4: *Materials for the Study of Tungusic Languages and Folklore*. Ed. by A.F. Majewicz, with the assistance of M.D. Simonov, L.V. Ozoliņa, T.B., E. Majewicz, T. Wicherkiewicz and W. Winter. International Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies Preprint 42/1–2. Proofread printing. Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies Preprint 2009. Ultimate edition appeared with Berlin–Boston: de Gruyter Mouton in 2011.

- Majewicz A.F. with the assistance of L.V. Ozoliņa et al. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski*. Vol. 4: *Materials for the Study of Tungusic Languages and Folklore*. Berlin–Boston: de Gruyter Mouton, 2011.
- Majewicz A.F. with E. Majewicz. *The Collected Works of Bronisław Piłsudski*. Vol. 4: *Materials for the Study of Tungusic Languages and Folklore*. *Indices*. Institute Ethnolinguistic and Oriental Studies. Preprint 46. Saitama, 2011.
- Majewicz A.F. *Przekraczać granice dyscyplin – 40 lat prac nad dziełami zebranymi Bronisława Piłsudskiego*. Referat wygłoszony podczas obrad plenarnych LXXIII Zjazdu Polskiego Towarzystwa w Kielcach w dn. 29.09.2015.
- Miłosz Cz., *Rodzenna Europa*, Warszawa: Czytelnik, 1998.
- Muchliński A. *Źródłownik wyrazów, które przeszły wprost czy pośrednio, do naszej mowy z języków wschodnich, tudzież mających zobopólną analogję co do brzmienia lub znaczenia z dołączeniem zbioru wyrazów, przeniesionych z Polski do języka tureckiego*. Petersburg: [s.n.], 1858.
- Nitsch K. *Baudouin de Courtenay Jan Niecisław*. [W:] *Polski słownik biograficzny*. T. 1, z. 2–5: *Andronicus Tranquillus Parthenius młodszy – Beynart Wojciech*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1935, s. 361.
- Ogonowska A. *Treść wstków fonograficznych Bronisława Piłsudskiego według odczytu specjalistów japońskich*. Monograph Series International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 3. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1993.
- Pawelec M. *Seraja Szapszal i jego wkład w polską orientalistykę*. „Awazymyz” 2012, nr 1 (34), s. 4–8. [Online:] <<http://www.awazymyz.karaimi.org/dzialy/item/22-seraja-szapszal-i-jego-wklad-w-polska-orientalistyke>> (dostęp: 28.08.2016).
- Pawłowiczowa M. *Hieronim Hilary Łabęcki – twórca polskiej książki naukowej z dziedziny górnictwa i hutnictwa*. Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego. „Studia Bibliologiczne”, 1993, t. 6, s. 98–112.
- Piedos Z. *O materiałach jakuckich Adama Szymańskiego w zbiorach Archiwum PAN w Warszawie*. „Przegląd Orientalistyczny” 1962, nr 2.
- PiekarSKI E. *Przysłowia i przypowiadki jakuckie*. „Rocznik Orientalistyczny” 1925, t. 2. s. 190–203. [Online:] <<http://dspace.uni.lodz.pl:8080/xmlui/bitstream/handle/11089/4857/2.200-213.pdf?sequence=1&isAllowed=y>> (dostęp: 18.08.2016).
- Pekarskiy E. *Yakut Dili sözlüğü*. Cilt 1: (A–M). İstanbul: Ebüzziya m. TDK, 1945.
- Piłsudski B. *Отчёт Б.О. Пилсудскаго по командировке к айнам и орокам о. Сахалина*. „Известия Русскаго Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях” 1907, nr 7, s. 20–52.
- Piłsudski B. *Materiały do języka i folkloru Ajnów*. „Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akademii Umiejętności za rok 1911” nr 3 (16), s. 3–5.
- Piłsudski B. *Materials for the study of the Ainu language and folklore*. Collected and prep. for publ. by Bronisław Piłsudski. Ed. under the supervision of J. Rozwadowski. Cracow: Imperial Academy of Sciences, 1912.
- Piłsudski B. *Materials for the study of the Orok (Uilta) language and folklore*. 1: *Фонетические и грамматические замечания к языку Ороков, орокские тексты*. Transcribed from the manuscript and ed. by A.F. Majewicz. Working Papers. Adam Mickiewicz University Poznań, Poland. Institute of Linguistics 16. Poznań: Adam Mickiewicz University, 1985.
- Piłsudski B. *Materials for the study of the Orok (Uilta) language and folklore*. 2: *Grammatical notes on Orok, Orok texts, Orok-Polish dictionary*. Transcribed from the manuscripts by E. Majewicz. Provided with English transl. and equivalents by E. and A.F. Majewicz. Introd. by Wł. Kotwicz. Prefaced and ed. by A.F. Majewicz. Working Papers. Adam Mickiewicz University Poznań, Poland. Institute of Linguistics, 17. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 1987.

- Piłsudski B. *Bronisław Piłsudski's Sakhalin Nivghu glossary*. Preprint. Prepared for print and edited by A.B. Ostrovskiy and A. Majewicz. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1992.
- Piłsudski B. *Materials for the study of the Nivghu (Gilyak) language and folklore (manuscript facsimile)*. Pref. by Koichi Inoue and A.F. Majewicz. Preprint – International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 12. Sapporo – Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1996.
- Piłsudski B. *Materials for the study of the Nivghu (Gilyak) language and folklore (manuscript facsimile)*. 2. Pref. by A.F. Majewicz. Preprint – International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies 12a. Stęszew: International Institute of Ethnolinguistic and Oriental Studies, 1999.
- Pobożniak T. *Recepcja „Mriczczhakatiki” w Europie*. [W:] *Wasantasena. Teatr im. Juliusza Słowackiego w Krakowie, sezon 1972/1973*. Kraków, 1973, s. 4–7.
- Polańska O. *Spuścizna naukowa mongolisty Józefa Kowalewskiego (1801–1878) w archiwach Rosji*. „Zesłaniec” 2011, nr 49, s. 31–36.
- Poniatowski S. *Materials to the Vocabulary of the Amur River Gold (= Materjały do słownika Goldów nadamurskich)*. Bibliotheca Universitatis Liberae Polonae. A, fasc. 10. Varsaviae: Universitatis Liberae Polonae (Warszawa: Jan Cotty), 1923.
- Radliński I. *Słownik narzecza Ainów, zamieszkujących wyspę Szumszu w łańcuchu Kurylskim przy Kamczatce. Ze zbiorów Prof. B. Dybowskiego*. Seria Słowniki narzeczy ludów kamczackich, 1. Kraków: nakł. Akademii Umiejętności, 1891.
- Radliński I. *Dictionnaire du dialecte des Aïnos, habitant l'île Choumchou, dans l'archipel des Kouriles pres du Kamtchatka: réd. d'après les collections de B. Dybowski = Słownik narzecza Ainów zamieszkujących wyspę Szumszu*. „Bulletin de l'Académie des Sciences de Cracovie”, Cracovie: [s.n.], 1891, s. [1], 232–243.
- Radliński I. *Słownik narzecza Kamczadałów, zamieszkałych nad rzeką Kamczatką*. Seria Słowniki narzeczy ludów kamczackich. Ignacy Radliński, 2. Ze zbiorów Prof. B. Dybowskiego. Kraków: nakł. Akademii Umiejętności, 1891.
- Radliński I. *Słownik narzecza Kamczadałów południowych*. Seria Słowniki narzeczy ludów kamczackich. Ignacy Radliński, 3. Ze zbiorów Prof. B. Dybowskiego. Kraków: nakł. Akademii Umiejętności, 1892.
- Radliński I. *Słownik narzecza Kamczadałów zachodnich*. Seria Słowniki narzeczy ludów kamczackich. Ignacy Radliński, 4. Ze zbiorów Prof. B. Dybowskiego. Kraków: nakł. Akademii Umiejętności, 1892.
- Radliński I. *Słownik narzecza Ajnów, zamieszkujących wyspę Szumszu w łańcuchu Kurylskim przy Kamczatce, ze zbiorów prof. B. Dybowskiego opracowany przez Ign[acego] Radlińskiego*. „Rozprawy Akademii Umiejętności”, seria 2, t. L, Kraków, 1892.
- Radliński I. *Słownik narzecza Koryaków wschodnich*. Ze zbiorów B. Dybowskiego wyd. Ignacy Radliński. Seria Słowniki narzeczy ludów kamczackich, 5. Kraków: Akademia Umiejętności, 1894.
- Radliński I. *Словарь ительменского языка. Из собраний Бенедикта Дыбовского (= Słownik języka Kamczadałów)*. Обраб. И. Радлинским. Рус. текст Тьян Заочной. Ред. К. Фелешко. Warszawa: Energeia, 1998.
- Reychman J.A.W. *Kajetan Kossowicz, zapomniany hellenista i językoznawca polski XIX wieku*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1963.
- Rowiński J., Szczudlik J. *Z historii kontaktów polsko-chińskich (do 1945 roku)*. „Azja-Pacyfik” 2005, nr 8, s. 9–42.
- Schiefner F.A. *Alexander Czekanowski's Tungusisches Worterverzeichniss*. „Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg” 1878, t. XXIV, s. 89–146.

- Siatkowska E. *Slawizmy u Lindego, Jungmanna i Pfula w ujęciu porównawczym*. „Bohemistyka” 2008, nr 1–4, s. 159–182.
- Sieroszewski W. *Bronisław Piłsudski*. „Rocznik Podhalański” 1921, nr 1, s. III–XXX.
- Stachowski M. *Ein handschriftliches vergleichendes Wörterbuch des Jakutischen von Adam Szymanski*. „Türk Dilleri Araştırmaları” 1994, nr 4, s. 67–74.
- Starczewski A. *Galerie slave composée des portraits des personnages les plus célèbres des pays Slaves. Tirés de la grande collection de I. Krasicki [...] avec des notices biographiques [...]*. Par A.S. Berlin: B. Behr, ca 1842.
- Stępką M. *Losy „Króla Ajnów”*. „Nowy Dziennik” z dn. 4–5.12.1999, s. 10; 16. [Online:] <[http://www.pilsudski.org/archiwa/skan\\_powiekszenie.php?nrar=701&fondpath=701-001&folderpath=701-001-146&pic=701-001-146-011.jpg&title=%20Strona%2011](http://www.pilsudski.org/archiwa/skan_powiekszenie.php?nrar=701&fondpath=701-001&folderpath=701-001-146&pic=701-001-146-011.jpg&title=%20Strona%2011)> (dostęp: 26.08.2016).
- Szapszał H.S. *Wypisy tureckie i słownik turecko-polski*. Opracowane dla użytku słuchaczy Wyższej Szkoły Instytutu. Wilno: [s.n.], 1932.
- Szapszał H.S. *Próby literatury ludowej Turków z Azerbajdżanu perskiego (wstęp, teksty, tłumaczenie i azerbajdżańsko-polsko-niemiecki słownik) = Proben der Volksliteratur der Türken aus dem persischen Azerbajdshan (Einleitung, Texte, Übersetzung, mit einem azerbajdshanisch-polnisch-deutschen Glossar)*. Prace Komisji Orientalistycznej Polskiej Akademii Umiejętności, 18, Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1935.
- Szlachtycz S. *Piłsudski B., Majewicz A. czyli Ajnowie a sprawa polska*. [Film biograficzny]. Scenariusz, realizacja, komentarz S. Szlachtycz. Prod. Telewizja Polska, Szczecin 1999.
- Szymański A. *Ziemia jakucka i jej mieszkańcy*. 1878–? [rękopis; Archiwum PAN w Warszawie].
- Szymański A. *Słownik porównawczy jakucki*. Z. 1–2. 1895–1899 [rękopis; Biblioteka Jagiellońska, sygn. 134/55].
- Szymański A. *Словарь. Материалы о Якутском крае*. [W:] *Словарь и различные материалы*. Z. 1–2. Petersburg 1898 [rękopis; Archiwum PAN w Warszawie].
- Szymański A. *Słownik porównawczy jakucki*. Z. 1–2. 1900–1901 [rękopis; Biblioteka Jagiellońska, sygn. 135/55].
- Szymański A. *O pochodzeniu i znaczeniu nazwy Tunguz*. 1891 [rękopis; Biblioteka Jagiellońska, sygn. 136/55].
- Wojan K. *Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006.
- Wojan K. *Osiągnięcia leksykografów polskich na obczyźnie od wieku XVI do roku 1959*. [W:] *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. T. 3. Red. Alicja Pstyga. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, s. 73–81.
- Wojan K. *Języki sztuczne. Zapotrzebowanie społeczeństw czy fantazja jednostek? Zarys dziejów interlingwistyki*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015.
- Wojan K. *Z dziejów leksykografii polsko-rosyjskiej. Słowniki lingwistyczne (bibliografia za lata 1700–2015)*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2016.
- Żaba Kościeszka August. *Zbiór uwag i opowieści kurdyjskich, dzięki którym można poznać język, literaturę i plemiona Kurdystanu, zebranych i przetłumaczonych na język francuski przez Augusta Kościeszka-Żabę, konsula rosyjskiego w Erzurum, przy współpracy Meli Mahmuda Bajazidiego. Sankt-Petersburg, 1860*. Tłum. na podstawie tekstu francuskiego. Oprac. naukowe A. Kościeszka-Żaba, J. Bocheńska, M. Rzepka. Przedmowa do wydania polskiego J. Bocheńska. Przedm. do wyd. ros. z 1860 roku P. Lerch. „Fritillaria Kurdica. Bulletin of Kurdish Studies” 9.06.2015. Kraków: Institute of Oriental Studies, Jagiellonian University National Science Centre. [Online:] <[http://www.kurdishstudies.pl/files/Fritillaria\\_Kurdica\\_2015\\_09\[2\].pdf](http://www.kurdishstudies.pl/files/Fritillaria_Kurdica_2015_09[2].pdf)> (dostęp: 20.08.2016).



- Андреев В. Чернов Ю. *Сибирский след Александра Чекановского*. „Восточно-Сибирская правда” 2003, № 24432, z dn. 6.03.2003. [Online:] <[http://www.vsp.ru/social/2003/03/06/450215?call\\_context=embed](http://www.vsp.ru/social/2003/03/06/450215?call_context=embed)> (dostęp: 18.08.2016).
- Андросов Е.Д. *Олонхосуты и певцы Таатты*. Ч. 1. Якутск. Центр культуры и искусства им. А. Кулаковского Министерства культуры Республики Саха (Якутия). Якутск: Ситим, 1993. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Фонд 13. И.А. Гошкевич.
- Андросов Е.Д. *Олонхосуты и певцы Таатты*. Ч. 1. Якутск. Центр культуры и искусства им. А. Кулаковского Министерства культуры Республики Саха (Якутия). Якутск: Ситим, 1993.
- Бодуэн де-Куртенэ. *Резьянский катихизис как приложение к „Опыту фонетики резьянских говоров”*. С примечаниями и словарем издал И. Бодуэн де-Куртенэ. Варшава: Венде – Петербург: Кожанчиков, 1875.
- Булич С.К. *Коссович Казтан Андреевич*. [W:] *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. 16 (31): *Конкорд–Коялович*, 1895, s. 385–386. [Online:] <<http://dlib.rsl.ru/viewer/01003924229?#page=399>> (dostęp: 26.08.2016).
- Валеев Р.М. (ред.). *Монголовед О.М. Ковалевский. Биография и наследие (1801–1878)*. Казань: Алма-Лит, 2004.
- Гошкевич И.А. *Японско-русский словарь*. Сост. И. Гошкевичем при пособии японца Тацибано Коосай. Санкт-Петербург, 1857.
- Гошкевич И.А. *О корнях японского языка*. Вильно: Издатель Завадский, 1899.
- Гошкевич И.А. Архив. Санкт-Петербургский Филиал Института Востоковедения Института восточных рукописей Российской Академии Наук, фонд 13.
- Гошкевич И.А. *Русско-японский словарь А–Я*, [s.l.]: [s.n.], [s.a.], [rękopis].
- Гошкевич И.А. *Словарь, заключающий в себя 1650 русско-японских слов от А до Я*, [s.l.]: [s.n.], [s.a.], [rękopis].
- Гошкевич И.А. *Материал для составления китайско-русского словаря, выдержанного в ключевой системе иероглифики*, [s.l.]: [s.n.], [s.a.], [rękopis].
- Гошкевич И.А. *Русско-китайский словарь А–Я*, [s.l.]: [s.n.], [s.a.], [rękopis].
- Гошкевич И.А. *Французско-китайский фразеологический словарь А–М*, т. 1–2, [rękopis].
- Гошкевич И.А. *Маньчжурско-русский алфавитный словарь в 3-х томах*, [rękopis].
- Гошкевич И.А. *Маньчжурско-русский словарь*, [rękopis].
- Гошкевич И.А. *Русско-маньчжурский словарь от А до Я*, [rękopis].
- Даль В.И. *Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля*. Санкт-Петербург–Москва: Типография Товарищества М.О. Вольф, 1903–1909.
- Косарев В.Д. *Ајни-ниса itaku-čomen Bronislaw Pilsudski kari. Karaxtun itaki = Айнско-русский словарь по Брониславу Пилсудскому. Сахалинский диалект. Около 6000 слов и выражений*. Автор-составитель В.Д. Косарев. „Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее)” 2004, № 7, s. 207–436.
- Коссович И. *Греческо-русский словарь, для семи книг «Одиссеи» (А, Е, Z, I, К, Л, М)*. Издания г-на Ежевского, пересмотренный, пополненный и изданный старшим учителем 1-й Московской гимназии, магистром И. Коссовичем. Москва: Университетская типография, 1848.
- Коссович И.А. *Греческо-русский словарь*. Москва: Синодальная типография, 1858.
- Коссович К.А., Коссович А.И. *Греко-русский словарь*. Т. 1–2. Москва: изданный иждивением департамента Народного Просвещения, 1848.
- Коссович К.А. *Несколько слов о Санскрито-Русском Словаре*. „Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности” 1854, т. 3, s. 207–224.
- Коссович К.А. *Санскрито-русский словарь*. Санкт-Петербург, 1854.

- Коссович К.А. *Санскрито-русский словарь*. Z. 1–3. [W:] *Прибавления к «Известиям Императорской Академии Наук»*. Санкт-Петербург, 1854–1856.
- Коссович К.А. *Легенда об охотнике и паре голубей. Извлечение из Маһа'бараты, с присовокуплением русской транскрипции, латинского перевода и санскрито-русского глоссария*. Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1859.
- Коссович К.А. *Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции, русского и латинского переводов, объяснений, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария*. Труды восточного отделения Императорского археологического общества. Т. 8. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1861.
- Коссович К.А. *Еврейская хрестоматия, с ссылками на грамматику Гезениуса и глоссарием еврейско-русским*. Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1875.
- Кузнецов А.П. *Вклад И.А. Гошкиевича в становление русско-японских отношений в XIX веке*. Санкт-Петербургский государственный университет. Восточный факультет. Кафедра истории стран Дальнего Востока. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007.
- Озолина Л.В. *Орокско-русский словарь*. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2001.
- Островский А.Б., Маевич А.Ф. *Словарь сахалинских нивхов Бронислава Пилсудского*. „Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее)”. Вып. 11. Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство, 2007.
- Педос З. *О якутских материалах Адама Шиманского в собраниях Арвива ПАН и Варшаве*. Перевод А. Барковски, В.В. Петрушкина. Койданова: Амма – Якутск: Частное издательское товарищество Згода, 1997.
- Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Сост. при ближайшем участии прот. Д.Д. Попова и В.М. Ионова. Вып. 1. Издан из средств И.М. Сибирякова. Якутск: Якутская Областная Типография, 1899.
- Пекарский Э.К. *Краткий русско-якутский словарь*, изданный на средства Якутского областного статистического комитета. Якутск, 1905.
- Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*, составленный Э.К. Пекарским, при ближайшем участии прот. Д.Д. Попова и В.М. Ионова. В 13 вып. Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград: Типография Императорской Академии наук – Академии наук СССР, 1907–1930.
- Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. 1. Вып. 1–4. Изд. 2-е. Москва: Академия наук СССР, 1958.
- Пилсудский Б. *Словарь сахалинских нивхов*. „Известия Института наследия Бронислава Пилсудского (при Сахалинском музее)”. Вып. 11. Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство, 2007. [Online:] <<http://panda.bg.univ.gda.pl/ICRAP/ru/pilsudski-11-1.html>> (dostęp: 26.08.2016).
- Проخورов А.А. *Казтан Андреевич Коссович (1814–1883) – первый санскритолог белорусских земель, [w:] Великое культурное наследие Индии и Беларуси. К 75-летию Пакта Рериха (Материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 17 сентября 2010 г.)*. Минск: Право и экономика, 2011, s. 13–28. [Online:] <[http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/93078/1/Prokhorov\\_Kosovich.pdf](http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/93078/1/Prokhorov_Kosovich.pdf)> (dostęp: 28.08.2016).
- Рогозинников И.К. *К биографии К.А. Коссовича*. „Исторический вестник” 1888, t. 31, № 2, s. 516–518.
- Старчевский А.В. *Сказания иностранных писателей XVI века о России*. Санкт-Петербург, 1841.
- Старчевский А.В. *Литература русской истории с Нестора до Карамзина*. „Финский Вестник”. Санкт-Петербург, 1845.

- Старчевский А.В. *Справочный энциклопедический словарь*. Т. 1–12. Санкт-Петербург: Типография К. Крайя, 1848.
- Старчевский А.В. *Спутник русского человека в Средней Азии, заключающий в себе словари (написанные русскими буквами) языков: I. Тюркского (джарагайского или узбекского) с особенностями наречий: кашгарского-хивинского и туркменского. II. Киргизского (казакского). III. Татарского (казанского и оренбургского). IV. Сартского (городского, узбекского, преимущественно технического) и V. Таджикского (бухарского) с грамматическими очерками составил А. Старчевский*. Санкт-Петербург: Типография и хромолитография Траншеля, 1878.
- Старчевский А.В. *Русский Меццофант. Руководство как научиться говорить на иностранном языке в две – три недели. Составленное для французского, немецкого и английского*. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1886.
- Старчевский А.В. *Карманный стоязычный словарь. Первый опыт применения лингвистики к общественным нуждам, посредством общедоступного и наглядного ознакомления русских людей*. Санкт-Петербург: Типо-литография А. Пожаровой, 1887.
- Старчевский А.В. *Кавказский толмач. Переводчикъ съ русскаго на главнейшия кавказскіе языки. Заключающий в себе 27 языков: абхазский, аварский, андийский, армянский, грузинский, дарго, джарский, дидойский, ингушский, кабардинский, кубечинский, кумыцкий, лазский, лакский (казикумыцкий), лезгинский (кюринский), мингрельский, ногайский, осетинский (тагурский), осетинский (дигорский), сванетский, талышинский, татарский-кавказский, тушетский, удинский, хирканский (хюркилинский), черкесский и чеченский: (по каждому языку до 2400 слов, до 300 фраз и грамматический очерк языка)*. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1891.
- Старчевский А.В. *Сибирскій переводчикъ по линіи строящейся сибирской и уссурійской желъзныхъ дорогъ и по встѣмъ нароходнымъ сибирскимъ рѣкамъ*. Санкт-Петербург: Типография А. Пожаровой, 1893.
- Старчевский А.В. *Словарь древняго славянскаго языка, составленный по Остромирову Евангелию, Ф. Миклошичу, А.Х. Востокову, Я.И. Беренникову и И.С. Кочетову*. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, 1899.
- Тихвинский В.И. *Вводные замечания к словарю К.А. Коссовича*. [Online:] <<http://tvitaly1.narod.ru/SSlovari.html>> (dostęp: 26.08.2016).
- Штернберг С.А. *Нивхско-русский словарь, составленный С.А. Штернберг на основе словарной картотеки Л.Я. Штернберга [гѣкопис], СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 35, ss. 331.*

GLOTTODYDAKYKA  
ЛИНГВОДИДАКТИКА  
LANGUAGE EDUCATION



ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ  
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА  
ИНОЯЗЫЧНОМУ КОММУНИКАТИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

DOROTA DZIEWANOWSKA

Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie  
Wydział Filologiczny  
Instytut Neofilologii  
Katedra Dydaktyki Języka Rosyjskiego  
ul. Studencka 5, 31-116 Kraków, Polska  
e-mail: ddziewanowska@o2.pl  
(nadesłano 29.08.2016; zaakceptowano 18.09.2016)

**Abstract**

**Teaching foreign language communicative behaviour  
to philology department students**

In the last years, the interest in intercultural communication process and ways of obtaining the effectivity of communication has considerably increased. Thus, in the foreign language teaching, the problem of necessity of teaching foreign language behaviour has become up-to-date. Differences in the norms and traditions of different nations, especially in the conditions of direct intercultural communication, are often the reason of communication shock and cultural shock which influence negatively the process of communication. For that reason, the forming of speech should be accomplished simultaneously with teaching foreign language communicative behaviour. Deepening the knowledge about the country and mentality of the nation of the taught language secures forming a tolerant attitude towards a different way of life.

## Key words

Intercultural communication, communicative behaviour, direct intercultural communication, cultural shock, tolerance, mentality, intercultural differences, language barrier, cultural barrier.

## Резюме

В последние годы чрезвычайно возрос интерес к процессу межкультурной коммуникации, а также к способам достижения эффективности общения. В связи с этим, при обучении иностранному языку актуальным стал вопрос о необходимости обучения иноязычному коммуникативному поведению. Расхождения в нормах и традициях разных народов, особенно в условиях непосредственной межкультурной коммуникации, нередко являются причиной коммуникативного шока, а также культурного шока, которые негативно сказываются на общении. Именно поэтому обучение речевым навыкам должно осуществляться наряду с обучением иноязычному коммуникативному поведению. Углубление знаний о стране и менталитете народа изучаемого языка обеспечивает выработку толерантного отношения к образу жизни иностранцев.

## Ключевые слова

Межкультурная коммуникация, коммуникативное поведение, непосредственная межкультурная коммуникация, коммуникативный шок, культурный шок, толерантность, менталитет, межкультурные различия, языковой барьер, культурный барьер.

Интерес к проблемам межкультурной коммуникации, а также к способам достижения эффективности общения представителей разных культур и общностей возник под влиянием глобализации и интеграции стран Европы. Межкультурная коммуникация охватывает самые разные сферы человеческой деятельности: международные отношения, преподавание, экономику глобализованного мира, торговлю, бытовое общение людей. В настоящей статье мы сосредоточимся на вопросах подготовки студентов-русистов к межкультурному общению.

Культура и коммуникация неразрывно связаны друг с другом. «Культура порождает коммуникацию и порождается ею. С одной стороны, культура обуславливает коммуникацию, с другой стороны, коммуникация продуцирует культуру»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. *Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. Учебное пособие*. Москва: Флинта: Наука, 2008, с. 3.

Усваивая иностранный язык, мы одновременно усваиваем чужую культуру. Поэтому, чтобы овладеть чужим языком, «необходимо осознавать, что носитель чужого языка является и носителем чужой культуры, надо научиться общаться с ним в формате его культуры, т.е. овладеть межкультурной коммуникацией»<sup>2</sup>. В книге Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство* дается следующее определение: «**Межкультурная коммуникация.** Этим термином называется адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам»<sup>3</sup>.

К структурным признакам, определяющим культуру и отличающим одну культуру от другой, чаще всего относят: «язык; мышление; национальный характер; восприятие окружающего мира, времени, пространства; невербальные способы общения; ценностные ориентации; нормы поведения, обычаи, социальные роли; социальные отношения; группировки»<sup>4</sup>. Л.С. Крючкова и Н.В. Мошинская отмечают, что, кроме указанных признаков, каждая культура включает и другие базовые признаки, т.е. все то, что общество думает и делает, что создается представителями этой культуры, например: философия, религия, искусство, музыка, литература, живопись, одежда, мебель, украшения, жилище и предметы повседневного обихода. Каждый человек формируется под влиянием той культуры, в которой он растет и формируется как языковая личность. Поэтому все близкие ему культурно-специфичные особенности являются для него понятными и привычными, но когда он вступает в коммуникацию с носителями другой культуры, то начинает осознавать, что существуют и другие способы языкового выражения мыслей, форм переживания, поведения, которые кажутся ему чужими, а иногда странными. Поэтому изучающий иностранный язык должен не только изучить язык; ему необходимо также изучить национальные ценности, понять основные особенности национального характера, особенности восприятия мира, познать картину мира представителей изучаемого языка<sup>5</sup>. По словам авторов книги *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Учебное пособие*, «картина мира, т.е. представление человека определённой культуры о мире и о своём месте в этом мире, которое кодируется языковыми средствами и выражается через систему концептов, которые существуют в любом языке»<sup>6</sup>. Концепт формируется на основе языка и является «основной единицей национального менталитета, ступенью культуры в сознании человека»<sup>7</sup>. Можно сказать, что национальная культура – это система

<sup>2</sup> Л.С. Крючкова, Н.В. Мошинская. *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Учебное пособие*. Москва: Флинта: Наука, 2011, с. 64.

<sup>3</sup> Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство*. Москва: Русский язык, 1990, с. 26.

<sup>4</sup> Л.С. Крючкова, Н.В. Мошинская. *Практическая методика обучения русскому языку...*, с. 54.

<sup>5</sup> См.: там же, с. 54–55.

<sup>6</sup> Там же, с. 55.

<sup>7</sup> Там же, с. 55.



концептов, которая передаётся из поколения в поколение. Такие концепты, как *семья, дом, вера, закон, счастье, труд* и др., существуют в каждой культуре, но у представителей разных языковых и культурных общностей они ассоциируются по-разному. Во многих культурах они не совпадают или совпадают частично. Итак, концепты могут выражаться безэквивалентными лексическими единицами, фразеологическими, афористическими средствами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками. Владение культурными концептами является одним из важнейших условий изучения иностранного языка, так как позволяет познать систему ценностей и мировоззрение представителей чужой культуры<sup>8</sup>. А.П. Садохин отмечает, что «наше общение с людьми, которые говорят на другом языке и используют другую систему вербального поведения, может легко привести к непониманию или к ошибочным суждениям, если мы будем думать, что их система вербального общения совпадает с нашей»<sup>9</sup>. По мнению этого учёного, коммуникативные барьеры нередко являются причиной возникновения разнообразных конфликтов. *Конфликт*, по словам Садохина, – «это любой тип противоборства или несовпадения интересов [...]». Конфликт имеет динамический характер и возникает в самом конце ряда событий, которые развиваются, исходя из имеющихся обстоятельств (положение вещей → возникновение проблемы → конфликт)<sup>10</sup>. Однако, с точки зрения межкультурной коммуникации, под понятием *конфликт* подразумевается нарушение коммуникации. Конечно, причины возникновения межкультурных конфликтов могут быть разными. Садохин считает, что в их основе могут лежать недостаточное знание языка, а в связи с этим непонимание партнера по коммуникации, ошибки атрибуции, незнание культурных особенностей или табу, культурные различия. Например, русской женщине нельзя вручать букет, состоящий из четного количества цветов, потому что четное количество цветов приносят только на кладбище. В данном случае могут выступить напряжения, нарушения коммуникации, а также может возникнуть конфликтная ситуация. Русская женщина может этот акт оценить как незнание особенностей русской культуры или воспринять это как акт неуважения или враждебного отношения<sup>11</sup>. Из этого следует, что основной причиной возникновения конфликтных ситуаций является непонимание чужой культуры.

Конфликт культур – вечный вопрос, волнующий человечество с незапамятных времен. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, это является прямым следствием того, что

Две национальные культуры никогда не совпадают полностью, – это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов. Совокупности совпадающих (интернациональных) и расходящихся (национальных) единиц для каждой пары сопоставляемых культур будут различными .

<sup>8</sup> См.: там же, с. 56.

<sup>9</sup> Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. *Основы межкультурной коммуникации*. Ред. А.П. Садохин. Москва: Юнити-Дана, 2003, с. 165.

<sup>10</sup> Там же, с. 212.

<sup>11</sup> См.: там же, с. 213.

Однако, как отмечают Верещагин и Костомаров,

усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком. В частности, иностранный школьник или студент, осваивая русский язык, получает реальную и высокоэффективную возможность приобщиться к русской национальной культуре и истории, к современной жизни русского народа [...].

Из этого следует, что конфликты, возникающие в процессе межкультурной коммуникации, кроме своих деструктивных сторон, могут иметь также свои положительные аспекты, так как изучение иностранного языка позволяет овладеть новым кодом как новым способом выражения мыслей и присущим его носителям образом жизни, обычаями, традициями, достижениями культуры. Благодаря этому изучающий иностранный язык может обогатить свой жизненный опыт новыми духовными ценностями.

Поскольку в межкультурном общении культурный барьер гораздо опаснее и неприятнее языкового, изучающие иностранный язык должны не просто понимать конкретное слово или языковое выражение, им необходимо осмыслить, что хочет выразить партнёр по коммуникации в данной коммуникативной ситуации.

В свете сказанного выше напрашивается вывод о том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. И именно это, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, должно стать главной и актуальной задачей обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур<sup>12</sup>.

С точки зрения современной лингводидактики, соизучение языка и культуры требует выработки не только языковой, лингвистической, но и коммуникативной социокультурной компетенции, которая в настоящее время становится одной из приоритетных целей обучения русскому языку как иностранному. По мнению А.Н. Щукина, под термином «социокультурная компетенция» понимается: «знание учащимися национально-культурных особенностей социального и речевого поведения носителей языка: их обычаев, этикета, социальных стереотипов, истории и культуры страны, а также способов пользования такими знаниями в процессе общения»<sup>13</sup>.

Лингводидактика последних лет выделяет три уровня этой компетенции:

- 1) уровень культурного взаимоприятия (или культурной толерантности), т.е. культурная терпимость к поступкам, мнениям, идеям, не совпадающим или отличающимся от наших собственных;
- 2) уровень культурного взаимопонимания. На этом уровне достигается взаимная культурная адаптация, при которой участники коммуникации готовы согласиться и принять поступки, идеи и образы других людей;

<sup>12</sup> С.Г. Тер-Минасова. *Язык и межкультурная коммуникация*. 2-е изд. Москва: МГУ, 2004, с. 34.

<sup>13</sup> А.Н. Щукин. *Методика преподавания русского как иностранного*. Ред. А.Н. Щукин. Москва: Высшая школа, 2003, с. 143.

3) уровень культурного взаимосоединения, на котором происходит взаимокультурное ассоциирование и обогащение<sup>14</sup>.

Это обозначает, что формирование социокультурной компетенции должно строиться на основе открытости и любознательности, готовности отказаться от предубеждений относительно чужой культуры.

Согласно сказанному выше, для правильного пользования языком как средством общения необходимо познание мира изучаемого языка, т.е. той культуры, которой пользуется носитель языка для отображения окружающей его действительности. Поэтому обучение речевым навыкам должно осуществляться наряду с обучением иноязычному коммуникативному поведению, что способствует реализации общедидактического требования сочетания обучения с воспитанием<sup>15</sup>. Углубление знаний о культуре, нормах и правилах поведения носителей изучаемого языка дает изучающим иностранный язык возможность объективно относиться к предрассудкам и нетолерантности. Для адекватного межкультурного общения необходимо познание национальных стереотипов, в которых проявляются представления друг о друге у разных народов. Образованный человек должен уметь преодолевать стереотипы, а также уметь устанавливать и поддерживать контакт с представителями иных культур в благоприятной атмосфере, что в конечном счете позволяет эффективно устранять конфликтные ситуации и недоразумения, вызванные межкультурными различиями. Особенно важно развитие у обучающихся восприимчивости к иной культуре, способности к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в других культурах. Такое познание помогает воспитать не только национальную терпимость, но и понимание другого народа через его культуру. Знание и понимание чужой культуры позволяет также задуматься над своим собственным образом жизни, а также критически осмыслить культурные стереотипы, существующие в своей стране<sup>16</sup>. Тер-Минасова обращает внимание на то, что:

всякая попытка осмыслить коммуникацию между людьми, понять, что ей мешает и что способствует, важна и оправданна [...] особенно [...] сейчас, когда смешение народов, языков, культур достигло невиданного размаха и как никогда остро встала проблема **воспитания терпимости к чужим культурам**, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур<sup>17</sup>.

В последнее время теоретическое осмысление коммуникативного поведения как одного из важнейших условий успешного формирования коммуникативной социокультурной компетенции приобрело исключительно масштабный характер. В работе *Понятие коммуникативного поведения и проблемы его*

<sup>14</sup> См.: там же, с. 145.

<sup>15</sup> См.: *Методика. Зарубежному преподавателю русского языка*. Ред. А.А. Леонтьев, Т.А. Королева. Москва: Русский язык, 1977, с. 23.

<sup>16</sup> См.: W. Pfeiffer. *Nauka języków obcych. Od praktyki do praktyki*. Poznań: Wagros, 2001, с. 149, 158–159.

<sup>17</sup> С.Г. Тер-Минасова. *Язык и межкультурная коммуникация...*, с. 11.

исследования. *Русское и финское коммуникативное поведение* Стернин дал следующее определение этому феномену: «Коммуникативное поведение в самом общем виде определяется нами как совокупность норм и традиций общения народа»<sup>18</sup>. В книге *Русские: коммуникативное поведение* Стернин предложил следующую формулировку термина *коммуникативное поведение*: «...это поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума»<sup>19</sup>.

Стернин выделил определенные нормы, которые позволяют охарактеризовать конкретное коммуникативное поведение как нормативное или ненормативное<sup>20</sup>. Он выделил четыре группы норм коммуникативного поведения: общекультурные нормы, групповые нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы. Общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения. Они связаны с такими ситуациями, как: привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание и др. Такие ситуации являются стандартными в данном сообществе. Общекультурные нормы общения национально специфичны. Например, у немцев и американцев при приветствии обязательна улыбка, а у русских – нет.

Ситуативные нормы определяются конкретной ситуацией. Оно зависит от статуса общающихся, т.е. вышестоящий – нижестоящий (вертикальная ситуация) и равный – равный (горизонтальная ситуация). В ситуативных нормах коммуникативного поведения тоже может наблюдаться национальная специфика. Например, общение мужчины и женщины в русской культурной традиции выступает как горизонтальное, а в мусульманской – как вертикальное.

Групповые нормы отражают особенности общения, закрепленные культурой для определенных профессиональных, гендерных, социальных и возрастных групп. Это обозначает, что имеются особенности коммуникативного поведения мужчин, женщин, юристов, врачей, детей, родителей и т.д.

Индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и опыт данного индивида<sup>21</sup>. Знание и понимание особенностей общения (как вербального, так и сопровождающего его невербального) с людьми другой национальности позволяет избегать неадекватной интерпретации чужой культуры с позиции собственной культуры. Расхождения в нормах и традициях разных народов, особенно в условиях непосредственной межкуль-

<sup>18</sup> И.А. Стернин. *Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования. Русское и финское коммуникативное поведение*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного технического университета, 2000, с. 3.

<sup>19</sup> Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. *Русские: коммуникативное поведение*. Москва: Флинта – Наука, 2006, с. 42.

<sup>20</sup> См.: там же, с. 28–30.

<sup>21</sup> См.: там же, с. 28–30.

турной коммуникации, нередко являются причиной коммуникативного шока, который негативно сказывается на общении. *Коммуникативный шок* Стернин определил, как:

резкое осознаваемое расхождение в нормах и традициях общения народов, проявляющееся в условиях непосредственной межкультурной коммуникации и не понимаемое, вызывающее удивление, неадекватно интерпретируемое или прямо отторгаемое представителем гостевой лингвокультурной общности с позиций собственной коммуникативной культуры<sup>22</sup>.

Коммуникативный шок может выражаться в вербальных стереотипных реакциях, а также может быть связан с невербальным коммуникативным поведением.

Изучение коммуникативного поведения разных народов позволяет выделить и *культурный шок*, под которым понимается

осознание резкого расхождения материальных или духовных культур двух народов, проявляющееся в условиях личного непосредственного контакта с представителями другой культуры и сопровождающееся непониманием, неадекватной интерпретацией или прямым отторжением чужой культуры с позиций собственной культуры<sup>23</sup>.

Например, в России, как в большинстве стран Европы, свист во время театрального спектакля – это знак неодобрения, что искренне удивляет американцев, для которых, наоборот, свист является знаком одобрения<sup>24</sup>.

По моему мнению, наличие явления коммуникативного шока и культурного шока в процессе реального межкультурного общения становится важным аргументом в пользу необходимости включить в процесс обучения русскому языку как иностранному добавочные сведения о бытовом поведении, получившем в методической литературе также определение *язык повседневного поведения*<sup>25</sup>. Верещагин и Костомаров для определения этого своеобразного языка, который рассматривается ими как часть соматического языка, применяют термин *язык привычного поведения*<sup>26</sup>. Наряду с термином *коммуникативное поведение* в методике преподавания русского языка используются термины *нормы повседневного поведения*<sup>27</sup> и *речевое поведение*<sup>28</sup>. Однако, с точки зрения Стернина, *коммуникативное поведение* предпочтительнее как термин, поскольку аспект общения шире речевого. В реальной коммуникации *коммуникативное поведение* народа выступает в двух аспектах: вербальном, который связан с речевыми формами выражения мысли, и невербальном, сопровождающим коммуникацию (жесты,

<sup>22</sup> Там же, с. 43.

<sup>23</sup> Там же, с. 11.

<sup>24</sup> См.: там же, с. 14.

<sup>25</sup> См.: Н.И. Формановская. *Речевой этикет и культура общения*. Москва: Высшая школа, 1989, с. 123.

<sup>26</sup> См.: Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. *Язык и культура...*, с. 159.

<sup>27</sup> См.: А.Н. Щукин. *Методика преподавания русского как иностранного...*, с. 139.

<sup>28</sup> См.: Н.И. Формановская. *Культура общения речевого поведения*. 2-е изд. Москва: Икар, 2010, с. 47–51.

мика, дистанция, позы и др.). *Речевое поведение* акцентирует речевую сторону общения, в то время как термин *коммуникативное поведение* акцентирует коммуникативный аспект общения, связанный с более широким диапазоном факторов, в том числе с нормами и правилами общения<sup>29</sup>.

Коммуникативное поведение является компонентом национальной культуры, которое обуславливается национальным менталитетом, зафиксированным в национальных коммуникативных нормах и правилах<sup>30</sup>. К Касьянова отмечает:

В развитой культуре очень много норм-правил. Ими охвачены все сферы жизни: и трудовые процессы, и семейные отношения, и досуг, и воспитание детей, ухаживание, рождение ребенка, похороны – все приведено в систему, соотнесено друг с другом, [...] представляет настоящий культурный космос<sup>31</sup>.

Эффективная межкультурная коммуникация требует знания этих норм-правил, а также понимания национального менталитета данной культурной общности.

Следует подчеркнуть, что в процессе общения огромное значение имеет принадлежность партнеров к одной или к разным культурам, потому что коммуникативные ситуации и характер поведения в них всегда скрывают национальную специфику. Как уже упоминалось выше, знание единиц языка и способов их употребления в речи не обеспечивает полностью правильного пользования языком как средством общения, так как употребление слов в речи в значительной степени определяется знанием жизни носителей языка. Однако нельзя упускать из виду тот факт, что язык является живым, непрерывно развивающимся организмом, который живо реагирует на все изменения общественной и культурной жизни. По этому поводу Тер-Минасова пишет: «...язык как зеркало культуры отражает и все наиболее важные и устойчивые изменения в образе жизни и менталитете народа»<sup>32</sup>. *Менталитет* Стернин предлагает определять как «специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной сферы или этнической группы людей»<sup>33</sup>. Таким образом, различается менталитет личности, группы и народа (этноса). Кроме того, можно говорить о детском, мужском, женском менталитете, менталитете определенных психологических типов людей. Как отмечает Стернин,

Менталитет каждой конкретной личности обусловлен национальным, групповым менталитетом, а также факторами личностного развития человека – его индивидуальным образованием, культурой, опытом восприятия и интерпретации явлений действительности. Это личные ментальные механизмы восприятия и понимания действительности<sup>34</sup>.

<sup>29</sup> См.: Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. *Русские: коммуникативное поведение...*, с. 42.

<sup>30</sup> См.: там же, с. 41.

<sup>31</sup> К. Касьянова. *Если Магомет не идет к горе...* «Знание – сила» 1992, № 1, с. 19.

<sup>32</sup> С.Г. Тер-Минасова. *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва: Слово/Slovo, 2000, с. 88.

<sup>33</sup> Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. *Русские: коммуникативное поведение...*, с. 91.

<sup>34</sup> Там же.

В свою очередь, «национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации»<sup>35</sup>.

Вслед за Стерниным приведем примеры различий менталитета разных народов. Так, например, американец при виде разбогатевшего человека думает: «богатый – значит умный», русский же в этом случае обычно думает: «богатый – значит вор». В американской культуре понятие «новый» воспринимается как «улучшенный, лучший», в русской культуре – как «непроверенный». Отсутствие новостей от близкого человека в русском сознании – это признак случившегося несчастья, неблагополучия. Для англичанина такая ситуация является признаком того, что все в порядке. Согласно знаменитой английской поговорке, «Нет новостей – это хорошая новость»<sup>36</sup>.

Каждый человек, имевший возможность общаться с иностранцами в своей стране или за рубежом, несомненно заметил особенности в общении и поведении с людьми другой национальности, которые могут восприниматься как что-то странное, необычное и даже шокирующее. Для успешного участия в межкультурной коммуникации необходимо понимать, как воспринимают мир, классифицируют и оценивают его носители данного языка.

В непосредственной межкультурной коммуникации национальная специфика данного народа проявляется чрезвычайно ярко. Нередко эти различия культур ведут к нарушениям обычаев, привычного поведения, традиций, собственного речевого этикета представителями разных народов. Именно поэтому очень важно, чтобы изучение иностранного языка осуществлялось наряду с изучением присущего его носителям образа жизни, обычаев, традиций и других достижений культуры. Надо учить студентов-филологов толерантно относиться к представителям других народов и при общении с ними не пытаться разрушать чужие обычаи.

Студенты, изучающие русский язык в Институте нефилологии Краковско-педагогического университета, приобретают довольно обширные культуроведческие знания. Приведем некоторые тематические круги, которые вводятся на занятиях по практикуму русского языка: *Система образования в России; Климатические и природные зоны на территории России; Русский речевой этикет; Традиционные и праздничные блюда русской кухни; Русское народное творчество; Русские традиции и обычаи; Русская живопись; Классики русской музыки; Русская музыка в настоящее время; Современный русский театр и кино; Достопримечательности Москвы; Золотое кольцо; Достопримечательности Санкт-Петербурга; Русские ученые; Политическая и общественная жизнь России* и др.

Я считаю, что любая лексическая тема, которая вводится на практических занятиях по русскому языку, позволяет знакомить студентов с закрепившимися в русской национальной культуре нормами коммуникативного поведения. Согласно моим наблюдениям, большой интерес наших студентов вызывают вопросы, связанные с бытом, обычаями и менталитетом русского народа. Я

<sup>35</sup> Там же, с. 92.

<sup>36</sup> См.: там же.

считаю, что для выработки толерантного отношения к другому образу жизни и ценностям особого пояснения требует культурный феномен русского менталитета, каким является не улыбка, а улыбочка, которая нередко воспринимается другими народами как проявление неприветливости. В России не принято улыбаться посторонним лицам на улице, в общественных местах, а также знакомым при встрече или при расставании. В России улыбка в таких ситуациях воспринимается как нечто странное. Неулыбочка русских объясняется тем, что в русском сознании улыбка должна соответствовать коммуникативной ситуации. Серьезное выражение лица русских на улице или в официальной ситуации – это традиция, считающая улыбку чем-то сокровенным и предназначенным близкому и приятному человеку. Традиция эта имеет глубокие корни. Улыбаться и смеяться можно только в минуты радости, в контактах с близкими или друзьями. Эта традиция нашла отражение в русских поговорках: *Смех без причины – признак дурачины; Смехом сыт не будешь; Смех до добра не доводит*<sup>37</sup>. На мой взгляд, для пополнения знаний студентов в области русского коммуникативного поведения стоит обсудить с ними следующие вопросы: *Что такое русское гостеприимство?; Чувство юмора; Как русские реагируют на комплименты?; Желание быть счастливым; Стиль поведения и манеры русских; Общительность русских; Семейные отношения; Самая популярная тема в разговоре со знакомыми; Любовь к родине; Патриотизм* и др.

Следует сказать, что получаемые нашими студентами сведения по ритуализации как вербального, так и невербального поведения носителей русского языка являются хорошим материалом для формирования умения адекватно интерпретировать национальную специфику коммуникативного поведения россиян. В нашем университете задача научить студентов правильному общению с представителями русскоязычной общности является приоритетной, поскольку они в течение одного семестра изучают русский язык в Москве. Кроме того, наши студенты общаются с русской молодежью, приезжающей в наш университет по обмену.

Отметим, что в студенческих группах, в которых находятся студенты, которые учились в Москве, при обсуждении приведенных выше вопросов я имею возможность опираться на их личный опыт в сфере непосредственного общения с русскими. Увязывание теоретических сведений с личным коммуникативным и поведенческим опытом студентов способствует формированию у них наблюдательности и толерантности, что чрезвычайно важно для эффективного межкультурного общения. Стоит подчеркнуть, что наши студенты с уважением относятся к русской культуре и русскому народу. Они, например, определяют русских как страстных любителей искусства, которые посещают театры, музеи, выставки, ходят на концерты, много читают, хорошо знают литературу. Наши студенты подчеркивали искренность и доброжелательность своих русских коллег, которые помогали им приспособиться к новым условиям. По словам наших студентов, русское дружелюбие, гостеприимство и щедрость нельзя сравнить

---

<sup>37</sup> С.Г. Тер-Минасова. *Язык и межкультурная коммуникация*. 2-е изд. Москва: Издательство МГУ, 2004 с. 245.



с польским. Русские коллеги в первые дни пребывания в Москве наших студентов подвели их к зданию университета, показывали им, где находится библиотека, читальный зал, столовая, приглашали их к себе в гости. Нашим студентам нравилось то, что с русскими можно поговорить обо всем. Русские очень общительные, много знающие люди, которые любят блеснуть знаниями и остроумием, и они готовы выражать свое собственное мнение почти по всем вопросам, возникшим в общении, но в любом споре они оказываются бескомпромиссными, стремятся во что бы то ни стало доказать свою точку зрения. В эмоциональной дискуссии обе стороны спора постоянно перебивают друг друга. Если не принять точку зрения русского человека, он может серьезно обидеться. По мнению наших студентов, у русских есть и другие недостатки. Они часто опаздывают, не отвечают на звонки телефона, забывают о своих обещаниях.

В течение полугода пребывания в российской культурной среде наши студенты нередко бывали очень озадачены. Например, их шокировало то, что, с одной стороны, русские люди бесцеремонно входят в контакт с незнакомым и сразу стремятся перейти барьер искренности, они не стесняются давать советы, изливать душу и даже заглядывать в душу собеседника, но с другой стороны, наши студенты в ответ на любую просьбу или вопрос, заданный малознакомому (например, попутно встреченному на улице или в метро), неоднократно встречались с резким отказом *нет*. Эти наблюдения привели наших студентов к выводу, что русские являются очень спонтанными.

В заключение приведем слова Тер-Минасовой: «Всем людям необходимо научиться понимать и принимать другие культуры, без этого невозможны ни межкультурная и международная коммуникация, ни сотрудничество, ни мир во всем мире»<sup>38</sup>.

## Литература

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство*. Москва: Русский язык, 1990.
- Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. *Основы межкультурной коммуникации*. Ред. А.П. Садохина. Москва: Юнити-Дана, 2003.
- Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. *Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. Учебное пособие*. Москва: Флинта – Наука, 2008.
- Касьянова К. *Если Магомет не идет к горе...* «Знание – сила» 1992, № 1, с. 15–23.
- Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Учебное пособие*. Москва: Флинта: Наука, 2011.
- Методика. Зарубежному преподавателю русского языка*. Ред. А.А. Леонтьев, Т.А. Королева. Москва: Русский язык, 1977.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. *Русские: коммуникативное поведение*. Москва: Флинта: Наука, 2006.

<sup>38</sup> Там же, с. 247.

Стернин И.А. *Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования. Русское и финское коммуникативное поведение.* Воронеж: Издательство Воронежского государственного технического университета, 2000.

Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация.* Москва: Слово/Slovo, 2000.

Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация.* 2-е изд. Москва: Издательство МГУ, 2004.

Формановская Н.И. *Речевой этикет и культура общения.* Москва: Высшая школа, 1989.

Формановская Н.И. *Культура общения речевого поведения.* 2-е изд., доп. и испр., Москва: Икар, 2010.

Шукин А.Н. *Методика преподавания русского как иностранного.* Ред. А.Н. Шукин. Москва: Высшая школа, 2003.

Pfeiffer W. *Nauka języków obcych. Od praktyki do praktyki.* Poznań: Wagros, 2001.



LITERATUROZNAWSTWO  
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ  
LITERARY SCIENCE



TEORIA LITERATURY  
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ  
LITERARY THEORY



ИСПОВЕДЬ: СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ  
(В АСПЕКТЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ А.В. МИХАЙЛОВА  
О КЛЮЧЕВЫХ СЛОВАХ КУЛЬТУРЫ)

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski  
Wydział Lingwistyki Stosowanej  
Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej  
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska  
e-mail: ludmilucewicz@gmail.com  
(nadesłano 18.07.2016; zaakceptowano 04.09.2016)

**Abstract**

**Confession: the semantic content of the concept  
(in the light of A. V. Mikhailov's thoughts on keywords of culture)**

Relying on a number of A.V. Mikhailov's judgements, the author attempts to broaden the meaning of the concept *confession* in comparison to its traditional semantics (penance; statement of the creed), and to indicate its unaccounted senses. The Hebrew original allowed for a fairly extensive use of lexical-semantic palette when translating the word *confession* and its derivatives in the books of Holy Scripture. However, the Russian translators tried to avoid synonymy. In addition, attention was drawn to some particular interpretation of the word *confession* provided by Saint Augustine.

**Key words**

Confession, sense, concept, Mikhailov, Augustine.



## Резюме

В статье *Исповедь: смысловое содержание понятия (в аспекте размышлений А.В. Михайлова о ключевых словах культуры)* автор, опираясь на ряд суждений ученого, предпринял попытку несколько расширить смыслы исповеди в сравнении с ее традиционной семантикой (как покаяния, как утверждение вероучения), и, таким образом, через изучение самого слова указать на неучтенные его смыслы. Древнееврейский оригинал давал возможности для достаточно широкого использования лексико-семантической палитры при переводе слова *исповедь* и его производных в книгах Священного Писания, однако русские переводчики старались уйти от синонимии. Кроме того, внимание обращено на некоторые особенности истолкования исповеди блаженным Августинном.

## Ключевые слова

Исповедь, смысл, понятие, Михайлов, Августин.

Александр Викторович Михайлов (1938–1995), начав свою научную деятельность как германист, стал со временем не только крупным теоретиком и историком литературы и культуры, но и авторитетным искусствоведом и музыковедом. Научное наследие<sup>1</sup> русского ученого отличается масштабностью проблематики и широким охватом историко-литературного материала.

Ряд работ Михайлова (в частности: *Терминологические исследования А.Ф. Лосева и историзация нашего знания; О Боге в речи философа; Из истории «нигилизма»*<sup>2</sup>), сыграли для меня своего рода инспирирующую роль в изучении исповеди как ключевого слова культуры. Статьи ученого обычно настолько насыщены, что, по справедливому замечанию Лидии Ивановны Сазоновой, «вме-

<sup>1</sup> Фактически издание трудов А.В. Михайлова началось после его смерти. См.: *Языки культуры. Риторика и история искусств. Ключевые слова культуры. Самоосмысление гуманитарной науки. Учебное пособие по культурологии*. Ред. совет В.И. Бахмин и др. Москва: Языки русской культуры, 1997; *Музыка в истории культуры*. Ред.-сост. Е.И. Чigareва. Москва: Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, 1998; *Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей*. Составление, подготовка текста и комментарии Д.Р. Петрова и С.Ю. Хурумова. Москва: Языки русской культуры, 2000; *Избранное. Историческая поэтика и герменевтика*. Сост. С.Ю. Хурумов. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006; *Избранное. Завершение риторической эпохи*. Сост. С.Ю. Хурумов. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2007; *Методы и стили литературы*. Ред.-сост. Л.И. Сазонова. Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, 2008; *Избранное. Феноменология австрийской культуры*. Сост. С.Ю. Хурумов. Москва – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2009.

<sup>2</sup> См.: А.В. Михайлов. *Обратный перевод*, с. 485–497; с. 498–508; с. 537–626.

щают содержание книги» или, иначе, – напоминают «свернутую до своего концептуального ядра книгу»<sup>3</sup>.

В первой статье Михайлов высказал свою фундаментальную идею о ключевых словах культуры; во вторую включил очень плодотворные наблюдения над лексико-стилистическими слоями философских (а по существу любых научных) текстов; в третьей – через изучение судьбы отдельного слова – раскрыл внутреннюю многослойность содержания такого историко-культурного понятия, как *нигилизм*. Причем сделал это захватывающе интересно не только на уровне выявления нового содержания (это само собой разумеется), но и на уровне фиксации процесса мышления пишущего. Конечно, повторить исследовательские техники Михайлова в целом, вероятно, практически невозможно. Но, опираясь на его отдельные позиции, общие научные интенции и пафос, очевидно, можно попытаться осмыслить, как и призывал ученый, ключевые слова культуры, среди которых уместается и такое понятие, как *исповедь* – «уникальная форма человеческого самовыражения», в которой «раскрывается не только смысл религиозного откровения, но и критерии „подлинности” самого бытия»<sup>4</sup>. Михайлов подчеркивал, что к ключевым словам культуры относятся «многие из основных слов философии» и «целые гнезда слов» из истории культуры; их можно рассматривать «как сложные устроенности смыслов, которые развертываются в истории (это одна сторона), но которые (это другая сторона) не забывают *сами* своей смысловой устроенности и воспроизводят ее [...]»<sup>5</sup>.

Цель данной статьи: рассмотреть смысловое содержание понятия «исповедь». Первоначальный замысел включал намерение представить опыт осмысления исповеди как акта христианского покаяния (выступающего в качестве так называемого «первичного жанра») и исповеди как литературного высказывания (т.е. сформировавшего в культуре вторичного жанра) с акцентом на смыслы, содержащиеся в русской писательской исповеди, которой занимаюсь в последнее время. Однако, как то нередко бывает, в процессе работы произошли изменения. Тема осталась та же, но, потребовав более кропотливой словарной работы, сузилась. И здесь, мне думается, вполне уместно сослаться на Михайлова, который отмечал: «Слова, вместо того, чтобы даваться нам ‘просто так’, в своей очевидности, начинают отсылать нас к своей истории»<sup>6</sup>, «из которой мы имеем шанс узнать что-то более конкретное о них. Что, однако, вовсе не отрицает того, что известно заранее»<sup>7</sup>. Применительно к исповеди, например, любому гуманитариям известно, что у бл. Августина, Жана-Жака Руссо, Льва Толстого, у многих других авторов есть тексты, которые выражают тот феномен, который обозначен словом *исповедь*. Трудно было бы усомниться в том, что *исповедь* не

<sup>3</sup> Л.И. Сазонова. *Послесловие*. [В:] Михайлов А.В. *Методы и стили литературы...*, с. 156.

<sup>4</sup> М.С. Уваров. *Архитектоника исповедального слова*. Санкт-Петербург: Алетей, 1998, с. 9.

<sup>5</sup> А.В. Михайлов. *Обратный перевод...*, с. 491.

<sup>6</sup> Там же, 540.

<sup>7</sup> Там же, 541.

принадлежит к тем словам, в которых отложилась рефлексия человека о самом себе, а значит, и «рефлексия культуры относительно самой себя»<sup>8</sup>.

Исповедь как значимый компонент религиозной жизни (и, следовательно, как понятие, а впоследствии как литературный, публицистический и философский жанр) существует в иудейской, христианской, исламской культурах. Для развития европейской культуры вообще и русской в частности, в первую очередь важно значение христианской исповеди, на что неоднократно обращалось внимание в научной литературе<sup>9</sup>.

Само слово «*исповедь*», как известно, имеет два основных словарных значения: 1) церковное таинство покаяния (одно из семи христианских таинств<sup>10</sup>), когда «христианин искренно и сердечно раскаиваясь в грехах своих и намереваясь исправить свою жизнь, с верою во Христа и с надеждою на Его милости, излагает устно свои грехи перед священником, который также устно разрешает ему его грехи»<sup>11</sup>; 2) литературно-публицистический и философский жанр, включающий «откровенное признание героя-рассказчика в совершении безнравственных поступков, обращенное к читателям; рассказ о себе, стремящийся дать слушателю-читателю настолько полное (в этическом смысле) знание чужих поступков и их мотивов, чтобы оно свидетельствовало об ответственности «я» и было поводом для его возможного признания и оправдания другим»<sup>12</sup>.

Петербургский философ Михаил Уваров, изучив различные дефиниции и толкования исповеди в богословии, философии, психологии, языкознании, литературоведении, описал ее разнообразные культурно-исторические смыслы. Что касается собственно русской исповеди, то ученый выявил и многократ-

<sup>8</sup> Там же, 542.

<sup>9</sup> См.: В.Л. Рабинович. *Исповедь книгочеля, который учил букве, а укреплял дух*. Москва: Книга, 1991; Н.А. Бухарина. *Исповедь как форма самосознания философа*. Автореферат диссертации кандидата философских наук. Москва, 1997; *Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова*. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.). Санкт-Петербург: Издательство Института Человека РАН (Санкт-Петербургское отделение), 1997. [Online:] <[http://www.gumer.info/bogoslov\\_Buks/Relig/Article/Mihail\\_MolSlov.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Article/Mihail_MolSlov.php)> (19.06.2016); М.С. Уваров: *Архитектоника исповедального слова...*; Л.М. Баткин. *Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2000; О.Э. Душин. *Исповедь и совесть в западноевропейской культуре XIII–XVI веков*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005; Н.Н. Казанский. *Исповедь как литературный жанр*. [В:] *Вестник истории, литературы, искусства*. Т. 6. Москва: Собрание, 2009, с. 73–90; С. Зассе. *Яд в ухо. Исповедь и признание в русской литературе*. Перевод с немецкого Б. Скуратова и И. Чубарова. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2012.

<sup>10</sup> Крещение, причащение, священство, покаяние (исповедь), миропомазание, брак, елеосвящение (соборование).

<sup>11</sup> *Полный православный богословский энциклопедический словарь*. Т. 1. Санкт-Петербург: Издательство П.П. Сойкина, 1913, с. 1826.

<sup>12</sup> Т.Н. Волкова. *Исповедь*. [В:] *Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий*. Гл. научн. ред. Н.Д. Тamarченко. Москва: Издательство Кулагиной Intrada, 2008, с. 85.

но продемонстрировал на примерах доминантную роль покаяния в ней. Он обратил внимание на то, что

в христианской (православной) литературе понятия исповеди и покаяния часто отождествляются. Встречаются даже специальные энциклопедические издания, в которых можно не встретить статьи 'исповедь', но всегда найдем статью 'покаяние'. Иногда авторы просто отсылают нас от слова 'исповедь' к слову 'покаяние' как к синониму, а иногда отсутствует и такая ссылка, хотя родственные термины ('исповедание', 'исповедник') разъясняются и комментируются. В отдельных случаях комментарий к понятию 'исповедь' является чрезвычайно кратким, на уровне сухого определения, например: 'Исповедь'. Сознание человеком всех своих греховных мыслей и деяний и раскаяние в них, с обещанием исправления; исповедь совершается пред священником в таинстве покаяния<sup>13</sup>.

Можно было бы, опираясь на имеющиеся уже научные результаты, позволить себе не особенно вглядываться в суть и судьбу этого понятия. Но указанные работы Михайлова инспирировали желание возвратиться к т.н. *первоначалам*.

В статье, опираясь на некоторые суждения ученого, я попытаюсь несколько расширить смыслы исповеди, в сравнении с ее традиционной семантикой (как покаяния и как утверждение вероучения), и, таким образом, через изучение слова и заложенных в нем возможностей обозначить некоторые, менее учтенные, его значения.

## I

Михайлов обратил внимание на «способность» ключевых слов «сохранять себя в неприступности и непритронутости», особо выделив при этом свойства «ключевых слов греческой культуры»<sup>14</sup>. Применительно к *исповеди*, отмечу, что само слово действительно было заимствовано русским языком из церковнославянского, где оно являлось словообразовательной калькой именно греческого *exomologēsis*, что означает *покаяние, признание*<sup>15</sup>.

Существительное *исповедь/исповедание*, как фиксируют этимологи, впервые появляется значительно ранее, чем в греческом, в древнееврейском языке – в Мишне, т.е. в Устном Законе – древнейшей части Талмуда. На иврите слово *יָדוּד* звучит как *виддуй* и означает *исповедание, признание*. Глагольная форма этого слова довольно часто встречается в Библейском Пятикнижии (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие). *Исповедывать (признавать, свидетельствовать)* – это значит, прежде всего, открыто говорить о величии Бога, выражать перед всеми Ему хвалу и благодарение (так построено, например, большинство псал-

<sup>13</sup> М.С. Уваров. *Архитектоника исповедального слова...*, с. 18.

<sup>14</sup> А.В. Михайлов. *Обратный перевод...*, с. 492.

<sup>15</sup> А.А. Алексеев. *О греческой основе славянских ветхозаветных переводов*. [В:] А.А. Алексеев. *Текстология Славянской Библии*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. [Online] <[http://krotov.info/library/01\\_a/le/kseev\\_5.htm](http://krotov.info/library/01_a/le/kseev_5.htm)> (19.06.2016).

мов). Но есть в библейских книгах и понятие *исповедывать* грехи, что означает, признавать свою вину против Бога. В книге Числа читаем:

Скажи сынам Израилевым: если мужчина или женщина сделает какой-либо грех против человека, и чрез это сделает преступление против Господа, и виновна будет душа та, то пусть исповедаются во грехе своем, который они сделали (Чис. 5: 6, 7)<sup>16</sup>.

Таким образом, библейские тексты, с одной стороны, предписывают *исповедывать хвалу* Богу, с другой – *исповедываться в грехах*, признаваться в нарушениях Закона Божьего.

Древнейшим переводом Ветхого Завета считается древнегреческий. Он был выполнен в III–II вв. до нашей эры и известен под названием *Септуагинта* (перевод семидесяти толковников). На греческий язык древнееврейское слово *יָדָוּ* *виддуй* было переведено как *ἐξομολογεῖσθαι* (*exomologēsis* – *покаяние, признание*).

Латинский перевод Священного Писания, восходящий к трудам блаженного Иеронима, сделан был значительно позже, чем греческий (около 345–420 гг.), и получил название *Вульгата* (лат. *Vulgata versio* – *общепринятая, общедоступная версия*), хотя существовали и более ранние переводы. На латинский язык древнееврейское *יָדָוּ* *виддуй* было переведено словом *confessione* (*признание, исповедь*). В ведущих европейских языках и утвердился, как известно, латинский корень (англ. *confession*; франц. *confession*; исп. *confesión*; итал. *confesión*).

Православная Библия представляет собой перевод греческой Библии на один из диалектов древнеболгарского языка, который принято называть церковнославянским. Ряд переводчиков Библии, как известно, вынужден был сначала изобрести алфавит для языков, не имевших письменности, так было с переводами на армянский, грузинский, а также церковнославянский. В древнеболгарском (церковнославянском) языке слово *изповед* (*искренне поведать*) образовалось путем калькирования греческого слова *exomologēsis*, оно и вошло во все славянские языки (чеш. *zpověď*; серб. *ispovest*, польск. *spowiedź*, древнерус. и рус. *исповедь*).

В православном богословии нередко отмечалось, что таинство покаяния в римско-католической церкви уподоблено процессу следствия и суда над человеком-грешником. Духовник тщательно расследует вины кающегося: какие им сделаны грехи, когда, по каким побуждениям, при каких обстоятельствах<sup>17</sup>. В исповеди акцент сделан на признании. Исповедь может завершаться фразой: *Услышь меня, Господи*. Таинство покаяния в православной церкви (где акцент делается на раскаянии грешника) уподобляется, как о том писали Отцы Церкви, врачеванию и имеет определенный психо-терапевтический эффект<sup>18</sup>. Исповедь чаще может завершаться фразой: *Господи, помилуй*.

<sup>16</sup> Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. Перепеч. с Синодального издания. Москва: Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов, 1988, с. 146.

<sup>17</sup> А.М. Иванцов-Платонов. О западных исповеданиях. Римско-католическая церковь. Москва 1906. [В:] Слово. Православное информационное агентство Русская линия. [Online:] <<http://rusk.ru/st.php?idar=324439>> (19.06.2016).

<sup>18</sup> Иоанн Златоуст наставлял: «Войди (в церковь), покайся: здесь врачевница, а не судилище;

Многовековой процесс перевода книг Священного Писания отразил многочисленные трудности, которые встречались на этом пути. Нередко употребление какого-либо (даже не нового) слова, а просто синонима начинало «поправлять» содержание традиционного понятия, давать новые возможности для его истолкования.

Приведу факт новейшего времени. Согласно наблюдениям священника Симферопольской Церкви Христа Олега Викторовича Бинюкова, в русском Синодальном переводе Библии существуют скрытые вариации слов на тему *исповедь, исповедание*. В древнееврейском языке есть ряд слов-синонимов, имеющих в своей семантике значение *исповедь, исповедание*. Русские переводчики старались уйти от синонимии. Бинюков приводит целый ряд примеров, когда древнееврейское слово переводилось только как *исповедь* или *исповедание*, в то время как оригинал давал возможности для более широкого использования лексико-семантической палитры. Так, слово  $\text{לָדַבֵּר}$  – *виддуй (исповедание/исповедь)* в глагольной форме *исповедывать* обладает еще такими значениями: *будут хвалить-восхвалять, будут славить-прославлять, сознаваться*; исповедаю – *открою, изложу*<sup>19</sup>.

Древнееврейское слово  $\text{לָדַבֵּר}$ , переведенное как *исповедание* содержит значения *благодарение, признание*<sup>20</sup>.

Древнееврейское слово  $\text{לָדַבֵּר}$ , переведенное как *исповедую*, можно перевести словами: *извещать, рассказывать, доносить, сообщать*<sup>21</sup>.

Древнееврейское слово  $\text{לָדַבֵּר}$ , переведенное словом *исповедующие*, более точно можно перевести словами *упоминать, напоминать, признавать, вспоминать, припоминать*<sup>22</sup>.

Значит, слова-синонимы, включающие такие значения, как *будут хвалить-восхвалять, будут славить-прославлять; открывать, излагать, сознаваться; благодарение, признание; извещать, рассказывать, доносить, сообщать; упоминать, напоминать, признавать, вспоминать, припоминать*, были приведены к единому знаменателю: *исповедание (исповедь, исповедую, исповедующие)*.

Из примеров, взятых мною у Бинюкова, очевидно, что переводчики не всегда использовали возможности для актуализации в разных контекстах разных значений слова *исповедь / исповедание*; однако, несмотря на это, в конкретных примерах дополнительные смыслы слова все-таки просвечивают сквозь основное

---

здесь не истязуют, но дают прощение в грехах. Одному Богу скажи грех твой: Тебе единому согреших, и лукавое пред Тобою сотворих (Пс. L, 6), – и отпустится тебе грех. Есть у тебя и иной путь покаяния, не трудный, а самый легкий. Какой же это путь? Поплачь о грехе своем» [В:] Иоанн Златоуст. *Беседы о покаянии*. [В:] Иоанн Златоуст. *Полное собрание творений*. Т. 2. Ч. 1. [Online:] <<http://nova.rambler.ru/saved?lang=ru&fmode=inject&tld=ru&la=1408388864&text>> (19.06.2016).

<sup>19</sup> О.В. Бинюков. *Понятие: «исповедь» и «исповедание» в Библии*. Симферополь: Таврия, 2006, с. 4.

<sup>20</sup> Там же, с. 7.

<sup>21</sup> Там же, с. 10.

<sup>22</sup> Там же, 11.

значение или даже вопреки ему. Михайлов, цитируя Анатолия Валериановича Ахутина, как раз и обращал внимание на то, что

в разных контекстах актуализируется то или иное преимущественное значение, но это не значит, что другие могут сосуществовать только в других контекстах или литературных жанрах. Они так или иначе подразумеваются наряду с терминологическим значением и иногда вопреки ему<sup>23</sup>.

## II

В слове живет, сосуществует множество семантических коннотаций, которые по разным причинам могут быть скрытыми, невидимыми. Значит, слово не только проясняет, но и укрывает или даже умалчивает. Михайлов отмечал: «Слову присуще не только то, что оно нечто именует и выговаривает, но и то, что оно, именуя и выговаривая, вынуждено не выговаривать и умалчивать»<sup>24</sup>. В указанном контексте в связи с православной исповедью стоило бы обратить внимание на такую древнюю традицию духовной практики, составляющую основу православного аскетизма, как исихазм (греч. *ἡσυχία* – *молчание, покой, безмолвие, отрешенность*) и его техники. Как свидетельствует практика исихазма, покаяние обязательно. Известный мистик VII в. Исаак Сирийский учил: «Как благодать на благодать – людям по Крещении дано покаяние, потому что покаяние есть второе возрождение от Бога»<sup>25</sup>. Покаяние, согласно учению исихастов, можно осуществлять в молчании. Получается, как пишет современная исследовательница, что

«исповедь можно вынести за пределы [...] речи вообще», поскольку «никакие слова не нужны Богу, Который Один всеведущ и читает в сердцах. [...] молчаливое предстояние, молитва, моление, предъявление себя как кающегося, внутреннее усилие открытия своей души Богу, [...] уже является исповедью»<sup>26</sup>.

Кстати сказать, аналогичное понимание исповеди содержится у Блаженного Августина: «Прими исповедь мою, приносимую в жертву Тебе языком моим, который Ты создал и побудил исповедовать имя Твое; [...] Ничего нового не сообщает Тебе человек, исповедуясь в том, что происходит с ним, ибо не закрыто взору Твоему закрытое сердце [...]»<sup>27</sup>.

<sup>23</sup> А.В. Михайлов. *Обратный перевод*, с. 491.

<sup>24</sup> Там же, с. 485.

<sup>25</sup> Исаак Сирийский. *Слово 83. О покаянии*. [В:] Исаак Сирийский. *Слова подвижнические*. Сергиев Посад 1911. Перевод с греческого С.С. Соболевского. [Online:] <[http://azbyka.ru/otechnik/Isaak\\_Sirin/slova-podvizhicheskie/84](http://azbyka.ru/otechnik/Isaak_Sirin/slova-podvizhicheskie/84)> (19.06.2016).

<sup>26</sup> М.В. Михайлова. *Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь)*. [В:] *Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова*. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.). Санкт-Петербург: Издательство Института Человека РАН (Санкт-Петербургское отделение), 1997. [Online:] <[http://www.gumer.info/bogoslov\\_Buks/Relig/Article/Mihail\\_MolSlov.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Article/Mihail_MolSlov.php)> (19.06.2016).

<sup>27</sup> Блаженный Августин. *Исповедь*. Перевод, статья, примечания М.Е. Сергеевко. Отв. ред. Н.Н. Казанский. Санкт-Петербург: Наука, 2013, с. 58.

О покаянии «молчаливом и немолчном» Августин писал так:

«Исповедь моя свершается пред лицом Твоим, Боже мой, молчаливо и немолчно. Молчит язык мой и вопиет сердце»<sup>28</sup>; «И я сказал, какого плода ожидаю я от своей исповеди, принесенной не голосом плоти и ее словами, а словами души и воплем размышлений, которое слышало ухо Твое»<sup>29</sup>; и еще: «Прими, Господи, исповедь мою и благодарность, пусть и безмолвную»<sup>30</sup>.

### III

Безусловно, чаще всего исповедь – это не молчание, а словесное проговаривание (устное или письменное). Но, опять-таки ссылаясь на Августина, укажу, что она содержит больше разнообразных форм и смыслов, чем традиционно принято считать. Исповедь может быть «глубоким размышлением», способным извлечь из «тайных пропастей» «всю нищету мою» и визуально представить «перед очами сердца моего»<sup>31</sup>; исповедь – это «ливень слез», «поток слез», «плач» в «горьком сердечном сокрушении»<sup>32</sup>; исповедь – это и скрытая внутренняя полемика: «[...] спор [...] в сердце моем обо мне самом и против меня самого»<sup>33</sup>.

### IV

Исповедь, благодаря Августину, став литературным жанром, унаследовала церковную традицию, но не предполагала полной автобиографии. Августин ввел ее. Той высоты, на которую поднялся Августин в своей *Исповеди* (397–398 гг.), никто впоследствии не достиг, но ориентировались на нее представители разных конфессий и национальных культур в течение многих столетий.

Перед кем *исповедуется* Августин? В чем его *исповедание*?

Августин предстоит перед Богом: от начала и до конца он занят исповеданием христианской веры и прославлением Бога; он повествует о собственной жизни, кается в многочисленных грехах и прегрешениях (покаяние развернуто на все поле автобиографического пространства); и вместе с тем описывает социально-общественное устройство современного ему государственного организма: воспитание, образование, школа, университет; нравы, привычки, борьбу взглядов, партий, состояние науки и искусства, карьерное продвижение и проч.; осмысляет свой опыт обращения, который был бы невозможен без Божьей помощи; затрагивает целый ряд существенных богословских и философских проблем. В частности, он как богослов резко критикует манихейство, неоплатонизм, астрологию, размышляет о таинстве исповеди, толкует Книги Бытия, излагает учение о Троице, пытается осмыслить, что есть Бог и что есть человек

<sup>28</sup> Блаженный Августин. *Исповедь...*, с. 141.

<sup>29</sup> Там же.

<sup>30</sup> Там же, с. 131

<sup>31</sup> Там же, с. 121.

<sup>32</sup> Там же.

<sup>33</sup> Там же.



и привести свой внутренний мир в согласие с волей Бога. А как философ он рассуждает о природе памяти, о взаимодействии внутреннего мира человека и космоса, о времени абсолютном и времени относительном, о возможностях языка. Описывая свой жизненный путь, Августин обнаруживает в себе, в эпизодах своей жизни отсветы Божьего промысла. Человек, по Августину, свободен в своих поступках, но его обращение в христианство невозможно своими силами, это заслуга и милость Бога; поэтому чем более человек охвачен волей Бога, тем более свободен в своих поступках. Исповедь в таком случае – это признание Бога и мира Им сотворенного в многообразии его связей и проблем, это поиск формы общения с Богом и опыт Его познания.

## V

И в заключение хочу обратить внимание еще на один момент. Михайлов писал:

В последнее время, в разных аспектах, привлекает к себе внимание та зона мысли, в которой философское плавно переходит в дофилософское, и обратно, философское тесно соседствует с „беллетристическим”, речь терминологическая – с „простотой” и т.д. Это свидетельствует о том, что современное сознание [...] не замкнуто, но открыто изнутри себя в направлении всего прочего и остального.

А далее ученый ссылается на Михаила Гарнцева, который, изучая Плотина, обнаружил, что абстрактные философские термины запросто уживаются со словечками, выхваченными из разговорного языка.

Аналогичное явление обнаруживается у Августина. В своей *Исповеди* он уделяет внимание такой философско-психологической проблеме, как память. Его *Исповедь* включает в себя *воспоминания* о «прошлых мерзостях» и «плотской испорченности души», поэтому размышления о памяти вполне оправданы. В Книгах X и XI Августин связал анализ памяти с изучением времени. При этом он создал замечательную пространственную метафору: «огромные палаты памяти», которая получила подкрепление со стороны родственных образов, – «вместилище», «обширные кладовые и еще в какие-то укромные, неопишуемые закоулки», откуда извлекаются, «берутся, как из резервуара», воспоминания. А сама память в религиозно-философском тексте Августина олицетворяется, она может *чувствовать, развернуться, привыкать, быть ущемленной* и даже *охромевшей* и проч. Здесь присутствует то, что особо ценил Александр Викторович: «совокупность того, что есть мысль [...]».

## Литература

- Августин Блаженный. *Исповедь*. Перевод, статья, примечания М.Е. Сергеенко. Отв. ред. Н.Н. Казанский. Санкт-Петербург: Наука, 2013.
- Алексеев А.А. *О греческой основе славянских ветхозаветных переводов*. [В:] А.А. Алексеев. *Текстология Славянской Библии*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. [В:] *Библиотека Якова Кротова*. [Online]: <[http://krotov.info/library/01\\_a/le/kseev\\_5.htm](http://krotov.info/library/01_a/le/kseev_5.htm)> (19.06.2016).

- Баткин Л.М. *Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2000.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. Перепеч. с Синодального издательства. Москва: Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов, 1988.
- Бинюков О.В. *Понятие: «исповедь» и «исповедание» в Библии*. Симферополь: Таврия, 2006.
- Бухарина Н.А. *Исповедь как форма самосознания философа*. Автореферат диссертации кандидата философских наук. Москва 1997.
- Волкова Т.Н. *Исповедь*. [В:] *Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий*. Гл. научн. ред. Н.Д. Тамарченко. Москва: Издательство Кулагиной Intrada, 2008.
- Душин О.Э. *Исповедь и совесть в западноевропейской культуре XIII–XVI веков*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета 2005.
- Зассе С. *Яд в ухо. Исповедь и признание в русской литературе*. Перевод с немецкого Б. Скуратова, И. Чубарова. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2012.
- Иванцов-Платонов А.М. *О западных исповеданиях. Римско-католическая церковь*. Москва 1906. [В:] *Слово. Православное информационное агентство Русская линия*. [Online]: <<http://rusk.ru/st.php?idar=324439>> (19.06.2016).
- Избранное: *Феноменология австрийской культуры*. Составитель С.Ю. Хурумов. Москва–Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2009.
- Иоанн Златоуст. *Беседы о покаянии*. [В:] Иоанн Златоуст. *Полное собрание творений. 12 томов в 25 книгах*. Т. 2. Ч. 1. [В:] *Библиотека Якова Кротова*. [Online]: <<http://nova.rambler.ru/saved?lang=ru&fmode=inject&tld=ru&la=1408388864&text>> (19.06.2016).
- Исаак Сирин. *Слово 83. О покаянии*. [В:] Исаак Сирин: *Слова подвижнические*. Перевод с греческого С.С. Соболевского. Сергиев Посад 1911. [Online]: <[http://azbyka.ru/otechnik/Isaak\\_Sirin/slova-podvizhicheskie/84](http://azbyka.ru/otechnik/Isaak_Sirin/slova-podvizhicheskie/84)> (19.06.2016).
- Казанский Н.Н. *Исповедь как литературный жанр*. «Вестник истории, литературы, искусства» Т. 6. Москва: Собрание, 2009, с. 73–90.
- Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова*. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997). Санкт-Петербург: Издательство Института Человека РАН (Санкт-Петербургское отделение), 1997. [В:] *Библиотека Гумер*. [Online]: <[http://www.gumer.info/bogoslov\\_Buks/Relig/Article/Mihail\\_MolSlov.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Article/Mihail_MolSlov.php)> (19.06.2016).
- Михайлов А.В. *Избранное. Завершение риторической эпохи*. Составитель С.Ю. Хурумов. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2007.
- Михайлов А.В. *Избранное. Историческая поэтика и герменевтика*. Сост. С.Ю. Хурумов. Отв. ред. М.Я. Малхазова. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006.
- Михайлов А.В. *Методы и стили литературы*. Ред.-сост. Л.И. Сазонова. Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, 2008.
- Михайлов А.В. *Музыка в истории культуры*. Ред.-сост. Е.И. Чigareва. Москва: Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, 1998.
- Михайлов А.В. *Обратный перевод: Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей*. Составление, подготовка текста и комментарии Д.Р. Петрова и С.Ю. Хурумова. Москва: Языки русской культуры, 2000.

- Михайлов А.В. *Языки культуры. Риторика и история искусств. Ключевые слова культуры. Самоосмысление гуманитарной науки. Учебное пособие по культурологии*. Ред. совет В.И. Бахмин и др. Москва: Языки русской культуры, 1997.
- Михайлова М.В. *Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь)*. [В:] *Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова*. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26-27 мая 1997). Санкт-Петербург: Издательство Института Человека РАН (Санкт-Петербургское отделение), 1997. [В:] *Библиотека Гумер*. [Online]: <[http://www.gumer.info/bogoslov\\_Buks/Relig/Article/Mihail\\_MolSlov.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Article/Mihail_MolSlov.php)> (19.06.2016).
- Полный православный богословский энциклопедический словарь*. Т. 1. Санкт-Петербург: Издательство П.П. Сойкина, [1913].
- Рабинович В.Л. *Исповедь книгочех, который учил букве, а укреплял дух*. Москва: Книга, 1991.
- Рикёр П. *Память, история, забвение*. Перевод с франц. И.И. Блауберг и др. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
- Сазонова Л.И. *Послесловие*. [В:] Михайлов А.В. *Методы и стили литературы* Москва: Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, 2008.
- Уваров М.С. *Архитектоника исповедального слова*, Санкт-Петербург: Алетея, 1998.

РОЕТУКА  
ПОЭТИКА  
POETICS



## ПОЭТИКА И МЕТАПОЭТИКА РУССКОГО АВАНГАРДА

КЛАРА ЭРНОВНА ШТАЙН

Северо-Кавказский федеральный университет  
Гуманитарный институт  
Кафедра русского языка  
ул. Пушкина, д. 1а, 355009, Ставрополь, Россия  
e-mail: textus@mail.ru

ДЕНИС ИВАНОВИЧ ПЕТРЕНКО

Ставропольский государственный педагогический институт  
Историко-филологический факультет  
Кафедра теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин  
ул. Ленина, д. 417а, 355029, Ставрополь, Россия  
e-mail: petrenko2045@yandex.ru

### Abstract

#### **Poetics and Metapoetics of Russian Avant-garde**

This paper is devoted to the Russian avant-guard metapoetics (research by authors of their own poetic texts). The Russian avant-guard is analyzed as a completely new phenomenon in the paradigm of the Russian metapoetics. Avant-guard poets were guided by the Russian poetic academic tradition including the theory of symbolism. However, they tried to create some kind of inversive poetics which should help to liberate the language, turn to fundamental principles of the universe and become the basis of revolutionary art of the future and of transformation of all forms — up to the material of the Russian language. The paper analyzes classical and avant-garde text types, terms ‘harmony’, ‘substance’, ‘constitution’, ‘texture’ of the poetic text, usage of traditions of classical and avant-garde texts in a postmodern situation.

## Key words

Poetics, metapoetics, avant-guard, classical, avant-garde texts, harmony of poetic text.

## Резюме

В статье рассматривается метапоэтика авангарда (исследование авторами собственного творчества) как качественно новое явление в парадигме русской метапоэтики. Авангардисты, отталкиваясь от академического творчества русских поэтов, в том числе и символистов, пытались создать инверсионную поэтику, направленную на раскрепощение языка, слова, обращенную к первоистокам бытия и творчества с целью диаметрально противоположной – создания искусства будущего, революционного перевоплощения всех форм – вплоть до самого материала – языка. В статье анализируются понятия классического и авангардистского типов текста, гармонии, ткани, склада, фактуры поэтического текста, использование традиций классического и авангардистского текстов в ситуации постмодерна.

## Ключевые слова

Поэтика, метапоэтика, авангард, классические, авангардистские тексты, гармония поэтического текста.

Метапоэтика авангардистов (исследование поэтами собственного творчества<sup>1</sup>) – многоплановое явление. Она представлена в манифестах, статьях, декларациях футуристов (эксплицированные метапоэтические тексты), в метавысказываниях, выделяемых в структуре некоторых поэтических произведений. Метапоэтическую позицию художника можно также обнаружить в формальном построении текста, когда художник определенными способами фиксирует художественные доминанты произведения, то есть говорит о способе написания формой произведения. Это те случаи, о которых В. Хлебников, поэтизируя творчество Д.Д. Бурлюка, писал: «То была выставка приемов и способов письма // И трудолюбия уроки» (*Бурлюк*, 1921).

Поэты и теоретики авангарда большое значение придают углубленной разработке тех средств, «без которых данное искусство не знали, представить себе не можем и признаем за его вечный язык, в литературе – слово, в музыке — звук, в скульптуре – объем, в архитектуре – линия, в живописи – краска»<sup>2</sup>. «Новые» формы призваны были создаваться на основе средств, которые диктует материал искусства, и для этого следовало «отскоблить» язык от толстого слоя слиш-

<sup>1</sup> К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. *Русская метапоэтика*. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2006.

<sup>2</sup> В.В. Кандинский. *О духовном в искусстве*. Ленинград: Фонд «Ленинградская галерея», 1989, с. 14.

ком «материальной материи», обнаружить «чистый язык» искусства<sup>3</sup>. Апология художественного материала открывала возможности для художественного эксперимента.

Метапоэтика авангарда – это качественно новое явление в данной парадигме. Авангардисты, отгалкиваясь от академического творчества русских поэтов, в том числе и символистов, пытались создать инверсионную поэтику, направленную на раскрепощение языка, слова, обращенную к первоистокам бытия и творчества с целью диаметрально противоположной – создания искусства будущего, революционного перевоплощения всех форм – вплоть до самого материала – языка. Тип поведения художника, жанров метапоэтики, творчества – революционный. Под революционным мы понимаем такой тип мышления, поведения, который приводит к коренным изменениям в какой-то области знания, технике, искусстве и т.п., в корне преобразует их. Он основан на внезапном скачке, прерывающем постепенное развитие, например, искусства, приводящем к качественным изменениям в его развитии. В соответствии с этим в науке и искусстве выделяются два типа парадигм – эволюционные и революционные.

В работе *Структура научных революций* (1962) Т. Кун, анализируя «революции как изменение взгляда на мир», пишет:

Рассматривая результаты прошлых исследований с позиций современной историографии, историк науки может поддаться искушению и сказать, что, когда парадигмы меняются, вместе с ними меняется и сам мир. Увлекаемые новой парадигмой, ученые получают новые средства исследования и изучают новые области. Но важнее всего то, что в период революций ученые видят новое и получают иные результаты даже в тех случаях, когда используются обычные инструменты в областях, которые они исследовали до этого. Это выглядит так, как если бы профессиональное сообщество было перенесено в один момент на другую планету, где многие объекты им незнакомы, да и знакомые объекты видны в ином свете. Конечно, в действительности все не так: нет никакого переселения в географическом смысле; вне стен лаборатории повседневная жизнь идет своим чередом. Тем не менее изменение в парадигме вынуждает ученых видеть мир их исследовательских проблем в ином свете. Поскольку они видят этот мир не иначе, как через призму своих воззрений и дел, постольку у нас может возникнуть желание сказать, что после революции ученые имеют дело с иным миром.

Элементарные прототипы для этих преобразований мира ученых убедительно представляют известные демонстрации с переключением зрительного гештальта. То, что казалось ученому уткой до революции, после революции оказывалось кроликом. Тот, кто сперва видел наружную стенку коробки, глядя на нее сверху, позднее видел ее внутреннюю сторону, если смотрел снизу. Трансформации, подобные этим, хотя обычно и более постепенные и почти необратимые, всегда сопровождают научное образование<sup>4</sup>.

Октябрьская революция была направлена на разрушение старого строя «до основания», затем уже на расчищенном голом месте, вне опоры на традицию русского общества и русской культуры предполагалось построение нового общества – коммунистического. Практически по этому же принципу действовали

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Т. Кун. *Структура научных революций*. Москва: АСТ, 2001, с. 151.



художники-авангардисты, о чем свидетельствует концептуальное произведение К.С. Малевича «Черный квадрат», символизирующее собой голую почву, ничто, нуль формы, репрезентирующий это; а также манифесты, декларации, приказы – жанры метапоэтики, соответствующие революционному мышлению, – призваны были побудить художников к созданию нового искусства – революционного.

*Технический манифест футуристской литературы* Ф.Т. Маринетти (1912) является некоторой точкой отсчета в осмыслении языкового творчества авангарда. Классическое наследие осознается Ф.Т. Маринетти как единый текст, в основе которого лежат типологические средства языка, и главным элементом, подвергающимся отрицательному означиванию, становится синтаксис, основу которого составляет «латинская клетка», «латинское старье» – синтаксис, «отказанный нам еще Гомером»<sup>5</sup>. Горизонтальная модель поэтического текста сменяется вертикальной – «выпущенные на волю слова через воображение писателя, который видит жизнь сверху, как с летящего аэроплана, охватывает жизнь цепким взглядом ассоциаций, и свободные слова собирают их в стройные ряды лаконичных образов»<sup>6</sup>.

Маринетти намечает точную алгоритмическую последовательность разрушения «гомеровского синтаксиса», то есть текста в широком смысле, и языка, который именуется сейчас как классический. Это отсутствие грамматических связей между словами, отмена «признаковых слов» – прилагательных и наречий, служебных слов, пунктуации. На смену этому приходит новый порядок, рождающийся из хаоса, сеть ассоциаций, которые сплетаются беспорядочно и вразнобой. Внешне диалог с классическим текстом и языком завершается полной отменой последнего – децентрацией языка, превращением в «неживую материю», которую призвано оживить новое творчество. Но это только внешние послышки.

Художники-авангардисты, которые оставили нам наследие, ставшее уже «классическим авангардом», во многом действовали как ученые-аналитики, добываясь до внутренней структуры языка и внутренней структуры текста. Фактически они делали то же самое, что лингвисты-структуралисты, рассматривая язык как упорядоченную гармонизированную сущность, обращались к внутренней структуре текста как к основе его упорядоченности и гармонии. Философы, лингвисты-структуралисты и художники-аналитики делали практически одно и то же дело – они абстрагировались от речи и сосредоточивались на языке как классификационной сущности. Им было важно зафиксировать возможности неявного в нем, того, что упрятано внутрь языка, речи, текста.

Язык для художника – всегда объект рефлексии, так как это его материал; дело в том, преобладают ли в тексте синтетические или аналитические тенденции. В классическом типе текста преобладают синтетические тенденции (склад),

---

<sup>5</sup> Ф.Т. Маринетти. *Технический манифест футуристической литературы*. [В:] *Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века*. Ред. Л.Г. Андреев. Москва: Прогресс, 1986, с. 163–164.

<sup>6</sup> Там же, с. 167.

авангардистские манеры появляются там, где анализ начинает преобладать над синтезом, то есть то, что было элементами кристаллической формы, становится в ряд самостоятельных сущностей, превращаясь в ансамбль с преобладанием неструктурного в структуре.

Авангардистов интересовала не столько синтагматика, сколько парадигматика, то есть выявление возможностей внутреннего упорядочивания, основанного не на пересказе (ср. с фигуративной живописью), а на обнаружении внутренних структур во всех искусствах и оперировании ими как обобщенными и обобщающими, по сути, геометризованными сущностями. Особо явной в структуральном отношении была фонетическая система как языка, так и текста. Так как элементы фонетико-фонологической системы легко исчисляемы, они более просто подвергаются классификации и моделированию. Кроме того, фонетическая система – самая «беспредметная» система языка. Образцы ее моделирования позволяют распространить некоторые тенденции на моделирование всех уровней языка и текста.

Не случайно один из выдающихся структуралистов К. Леви-Строс в работе *Структурная антропология* (1958) определил высокую значимость лингвистики для всего гуманитарного знания. Он показал, что лингвисты и социологи шли независимо друг от друга присущими им путями.

Они, – пишет К. Леви-Строс, – разумеется, время от времени приостанавливаются, чтобы сообщить друг другу о некоторых достигнутых ими результатах. Тем не менее эти результаты являются следствием различного подхода, причем не делается никаких усилий для того, чтобы дать возможность представителям одной специальности воспользоваться техническими и методологическими достижениями другой. Подобная позиция могла быть объяснима в то время, когда лингвистические исследования опирались на исторический анализ. Этнологические изыскания, проводившиеся в этот период, отличались от лингвистических скорее по своей глубине, чем по самому их характеру. Лингвисты владели более точным методом, результаты их исследований были лучше обоснованы [...]. Тем не менее, при всем этом, антропология и социология ждали от лингвистов только фактических сведений; ничто не предвещало откровения.

Возникновение фонологии внесло переворот в это положение. Она не только обновила перспективы лингвистики: столь всеобъемлющее преобразование не могло ограничиться одной отдельной дисциплиной. Фонология по отношению к социальным наукам играет ту же обновляющую роль, какую сыграла, например, ядерная физика по отношению ко всем точным наукам. В чем же состоит этот переворот, если попытаться выяснить его наиболее общие следствия? На этот вопрос дает нам ответ один из крупнейших представителей фонологии Н. Трубецкой. В программной статье *La phonologie actuelle* (1933) он сводит в конечном счете фонологический метод к четырем основным положениям: прежде всего фонология переходит от изучения сознательных лингвистических явлений к исследованию их бессознательного базиса; она отказывается рассматривать члены отношения как независимые сущности, беря, напротив, за основу своего анализа отношения между ними; она вводит понятие системы: 'Современная фонология не ограничивается провозглашением того, что фонемы всегда являются членами системы, она обнаруживает конкретные фонологические системы и выявляет их структуру'; на-

конец, она стремится к открытию общих законов, либо найденных индуктивным путем, 'либо... выведенных логически, что придает им абсолютный характер'<sup>7</sup>.

Художники и ученые-аналитики делали, по сути, одно и то же дело. Среди исследователей здесь можно отметить теоретиков художественного творчества, входивших в группу ЛЕФ, потом ставших теоретиками ОПОЯЗа (О.И. Брик, Б.А. Кушнер, В.Б. Шкловский и т.д.).

Повторность элементов в поэтическом тексте выявляли многие поэты и ученые, но фонетический уровень организации наиболее глубоко проанализировал Е.Д. Поливанов в статье *Общий фонетический принцип всякой поэтической техники* (1930). Е.Д. Поливанов определяет звуковой повтор в широком смысле, как общий фонетический принцип поэзии: он заключается в совпадении (или в сходстве) конечных звуков строки – в рифмовке, в повторении чередований ударных слогов с безударными, в повторении стоп, в повторении звуков в инструментовке и т.д. В «заумной» поэзии, по Поливанову, также наличествует звуковая организация – это относительно регулярно повторяющиеся геометрические фигуры, образующие «пары звуков». М.В. Панов уточняет, что Поливанов выделил повтор отношения: отношения тождества, отношения контраста<sup>8</sup>. Е.Д. Поливанов считал, что отличительным признаком поэзии вообще можно считать «наличие той или иной фонетической организованности»<sup>9</sup>. Идеи, которыми руководствовался Е.Д. Поливанов в период расцвета ОПОЯЗа, характерны были для многих исследователей – О.И. Брика, Б.А. Кушнера, Р.О. Якобсона.

О.И. Брик и Б.А. Кушнер опирались на гармонизацию согласных в текстах. О.И. Брик отмечал, что сущность повтора заключается в том, что «некоторые группы согласных повторяются один или несколько раз в той же неизменной последовательности, с различным составом сопутствующих гласных»<sup>10</sup>. При этом согласная или сохраняет свою фонетическую окраску, или же переходит в другой звук в пределах своей акустической группы. О.И. Брик разделял повторы на двузвучные, трехзвучные, многозвучные. Если обратиться к идее инвариантностивариативности, то повтор строится по принципу симметричных отношений, их и определяет О.И. Брик, не обращаясь к понятиям инвариантности/вариативности. «Если обозначить основные согласные алгебраическими знаками А, В, С, то получают повторы типов: АВ, ВА, АВС, САВ, АСВ...»<sup>11</sup>.

Исследователи обратили внимание не только на то, что повтор обнаруживается в последовательном развертывании текста, но и на то, что существует вертикальное порождение звуковой инструментовки, основанное на жесткой

<sup>7</sup> К. Леви-Строс. *Структурная антропология*. Москва: Наука, 1983, с. 35.

<sup>8</sup> См. об этом: М.В. Панов. *Современный русский язык. Фонетика*. Москва: Высшая школа, 1979.

<sup>9</sup> Е.Д. Поливанов. *Общий фонетический признак всякой поэтической техники*. «Вопросы языкознания» 1963, вып. 1, с. 100.

<sup>10</sup> О.И. Брик. *Звуковые повторы*. [В:] *Филология: Школы и направления*. Ред. К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2014, с. 452.

<sup>11</sup> Там же.

симметрии. Так, Б.А. Кушнер выявил важнейший фактор в гармонизации звукового слоя поэтического текста – «строфные сонорирующие аккорды», для которых характерно прохождение в вертикальном направлении через всю строфу и стихотворный текст в целом. Аккорды Б.А. Кушнер классифицирует по принципу симметрии – асимметрии; в последнем случае возникает наращение звука, аккорда, целой аккордной группы<sup>12</sup>. Кушнер считает, что в организации звуковой стороны поэтических текстов «имеет место строгий план, точная симметрия и, вероятно, такая же математическая железная закономерность, как и в сочетаниях тонирующих звуков музыки»<sup>13</sup>.

Это утверждение, несомненно, точно определяет суть гармонизации звукового слоя и в классическом типе текста, но он выявляется только в процессе анализа внутренней структуры текста, в данном случае фонетико-фонологической. Возьмем для примера стихотворение А.С. Пушкина «Зорю бьют» и рассмотрим соотношение в нем ударных гласных (ассонанс) и аллитерации.

Зорю бьют... из рук моих	о	у	у	и
Ветхий Данте выпадает,	э	а	а	
На устах начатый стих	а	а	и	
Недочитанный затих –	и	и		
Дух далече улетает,	у	э	а	
Звук привычный, звук живой,	у	ы	у	о
Сколь ты часто раздавался	о	ы	а	а
Там, где тихо развивался	а	э	и	а
Я давнишнею порой.	а	и	о	

1829

В тексте при рассмотрении всех элементов становится заметно, что гласные взаимодействуют друг с другом, составляя вокальную основу текста: тридцать ударных гласных характеризуются строгой организацией – они образуют парные повторы по вертикали и горизонтали, причем их сцепление так прочно, что нет звука, оказавшегося вне идеи парной (в основном) повторяемости.

Ассонансы парных горизонтальных рядов: [уу – аа – аа – ии – аа – у – у – аа – а – а]; вертикальные ряды: [аа – ии – уу – ыы – аа – ии]; все это образование пронизывается звуком [э – э – э] и окольцовывается соотношением начального и конечного [о...о] – изящным рондо. Гармоничная сеть гласных обнаруживает симметричные отношения, характеризующиеся разнообразием и динамикой парного повтора. Парность придает звучанию замедленность, легкость и направленность движения, такую форму можно охарактеризовать как легатную (итал. *legato* – связанное исполнение, *leggiuo* – легко).

Мягкость и напевность звучания подчеркивается обилием сонорных в структуре аллитераций, с которыми контрастируют звуки [з – с – х], связанные с идеей звучания (зоря, звук), подчеркивающие затихание звучания стиха, звука –

<sup>12</sup> Б.А. Кушнер. *Сонорирующие аккорды*. [В:] *Сборник по теории поэтического языка*. Петроград, 1917, с. 83.

<sup>13</sup> Б.А. Кушнер. *О звуковой стороне поэтической речи*. [В:] *Сборник по теории поэтического языка*. Петроград, 1916, с. 9.

истаивание звучности (итал. *morendo*), звуки [з – с] образуют симметричную конфигурацию, повторяясь на протяжении всего текста:

з	з		
с	с		
	з		
з	з		
с	с	з	
	з		

Обращает на себя внимание сочетание звука [х] с другими согласными:

м	х				
в'	т	х			
с	т	х	с	т'	х
з	т'	х			
д	х				
т'	х				

Аллитерации выдвигают ключевое соотношение слов: *зрю* – *звук* – *стих* – *затих*, – которое ставит в соответствие звук и стих, слившиеся в одном интенциональном акте «воспоминание».

В целом соотношение звуков в стихотворении *Зрю бьют...* можно охарактеризовать как консонанс (созвучие, согласие) с элементами диссонанса (несозвучия), упрятанного внутрь. Парность, замедленность можно охарактеризовать и как явление звукоподражательного плана, имитирующего длительное звучание колокола. Следует отметить, что в стихотворении звуковой слой находится в гармонизирующих отношениях с неязыковыми слоями – ведь в нем господствует «мыслимый» звук, звуковая картина – воспоминание; через активизацию слухового модуса перед нашим мысленным «взором» возникает звон колокола, мы как бы «слышим», как бьют «зрю», это помогает воссоздать и звуковая инструментовка текста.

Для классического типа текста соотношение звуков – это изнанка структуры, которая обнаруживает свою функциональную значимость при ближайшем рассмотрении. В авангардных текстах изначные элементы такого типа могут занимать собственно структурную позицию. Былые «бордюры» – структуры старых систем – могут приобретать значение самостоятельных произведений. Главной задачей было – выявить выразительность звуковой материи как таковой. Вот, к примеру, стихотворение А.Е. Крученых, состоящее из одних гласных:

	о	е	а
и	е	е	и
а	е	е	ѣ

Этот текст построен на основе отслоения ассонансной структуры молитвы «Отче наш», по замечанию автора. Е.Д. Поливанов считает, что «заумь», как принцип или как особый (самостоятельный) подвид поэтических пьес, существует и имеет все права на существование именно как наиболее чистый или наиболее поэтический вид поэзии: «В зауми (по крайней мере в «зауми» идеаль-

ного типа — без значащих слов) вся творческая энергия автора и все внимание воспринимающего (чтеца или слушателя) направлены на формальную – звуковую сторону речи, то есть, как мы увидим ниже, – на игру тем или другим видом повторов, не отвлекаясь в сторону смысловых представлений»<sup>14</sup>.

Заумный язык – это часто язык звуковой (фонетический), строится на отслоениях звуковых элементов от слов и их сдвигах – соединение в новое образование: «Заумный язык – всегда сдвиговый язык! – в нем части искрошенных миров!!.. юпяпик (И. Зданевич), любхею (Крученых)...»<sup>15</sup>. Сдвиг фонетический, по теории А.Е. Крученых, – «слияние двух звуков (фонем), или слов как звуковых единиц в одно звуковое пятно»<sup>16</sup>. Чередование же обычного и «заумного» языка, по мнению футуристов, – «самая неожиданная композиция и фактура (наслоение и раздробление звуков) – оркестровая поэзия, все сочетающая. Замауль!..»<sup>17</sup>. Вот одно из стихотворений А.Е. Крученых *Отрава*:

Злюстра зияет над графом заиндевелым  
 Мороз его задымил,  
 ВЗ – З – ЗНУЗДАЛ!!  
 Кровь стала белой  
 А в спине замерзает застарелый парафин  
 Отравный по жилам растекся слизняк...  
 За зазорным наследством  
 Сквозь заборы и щели  
 В дверь надвигались з – з – зудящих РОД – ствен  
 ников  
 Зве – ра – а – ва  
 А!  
 СА – СА – СА – СА ...  
 1923

Звук [з], пронизывающий текст, способствует возникновению «звукообраза», на который делали установку футуристы. Звук имеет значение, и его доминирование образует «гамму», рельеф текста: «Определенный звукоряд поэта сдвигает его содержание в определенную сторону – поэт зависит от своего голоса и горла»<sup>18</sup>. Звук [з], в данном случае виртуозно используемый поэтом, несет семантику зла, особенно ярко выраженную в «сдвиговых» словах *злюстра* и *зверва*, образованных соединением «разрубленных» слов, наложенные одно на другое: *злюсь* + *люстра*; *зверь* + *орава*. Этому же способствует растяжка слов: *вз – з – знуздал*, *з – з – зудящих*, *зве – ра – а – ва*. Онома топы, врезающиеся в слова, в сочетании с инструментровкой всего текста приводят его к гармонически организованному диссонансу: повтор, гармонизация создают неблагозвучие текста,

<sup>14</sup> Е.Д. Поливанов. *Общий фонетический признак всякой поэтической техники*. «Вопросы языкознания» 1963, вып. 1, с. 110.

<sup>15</sup> А.Е. Крученых. *Кукиш проилякам*. Москва, Таллин: Издательство «Гилея», 1992, с. 67.

<sup>16</sup> Там же, с. 37.

<sup>17</sup> Там же, с. 66.

<sup>18</sup> Там же, с. 50

звуковой строй несет заостренную, раздражающую, беспокойную семантику, активную фактуру.

В текстах авангарда часто наблюдается использование приемов зауми (звуковых отслоений – изнанки структуры) и собственно структурных компонентов. Например, у А.В. Туфанова в стихотворении *Осенний подснежник*:

Сноу шайле шуут шипиш сноу  
 Сноуишип ниип нейчар снее  
 Шалью белоснежною все солнце  
 Снова до весенних зорь закрыто  
 1924

Таким образом разрешается парадокс о противостоянии классических и авангардных типов текста. В первом доминируют собственно языковые единицы, преобладают реляционные связи, второй доводит децентрированность поэтического языка до предела, и изнанка структуры, которая имеет место и в классических текстах, ставится в авангардном тексте в основную структурную позицию. Это как бы точка отсчета. Как видно из предыдущих примеров, «изнаночные элементы» подвергаются разработке, различным модификациям.

Здесь мы имеем в виду очень важное свойство классического текста. Он имеет внешнюю линейную организацию, но внутренняя его структура (особенно структура поэтического текста) вертикальна, реализуется на основе повторяемости инициально заданных структурных компонентов. Внутренние гармонические вертикали, построенные на повторах, которые имеют симметричную структуру на основе «отслоения» элементов текста на всех уровнях его организации – от фонетического до синтаксического (звуки, морфемы, лексемы, грамматические формы, предложения), как правило, поражают внутренним совершенством. Р.О. Якобсон в работе *Поэзия грамматики и грамматика поэзии* (1961) подчеркивает, что внутренние структуры образуют узоры симметрии, удивительные по красоте<sup>19</sup>. Как видим, вертикальное строение текста использовалось футуристами: оно являет гармонию во всех типах произведений искусства, так как гармония вертикальна. С вертикальным строением текста соотносятся гармонические горизонталы, проработанные структурно<sup>20</sup>.

Таким образом, авангардные тексты находятся с классическими в отношении диалога и развиваются в рамках одной традиции. Не случайно современное искусство интерпретируется как направленность формы против себя самой, когда в тексте узаконивается все, что с трудом приемлется или отвергается в лингвистике. В последнее время рассмотрение авангарда и классических текстов все больше и больше дается в русле одной большой традиции.

В модернистском контексте для авангарда была важна сама „новизна“, полемичность по отношению к традиции. Теперь это совершенно неактуально, – пишет В.Г. Кулаков.

<sup>19</sup> Р.О. Якобсон. *Поэзия грамматики и грамматика поэзии*. [В:] *Семиотика*. Ред. Ю.С. Степанов. Москва: Радуга, 1983, с. 462–483.

<sup>20</sup> См. об этом: К.Э. Штайн. *Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура*. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2006.

– Более того, привычное противостояние „авангардист” – „традиционалист” – „непонятнее иероглифов.” [...] „Актуальное же сознание – назовем его поставангардистским – исходит из того, что все есть традиция.” [...]. Авангардный полюс выделяется, но уже не обладает былой агрессивностью [...]. Делается общее дело, в котором важен только результат – художественное качество – художественный эффект<sup>21</sup>.

Об этом же в системе сменяющих друг друга направлений и методов пишет Н.С. Автономова. Она выделила два главных способа отталкивания от собственного культурного прошлого. Первый способ – разъятие прошлого и оперирование его элементами в новых и новых комбинациях. Это постмодернистский способ. Второй – отмена прошлого и попытка создания чего-то абсолютно нового, как можно более непохожего на то, что было прежде. Это авангардистский способ осмысления прошлого. Таким образом, триада: академизм (классическое искусство), постмодернизм, авангардизм – это постоянно сменяющие друг друга формации в становлении художественного мышления. Так было и после символизма. Уже акмеисты рассматривали символизм в качестве академического искусства и, опираясь на эти же тексты, стали писать стихи с большим количеством реминисценций – так много в них отсылок то к Пушкину, то к Данте, то есть действовали они как постмодернисты<sup>22</sup>.

Авангардистские манеры связаны с «отменой» прошлого, хотя наивным было бы мнение, что авангардисты не знали, не исследовали тексты поэтов прошлого. Они делали это уже потому, что новая поэтика, предполагавшая «беспроволочное воображение», то есть воображение, которое находит воплощение в отмене грамматических связей, отношений между словами в тексте, основана на хорошем знании внутренних структур классического текста, выражающих его гармонию. И если гармония создается на основе внутренних вертикальных структур текста, то почему же не поставить ее в основную структурную позицию? Так и делали футуристы. И, может быть, в этом их игра, их «тайна», ведь «футуристические столбики» В.В. Каменского, тексты сagramматическими связями слов А.Е. Крученых можно обнаружить во внутреннем строении стихотворений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и т.д.

При этом, видимо, будет важным противопоставление авангарда и постмодерна в плане их отношения к материалу – к языку и классическим типам текста. Авангардисты разбирают механизм – язык, текст, чтобы увидеть его внутренние закономерности и воспользоваться ими в процессе создания своих текстов, как правило, лишенных реляционных связей. А постмодернисты оперируют готовыми художественными системами, деконструируя текст, выводя его из автоматизма логоцентричности. Аналитизм и деконструирование – это сходные, но в то же время различные по направленности действия. Аналитизм авангардистов направлен на выявление внутренних возможностей языка и текстов и разработку новых отношений между элементами (по сути, парадигматических). Деконструкция, как правило, связана с оперированием готовыми тек-

<sup>21</sup> В.Г. Кулаков. *Просто искусство*. [В:] *Его же. Поэзия как факт*. Москва: Новое литературное обозрение, 1999, с. 62–63.

<sup>22</sup> Н.С. Автономова. *Возвращаясь к азам*. «Вопросы философии» 1993, вып. 3, с. 17.



стами (интертекстуальность, сложная многомерная система цитирования). Она регламентирована не столько структурой и системой языка и текста, сколько его новым прочтением. Деконструкция – это примета постмодернизма.

Н.А. Бердяев, говоря о кризисе искусства, наступившем в конце XIX – начале XX века, противопоставляет синтетику поэзии, искусство как синтез, как умение творить «кристаллы» форм в классическом тексте аналитическому искусству авангарда, приводящему к противоположному эффекту. Н.А. Бердяев определяет этот процесс как «распластование космоса», «весь предметный, телесный мир расшатывается в своих основах», «все аналитически разлагается и расчленяется»: «Когда новые художники последнего дня начинают вставлять в свои картины газетные объявления и куски стекла, они доводят линию материального разложения до полного отказа от творчества. В конце этого процесса начинает разлагаться самый творческий акт и творческое дерзновение подменяется дерзким отрицанием творчества. Человек не пассивное орудие мирового процесса и всех происходящих в нем разложений, он — активный творец. Космическое распаствование не истребляет личного духа, не истребляет „я” человека, если дух человеческий делает героическое усилие устоять и творить в новом космическом ритме. Космическое распаствование может лишь способствовать выявлению и укреплению истинного „я”. Человеческий дух освобождается от старой власти органической материи. Машина клещами вырывает дух из власти у материи, разрушает старую скрепку духа и материи. В этом – метафизический смысл явления машины в мир. Этого не понимают футуристы. Они находятся более в погибающей материи, чем в освобождающемся духе»<sup>23</sup>. Р. Барт говорит о «нулевой степени письма» в текстах авангардистов<sup>24</sup>.

Манифесты, декларации, декреты, которые сменили академичные тексты символистов, свидетельствовали о революционном мышлении авангарда, который был характерен в начале XX века для жизни нашей страны в целом. Авангардизм в искусстве, революционное мышление философов-материалистов, ученых – все это явления взаимосвязанные, вписывающиеся в общую структуру идей начала XX века.

Российская доктрина футуристов отмечалась значительным радикализмом по отношению к культуре в целом и языку классических текстов. Приведение текстов к качественно новому состоянию идет часто посредством ресурсов языка, выявленных как в недрах самого языка, так и на основе анализа предшествовавших поэтических систем. Показательна, например, реакция Б.К. Лившица на «консервативное» языковое сознание, господствовавшее в среде футуристов, стремление преодолеть его на основе рекомендаций Маринетти:

Это был вполне западный, точнее – романский подход к материалу, принимаемому как некая данность. Все эксперименты над стихом... мыслились в строго очерченных пределах уже конституированного языка... Словесная масса, рассматриваемая изнутри, из центра системы, представлялась лейбницевской монадой, замкнутым в своей завер-

<sup>23</sup> Н.А. Бердяев. *Кризис искусства*. Москва: СП Интерпринт, 1990, с. 21.

<sup>24</sup> См. об этом: Р. Барт. Нулевая степень письма. [В:] *Семиотика*. Ред. Ю.С. Степанов. Москва: Радуга, 1983, с. 306—349.

шенности планетным миром. Массу эту можно было организовать как угодно, структурно видоизменять без конца, но вырваться из ее сферы, преодолеть закон тяготения казалось абсолютно немислимым<sup>25</sup>.

Преодоление центризма старой поэтической системы идет в диалогах манифестов, в экспериментаторстве. В результате поэтическая система Ф.Т. Маринетти с его жесткими предписаниями принимается, но, в свою очередь, и преодолевается двумя способами. Первый способ – аналитический подход к рассмотрению классических поэтических систем, но не со знаком минус, а со знаком плюс. Футурист обращает свое внимание не только на центр системы, но и на изнанку структуры, выделяя маргинальные элементы (типа сдвигов Пушкина «Со \_сна садится в ванну со \_льдом», «все те же ль \_вы?» и т.д.), которые ставятся в текстах футуристов в основную структурную позицию.

Следует добавить к этому, что, анализируя поэзию А.С. Пушкина, А.Е. Крученых выделил множество такого рода элементов, определив их как «сдвиговые», заумные элементы, по типу которых он и строил свой заумный язык путем расчленения обычных слов, их слияния и т.п.<sup>26</sup>.

Современный постмодерн, который продолжает воплощать в качестве приемов принципы, обнаруженные в процессе изучения классических типов текста, ввел понятие лингвопластики. Лингвопластика – это активное воздействие на слово с использованием его «физических свойств – расчленяемости, способности к слипанию с другими словами, растягиваемости, сжимаемости и других видов пластической деформации»<sup>27</sup>. Приемы деформации были выработаны в искусстве авангарда начала века, и «открытия» такого рода связаны с анализом классических типов текста. Так, А.Е. Крученых принадлежит исследование, основанное на анализе маргинальных элементов – того, что с точки зрения психоанализа и деконструкции относится к незначительному, отсылающему к более значительному в тексте. Проанализировав слияние нескольких (чаще двух) лексических единиц (слов) в одно фонетическое (звуковое) слово, Крученых и назвал это сдвигом (звуковым), который может вызвать смысловой сдвиг фразы, процитировав при этом самого А.С. Пушкина:

То звуков или слов  
Нежданное стечение.  
К чернильнице

Крученых имел в виду случаи типа: «А нынче все умы в тумане»; «Со сна садится в ванну со льдом» (сольдо – итальянская монета); «Слыхали ль вы», «Ты прозаик, я поэт» (ты про – заек, я – поэт) и т.д.<sup>28</sup>. Таким образом, А.Е. Крученых на основе анализа классических типов текста, в корреляции с экспери-

<sup>25</sup> Б.К. Лившиц. *Полутораглазый стрелец*. Москва: Художественная литература, 1991, с. 47–48.

<sup>26</sup> См. об этом: А.Е. Крученых. *500 новых остроум и каламбуров Пушкина*. Москва, 1924.

<sup>27</sup> А.Ш. Левин, В.Я. Строчков. *В реальности иного мира*. «Экс-центр – Лабиринт: Современное творчество и культура» 1991, вып. 2, с. 76.

<sup>28</sup> См. об этом: А.Е. Крученых. *500 новых остроум и каламбуров Пушкина*. Москва, 1924.

ментами в музыке, живописи был установлен новый тип отношений в системе звуковых единиц, в основе которых лежит не только повтор, но и *сдвиг*, то есть «слияние двух звуков (фонем), или двух слов как звуковых единиц, в одно звуковое пятно»<sup>29</sup>. «Сдвиг – яд, очень опасный в неопытных руках глухачей, но его же можно использовать как хороший прием...»<sup>30</sup>. Чтобы совершить сдвиг, надо совершить членение — расслоение, и потом смонтировать отслоенные элементы. Таким образом, монтаж отслоенных элементов становится (а в классических текстах внутри структуры является) способом формирования отношений в тексте, в результате чего возникают не только фонетические, но и словесно-семантические диссонансы.

Второй способ выявляется во внутреннем диалоге на уровне текстов и манифестов Маринетти. Анализ классического поэтического языка идет не по пути умерщвления его и превращения в неживую материю, как рекомендует Ф.Т. Маринетти. В диалоге с ним, а также в ходе осмысления футуристических новаций, и в особенности текстов В. Хлебникова, выявился тот путь в децентрации классических типов текста, по которому в целом пошло развитие русского футуризма. Язык приобретает состояние материи, но материи живой, так как футуристы обращаются к первородному хаосу, к «довременному слову». Застывшие языковые слои, на которые поэты «наступали как на твердую почву», оживают, переворачиваются «корнями вверх».

В начале века, с появлением авангардизма, исследователи оказались, как образно сказал П.А. Флоренский, «у водоразделов мысли», на переломе, так как формирование научной и художественной картины мира находится в рамках одной эпистемологической реальности. Третья научная революция (конец XIX – середина XX века) ознаменовалась становлением нового, неклассического знания, а значит, сменой парадигм как в теории познания, так и в искусствознании, и в частности, поэтике.

Появление авангарда подтолкнуло исследователей к созданию новой поэтики, которая основывалась не только на лингвистических штудиях в области художественного текста, но обращала исследователя к «языковому изобретению», «языковой инженерии», которая базируется «на культурном преодолении языкового материала»<sup>31</sup>. Г.О. Винокур был одним из тех, кто понял, что всякая смена поэтических школ есть вместе с тем смена приемов поэтической организации материала, «преодоление языковой стихии»<sup>32</sup>. Р.О. Якобсон также замечал по этому поводу: «...для нас нецезурованный пятистопный ямб гладок и легок. Пушкин же ощущал его, то есть ощущал как затрудненную форму, как дезорганизацию формы предшествовавшей»<sup>33</sup>. Якобсон определил суть децентрации поэтической речи: «...по существу, – писал он, – всякое слово поэтического языка – в сопоставлении с языком практическим – как фонетически, так и семанти-

<sup>29</sup> А.Е. Крученых. *Кукиши прошилкам*. Москва, Таллин: Издательство «Гилея», 1992, с. 37.

<sup>30</sup> Там же, с. 47.

<sup>31</sup> Г.О. Винокур. *Филологические исследования*. Москва: Наука, 1990, с. 15.

<sup>32</sup> Там же.

<sup>33</sup> Р.О. Якобсон. *Работы по поэтике*. Москва: Прогресс, 1987, с. 273.

чески деформировано»<sup>34</sup>. О деформации слова в поэтической речи писали в это время многие исследователи (В.Б. Шкловский, Б.В. Томашевский, Ю.Н. Тынянов, Л.П. Якубинский, Р.О. Якобсон, Г.О. Винокур, П.А. Флоренский). Это было связано с тем, что деформации подвергались не только языковые единицы, но и формы в музыке, и особенно в живописи. «Пикассо пришел в этот мир, чтобы хорошенько встряхнуть его, вывернуть наизнанку и снабдить его другими глазами», – писал поэт Р. Альберти<sup>35</sup>.

Искажения и деформация в его композициях с изображением людей доходят до такой крайности, что становятся в некотором смысле самой темой его искусства. Пикассо стал создавать из контуров и форм собственные образы, которые приобретают предметное значение в зависимости от того, как они соединены в живописное целое. То же наблюдается в произведениях футуристов, в их работе над словом и текстом.

Г.О. Винокур глубочайше осмыслил факт авангардистского поэтического текста, подчеркивал, что в этом ему помогли и поэзия, и теория футуристов. Он писал:

Понятен поэтому взаимный интерес, связывающий лингвистов с поэтами-футуристами. Если не все лингвисты заинтересованы футуризмом, поскольку не все они ставят перед собой вопрос о возможности особой языковой технологии, но зато все решительно футуристы поэты тянутся к теории слова, как стебель к солнечному свету. Притом – теории чисто лингвистической, а не какой-нибудь гершензоновской или в стиле Андрея Белого. Не „магия слов“, а внутренний механизм слова влечет к себе футуристов. Именно поэтому футуристское слово культурно<sup>36</sup>.

Г.О. Винокур определил качественную особенность поэтической, лингвистической инженерии – суть ее заключалась в том, что изобретение футуристов не столько лексикологично, сколько грамматично, так как отношения между языковыми элементами системны. Отсюда, по Винокуру, настоящее творчество языка – «это не неологизмы, а особое употребление суффиксов; не необычное заглавие, а своеобразный порядок слов»<sup>37</sup>. Если символисты строили свои тексты «на диковинных словечках с готовой уже грамматикой», то футуристы не только организовали элементы языка, но «делали язык», изобретали новые связи<sup>38</sup>.

Таким образом, уже Г.О. Винокур указал на *критерий*, который используется нами для разграничения классических и неклассических (авангардных) текстов: он заключается в том, что в классическом типе текста преобладают *собственно языковые связи и отношения*, которые существуют наряду с гармонизирующими, текстовыми. В неклассических (авангардных) текстах преобладают *гармонизирующие связи*, которые могут существовать с собственно языковыми.

<sup>34</sup> Там же, с. 299.

<sup>35</sup> Цит. по: Дж. Голдинг. *Искажения в живописи Пикассо*. «Курьер ЮНЕСКО» 1981, вып. 1, с. 20.

<sup>36</sup> Г.О. Винокур. *Филологические исследования*. Москва: Наука, 1990, с. 22.

<sup>37</sup> Там же, с. 17.

<sup>38</sup> Там же, с. 17–18.

Это разграничение относительно, так как авангард часто пользуется классическим типом текста, деформируя только семантические связи в нем. Кроме того, в классических типах текстов имеются особые, гармонизирующие связи за пределами собственно языковых, но они, как мы уже говорили, упрятаны вглубь, составляют изнанку системы, в то время как в неклассических текстах изнанка вывернута наружу, обычные языковые связи чаще всего нейтрализованы.

Г.О. Винокуром был сформулирован закон поэтической речи:

И если мы, к примеру, найдем целый ряд экспрессивных моментов в поэтической речи, то правильный анализ тем не менее покажет, что не здесь лежит акцент этой речи, экспрессия здесь лишь дальнейший осложняющий основную композиционную схему прием, под покровом которого мы должны найти и специфическую тенденцию, сводящуюся, в конечном счете, к разложению структуры языка на ее элементы, которые, вслед за тем, конструируются заново, в отличную от собственно языковой схему, где соотношения частей передвинуты, смещены, а следовательно, обнаружена и точно высчитана сама значимость, валентность, лингвистическая ценность этих составных частей. Иными словами, поэтическое творчество – есть работа над словом уже не как над знаком только, а как над вещью, обладающей собственной конструкцией, элементы которой переучитываются и перегруппировываются в каждом новом поэтическом высказывании<sup>39</sup>.

П.А. Флоренский также уважительно, хотя и не без некоторой иронии относится к творчеству футуристов.

Как выступили футуристы – это было главным. Мысли, давно продуманные языковедами, психологами и словесниками в тиши кабинетов, подобились инфекции в западных колбочках. Умы иммунизированные оставались холодными, хотя и обращались с острейшим из ферментов духа. Но речь, пробужденная от спячки, – крепче всякого вина, и слово, само себе предоставленное, опьяняет и испугивает. Когда речь была понята футуристами как речетворчество, и в слове ощутили они энергию жизни, тогда опьяненные вновь обретенным даром, они заголосили, забормотали, запели<sup>40</sup>.

П.А. Флоренский занимает умеренную позицию, отдавая дань излюбленной в среде гумбольдтианского направления ученых антиномии. «Диссоциация» антиномии, по его мнению, все же привела футуристов к утрате языка. Ирония Флоренского здесь беспощадна: «...как примените вы его (язык. – К.Ш., Д.П.), рассказывая... историю о бабушке и ее сереньком козликке... Каждому простейшему рассказу придется посвятить по книге»<sup>41</sup>. Говоря современным языком, футуристы абсолютно децентрировали язык, перемещая конструктивный центр на «аномальные» элементы. В поэзии же центрация должна иметь гармонический характер, что выражается, по мнению Флоренского, в антиномии: «Тем и другим должно быть... слово зараз: столь же гибким, как и твердым, столь же индивидуальным, как и универсальным, столь же мгновенно-возникающим, как и навеки определенным исторически, столь же моим произволом,

<sup>39</sup> Там же, с. 27.

<sup>40</sup> П.А. Флоренский. *У водоразделов мысли*. [В:] Его же. *Избранные произведения*. Т. 2. Москва: Правда, 1990, с. 171–172.

<sup>41</sup> Там же, с. 199.

как и грозно стоящею надо мной принудительностью»<sup>42</sup>. Не случайно именно А.С. Пушкину в поэтических произведениях удалось осуществить гармоническое слияние всех жизнеспособных элементов русского литературного языка с элементами живой народной речи.

Работа над текстами столкнулась с плодотворными теориями творчества, господствовавшими в России уже в символистских концепциях – теориями В. фон Гумбольдта – А.А. Потебни. «Гумбольдтовское понимание языка как искусства, – писал Б.К. Лившиц, – находило в себе красноречивейшее подтверждение в произведениях Хлебникова, с той только потрясающей оговоркой, что процесс, мыслившийся до сих пор как функция коллективного сознания целого народа, был воплощен в творчестве одного человека»<sup>43</sup>.

В центре внимания футуристов оказываются теории В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни не только потому, что эти ученые обращаются к первородному хаосу, органической совокупности речи, из которой рождаются отдельные элементы, и в первую очередь, слова, но и потому, что эти теории оперируют противоположными типами «языкового мировидения»: «Прокладывая путь к постижению истины, язык является великим средством преобразования субъективного в объективное, переходя от всегда ограниченного индивидуального ко всеобъемлющему бытию», – писал В. фон Гумбольдт<sup>44</sup>. Если символисты ориентировались на провозглашаемую оноματοпоэтической школой синтетическую поэзию, то авангард направлял свои устремления к первородному хаосу, противоположному синтезу.

Классический текст обращен к рефлексии над миром, авангардный текст помимо этого связан с рефлексией над творчеством, он оперирует на практике целыми типами художественного сознания. Аналитический критерий, использованный авангардистами, вел к расчленению и расслоению не только классических текстов, но и целых художественных систем, которые объединялись уже на новом основании, а также и к расслоению, дискретности мира, стремлению к новому его означиванию.

В этом отношении показательна теория прибавочного элемента К.С. Малевича. Как художник и теоретик искусства К.С. Малевич оперировал типологическими элементами индивидуальных творческих систем, а также художественных систем, направлений, методов. Элемент культуры использовался как знак, имеющий высокую степень абстракции. Так, например, сезанновский прибавочный элемент – плоскость цвета – соединялся в одном произведении с кубистической кривой – серповидной линией, в результате художник должен был уйти от эклектизма, преодолевая заданные системы или выходя на чистый вид той или иной системы. Устанавливался порядок типологических культур (импрессионизм, сезаннизм, кубизм, супрематизм, реализм), оперируя которыми,

---

<sup>42</sup> Там же, с. 203.

<sup>43</sup> Б.К. Лившиц. *Полтораглазый стрелец*. Москва: Художественная литература, 1991, с. 48.

<sup>44</sup> В. фон Гумбольдт. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 1984, с. 318.

можно было, «достигнув 100% насыщения», выявить знаковые элементы новой художественной системы<sup>45</sup>.

Эта модель функционировала и в поэзии, где авангард шел по пути отмены прошлого; создавалась, казалось бы, абсолютно новая система, по которой в стихах не должно быть ничего заимствованного, стихи должны были писаться так, как будто до них не было поэзии вообще. Но все же каждый элемент провозглашенной новой техники осознавался вследствие рефлексии над классическим текстом, это был уже знак знака, хотя бы и с отрицательным показателем по отношению к первичным знаковым системам. Элементы нового кода нуждались в классификации, отсюда повышалась роль теории искусства, неразрывно связанной с практикой поэтического эксперимента.

Для того чтобы зритель понял настоящие предметы искусства и мог насладиться новой поэзией, которая в них заключена, нужно пробудить в нем мысли искусства... – писал Н. Кульбин. – Роджер Бэкон спрашивает: что лучше, уметь ли нарисовать от руки совершенно прямую линию, или изобрести линейку, при помощи которой всякий может провести прямую линию? Такой линейкой является для художника теория художественного творчества. Без нее каждый художник должен был бы проделать вновь всю творческую культуру. Он смотрит произведения искусства и берет из них те линейки, которые в них заключены...<sup>46</sup>

В таком измерении, намеченном самими авангардистами, авангард не уникальное явление, а функциональное звено во временном механизме культурных изменений<sup>47</sup>.

Таким образом, авангардная знаковая система создавалась как коррелят классической, взятой в качестве стабильного инварианта, хотя в манифестах господствовали воззвания: «Бросить Пушкина, Достоевского... с Парохода современности»<sup>48</sup>. Русские футуристы шли по пути «языковой инженерии», то есть «делали язык» (Г.О. Винокур), изобретали новые связи и даже новые элементы заумного языка, при этом за ними всегда стоял язык как инвариант, обладающий мощными ресурсами для новых способов означивания. Эти способы авангардисты искали в устремлениях, противоположных символистским.

Если символисты стремились привести язык текстов к максимальной обобщенности, которая тем не менее опиралась на миметическую функцию языка и заключалась в соединении обобщенного значения с названием детали, как бы только что пришедшей из действительности, то футуристы обращали свои взоры к «доумному» состоянию языка как деятельности, которая творит из первоэлементов новую языковую реальность, не привязанную к сиюминутной

<sup>45</sup> К.С. Малевич. *О теории прибавочного элемента в живописи*. «Декоративное искусство» 1988, вып. 1, с. 37–38.

<sup>46</sup> Н. Кульбин. *Свободное искусство как основа жизни*. [В:] *Программы и манифесты*. Ред. В. Марков. Мюнхен, 1968, с. 19–21.

<sup>47</sup> Н.С. Автономова. *Возвращаясь к азам*. «Вопросы философии» 1993, вып. 3, с. 18.

<sup>48</sup> Д.Д. Бурлюк, Н.Д. Бурлюк, А.Е. Крученых, В.В. Кандинский, Б.К. Лившиц, В.В. Маяковский, В. Хлебников. *Пощечина общественному вкусу*. [В:] *Программы и манифесты*. Ред. В. Марков. Мюнхен, 1968, с. 50.

действительности. «Развитие языка в истории идет именно от футуризма к современности», – пишет П.А. Флоренский<sup>49</sup>. Здесь имеет место та точка соприкосновения современности авангарда с культурой прошлого, которую теоретики авангарда определяли как «внутреннюю родственность с примитивами»<sup>50</sup>. В данном случае совпадают стремление футуристов разрушить застывшие кристаллы форм и поиски «линеек», типов художественного сознания, в данном случае «доумного», примитивного, когда «чистые» художники слова творили слово, добываясь внутренне необходимого, устраняя внешнее, случайное.

Таким образом, децентрация языковой системы обусловлена не стремлением к ее разрушению, а тенденцией к поискам первоэлементов, языковых примитивов, выявляемых в процессе «разложения», расслоения застывших элементов языка, приведение его к исходному состоянию – состоянию деятельности.

Есть стихотворение, которое можно считать энциклопедией «отслоненных» элементов, функционирующих в качестве единиц гармонической организации. Это «Дыр бул щыл» Крученых, в котором даны все основные формальные элементы, присущие аналитическому складу, а также аналитическому искусству авангарда. Его можно интерпретировать словами В. Хлебникова, адресованными собрату по перу Д.Д. Бурлюку, как выставку приемов и способов письма.

Дыр бул щыл  
убъщщур  
    скуп  
вы со бу  
    р л эз  
А. Крученых. 1913

Эта первая часть триптиха, и в отличие от других частей, построенных на комбинации языковых единиц и элементов зауми, полностью соткана из отслоений и их значимых комбинаций. Эти элементы можно интерпретировать как 1) корневые отслоения (дыр, бул), 2) отслоение финалей слов (щыл), 3) инициальные части «разрубленных слов» (убъ, бу), 4) приставочные элементы (вы, со), 5) отдельные буквы (р, л), 6) как слипание элементов (убъ + щщур), 7) использование экзотических финалей, или вольных отслоений (эз). Текст представляет единое целое и существует вне синтаксических связей: отслоенные элементы гармонизируются на основе симметрии их расположения, а также звукового повтора с преобладанием согласных, так называемой «тугой фактуры».

«Разрубленное слово» противопоставлено слову, разделенному на компоненты – приставки, суффиксы, корни. Слово рублилось, разрубленные части «сдвигались», соединялись части разных слов на новых основаниях, чтобы лишить слово предметности. Слово становилось многомерным, так как элементы его отчасти сохраняли первичные значения, а новое «беспредметное» значение слова отсылало к различным лексическим ассоциациям.

<sup>49</sup> П.А. Флоренский. *У водоразделов мысли*. [В:] Его же. *Избранные произведения*. Т. 2. Москва: Правда, 1990, с. 178.

<sup>50</sup> В.В. Кандинский. *О духовном в искусстве*. Ленинград: Фонд «Ленинградская галерея», 1989, с. 7.



Эти устремления совпали с аналитическими тенденциями в науке. «Одна из самых важных преград на моем пути, – замечал В.В. Кандинский, – сама разрушилась благодаря чисто научному событию. Это было разложение атома. Оно отозвалось во мне подобно внезапному разрушению всего мира»<sup>51</sup>. Вслед за таким мироощущением происходит расшатывание языка в поэтических текстах: «Все более и более невозможно становится синтетически целостное художественное восприятие и творчество. Все аналитически разлагается и расчленяется. Таким аналитическим расчленением хочет художник добраться до скелета вещей, до твердых форм, скрытых за размягченными покровами»<sup>52</sup>. Под беспроволочным воображением Ф.Т. Маринетти и другие футуристы подразумевают свободу образов, аналогий, выражаемых освобожденным словом без «проводов синтаксиса», знаков препинания.

В поэзии декларируется не просто гармоническое единство взаимоисключающего, а новая поэтическая логика, образ рождается из сближения двух и более удаленных друг от друга реальностей; чем более удалены сближаемые реальности, тем могущественнее образ. Ф.Т. Маринетти писал:

Писатели всегда очень любили непосредственную ассоциацию... А я сравниваю фокстерьера с бурлящей водой. Все это уровни ассоциаций различной широты охвата. И чем шире ассоциация, тем более глубокое сходство она отражает. Ведь сходство состоит в сильном взаимном притяжении совершенно разных, далеких и даже враждебных вещей. Новый стиль будет создан на основе самых широких ассоциаций. Он впитает в себя все многообразие жизни. Это будет стиль разноголосый и многоцветный, изменчивый, но очень гармоничный<sup>53</sup>.

По поводу гармонии в аналитическом искусстве всегда возникали проблемы. Гармонизация осуществлялась или «лобовым способом» с помощью симметричных повторов, или с помощью перекличек элементов на основе дальних связей. Привести текст к единству в многообразии, к некоему новому синтезу авангард никогда не стремился. Алогичное соединение слов явится моментом борьбы с логицизмом, «мещанским смыслом» и предрассудками. *Корова и скрипка* – полотно К.С. Малевича, *Флейтапозвоночник*; «флейта – водосточная труба» у В.В. Маяковского, сближение кино с поэзией у А.Е. Крученых (*Говорящее кино*) – все эти абсурдные соединения с точки зрения здравого смысла декларировали всеобщую связь явлений в мире. Любое частное событие рассматривалось как включенное в универсальную систему. В этом раскрывались как каузальные связи сущего, так и их относительный характер. Отсюда не столько рассудочное, сколько интуитивное овладение миром с целью более глубокого его познания. То, что закрыто для обычного разума, должно было открыться в интуиции. Художник попадает в зону повышено напряженной жизни, бросает читателю зрительные, слуховые и вкусовые ощущения. Телеграфные обо-

<sup>51</sup> Цит. по: А. Мигунов, Т. Перцева. *На рубеже искусства и науки*. «Искусство» 1989, вып. 1, с. 30.

<sup>52</sup> Н.А. Бердяев. *Кризис искусства*. Москва: СП Интерпринт, 1990, с. 8.

<sup>53</sup> Ф.Т. Маринетти. *Технический манифест футуристской литературы*. [В:] *Называть вещи своими именами*. Ред. Л.Г. Андреев. Москва: Прогресс, 1986, с. 164.

роты с пропуском глаголов усиливают быстроту и глубину действия, образы сменяют друг друга, отражая новую динамику жизни века механизации.

Многие неклассические тексты представляют собой формально выраженные структуры, практически лишенные линейных связей. Это гармонические вертикали в чистом виде, они относительно просты, их использование обусловлено свертыванием предложения. Нелинейность порождает в тексте квантовый эффект – порционность подачи текста через нанизывание дискретных элементов. Футуристы избавлялись от линейности, а значит, автоматизма письма, от синтаксиса, закрепляющего его. Так как материя, по Маринетти, стремится к скорости и незамкнутому пространству, надо создать незамкнутость пространства в языке, и чтобы подчинить языком материю, надо «развязаться с бескрылым традиционным синтаксисом», с этим рассудительным, неповоротливым обрубом». Поэтому предлагалось поставить во главу угла интуитивное восприятие и, покончив с белыми стихами, заговорить «свободными словами»<sup>54</sup>. Маринетти заявил:

1. Синтаксис надо уничтожить, а существительные ставить как попало, как они приходят на ум. 2. Глагол должен быть в неопределенной форме... 3. Надо отменить прилагательное, и тогда голое существительное предстанет во всей своей красе... 4. Надо отменить наречие. 5. У каждого существительного должен быть двойник...<sup>55</sup>

Примерно о том же говорилось в декларациях футуристов:

Через мысль шли художники прежние к слову, мы же через слово к непосредственному постижению... [...] В искусстве мы заявили: СЛОВО ШИРЕ СМЫСЛА... [...]. Важна каждая буква, каждый звук... Мы впервые сказали, что для изображения нового и будущего нужны совершенно новые слова и новые сочетания их<sup>56</sup>.

Футурист стремится овладеть искусством, извлекать из языка самое характерное, существенное, здесь необходима крайняя децентрация языка путем пропуска частей формы, как это делалось и в живописи. В результате того, что футурист убирает несущественное и выделяет различными способами (расположением на листе, шрифтом) самое существенное, нарушая грамматические связи и отношения, он добивается особого динамизма текста. О.В. Розанова так характеризовала динамизм в живописи: «Сущность динамизма в кубизме: „схватить” несколько последовательных образов предмета, которые, слитые в один, восстаноят его в продолжительности... Путем дробления вызвать мечту спаянности. Сущность динамизма в футуризме: путем дробления вызвать ощущение самого чувства динамизма, а не фиксации его»<sup>57</sup>.

<sup>54</sup> Там же, с. 166–167.

<sup>55</sup> Там же, с. 163.

<sup>56</sup> А.Е. Крученых. *Новые пути слова*. [В:] *Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания*. Ред. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. Москва: Наследие, 1999, с. 50–51.

<sup>57</sup> О.В. Розанова. *Кубизм. Футуризм. Супрематизм*. [В:] *Неизвестный русский авангард в музеях и частных собраниях*. Ред.-сост. А.Д. Сарабьянов. Москва: Советский художник, 1992, с. 335.

Интересно отметить, что те же особенности находят выражение и в авангардной музыке: наблюдается стремление к преодолению линейности, то есть традиционной тематической разработки, мелодии предпочитается свободная последовательность неменяющихся элементов, которая определялась композитором А. Лурье как «синтезпримитив»<sup>58</sup>. Т.Н. Левая отмечает, что контактирование мастеровхудожников, музыкантов, поэтов было обусловлено «универсальностью постулируемых кубофутуристами принципов, могущих быть применительными к разным искусствам, в том числе и к музыке»<sup>59</sup>. Тон во многом задавался поэтами и художниками, которые пошли много дальше музыкантов в своем языковом радикализме.

Авангардист, применяя аналитический критерий, хочет дойти до геометрических основ предметного мира, добраться до «скелета вещей»<sup>60</sup>. Р. Барт так пишет об этом откровении:

Синтаксические связи обладают завораживающей силой, но питает их все же слово, явление которого потрясает, подобно неожиданно открывшейся истине. Назвать эту истину поэтической – значит признать, что поэтическое слово не может быть лживым, потому что оно всеобъемлюще; в нем сияет безграничная свобода, готовая озарить все множество зыбких потенциальных синтаксических связей. Когда незыблемые связи распадаются, в слове остается одно лишь вертикальное измерение, оно уподобляется опоре, колонне, глубоко погруженной в нерасторжимую почву смыслов, смысловых рефлексов и отголосков: такое слово похоже на выпрямившийся во весь рост знак<sup>61</sup>.

В авангардных текстах, где форма равноценна не во всей своей последовательности, художественное сознание должно отобрать элементы поэтической необходимости, причем должно быть пропущено лишнее, художественно, по мысли авангардистов, не ценное. Стиль вообще, утверждает Р. Барт, «это человеческая мысль в ее вертикальном и обособленном измерении... Вот почему все, что намекает на стиль, лежит в глубине; обычная речь обладает горизонтальной структурой, любые ее тайны располагаются на той же поверхности...»<sup>62</sup>. Авангардное искусство – это искусство взрыва, тайное оно делает явным. Примеры тому – тексты А.Е. Крученых.

Отчаяние	Дверь
изпод земли вырыть	свежие маки
украсть у пальца	расцелую
прыгнуть сверх головы	пышет
сидя идти	закат
стоя бежать	мальчик
куда зарыть кольца	собака

<sup>58</sup> Т.Н. Левая. *Русская музыка начала XX века в художественном контексте эпохи*. Москва: Музыка, 1991, с. 152.

<sup>59</sup> Там же, с. 153.

<sup>60</sup> Н.А. Бердяев. *Кризис искусства*. Москва: СП Интерпринт, 1990, с. 30.

<sup>61</sup> Р. Барт. Нулевая степень письма. [В:] *Семиотика*. Ред. Ю.С. Степанов. Москва: Радуга, 1983, с. 330.

<sup>62</sup> Там же, с. 310.

виси на петле	поэт
тихо качаясь	младенчество лет...
Сборник «Трое»	Сборник «Садок судей». Мятаж на снегу

В стихотворении *Отчаяние* заданные словосочетания с инфинитивом в главной структурной позиции, грамматически правильные, но абсурдные по смыслу, повторяются на протяжении всего текста, означая некую константу, неподвижность воли; модификация глагола в форму повелительного наклонения и дееспричастие (*виси... качаясь*) реализует внутреннюю иронию, приказ, бессмысленный «выход из положения».

Другой фрагмент моделирует ситуацию влюбленности юноши, она дана в опоре на «ключевые» слова, какие могли бы быть включены в ее описание. Вертикаль, выстроенная из неких точек, соприкасается с техникой пуантилизма в музыке и живописи (франц. *point* – точка), когда ткань произведения создается из «точек» – звуков, точек – мазков, в результате возникает система констант, проходящих через всю ткань поэтического текста.

«Футуристические столбики» Вас. Каменского – это гармонические вертикали. Например, в поэме *Константинополь* они имеют разнообразную структуру – это может быть повтор одной части речи с использованием эффекта расслоения инициального слова:

МАТРОСЫ  
ТРОСЫ  
ОСЫ

Предложение может быть разложено на элементы, потом они как бы перемешиваются и соединяются во всей неожиданности новой встречи слова со словом в гармонических вертикалях:

Ь  
чьи  
лики  
ослики  
рыбачьи  
ялики  
зыбки  
заливе  
чайки  
парусах  
пугливы  
кричат строго

Есть гармонические вертикали, составленные из созвучий слов «другого языка», часто придуманного авангардистами, некоторые слова которого осознаются:

ПЕРА  
ГЕЛЬБУРДА БЕН  
СЕВЕРИМ  
СИЗЭ

ЧОК  
С  
ТАМ  
БУЛ

В результате всех слагаемых «стихокартина» В.В. Каменского создает многоплановый облик Константинополя. Отсеки, в которых располагаются футуристические столбики, напоминают план города. Наполнение каждого отсека гармоническими вертикалями дает возможность прочувствовать те непосредственные впечатления, которые получает европеец, впервые посетивший восточный город. Сущность творчества В.В. Каменского заключается «в стремлении передать впечатление... Футурист верит в то же самое, во что верят противники футуризма... Он верит в возможность отражения и выражения жизни посредством искусства... Когда футурист пишет свой ноль с крестиком, то он поступает точно так же, как Пушкин, Фет или ктолибо другой:

‘Зима. Крестьянин торжествуя’  
‘Шепот. Робкое дыханье’  
‘Весна. Выставляется первая рама’

Это замечание принадлежит А.А. Шемшурину, первому исследователю «железобетонных поэм» В.В. Каменского<sup>63</sup>. Действительно, когда футурист создает поэму из цепочек повторяющихся существительных, он поступает как поэт, его работа сходна с работой классического поэта, но это уже анализ, рефлексия над классическим текстом.

Авангардные тексты, которые приводились выше, написаны в ориентации на дискретность элементов в материальной среде текста, выявляемой в ходе рефлексии над классическими типами текстов. Говоря о среде, А.В. Бондарко отмечает: «Если исходная система представляет собой целостную языковую единицу, то среда может включать элементы разнородные... Среда может характеризоваться признаками раздробленности, рассеянности отдельных ее сфер, то есть признаками слабой системности»<sup>64</sup>. В авангардных текстах идет ориентация как раз на слабую системность. В классических типах текста часто наблюдается сплошная организованность словной микросреды: слова объединяются в гармонические вертикали на основе грамматических, лексикограмматических категорий, общности семантических, синтаксических функций, тропеической принадлежности, отношения к фигурам речи.

И если в авангардных текстах мы имеем дело уже с преобразованным линейным порядком в вертикальный, то в классических текстах всегда идет преобразование внешнего линейного течения речи во внутренние гармонические вертикали. Есть внешние указатели на преобразование линейного и структурного порядка в гармонический, вертикальный. Здесь возможны крайние слу-

<sup>63</sup> А.А. Шемшурин. *Железобетонная поэма*. [В:] Василий Каменский. *Танго с коровами*. Москва: Книга, 1991, с. 15.

<sup>64</sup> А.В. Бондарко. *Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды*. «Вопросы языкознания» 1985, вып. 1, с. 17.

чаи. Текст может быть составлен из кратких предложений номинативного типа (например, «Шепот, робкое дыхание, трели соловья...» А.А. Фета), тогда он механически преодолевает гармоническую горизонталь, переходя в вертикальную структуру. Чаще же горизонталь характеризуется избыточностью, повторами, системой усложняющих конструкций. Синтаксическая избыточность и приводит к разрывам линейного порядка, при этом каждый стих как бы синтаксически переоформляется, стремясь к внутренней оформленности, к параллелизму, что приводит в итоге к сплошной организованности элементов в материи-среде текста. Пример этому в классическом типе текста — стансы, очень распространенный тип твердой формы строфы, когда одно предложение «растянуто» на всю строфу и каждый стих стремится к внутренней структурной завершенности (относительной) через систему линейных повторов, нагромождение обособленных конструкций и т.д.

Еще критики начала века не замедлили провести параллель идей авангардистов с идеями А. Бергсона (он рассматривал действительность как находящуюся в состоянии непрерывного изменения, потока), теорией относительности, четвертого измерения.

А. Бергсон, представитель интуитивизма и философии жизни, утверждал, что сущность жизни может быть постигнута только с помощью интуиции, которая, будучи своеобразной «симпатией», непосредственно проникает в предмет, сливаясь с его индивидуальной природой. Интуиция не предполагает противопоставления познаваемого познающему субъекту; она является постижением жизнью самой себя. Типичным образцом интуитивного познания А. Бергсон считал художественное творчество. Художник благодаря эстетической интуиции воспринимает реальность во всем своеобразии ее индивидуальных, первичных качеств. Художник, по Бергсону, не должен выходить за рамки своего субъективного мира; ему нужно погрузиться в глубины своего духа и путем внутреннего наблюдения претворить в законченные творения то, что природа заложила в него<sup>65</sup>.

Теория сдвига подразумевала не только «сдвиг» языковых элементов, разрубленных частей слов и соединение их на новом основании, но и вычленение «линеек» – поэтических и других художественных систем и их «сдвиг». Авангардный образ таков, что в нем представлены не просто различные точки зрения, а несколько различных «истин», каждая из которых не менее правдива, чем остальные. Текст футуристов строится на отслоенных элементах, взаимодействующих с собственно языковыми. Эта внутренняя противоречивость искажает текст, но в конце концов она призвана воссоздать образ в соответствии с его внутренней структурой.

Авангардисты, расщепляя слова, предложения, текст в целом, стремились «видеть мир насквозь», с помощью активизации всех элементов слова – от графической фактуры до самого значения, вопреки логике и грамматике, пытались сочетать слова по внутренним, индивидуальным законам, которые интуитивно открываются «речетворцу». «Ослепительная вспышка поэтического слова

<sup>65</sup> См. об этом: Г.С. Бершадская. *Лекции по гармонии*. Ленинград: Музыка, 1985.

утверждает объект как абсолют; природа превращается в последовательность вертикальных линий, а предметы со всеми своими возможностями вдруг поднимаются в рост...» – так характеризует «новую» поэтическую речь Р. Барт<sup>66</sup>. Разрушается синтаксис, слова проносятся на свободе, на место строгого метра выдвигается свободный стих, который стремится тем не менее к конечному объединению. «При сильнейшей эмоции все слова – вдребезги! Не застывшая стихия говорит расплавленным языком – заумным»<sup>67</sup>. Все это было предпринято для достижения новых приемов выражения, создавалась новая форма, новая гармоническая организация.

Как верно указывал С.Н. Булгаков,

всетаки хотят говорить, не хотя слова, его низвергая в дословный хаос звуков. Положительное значение этого эксперимента (насколько он здесь имеется) в том, что здесь нащупывается точная первостихия слова и через то осознается массивность, первоэлемента его материи, звука, буквы, футуристы правы: заумный, точнее доумный язык есть, как первостихия слова, его материя, но это не язык<sup>68</sup>.

Противоположная тенденция связана не только с расплыванием, «декристаллизацией» слова, но и с разрывом его с Логосом, системой значений<sup>69</sup>.

Пафос футуризма, – пишет П.А. Флоренский, – возврат к дологическому стихийному хаосу, из которого возник язык; у футуристов показательно их чувство корней языка, – если брать это слово в его общем, не терминологическом смысле; футуристы – консерваторы и ретрограды, и если они бунтуют, то потому, что первичный хаос и есть неукротимый и извечный бунт. Футуристам язык – нечто свое, глубоко родное, и, чувствуя себя как дома, они располагаются тут 'как дома'<sup>70</sup>.

«Консерватизм» футуристов, конечно, понятие парадоксальное, но не консерватизм вообще – движение к примитиву?

И вынужденные обратиться к ограничительным моментам этих первоэлементов, мы находим в этом вынужденном ограничении новые возможности, новые богатства. [...] Язык... мы получаем нынче по складам и отдаленные слова... мы создаем по необходимости сами, как это делается особенно в периоды возникновения или возрождения и языков народов,

– отмечает В.В. Кандинский<sup>71</sup>. Таким образом, язык «будущего» создавался изоморфно языку прошлого. В этом смысле он не аномален, а относительно нормален, хотя осознается как маргинальный на фоне языка как стабильного инварианта.

<sup>66</sup> Р. Барт. *Нулевая степень письма*. [В:] *Семиотика*. Ред. Ю.С. Степанов. Москва: Радуга, 1983, с. 332.

<sup>67</sup> А.Е. Крученых. *Фонетика театра*. Москва, 1923, с. 6.

<sup>68</sup> С.Н. Булгаков. *Философия имени*. Париж: YMCA-PRESS, 1953, с. 42.

<sup>69</sup> Н.А. Бердяев. *Кризис искусства*. Москва: СП Интерпринт, 1990, с. 11.

<sup>70</sup> П.А. Флоренский. *У водоразделов мысли*. [В:] Его же. *Избранные произведения*. Т. 2. Москва: Правда, 1990, с. 187.

<sup>71</sup> В.В. Кандинский. *О духовном искусстве*. Ленинград: Фонд «Ленинградская галерея», 1989, с. 14.

Теории В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни – это теории высочайшей объяснительной силы, они оказались в центре противоположных тенденций доминирования синтетической деятельности языка в классических типах текстов и аналитической – в неклассических текстах. В результате у нас появилась возможность выделения глобальной антиномии: синтетики и аналитизма поэтических текстов.

Эти теории демонстрируют взаимодополнительность науки и искусства, в данном случае поэзии. Тексты репрезентируют принципы общей гармонической организации, в теориях В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни они находят научное обоснование и обобщение и, будучи истинными теориями творчества, используются художниками не только в построении поэтической теории, но и в самой художественной практике, а далее эта практика, в частности языковая деятельность футуристов, побуждает уже других ученых систематизировать ее результаты. Теории «языковой инженерии» Г.О. Винокура, «преодоления языка как лингвистической определенности» М.М. Бахтина, систематизация веяний «новой русской поэзии», произведенная Р.О. Якобсоном, и выявление антиномий в языке П.А. Флоренским – это во многом результат систематизации языковой практики художников авангарда. Современная стратегия деконструкции, которая с данными теориями соприкасается, является постмодернистской реакцией и на практику авангарда, и на аналитические тенденции в лингвопоэтических теориях структурализма, на которые формальное искусство также сказало несомненное влияние.

Одно из достижений метапоэтики футуристов – это разработка понятия фактуры. Фактура – интегрирующее явление в соотношении языковых и неязыковых слоев поэтического текста. Фактурные свойства текста характеризуют его как вещь сделанную, обработанную, в которой все элементы приведены в соответствие. В системе гуманитарного знания фактура – одно из самых сложных комплексных явлений. Поэты авангардного направления многое сделали для постановки проблемы фактуры в поэзии, а сама поэтическая практика футуристов, современных концептуалистов, например, направлена как раз на создание острохарактерной фактуры в противовес приглушенной в классических типах текста – наличие обостренной фактурности является отличительным признаком авангардного искусства, но ведь изучают и фактуру поэзии Пушкина<sup>72</sup>. Термином фактура пользуются и поэты в процессе самоинтерпретации и исследователи, правда, ученые до сих пор сетуют на неразработанность ее проблематики<sup>73</sup>.

Фактура в теориях музыки и живописи имеет наиболее широкое применение, более того, музыковеды отмечают, что «разработка теории фактуры, как и устойчивое применение термина „фактура“, является достижением русской и советской теории музыки»<sup>74</sup>.

<sup>72</sup> См. об этом: Р.О. Якобсон. *Работы по поэтике*. Москва: Прогресс, 1987.

<sup>73</sup> Э.Д. Кузнецов. *Фактура как элемент книжного искусства*. [В:] *Книга как художественный предмет*: В 2 ч. Москва: Книга, ч. 1, 1988, с. 187.

<sup>74</sup> В.Н. Холопова. *Фактура*. Москва: Музыка, 1979, с. 4.



В музыке как временном искусстве *фактура* (лат. *factura* – обработка от *facio* – делаю) рассматривается как способ, форма изложения музыкального материала, конкретное оформление музыкальной ткани, конечное звено в цепи соподчиненных понятий: *склад* (принцип изложения), *ткань* (схематизированное о нем представление), *фактура* – конечный результат оформления всех средств выразительности всей совокупности компонентов<sup>75</sup>.

В пространственных искусствах (живописи, скульптуре, архитектуре) в основе понимания фактуры лежит «восприятие поверхности материального предмета, каким является произведение искусства, будь то картина, гравюра, статуя, здание и пр.»<sup>76</sup>. Фактура создает первоначальное, общее, во многом интуитивное впечатление от произведения искусства. Этот момент определяют как «переход от материального к духовному»<sup>77</sup>. Глубокая разработка принципов фактуры в пространственных искусствах принадлежит В.И. Маркову, одному из теоретиков футуризма, взаимодействовавшему с самими футуристами в ходе работы над этой проблемой. В работе *Фактура* (1914) он рассматривает особенности, обуславливающие фактуру в живописи, скульптуре и других пластических искусствах.

Мы обыкновенно понимаем под фактурой живописи, – пишет В.И. Марков, – то состояние поверхности картины, в котором она представляется нашему глазу и чувству.

Но фактура... имеет тождественное понятие и в области скульптуры, и архитектуры и во всех тех искусствах, где производится красками, звуками или иными путями некоторый „шум“, воспринимаемый тем или другим способом нашим сознанием<sup>78</sup>.

В.И. Марков выделяет материальную и нематериальную фактуры. Первая создается особой обработкой материала, а нематериальная фактура – выбором цветовых пигментов, формальным содержанием, ассоциациями – всеми принципами творчества. Марков приводит весьма любопытный стихотворный текст, в котором используется фактура материальных предметов, соединяющаяся с фактурой самого поэтического текста – стихотворение китайского поэта Литайпо, любившего «живописать материалами». Приводим фрагмент из него:

*Из белого, прозрачного нефрита подымается  
Лестница, обрызганная росой.  
И в ней отражается полная луна.  
Все ступени мерцают лунным светом*<sup>79</sup>.

«Набор материалов, – пишет В.И. Марков, – фактор важный, могущий дать большое наслаждение: в этом мы убеждаемся, когда изучаем лирику у разных

<sup>75</sup> См. об этом: В.Н. Холопова. *Фактура*. Москва: Музыка, 1979; а также: С.С. Григорьев. *Георитический курс гармонии*. Москва: Музыка, 1981.

<sup>76</sup> Э.Д. Кузнецов. *Фактура как элемент книжного искусства*. [В:] *Книга как художественный предмет*: В 2 ч. Москва: Книга, ч. 1, 1988, с. 185.

<sup>77</sup> Там же, с. 186.

<sup>78</sup> В.И. Марков. *Фактура*. Санкт-Петербург: Союз молодежи, 1914, с. 1.

<sup>79</sup> Там же, с. 61.

народов»<sup>80</sup>. Конкретное проявление фактурных свойств произведения искусства В.И. Марков усматривает в сигналах формы, в его «шумах». «Когда и материальные и нематериальные фактуры объединяются, чтобы дать один общий шум; когда обе фактуры друг другу помогают в создании известного оттенка шума, тем или другим образом выделяющегося среди многих других „шумов“, мы получаем „шум“ или фактуру с известным камертоном», – пишет В.И. Марков<sup>81</sup>. Таким образом, «шумы» или сигналы произведения, составляющие его камертон, – это и есть общее – нерасчлененное чувственное и интеллектуальное восприятие, которое в целом непосредственно получает читатель или зритель в диалоге с произведением.

Исследователи живописи рассматривают фактуру и как *содержание* живописных поверхностей. В работе М.В. Ле-Дантю *Живопись всеков* (1914) понятие фактуры распространяется не только на живописную поверхность, но и говорится о фактуре линий и цвета:

На большом пространстве линия той же толщины, того же цвета и так же сделанная имеет совершенно иное значение, чем на маленьком. Это можно назвать линейной фактурой. Если всматриваться в то, как цвет расположен на картине, где его наращение, где понижение, где он корпусен, где прозрачен и т.д., можно увидеть, что один и тот же цвет, заполняя цветное пространство, бесконечно варьируется. Иногда он легкий, иногда тяжел, то плотен, то жидок – все это в строгой зависимости от роли этого цвета в картине: какое из свойств реального предмета должен он внести в холст: жесткость, хрупкость, мягкость и т.д. Все знания о предмете передаются фактурой цвета в сочетании с фактурой линий в полной мере. Фактура, кроме того, может передать даже фавулу, даже отвлеченную задачу своим бесконечным разнообразием. В термине „фактура“, таким образом, заключается понятие о тоне как о характере цвета, о тональности как характере вариаций... При ограниченности целого в холсте, построенной на законе контраста и симметрии, то есть вводя в картину однородные различия и противоположные сходства, получается наиболее совершенная фактура, в которой должны быть учтены амплитуды наиболее резких моментов цвета. М.Ф. Ларионов очень удачно определяет фактуру как «тембр живописи»<sup>82</sup>.

Важно также замечание Ле-Дантю о том, что картина – эквивалент действительных ощущений мира<sup>83</sup>.

Несмотря на кажущееся различие, приведенные дефиниции имеют точку соприкосновения: фактура – чувственно воспринимаемый уровень ткани текста (в широком смысле), «конкретная форма», «конфигурация» его элементов применительно к поэтическому тексту.

Фактуру можно охарактеризовать как трехмерную пространственноречевую конфигурацию языковой ткани, которая дифференцирует и объединяет по вер-

---

<sup>80</sup> Там же.

<sup>81</sup> Там же, с. 64.

<sup>82</sup> М.В. Ле-Дантю. *Живопись всеков*. [В:] *Неизвестный русский авангард в музеях и частных собраниях*. Ред.-сост. А.Д. Сарабьянов. Москва: Советский художник, 1992, с. 329.

<sup>83</sup> Там же.

тикали, горизонтали и глубине (конструируемый в неязыковых слоях предметный мир, эйдос) всю совокупность компонентов поэтического текста.

В исследованиях по поэтическому тексту определения фактуры имеют практически взаимоисключающий характер. Так, Р.О. Якобсон подразумевает под этим явлением скорее строение языковой ткани. В работе *Фактура одного четверостишья Пушкина* фактурные свойства поэтического текста выводятся на основе метрики и ритмики, рифмы, анализа стихов, входящих в строфу, ударения, цезур; фраз, соотношения их с двестишьем, знаков препинания как показателей завершенности фразы, анализа авторской пунктуации; синтаксической характеристики предложения и его семантики; частей речи в стихе, их грамматических особенностей и т.д.<sup>84</sup>

Фактурой поэтического текста и слова занимались, как известно, футуристы и их теоретики. В декларации *Фактура слова* (1923) А.Е. Крученых изложил основные принципы и понятия, связанные с фактурой слов и поэтических произведений в целом. «Структура слова или стиха – это его составные части, – пишет Крученых, – (звук, буква, слог и т.д.), обозначим их a–b–c–d. Фактура слов – это расположение этих частей..., фактура – это деление слова, конструкция, наслоение, расположение тем или иным образом слогов, букв, слов»<sup>85</sup>.

Поэт выделяет звуковые фактуры, различая легкие, нежные, тяжелые, грубые; глухие, сухие, дуплистые, дубовые; влажные и т.д. В связи со звуковой фактурой А.Е. Крученых ставит вопрос о числе повторов слогов или звуков, так как накопление звука усиливает его знамение. Выделяется слоговая фактура: «...односложные слова резче, отрывистее и (часто) тяжелее многосложных... На слоговую фактуру влияют зияния, дифтонги, ударения, звуковые сдвиги»<sup>86</sup>. Называется ритмическая фактура – пропуск метрических ударений (ускорение) и накопление ударных (замедление), симметричные ритмические фигуры (у классиков), асимметричные (у футуристов), определяется смысловая фактура – ясность и запутанность фраз, популярность и научность (построения и словаря), язык заумный и обычный, отмечается наличие синтаксической фактуры: пропуск частей предложения, расположение их, несогласованность, сдвиг. Большое внимание в поэтике футуристов уделяется фактуре «начертания» (почерк, шрифт, набор, рисунки, украшения, правописание и т.д.), фактуре раскраски: цвет букв, живописность текста, называется и фактура чтения: декламация, пение и т.д. Например, фактура звука [з] интерпретируется следующим образом: «Звук з удобен для изображения: резкого движения, зудения, брожения, визга, лязга, злости, зависти, дразнения, заразы, зазора, змеи»<sup>87</sup>. Вот одно из стихотворений с фактурой на [з], которые приводит в пример А.Е. Крученых:

Я тормаз, поезду рвущий зуб,  
Зудач земли!..  
Жил–был зудень

<sup>84</sup> Р.О. Якобсон. *Работы по поэтике*. Москва: Прогресс, 1987.

<sup>85</sup> А.Е. Крученых. *Фактура слова*. Москва, 1923, с. 1.

<sup>86</sup> Там же, с. 2.

<sup>87</sup> Там же, с. 4.

Жена–его зудыня  
И дети–зуденыши!..  
1923

*Фактура* – это качественная сторона языковой ткани, включающая всю совокупность выразительных средств (складывающихся из соотношения разных фактур – графической, звуковой, грамматической, синтаксической и т.д.), а также качественную сторону фактур неязыкового предметного слоя в активизированных «сценах», «видах», «картинах», находящихся перед умственным взором читателя, в них актуализируются чувственные – зрительные, обонятельные, тактильные – и другие впечатления от репрезентируемых предметов.

Фактура всегда связана с конкретно-чувственным, «телесным» понятием о тексте как гармоническом целом и представляет его как «вещь» индивидуальную, сделанную, художественно обработанную. Фактура поэтического текста, как комплексная категория, складывается из гетерогенных фактур, выявляемых на различных уровнях и слоях поэтического текста, но представляет собой некое единство разнородного, то есть гармонию. Совокупность многообразных фактур в поэтическом тексте составляет ансамбль фактур.

На основе анализа учений о фактуре художников-авангардистов и их теоретиков можно выделить несколько видов фактур: материальные неязыковые, материальные языковые, относительно материальные языковые фактуры и «теневые» фактуры, обнаруживающиеся в неязыковых слоях.

К *материальным фактурам* относятся: а) *неязыковая графическая фактура* – способы расположения графического обозначения, материала текста в пространстве страницы, книги, знаки препинания; б) *языковая – звуковая фактура* и особенности метрикоритмической организации.

К *относительно материальным фактурам* мы относим особенности синтаксической структуры текста, соотношение его элементов, ведущее к выразительности текста, а также взаимодействие собственно языковых единиц – слов и элементов отсложения – частей предложения, частей слов, «полуслов» и т.д.

К *теневым фактурам* относятся чувственные впечатления от фактур конкретных предметов, воспринимаемых в сенсорных модусах зрения, осязания, вкуса, слуха и т.д. Эти впечатления в наибольшей мере активизируются семантикой текста и обнаруживаются в неязыковых слоях.

*Камертон* – это наиболее явное фактурное свойство, выявляемое в соотношении материальных и нематериальных фактур.

В произведениях футуристов иногда задается камертон – называется определенный принцип звуковой организации фактуры, фактурной доминанты; стихотворению А.Е. Крученых *Весна – томление* предпослано авторское указание:

«Фактура – растомление»: «Млень... фетерок куфырк...  
Расцветает пень  
Цветковитный фузер глаур...  
Пойдуся мчуся лизнь».

*Транспозиция* (лат. *transpositio* – перестановка) *фактурная* – это перенос фактурных свойств предметов, обозначенных прямой номинацией, в область

условного переносного употребления: свойства материальных предметов могут быть перенесены на духовные состояния, чувства, эмоции, ментальные процессы и наоборот. Транспонированная фактура – это уже фактура второго, третьего порядка, но полного подавления первичных фактурных свойств не происходит, хотя остается только слабый намек на первичные фактурные свойства.

Возможно определить и качественные параметры фактуры поэтического текста (шумы, как называл их В.И. Марков). Они рассматриваются нами на основе анализа метапоэтики футуристов в трех позициях: усиление качественных характеристик, средняя (часто нейтральная) позиция и ослабление качественных характеристик. Основные качественные характеристики фактуры определяются по следующим критериям: 1) по характеру выражения; 2) по степени напряженности; 3) по степени затрудненности; 4) по характеру обработки; 5) по степени отделки; 6) по цветовым характеристикам; 7) по степени выраженности рельефа; 8) по степени тяжести; 9) по степени «жесткости» и т.д. Эти признаки применяются для характеристики всех типов фактур, но «теневые» еще более конкретизированы. Обобщенно их можно представить в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1. Качественные параметры фактуры поэтического текста

Качественные характеристики фактуры («шумы»)	Позиция усиления качественных характеристик	Средняя (нейтральная) позиция	Позиция ослабления качественных характеристик
1	2	3	4
1. По характеру выражения	острохарактерная	нейтральная	с приглушенной характерностью
2. По степени напряженности	интенсивная	нейтральная	неинтенсивная
3. По степени затрудненности	тугая (плотная)	нейтральная	разряженная
4. По характеру обработки	грубая	нежная	тонкая (изящная)
5. По степени отделки	орнаментальная (пышная, фигурная)	нейтральная	декоративная (живописная, нарядная)
6. По цветовым характеристикам	колористическая (красочная, тоновая)	нейтральная (слабо выраженная)	с отсутствием колорита
7. По степени выраженности рельефа	рельефная	с приглушенной рельефностью	отсутствие рельефа
8. По степени «тяжести»	тяжелая	нейтральная	легкая
9. По степени «жесткости»	жесткая	хрупкая	мягкая

Разработка графической фактуры у Крученых шла параллельно звуковой. С.М. Третьяков вспоминает, что кто-то из футуристов, найдя в стихотворении строчку о морском прибое с тремя «б» говорил, что хвостики буквы «б» над строкой передают всплески волн<sup>88</sup>. Футуристы активно показали способы выражения острохарактерной фактуры с ярко выраженным рельефом, делалась установка на «тугую» фактуру – стечение согласных, затрудняющее произношение и даже прочтение текста, что приводит к взрыву, динамизации речи.

Пример такого текста – стихотворение А. Крученых *Боенкp* (сборник *Заумники*, 1922):

Дред  
Обрядык  
Дрададак!!!  
ах! зьюзью!  
зум  
Абр – жря! ... жрт! ... банч! банч!!!  
фазузузу  
Зумб!.. бой! бойма!!!  
вр! драх!..  
дыбах! д!  
Вз – з – з!  
Ц – ц – ц!..  
Амс! Мас! Кса!  
ЛОПНУВШИЙ ТОРМ  
АЗ  
– ПОСТРОЕНО ПО МЕХАНИЧЕСКОМУ  
СПОСОБУ –  
В Р З Н Б ...  
К ...  
Ц ...  
РЦП ...  
РЖГ...

В этом стихотворении звукоподражательные слова, отдельные буквы, словосочетания, фрагмент вывески «построено по механическому способу», разлетающиеся в разные стороны буквы – осколки от слов – все это материальное звуковое и графическое изображение аварии (лопнувший тормоз), весьма искусно выполненное поэтическое задание. Текст имеет жесткий графический и звуковой рельеф, создает впечатление динамики, острохарактерности, связанной с разъединением элементов материи, ее дискретностью, тем не менее сцементированной жестким звуковым и графическим повтором.

Фактура – реальное выражение так называемого «телесного контакта» читателя с произведением искусства, этот контакт является одной из главных причин испытываемого читателем эстетического наслаждения.

<sup>88</sup> С.М. Третьяков. *Бука русской литературы*. [В:] *Бука русской литературы*. Москва, 1923, с. 6.

Итак, аналитический склад текстов футуристов, аналитические тенденции в их метапоэтике дают возможность увидеть некоторые общие тенденции, характерные для искусства вообще, в частности для гармонической организации поэтического текста (и классического и авангардного). *Гармония* – такое общее соотношение слоев, уровней текста, которое приводит к непрерывности языковой ткани, соответствию его фактур, а также к общему согласию всех «зон» в тексте, всех архитектурных форм; это общее единство имеет эстетическую значимость<sup>89</sup>. И все это авангардизм как искусство аналитическое делает явным, но разрабатывает как дискретные аналитические зоны, тенденции.

Многочисленные авангардистские течения, развивавшиеся еще в тридцатые годы XX века (поэзия ОБЭРИУ), не представляли собой чего-то целостного. Разрабатывались отдельные доминантные элементы, отдельные концепции, представленные в целом в манифестах и статьях кубофутуристов. Это можно проиллюстрировать на основании анализа манифестов объединений, каждое из которых обзаводилось собственной системой деклараций и уже в соответствии с ними развивало поэтические эксперименты.

Основные объединения авангардистов: кубофутуризм, эгофутуризм, центрифуга, лучизм, имажинизм, пролеткульт, ЛЕФ, ВАПП, конструктивизм, ОБЭРИУ. Здесь трудно показать особенности каждого объединения, попытаемся определить только отправные точки для каждого из них, более подробно они проанализированы в частных метапоэтиках. Важно наметить одну значимую тенденцию: аналитические постулаты кубофутуристов задали аналитические же тенденции при доминировании наиболее значимых в каждом объединении. Многое зависело от поэтического мастерства, взгляда на мир. Так, например, в среде ОБЭРИУ Н.А. Заболоцкий занимал консервативную позицию, Д.А. Хармс, А.И. Введенский были более радикальными в экспериментаторстве. Введенский часто сохраняет реляционные отношения, сближая несоединяемые в лексическом плане элементы в предложении. Предложение есть, но каждое слово само по себе и ищет партнера по связям в дальних пространственных точках текста. У Заболоцкого синтетические тенденции сохраняются, но разрабатываются осязаемые связи слова с миром. Все это были подходы к формированию так называемого «реального» искусства.

Следует помнить также, что революция «происходила» не только в искусстве, но и в реальной жизни. Важен учет и принципов идеологической ангажированности теоретиков авангарда. Авангард, в целом представив аналитические тенденции не только в искусстве, но и в реальной разработке теоретических концепций разными группами, то сближался, то отходил от синтетических тенденций в поэзии (имеется в виду гармония внешних горизонтальных и внутренних вертикальных связей текста, упорядоченность всех его элементов, то есть классическое единство в многообразии).

Противопоставление синтетики и аналитизма оказалось значимым и до сегодняшнего дня: разрабатываются классические формы поэзии, с другой стороны, наблюдается крайняя децентрация, деконструкция элементов в поэзии

<sup>89</sup> См.: К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. *Гармония и симметрия*. Ростов-на-Дону: Книга, 2015.

постмодерна. Еще кубофутуристы заявили принцип антиэстетизма, но не были столь радикальны в воплощении его в жизни. Постмодерн аналитически разложил все: и язык, и тексты – на абсолютно дискретные элементы, практически не стремясь привести их к упорядоченности, гармонии. Так, в современном «актуальном» искусстве принципы эстетики, прекрасного, гармонии как метакатегории художественного текста, выражающие его совершенство, становятся практически незначимыми. Все нагромождение процедур с языком и текстом иногда – только иллюстрация какой-либо мысли. Хаос, из которого спонтанно рождается нечто, иногда абсолютно непредсказуемое, необязательно связан с гармонизацией элементов, возможно, только с рождением отдельных дискретных структур на фоне молчания. Следует отметить, что в метапоэтике постмодерна есть замечания по поводу стремления постмодернистов к синтезу дискретных элементов в тексте. Практика постмодерна это не всегда подтверждает.

Но между этими крайними точками – множество самых разнообразных явлений. Так, например, М.И. Цветаева, совмещая классические и авангардистские манеры, избрав «дополнительный» способ письма, смогла создать такие пластические формы поэзии, которые привели ее к выдающимся поэтическим открытиям<sup>90</sup>. «Дополнительность» классических и авангардистских манер, объединение аналитических и синтетических тенденций, практически не наблюдается. Современная ситуация постмодерна доводит кризис искусства до состояния, в целом отражающего дезориентацию человека в современном мире, переход от доминирования культуры в формировании общества к цивилизационным приоритетам: удобство жизни, потребление вместо творчества, созидания.

Заумь – крайнее проявление идеологического дискурса социалистической государственности. На ее почве был выработан «уклончивый стиль» – беспредметное говорение партийных деятелей, лидеров государства и т.д., связанное с абсолютной отрешенностью от реальной действительности. В современную эпоху постмодерна особенности уклончивого стиля, отрешенного от реальной действительности, а фактически «дологического», языка эксплуатируются в рекламном деле, современной публицистике и т.д. Разрабатываются уже отдельные тенденции<sup>91</sup>. Д. Ораич Толич в статье *Заумь и дада* отмечает:

Рассматриваемый в перспективе зауми на уровне диахронии, европейский авангард раскрывается как развитие от искусства и науки к политике и обществу. На исторической грани авангардной культуры созданы два тоталитарных режима, которые в категориально различных областях осуществили некоторые принципы заумного языка. Заканчивая свои воспоминания о дада, Ханс Рихтер сказал, что „сюрреализм сожрал дада”. Заканчивая работу о зауми и дада, мы могли бы сказать, что авангардная политика, воплощенная в фашизме и сталинизме, сожрала весь художественный авангард, а вместе с ним и заумь, и дада. В перспективе зауми авангардная культура прошла путь от поэтики

<sup>90</sup> См. об этом: К.Э. Штайн. *Гармония поэтического текста*: Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2006, с. 299–300.

<sup>91</sup> К.Э. Штайн. *Заумь идеологического дискурса в свете лингвистической относительности*. [В:] Textus. Избранное. 1994–2004. Сборник трудов межрегионального научно-методического семинара ‘Textus’ 2005. вып. 11, с. 269–276.



зауми к заумной политике. В этом трагизм зауми, дада и всего европейского авангарда как нулевой точки европейской цивилизации<sup>92</sup>.

В ситуации постмодерна тенденции к обнажению дологических смыслов слова (заговор, заклинание) попрежнему характеризуют речевую деятельность новых политических лидеров.

Метапоэтика авангарда предстает как большой многомерный гипертекст, в котором осуществляются взаимодополнительные связи в системе разных направлений. Отправной точкой служат идеи кубофутуристов.

## Литература

- Автономова Н.С. *Возвращаясь к азам*. «Вопросы философии» 1993, вып. 3, с. 17–22.
- Барт Р. *Нулевая степень письма*. [В:] *Семиотика*. Ред. Ю.С. Степанов. Москва: Радуга, 1983, с. 306–349.
- Бердяев Н.А. *Кризис искусства*. Москва: СП Интерпринт, 1990.
- Бершадская Г.С. *Лекции по гармонии*. Ленинград: Музыка, 1985.
- Бондарко А.В. *Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды*. «Вопросы языкознания» 1985, вып. 1, с. 13–23.
- Брик О.И. *Звуковые повторы*. [В:] *Филология: Школы и направления*. Ред. К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2014, с. 451–462.
- Булгаков С.Н. *Философия имени*. Париж: YMCA-PRESS, 1953.
- Бурлюк Д.Д., Бурлюк Н.Д., Крученых А.Е., Кандинский В.В., Лившиц Б.К., Маяковский В.В., Хлебников В. *Поэтика общественному вкусу*. [В:] *Программы и манифесты*. Ред. В. Марков. Мюнхен, 1968, с. 50–51.
- Винокур Г.О. *Филологические исследования*. Москва: Наука, 1990.
- Голдинг Дж. *Искажения в живописи Пикассо*. «Курьер ЮНЕСКО» 1981, вып. 1, с. 20–22.
- Григорьев С.С. *Теоретический курс гармонии*. Москва: Музыка, 1981.
- Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс, 1984.
- Кандинский В.В. *О духовном в искусстве*. Ленинград: Фонд «Ленинградская галерея», 1989.
- Крученых А.Е. *500 новых остроумий и каламбуров Пушкина*. Москва, 1924.
- Крученых А.Е. *Кукиши прозялкам*. Москва, Таллин: Издательство «Гилея», 1992.
- Крученых А.Е. *Новые пути слова*. [В:] *Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания*. Ред. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. Москва: Наследие, 1999, с. 50–54.
- Крученых А.Е. *Фактура слова*. Москва, 1923.
- Крученых А.Е. *Фонетика театра*. Москва, 1923.
- Кузнецов Э.Д. *Фактура как элемент книжного искусства*. [В:] *Книга как художественный предмет*: В 2 ч. Москва: Книга, ч. 1, 1988, с. 179–274.
- Кулаков В.Г. *Просто искусство*. [В:] *Его же. Поэзия как факт*. Москва: Новое литературное обозрение, 1999, с. 60–73.
- Кульбин Н. *Свободное искусство как основа жизни*. [В:] *Программы и манифесты*. Ред. В. Марков. Мюнхен, 1968, с. 15–22.
- Кун Т. *Структура научных революций*. Москва: АСТ, 2001.

<sup>92</sup> Д. Ораич-Толич. *Заумь и дада*. [В:] *Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре: Материалы международного симпозиума*. Ред. Л. Магаротто, М. Марцадури, Д. Рицци. Bern: Peter Lang, 1991, с. 79–80.

- Кушнер Б.А. *О звуковой стороне поэтической речи*. [В:] *Сборник по теории поэтического языка*. Петроград, 1916, с. 42–47.
- Кушнер Б.А. *Сонирующие аккорды*. [В:] *Сборник по теории поэтического языка*. Петроград, 1917, с. 71–84.
- Левая Т.Н. *Русская музыка начала XX века в художественном контексте эпохи*. Москва: Музыка, 1991.
- Левин А.Ш., Строчков В.Я. *В реальности иного мира*. «Экс-центр – Лабиринт: Современное творчество и культура» 1991, вып. 2, с. 74–85.
- Леви-Строс К. *Структурная антропология*. Москва: Наука, 1983.
- Ле-Дантю М.В. *Живопись всеков*. [В:] *Неизвестный русский авангард в музеях и частных собраниях*. Ред.-сост. А.Д. Сарабьянов. Москва: Советский художник, 1992, с. 327–333.
- Лившиц Б.К. *Полтораглазый стрелец*. Москва: Художественная литература, 1991.
- Малевич К.С. *О теории прибавочного элемента в живописи*. «Декоративное искусство» 1988, вып. 1, с. 33–40.
- Маринетти Ф.Т. *Технический манифест футуристической литературы*. [В:] *Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века*. Ред. Л.Г. Андреев. Москва: Прогресс, 1986, с. 163–168.
- Марков В.И. *Фактура*. Санкт-Петербург: Союз молодежи, 1914.
- Мигунов А., Перцева Т. *На рубеже искусства и науки*. «Искусство» 1989, вып. 1, с. 30–36.
- Ораич-Толич Д. *Заумь и дада*. [В:] *Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. Материалы международного симпозиума*. Ред. Л. Магаротто, М. Марцадури, Д. Рицци. Bern: Peter Lang, 1991, с. 79–80.
- Панов М.В. *Современный русский язык. Фонетика*. Москва: Высшая школа, 1979.
- Полыванов Е.Д. *Общий фонетический признак всякой поэтической техники*. «Вопросы языкознания» 1963, вып. 1, с. 99–112.
- Розанова О.В. *Кубизм. Футуризм. Супрематизм*. [В:] *Неизвестный русский авангард в музеях и частных собраниях*. Ред.-сост. А.Д. Сарабьянов. Москва: Советский художник, 1992, с. 334–336.
- Третьяков С.М. *Бука русской литературы*. [В:] *Бука русской литературы*. Москва, 1923, с. 3–17.
- Флоренский П.А. *У водоразделов мысли*. [В:] *Его же. Избранные произведения*. Т. 2. Москва: Правда, 1990.
- Холопова В.Н. *Фактура*. Москва: Музыка, 1979.
- Шемшурин А.А. *Железобетонная поэма*. [В:] *Василий Каменский. Танго с коровами*. Москва: Книга, 1991, с. 13–15.
- Штайн К.Э. *Гармония поэтического текста: Склад. Ткань. Фактура*. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2006.
- Штайн К.Э. *Заумь идеологического дискурса в свете лингвистической относительности*. «Textus: Избранное. 1994–2004: Сборник трудов межрегионального научно-методического семинара «Textus» 2005, вып. 11, с. 269–276.
- Штайн К.Э., Петренко Д.И. *Гармония и симметрия*. Ростов-на-Дону: Книга, 2015.
- Штайн К.Э., Петренко Д.И. *Русская метапоэтика*. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2006.
- Якобсон Р.О. *Поэзия грамматики и грамматика поэзии*. [В:] *Семиотика*. Ред. Ю.С. Степанов. Москва: Радуга, 1983, с. 462–483.
- Якобсон Р.О. *Работы по поэтике*. Москва: Прогресс, 1987.

## ВЕРБАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПТОВ В ДНЕВНИКЕ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

НАТАЛИЯ ПОДДУБНАЯ

Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды

Украинский языково-литературный факультет им. Г.Ф. Квитки-Основьяненко

Кафедра украинского языка

ул. Алчевских, 29, 61002, г. Харьков, Украина

e-mail: piddubna-n@mail.ru

(получено 26.08.2016; принято 07.09.2016)

### Abstract

#### Verbalization of religious concepts in Taras Shevchenko's diary

The article is devoted to the chosen aspects of the verbalization of the concept sphere 'religion' in Taras Shevchenko's diary. Such concepts as 'Christianity', 'priest' or 'church' are analyzed, which allows to draw conclusions about Shevchenko's attitude towards religion. The diarist respects the Christian religion for its ideas of charity and forgiveness, which is verbalized by the usage of the lexeme *христианский* (*Christian*) as a contextual synonym to the adjective *свободный* (*free*) introducing meanings of 'brotherly love', 'humanity' and 'equality' in the text. The poet understands the word *христианин* (*a Christian*) in his own way and associates it with 'decency', 'kindness', 'purity of thoughts' and 'sincerity'.

Even though Shevchenko highly estimated religion, faith and Christianity, he was critical of the Russian Orthodox Church. He considered it one of the tsar's tools in internal policy and therefore used the lexeme *православный* (*orthodox*) with irony in order to verbalize such senses as 'imperfection', 'mercilessness' and 'cruelty'. Shevchenko's attitude towards religious practices is ambiguous – the poet experiences a wide range of feelings – from delight to disappointment. The diarist uses certain lexemes to nominate temples. Sometimes they are employed to verbalize negative meanings such as 'unreal', 'histrionic', 'unfamiliar', 'contradictory', 'intolerable', which is connected with the imperial meaning of Byzantinism. Shevchenko's diary abounds in names of

priests used with ironic-negative connotation, which resembles the traditional image of the clergy in the Ukrainian linguistic culture.

## Key words

Diary, verbalization, concept, concept sphere 'religion', religious concept, religious vocabulary, linguistic personality.

## Резюме

Статья посвящена исследованию некоторых аспектов вербализации концептосферы 'религия', в частности анализируется специфика вербализации концептов 'христианство', 'священник', 'церковь' в дискурсе дневника Тараса Шевченко, что позволяет более полно и объективно изучить специфику его восприятия религии. Диарист исповедует христианскую религию, целиком воспринимая свойственные ей идеи милосердия и всепрощения, а вербализатор соответственного концепта, лексема *христианский*, выступает в его дискурсе контекстуальным синонимом к прилагательному *свободный*, внедряя в текст смыслы 'братолюбие', 'человечность', 'равенство'. Поэт по-своему понимает значение слова *христианин*, актуализируя прежде всего такие его смыслы, как 'порядочность', 'доброта', 'чистота помыслов', 'искренность'.

Высоко оценивая религию, веру, христианство, Шевченко критически относился к русскому православию, считая его одним из механизмов царской внутренней политики, поэтому лексема *православный* употребляется с коннотацией иронии и вербализацией смыслов 'несовершенство', 'немилосердие', 'жестокость'. Шевченко неоднозначно оценивает религиозные сооружения, которые вызывают в его душе широкий спектр чувств – от восторга до разочарования. Для номинации храмов используется определенная система лексем, однако, употребляя некоторые из них, Шевченко вербализует отрицательные смыслы ('ненастоящий', 'наигранный', 'чужой', 'противоречивый', 'недопустимый'), что связано с его восприятием имперского значения византийства. Дневник Шевченко изобилует наименованиями священников с актуализацией иронично-отрицательных коннотаций, что абсолютно не противоречит сложившимся в украинской лингвокультуре представлениям о традиционном образе священнослужителя.

## Ключевые слова

Дневник, вербализация, концепт, концептосфера 'религия', религиозный концепт, религиозная лексика, языковая личность.

Интерпретация языка дневников – необычайно ценный материал для понимания внутреннего мира писателя, его истинного «я», описания особенностей

его языковой личности. Именно поэтому в последнее время все активнее исследуются дневники известных деятелей искусства, литературы, политики.

Языковые особенности дневника Тараса Шевченко, или, как он сам его называл, *Журнала*, неоднократно были предметом научных исследований. Одна из фундаментальных работ последнего времени – монография Татьяны Космеды *Ego i Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу*<sup>1</sup>.

Поскольку в литературоведении по-разному трактуется вопрос отношения Шевченко к религии, изучение вербализации ключевых религиозных концептов в его *ego*-текстах, в частности в дневниковых записях, позволит более полно и объективно осознать особенности его внутреннего восприятия религии.

Отметим, что в писательском дневнике наиболее часто вербализуется система концептов, непосредственно входящих в концептосферу 'религия'. Среди них выделим прежде всего концепты 'Бог', 'христианство', 'религия', 'церковь', 'священник'. Некоторые из них и стали предметом данного исследования.

Шевченко высоко ценил христианскую религию за свойственные ей идеи милосердия и всепрощения, что следует из его дневниковых записей, в частности касающихся обряда захоронения самоубийц, характерного для уральских казаков. Он сравнивает специфику течения русского и украинского обряда:

В дни поминовения усопших [...] выносят и посыпают его [самоубийцы] могилку хлебным зерном, [...] чтобы птицы клевали это зерно и молили Бога о отпущении грехов несчастному. Какое **поэтическое христианское поверье**. За моей памяти в Малороссии на могилах самоубийц совершался **обряд не менее поэтический и истинно христианский**. Может ли быть чище, возвышеннее, богоугоднее молитва, как молитва о душе нераскаявшегося грешника? **Религия христианская, как нежная мать, не отвергает** даже преступных детей своих, за всех **молится** и всех **прощает** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>2</sup>.

Смыслы 'искренность', 'милосердие', 'любовь' актуализированы в лексеме *христианский*, что, в частности, прослеживаем в тексте письма к графу Ф. Толстому (оно включено в *Журнал*). Указанная лексема вступает в синонимические отношения с прилагательным *человеколюбивый*, ср.: «Без вашего **человеколюбивого, христианского** участия в моей безотрадной судьбе меня задушили бы в этой широкой тюрьме, в этой бесконечной безлюдной пустыне»<sup>3</sup>. Приведем еще один пример аналогичного употребления, ср.:

За эту острогу Аракчеев сослал его [Лабзина] в Симбирск, где он и умер на руках моей почтенной собеседницы. Мне приятно было слышать, что этот замечательный мис-

<sup>1</sup> Т.А. Космеда. *Ego i Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу*. Дрогобич: Коло, 2012.

<sup>2</sup> Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора*. Упоряд. та комент. С.А. Гальченка; передм. І.М. Дзюби. Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2015, с. 685.

<sup>3</sup> Там же, с. 696.

тик-масон до самой могилы сохранил независимость мысли и **христианское незлобие** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>4</sup>.

В дневнике Шевченко лексема *христианский* является также контекстуальным синонимом прилагательного *свободный*, при этом вербализуются смыслы ‘братолюбие’, ‘человечность’, ‘равенство’, ср.:

Великое это начало [отмена крепостного права. – Н.П.] благословлено епископом и открыто речью военного губернатора Н.А. Муравьева, речью не пошлою, официальной, а **одушевленною, христианскою, свободною** речью. Но банда своекорыстных помещиков не отозвалась ни одним звуком на человеческое святое слово [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>5</sup>.

Однако поэт критически относится к каким-либо кривотолкам Божьих истин, проявлениям религиозного фанатизма или ханжества. Например, иронически-отрицательную окраску приобретают фразеологическая единица *христолюбивое воинство* и выражения *христолюбивое звание*, *христолюбивое сословие*, используемые для характеристики солдат, тогда как *христолюбивый* (церковное устаревшее) – преданный христианской вере. *Христолюбивое воинство* (официальное церковное торжественное «наименование армии», дореволюционное)<sup>6</sup>, ср. у Шевченко:

В детстве, сколько я помню, меня не занимали солдаты, как это обыкновенно бывает с детьми. Когда же я начал приходить в возраст разума вещей, во мне зародилась неодолима антипатия к **христолюбивому воинству**. Антипатия усиливалась по мере столкновения моего с людьми сего **христолюбивого звания**. Не знаю, случай ли, или оно так есть в самой вещи, только мне не удалось, даже в гвардии, встретить порядочного человека в мундире. [...] И нужно же было коварной судьбе моей так ядовито, так злобно посмеяться надо мною, толкнув меня в самый вонючий осадок этого **христолюбивого сословия** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>7</sup>.

Шевченко глубоко симпатизирует христианству, однако внутренне протестует против сведения его только к слепому поклонению церковным атрибутам. Он актуализирует в дневнике слова из Библии: «Вера без дел мертва есть»<sup>8</sup>. Христианин для поэта – это не тот, кто только посещает церковь, а тот, кто соблюдает Христовы заповеди, является образцом моральности и человечности, напр.:

Я хотел войти в самую церковь, как двери растворились и вышла пышно, франтовски разодетая барыня, уже не совсем свежая, и, обратясь к нарисованному чудовищу, три раза набожно и кокетливо перекрестилась и вышла. Лицемерие! Идолопоклонница! [...] И одна ли она? [...] Где же **христианки**? Где **христиане**? Где бесплотная идея доброты

<sup>4</sup> Там же, с. 750–751.

<sup>5</sup> Там же, с. 778.

<sup>6</sup> Д.Н. Ушаков. *Толковый словарь русского языка*. [Online:] <<http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=84087>> (01.08.2016).

<sup>7</sup> Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 650–651.

<sup>8</sup> Там же, с. 669.

и чистоты? Скорее в кабаке, нежели в этих обезображенных животных капищах [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>9</sup>.

Таким образом, прослеживаем актуализацию таких смыслов лексемы *христианин*, как 'порядочность', 'доброта', 'чистота помыслов', 'искренность'.

Анализ показывает, что отрицательно коннотировано существительное *христианин*, употребляемое в *Журнале* для именованя царя Николая I в качестве приложения-оксюморона *палач-христианин*, ср.: «Август-язычник, ссылая Назона к диким гетам, не запретил ему писать и рисовать. А **христианин** Н[иколай] запретил мне и то и другое. Оба палачи. Но один из них **палач-христианин?**» [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>10</sup>.

Лексема *православный* как один из вербализаторов концепта 'христианство' в исследуемом дневнике употребляется в значениях, зафиксированных в словаре С.И. Ожегова: «1. Православный, -ая, -ое. 1. см. православие. 2. православный, -ого, м. Последователь православия. Церковные обряды православных. П ж. православная, -ой»<sup>11</sup>. Например: «Она бывшая немка, а теперь **православная**»<sup>12</sup>.

Среди православных верующих как во времена Шевченко, так и сейчас это слово часто приобретает дополнительные смыслы, а именно: 'истинный', 'правильный', не фиксируемые словарями (*православный поступок, православное воспитание* и др.). В *Журнале* встречаем употребление этой лексемы с оттенком иронии в случае вербализации смыслов 'несовершенство', 'немилосердие', 'жестокость', напр.: «Солдаты – самое бедное, самое жалкое сословие в нашем **православном отечестве**»<sup>13</sup>; «До прибытия моего в Орскую крепость я и не вообразал о существовании этих гнусных исчадий нашего **православного общества**» [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>14</sup>.

Ранее было отмечено, что Шевченко высоко ценил религию, веру, христианство; однако, судя по дневниковым записям, он критически относился к русскому православию, считая его одним из механизмов царской внутренней политики, служивших средством порабощения многочисленных народов Российской империи, ср.:

Если не больше, так, по крайней мере, наполовину будет в нем [в Чебоксарах – Н.П.] домов и церквей. И все старинной московской архитектуры. Для кого и для чего они построены? Для чувашей? Нет, для **православия**. Главный узел московской старой внутренней политики – **православие**. Неудобозабываемый Тормоз по глупости своей хотел затянуть этот ослабевший узел и перетянул: он теперь на одном волоске держится [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>15</sup>.

<sup>9</sup> Там же, с. 736.

<sup>10</sup> Там же, с. 651.

<sup>11</sup> С.И. Ожегов. Словарь русского языка. [Online:] <<http://www.ozhegov.org/>> (01.08.2016).

<sup>12</sup> Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 663.

<sup>13</sup> Там же, с. 646.

<sup>14</sup> Там же, с. 657.

<sup>15</sup> Там же, с. 727.

Очевидно, в приведенном отрывке актуализированы смыслы 'политика', 'влияние на других', 'давление'. Оксана Яковина и Александр Слободян отмечают:

Отношение Шевченко к Русской православной Церкви не было политическим, но было отношением верующего человека, выросшего в православной традиции. [...] Глубокая и духовно чистая вера, приобретающая более весомое значение для поэта после страданий ссылки, – реальное содержание Дневника и многих писем. Но в деспотическом государстве, где Церковь не имеет даже иерархической главы – патриарха, – а, значит, не является самоуправной, а вместо этого имеет не столько сакральное, сколько профанное идеологическое предназначение, – в таком государстве и в таком обществе вера становится угнетающей обязанностью, связанной с контролем жандармерии (политической полиции) [перев. автор. – Н.П.]<sup>16</sup>.

Во многих записях автор дневника неоднократно упоминает разные религиозные сооружения, поэтому лексемы-вербализаторы концепта 'церковь' употребляются достаточно часто. Примечательно, что Шевченко описывает в дневнике свои сны, неоднократно отмечая, что видел или же не видел в них храмов. Вероятно, на подсознательном уровне для него это было важно, тем более, что, согласно украинскому поверью, увидеть во сне церковь – к удаче<sup>17</sup>, ср.: «Видел во сне Межигорского Спаса, Дзвонковую криницю и потом Выдубецкий монастырь. [...] Скоро ли увижу все это я наяву? Сновидение имело на меня прекрасное влияние в продолжение всего дня [...]»<sup>18</sup>.

В приведенном отрывке вспоминается старинный Межигорский Спасо-Преображенский монастырь, находящийся неподалеку от Вышгорода, и Выдубицкий монастырь, которые Шевченко рисовал на протяжении «трех лет». Во сне, как что-то милое сердцу и желанное, он видит и храмы Петербурга, Вильно, ср.:

Видел во сне Академию художеств. [...] Из Академии я вышел на Большой проспект и, не доходя **церкви Андрея Первозванного**, встретился с семейством здешнего коменданта. И от радости проснулся<sup>19</sup>; **Видел во сне** Семена Артемовского с женою, выходящего от обедни из **церкви Покрова**; [...] Все, что сердцу дорого, сгруппировалось на этот раз в моем сновидении<sup>20</sup>; **Во сне видел церковь** святых Анны в Вильне, и в этой **церкви** молящуюся милую Дуню, чернобровую Гусиковскую [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>21</sup>.

Во время путешествия из ссылки в Петербург Шевченко видит много религиозных сооружений. Об одних он отзывается в дневнике с восторгом, метафорически отождествляя их с красивым и модным человеком, напр.:

<sup>16</sup> О.П. Яковина, О.Т. Слободян. *Тарас Шевченко. Істина – некомунікативна реальність*. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2013, с. 213.

<sup>17</sup> Подробнее см.: Н. Піддубна. *Вербалізація концепту священнослужитель в українських на-ремях*. „Studia Ukrainica Posnaniensia” 2015, z. 3. Red. nauk. T. Kosmeda (Poznań), с. 221.

<sup>18</sup> Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 649.

<sup>19</sup> Там же, с. 671.

<sup>20</sup> Там же, с. 700.

<sup>21</sup> Там же, с. 719.



[...] отправился в Кремль полюбоваться вблизи **красавцем собором**. Он, как **щеголь XVII века, красуется в кружевах** перед всем городом<sup>22</sup>; **Полюбовался** вычурно-грубой старой **архитектурой церкви Рождества Богородицы**, морского ведомства<sup>23</sup>; Я вышел на берег и без помощи извозчика, мимо **красавицы XVII столетия, церкви св. Георгия**, поднялся на гору<sup>24</sup>; **Старинные** нижегородские **церкви меня просто очаровали**. Они так **милы**, так **гармонически пестры...** [...] Рано поутру пошел в трактир, спросил себе чаю и нарисовал из окна **Благовещенский собор**. Древнейшая в Нижнем **церковь**<sup>25</sup>; Пользуясь улыбкою осеннего дня, я после завтрака отправился к **Печерскому монастырю** с намерением нарисовать эту **живописную обитель** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>26</sup>.

Другие же его откровенно разочаровывают своим внешним видом или же внутренним убранством. Так, новый собор в Нижнем Новгороде Шевченко метафорически называет «огромная квадратная ступа с пятью короткими толкачами», ср.:

Новый **собор – отвратительное** здание. Это **огромная квадратная ступа с пятью короткими толкачами**. Неужели это дело рук Константина Тона? Невероятно. Скорее это произведение самого неудобозабываемого Тормоза<sup>27</sup>; Из-за стены Кремля **показывает собор** свои **безобразные толкачи с реповидными верхушками** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>28</sup>.

Космеда отмечает, что, очевидно, и архитектуру русских городов в целом, и религиозные сооружения в частности, Шевченко «оценивает с учетом деятельности монарха, которого несколько раз называет перифразой *неудобозабываемый Тормоз*, актуализируя словосочетание из своего внутреннего лексикона, которое имеет резко отрицательную прагматику» [перев. автор. – Н.П.]<sup>29</sup>.

Некрасиво и безвкусно отделанную церковь автор дневника пренебрежительно называет лексемой *капище*, что в христианстве традиционно обозначает, согласно *Полному церковнославянскому словарю*, «жертвенник, храм, высеченный из дерева или камня идол, идольский храм»<sup>30</sup>, напр.:

Проходя мимо **церкви святого Георгия** и видя, что двери **церкви** растворены, я вошел в притвор и в ужас остановился. Меня поразило какое-то безобразное чудовище, нарисованное на трехаршинной круглой доске. Сначала я подумал, что это индийский Ману или Вишну заблудил в **христианское капище** полакомиться ладаном и деревянным маслом. [...] У меня не хватило духу перекреститься и войти **в церковь**; из притво-

<sup>22</sup> Там же, с. 706.

<sup>23</sup> Там же, с. 709.

<sup>24</sup> Там же, с. 734.

<sup>25</sup> Там же, с. 736.

<sup>26</sup> Там же, с. 737.

<sup>27</sup> Там же, с. 734.

<sup>28</sup> Там же, с. 735.

<sup>29</sup> Т.А. Космеда. *Ego i Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу...*, с. 260.

<sup>30</sup> *Полный церковно-славянский словарь*. Сост. протоиерей Г. Дьяченко. Москва: Издательский отдел Московского патриархата, 1993, с. 245.

ра я вышел на улицу, и глазам моим представилась, по темному фону широкого луга, блестящая, грациозно извивающаяся красавица Волга. Я вздохнул свободно, невольно перекрестился и пошел домой [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>31</sup>.

Здесь наблюдаем отрицательное восприятие определенного религиозного сооружения с актуализацией периферийной семы 'идолопоклонничество', усиленное контрастным восторженным описанием поволжских пейзажей; вербализацию проявления одной из позиций Шевченко касательно присутствия Бога в природе в большей степени, чем в некоторых церквях.

Автор дневника критикует преимущественно храмы византийской архитектуры:

Я не видал Кремля с 1845 года. [...] **Храм Спаса** вообще, а главный купол в особенности **безобразен**. Крайне неудачное громадное произведение. **Точно толстая купчиха в золотом повойнике** остановилась напоказ среди Белокаменной; Полюбовавшись старым красавцем Кремлем, прошел я **к юному некрасавцу Спасу**, с целью посмотреть скульптурные работы [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>32</sup>.

Исследователи отмечают:

В XIX веке Шевченко стал критиком уже опошленного на почве «местной» ментальности византийского обряда. [...] Византийский обряд идентифицируется не с православием, а с имперским значением византийства и выступает в Дневнике Шевченко антиэстетическим явлением. Религиозные процессии государственной Церкви, особенности российской культовой архитектуры, иконография и обрядовость российских староверов, в которых формируется стиль ритуала, нарушающего этически-эстетическое равновесие, вызывают отрицательную реакцию поэта на московский вариант византийского обряда [перев. автор. – Н.П.]<sup>33</sup>.

Шевченко, как христианин, высоко ценит слово Божье, но не воспринимает чрезмерной загруженности разными предметами и архитектурными элементами русских церквей. Отсюда сравнение их с буддийскими храмами, напр.:

В **архиерейской службе** с ее обстановкою и вообще в декорации мне **показалось что-то тибетское или японское**. И при этой **кукольной комедии читается Евангелие**. Самое подлое противоречие. Нерукотворенный **чудовищный образ**, копия с которого меня когда-то испугала в церкви Георгия. **Подлинник** этого **индийского безобразия** находится в соборе и замечателен как древность. [...] Очень может быть, что это оригинальное **византийское чудовище** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>34</sup>.

Шевченко вербализует смыслы 'ненастоящий', 'наигранный', 'чужой', 'противоречивый', 'недопустимый'.

Поскольку главными трансляторами и проповедниками религии являются священники, непосредственно причастные к доминированию внешних атрибутов над истинными христианскими ценностями, Шевченко преимущественно

<sup>31</sup> Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 737.

<sup>32</sup> Там же, с. 786.

<sup>33</sup> О.П. Яковина, О.Т. Слободян. *Тарас Шевченко: істина – некомунікативна реальність...*, с. 79.

<sup>34</sup> Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 777.

отрицательно вербализует концепт «священнослужитель», используя для этого несколько наименований. Заметим, что традиционно в украинской лингвокультуре, как свидетельствует паремийный фонд, образ священника изображается весьма критически, независимо от сана и конфессиональной принадлежности:

Он концептуализируется как жадный, неискренний, честолюбивый и сребролюбивый, равнодушный к человеческому горю и т.п. Наличие иронии в оценке как приходского священника и его жены попадьи, так и монаха, очевидно, объясняется тем, что в народном сознании их воспринимают прежде всего не как посредников между Богом и верующими, а как, собственно, грешных людей [перев. автор. – Н.П.]<sup>35</sup>.

Положительно коннотированный лексико-семантический вариант лексемы *отец*, используемый для обозначения священнослужителя, отражает смысл «служитель церкви или монах, а также обращение к нему»<sup>36</sup> и используется для номинации священника собора в Астрахани:

[...] я пошел прямо в собор с целью встретить там **священника** и обратиться к нему с моей антикварской любознательностью. К счастью моему, я встретил самого ключаря собора **отца Гавриила Пальмова**.

После поздней обедни в соборе **обязательный отец Гавриил** показал мне ризницу собора, замечательную немногими, но по достоинству работы и старины весьма редкими вещами [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>37</sup>.

Отметим, что это едва ли не единственный священник, о котором Шевченко отзывается без употребления отрицательно коннотированных эмоционально-экспрессивных лексем.

Диарист несколько раз употребляет народную отрицательно коннотированную лексику *поп*, выражающую, как и некоторые другие наименования (*церковь, дячиха, попик* и т.п.), минимальную степень христианско-религиозной оценки, в которой «отображается становление духовности человека, стремление к усовершенствованию души, праведной жизни (оценка религиозных, культовых сооружений, служителей церкви, предметов церковных обрядов и т. д.)» [перев. автор. – Н.П.]<sup>38</sup>. Эта коннотация отчетливо видна в сравнении со стилистически нейтральными заимствованными каноническими терминами *священник, пресвитер, иерей* или народными положительно коннотированными *отец, батюшка*, напр.:

По дороге зашли в **Казанский собор** посмотреть картину Брюллова. Но, увы! Она так умно, удачно поставлена **премудрыми попами**, что и кошачьими глазами видеть ее невозможно. Отвратительно! [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>39</sup>.

<sup>35</sup> Н. Піддубна. Вербалізація концепту священнослужитель..., с. 224.

<sup>36</sup> С.И. Ожегов. *Словарь русского языка*. [Online:] <http://www.ozhegov.org/> (01.08.2016).

<sup>37</sup> Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 707–708.

<sup>38</sup> Т. Космеда. *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики. Формування і розвиток категорії оцінки*. Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2000, с. 99.

<sup>39</sup> Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 800.

Писатель иронично называет священников *премудрыми* (за их безвкусицу и неумение по-настоящему ценить шедевры искусства), активизируя соответствующие смыслы – ‘невежество’, ‘ограниченность’, ‘безвкусица’.

В иной дневниковой записи, актуализируя определенную дистрибуцию, Т. Шевченко вербализует такие смыслы образа-концепта ‘священнослужитель’, как ‘давление на других’, ‘порабощение’, ‘оболванивание’, ср.: «Дай Бог, чтобы он [Букварь] привился в нашем бедном народе. Это первый свободный луч света, могущий проникнуть **в сдавленную попами невольничью голову**» [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>40</sup>.

Полна иронии и запись от 9 августа 1857 года, в которой юмористический эффект достигается благодаря столкновению разнородных в семантическом и стилистическом плане элементов, а именно лексем, называющих людей по роду деятельности, и контрастного им возвышенного описательного выражения со словами-старославянизмами. Например: «Публика рыночная, как и везде: **перекупки, повара и кухарки**; изредка попадает заплывшая **жиром купчиха-гастрономка** да такого же содержания **особа духовного чина, сугубо рачащая о плоти греховной**» [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>41</sup>. Диарист актуализирует смыслы ‘чревоугодничество’, ‘греховность’, ‘материальная заинтересованность’, категорически противоречащие официальному образу священника.

На чрезмерное употребление священниками алкоголя, их неопрятность указывает запись от 26 сентября 1857 года, в которой лексема, обозначающая священнослужителя, сопровождается определениями с отрицательной коннотацией – *пьяный, косматый*, напр.: «Древнейшая в Нижнем **церковь**. Нужно будет узнать время ее построения. Но от кого? К **пьяным косматым жрецам** не хочется мне обращаться, а больше не к кому» [жирный шрифт авторский – Н.П.]<sup>42</sup>.

Таким образом, в данном случае актуализируются смыслы ‘пьянство’, ‘неаккуратность’, ‘непривлекательность’. Примечательно, что в приведенном отрывке священник номинируется одним из лексико-семантических вариантов лексемы *жрец*, имеющей значение «в древних религиях: служитель божества, совершающий жертвоприношения и другие обряды»<sup>43</sup>. То есть Шевченко как бы отрицает христианский характер действий священников, отождествляя их с язычниками.

Писатель с иронией отзывается и о высших церковных чинах – митрополите и архиерее. Так, 13 июля 1857 года он записывает свой сон: в компании с фельдмаршалом в Новопетровское укрепление осуществил визит и митрополит, которого поэт не увидел, чему был несказанно рад. Отметим, что это состояние, вероятно, связано с приметой (увидеть священника во сне – к неудаче, врагу), что зафиксировано, в частности, и в словаре *Галицько-руські народні приповідки*, составленном Иваном Франко<sup>44</sup>, ср.:

<sup>40</sup> Там же, с. 757.

<sup>41</sup> Там же, с. 706.

<sup>42</sup> Там же, с. 736.

<sup>43</sup> С.И. Ожегов. *Словарь русского языка*. [Online:] <http://www.ozhegov.org/> (01.08.2016).

<sup>44</sup> Подробнее см.: Н. Піддубна. *Вербалізація концепту священнослужитель в українських на-  
реміях...*, с. 221.

На рассвете **приснилось** мне, будто бы приехал в Новопетровское укрепление фельдмаршал Сакен вместе с другом своим **митрополитом киевским Евгением** и потребовал меня к себе. Но так как у меня не оказалось солдатского облачения, кроме шинели, и то без эполет, то, пока нашивали эполеты, **я проснулся и был сердечно рад этой неудаче** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>45</sup>.

Имплицитно свое отрицательное отношение к высшим духовным чинам Шевченко выражает при описании архиерейского сада и дома. Писатель использует систему отрицательно коннотированных лексем и выражений, а также называет *кельей* помещение, где жил архиерей. Это, собственно, и моделирует иронию, ведь название *келья* – «отдельная комната монаха (церк.)»<sup>46</sup> – употребляется применительно к маленькому, скромному помещению, ср.:

[...] мимоходом зашел в **архиерейский сад**. Это преимущественно липовая роща, обнесенная деревянным забором, посредине которой **красуется, вроде казармы, огромное трехэтажное здание (архиерейская келья)**. Невдалеке от здания, между деревьями, беседка с колоколами, и в другой стороне, также между деревьями, четыре улья, отделаны наподобие надгробных памятников. Везде **пусто и уныло, физическая гниль и нравственный застой** на всем отражается. **Скверно неудаче** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>47</sup>.

Таким образом, вполне очевидно, что автор дневника вербализует смыслы 'отсутствие вкуса', 'нескромность', 'внутренняя пустота'.

Шевченко критически оценивает священников всех времен и чинов. В частности, он остро осуждает даже Отцов Церкви за их нетерпимость к другим, вылившуюся в жестокие преследования. Для их характеристики поэт использует негативно коннотированную лексику и сравнения, напр.:

О святые, великие, верховные апостолы! Вы предрекли **лжеучителей**, и ваше пророчество сбылось. Во имя святое, имя ваше **так называемые учителя вселенские** подрались, **как пьяные мужики**, на Никейском вселенском соборе. Во имя ваше **папы римские ворочали** земным шаром и во имя ваше учредили **инквизицию** и ужасное **автодафе**. Во имя же ваше мы **поклоняемся** безобразным суздальским **идолам** и совершаем в честь вашу **безобразнейшую вакханалию неудаче** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>48</sup>.

Лексему *лжеучитель* для обозначения священников диарист употребляет как риторическое обращение и в другой записи, подчеркивая антигуманный, антихристианский характер действий высших духовников, ср.:

За моей памяти в Малороссии на могилах самоубийц совершался обряд, не менее поэтический и истинно христианский, который **наши высшие просвещенные пастыри** как обряд языческий **повелели уничтожить**. [...] И что языческое нашли вы, **лжеучители**, в этом христианском, всепрощающем жертвоприношении? [...] **Богомудрые пастыри** церкви к девятнадцатому веку стараются привить двенадцатый век. [...] Туркменцы

<sup>45</sup> Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 682.

<sup>46</sup> Д.Н. Ушаков. *Толковый словарь русского языка*. [Online:] <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=84087> (01.08.2016).

<sup>47</sup> Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 738.

<sup>48</sup> Там же, с. 662.

и киргизы [...] в другую плошку днем наливают воду для птичек, чтобы птички, напившись воды, помолились богу о душе грешного и любимого покойника. Безмолвная поэтическая молитва дикаря, в чистоте и возвышенности которой **наши просвещенные архипастыри**, вероятно бы, усомнились и запретили бы как языческое богохуление **неудаче** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]<sup>49</sup>.

Как видим, приведенный выше отрывок дневника Шевченко пестрит наименованиями священников с актуализированной иронично-отрицательной коннотацией (*наши высшие просвещенные пастыри, богомудрые пастыри, наши просвещенные архипастыри, лжеучители*).

Таким образом, обобщая сказанное, отметим, что Шевченко в своем *Журнале* широко использовал религиозную лексику, своеобразно вербализуя некоторые религиозные концепты, в частности такие, как 'христианство', 'церковь', 'священнослужитель' и др. Благодаря умелому использованию языковых средств диарист как элитарная языковая личность расширяет семантику отдельных религиозных лексем и семантическое пространство концептов, «пропуская» их сквозь призму собственного мировоззрения.

## Литература

- Космеда Т. *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки*. Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2000.
- Космеда Т.А. *Ego і Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу*. Дрогобич: Коло, 2012.
- Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. [Online:] <http://www.ozhegov.org/> (01.08.2016).
- Піддубна Н. *Вербалізація концепту священнослужитель в українських пареміях*. „Studia Ukrainica Posnaniensia” 2015, z. 3. Red. nauk. T. Kosmeda (Poznań), с. 217–224.
- Полный церковно-славянский словарь*. Сост. протоіерей Г. Дьяченко. Москва: Издательский отдел Московского патриархата, 1993.
- Ушаков Д.Н. *Толковый словарь русского языка*. [Online:] <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=84087> (01.08.2016).
- Шевченко Т.Г. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора*. Упоряд. та комент. С.А. Гальченка; передм. І.М. Дзюби. Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2015.
- Яковина О.П., Слободян О.Т. *Тарас Шевченко. Істина – некомунікативна реальність*. Київ: Видавничий дім «Кієво-Могилянська академія», 2013.

<sup>49</sup> Там же, с. 684–685.



КОМПАРАТИСТУКА ЛІТЕРАСКА  
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ  
КОМПАРАТИВИСТИКА  
COMPARATIVE LITERARY STUDIES





## МОТИВ СВОБОДЫ. ОТ ДОСТОЕВСКОГО К АЛЕКСИЕВИЧ

SIARHEI PADSASONNY

Uniwersytet Warszawski  
Wydział Lingwistyki Stosowanej  
Instytut Lingwistyki Stosowanej  
ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa, Polska  
e-mail: s.padsasonny@uw.edu.pl  
(nadesłano 21.08.2016; zaakceptowano 24.09.2016)

### **Abstract**

#### **The motif of freedom: from Dostoyevsky to Alexievich**

The article explains the motif of freedom and its development from *The Grand Inquisitor* (as part of the novel *The Brothers Karamazov*) by F.M. Dostoyevsky to *Secondhand Time* by S.A. Alexievich. The parallels and the differences between the two authors respective views are analysed. The motif of freedom is investigated as one of the main elements in Russian culture, literature, political life and in the historical context. The elements containing propaganda are revealed in reference to actual citations from these books.

### **Key words**

Freedom, motif, author, culture, mentality, reality, propaganda.

### **Резюме**

В статье раскрываются особенности мотива свободы и его развитие из *Великого Инквизитора* (роман *Братья Карамазовы*) Ф.М. Достоевского в роман *Время секонд хэнд* С.А. Алексиевич. Анализируются параллели и различия между двумя авторами и их позициями в текстах. Мотив свободы исследован как ведущий

элемент русской культуры, литературы, политической жизни и исторического контекста. Также в статье показаны элементы пропаганды в пересечении с данными литературными текстами.

### Ключевые слова

Свобода, мотив, автор, культура, ментальность, реальность, пропаганда.

Свобода предстает высшим идеалом для человека на протяжении эпох, за нее сражаются государственные деятели, целые народы, отдельные личности. Именно свобода выступает высшей необходимостью homo sapiens, но именно в ней заключается и глубочайшая драма личностной ответственности индивида. Концепт свободы лежит в основе всей христианской культуры, которая представляет человека как существо со свободой воли, способного осуществлять самостоятельный выбор между добром и злом. Однако в Библии четко задан вектор, как следует понимать свободу личности: «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17). Любой грех, начиная от обитателей Эдема, становится бунтом против самого Бога и ведет к разрушению человека перед лицом смерти. Библейские тексты часто звучат как предупреждение: «Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных» (1 Кор. 8, 9); «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу» (Гал. 5, 13). В православном понимании, устремленном к обновлению всего бытия, с его монастырской культурой и аскетизмом, Адам и Ева смешивают понятия свободы, данной Богом, со своеволием, которое является желанием быть, как Бог: «Грех прародителей, являющийся прототипом всех человеческих грехов, заключался: 1) в нарушении положительной заповеди Божией через вкушение плода с запрещенного дерева – это видимая, внешняя сторона его; 2) в горделивом разделении твари со своим Творцом, в проявлении непомерного желания достигнуть равенства с Богом и полной независимости от Него»<sup>1</sup>. Именно христианство стало источником метафизического осмысления свободы в бытии личности. Так происходит проникновение концепта «свобода» и в литературное пространство, которое соединяет свободу социально-политического и персоналистического характера. Следует отметить, что уже в древнерусской литературе соединяются личностная ответственность (жития, патерики, *Четьи-Минеи*) со свободой народа и государства (хроники, слова). Постепенно в историческом развитии происходит углубление данной тенденции, но с утончением психологизма и прорисовкой человеческой индивидуальности, когда наблюдается изменение в пользу личности в судьбе страны и народа, а уже в XIX веке личность, ее психология полностью занимают центральные позиции, когда вопросы свободы выбора и даже бунта против промысла Бога становятся доминирующими.

<sup>1</sup> См. подробнее: *Полный православный энциклопедический словарь*. Т. 1. Санкт-Петербург: Издательство П.П. Сойкина (улица Стремянная дом 12, собственный дом), 1913, с. 690–691.

Народно-государственная свобода предстает как нечто общее, но в то же время – как выбор и ответственность отдельных представителей социума.

Абсолютным образцом в оформлении проблемы свободы является творческая система Ф.М. Достоевского. А дальнейший литературный процесс как в России, так и за ее пределами во многом определяется именно теми установками, которые получили свое раскрытие в творчестве писателя. Это характерно уже для ранних произведений автора, но апогей достигнут в позднем творчестве, прежде всего – в «пятикнижии». Вершиной становится глава *Великий инквизитор* из романа *Братья Карамазовы*. Поэма, которая, согласно художественному замыслу писателя, принадлежит перу Ивана Карамазова, озвучивается по древней былинной традиции из уст в уста, как то, что заключает некий важный, своего рода даже сакральный, смысл. Уже в начале главы герой вплетает свой текст в общехристианский контекст, заявляя, что его поэма может быть понята лишь с литературным предисловием, в котором автор через своего героя обращается к *Божественной комедии* Данте, костельным представлениям во Франции, *Собору Парижской богородицы* Виктора Гюго, публичным драматическим выступлениям на библейские темы времен Людовика XI и допетровской эпохи, а также *Хождению богородицы по мукам*. Именно последнее произведение оговаривается героем детально, так как далее он отталкивается от него в своей поэме: «Богородица посещает ад, и руководит ее “по мукам” архангел Михаил. Она видит и грешников и мучения их. Там есть, между прочим, один презанимательный разряд грешников в горящем озере: которые из них погружаются в это озеро так, что уж и выплыть более не могут, то “тех уже забывает бог” – выражение чрезвычайной глубины и силы. И вот, пораженная и плачущая богородица падает перед престолом Божиим и просит всем во аде помилования, всем, которых она видела там, без различия. Разговор ее с Богом колоссально интересен. Она умоляет, она не отходит, и когда бог указывает ей на прогвожденные руки и ноги ее сына и спрашивает: как я прощу его мучителей, – то она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без разбора. Кончается тем, что она вымаливает у бога остановку мук на всякий год от великой пятницы до троицына дня, а грешники из ада тут же благодарят господина и вопиют к нему: “Прав ты, господи, что так судил”»<sup>2</sup>. Грешный человек на протяжении веков живет ожиданием пришествия Христова, но, как считает Великий Инквизитор, к тому, что уже было сказано Богом людям, добавить больше нечего, а человек готов отказаться от идеалов свободы во имя счастливого комфорта, хотя и ложного в отдаленной перспективе. Именно поэтому Инквизитор озвучивает заклинание-рефрен, обращенный к Христу: «Зачем же ты пришел нам мешать?»<sup>3</sup>. Свобода, данная Богом, приносит лишь страдания человеку, который мечтает только о счастье, а поэтому выбирает материальные ценности: «Пятнадцать веков мучились мы

<sup>2</sup> Здесь и далее произведения Ф.М. Достоевского цитируются по изданию: Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений*. Т. XIV. Ленинград: Наука, 1972–1990, с. 225 – с указанием тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими цифрами).

<sup>3</sup> Там же. Т. XIV, с. 228.

с этой свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. [...] Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим»<sup>4</sup>. Достоевский устами своих героев формулирует главный вопрос человеческой экзистенции: выбор между хлебом и высшим идеалом.

Напрямую обращается к данному тексту русского классика лауреат Нобелевской премии по литературе 2015 года Светлана Алексиевич, и уже на первых страницах своего романа *Время секунд хэнд*: «У Достоевского в “Легенде о Великом инквизиторе” идет спор о свободе. О том, что путь свободы трудный, страдательный, трагический... “Для чего познавать это чертово добро и зло, когда это столько стоит?” Человек должен все время выбирать: свобода или благополучие и устройство жизни, свобода со страданиями или счастье без свободы. И большинство людей идет вторым путем»<sup>5</sup>. В этом и параллель с описанными в *Новом завете* искушениями Христа дьяволом: «И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4, 3–4). Если голоса Инквизитора, Ивана Карамазова, художественная реальность романа *Братья Карамазовы* являются созданными самим Достоевским от начала до конца, то у Алексиевич это сочетание авторского «Я», реальных голосов людей, которые рассказывают автору свои истории и переживания, записанные на диктофон в разных странах, исторических фактов и документов. Идеи Достоевского не просто оживают под пером современной писательницы, но проходят испытание жизнью: художественная и действительная реальности сливаются в единстве текста. Действительность и художественность, публицистичность и субъективные оценки создают единое смысловое полотно произведения, в котором каждый из этих элементов зачастую слит с другим, сложно отделим от него.

Писательница приводит также ряд цитат из текста Достоевского, не просто подчеркивая важность мотива свободы в собственном произведении, но и делая его центром романа. Именно свобода для автора становится индикатором изменений исторической действительности, а также решающим элементом в судьбах отдельных личностей, целых поколений, всего народа, объединенного единством советской истории и постсоветского распада. Это то, к чему устремлены человеческие интенции, но и то, что является страшной трагедией для личности, разочарованной, не понимающей, что происходит, выброшенной из комфорта реальности. Данная категория создает целую сеть смысловых комбинаций, происходит обыгрывание семантической наполняемости концепта «свобода» в различных аспектах и вариантах. Все это позволяет отметить, что свобода в романе становится одним из ведущих литературных мотивов, который влияет на оформление тематики и сюжета, обладая, согласно Б.М. Гаспарову,

<sup>4</sup> Там же. Т. XIV, с. 229.

<sup>5</sup> С.А. Алексиевич. *Время секунд хэнд. Собрание произведений*. Москва: Время, 2016, с. 14.

«смысловой индукцией»<sup>6</sup>. Текст романа включает в себя многообразие жанровых элементов, тематическую разносторонность, ряд универсальных проблем и образов, символики и контекстов. Все данные элементы гармонично выстраиваются вокруг мотива свободы. Как еще в 1975 году заметил Б.Н. Путилов: «Мотив есть не просто элемент, слагаемое, конструирующее сюжет. В известном смысле эпический мотив программирует и обуславливает сюжетное развитие. В мотиве так или иначе задано это развитие»<sup>7</sup>. Мотив свободы четко определен уже во вводной части произведения Алексиевич, а в дальнейшем нанизывании сюжетных линий становится стержневым компонентом текста, повествующего о неминуемом выборе многочисленных персонажей. Борьба за собственную духовность, нравственное начало страны, светлое будущее последующих поколений, а вместе с этим – разочарование, тоска по «утраченному раю», стремление остановить время.

У Алексиевич риторика Инквизитора звучит как выбор между «колбасой» и высшими идеалами. А человек после распада СССР оказывается неготовым к свободе, хотя о ней мечтал и к ней был устремлен на протяжении десятилетий. Свобода, о которой думали и о которой рассуждали, была подменена тем вариантом свободы, которую советский человек определил как западную, опирающуюся исключительно на материальные ценности. Такое искаженное определение уже на начальном этапе вводит на ложный путь личностного становления. Сознание, воспитанное на свободолюбивых идеалах, переживает крушение и разочарование: «Нам казалось, что свобода – это очень просто. Прошло немного времени, и мы сами согнулись под ее бременем, потому что никто не учил нас свободе. Учили только тому, как умирать за свободу. Вот она – свобода! Таковую ли мы ее ждали? Мы были готовы умереть за свои идеалы. Драться в бою. А началась “чеховская” жизнь»<sup>8</sup>. В оппозицию к истинно свободным идеалам поставлена пошлость, бесплодная мечтательность, которую ни при каких условиях не принимал А.П. Чехов всем своим творческим естеством. Автор в пьесе *Дядя Ваня* устами доктора Астрова говорит главные слова о назначении человека: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли»<sup>9</sup>. Это в его «комедии нового типа»<sup>10</sup> будто бы ничего не происходит, герои произносят бесконечные монологи, огромное количество времени пребывают в пространстве у стола, пьют чай, решая важнейшие вопросы бытия. Но драма героев именно в том, что ни один из них не вырывается из пространства духовного небытия и пошлости, а выставленные на обсуждение вопросы так и остаются удачной темой для бурного разговора. Топос Москвы, о котором мечтают мно-

<sup>6</sup> См. подробнее в: Б.М. Гаспаров. *Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века*. Москва: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.

<sup>7</sup> Б.Н. Путилов. *Мотив как сюжетобразующий элемент*. [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В.Я. Проппа*. Москва, 1975, с. 149.

<sup>8</sup> С.А. Алексиевич. *Время секунд хэнд. Сборник произведений*. Москва: Время, 2016, с. 11–12.

<sup>9</sup> А.П. Чехов. *Полное собрание сочинений и писем*. Т. 13. Москва: Наука, 1978, с. 304.

<sup>10</sup> См. подробнее: В. Зубарева. *Чеховская комедия нового типа в свете теории предрасположенностей*. «Новый филологический вестник». Вып. 3. Москва 2014, с. 8–22.

гие персонажи, также остается чем-то недостижимым для героя из российской провинции. Именно эта литературная аллюзия, когда низменное побеждает, звучит со всей полнотой у Алексиевич: «Свобода оказалась реабилитацией мещанства, обычно замордованного в русской жизни. Свободой Его Величества Потребления»<sup>11</sup>. Современный человек, как только получил хоть некий намек на свободу, тут же отдал ее на растерзание своим инстинктам. В действительной реальности происходит подмена идеи свободы идеологией-заменителем, что четко вписывается в постулаты мира потребления: «О свободе спрашиваете? Зайдите в наш магазин: водка стоит, какая хочешь: “Стандарт”, “Горбачев”, “Путинка”, колбасы навалом, и сыра, и рыбы. Бананы лежат. Какая еще свобода нужна? Нам этой хватит»<sup>12</sup>. Метафорический образ хлеба становится заменителем свободы и для Великого Инквизитора Достоевского, и ряда персонажей художественного пространства Алексиевич. В главе из романа писательницы с символическим названием *О другой библии и других верующих* 87-летний герой Василий Петрович Н. – член коммунистической партии с 1922 года – произносит знаковые слова для потерянного после распада СССР поколения: «Великая была империя — от моря до моря, от Заполярья до субтропиков. Где она? Побеждена без бомбы... без Хиросимы... Победила Ее Величество колбаса! Хорошая жратва победила! “Мерседес-бенц”. Больше ничего человеку не надо, не предлагайте ему ничего больше. Без надобности. Только хлеба и зрелищ! И это самое большое открытие двадцатого века. Ответ всем великим гуманистам. И кремлевским мечтателям»<sup>13</sup>. Однако параллели в выборе между свободой и хлебом выходят за пределы исключительно русской или постсоветской ситуации, расширяя проблему до общечеловеческих пределов с давними корнями и осмыслениями, если проследить связи с библейскими текстами. Постоянным вопросом книг *Исход* и *Числа* становится ропот при утрате материальных ценностей, что звучит как искушение Бога: «И жаждал там народ воды, и роптал народ на Моисея, говоря: зачем ты вывел нас из Египта, уморить жаждою нас и детей наших и стада наши?» (Исх. 17, 3). При этом свобода получает значение высшей идеи в СССР, о котором подобные герои говорят с ностальгией, как о чем-то, что вбирало в себя образец нравственного развития человека. Но персонажам данного типа противопоставлены те, которые чувствовали себя рабами в так называемой советской свободе: «Учусь быть свободной. Я не хочу умереть такой, какая я сейчас – советской. Вычерпываю из себя свою советскость ведрами...»<sup>14</sup>. Данная задача оказывается несказанно трудной, для многих даже невозможной, что и приводит либо к замене идеалов идеологическими установками, либо к безграничной тоске, а порой и к смерти героев. В данном смысловом контексте снова появляется творчество А.П. Чехова: «Это он писал, что надо выдавливать из себя по капле раба и в человеке все должно быть прекрасно: и душонка, и одежонка, и мыслишки. А бывает наоборот! На-

<sup>11</sup> С.А. Алексиевич. *Время секунд хэнд. Собрание произведений*. Москва: Время, 2016, с. 12.

<sup>12</sup> Там же, с. 13.

<sup>13</sup> Там же, с. 172.

<sup>14</sup> Там же, с. 311.

оборот! Иногда человеку хочется быть рабом, ему это нравится. Из человека по капле выдавливают человека»<sup>15</sup>. Распад одной системы приводит к появлению другой, которая по своей сути антиутопизма ничем не отличается от предыдущей. Именно поэтому авторы антиутопий не выступали исключительно против некой конкретной системы, но говорили о разрушительном начале того, что отбирает личностную свободу, подменяет идею некой идеологией, выстраивает ложный культ авторитета.

Пространство Москвы уже достижимо для героев XX и XXI вв., но итог этого движения оказывается по своим результатам «чеховский». При этом идеи о свободе проходят движение в замкнутом пространстве: кухня – улица – кухня. Советский человек пребывает у стола, где творит свой мнимый духовный подвиг и псевдореволюцию, потом пытается выйти с этим к людям, говорить то, о чем было говорить страшно и непринято, но с изменением политической ситуации происходит возвращение в топос кухни, которая делает свободу лишь мертвой идеей. Сущность жизни человека не изменяется, становясь лишь элементом в цикличности колеса истории: «Возрождаются старомодные идеи: о великой империи, о “железной руке”, “об особом русском пути” [...]. Вернули советский гимн, есть комсомол, только он называется “Наши”, есть партия власти, копирующая коммунистическую партию. У президента власть, как у Генсека. Абсолютная. Вместо марксизма-ленинизма – православие...»<sup>16</sup>. Опасным становится использование религиозной этики как орудия в машине пропаганды. Например, протоиерей Всеволод Чаплин в интервью на радио «Эхо Москвы» 15 августа 2016 года сделал скандальное и неожиданное заявление. Разговор шел об установке памятника Ивану Грозному в Орле, перешел на Сталина, Путина и сильное правление, которое не всегда оправданно, но ведет к сильному государству: «Слушайте, а что в конце концов, плохого в уничтожении некоторой части внутренних врагов?». На дальнейшие возражения ведущей представитель православной церкви, хотя и отстраненный от всех постов, отвечает: «Почему нельзя? Некоторых убивать можно и нужно». Священник ссылается на Библию, где Бог карает человека и говорит, что «гуманизм – это антихристианское мировоззрение, это сатанинское мировоззрение»<sup>17</sup>. Безусловно, это еще не позиция всей православной церкви, но явление шокирующее. А в такой ситуации истины, вложенные Ф.М. Достоевским в уста Великого Инквизитора, звучат реалистически убедительно для человека, находящегося в сегодняшней действительности, которая для писателя XIX века выглядела как мистическая или антиутопическая и о которой можно было лишь предупреждать как о фантастической возможности. Современный человек уже пережил переоценку ценностей: хлеб заменился колбасой, а последняя вытеснила пищу духовную. Вдруг Достоевский из писателя становится пророком исторических преобразований, которые вложены в обращенные ко Христу слова Великого Инквизитора: «Зна-

<sup>15</sup> Там же, с. 390.

<sup>16</sup> Там же, с. 15.

<sup>17</sup> См. полную версию интервью на сайте: [Online:] <<http://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1818964-echo/>> (20.08.2016).



ешь ли ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные»<sup>18</sup>. Итогом попыток духовных революций как у Достоевского, так и у Алексеивич становится добровольный отказ человека от свободы: «Нет заботы беспредельнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем преклониться»<sup>19</sup>. Свобода мучительна и для современного человека: «Народ простых вещей ждет. Изобилия пряников. И – царя!»<sup>20</sup>. Это уже не просто желание обывателя, но и в некотором смысле элемент русской ментальности, которая в массовом сознании жаждет подчиниться единоличному лидеру и пойти за ним, что определяется историческим развитием государства. Неслучайно один из героев Алексеивич говорит знаковую фразу, которую можно услышать в современной России от многих людей разного возраста, с разным образованием и социальным положением: «Нельзя нашему человеку давать свободу. Все просрет! Понял!»<sup>21</sup>. Эту риторику будто предчувствует Великий Инквизитор Достоевского: «Говорю тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладеет свободой лишь тот, кто успокоит их совесть»<sup>22</sup>. Классик становится творцом постулатов, которые не только прошли через десятилетия и активное практическое применение в различных системах власти, но и продолжают быть живыми законами современной действительной реальности. В этом и безграничная актуальность творческого наследия Достоевского, и глубинность уже абсолютно нового творчества Алексеивич, которая пытается искать ответы на вопрос, почему русский человек, имеющий столь грандиозный опыт литературного, культурного и исторического наследия, продолжает движение по безвыходным кругам адского пространства. В то же время в этом и антиномия русской души, которая постоянно устремлена к нравственным целям, высокому идеалу, но при этом массово скатывается в рабское состояние. Светлана Алексеивич дает еще раз объяснение устами своего героя: «России нужна не демократия, а монархия. Сильный и справедливый царь»<sup>23</sup>. На оформление данной установки в сознании народа ушли столетия, а знаковой стала фигура Ивана Грозного (1547–1584). Никогда, за исключением весьма коротких отрезков времени, русский народ не получал всецелой свободы, поэтому она через пропаганду даже приобрела оформление в общественном сознании как нечто, что несвойственно русской ментальности, является проявлением крайнего западного либерализма: «России нужна крепкая рука. Железная. Надсмотрщик с палкой. Так что – великий Сталин! Ура! Ура! Ахромеев мог стать нашим Пиночетом... генералом Ярузель-

<sup>18</sup> Ф.М. Достоевский... Т. XIV, с. 230.

<sup>19</sup> Там же. Т. XIV, с. 231.

<sup>20</sup> С.А. Алексеивич. *Время секунд хэнд. Собрание произведений*. Москва: Время, 2016, с. 128.

<sup>21</sup> Там же, с. 290.

<sup>22</sup> Ф.М. Достоевский... Т. XIV, с. 232.

<sup>23</sup> С.А. Алексеивич. *Время секунд хэнд. Собрание произведений*. Москва: Время, 2016, с. 304.

ским... Великая потеря...»<sup>24</sup>. Именно в этих словах огромная ностальгия по прошлому, даже кровавых исторических фигурах и символах. При этом происходит абсолютное несовпадение таких взглядов с идеями, отраженными на страницах литературного наследия, к которому постоянно обращается нобелевская лауреатка. Общечеловеческие ценности трансформируются в нечто идеалистическое, недостижимое, о чем можно рассуждать исключительно в теоретическом аспекте. Культурный код несвободы в действительной реальности становится победителем. В главе *О настоящем* Светлана Алексиевич использует голос, который звучит достаточно жестоко для русского человека: «Дело не в Ельцине и не в Путине, а в том, что мы – рабы. Рабская душонка! Рабская кровь! Посмотришь на “нового русского” [...]. Он из “бентли” вылезает, у него деньги из карманов сыплются, а он раб. Наверху сидит пахан: “Пошли все в стойло!” И все пойдут»<sup>25</sup>. В контрасте оказывается вся вольнолюбивая лирика А.С. Пушкина (*Вольность, К Чаадаеву, Деревня* и др.)<sup>26</sup>, на которой выросли целые поколения советских и постсоветских школьников, лирика, которая продолжает быть основой знаний по русской литературе и сегодня. Литературное пространство и историческое развитие выступают на позициях борьбы в случае, когда разговор идет о большинстве, массовом сознании. Почти полное отсутствие республиканского опыта привело к самовосприятию русского человека подданным, а не гражданином. Однако в каждое время появляются те, кто вступает в конфликт и начинает бороться за высшие ценности: «Сво-бо-да! Пьянило само это слово. Все мы выросли на “самиздате” и “тамиздате”. На слове мы выросли. На литературе»<sup>27</sup>. Таков и Христос из *Братьев Карамазовых*, хотя он не произносит по сюжету ни единого слова, здесь сам Бог становится словом, как в *Евангелии* (Ин. 1, 1). Такие персонажи повсеместно встречаются и во *Времени секунд хэнд*: «Недавно их увлекали деньги, вещи, комфорт, но оказалось, что этого мало. Им этого уже не хватает. Как и мне. Идут не голодные, а сытые»<sup>28</sup>. А как показывает исторический опыт, именно небольшие группы делают революционные изменения, тогда как умы масс занимают более приземленные вопросы: «Танки в Москве... баррикады... В деревне никто особо по этому поводу не напрягался. Не заморачивался. Всех больше волновал колорадский жук и капустная моль»<sup>29</sup>. Весь роман Алексиевич – это океан голосов, которые кричат, спорят, рассуждают о свободе, используя личный жизненный опыт, звучащий с выигрышным преимуществом перед художественной реальностью литературного наследия, к которому один за другим обращаются герои произведения.

Свобода, за которую сражается ряд персонажей Алексиевич и о которой написано множество других текстов, становится в итоге своеволием властвующих, и именно они решают, что именно для массы будет добром. Истина снова по-

<sup>24</sup> Там же, с. 113.

<sup>25</sup> Там же, с. 305.

<sup>26</sup> См. в: А.С. Пушкин. *Собрание сочинений в десяти томах*. Т. 1. Москва: Правда, 1981.

<sup>27</sup> С.А. Алексиевич. *Время секунд хэнд. Собрание произведений*. Москва: Время, 2016, с. 231.

<sup>28</sup> Там же, с. 310–311.

<sup>29</sup> Там же, с. 110.

заимствована ими из монолога Великого Инквизитора к Христу: «У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе твоей повсеместно. О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся. И что же, правы мы будем или солжем? Они сами убедятся, что правы, ибо вспомнят, до каких ужасов рабства и смятения доводила их свобода твоя»<sup>30</sup>. Только в этой тезе Инквизитора заложен бунт против всей сущности творения Бога, который создавал мир исключительно как акт добра (Быт. 1, 1–31). Все дальнейшие изменения являются результатом отхода человека от христианского миропонимания. Хотя в философию Ивана Карамазова вмещаются построения Людвига Фейербаха, который грехопадение определял как гипотезу, созданную для оправдания злого начала в мире<sup>31</sup>. Религия и философия вступают в конфликт противоречий. Диалектика героя Достоевского убедительна, но не приближает жизни человека к Богу, что является центральной задачей христианства. Основы же христианского миропонимания при этом делают человека рабом установок Бога, если их расценивать с позиций персонализма, который возводит на вершину личность, а не божество. При замене христианских ценностей политическими, когда государственный деятель становится своего рода заменителем Бога на земле, личностное начало также попадает в рабскую зависимость. Понимаемый в таком ключе текст Алексиевич укладывается по ряду характеристик в жанр антиутопии, которая не только предупреждает, но и всегда носит антисистемный характер. Только личность и идеалы персонализма способны побеждать: «Нужны свободные люди, а их не было. Их и сейчас нет»; «Просторы необъятные, и при этом психология рабов...»<sup>32</sup>. Невольно появляется мотив отобранной свободы, а также вынужденного рабства «маленького человека», который представлен со всем драматизмом в творчестве Н.В. Гоголя, но получает дальнейшее раскрытие в творчестве Ф.М. Достоевского, начиная с первого романа писателя *Бедные люди*. Социальные причины страданий выступают как оправдывающий фактор бездеятельности героев такого рода, но беспощадна по отношению к ним диалектика персонализма. И тогда в позднем творчестве писатель доходит до создания героев совершенно иного уровня, когда появляется целая галерея бунтовщиков-богоборцев, которые сражаются за социальную справедливость. Но эта борьба не с системой, а с мистическим ликом Бога, место которого стремятся занять герои. А это уже приводит к своеволию, когда человек во имя правды получает от себя самого право убивать себе подобных (*Преступление и наказание*, *Бесы*, *Братья Карамазовы* и пр.). Справедливость методами зла не приводит к добру. Как необходимость звучат системные изменения, но к ним человек оказывается не готов.

В романе Светланы Алексиевич данные проблемы разворачиваются с новой силой. Голоса «маленьких людей» становятся основой в выстраивании сюжета

<sup>30</sup> Ф.М. Достоевский... Т. XIV, с. 235.

<sup>31</sup> Л. Фейербах. *Сущность христианства*. Москва: Мысль, 1965, с. 365.

<sup>32</sup> С.А. Алексиевич. *Время секунд хэнд*. *Собрание произведений*. Москва: Время, 2016, с. 403; 456.

для подчеркивания всего драматизма страданий. В главе *О чужом горе, которое Бог положил на порог вашего дома* темой повествования являются трагедии таджиков, которые оказались выброшенными из своих домов и страны в результате политических изменений. В романе судьбы персонажей изображены через монолог, полный безграничного отчаяния. Человек готов быть свободным, но обстоятельства оказываются сильнее. Реальная действительность выступает тем фактором, который разрушает основы персонализма, так как личностный выбор ничего не может изменить: «Маленький человек – самый беззащитный, зверь в лесу и тот лучше защищен, чем он»<sup>33</sup>. Герои такого ряда будто заведомо лишены какой-либо надежды на счастье, возможности жизненной радости и благополучия. Их судьба – вечное страдание и смерть.

В ситуации безвыходности и глубочайшей тоски героев в романе появляется экзистенциальное понимание мотива свободы, когда единственной возможностью обретения духовной независимости становится именно умирание. Героиня Ольга С. – топограф, 24 года – из главы *О времени, когда всякий, кто убивает, думает, что он служит Богу* так и говорит: «Смерть – это свобода...»<sup>34</sup>. В данном случае уход из жизни для человека означает не только прерывание страданий, но и выход из бессмысленного бытия. Еще А. Камю в эссе *Миф и Сизифе* указывал на важность проблемы суицида в культуре и, подобно позиции героев Алексиевич, называл его необходимым шагом: «Свести счеты с жизнью – означает признаться, что бытие больше не поддается пониманию: явственно осознается только его конец»<sup>35</sup>. Закономерно, что в такой семантической ситуации в романе Алексиевич, которая становится передатчиком страданий человека, вводится мотив самоубийства, который является сквозным в произведении. В главе *О старухе с косой и красивой девушке* герой Александр Ласкович – солдат, предприниматель, эмигрант, 21–30 лет, – попав в армию и испытав всю тяжесть личностного унижения, переживает страшные мысли: «Стоишь на посту. В руках – оружие. И одна мысль: секунда-две – и ты свободен»<sup>36</sup>. Мотив самоубийства в романе писательницы наполнен смыслом, который со всей полнотой раскрыт в повести Ф.М. Достоевского *Кроткая*. Об этом автор ведет рассуждение и в *Дневнике писателя* за 1876 год. Реальное лицо, как и в книге Алексиевич, швея Марья Борисова, ставшая прототипом повести, выбрасывается из окна с образом в руках: «Это уж какое-то кроткое, смиренное самоубийство. Тут даже, видимо, не было никакого ропота или попрека: просто стало нельзя жить, “бог не захотел” и – умерла, помолвившись»<sup>37</sup>. И это никак не просто акт тоски и отчаяния, в героине реализован мотив страдания, через который автором найдена оправдательно-спасительная возможность для души как прототипа повести, так и самой *Кроткой*. Хотя, согласно христианской аскетике, грех в данном случае остается грехом. Природно-языческое отношение к Богу как

<sup>33</sup> Там же, с. 411.

<sup>34</sup> Там же, с. 247.

<sup>35</sup> А. Камю. *Миф о Сизифе. Бунтарь*. Минск: ООО «Попурри», 2000, с. 18.

<sup>36</sup> С.А. Алексиевич. *Время секунд хэнд. Собрание произведений*. Москва: Время, 2016, с. 393.

<sup>37</sup> Ф.М. Достоевский... Т. XXIII, с. 146.

к идолу, на что указывает образ в руках самоубийцы, свойственно славяно-русскому мышлению, хотя, казалось бы, путь восхождения Кроткой – полностью ортодоксальный путь веры, омытый слезами страданий. Луи Аллен отмечает: «Кротость – определяет самоубийство, лишенное отрицания. По своей сути такой вид самоубийства не является бунтом ни против Бога, ни против Творения. Он является криком о помощи, сигналом бедствия – это обратный акт любви, скрытая мольба»<sup>38</sup>. И в данном случае, и у персонажей Алексиевич все же намечено косвенное сопротивление Промыслу Бога, что воплощено в несогласии героев на дальнейшее существование по тем законам и правилам, которые предложены миром. Дать однозначный ответ-характеристику все же сложно. Потому что, с одной стороны, стоит чисто человеческая мораль с ее концептами, а с другой – религиозная этика. И то и другое обладает принципами и установками, придающими характеристику единственно верного обоснования. Однако, оценивая такие поступки в границах христианской аскетики, оправдать и разрешить его не представляется возможным. Борьба личности за свободу разбивается в реальности и приводит к катастрофе целого мира человека, который ищет выхода, но не находит его в настоящем времени. В такой момент персонажи направляют свои интенции в прошлое, которое предстает идеализированным, а потому происходит проекция прошлого как идеала в будущем. Отсюда и название романа – *Время секунд хэнд*. Проблема же в том, что это уже та история, которая не выдержала испытания, не оправдалась, привела к трагедии целого народа. Происходит возврат в мистическое прошлое и движение в иллюзорное будущее. Снова трагизм личности в поисках свободы оказывается неизбежным. Разрушение мира несвободы еще не дает счастья тому, кто жил до этого времени только в неволе. В романе Алексиевич микрокруг несвободы (пространство лагеря, тюрьмы, кухни и пр.) полностью совпадает с макрокругом несвободы целой страны. Через отдельные примеры читателю представляется картина, как жила вся страна и – наоборот. Так, в главе *О маленьком красном флажке и улыбке топора* героиня Анна М-ая – архитектор, 59 лет, – пройдя через испытание лагерем, не может найти себя в свободной жизни: «В первый год было столько счастья... от всего! (Долго молчит.) Соседка услышала запах газа... Милиция взломала дверь... Пришла в себя в больнице, и первая мысль: где я? Я опять в лагере? Как будто у меня не было другой жизни, и ничего больше не было»<sup>39</sup>.

Однако в романе писательницы есть и множество таких образов, которые не просто испытывают страдание, а осознанно идут на них во имя высокого подвига обретения свободы. Например, в главе *О шепоте и крике... и восторге* писательница обращается к трагедии голодомора в Украине (1932–1933 гг.), описывая беду миллионов: «Украинцев убивали за то, что они не хотели идти в колхозы. Убивали голодом. Теперь-то я это знаю... Когда-то у них была

<sup>38</sup> Л. Аллен. *Кроткая и самоубийцы в творчестве Ф.М. Достоевского*. [В:] *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 15. Санкт-Петербург: «Пушкинский дом» Институт русской литературы РАН, 2000, с. 230.

<sup>39</sup> С.А. Алексиевич. *Время секунд хэнд. Собрание произведений*. Москва: Время, 2016, с. 269.

Запорожская Сечь, народ помнил свободу...»<sup>40</sup>. Уже не в пределах романа, но в собственном биографическом пространстве Алексиевич активно обращается к украинской теме борьбы за свою свободу, после разгоревшейся войны на востоке Украины в 2014 году. Писательница полностью поддержала стремление украинцев к независимости, за что и стала подвергаться активным нападкам в российской прессе. Некоторые высказывания в адрес Алексиевич приводит в своей статье обозреватель «Новой газеты» Елена Дьякова. Уже само название материала *Плач о нобелевском пармезане. Общественность проходит испытание премией Светланы Алексиевич* выражает оценочный характер материала, в котором лауреатка названа «русским писателем». Тут и негативные высказывания главного редактора «Литгазеты» Юрия Полякова, и писателей Эдуарда Лимонова и Захара Прилепина, а сайт «Свободная пресса» выносит вердикт: «Перед читателем не *verbatim* и не *non-fiction*, а беллетризованная публицистика, за которой проступает глобальная – пропагандистская – неправда»<sup>41</sup>. Но Алексиевич не уступила, на каждой своей встрече стоит на стороне идеалов свободы, с восторгом называет имя украинской летчицы Надежды Савченко, которая провела почти два года в российской неволе, голодала в знак протеста, была приговорена к 22 годам лишения свободы, но была освобождена под давлением международной общественности, став, по мнению автора, героем целого народа, совестью нации, смогла выстоять и победить. Именно мотив свободы становится сквозным и в автобиографическом дневнике самой Савченко, которая писала его в российской тюрьме: «Какая бы не была ситуация, выход только один – оставаться собой. Это работает везде. Независимо от того, каким ты человеком являешься – сильным и честным или подлым и трусливым. Покажи искренне свое естество – и с тобой начнут говорить на твоём языке. Каждый получает свое. Я уже не раз в этом убедилась» (перевод мой – С.П.)<sup>42</sup>. В данной теме происходит пересечение литературного, исторического и биографического опыта. Сама Алексиевич вступает в живые дискуссии, выходя за пространство текста романа, объясняет свои взгляды и идеи, даже художественные особенности собственного творчества. То, что совпадает полностью в творчестве и биографии, – это идеалы вольности. Мотив свободы – организующий элемент всей творческой системы писательницы.

Появляются в романе Алексиевич и такие герои, которые в борьбе за свободу хватаются за топор (литературный символ из *Преступления и наказания*). Мотив свободы как своеволия проявляет явственную параллель с творческим

<sup>40</sup> Там же, с. 100.

<sup>41</sup> Дьякова Е. *Плач о нобелевском пармезане. Общественность проходит испытание премией Светланы Алексиевич*. «Новая газета» № 112 от 12 октября 2015. [Online] <<http://novaya-gazeta.ru/columns/70286.html>> (20.08.2016).

<sup>42</sup> Nadia Sawczenko. *NADIA. Więzień Putina*. Warszawa: Od deski do deski, 2016, с. 11. См. оригинал цитаты: „Jaka by nie była sytuacja, wyjście jest jedno – pozostawać sobą. Działa wszędzie. Niezależnie od tego, jakim jesteś człowiekiem – silnym i prawdziwym, czy podłym i tchórzliwym. Pokaż szczerze swą naturę i zacznij z tobą rozmawiać twoim językiem. Każdy otrzyma swoje, Już nieraz się o tym przekonałam”.

наследием Достоевского, герои-богоборцы которого пытаются дойти до справедливости для всех. Но в этом стремлении – лишь бунт против Бога, а реки крови не дают свободы. Личностная драма оказывается неизбежной для Раскольникова, Кириллова, Ивана Карамазова и пр. У Алексиевич в главе *О жизни-суке и ста граммах легкого песочка в белой вазочке* через героиню Тамару Суховой – официантку, 29 лет – поднимается еще одна важная тема – Чеченская война. А автор через конкретное событие выходит на универсальные обобщения об убийстве человека человеком. И все из-за подмены идей о высоком некими псевдоценностями: «В Чечню они хотят поехать, потому что там свобода, там русских обижают... и мечтают женам шубы привезти. Золотые колечки»<sup>43</sup>. Или еще одна война – в Таджикистане: «Девяносто второй год... Вместо свободы, которую мы все ждали, началась гражданская война. <...> Совершенно мирные, тихие люди превратились в убийц»<sup>44</sup>. О справедливости топором, который ждет своего часа и манит своей смертоносной силой, ведется разговор и в главе *О маленьком красном флажке и улыбке топора*. Здесь читатель сталкивается с исповедью советского палача, который шокирует, леденит кровь своими откровениями о коммунистическом терроре, когда человек превращался в машину для убийств. При этом герой уверен в необходимости своих преступлений во имя исторического величия страны. В таком контексте распад СССР воспринимается как величайшая трагедия для такого персонажа и ему подобных. Их убийства утрачивают тот сакральный смысл, который они в них вкладывали на протяжении многих лет, продавая свою совесть в адское пространство. И поэтому герой верит в силу возвращения, когда «секонд хэнд» станет снова активно использоваться как настоящее. Но и этот путь, по его мнению, неизбежен без крови и без все того же топора: «Пусть покричат: свобода! свобода! Побегают по площадям... Топор лежит... топор хозяина переживет... Запомнил!»<sup>45</sup>. Трагедия начинается именно тогда, когда этот топор расчехляется и начинается его активное использование. В данном монологе персонажа скрытое предупреждение писательницы о страшных возможностях искаженных идей, преобразованных в идеологические установки современности.

Итогом искаженных идей становится абсолютный драматизм человеческих судеб, которые используются лишь в качестве рабочего материала для поддержания жизнедеятельности целой системы. Каков будет финал, пишет Достоевский – голосом Великого Инквизитора: «Тихо умрут они, тихо угаснут во имя твое и за гробом обрящут лишь смерть»<sup>46</sup>. Путь к справедливости, но без Бога, закрывает дорогу к истинному добру в пределах вечности. В этом и Достоевский, и Алексиевич, проходя через полифонию, сливаются в едином голосе-предупреждении.

Мотив свободы является важным структурно-смысловым элементом многих текстов, творческих систем, литературного и культурного наследия, но именно

<sup>43</sup> С.А. Алексиевич. *Время секонд хэнд. Собрание произведений*. Москва: Время, 2016, с. 431.

<sup>44</sup> Там же, с. 415.

<sup>45</sup> Там же, с. 292.

<sup>46</sup> Ф.М. Достоевский... Т. XIV, с. 236.

у Достоевского он выводится в центр исканий в большинстве произведений, доходя до пика в главе *Великий Инквизитор* из *Братьев Карамазовых*. Светлана Алексиевич через фрагмент текста из названной главы, который выступает в качестве проводника, начинает свой роман *Время секунд хэнд*. Мотив свободы проявляет себя через ряд названий, цитат, сюжетных построений, тематическое богатство, судьбы героев, документы, исторические факты и т.п., становясь структурно-смысловым центром произведения. А роман писательницы таким образом вплетается в широкое литературное полотно и контекст русской классики, но выходит одновременно за ее границы, достигая мирового уровня и значимости через универсализм понимания человеческого бытия.

## Литература

- Алексиевич С.А. *Время секунд хэнд. Собрание произведений*. Москва: Время, 2016.
- Аллен Л. *Кроткая и самоубийцы в творчестве Ф.М. Достоевского*. [В:] *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 15. Санкт-Петербург: «Пушкинский дом» Институт русской литературы РАН, 2000, с. 228–236.
- Гаспаров Б.М. *Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века*. Москва: Наука — Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
- Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений*. В 30 томах. Ленинград: Наука, 1972–1990.
- Дьякова Е. *Плач о нобелевском пармезане. Общественность проходит испытание премией Светланы Алексиевич*. «Новая газета» № 112 от 12 октября 2015. [Online:] <<http://novaya-gazeta.ru/columns/70286.html>> (20.08.2016).
- Зубарева В. *Чеховская комедия нового типа в свете теории предрасположенностей*. «Новый филологический вестник». Вып. 3. Москва, 2014, с. 8–22.
- Камю А. *Миф о Сизифе. Бунтарь*. Минск: ООО «Попурри», 2000.
- Полный православный энциклопедический словарь*. Т. 1. Санкт-Петербург: Издательство П.П. Сойкина, 1913.
- Путилов Б.Н. *Мотив как сюжетобразующий элемент*. [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В.Я. Проппа*. Москва, 1975, с. 141–155.
- Пушкин А.С. *Собрание сочинений в десяти томах*. Т. 1. Москва: Правда, 1981.
- Фейербах Л. *Сущность христианства*. Москва: Мысль, 1965.
- Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 томах. Т. 13. Москва: Наука, 1978.
- Эхо Москвы. Интервью. Персонально ваш. Всеволод Чаплин. [Online:] <<http://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1818964-echo/>> (20.08.2016).
- Nadija Sawczenko. *NADIA. Więzień Putina*. Warszawa: Od deski do deski, 2016, 360 s.





GEOGRAFIA LITERASCA  
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ  
ГЕОГРАФИЯ  
LITERARY GEOGRAPHY



«ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ»: ТИПОЛОГИЯ  
КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ  
В УКРАИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ «РОМАНЕ БОЛЬШОЙ  
ДОРОГИ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

ДЕНИС ЧИК

Бердянский государственный педагогический университет  
Институт филологии и социальных коммуникаций  
Кафедра зарубежной литературы и теории литературы  
ул. Шмидта, 4, 71118, г. Бердянск, Запорожская обл., Украина  
e-mail: denyschyk@ukr.net  
(получено 07.06.2016; принято 08.09.2016)

**Abstract**

**“Fascinating Geography”: the Typology of Geographical Images’  
Construction in Ukrainian and English “High Road Novels”  
of the 1st half of the 19th century**

The article deals with the typology of the spatial relationships between geographic objects in the novels *The Adventures of Hajji Baba of Ispahan in England* by J. Morier, *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* by Ch. Dickens, *The Life and Adventures... of Stolbikov...* by H. Kvitka-Osnovianenko, *Dead Souls* by N. Gogol. It also analyzes the impact of national and ethnic factors in the deformation of the real geographical or fictitious topoi. The modeling of spatial relationships between geographic features in the novels corresponds to the spatial world of the characters. “Imaginary” space was constructed in all the pieces of fiction, in spite of the existence of real place names (H. Kvitka-Osnovianenko, J. Morier, Ch. Dickens) or symbolic markers (N. Gogol, Ch. Dickens). For a complete reproduction of mental and emotional states of the characters and their national and mental characteristics the English and Ukrainian writers often use the intentional deformations of geographic space, filling its content with extrinsic symbolic meaning.

## Key words

Space, novel, geographical topos, fictitious topos, the image, symbol.

## Резюме

В статье рассматривается типология пространственных отношений между географическими объектами в романах *The Adventures of Hajji Baba of Ispahan in England* Джеймса Морье, *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* Чарльза Диккенса, *Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова, помещика в трех наместничествах. Рукопись XVIII века* Григория Квитки-Основьяненко, *Мертвые души* Николая Гоголя. Анализируется влияние национально-этнических факторов на искажение реальных географических или фиктивных топосов. Таким образом, моделирование пространственных отношений между географическими объектами в романах *The Adventures of Hajji Baba of Ispahan in England* Дж. Морье, *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* Ч. Диккенса, *Жизнь и похождения...* Квитки-Основьяненко, *Мертвые души* Н. Гоголя коррелирует с пространственным миром персонажей. «Воображаемые» пространства присутствуют во всех произведениях, несмотря на наличие реальных географических названий (Г. Квитка-Основьяненко, Дж. Морье, Ч. Диккенс) или символических маркеров (Н. Гоголь, Ч. Диккенс). Для полного воспроизведения психоэмоционального состояния персонажей, их национальных и ментальных особенностей английские и украинские авторы часто прибегают к умышленным деформациям географического пространства и наполнения его неприсущим символическим смыслом.

## Ключевые слова

Пространство, роман, географический тоpos, фиктивный тоpos, образ, символ.

В последнее время в гуманитаристике наблюдается активное использование междисциплинарных подходов, которые плодотворно обновляют методологическую базу и предлагают современные способы интерпретации явлений, в том числе и литературных. К такому междисциплинарному направлению принадлежит и воображаемая география / воображаемые географии (*imagined / imaginative geographies*) – междисциплинарное направление, которое появилось как ответвление постколониальной теории Эдварда Саида в конце 1970–1980-х гг. Сам термин *imaginative geography* едва ли не впервые появляется в известной работе *Ориентализм* (1978) этого же ученого<sup>1</sup>. Воображаемая география изучает различные способы трактовки географических образов и людей в искусстве,

---

<sup>1</sup> E.W. Said. *Orientalism*. 25th Anniversary Ed. with 1995 Afterword Ed. London: Penguin Books Ltd, 2003, с. 49.

которые, как правило, часто не имеют ничего общего с реальностью, потому что несут в себе определенный идеологический или социальный посыл (собственно, отсюда и название *воображаемая*).

В Украине, Беларуси и России существует другое название этого направления, *гуманитарная география*, распространившееся благодаря трудам российского географа и культуролога Дмитрия Замятина<sup>2</sup>, а также работам его учеников и последователей, которые вышли в свет в конце 1990-х и в 2000-х гг.

Гуманитарная география, по сути, является аналогом воображаемой географии под другим названием. Сам же Замятин переводит *imaginative geography* как *имагинальная география* или *образная география*, акцентируя внимание не на процессе мысленного восприятия, а на моделировании географических образов<sup>3</sup>. К российской версии воображаемой географии, которая появилась значительно позже западной, можно частично отнести концепцию культурного ландшафта теоретиков географии Юрия Веденина<sup>4</sup> и Владимира Каганского<sup>5</sup>.

Необходимо отметить, что термин *воображаемая география* активнее используется историками и географами в сравнении с литературоведами.

Как следует из генезиса воображаемой географии, ее положения часто эксплицируются в постколониальных и геополитических исследованиях, поэтому нередко она фрагментарно «размывается», несмотря на очевидный самостоятельный продуктивный потенциал направления, особенно в процессе изучения художественных произведений.

Западное литературоведение сегодня успешно аргументировало причины выделения *литературной географии* (*литературных географий*) как особого междисциплинарного направления литературоведческих исследований, которое существует на стыке экономической и социальной географии (английский аналог – *human geography*) и литературоведения. Как нам кажется, в терминосистеме следует пользоваться термином *литературоведческая география*, учитывая то, что словосочетание *литературная география* часто используется для обозначения произведений о путешествиях или с целью краеведческой или этнической локализации литературного процесса в стране. Поэтому такая формулировка позволит избежать возможной путаницы.

<sup>2</sup> Д.Н. Замятин. *Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях*. Москва: РОССПЭН, 2004.

Д.Н. Замятин. *Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов*. Санкт-Петербург: Алетей, 2003.

Д.Н. Замятин. *Культура и пространство. Моделирование географических образов*. Москва: Знак, 2006.

<sup>3</sup> Д.Н. Замятин. *Имагинальная (образная) география. Материалы к словарю гуманитарной географии*. [В:] *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах*. Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. Вып. 4. Москва: Институт наследия, 2007, с. 291–296.

<sup>4</sup> Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. *Культурные ландшафты как объект наследия*. [В:] *Культурный ландшафт как объект наследия*. Научн. ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. Москва: Институт Наследия; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004, с. 13–36.

<sup>5</sup> В. Каганский. *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство*. Москва: Новое литературное обозрение, 2001.

Зарождение литературоведческой географии приходится на 1970–1980 гг., когда в трудах по культурной географии и ландшафта известного американского географа, основателя гуманистической географии И-Фу Туана<sup>6</sup> специально поднимался вопрос о репрезентации географических образов в художественной литературе. Впрочем, это не были собственно литературоведческие исследования – первые студии, которые можно отнести к литературоведческой географии, появились в 90-х гг. прошлого столетия и в 2000-х гг. и принадлежат канадскому ученому Марку Броссо<sup>7</sup> и итальянскому литературоведу-компаративисту Франко Моретти<sup>8</sup>. К ним можно отнести и пионерские работы уже упоминавшегося Саида<sup>9</sup> и других представителей основанного им постколониального направления, например, монографию Кристофера Го-Гвилта<sup>10</sup>. Среди знаковых работ по литературоведческой географии последнего времени можно выделить монографии Шейлы Хоунз<sup>11</sup>, Элис Энтвистл<sup>12</sup>, Каталины Некулай<sup>13</sup>, Лоррэйн Райан<sup>14</sup>, Джули Сандерз<sup>15</sup>, большое количество публикаций в тематических сборниках<sup>16</sup> и специализированных электронных и печатных журналах *Literary Geographies*, *Cultural Geographies* (sic!), *GeoHumanities* и др. Также с уверенностью можно говорить о тесной взаимосвязи современной литературоведческой географии с экономико-социальной и политической географией, эко-критикой и отчасти – с геополитикой.

<sup>6</sup> Yi-Fu Tuan. *Humanistic Geography*. «Annals of the Association of American Geographers» 1976. Vol. 66, No. 2, с. 266–276.

Yi-Fu Tuan. *Space and Place. The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.

<sup>7</sup> M. Brosseau. *Geography's Literature*. «Progress in Human Geography» 1994, No 18 (30), с. 333–353. M. Brosseau. *The City in Textual Form. Manhattan Transfer's New York*. «Ecumene» 1995, No 2 (1), с. 89–114.

<sup>8</sup> F. Moretti. *Atlas of the European Novel (1800-1900)*. London: Verso, 1998.

F. Moretti. *Graphs, Maps, Trees. Abstract Models for a Literary History*. London: Verso, 2007.

<sup>9</sup> E.W. Said. *Orientalism*. 25th Anniversary Ed. with 1995 Afterword Ed. London: Penguin Books Ltd, 2003.

<sup>10</sup> Ch. GoGwilt. *The Invention of the West. Joseph Conrad and the Double-Mapping of Europe and Empire*. Stanford: Stanford University Press, 1995.

<sup>11</sup> S. Hones. *Literary Geographies. Narrative Space in Let the Great World Spin*. New York: Palgrave Macmillan, 2014.

<sup>12</sup> A. Entwistle. *Poetry, Geography, Gender. Women Rewriting Contemporary Wales*. Cardiff: The University of Wales Press, 2013.

<sup>13</sup> C. Neculai. *Urban Space and Late Twentieth-Century New York Literature. Reformed Geographies*. Palgrave Macmillan, 2014.

<sup>14</sup> L. Ryan. *Memory and Spatiality in Post-Millennial Spanish Narrative*. Farnham, Surrey: Ashgate, 2014.

<sup>15</sup> J. Sanders. *The Cultural Geography of Early Modern Drama, 1620-1650*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

<sup>16</sup> *Placing Poetry*. Ed. by I. Davidson, Z. Skoulding. Amsterdam-New York: Rodopi, 2013. *Poetry and Geography. Space and Place in Postwar Poetry*. Ed. by N. Alexander, D. Cooper. Liverpool: Liverpool University Press, 2013.

Естественно, что, в отличие от физического, социального и экономического пространства, исследования пространственных объектов художественного произведения будут иметь дело с особым типом искусственного и фиктивного пространства, которое будет отражать специально смоделированные создателем произведения топосы. Художественное пространство существует в тесном взаимодействии со всеми видами других пространств, в той или иной степени формируя с ними единую полиизмерительную плоскость. Поэтому пространственные объекты, отражающие географические образы, будут носителями определенного подхода автора к картографированию, вдохновляемого его собственным опытом и спецификой восприятия окружающего мира.

Отдельные жанры и жанровые разновидности художественной литературы имеют немало общих черт с картографическим проектированием, например, путевые очерки и романы странствий. Большую роль картографирование пространства играет и в «романе большой дороги», жанровой разновидности романа, где «большой дорогой» часто является весь жизненный путь персонажа.

Для нас интерес представляют прежде всего особенности обобщенных способов моделирования и воспроизведения пространственных отношений географических объектов в романах и их взаимосвязь с пространственным миром персонажа. Иначе говоря, нас интересуют, с одной стороны, различия картографической генерализации – отбора и степени обобщения объектов<sup>17</sup>, с другой – совпадения в отражении и локализации географических образов. Попытаемся также определить психологическую подоплеку и влияние национально-этнических факторов на искажение тех или иных реальных географических или фиктивных топосов. Целесообразным будет использование пространственной терминологии, как-то: расстояние, направление, сосредоточение, близость, доступность и т.д., распространенной в региональной географии<sup>18</sup>. В настоящей работе, как и в большинстве современных исследований по региональной географии, будем пользоваться классификационной схемой, согласно которой иерархический каркас объектов размещается в пространстве горизонтально, а не вертикально<sup>19</sup>. Весьма любопытной представляется умышленная деформация географического пространства в произведении, его наполнение неприсущим смыслом и цель таких формотворческих и содержательных изменений.

В данной статье мы исследуем конструирование географического пространства в романах *The Adventures of Hajji Baba of Ispahan in England* (1828) Джеймса Морье (Мориера), *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* (1836-1837) Чарльза Диккенса, *Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова, помещика в трех намесничествах. Рукопись XVIII века* (1841) Григория Квитки-Основьяненко<sup>20</sup>, *Мертвые души* Николая Гоголя (1842), которые относим к жанру «ро-

<sup>17</sup> Л.А. Фокина. *Картография с основами топографии: учебное пособие для студентов вузов*. Москва: ВЛАДОС, 2005, с. 101.

<sup>18</sup> Г. де Блэй, П. Муллер, О. Шаблій. *Географія: світи, регіони, концепти*. Київ: Либідь, 2004, с. 101.

<sup>19</sup> Там же, с. 19.

<sup>20</sup> Далее по тексту: *Жизнь и похождения...*



мана большой дороги». Прежде всего рассмотрим особенности конструирования большого города в текстах украинских и английских писателей.

В романе *Жизнь и похождения...* Квитки-Основьяненко представлен образ большого города, Москвы, в видении провинциала. От своей встречи с одним из крупнейших городов империи Столбиков ожидает решения личных проблем с получением наследства. Его захватывает величие города, в который он прибывает, особенно его поражает размер по сравнению с теми городами, какие он видел до этого:

У! какой обширный город Москва!... гораздо обширнее, нежели мог я вообразить!... Когда я взглянул на него с горы, при въезде, у меня захватило дух, словно был брошен в глубокую реку... А сколько философических рассуждений родилось в моей голове при рассматривании этой массы!.. Вот город, думал я, так город! Не нашему наместническому чета. Сколько в нем улиц, сколько в улицах домов, сколько в домах людей, сколько в их головах мыслей, идей, замыслов, размышлений, намерений, предприятий, интриг, хитростей!.. С гордостью посматривал я на себя, что через час буду жителем столичного города Москвы<sup>21</sup>.

Итак, Столбиков с наивностью думает, что только переход городских границ позволит ему избавиться от связи с предыдущим провинциальным пространством.

Столбиков любит зданиями, а своим неподдельным восторгом и простоватой внешностью привлекает внимание местных мошенников. Столичный город (приобретение Петербургом соответствующего статуса в 1712 г. не помешало восприятию Москвы как столицы) оказывается полным угроз и происков для неподготовленного путешественника. После своего первого неудачного опыта путешествия по городу, когда его обманывают, и когда он с трудом находит путь назад, Столбиков осторожно исследует пространство вокруг дома своего друга Столбиковского:

Любуясь собою, я ходил по городу всегда недалеко от квартиры, чтобы не растеряться в этих бестолковых улицах и бесчисленных переулках. Выйдя со двора, я шел на заметную колокольню или дом, оттуда брал другой предмет, далее третий, четвертый и, найдя, по тем же предметам возвращался домой<sup>22</sup>.

Постепенно Столбиков овладевает пространством чужого города, учится его «считывать» и запоминать его приметы. Перед ним раскрывается чужая территория со своими законами и экзотическими обитателями.

Топосы Москвы постоянно вводят в заблуждение главного героя: сталкиваясь с ними, он как бы теряет зрение и не способен различать их функциональное назначение.

<sup>21</sup> Г.Ф. Квітка-Основ'яненко. *Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова, помещика в трех наместничествах. Рукопись XVIII века* [В:] Квітка-Основ'яненко Г.Ф. *Збір творів у 7-ми т.* Ред. кол. П.М. Федченко и фр. Т. 5: *Прозові твори*. Київ: Наук. думка, 1981, с. 179–180.

<sup>22</sup> Там же, с. 183.

Столбиков часто не способен идентифицировать те или иные общественные заведения, в которых он случайно оказывается. Например, когда он попадает в трактир, его обманывают, убеждая в том, что это на самом деле частный дом, принадлежащий дальней родственнице, и заставляют оплатить чужой пир.

Он постоянно становится объектом манипулирования, насмешек и жертвой подлых афер местных мошенников. Примечательно, что первоначальное восприятие Москвы не оправдывает его радостных ожиданий, потому что в столице он не встречает ни одного человека, который бы не захотел использовать его в корыстных целях или просто поиздеваться. Даже сотоварищ по пансиону Столбиковский использует его в своих интересах (для сокрытия адюльтеров) и, неожиданно для себя получив твердый отказ от участия в сокрытии очередной интриги, подло выбрасывает вчерашнего «лучшего друга» из своего жилища. Поэтому Москва внезапно отторгает Столбикова, как инородное тело, который со своей непосредственностью и наивностью не способен вжиться в ее пространство постоянных обманов и условностей. Даже для того, чтобы беспрепятственно выехать из столицы, он вынужден заплатить взятку квартальному полицейскому.

Квитка-Основьяненко не перегружает эпизод пребывания Столбикова в Москве представлением реальных географических топосов. Лишь дважды он приводит точные названия московских заведений: Петровский трактир и Петровский театр. В трактир Столбиков попадает благодаря обману аферистов, где его обворовывают и пируют за его счет. Вынужденно покидая негостеприимной город, Столбиков узнает, что владелец Петровского театра Мэддокс подал жалобу на Столбиковского, который увел из его труппы танцовщицу. Здесь писатель использует имя реального исторического лица – Майкла Мэддокса (1742–1887), основателя Петровского театра. Первое представление в этом частном театре состоялась 30 декабря 1780 г.; с этого момента театр длительное время был одним из главных мест развлечений московских театралов.

Впоследствии, после 18 лет деятельности театра, владелец был вынужден, из-за финансовых трудностей, отдать его под опеку Императорского Воспитательного дома<sup>23</sup>. «Появление» любовной интриги Столбиковского рядом с фамилией известного английского антрепренера исторически фиксируют действие и историзируют пространство донаполеоновской Москвы времен позднего правления Екатерины II.

В подобной ситуации оказывается Хаджи-Баба, когда попадает из родного пространства Персии в совершенно чужое для него пространство британской столицы. Как и украинец Столбиков, персы испытывают культурный шок, столкнувшись с образом жизни англичан, их привычками и неприятием их традиций. В столице Хаджи-баба и его спутники замечают отличные и непонятные правила обустройства быта и общежития. Их удивляет четкая функциональная определенность комнат (для приема пищи, для сна и т.д.), огромное количество

---

<sup>23</sup> М.И. Пыляев. *Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы*. Сост., предисл., коммент. Ю.Н. Александров. Москва: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007, с. 187.

мебели и отсутствие отдельных комнат для женщин и мужчин<sup>24</sup>. Такое устройство бытового пространства изрядно смущает чужаков, ведь оно совсем не похоже на то, к которому они привыкли за годы жизни в Персии. Как и Столбиков, молодой перс воспринимает огромный город не статично, а в постоянной динамике: подчеркивается постоянное движение в городе и вынужденная причастность к бешеному ритму жизни, столь быстрому, что он воспринимается как нечто чрезвычайное:

We caught only rapid glimpses of streets, houses, shops, and novelties too numerous to be described at this moment, and at length stopped at a door, situated between several other doors of exactly the same dimensions; and there, to our joy and amazement, we beheld our countrymen, whom three days before we left at Plymouth, and whom, to say the truth, we expected never to see again<sup>25</sup>.

В романе прослеживается противопоставление размеренной и созерцательной жизни персидских городов и кипучего ритма Лондона.

В случае с Чичиковым из романа *Мертвые души* Гоголя, происходит обратный процесс – из столицы главный герой приезжает в губернский город NN. Исследователи часто пытались точно определить географическое положение города, пренебрегая его умышленной типизацией. В частности, на это якобы указывает обидное прозвище которым «награждает» кучера Чичикова другой извозчик, когда они едва разминаются на узкой и разбитой сельской дороге: «Отсаживай, что ли, нижегородская ворона!» – кричал чужой кучер. Селифан потянул поводья назад, чужой кучер сделал то же, лошади несколько попятнулись назад и потом опять сшиблись, переступивши постромки<sup>26</sup>. Буквосочетание NN, несмотря на свою распространенность в русскоязычных произведениях XIX в., не может прямо указывать на первые буквы названия Нижнего Новгорода (хотя автор пишет подряд две буквы NN вместо одной). Следует отметить и отсутствие присущих Нижнему Новгороду признаков, характерных для города на момент написания текста первого тома романа. Если же Гоголь и стремился показать отдаленную от столицы провинцию на примере Нижегородской губернии и губернского города, то он умышленно убирает точные маркеры: так, например, упоминания о посещении городского театра помещиками (основан в Нижнем Новгороде в 1798 г.) являются общими и могут касаться любого губернского театра.

Косвенным доказательством символического изображения Нижнего Новгорода является разговор двух крестьян, которые стали первыми свидетелями приезда Чичикова в гостиницу. Сказанное касается не приезжего – потому что он ничем не привлекает внимание, – а колес его экипажа:

<sup>24</sup> J. Morier. *The Adventures of Hajji Baba, of Ispahan in England*. New Ed. London: Ward and Lock, 1856, с. 89.

<sup>25</sup> Там же, с. 87.

<sup>26</sup> Н.В. Гоголь. *Мертвые души. Поэма*. [В:] Гоголь Н.В. *Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 7. Книга 1*. Москва: Наука; ИМЛИ РАН, 2012, с. 6.

«Вишь ты, – сказал один другому, – вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» – «Доедет», – отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» – «В Казань не доедет», – отвечал другой. Этим разговор и кончился<sup>27</sup>.

Итак, есть два места, которые, несмотря на произвольный выбор одного из собеседников, могли бы стать возможным объектом мнимого прибытия – Москва и Казань; оба губернских города почти равноудалены от Нижнего Новгорода – на запад и восток соответственно.

В пользу Нижнего Новгорода может также частично свидетельствовать и перечень центральных губерний, в которых Чичиков поражал местных барышень своим красноречием, – Симбирская, Рязанская, Пензенская, Вятская. Если обозначить длительный маршрут афериста, обращая внимание только на эти названия, то он будет выглядеть так: Москва → Рязань → Пенза → Симбирск → Вятка → Нижний Новгород. У главного героя и его кучера на пути вероятного возвращения из Нижнего Новгорода в Москву должен находиться только один, не упомянутый в тексте, губернский город – Владимир.

Примечательной является и другая авторская ремарка, касающаяся размещения губернского города по отношению к столицам Российской империи – Петербурга и Москвы. Гоголь искренне удивляется легковёрности горожан, которые распространяют слухи о «передетом Наполеоне» Чичикове, ведь действие происходит не в глухой провинции:

Может быть, некоторые читатели назовут все это невероятным; автор тоже в угоду им готов бы назвать все это невероятным; но, как на беду, все именно произошло так, как рассказывается, и тем еще изумительнее, что город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц<sup>28</sup>.

Но это замечание разрушает версию о возможном описании Нижнего Новгорода, который гораздо ближе к Москве, чем к Северной столице.

Казалось бы, главный город губернии должен отличаться от других чистотой, величиим архитектуры, организованностью пространства в целом и быть образцовым. Зато автор замечает и подчеркивает типичные черты российского города, которые отнюдь его не красят, а, наоборот, обостряют его неустроенность и антиэстетичность. Рессорная бричка, на которой приезжает Чичиков, «довольно красивая», хотя ее хозяин «не красавец, но и не дурной наружности»; город же противостоит возможной красоте во всем: он сразу предстает отталкивающим посредством описания местной гостиницы, очень грязной, с темными комнатами и закопченными от дыма залами, населенной тараканами и интереснейшими соседями. Внутреннее пространство гостиницы соответствует своему внешнему виду, не менее заброшенному и грязному:

Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в темно-красных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний

<sup>27</sup> Там же, с. 9.

<sup>28</sup> Там же, с. 194.

был выкрашен вечною желтою краскою; внизу были лавочки с хомутами, веревками и баранками<sup>29</sup>.

Поэтому гостиница символизирует пространство запустения, затхлости и упадка, который царит не только в городе, но и губернии в целом. Гостиница также становится вратами городского пространства, замкнутого на себе, – именно к нему всегда возвращается после своих «деловых» встреч приезжий аферист.

Присутствует в структуре пространства города и сакральный компонент, однако ему символически отводится второстепенная, если не третьестепенная роль. Помещица Коробочка, пораженная предложением Чичикова, приезжает в губернский город, чтобы посоветоваться с протопопшею. Путь в дом протопопы лежит мимо церкви через отдаленные улицы и закоулки:

Колымага, сделавши несколько поворотов из улицы в улицу, наконец поворотила в темный переулок мимо небольшой приходской церкви Николы на Недотычках и остановилась пред воротами дома протопопши<sup>30</sup>.

Название места, где находится церковь, указывает на ее основное значение и является прозрачным намеком на отсутствие доминирования духовного в жизни горожан (впрочем, не только горожан – Чичиков, узнавая об обустройстве города, спрашивает, на всякий случай, где расположен местный собор; это первое и последнее упоминание в тексте). Профанное пространство в городе значительно преобладает над сакральным и провоцирует искривление в мировосприятии и повседневности горожан.

Топос отеля как репрезентанта большого города присутствует и в *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* Диккенса. В общем, действие в тексте часто происходит в гостиницах как больших, так и малых. Обратим внимание на то, как автор обозначает старые отели Лондона. Для него старинный отель – это вместилище культурной и исторической памяти, последний свидетель прошлого. Ранее отели были более значимыми, потому что служили заезжими дворами для карет, однако с активным развитием путей сообщения, в том числе и железнодорожных, они теряют свое значение как часть важных узлов для транспортных артерий страны. Теперь эти старинные отели сохранились в отдаленных от центра районах. В одном из лондонских боро, где еще сохранились гостиничные реликты, Диккенс замечает сохраненную старинную архитектуру и отсутствие суеты, характерной для крупных отелей:

A double tier of bedroom galleries, with old Clumsy balustrades, ran round two sides of the straggling area, and a double row of bells to correspond, sheltered from the weather by a little sloping roof, hung over the door leading to the bar and coffee-room. Two or three gigs and chaise-carts were wheeled up under different little sheds and pent-houses; and the occasional heavy tread of a cart-horse, or rattling of a chain at the farther end of the yard, announced to anybody who cared about the matter, that the stable lay in that direction<sup>31</sup>.

<sup>29</sup> Там же, с. 10.

<sup>30</sup> Там же, с. 166.

<sup>31</sup> Ch. Dickens. *The Pickwick Papers*. Introduction and Notes by D. Ellis. Ware: Wordsworth Clas-

В отличие от гоголевской гостиницы, допотопный огромный отель с запутанными коридорами, до которого еще не добрались современные архитекторы и городские чиновники, ответственные за благоустройство, является средоточием городской мифологии и может быть неисчерпаемым источником для бесчисленных рассказов о привидениях. По убеждению писателя, современные реформаторы представляют угрозу для мест, которые хранят историю, как архаичный отель «Белый олень» или Лондонский мост.

Как и Гоголь, Диккенс отмечает отсутствие вкуса в современном обустройстве городского пространства и его кажущееся совершенство. Возле широких и освещенных улиц есть боковые: грязные, узкие и глухие – светлое пространство не способно вытеснить темное. Таким образом, в тексте подчеркивается двуличность столичного города:

The street is broad, the shops are spacious, the noise of passing vehicles, the footsteps of a perpetual stream of people – all the busy sounds of traffic, resound in it from morn to midnight; but the streets around are mean and close; poverty and debauchery lie festering in the crowded alleys; want and misfortune are pent up in the narrow prison; an air of gloom and dreariness seems, in my eyes at least, to hang about the scene, and to impart to it a squalid and sickly hue<sup>32</sup>.

В конце концов и в городе NN ничтожество и однообразие заброшенной застройки скрывается, хотя и не представлением лучших зданий и их удобным расположением, а формированием фиктивных образов города в местной прессе, которая таким образом угождает власти:

Он заглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких деревьев, дурно принявшихся, с подпорками внизу, в виде треугольников, очень красиво выкрашенных зеленою масляною краскою. Впрочем, хотя эти деревца были не выше тростника, о них было сказано в газетах при описании иллюминации, что «город наш украсился, благодаря попечению гражданского правителя, садом, состоящим из тенистых, широковетвистых деревьев, дающих прохладу в знойный день», и что при этом «было очень умильно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слез в знак признательности к господину градоначальнику»<sup>33</sup>.

С легкой руки автора газетного сообщения жалкий и неухоженный сад превращается в новый «акт подвижничества» местного градоначальника.

Таким образом, моделирование пространственных отношений между географическими объектами в романах *The Adventures of Hajji Baba of Ispahan in England* Морье, *The Posthumous Papers of the Pickwick Club* Диккенса, *Жизнь и похождения...* Квитки-Основьяненко, *Мертвые души* Гоголя корреспондирует с пространственным миром персонажей. «Воображаемые» пространства присутствуют во всех произведениях, несмотря на наличие реальных географических названий (Квитка-Основьяненко, Морье, частично Диккенс) или символических маркеров (Гоголь, Диккенс). Для полного воспроизведения психоэмоционального состояния персонажей, их национальных и ментальных

---

sics, 2000, с. 119.

<sup>32</sup> Там же, с. 269.

<sup>33</sup> Н.В. Гоголь. *Мертвые души...*, с. 13.

особенностей английские и украинские авторы часто прибегают к умышленным деформациям географического пространства и наполнению его неприсущим символическим смыслом.

## Литература

- Блй Г. де, Муллер П., Шаблій О. *Географія. Світи, регіони, концепти*. Київ: Либідь, 2004.
- Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. *Культурные ландшафты как объект наследия*. [В:] *Культурный ландшафт как объект наследия*. Научн. ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. Москва: Институт Наследия – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004, с. 13–36.
- Гоголь Н.В. *Мертвые души. Поэма*. [В:] Гоголь Н.В. *Полное собрание сочинений и писем*. В 23 т. Т. 7. Кн. 1. Москва: Наука – ИМЛИ РАН, 2012, с. 5–232.
- Замятин Д.Н. *Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях*. Москва: РОССПЭН, 2004.
- Замятин Д.Н. *Гуманитарная география: пространство и язык географических образов*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003.
- Замятин Д.Н. *Имагинальная (образная) география. Материалы к словарю гуманитарной географии*. [В:] *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах*. Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. Вып. 4. Москва: Институт наследия, 2007, с. 291–296.
- Замятин Д.Н. *Культура и пространство: моделирование географических образов*. Москва: Знак, 2006.
- Каганский В. *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство*. Москва: Новое литературное обозрение, 2001.
- Квітка-Основ'яненко Г.Ф. *Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова, помещика в трех наместничествах. Рукопись XVIII века* [В:] Квітка-Основ'яненко Г.Ф. *Збір творів у 7-ми т.* Ред. кол. П.М. Федченко и др. Т. 5: *Прозові твори*. Київ: Наук. думка, 1981, с. 7–377.
- Пыляев М. И. *Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы*. Сост., предисл., коммент. Ю.Н. Александров. Москва: АСТ – ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
- Фокина Л.А. *Картография с основами топографии: учебное пособие для студентов вузов*. Москва: ВЛАДОС, 2005.
- Brousseau M. *Geography's Literature*. «Progress in Human Geography» 1994, No 18 (30), с. 333–353.
- Brousseau M. *The City in Textual Form: Manhattan Transfer's New York*. «Ecumene» 1995, No 2 (1), с. 89–114.
- Dickens Ch. *The Pickwick Papers*. Introduction and Notes by D. Ellis. Ware: Wordsworth Classics, 2000.
- Entwistle A. *Poetry, Geography, Gender. Women Rewriting Contemporary Wales*. Cardiff: The University of Wales Press, 2013.
- GoGwilt Ch. *The Invention of the West. Joseph Conrad and the Double-Mapping of Europe and Empire*. Stanford: Stanford University Press, 1995.
- Hones S. *Literary Geographies. Narrative Space in Let the Great World Spin*. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
- Moretti F. *Atlas of the European Novel (1800–1900)*. London: Verso, 1998.
- Moretti F. *Graphs, Maps, Trees. Abstract Models for a Literary History*. London: Verso, 2007.
- Morier J. *The Adventures of Hajji Baba, of Ispahan in England*. New Ed. London: Ward and Lock, 1856.

- Neculai C. *Urban Space and Late Twentieth-Century New York Literature. Reformed Geographies*. Palgrave Macmillan, 2014.
- Placing Poetry*. Ed by I. Davidson, Z. Skoulding. Amsterdam-New York: Rodopi, 2013.
- Poetry and Geography. Space and Place in Postwar Poetry*. Ed. by N. Alexander, D. Cooper. Liverpool: Liverpool University Press, 2013.
- Ryan L. *Memory and Spatiality in Post-Millennial Spanish Narrative*. Farnham, Surrey: Ashgate, 2014.
- Said E.W. *Orientalism*. 25th Anniversary Ed. with 1995 Afterword Ed. London: Penguin Books Ltd, 2003.
- Sanders J. *The Cultural Geography of Early Modern Drama, 1620-1650*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Tuan Yi-Fu. *Humanistic Geography*. «Annals of the Association of American Geographers» 1976. Vol. 66, No. 2, c. 266-276.
- Tuan Yi-Fu. *Space and Place. The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.





PRZEKŁADOZNAWSTWO  
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ  
TRANSLATION STUDIES



## NIECENZURALNE PARODIE WIERSZEM IWANA BUNINA A SZTUKA PRZEKŁADU

GRZEGORZ OJCEWICZ

Prof. em. Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie, Polska  
b. prof. nadzw. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, Polska  
gojcew@poczta.onet.pl

(nadesłano 29.12.2015; zaakceptowano 10.02.2016)

### **Abstract**

#### **Obscene parodic poetry of Ivan Bunin and the art of translation**

The article is devoted to the demonstration and literary translation analysis of twelve (yet unpublished in Poland, thus unknown to a wide range of readers) indecent parody poems written by Ivan Bunin (1870–1953). Bunin's obscene works create just a fraction of the Nobel Prize winner's body of work. Nevertheless, they are not to be overlooked because of their peculiar artistic overtone and their social significance. According to the author of the article, Bunin's indecent writings should be looked at through the prism of the emigration, a point of view which requires from the reader vast knowledge of the reality of not only the times the author spent in exile in France, but also the Soviet reality of life under the Bolshevik's rule. The following works were used in the article for the purpose of interpretation and analysis: *Новые басни Эзона* (*Aesop's new fables*, four texts), *Отрывки из оперы «Курва-блядь Оленушка»* (*Fragments of the opera "Whore-bljad Olonushka"*), *Песнь о вещем Грузине* (*The song about a Georgian bard*), a poem about incipit *Пришлось когда-то дьявольскому роду...* (*It happened once to the devil's kind...*), *Русские писатели и издатели в Париже* (*Russian writers and publishers in Paris*, three texts), *Европейскому певцу* (*To the European singer*, two versions).

## Key words

Ivan Bunin, poetic parody, the art of translation, the obscene, the literature of the Russian emigration.

## Резюме

### Нецензурные стихотворные пародии Ивана Бунина и искусство перевода

Данная статья посвящена презентации и литературно-переводческому анализу, неопубликованных до сих пор в Польше, а значит – и неизвестных более широкому читательскому кругу, двенадцати нецензурных стихотворных пародий, автором которых является Иван Бунин (1870–1953). Бунинские непристойности принадлежат к второстепенным достижениям среди литературных трудов русского лауреата Нобелевской премии, но этих произведений нельзя игнорировать, учитывая их особенный художественный характер и общественную роль. По мнению автора, Бунинские непристойности следует воспринимать главным образом в эмиграционном ключе, который требует от читателя знания реальных фактов, связанных с французским этапом эмиграции писателя и с советской действительностью в большевистское время. В анализ и интерпретацию были включены следующие произведения: *Новые басни Эзопа* (четыре текста), *Отрывки из оперы «Курва-блядь Оленушка»*, *Песнь о вещем Грузине*, стихотворение *Пришлось когда-то дьявольскому роду...*, *Русские писатели и издатели в Париже* (три текста), *Европейскому певцу* (два варианта).

## Ключевые слова

Иван Бунин, стихотворная пародия, искусство перевода, непристойности, русская эмиграционная литература.

*Niecenzuralne słowa zniszczą każdy patos<sup>1</sup>.*

Iwan Bunin (1870–1953), rosyjski emigrant pierwszej fali, obchodzący w 2013 roku dwie ważne rocznice: 60. – śmierci i 80. – przyznania Literackiej Nagrody Nobla (1933), cieszy się zasłużenie od ponad stu lat reputacją pisarza wybitnego, mistrza słowa poetyckiego i prozatorskiego, niezwyklego detalisty i autora poważnego, który pozostawił światu uniwersalistyczne prawdy o człowieku i jego skrajnych emocjach. Mało natomiast wiemy, by nie rzec, że prawie nic, o Buninie jako twórcy ekspresywnych niecenzuralnych parodii wierszem, które dokumentują absolutnie nietradycyjne językowo-stylistyczne oblicze wielkiego literata i kontrastują z jego statusem hono-

<sup>1</sup> Motto własne – G.O.

rowego członka Petersburskiej Akademii Nauk (1909). Czy bycie autorem tego typu „niegodnych” mistrza utworów może zburzyć ustalony wizerunek pisarza? Na pewno nie, o czym najlepiej świadczy toczony od prawie trzech dziesięcioleci spór o autentyczność tajnych notatek Aleksandra Puszkina lat 1836–1837, traktowanych jako potężny zamach Michaiła Armalinskiego na dobro narodowe, za jakie uważa się w Rosji genialnego twórcę *Eugeniusza Oniegina*<sup>2</sup>. Świadczą o tym także słowa samego Bunina, zdradzające przy okazji jego ogromne poczucie humoru i zachowanie dystansu wobec klasyków literatury rosyjskiej. W liście z 18 czerwca 1948 roku, adresowanym do Gieorgija Adamowicza, noblista przesłał dwa wiersze, jak zapewniał, autorstwa samego Antoniego Czechowa. Przesyłka była zaopatrzona w przekorny komentarz: „Teraz niech Pan uczciwie pomyśli. »No i cóż tu śmiesznego – w tym kiepskim żarcie Czechowa?«. Całkowicie słusznie: doprawdy nic śmiesznego. **Ale mimo wszystko to Czechow**”<sup>3</sup>. Stąd konstatacja: Bunin, pomimo pokazania niecenzuralnego oblicza, wciąż pozostaje tym samym Buninem, a wierszowane parodie nie są w stanie zmienić utrwalonej o nim opinii jako twórcy wybitnym.

Pierwszy o istnieniu nieznanego szerokiej publiczności niecenzuralnego tekstu Bunina z Olonuszką-nierządnicą w roli głównej wspomniął Jurij Malcew<sup>4</sup> (1932), jeden z najznamienitszych współczesnych buninologów, autor inspirującego i nowatorskiego opracowania o życiu i twórczości słynnego emigranta<sup>5</sup>. Jego tropem poszedł następnie Jewgienij Ponomariow (1975), badacz młodszego pokolenia, który pomimo nacisków z zewnątrz nie skapitulował przed fałszywie rozumianą moralnością czy ideologią prezentowania wyłącznie monolitowego wizerunku noblisty i opublikował przed kilku laty szkic o wierszowanych parodiach Bunina z końca lat 40. XX wieku<sup>6</sup>. Jego zatem zasługą jest stworzenie obiektywnej możliwości swobodnego dostępu do oryginałów i wzbogacenie wiedzy o autorze *Życia Arsieniewa* o skrzętnie przemilczane, a więc i nieznanne najprawdopodobniej ogółowi ważne o nim informacje.

Obscena, nie tylko zresztą Buninowskie, bo o nich będzie mowa w dalszej części artykułu, same w sobie stanowią interesujący z punktu widzenia reakcji czytelnika na słowo pisane problem odbiorczy. Rezonans na leksykalne nieprzyzwoitości nie jest

<sup>2</sup> Więcej na ten temat zob. np. G. Ojcewicz. *Tajne notatki z lat 1836–1837 Aleksandra Puszkina jako postmodernistyczna mistyfikacja*. „Acta Polono-Ruthenica” 2008, t. 13, s. 111–121.

<sup>3</sup> Е.Р. Пономарев, *Нецензурный Бунин. Стихотворные пародии конца 1940-х годов*. [В:] И.А. Бунин, *Новые материалы*. Вып. 2. Сост. О. Коростелев, Р. Дэвис, Москва: Русский путь, 2010, s. 488. Tu i dalej podaję we własnym tłumaczeniu. Podkr. – G.O.

<sup>4</sup> Jurij Władimirowicz Malcew jest literaturoznawcą i tłumaczem. Ukończył wydział filologiczny na Uniwersytecie Leningradzkim (1955), a następnie wykładał język włoski na Uniwersytecie Moskiewskim. W 1974 wyemigrował ze Związku Radzieckiego. Na obczyźnie prowadził wykłady z języka i literatury rosyjskiej. Współpracował z rosyjską prasą emigracyjną.

<sup>5</sup> Zob. Ю. Мальцев. *Иван Бунин 1870–1953*. Москва: Посев, 1994.

<sup>6</sup> Gwoli badawczej sprawiedliwości trzeba zaznaczyć, że próbę opowiedzenia o Buninowskim macie, czyli słownictwie niecenzuralnym, podjął w 2003 roku Giennadij F. Kowalow (1943), przedstawiając na konferencji w Woroneżu referat na temat specyfiki języka Bunina (*Особенности языка Бунина*). Lecz wtedy jeszcze nie były powszechnie znane parodie wierszem Bunina i dlatego, co zrozumiałe, obszar obserwacji Kowalowa z konieczności musiał być znacznie węższy. Por. Е.Р. Пономарев. *Нецензурный Бунин...*, s. 479.

czymś stałym, danym raz na zawsze, a więc jako zjawisko językowo-społeczne ewoluje wraz z epokami, które w mniejszym lub większym stopniu przyzwalają na powszechną w danym okresie obecność nieprzyzwoitej leksyki w obiegu potocznym. Coś bardzo podobnego, ale w odniesieniu do wyobraźni, powiedział przed laty szwajcarski filolog i historyk kultury Nowego Czasu, Jean Starobinski (1920): „Tolerancja wobec wyobraźni zmienia się zależnie od środowiska, czasu, tradycji”<sup>7</sup>. Czasy, gdy autorytety naukowe i moralne decydowały o tym, co jest przyzwoite, a co nie, co może być upowszechniane w mass mediach, a co nie powinno być przez nie eksponowane, chyba już bezpowrotnie minęły. Dziś ani Kościół Katolicki uwikłany w afery finansowo-etyczne, ani chcące uchodzić za kulturotwórcze media państwowe, ani nawet charyzmatyczne indywidualności nie są już w stanie zapanować nad chaosem językowym i stylistycznym spłyceniem polszczyzny, jak też zauważalnie malejącym z każdym rokiem poziomem kultury lingwalnej Polaków; w tym negatywnym procesie dewaloryzacji języka polskiego istotną rolę odgrywają czynniki globalne, a wśród nich portale społecznościowe jako przykład niestaranności wypowiedzi oraz tolerowania wulgaryzmów.

Wszystkie znane anegdoty i relacje wspomnieniowe współczesnych o powszednim języku Bunina, o jego reżyserowanym sytuacyjnie macie, stokroć pikantniejszym od mowy marynarzy, w którym nie odnajdziemy najmniejszego śladu akademickości, nie są wcale przesadzone: teksty literackie są wprawdzie świadomie pozbawione wulgarnej domieszki, za to wypowiedzi potoczne nie były od niej wolne. Bunin celowo prowokował swoich rozmówców, a używając w czasie dialogu leksyki niecenzuralnej badał ich reakcje. Cieszył się, gdy kogoś zgorszył, i dziwił, gdy jego sprośności nie zrobiły na słuchacza żadnego wrażenia. Jak słusznie podkreśla Ponomariow, tradycyjnie donoszone do buninologów dowcipy na temat niecenzuralnych wypowiedzi Bunina, są „ściśle sytuacyjne, a nie lingwistyczne”<sup>8</sup>. Oznacza to, że w przypadku rozpatrywanych parodii wierszem rolę się odwracają: owszem, parodie są skutkiem określonej sytuacji kulturowo-historycznej, lecz mają charakter świadomej kreacji lingwistycznej, w której tematowi całkowicie podporządkowuje się stylistyka.

Tak więc, nie zaprezentowanie wulgaryzmów jako takich wyznaczało zasadniczy cel Buninowskiej wypowiedzi, lecz stały się one specyficznym narzędziem pośrednim w dyskusji o klasycie literatury rosyjskiej i o czasach Buninowi współczesnych, narzędziem, które od samego początku budowało ekspresywne napięcie pomiędzy wielkimi twórcami i skodyfikowanymi gatunkami literackimi o ustalonej od wieków reputacji. A zatem, powyższe okoliczności nie mogą być zignorowane przez tłumacza Buninowskich parodii, który w obieranej strategii translacji będzie musiał zdecydować się na taki wariant obscenów, które będą zdolne do zachowania więzi pomiędzy wysokim gatunkiem i niskim stylem. Na szczęście, polszczyzna dysponuje bardzo podobną tradycją literacką, gdy chodzi o gatunki skodyfikowane oraz zawiera równie bogate pokłady leksyki niecenzuralnej, chociaż niektóre jednostki leksykalne wciąż aktywne w języku rosyjskim, jak *мудё*, czyli męskie gruczoły płciowe dosadnie zwane tym, co znoszą kury, nie występują już w języku polskim i są rejestrowane co najwyżej w źródłach

<sup>7</sup> J. Starobinski. *Wskazówki do historii pojęcia wyobraźni*. Tłum. W. Kwiatkowski. „Pamiętnik Literacki” 1972, nr 68, z. 4, s. 232.

<sup>8</sup> Е.Р. Пономарев. *Нецензурный Бунин...*, s. 479.

staropolskich. Semantycznym odpowiednikiem rosyjskiego rzeczownika w liczbie podwójnej *мудѣ* są polskie *mąda* od *mądo* (rodzaj nijaki) lub *mądy* od *mąda* (rodzaj żeński). W potocznej świadomości językowej Polaków ani słowo *mąda*, ani *mądy*, ani najpopularniejsze w przeszłości *mądzie* (liczba podwójna) nie istnieją<sup>9</sup>, chociaż ich echo, obecne w apelu *Niech ten rządzi, co ma mądzi. A kto ma one, niech idzie na stronę*, wyczuwa się także dzisiaj w zbieżnych sytuacyjnie kontekstach. Skupiam się na tym staropolskim słowie, ponieważ w Buninowskich parodiach wykazuje ono stosunkowo wysoką aktywność, a więc jest ważną częścią autorskiej poetyki.

Przedmiotem naszych obserwacji będzie sześć wyodrębnionych numerycznie utworów Iwana Bunina, dotąd w Polsce niepublikowanych, jak:

1. *Новые басни Эзоп* (cztery teksty),
2. *Отрывки из оперы «Курва-блядь Оленушка»*,
3. *Песнь о вещем Грузине*,
4. Wiersz o incipicie *Пришлось когда-то дьявольскому роду...*,
5. *Русские писатели и издатели в Париже* (trzy teksty),
6. *Европейскому певцу* (dwa warianty).

W aspekcie liczbowym dwanaście w sumie tekstów to raczej niewiele, lecz skromna liczebność wcale nie oznacza bezwartościowości informacyjnej. Przeciwnie: autorski chwyt implikuje wagę przekazu. Gdyby to były rzeczy bez znaczenia w twórczym życiorysie Bunina, ten – znany z nadmiernej czasami surowości wobec własnych dokonań pisarskich – z całą pewnością usunąłby je ze swojego wypielegnowanego archiwum. Skoro pozostawił, to zapewne chciał, aby potomni również poznali tę parodystyczno-polemiczną stronę jego pisarstwa. Przy czym utworów tych nie należy mylić z „niepoważnymi”, żartobliwymi wierszami Bunina pisanymi przy różnych okazjach i dedykowanych głównie Aleksandrze Żyrowej. Są też inne niecenzuralne miniatury noblisty, jak chociażby sześciowiersz *Новая Европа*<sup>10</sup>, które zawierają wulgaryzmy, lecz nie są one parodiami, nie prowadzą dialogu z kulturą, nie wchodzą w czytelne relacje międzytekstowe.

<sup>9</sup> W gwarze staropolskiej znane były oboczne formy *mędraty* / *menderaty* / *mendyraty*, które powstały w wyniku kontaminacji słowiańskiego *mądo* / *mąda* w znaczeniu łacińskiego *testis* ('jądro') i przyswojonego z łaciny *femuraty* w znaczeniu 'gacie, spodnie, pludry' (por. łac. przymiotnik *femoralis* 'udowy' i rzeczownik *femorale* 'przepaska na uda, na biodra' z *femur* 1. 'udo', 2. przen. 'członek męski'). Praforma rekonstruowana ma postać \**mond-o-*, czyli 'coś okrągłego, kulistego'. W onomastyce zachowały się na przykład takie formy reliktowe utrwalone w nazwiskach, jak *Mędak*, *Mędała*, *Mędziga*. W potocznym obiegu jest ciągle wyraz *menda*, będący skróconą postacią wyrazu *mędowieszka* / *mendowieszka* na pejoratywne oznaczenie człowieka. Zob. np. hasło *mędraty*: [Online:] <<http://poradnia.pwn.pl/lista.php?szukaj=kurcabowa&od=20>> (19.07. 2013). Zob. także: J. Karłowicz. *Słownik gwar polskich*. T. 1–6. Kraków: Akademia Umiejętności, 1900–1911, s. 133, 141; M. Grochowski. *Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów*. Warszawa: PWN, 1996, s. 95. Według Jacka Lewinsona *mądzie* jest stylistycznie neutralne i było używane w znaczeniu 'penis'. Natomiast neutralna stylistycznie forma *mądy* oznaczała 'jądra'. Zob. J. Lewinson. *Słownik seksualizmów polskich*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1999, s. 128. Pisarze staropolscy chętnie posługiwali się tymi słowami: Jan Kochanowski – *Do Marcina*, Waclaw Potocki – *Do herbowego w dworskiej chorobie*, Jan z Kijana – *Druga pani*, Jan Andrzej Morsztyn – *Przedmowa do fraszki...* i in.

<sup>10</sup> E.П. Пономарев. *Нецензурный Бунин...*, s. 480–481.



Bunin najpierw rewiduje wielkich literatury i dopiero później przystępuje do ich parodiowania. Robi to w końcowym okresie twórczej aktywności, czując się ostatnim przedstawicielem klasycznej tradycji pisarskiej. Sięga więc do źródeł, po bajki Ezopa, peregrynuje śmiało po różnych epokach i stylach. Wędruje nie tylko po klasyce rosyjskiej, nie oszczędzając na przykład Gawriiła Dzierżawina, Aleksandra Puszkina, Michaiła Lermontowa, Aleksandra Ostrowskiego, Fiodora Dostojewskiego, Iwana Turgeniewa, a nawet ubóstwianego przez siebie Lwa Tołstoja, lecz uderza także w pisarzy bolszewickich, jak Maksim Gorki, Michaił Szołochow, Michaił Zoszczenko czy Izaak Babel. W ten sposób Bunin spina klamrą rosyjską tradycję, klasykę ze współczesnością przez polemikę z aktualnymi sprawami okresu emigracji. Nawiązanie do tego, co dzieje się w ZSRR, znajdujemy w tekście 3, 4, 6 oraz częściowo w 1. Echa zdarzeń we Francji są obecne w utworze 2, 5, 6 i częściowo w 1.

Zrozumiałe, że teksty wyjściowe, które Bunin poddaje twórczej polemice, należy traktować jako inwarianty: w nich niczego się już zmienić nie da, lecz można z nimi i dzięki nim dyskutować ze współczesnością, angażując klasyków, na przykład Dzierżawina i Puszkina, do zabrania głosu w sprawach dotyczących trudnego okresu przebywania na obczyźnie i oceny tego, co się dzieje w bolszewickiej Rosji. Postępowanie Bunina rewiduje inwarianty, przekonuje, że mamy do czynienia z dość dziwną zależnością, albowiem utwory, które dają się sparodiować, wcale nie muszą podkreślać mistrzostwa tekstów wyjściowych i otwierają się na artystyczny eksperyment, na użycie języka o niskim rejestrze stylistycznym. Niski styl Bunin utożsamiał z językiem znienawidzonych przez niego bolszewików. Zarówno *Песнь о вещем Грузине*, jak i dwa warianty<sup>11</sup> *Европейскому небу* charakteryzują się semantyczną jednoznacznością, której towarzyszy na przykład scena groteskowego i odrażającego zachowania Stalina wobec zwłok Lenina.

By przeniknąć ducha analizowanych parodii, trzeba sobie uświadomić i tę prawdę, o której pisał wcześniej Malcew, tę mianowicie, że „U Bunina [...] obrzydzenie do bolszewików ma [...] nie tylko moralny, lecz także [...] estetyczny charakter”<sup>12</sup>. Dlatego Bunin świadomie kształtuje to obrzydzenie do bolszewików, ich patetycznej retoryki ideologicznej i moralności faryzeusza przez budowanie odpychających wrażeń o podłożu fizjologicznym. W ocenie Bunina, nic bowiem lepiej niż ultraniska stylistyka nie jest w stanie zbudować silniejszego kontrastu i celniej uderzyć w nadęty słowotok bolszewickiej nowomowy. Ma rację Ponomariow, gdy podkreśla, że tego typu zachowanie noblisty jest zarazem jego specyficznym sposobem walki z radzieckim myśleniem<sup>13</sup>. Jak nietrudno zauważyć, tylko parodie na tematy sowieckie koncentrują obscena, najsilniej prowokują autora do leksykalnej niewybredności, dlatego „prawie wszystkie niecenzuralne słowa są użyte w parodiach w dosłownym fizjologicznym znaczeniu”<sup>14</sup>,

<sup>11</sup> Obecność wariantów wśród niektórych parodii (5a, 5b, 6a, 6b) świadczy o inwencji Bunina i szukaniu różnych satysfakcjonujących pisarza środków wypowiedzi, a więc i o pewnym niedosyć twórczym po napisaniu określonego tekstu. Z drugiej strony postępowaniem swoim Bunin dowiódł, że utwory wyjściowe, czyli inwarianty, wciąż są w stanie inspirować do dialogu z nimi.

<sup>12</sup> Ю. Мальцев. *Иван Бунин...*, s. 249.

<sup>13</sup> Е.Р. Пономарев. *Нецензурный Бунин...*, s. 486.

<sup>14</sup> Tamże, s. 485.

a sensoryczny fizjologizm, drapieżnie atakujący przede wszystkim organy wzroku i węchu, ma wywoływać gwałtowny wstręt wobec radzieckiej Rosji, ich przywódcy i zniewolonego człowieka radzieckiego. Z drugiej strony, fakt, że rozpatrywane tutaj parodie pochodzą z lat 40. XX wieku, a więc z ostatniego okresu twórczej aktywności noblisty, dobitnie świadczy o odporności Bunina na ideologiczne głosy z Kremla.

Dokonawszy rozpoznania sytuacji translacyjnej, można powiedzieć, że do dzisiaj nie dysponujemy żadnym przekładowym wzorcem w odniesieniu do obscenów Bunina, co znaczy, że nie ma jeszcze nawet pojedynczego polskiego elementu translatorskiej serii. Być może główną przyczyną tego braku nie tkwi wcale w świadomym oporze samych tłumaczy przed podejmowaniem się transpozycji rosyjskiego oryginału z uwagi na jego „depresję” stylistyczną, lecz tkwi gdzieś indziej, na przykład w stosunkowo późnym udostępnieniu odbiorcy rosyjskiemu tego typu twórczości ich wielkiego rodaka. Kultura zachowuje się przecież czasami niczym nadgorliwy adwokat, przesądając za samych klientów, co wolno upowszechnić, a co należy pozostawić przed światem w tajemnicy. Bunin nie należy, na szczęście, do grona świętych, co pozytywnie zarysowuje określoną perspektywę możliwości dotarcia do jego archiwów oraz źródeł obscenicznych wypowiedzi literackich; w konsekwencji ta niesakralna biograficznie sytuacja stwarza także realne szanse na zastanowienie się nad problemami tłumaczenia Buninowskich obscenów na język polski, nad strategią i techniką ich transpozycji.

Tym, na co na samym początku zwróci zapewne uwagę tłumacz parodii Bunina, będzie ich strukturalna kameralność oraz świadome pozbawienie utworów cechy prywatności w odniesieniu do leksyki niecenzuralnej. Świadczyć może o tym fakt, że prawie wszystkie parodiowane teksty starannie przepisano na maszynie, niektóre zaś zaopatrzone w daty powstania i włączono do archiwum pisarza. Tłumacz dostrzeże także ścisłą zależność leksykalno-tematyczną między parodiami a okolicznościowymi żartobliwymi wierszami: w parodiach nie da się zastosować eufemizmów, jeśli nie chcemy zniszczyć zamierzonej konstrukcji słowno-formalnej. Możliwe z praktycznego punktu widzenia zastosowanie podczas translacji synonimów, które zmiękczałyby ekspresję autorskiej wypowiedzi, oznaczałoby w mojej ocenie błąd strategiczny w przekładzie i groziłoby stworzeniem niewłaściwego, niezgodnego z intencją pierwowzoru wariantu tłumaczeniowego.

Poszukiwanie paralelnych wzorców odbiorczych, które realizowałyby zadowoleną na dobre w translatoologii iluzję o pełnej ekwiwalencji, byłoby nie tylko zadaniem żmudnym, jak sądzę, lecz przede wszystkim – pozbawionym większego sensu. Gdybyśmy nawet trwali w postanowieniu konieczności identyfikowania równoległych wielkości pisarskich i dla geniuszu Aleksandra Puszkina proponowalibyśmy odniesienie do innego geniuszu, na przykład Adama Mickiewicza, to jak należałoby postąpić z pozostałymi klasykami literatury rosyjskiej? Kto wówczas z polskiego panteonu twórców byłby na przykład translatorską parą dla Michaiła Lermontowa, Nikołaja Gogola, Iwana Turgieniewa, Fiodora Dostojewskiego, Lwa Tołstoja? A w poszukiwaniu tłumaczeniowo równoległych poetyk – które parametry stylistyczne wypadaloby uznać za naczelne: epokowe – na zasadzie pisarz oświeceniowy za pisarza oświeceniowego, romantyk za romantyka czy raczej osobowościowe, gdzie za ekspresjonistę daje się również ekspresjonistę? A może jednak kryterium zbieżności twórczych wyobraźni

należałoby uznać za główne ogniwo organizujące potencjalną strategię przekładu?<sup>15</sup> Jak pamiętamy, współczesna translatoologia przebyła już udanie drogę od słynnej tezy Antona Popowicza<sup>16</sup> o przekładzie, będącym w jego ocenie sprawą stylu, do tezy Anny Legeżyńskiej o tłumaczeniu jako rzeczy wyobraźni<sup>17</sup>. Wydaje się, że na dzień dzisiejszy nie ma ciekawszych propozycji co do wyboru dominanty tłumaczenia, a zatem styl i wyobraźnia wciąż pozostają głównymi czynnikami, które potrafią skutecznie zorganizować wypowiedź przekładową.

Oprócz konieczności zastosowania oczywistych w przypadku tłumaczenia obcojęzycznego tekstu operacji transformacyjnych w odniesieniu do niecenzuralnych tekstów Bunina, trzeba jeszcze podejść świadomie do problemu znacznie trudniejszego, jakim jest bardzo gęsta warstwa aluzyjna w zaszyfrowanych tekstach. Występujące w oryginale obscena same w sobie nie przedstawiają większej trudności przekładowej, głównie z uwagi na niski styl, dla którego polszczyzna także ma wiele do zaoferowania na tym samym poziomie semantyczno-ekspresywnym, a miejscami nawet fonetycznym, albowiem niektóre jednostki rosyjskie odznaczają się ogromnym podobieństwem dźwiękowym. Zależność ta jest najbardziej czytelna w odniesieniu do najpopularniejszych rosyjskich i polskich nazw męskich oraz żeńskich organów płciowych eufemistycznie sygnowanych jako słowa na „ch” i na „p”. Różnica zewnętrzna zawiera się tutaj jedynie w lokalizacji akcentu: język polski preferuje w przypadkach zależnych akcent na przedostatniej sylabie, rosyjski – na ostatniej.

Na tym etapie postępowania badawczego ograniczę się do przedstawienia własnych przekładów filologicznych, albowiem są one w stanie spełnić założone funkcje, tj. zilustrować obecność obscenów w parodiach Bunina w roli kontrastowego narzędzia dialogu z literackimi inwariantami w polemice ze współczesnością. Analizowane utwory podaję w kolejności źródłowej z zachowaniem ich wyjściowej numeracji i wyróżnień<sup>18</sup>. Syntetyczny komentarz, który podaję bezpośrednio po każdej parodii, ma za zadanie wskazanie miejsc szczególnych, korespondujących przede wszystkim z systemową (nie)wydolnością polszczyzny.

<sup>15</sup> W znanym tomie z katowickiej serii *Studia o Przekładzie* zatytułowanym *Przekład artystyczny a współczesne teorie translatoologiczne* odnajdziemy znacznie więcej ofert teoretycznego podejścia do kwestii współczesnego przekładu. Zob. także *Współczesne teorie przekładu. Antologia*. Red. P. Bukowski, M. Heydel. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2009.

<sup>16</sup> Zob. np. A. Popovič. *Teoria przekładu w systemie nauki o literaturze*. Tłum. M. Papierz. [W:] *Współczesne teorie przekładu...*

<sup>17</sup> Zob. np. A. Legeżyńska. *Przekład jako rzecz wyobraźni*. [W:] *Przekład artystyczny a współczesne teorie translatoologiczne*. „Studia o Przekładzie” nr 8. Red. P. Fast. Katowice: Wydawnictwo „Śląsk”, 1998, s. 31–47; A. Legeżyńska. *Przekład jako rzecz wyobraźni*. [W:] A. Legeżyńska. *Tłumacz i jego kompetencje autorskie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999, s. 216–232; A. Legeżyńska. *Tłumacz jako drugi autor – dziś*. [W:] A. Legeżyńska. *Tłumacz i jego kompetencje autorskie...*, s. 232–239.

<sup>18</sup> Wszystkie cytaty za: E.P. Пономарев. *Нецензурный Бунин...*, s. 489–500.

**Текст 1.** *Новые басни Эзоп (посвящается господину, который пишет ему гадости насчет минетки) / Nowe bajki Ezopa (dedykowane panu, który pisze mi paskudztwa o minetce)*

Oryginał	Przekład filologiczny
<p>Минетка и еж Минетку делать не годится Давать ежу: За этим надо обратиться К великосветскому пажу.</p>	<p>Minetka i jeż Minetki nie należy pozwalać Robić jeżowi: W tej sprawie trzeba się zwrócić Do wielkoświatowego pazia.</p>
<p>Прогулка Х-я Здравши голову прегордо, В Булонский Лес шел Х-й гулять И повстречал седого лорда И очень миленькую блядь. «Pardon! – сказал он им небрежно: – Я тоже в Лес гулять иду». А блядь в ответ с улыбкой нежной: «Не лучше ль вам идти в п-ду?»</p>	<p>Spacer Ch-ja Zadarłszy głowę nad wyraz wyniośle Do Lasku Bulońskiego wybrał się Ch-j na spacer I spotkał siwego lorda I bardzo milutką bladź. „Pardon!” – powiedział im niedbale: – I ja do Lasku idę na spacer”. A bladź na to z delikatnym uśmieżkiem: „Nie lepiej byłoby pójść Panu do p-dy?”</p>
<p>Высокомерный ответ Как-то раз в Аргентине Предложил я княгине Почесать мне муде. Но княгиня сказала: «Я муде не чесала Никому и нигде!»</p>	<p>Wyniosła odpowiedź Kiedyś w Argentynie Zaproponowałem księżnej, By podrapała mnie po jajach. Lecz księżna powiedziała: „Jaj nie drapałam Nikomiu i nigdzie!”</p>
<p>Акула капитализма С китом акула согрешила, А кит поёб и был таков. Акулу это возмутило: «Ах, негодяй! Ах, Хлестяков!» А кит, поклонник капитализма, Как заорет: «Шпионка, блядь! Мы вас, акул капитализма, Должны и еть и истреблять!»</p>	<p>Rekin kapitalizmu Z wielorybem rekin zgrzeszył, A wieloryb pojechał i to wszystko. Rekina to oburzyło: „Ach, niegodziwiec! Ach, Chlestakow!” A wieloryb, czciciel komunizmu, Jak nie krzyknie: „Szpieg, bladź! My was, rekinów kapitalizmu, Powinniśmy i jebać, i wybijać!”</p>

W oryginale pojawia się rzeczownik *блядь*. Tłumacz może w tym wypadku postąpić dwójako: przetłumaczyć go na przykład jako  *prostytutka / ladacznic / nierządnica / puszczalska / wszetecznic* lub posłużyć się zapożyczeniem, ponieważ leksem *bladź* funkcjonuje w świadomości Polaków i odnosi się do „kobiety, która chętnie współżyje seksualnie, i której jest obojętne, z kim to robi”<sup>19</sup>. Lewinson wskazuje na dodatkowe znaczenia zadomowione w polszczyźnie, jak: 1. wulgarne *bladź* – homoseksualista z niepoprawnym wariantem ortograficznym *blać*, 2. wulgarne *bladź* – pośladki, 3. wul-

<sup>19</sup> M. Grochowski. *Słownik polskich przekleństw...*, s. 40.

garne *bladź* – prostytutka<sup>20</sup>. Ten sam autor podaje postacie pokrewne ze zdrobnieniami lub zgrubieniami: *bladziuga*, *bladiuszka*, *bladzina*, *bladzia*, *bladziszka*, *bladziuchna*, *bladziunia*, *bladziach*, *bladziara*, *bladziszcze*. Tłumacz ma zatem spore możliwości decyzyjne i w tym zakresie język docelowy wspomaga działania przekładowe.

Rosyjskie «Не лучше ль вам идти в п-ду?» stwarza podwójną możliwość tłumaczeniową. Bunin wyzyskuje dwuznaczność konstrukcji idiomatycznej *идти в n-ды* i czyni ją dosłowną, jak na przykład w zdaniach typu *Iść do kina*, *Iść do restauracji*, *Iść do domu*. Z drugiej strony połączenie wyrazowe *идти в n-ды / іść в p-ду* odsyła tego, do kogo jest adresowane, donikąd albo wskazuje na niepowodzenie podjętego wcześniej działania. Język polski rejestruje to zapożyczenie łącznie z utrwaleniem akcentu na ostatniej sylabie i daje kilka możliwości interpretacyjnych: 1. coś znajduje się daleko lub w bliżej nieokreślonym kierunku, 2. czegoś jest dużo, 3. nie jesteśmy w stanie ukryć napięcia emocjonalnego<sup>21</sup>. Tłumacz musi zatem wybierać, który kontekst konstrukcji *идти в n-ды* przywołać w translacji jako właściwy.

Jeśli chodzi o *мудѣ*, przekładowca ma również kilka możliwości transpozycji jednostki oryginału. Może odświeżyć tradycję staropolską i zaproponować na przykład w tym miejscu słowo *mądzie*, by nawiązać zarazem do etymologii ogólnosłowiańskiej, lecz wówczas musi się liczyć z niezrozumieniem wyrazu przez polskiego odbiorcę i z koniecznością wyjaśnienia leksemu na przykład w przypisie. Może też odstąpić od powiązań ze słowiańskim źródłem i posłużyć się potocznymi *jajami* / *jajcami*, które, chociaż do stylu wysokiego nie należą, nie są nadto ordynarne, by nie mogły się znaleźć w propozycji przekładowej.

Ostatni w tej serii utworów wywołuje komplikacje przekładowe. Sprawcą głównego problemu jest inny rodzaj rzeczownika w oryginale i przekładzie. Chodzi o słowo *акула*, które jest rodzaju żeńskiego w języku rosyjskim, a jego odpowiednik polski *rekin* ma rodzaj męski. O ile pomiędzy rosyjską *akulą* i polskim *wielorybem* jako zderzeniem pierwiastka żeńskiego z męskim wiele może się zdarzyć, a tyle układ intymny między przekładowym *rekinem* i *wielorybem*, aczkolwiek całkowicie realny, tworzy konteksty, których nie zaprojektował Bunin i burzy pierwotny zamysł, chyba że zaakceptujemy niestandardowe więzi partnerskie po polsku z *rekinem* i *wielorybem* w rolach głównych, ponieważ morał w sparodiowanym przez noblistę utworze Ezopa może się odnosić zarówno do więzi hetero-, jak i homoseksualnych.

Język rosyjski na oznaczenie mężczyzny zajmującego się szpiegostwem ma do dyspozycji słowo *шпион*, gdy procederem tym zajmuje się kobieta, mówi się o niej *шпионка*. Polszczyzna nie zna tej specyfikacji gramatycznej, więc w tym zakresie jest uboższa od języka wyjściowego. By podkreślić płeć szpiega, tłumacz będzie musiał uciec się do słowa posiłkowego i napisać na przykład *kobieta szpieg*.

<sup>20</sup> J. Lewinson. *Słownik seksualizmów polskich...*, s. 9.

<sup>21</sup> Zob. np. *Miejski słownik slangu i mowy potocznej*. [Online:] <<http://www.miejski.pl/slowo-W+pizdu>> (20.07. 2013).

**Текст 2.** *Отрывки из оперы «Курва-блядь Оленушка» / Urywki z opery „Kurwa-bładź Olonuszka”*  
Слова Букина, музыка Букина-Римского / Słowa Bukina, muzyka Bukina-Rimskiego (Посвяще-  
но Шаляпину / (Dedykowane Szalopinowi)

Oryginał	Przekład filologiczny
<p>Посад «Порточки», «Говенные пруды» то ж. На краю посада хижина Мизгирия-Бобыля. Рядом – хижина сироты Курвы-Бляди Оленушки, его племянницы. Мизгирь-Бобыль пляшет возле хижины своей, раскорячиваясь, топя и дуя в сопелку:</p> <p>– Эй, послушайте быль: Я Мизгирь, я Бобыль, У мене Бобыля, У седого Кобеля, Ни двора, ни кола, Только жопа гола!</p> <p>Оленушка, с порога своей хижины: Сирота я, сирота, Блядь Оленушка!</p>	<p>Osada „Porteczki”, „Gówniane stawy” to d. Na skraju osady chatka Mizgiria-Bobyła. Obok – chatka sieroty Kurwy-Bładzi Olonuszki, jego siostrzenicy. Mizgir’-Bobył tańczy obok swojej chatki, rozkraczając się, tupiąc i dmuchając w fujarkę:</p> <p>– Ej, posłuchajcie opowieści: Jestem Mizgir’, jestem Bobyl, Ja Bobyl, Ja siwy Pies, Biednym, jak mysz kościelna, Tylko dupę gołą mam!</p> <p>Olonuszka, z progu swojej chatki: Sierotam, ja, sierota, Bładź Olonuszka!</p>

Z punktu widzenia przekładu dwa miejsca wydają się tutaj warte zwrócenia uwagi. Pierwsze wiąże się z koniecznością odmiennej transpozycji porzekadła *Ни двора, ни кола* nie w sposób dosłowny *Ani zagrody, ani pręta*<sup>22</sup>, chociaż i taki dosłowny przekład oddałby sens sytuacji, lecz za pomocą innego również ustalonego w polszczyźnie porównania: *biedny jak mysz kościelna* albo alternatywnie: *zupelny dziad / zupelna dziadówka* czy porzekadła *Nie ma zagona ani ogona*. Drugie zaś miejsce dotyczy wulgaryzmu *курва*, który w języku polskim ma chyba nie mniej odpowiedników, aniżeli w języku rosyjskim, stąd jego transpozycja nie powinna nastroczać problemów. Pole semantyczne i asocjacyjne obydwu wyrazów wydaje się w obydwu językach bardzo podobne<sup>23</sup>. W wersji tłumaczenia filologicznego zdecydowałem się na zapożyczenie słowa *блядь* w postaci *bladź* jako obecnego w świadomości Polaków.

<sup>22</sup> Pręt był w przeszłości miarą długości o wielkości różnej w poszczególnych krajach. Na przykład pręt anglosaski wynosił 5,03 m, szwedzki – 4,75 m, pręt nowy polski – 4,22 m, a pruski – 3,76 m.

<sup>23</sup> M. Grochowski. *Słownik polskich przekleństw...*, s. 87–89; J. Lewinson. *Słownik seksualizmów...*, s. 108–109.

## Текст 3. Песнь о вещем Грузине / Pieśń o wieszczym Gruzynie

Оригинал	Прекład filologiczny
<p>Песнь о вещем Олеге</p> <p>Как ныне собирается вещей Олег Отмстить неразумным хазарам: Их села и нивы за буйный набег Обрек он мечам и пожарам. <i>С дружиной своей, в цареградской броне,</i> Князь по полю едет на верном коне.</p> <p>Из темного леса, навстречу ему, Идет вдохновенный кудесник...</p> <p>..... «Скажи мне, кудесник, любимец богов...» и т.д. Александр Пушкин</p>	<p>Pieśń o wieszczym Olegu</p> <p>Jak teraz się zbiera wieszcz Oleg Zemścić się na nierozumnych Chazarach: Ich wioski i niwy za gwałtowny najazd Skazał na miecze i pożary. <i>Z drużyną swoją, w carskogradzkiej zbroi,</i> Książę po polu jedzie na wiernym koniu.</p> <p>Z ciemnego lasu, z naprzeciwna, Idzie natchniony wróżbita...</p> <p>..... „Powiedz mi, wróżbito, wybrańcu bogów...” itd. Aleksander Puszkina</p>
<p><u>Песнь о вещем Грузине</u></p> <p>Как ныне собирается вещей Грузин К [калмыку] Монголу великому в гости – Туда, где уж третий десяток годин Как в студне лежат его кости: С дружиной «Чека», на машине в броне, Грузин подъезжает к Кремлевской стене.</p> <p>Их храма [Василья] Василия [при виде] [завидя] встретить его Кудесник [тотчас] [в тот миг] хотел, показался. Но [глянул Грузин: –] тотчас исчез: не сказав ничего, [Кудесник от страха] От страха, бедняга, ураслся... – Прошло Ваше время, любимцы богов! Немало вlepили вам в зад батогов! И вылез Грузин из машины, идет В открытую настeжь могилу, Потухшую трубку клыками сосет, Подходит к калмыцкому рылу: «Здорово, товарищ! Ну как? Не смердишь? По-моему, слишком ты долго лежишь:</p> <p>Облопался славой, а я уж отвык Делить гениальность с тобою: Пора тебе к хую отсюда, Калмык!»</p>	<p>Pieśń o wieszczym Gruzynie</p> <p>Jak teraz się zbiera wieszcz Gruzina Do [Kałmuka] Mongoła wielkiego w gości – Tam, gdzie już trzeci dziesiątek czasu Jak w galarecie leżą jego kości: Z drużyną „Czeka”, w opancerzonym pojeździe, Gruzina podjeżdża pod Mur Kremłowski.</p> <p>Ze świątyni [Wasilija] Wasilija [na widok] [uj- rzawszy] powitać go Wróżbita [od razu] [w tej chwili] chciał, wyszedł.</p> <p>Lecz [spojrzał Gruzina: –] od razu zniknął: nie powiedziawszy niczego, [Wróżbita ze strachu] Ze strachu, biedaczysko, się zesrał... – Minął Wasz czas, wybrańcy bogów! Niemąło wlepili wam w tyłek batogów! I wylazł Gruzina z pojazdu, idzie Do otwartego na oścież grobu, Wypaloną fajkę kłami ssie, Podchodzi do kałmuckiego ryja: „Witam, towarzyszu! I jak? Nie śmierdzisz? Według mnie, zbyt długo leżysz:</p> <p>Nacieszyłeś się sławą, a ja już odwyłem Od dzielenia się genialnością z tobą: Czas, aby posłać cię do chuja stąd, Kałmuku!</p>

<p>И в рыло дал труп у ногою. Но только что дал, завизжал, заорал: Зубами муде ему труп оторвал! Кто может поверить такой ерунде? Последний дурак либо пьяный! Однако об этом повсюду, везде Уже распевают баяны. И правы они: ну, муде не муде, А быть непременно великой беде!</p> <p>Париж. 10 августа 1948 г. Исправляющий должность А. Пушкина Иван Пушкарев</p>	<p>I w ryj kopnął trupa nogą. Ale tylko kopnął, zakwiczał, ryknął: Zębami mu jajca trup oderwał! Kto da wiarę takim bredniom? Ostatni głupek albo człek pijany! Jednak o tym wszędy, wszędzie Już śpiewają bajarze. I mają oni rację: cóż, jaja, nie jaja, A nieszczęście wielkie jest na pewno!</p> <p>Paryż. 10 sierpnia 1948 r. Pełniący obowiązki A. Puszkina Iwan Puskariow</p>
---	--

Z punktu widzenia wydolności systemowej polszczyzny nie dostrzegam w zacytowanym fragmencie istotnych problemów, które zmuszałyby tłumacza do poszukiwania nietradycyjnych rozwiązań transpozycyjnych. Występujące w tekście obscena albo zostały już omówione wcześniej, jak *муде*, albo nie wymagają komentarza ze względu na swą przejrzystość semantyczno-stylistyczną.

**Tekst 4.** *Пришлось когда-то дьявольскому роду... / Wypadło kiedyś diabelskiemu rodowi...*

Oryginał	Przekład filologiczny
<p>«Мысли мудрых людей на каждый день» – Рожденный ползать летать не может. <i>М. Горький</i></p>	<p>„Myśli mądrych ludzi na każdy dzień” – Zrodzony, by pełzać, latać nie może. <i>M. Gorki</i></p>
<p>Пришлось когда-то дьявольскому роду Войти в Гадаринских свиней – И свиньи тотчас сверглись в воду И потонули в ней. В свиней «советских» дьяволы вселились Давным-давно, по всей стране – И что ж? Взгляни, как сладко развалились Они в грязи, в крови, в говне! <i>Ив. Б.</i></p> <p>20.4.1949</p>	<p>Wypadło kiedyś diabelskiemu rodowi Wejść w Gergezeńskie świnie – I świnie od razu wpadły do wody I utonęły w niej. W świnie „radzieckie” wstąpiły diabły Od dawien dawna, w całym kraju – I cóż? Spójrz, jak słodko się rozwały W brudzie, we krwi, w gównie! <i>Iw. B.</i></p> <p>20.4.1949</p>

Jeśli chodzi o przekład leksyki niecenzuralnej, to nie powinna ona nastęrczać trudności. Za to inne słowo w tekście wyjściowym, przymiotnik *гадаринских* pisany przez Bunina duża literą, owszem, wymaga komentarza. Tłumacz ma bowiem do dyspozycji rozwiązania tradycyjne i nietradycyjne. Tradycyjne odnoszą się do wariantów, które oferują stosowne fragmenty przekładów *Pisma Świętego* na język polski, a nietradycyjne zmuszają tłumacza do podejmowania działań kreacyjnych. I tak, pierwszy z ewangelistów, Mateusz (Mt 8, 28–32), opowiadając o wypędzeniu złych duchów z dwóch opętanych, pisze: „Gdy przybył na drugi brzeg do kraju **Gadareńczyków**, wybiegli Mu



naprzeciw dwaj opętani [...]”<sup>24</sup>. Translator może w tym przypadku postąpić dwojako: 1. użyć tej samej formy, jak w *Biblii*, i napisać *wejść w świnie Gadareńczyków*, w sensie *należące do mieszkańców krainy i miasta Gadara*, lub 2. utworzyć na przykład przymiotnik *gadarski* i konstatować, że były to świnie *gadarskie*. Z kolei ewangelista Marek (Mk 5, 1–13) we fragmencie o uzdrowieniu opętanego (jednego, a nie dwóch, jak w wersji Mateusza!) podaje: „Przybyli na drugą stronę jeziora do kraju **Gerazeńczyków**”<sup>25</sup>. Tutaj także tłumacz może postąpić na dwa sposoby: 1. skorzystać z formy rzeczownikowej i napisać *świnie Gerazeńczyków*, albo 2. utworzyć przymiotnik *gerazeński*. Wreszcie, odwołując się do trzeciego ewangelisty Łukasza (Łk 8, 26–33), czytamy o człowieku (a nie dwóch!), który wybiegł Jezusowi naprzeciw: „I przypłynęli do kraju **Gergezeńczyków**, który leży naprzeciw Galilei”<sup>26</sup>. Rozwiązania translatorskie są w tym przypadku podobne: można wybrać formę rzeczownikową – *świnie Gergezeńczyków* lub utworzyć przymiotnik *gergezeński* i zgodnie z notacją Bunina – inicjować go dużą literą. Formalne możliwości słowotwórcze polszczyzny w zakresie tworzenia nieznanych jej postaci przymiotnikowych od nazw własnych obecnych w *Piśmie Świętym* świadczą o jej językowej elastyczności.

**Tekst 5.** *Русские писатели и издатели в Париже / Rosyjscy pisarze i wydawcy w Paryżu*

Oryginał	Przekład filologiczny
5a) Русские писатели и издатели в Париже	5a) Rosyjscy pisarze i wydawcy w Paryżu
Автор к автору летит, Автор автору кричит: «Как бы нам с тобой дознаться, Где бы нам с тобой издаться?» Отвечает им Зелук: «Всем вам, авторы, каюк!» Отвечает им Гукасов: «Не терплю вас, лоботрясов!» Отвечает Имка: «Мы Издаем одни псалмы, Сватью бабу Щеголиху, То есть Нину Бербериху, Борю Зайцева, Шмелева Да префекта из Ростова».	Autor do autora leci, Autor do autora krzyczy: „Jak by się nam z tobą dowiedzieć Gdzie by się nas z tobą mogli wydać?” Odpowiada im Zieluk: „Na wszystkich was, autorzy, przyszedł koniec!” Odpowiada im Gukasow: „Nie cierpię was, obiboków!” Odpowiada YMCA: „My Wydajemy tylko psalmy, Teściową babę Szczegolichę, To jest Ninę Berberychę, Borię Zajcewa, Szmielowa, I prefekta z Rostowa”.

<sup>24</sup> *Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu w przekładzie z języków oryginalnych*. Oprac. Zespół Biblistów Polskich z inicjatywy benedyktynów tyńieckich. Red. n.o. A. Jankowski. Poznań–Warszawa: Wydawnictwo Pallottinum, 1990, s. 1132. Podkr. – G.O.

<sup>25</sup> *Pismo Święte...*, s. 1163. Podkr. – G.O.

<sup>26</sup> *Pismo Święte...*, s. 1191. Podkr. – G.O.

<p>Объявление в «Русской мысли»: Издательством «Имка-Пресс» выпущены в свет два первых тома «Мыслей вслух» бывшего градоначальника Ростова-на-Дону В.Ф. Зеелера с патетическим предисловием известного памфлетиста С. Яблоновского и с роскошными портретами: автора, В. Лазаревского, Н. Берберовой, Бор&lt;иса&gt; Зайцева, о. Паисия Булонского, Данте, Фра Беато Анжелико, Чинизелли и знаменитого путешественника Глеба. Цена за оба тома 3750 франков.</p> <p>5б) Автор к автору летит, Автор автору кричит: «Как бы [это нам с тобой] нам с тобой дознаваться, Где [бы нам с тобой] возможность есть издаться?» [Отвечает им] Слышат – говорит Зелюк: «Всем вам, авторы, каюк!» [Отвечает им] Топает ногой Гукасов: «Ни гроша на лоботрясов!» [Отвечает] Сладко шепчет Имка: «Мы Издаем одни псалмы, Да про [„Девоч и лакеев”] девочек и лакеев Повесть de M-me Макеев».  Как же быть, чтоб вышел толк? Поскорей писать в Нью-Йорк: Там уж столько всяких морд Осчастливил добрый Форд!</p>	<p>Ogłoszenie w „Russkoj mysli”: Wydawnictwo YMCA-PRESS wydało dwa pierwsze tomy „Myśli na głos” byłego burmistrza Rostowa nad Donem W.F. Zejlera z patetyczną przedmową znanego pamfletarza S. Jabłonowskiego i ze wspaniałymi portretami autora, W. Łazarewskiego, N. Berberowej, Bor&lt;ysa&gt; Zajcewa, o. Paisija Bulońskiego, Dante, Fra Beato Angelico, Ciniselli i znakomitego podróżnika Gleba. Cena za oba tomy 3750 franków.</p> <p>5b) Autor do autora leci, Autor do autora krzyczy: „Jak by się [tu nam z tobą] nam z tobą dowiedzieć, Gdzie [by u nas z tobą] była możliwość opublikowania?” [Odpowiada im] Słyszą – mówi Zieluk: „Na wszystkich was, autorzy, przyszedł koniec!” [Odpowiada im] Tupie nogą Gukasow: „Ani grosza na obiboków!” [Odpowiada] Słodko szepcze YMCA: „My Wydajemy tylko pсалmy, I o [„Dziewkach i lokajach”] dziewczkach i lokajach Opowieść M-me Makiejewej”. Cóż więc począć, aby to miało sens? Jak najszybciej napisać do Nowego Jorku: Tam już tak wiele wszelkich mord Uszczęśliwił dobry Ford!</p>
--	---

Z punktu widzenia wydolności systemowej polszczyzny parodia Bunina *Rosyjscy pisarze i wydawcy w Paryżu* nie nastrocza według mnie problemów, wymagających oddzielnego komentarza odtranslatorskiego.

Tekst 6. *Европейскому певцу / Europejskiemu śpiewakowi*

Oryginał	Przekład filologiczny
<p>... Зрел ли ты, певец тарсийский,          Как в лугу, весной «бычка»          Пляшут девушки российски          Под свирелью пастушка?          Как, склонясь главами, ходят,          Башмачками в лад стучат,          Тихо руки, взор поводят          И плечами говорят?          Как их лентами златыми          Чёла белые блещат,          Под жемчугами драгими          Груды нежные дышат?          Державин</p>	<p>... Czy widziałeś, śpiewaku tarsijski,          Jak na łące, wiosną „byczka”          Tańczą rosyjskie dziewczęta          Do melodii z fujarki pastuszka?          Jak, pochylając głowy, chodzą,          Trzewiczkami równo stukają,          Cicho rękoma, spojrzeniem wodza          I ramionami mówią?          Jak od złotych tasiemek          Ich białe czoła błyszczą,          Pod perłami drogimi          Piersi delikatne dyszą?          Dzierżawin</p>
Европейскому певцу	Europejskiemu śpiewakowi
<p>Зрел ли ты, х. низкой марки,          Как в колхозе, в лагерях          И доярки и свинарки          Ходят, ж. шевеля,          Под свирелью из Кремля?          Как Пахом, Герой Союза,          Вдохновленный Ильичём,          Лаптем бьет, тряся и пузом,          И мудами, и плечом?</p>	<p>Czy widziałeś, ch. słabej marki,          Jak w kolchozie, w obozach,          I dojarki, i świniarki          Chodzą, kręcąc d.,          Do melodii z fujarki z Kremla?          Jak Pachwiną, Bohater Związku,          Zachwycony Iljiczem,          Łapciem tłucze, potrząsając i brzuszyskiem,          I jajami, i barkiem?</p>
<p>Зрел ли ты, как «Патриоты»,          В зимний день у камелька,          Под московские гавоты,          Отдирают «Кобелька»?          Как тогда бывает смирен,          Пляшет, хвостиком вертя,          Даже «наш Вышинский», Сирин,          Колчаковское дитя?          Как «гавно в слезах», Руманов,          Плача вьется, словно уж,          И вприсядку жгут д'Урманов          И Ладинский, римский муж?</p>	<p>Czy widziałeś, jak „Patrioci”,          W dzień zimowy przy kominku,          W takt moskiewskich gawotów,          Oddzierają „Pieska”?          Jak wtedy bywa spokojny,          Tańczy, kręcąc ogonkiem,          Nawet „nasz Wyszyński”, Sirin,          Kołczakowskie dziecię?          Jak „gówno we łzach”, Romanow,          Płacząc, wije się niczym wąż,          I z przysiadami pałą d'Urmanów          I Ładiński, rzymski mąż?</p>

Również parodia *Europejskiemu śpiewakowi* od strony wydolności systemowej polszczyzny nie powinna sprawić przekładowcy trudności i dlatego nie potrzebuje oddzielnego komentarza.

Jak przekonuje lektura wierszowanych parodii, nie teksty Bunina jako takie i zawarte w nich obscena stanowią problem przekładowy, lecz przede wszystkim warstwa

aluzyjna, którą koniecznie należy transponować, albowiem jest ona, w moim odczuciu, bardziej nośna w sferze informacyjnej od warstwy niecenzuralnej oryginału. Rozbudowany komentarz odtranslatorski okazuje się w tym przypadku niezbędny, jeżeli chcemy poznać w pełni sens Buninowskiej wypowiedzi i dowiedzieć się więcej o uczestnikach literackiego dialogu. Buninowskie obscena nie są bowiem filologicznym kaprysem zgorzkniałego, zdziwaczałego i zdeprawowanego starca, nie są aktem nieracjonalnej językowej zemsty na Rosji i Rosjanach, lecz ostrym dialogiem z dawną i współczesną kulturą rosyjską, są rewizją literatury rosyjskiej i radzieckiej oraz historii najnowszej – czasów emigracji pierwszej fali i bolszewizmu z wyeksponowaniem okresu zwyrodniałych rządów Stalina. A jeśli tak, to w Buninowskich parodiach są zawarte w pokładach aluzyjnych informacje o ludziach, sprawach i miejscach, które w indywidualnej biografii twórczej noblisty okazują się znakami szczególnymi, dostarczają ponadto dodatkowych danych o pisarzu jako człowieku, jego osobniczej skłonności do posługiwania się na co dzień matem, aby z maksymalną ekspresją odnieść się do tego, co było bieżącym przedmiotem rozmowy i oceny.

W *Nowych bajkach Ezopa* występuje na przykład Lasek Buloński, który paryżanom kojarzy się nie tylko z miejscem odpoczynku, lecz przede wszystkim ze strefą, w której łatwo o kontakt z prostytutką. Z kolei motyw argentyński jest, być może, związany z faktem przemianowania nazwy jednej ze stacji metra paryskiego z „Obligado” na „Argentine”, a w metrze również nietrudno znaleźć to, czego się szuka. Główny bohater Gogolewskiego *Rewizora*, Chlestakow, jest tutaj synonimem cynicznego oszusta. A w szkicu do *Rekina kapitalizmu* Bunin jest w warstwie niecenzuralnej jeszcze bardziej szczerzy i wprost pisze o Stalinie: [...] „Ах, сукин сын! Ах, Хлестяков!” / Так Сталин, ради коммунизма, / Ебет „акул [имперья] капитализма”<sup>27</sup>.

W *Urywkach z opery „Kurwa-bładź Olonuszka”* dialog z kulturą rozpoczyna się już w tytule utworu: Bunin, pisząc *Букин*, parodiuje zapewne własne nazwisko, a przez połączenie z Rimskim (w domyśle – Korsakowem), elegancko, na przyczepkę, przenika do świata muzyki. Fiodor Szalapin – ikona rosyjskiej opery – jako adresat tego typu „oper” wzmacnia Buninowski chwyt dewaluacji znaczeń. Jednocześnie, jak słusznie zauważa Ponomariow, zostaje zaatakowany ideologem „Wielka Ruś” w szerokim tego słowa znaczeniu<sup>28</sup>. Nazwa własna miejscowości *Порточки / Porteczki* nie została przez Bunina wymyślona, lecz prowadzi wprost do rodziny Lwa Tołstoja i posiadłości jego siostry Marii. Z kolei imię bohatera Buninowskiej parodii Mizgir’-Bobył przenosi nas do folkloru rosyjskiego i nawiązuje do Bobyla Bakuły, jednego z bohaterów wiosennej bajki Aleksandra Ostrowskiego *Снегурочка (Śnieżka)*. Jest to swego rodzaju zamach noblisty na tradycyjne myślenie emigrantów o ojczystym folklorze i na nostalgię, której był on źródłem. Bunin, charakteryzując stan posiadania Mizgiria-Bobyła, pisze, że nie miał on *Ни кола, ни двора*, co wprost koresponduje z zapisem u Ostrowskiego: *Ни двора, ни кола*<sup>29</sup>.

<sup>27</sup> Е.Р. Пономарев. *Нецензурный Бунин...*, s. 490.

<sup>28</sup> Тамże, s. 491.

<sup>29</sup> А.Н. Островский. *Полное собрание сочинений*. Т. 7. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1950, s. 24.

W *Pieśni o wieszczym Gruzynie* Bunin przywołuje pierwszą zwrotkę Puszkina *Pieśni o wieszczym Olegu*. Zabiegiem tym nie tylko łączy rosyjską klasykę ze współczesnością, lecz używając jej w sposób wyrafinowany do celów współczesnych, aby opowiedzieć o zniechęceniu przezeń Stalina, brutalnie nadwerężą, jeśli wprost nie niszczy tradycyjnej wysokiej stylistyki utworu na rzecz kontrastu, mającego podkreślić odrażającą postawę następcy Lenina. To, co w wierszu Bunina jest zaznaczone kursywą, a także tytuł utworu, data i słowa *Исправляющий должность А. Пушкина*, zostało napisane zielonym atramentem, a pozostała część – czarnym. Zapewne Bunin w ten sposób zaznaczał to, co ma dla niego szczególne znaczenie, albowiem „atramentowy chwyt” stosował i wcześniej w takim właśnie celu. W warstwie aluzyjnej znajduje się także wers z Buninowskiej groteskowej parodii, w którym autor lokuje zwłoki Lenina w sferze gastronomicznej, pisząc, że znajdują się one w galarecie. W liście do Marka Ałdanowa, datowanym 20 kwietnia 1953 roku, Bunin zapowiada: „[...] mimo wszystko nigdy bym nie pojechał do miasta, w którym na Placu Czerwonym leżą w galarecie dwa gnuśne trupy”<sup>30</sup>. Zrozumiałe, że za tego typu sformułowania i oceny przez długi czas Bunina nie mogło spotkać w sensie edytorskim nic dobrego w jego ojczyźnie. W *Pieśni o wieszczym Gruzynie* znajdują się i inne sygnały radzieckiej rzeczywistości, zągęszczające negatywnie opowieść o wodzu narodów. Wśród atrybutów przeszłości jest także Czeka – symbol zwyrodnienia ludzkiego i nadużycia władzy, mur kremłowski, mauzoleum, fajka, Świątynia Świętego Wasilija, zwrot do towarzysza, wzmianka o trudnej sytuacji w kraju po II wojnie światowej.

W *Wypadło kiedyś diabelskiemu rodowi...* Bunin przez nawiązanie do tytułu książki Lwa Tołstoja *Myśli mądrych ludzi na każdy dzień* aktywizuje kilka linii aluzyjnych. Najważniejsze z nich wskazują, że w wydaniu z 1903 roku nie ma aforyzmu Gorkiego. Ponadto Bunin zmienia oryginalną interpunkcję. Gorki w *Pieśni o sokole* pisze: „Рожденный ползать – летать не может!...”<sup>31</sup>, Bunin prościej: „– Рожденный ползать летать не может”. Dla buninologów nie jest żadną tajemnicą, że Gorki to postać szczególna w życiorysie noblisty. Dlatego jej przywołanie w okresie emigracji ma swoje wymowne znaczenie, zwłaszcza jeśli uwzględni się zamiar Bunina napisania książki podobnej do tej, którą wcześniej skonstruował Tołstoj, przy czym nowa praca miałaby się nazywać *Myśli idiotów i łotrów na każdy dzień*; po Gorkim Bunin zamieszcza Bucharina, dając do zrozumienia, jak ocenia ich obu<sup>32</sup>. W danej parodii odnajdziemy także ukryty dialog z *Biesami* Dostojewskiego, które w drugim epigrafie otwierającym powieść zawierają słowa ósmego rozdziału *Biblij* według świętego Łukasza. Pomiedzy biesami i bolszewikami – jako sprawcami wielkiego zła – Bunin stawia konsekwentnie znak równości.

W *Rosyjskich pisarzach i wydawcach w Paryżu* sieć aluzyjna zągęszcza się najbardziej, dzięki czemu otrzymujemy interesujący fragment emigracyjnej historii opowiedzianej w sposób uszczypliwy i groteskowy. Tę parodię można nawet potraktować w kategoriach osobistych porachunków Bunina z niektórymi osobami z emigracyjne-

<sup>30</sup> Е.Р. Пономарев. *Нецензурный Бунин...*, s. 493.

<sup>31</sup> М. Горький. *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т.* Москва: Наука, 1969, s. 46.

<sup>32</sup> Е.Р. Пономарев. *Нецензурный Бунин...*, s. 494.

go otoczenia noblisty, zwłaszcza z Borysem Zajcewem czy Niną Berberową. W akcie personalnej zemsty Bunin chętnie odczytywał ten utwór (wariant 5a) w całości lub w części znajomym oraz dołączał do prywatnej korespondencji. Wszystko to świadczy o nośności nie tylko informacyjnej danego tekstu, lecz także jego roli jako indywidualnego oręcza służącego ocenianiu wpływowych członków rosyjskiej emigracji.

Impulsem do napisania *Rosyjskich pisarzy i wydawców w Paryżu* był wiersz Puszkina z 1829 roku zaczynający się słowami *Ворон к ворону летит...* Uwzględniając asocjację ornitologiczną, którą Bunin projektuje na wybranych emigrantów i określone sprawy edytorskie, trzeba zauważyć, że podskórny komentarz do nakreślonej przez niego sytuacji został zawarty już w pierwszej linijce parodii. Wśród osób wymienianych z nazwiska znalazł się wydawca i dziennikarz – Orest Zieluk (1888–1951), nafiarcz i wydawca czasopisma „Возрождение” – Abram Gukasow (1872–1969), zaprzyjaźniona w pewnym okresie z Buninem pisarka – Nina Berberowa (1901–1993), skonfliktowany od 1947 roku z noblistą pisarz – Borys Zajcew (1881–1972), następnie autor podejmujący tematy religijne – Iwan Szmielow (1873–1950), działacz społeczny i dziennikarz, były burmistrz Rostowa nad Donem – Władimir Zejeler (1874–1954), przywołany przez Bunina jako przedstawiciel tych, którzy nie mają pojęcia o literaturze (Zejeler prowadził rubrykę w gazecie „Русская мысль” pod nazwą „Мысли вслух”. Dlatego Bunin posługuje się tym właśnie tytułem w swoim ogłoszeniu). Kolejną postacią, o której pisze Bunin, jest dziennikarz i jednocześnie złośliwy felietonista – Siergiej Jabłonowski (1870–1953), sprawca sporego zamieszania w związku z opublikowaniem na łamach gazety „Русская мысль” paszkwila na noblistę<sup>33</sup>. Następnie – Władimir Łazariewski (1897–1953), dziennikarz, działacz polityczny, redaktor naczelny wspomnianego powyżej codziennego pisma. Jak przypuszcza Ponomariow, Paisij Buloński jest najprawdopodobniej przezwiskiem danym przez Bunina Borysowowi Zajcewowi<sup>34</sup>. Z tym ostatnim słowo *Paisij* wiąże się wprost, trzeba bowiem wiedzieć, że Zajcew jest autorem książki *Дом в Пассу* (Berlin 1935) i że mieszkał on w podparyskiej miejscowości Boulogne-Billancourt, stąd, być może, wzięła się aluzja do nazwiska *Булонский / Buloński*.

W analizowanej parodii znalazły się także nazwiska znanych Włochów: wielkiego poety – Dantego (1265–1321), słynnego malarza religijnego i dominikana w jednej osobie – Fra Beato Angelico (1400–1455), obaj obecnych w zbiorze szkiców Zajcew *Италия*, oraz znanego w świecie artysty cyrkowego i tresera Gaetana Ciniselli (1815–1881), założyciela pierwszego cyrku stacjonarnego w Sankt-Petersburgu i pierwszego jego dyrektora (1877). Niewykluczone, że umieszczenie nazwiska Zajcew w otoczeniu wielkich Włochów ma wskazywać na manię wielkości otaczanego, podobnie bowiem postępuje Bunin w odniesieniu do osób związanych z gazetą „Русская мысль”<sup>35</sup>, kontrastując ich „wielkość” z Dantem czy Angelico. Pisząc z kolei o *Dziwkach i lokajach*

<sup>33</sup> С.В. Яблоновский. *Ему, великому*. „Русская мысль” 1948, nr 83, s. 2.

<sup>34</sup> Е.Р. Пономарев. *Нецензурный Бунин...*, s. 497.

<sup>35</sup> Pod datą 5 grudnia 1949 roku Wiera Bunina zapisała słowa męża: „Вот плывет по Сене барка, / И в той барке собрались / Данте, Зеелер, Петрарка / И сам Зайцев, сам Борис!”. Podają za: Е.Р. Пономарев. *Нецензурный Бунин...*, s. 498.

jako opowieści M-me Makiejewej<sup>36</sup>, noblista nawiązuje do tekstu Niny Berberowej *Lo-kaj i dziewczka* (*Лакей и девка*, 1937). Z Berberową, podobnie jak z Zajcewem, relacje Bunina wyraźnie się popsuly w roku 1947 i już nigdy nie uległy poprawie.

W parodii *Europejskiemu śpiewakowi* nie ma już tak gęstej sieci aluzyjnej, jak w *Rosyjskich pisarzach i wydawcach w Paryżu*, lecz i w tym przypadku dla odbiorcy polskiego nie wszystko bez komentarza odtranslatorskiego będzie w pełni zrozumiałe. Bunin cytuje najpierw, najprawdopodobniej z pamięci, dwanaście wersów z utworu Dzierżawina *Русские девушки* (1799). W oryginale pierwsza linijka wygląda następująco: „Зрел-ли ты, певец Тииский!”, a w wersji Bunina inaczej: „Зрел-ли ты, певец тарсийский!” – nastąpiła zmiana przymiotnika i jego pisowni: z *Тииский* na *тарсийский*. Jest to zabieg świadomy albo wynikający z błędu pamięci noblisty; trudno to dzisiaj jednoznacznie wyjaśnić. „Byczek” – to nazwa tańca ludowego. Pod „Patriotami” kryje się organizacja „Союз русских патриотов” (1943), przemianowana w 1945 roku na „Союз советских патриотов”. Dwa lata później stała się ona Związkiem Obywateli Radzieckich (Союз советских граждан), który działał tylko do grudnia 1947 roku, tj. do momentu zakazu jego funkcjonowania, wydanego przez Ministerstwo Spraw Wewnętrznych Francji. Gdy Bunin pisze o Sirinie, nie ma na myśli pseudonimu literackiego Vladimira Nabokova, lecz osobę Siergieja Sirina (1892–?), ściśle powiązanego z wymienionymi powyżej związkami patriotów. W listopadzie 1947 roku został aresztowany i deportowany z Francji razem z innymi aktywistami Związku Obywateli Radzieckich, którzy nie kryli swych proradzieckich sympatii. Arkadij Rumanow (1978–1960) wcześniej był dziennikarzem. Na emigracji stał się przedsiębiorcą i mecenasem. Przyjął obywatelstwo radzieckie, lecz do końca życia pozostał we Francji.

W parodii Bunina po rzeczowniku *Руманов* pojawiają się niejacy *д'Урманы*. O kogo w tym miejscu chodzi, nie udało się ustalić Jewgienijowi Ponomariowowi<sup>37</sup>. Dlatego proponuję własną hipotezę. Po pierwsze, warto zwrócić uwagę, że postać *д'Урманы* jest formą mianownika liczby mnogiej od *д'Урман* skróconą o morfem *-ов*. Bez skrócenia forma ta wyglądałaby jak *д'Урмановы* i mogłaby być bardzo czytelnym anagramem nazwiska *Руманов* z przestawką w pierwszej sylabie. Lecz gdyby to był pełny anagram, wówczas Buninowi nie udałoby się wykorzystać jeszcze jednego skojarzenia ze słowem rosyjskim *дурман*, które w odniesieniu do człowieka mogłoby się kojarzyć z kimś, kto jest odurzony środkiem narkotycznym, szalony. Rosyjskie *дурман* oznacza bowiem nie tylko trującą roślinę, jaką jest bielun dziedzierzawa (łac. *Datura stramonium* L.), lecz także, przenośnie, środek odurzający. Dawniej daturę nazywano *czarcim / diabelskim zielem* i *trąbą anioła* ze względu na jej trujące i oszałamiające właściwości. Niewykluczone, że w osobie Rumanowa Bunin dostrzegł coś z zarozumiałstwa, coś z „oszołoma” i dlatego uciekł się do konspiracyjnego anagramu. Po drugie, nieprzypadkowo występuje tutaj określnik *d'* z apostrofem, wskazujący na szlacheckie pochodzenie osoby. Z historii wiadomo, że Rumanow przez kilka lat wspólnie podróżował z wielkim księciem Aleksandrem Romanowem (1866–1933) jako jego kompan i sekretarz, przez co mógł się czuć wyróżniony. To wyróżnienie zaś przyjęło, być może,

<sup>36</sup> Makiejewa to nazwisko Niny Berberowej, która w 1936 roku wyszła za mąż za Nikołaja Makiejewa (1888–1973).

<sup>37</sup> Е.Р. Пономарев. *Нецензурный Бунин...*, s. 500.

u Bunina postać *d'*. Ostatnią postacią, którą wymienia noblista w omawianej parodii jest Antonin Ładinski (1896–1961) – poeta, autor powieści historycznych. Od 1944 roku był członkiem organizacji „Союз русских патриотов”. We wrześniu 1950 roku został wydalony z Francji i początkowo zamieszkał w Dreźnie, a następnie powrócił do ZSRR (1955).

Jak widać, wierszowane parodie Iwana Bunina nie są niezwykle skomplikowanym zadaniem translatorskim, gdy chodzi o ich kształt czysto językowy. Znacznie większe trudności wiążą się z koniecznością dotarcia do informacji, ukrytej za nazwami własnymi, datami i sprawami, którymi żył noblista i rosyjska emigracja. Bunin był przez całe swoje życie intelektualnym i obyczajowym prowokatorem. Prowokował w sferze sacrum i profanum. Jego wierszowane parodie stanowią zaledwie epizod twórczy końca lat 40. XX wieku, lecz nawet w tym literackim epizodzie zdołał się wyrazić człowiek, dla którego ani sprawy literatury rosyjskiej, ani trudnych czasów francuskiej emigracji, ani bolszewickich rządów nigdy nie były obojętne. Na analizowane utwory trzeba patrzeć jak na część Buninowskiej trylogii: dwa pozostałe elementy budują *Wspomnienia* noblisty oraz jego publicystyka okresu emigracji. Rzeczy te wzajemnie się uzupełniają i przekonują o nieprzypadkowości, lecz integralności autorskiego słowa, które w pewnym momencie historycznym za pomocą obscenów określiło stosunek do tych i do tego, kogo i czego Bunin nigdy nie zaakceptował.

## Bibliografia

- Grochowski M. *Słownik polskich przekleństw i wulgaryzmów*. Warszawa: PWN, 1996.
- Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. T. 1–6. Kraków: Akademia Umiejętności, 1900–1911.
- Legeżyńska A. *Przekład jako rzecz wyobraźni*. [W:] *Przekład artystyczny a współczesne teorie translologiczne*. „Studia o Przekładzie” nr 8. Red. P. Fast. Katowice: Wydawnictwo „Śląsk”, 1998, s. 31–47.
- Legeżyńska A. *Przekład jako rzecz wyobraźni*. [W:] A. Legeżyńska. *Tłumacz i jego kompetencje autorskie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999, s. 216–232.
- Legeżyńska A. *Tłumacz jako drugi autor – dziś*. [W:] A. Legeżyńska. *Tłumacz i jego kompetencje autorskie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999, s. 232–239.
- Lewinson J. *Słownik seksualizmów polskich*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1999.
- Miejski *słownik slangu i mowy potocznej*. [Online:] <<http://www.miejski.pl/slowo-W+pizdu>>.
- Ojcewicz G. *Tajne notatki z lat 1836–1837 Aleksandra Puszkina jako postmodernistyczna mistyfikacja*. „Acta Polono-Ruthenica” 2008, t. 13, s. 111–121.
- Ojcewicz G. *Parodia czy kryptodialog? Na przykładzie „Это было у моря” Igora Siewierianina i „Вы смотрели на море...” Borysa Popławskiego*. „Acta Polono-Ruthenica” 2011, t. 16, s. 137–148.
- Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu w przekładzie z języków oryginalnych*. Oprac. Zespół Bibliistów Polskich z inicjatywy benedyktynów tynieckich. Red. n.o. A. Jankowski. Poznań–Warszawa: Wydawnictwo Pallottinum, 1990.
- Popovič A. *Teoria przekładu w systemie nauki o literaturze*. Tłum. M. Papierz. [W:] *Współczesne teorie przekładu. Antologia*. Red. P. Bukowski, M. Heydel. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2009, s. 87–106.
- Przekład artystyczny a współczesne teorie translologiczne*. „Studia o Przekładzie” nr 8. Red. P. Fast. Katowice: Wydawnictwo „Śląsk”, 1998.



Starobinski J. *Wskazówki do historii pojęcia wyobraźni*. Tłum. W. Kwiatkowski. „Pamiętnik Literacki” 1972, nr 68, z. 4, s. 217–232.

Бунин И.А. *Воспоминания*. Париж: Возрождение, 1950.

*Бунинская энциклопедия. А–Я*. Сост. А.В. Дмитриев. Липецк: ООО Типография «Липецк-Плюс», 2010.

Горький М. *Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т.* Москва: Наука, 1969.

*И.А. Бунин. Новые материалы*. Вып. 2. Сост. О. Коростелев, Р. Дэвис. Москва: Русский путь, 2010.

Мальцев Ю. *Иван Бунин 1870–1953*. Москва: Посев, 1994.

Островский А.Н. *Полное собрание сочинений* Т. 7. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1950.

Плущер-Сарно А. *Большой словарь мата*. Т. 1: *Опыт построения справочно-библиографической базы данных лексических и фразеологических значений слова «хуй»*. [Onlien:] <<http://lib.rus.ec/b/104407/read>> (20.07.2013).

Пономарев Е.Р. *Нецензурный Бунин. Стихотворные пародии конца 1940-х годов*. [В:] *И.А. Бунин. Новые материалы*. Вып. 2. Сост. О. Коростелев, Р. Дэвис. Москва: Русский путь, 2010, s. 479–500.

Яблоновский С.В. *Ему, великому*. „Русская мысль” 1948, nr 83, 10 ноября.

FILOLOGIA ŚLEDCZA  
СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ  
INVESTIGATIVE PHILOLOGY



Z FILOLOGII ŚLEDCZEJ.  
CO I DLACZEGO PRZEMILCZANO  
W PROCESIE KANONIZACYJNYM DOROTY Z MĄTÓW  
NA TEMAT WIELKIEGO MISTRZA  
KONRADA VON WALLENRODE?

GRZEGORZ OJCEWICZ

Prof. em. Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie,  
b. prof. nadzw. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie  
gojcew@poczta.onet.pl  
(nadesłano 29.12.2015; zaakceptowano 11.01.2016)

**Abstract**

**From criminal philology.**

**What and why has been left unsaid about the Grand Master  
Konrad von Wallenrode in the canonization process  
of Dorothea of Montau?**

The author believes that during the canonization process of Dorothea of Montau in Medieval times the papal committee knowingly and intentionally failed to deeply explore the subject of one of the visions of the recluse of Kwidzyn, in which the Grand Master Konrad von Wallenrode resides in hell, surrounded by five princes-demons. It was supposed to signify Wallenrode's corrupted spiritual life as a man and as a head of the Teutonic fraternity. There are no files in the records of the case which would provide any details for such behaviour of priests-commissars. However, the scarce mentions found in the testimony of Master Johannes of Kwidzyn, according to the author, only prompt one to solve this riddle, so important for the process and the Order of Brothers of the German House of Saint Mary.

## Key words

Dorothea of Montau, Konrad von Wallenrode, canonization process, Marienwerder (Kwidzyn), the Teutonic Order in Prussia.

## Резюме

**Из следственной филологии.**

**Что и почему замолчали в канонизационном процессе**

**Доротеи из Монтау на тему великого магистра**

**Конрада фон Валленроде?**

Автор считает, что в ходе средневекового канонизационного процесса Доротеи из Монтау папская комиссия сознательно и намеренно не углублялась в тему одного из видений квидзыньской затворницы, в котором великий магистр Конрад фон Валленроде пребывал в аду в окружении пяти князей-демонов, что должно было свидетельствовать о его плохой духовной жизни как человека и начальника тевтонской корпорации. В актах процесса не нашлись записи, которые бы подробно выясняли поводы такого поведения священников-комиссаров, а скудные намёки, находящиеся в показаниях Магистра Яна из Квидзына, только провоцируют, как считает автор, к выяснению этой важной для самого процесса и Ордена дома святой Марии Тевтонской – загадки.

## Ключевые слова

Доротея из Монтау, Конрад фон Валленроде, канонизационный процесс, Мариенверденр (Квидзын), Тевтонский орден в Пруссии.

To studium, powstałe w ramach filologii śledczej, przekonuje, że dzięki jej narzędziom można badać nawet stosunkowo odległe sprawy, a dialog kultur wcale nie musi się kończyć wraz z epoką, który dany dialog wywołała i w którym był on obecny. Świadczy o tym chociażby przypadek związany z procesem kanonizacyjnym Doroty z Mątów (1347–1394), znanej bardziej jako kwidzyńska rekluza i święta katolicka wywodząca się ze średniowiecznych ziem Zakonu Krzyżackiego w Prusach. Zanim jednak Dorota z Mątów trafiła na Ołtarze Pańskie musiała przejść przez złożoną i długotrwałą procedurę, na której rzeczywiste rezultaty musieliśmy czekać stosunkowo długo, bo prawie sześć wieków, albowiem dopiero w 1976 roku papież Paweł VI wydał dekret stwierdzający świętość pomezkańskiej pustelnicy. Sam zaś proces kanonizacyjny ruszył w 1404 roku w Kwidzynie (Marienwerder), ówczesnej stolicy Diecezji Pomezkańskiej, a więc dziesięć lat po śmierci matki Doroty, i był uwikłany nie tylko w kwestie religijne, lecz także czysto polityczne<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Szerzej na ten temat: G. Ojcewicz. *Śmiertelna pobożność. Święta Dorota z Mątów. Mity i rzeczywistość*. Szczytno: Wydawnictwo Grzegorza Ojcewicza „GregArt”, 2016.

W procesie kwidzyńskim zeznawało 257 świadków<sup>2</sup>. Byli oni mocno zróżnicowani ze względu na wiek, płeć i status społeczny<sup>3</sup>. Dla Stolicy Apostolskiej największą wartość miały zapewne wypowiedzi świadków kwalifikowanych procesu, którzy ze względu na zajmowaną pozycję w Zakonie Krzyżackim i wykształcenie byli w stanie złożyć najszerze i najbardziej godne wiary zeznania na temat życia i świętości matki Doroty, wdowy po gdańskim płatnerzu Albrechcie Swertvegerze. Do kwalifikowanych świadków procesu należy z całą pewnością zaliczyć wysokich rangą dostojników krzyżackich, łącznie z wielkim mistrzem – Konradem von Jungingen<sup>4</sup>, a także pomezkańskich kapłanów – biskupa Jana I Mnicha (Möncha), prepozyta Jana Rymana (Reymana), kustosa Jana z Tywęz, kanoników katedralnych, ale przede wszystkim – osobistego spowiednika matki Doroty i profesora Świętej Teologii w jednej osobie, czyli Mistrza Jana z Kwidzyna.

Na potrzeby procesu kanonizacyjnego Doroty z Mątów w Kwidzynie przygotowano trzy serie artykułów, o których potem mówiono, że były dane po raz pierwszy, po raz drugi i po raz trzeci. Kolejność ta wiązała się z czasem ich powstawania oraz objętością<sup>5</sup>. Artykuły dane po raz pierwszy, jak i po raz drugi nie były tak bardzo rozbudowane, jak artykuły dane po raz trzeci, ponieważ liczyły zaledwie po dwadzieścia artykułów. Natomiast artykuły dane po raz trzeci liczyły aż sto czterdzieści dziewięć punktów, do których musieli się odnieść poszczególni świadkowie procesu.

Z uwagi na podniesiony problem interesuje nas głównie artykuł ósmy spośród stu czterdziestu dziewięciu artykułów danych po raz trzeci. Brzmiał on następująco:

8. Wspomnianą Dorotę dla jej niezmiernej świętości i pobożności, jaką miała ku Zbawicielowi naszemu Jezusowi Chrystusowi, sam Zbawiciel nasz przyozdobił wyjątkowymi przywilejami i ze swej łaski ku niej skierowanej rozmaite objawienia tejsze Dorocie zrobił; niektóre z nich pominęła milczeniem, niektóre wyjawiała. I tak było i jest mówione, utrzymywane i uznawa-

<sup>2</sup> Wśród świadków świętości matki Doroty, którzy zeznawali przed komisją papieską w Kwidzynie, znaleźli się również najwyżsi dostojnicy krzyżacy. Do stolicy Biskupstwa Pomezkańskiego dnia 25 czerwca 1404 roku, dokładnie w dziesiątą rocznicę śmierci pomezkańskiej pustelnicy, przybył sam wielki mistrz Zakonu Krzyżackiego – Konrad von Jungingen (1355–1407), z trzema innymi najbliższymi jego współpracownikami: wielkim komturem – Konradem (Kuno) von Lichtenstein (1360–1410), komturem z Grudziądza – Wilhelmem von Elffenstein (Helfenstein, ?–1410) oraz Mistrzem Lasu w Benowie – bratem Hartwigiem. Ich zeznania obiektywnie zwiększały znaczenie samego procesu i świadczyły o wielkim szacunku okazanym przez Zakon kandydatce na pruską krzyżacką świętą. Wymienieni Krzyżacy nie odnieśli się jednak do artykułu 8/III. Więcej na ten temat: G. Ojcewicz. *Wielki mistrz Konrad von Jungingen i wyżsi dostojnicy krzyżacy jako świadkowie procesu kanonizacyjnego Doroty z Mątów*. „Schody Kawowe” (Kwidzyn) 2015, nr 3 (63) (Rok XVI), lipiec–wrzesień, s. 20–22.

<sup>3</sup> Szerzej na ten temat: G. Ojcewicz. *Cudowne interwencje Doroty z Mątów: uzdrowienia i pomoc w nagłych wypadkach*. [W:] *In nomine Domini. Księga Pamiątkowa ku czci Księdza Biskupa Jana Styryny w 50. rocznicę posługi kapłańskiej*. Olsztyn–Elbląg: Wydział Teologii UWM, 2015, s. 191–206.

<sup>4</sup> Szerzej na ten temat: G. Ojcewicz. *Wielki mistrz Konrad...*, s. 20–22.

<sup>5</sup> Szerzej na ten temat: *Akta procesu kanonizacyjnego Doroty z Mątów od 1394 do 1521*. Tłum. bp J. Wojtkowski. Olsztyn: [Julian Wojtkowski], 2014, s. 56–94.

ne, mówi się, utrzymuje się i uznaje pospolicie, otwarcie i powszechnie; i o tym jest pospolicie rozgłos i sława<sup>6</sup>.

Świadkowie procesu, którzy nie znali objawień oraz wizji matki Doroty, kwitowali najczęściej artykuł 8/III, tj. dany po raz trzeci (III), stwierdzeniem, że nie posiadają wiedzy na ten temat. To rozumiałe, ponieważ wdowa Swertveger, przebywając w Kwidzynie, o swoich doznaniach mistycznych i zdolnościach nadprzyrodzonych rozmawiała w bardzo wąskim gronie, do jakiego należeli w pierwszej kolejności jej osobiści spowiednicy: Mistrz Jan z Kwidzyna oraz prepozyt Jan Ryman (Reyman). Objawień tych, wizji oraz przepowiedni było dostatecznie wiele, skoro powstała z nich oddzielna księga napisana przez profesora Świętej Teologii *Siedmiolilie Doroty z Mątów (1347–1394)*<sup>7</sup>. On też dysponował najpełniejszą wiedzą o wszystkich objawieniach oraz wizjach pomezkańskiej pustelnicy i sygnali tej wiedzy w interesującej nas sprawie pozostawił w aktach kwidzyńskiego procesu.

Matka Dorota już jako mieszkanka grodu nad Motławą była mocno skonfliktowana z gdańskim klerem, zwłaszcza zaś z proboszczem Kościoła Najświętszej Marii Panny, doktorem prawa kanonicznego Christianem Rose. Ta niezwykle pobożna, prosta i niewykształcona kobieta odważyła się publicznie krytykować Zakon Krzyżacki, głosić upadek jego morale i potępiać postępujące odstępstwo od reguł życia zakonnego. Ganiła jawnie poczynania Konrada von Wallenrode, przez co świadomie wypowiedziała mentalną wojnę Zakonowi, a ten jako instytucja silnie zhierarchizowana i trawiona źle pojętą ambicją – krytyki gdańskiej mieszczki nie aprobował. Po latach w *Dziejach Prus* ksiądz Jan Leo napisał: „Tylko sami Krzyżacy lżyli ją, jakoby głosiła przeciwko nim zmyślenia”<sup>8</sup>. Nic więc dziwnego, że gdański kler zmusił wdowę po Albrechcie Swertvegerze do opuszczenia Gdańska i udania się do Kwidzyna. Ta przymusowa migracja z miasta do miasta nie zaszkodziła jednak Dorocie, ponieważ zainicjowała spotkanie z Mistrzem Janem, znającym nie tylko Świętą Teologię, lecz również od podszewki sam Zakon Krzyżacki oraz jego złą kondycję moralną.

Tutaj, w stolicy Diecezji Pomezkańskiej, wdowa Swertveger czuła się bezpiecznie i w pełnym zaufaniu dzieliła się z Mistrzem Janem oraz prepozytem Janem wiedzą uzyskaną w sposób nadprzyrodzony. Dlatego, jak sądzę, bez żadnych oporów wewnętrznych matka Dorota opowiedziała profesorowi Świętej Teologii o scenie, w której pięciu książąt-demonów prowadziło przez jej rekluzorium jedną duszę potępioną, czyli mistrza Konrada. Z powodu tej wizji pustelnica była przerażona i prawdziwie udęczona. Mistrz Jan, zeznając przed komisją papieską, nie powiedział otwartym tekstem, nie

<sup>6</sup> *Akta procesu...*, s. 65–66.

<sup>7</sup> Zob. Mistrz Jan z Kwidzyna. *Siedmiolilie Doroty z Mątów (1347–1394)*. Tłum. bp J. Wojtkowski. Olsztyn: [Julian Wojtkowski], 2012. Matka Dorota miała wystarczające powody, by nie ujawniać wszystkim treści swoich nadprzyrodzonych widzeń. Wśród nich było nie tylko negatywne doświadczenie wyniesione z Gdańska, które mogło się skończyć spalaniem żony płatnerza na stosie, lecz także wrodzona skromność Doroty Swertveger, która miała ją uchronić przed zarzutami ze strony Krzyżaków o wywyższanie się. Przebywając w Kwidzynie pod opieką biskupa Jana I Mnicha (Möncha) i Mistrza Jana, mogła się czuć względnie bezpiecznie.

<sup>8</sup> Ks. J. Leo. *Dzieje Prus*. Z braniewskiego wydania roku 1725 przełożył bp Julian Wojtkowski. Olsztyn: [Julian Wojtkowski], 2008, s. 269.

wskazał, że ową udręczoną duszą, wiedzioną przez złe duchy, był zwierzchnik krzyżackiej korporacji, Konrad von Wallenrode. Profesor Świętej Teologii uczynił tak świadomie i rozsądnie: nie rozwodził się nad niewygodną nie tylko dla Zakonu sprawą, nie wymienił nazwiska wielkiego mistrza, lecz wspominał określone widzenie matki Doroty, zachowując się lojalnie wobec niej i wobec kleru.

Z biografii pomezkańskiej pustelnicy wiemy, że wraz z transformacją serca, jakiej doznała w gdańskim Kościele Mariackim 25 stycznia 1385 roku, Dorota Swertveger otrzymała nowe dary duchowe, a wśród nich dar jasnowidzenia. Jan z Kwidzyna, charakteryzując zdolności jasnowidcze matki Doroty, zeznał, że potrafiła ona dostrzec nie tylko „czyny i uczucia nieobecnych i bardzo od niej oddalonych”<sup>9</sup> osób, śmiertelników, ale także widywała aniołów w ich własnej „substancji oraz ich różnice oraz podziały hierarchii”<sup>10</sup>. Jej mistyczny wzrok sięgał także niejednokrotnie do czyszcza. Kwidzyńska rekluza współczuła żalonym jękom pokutujących dusz, a silnie poruszona strasznymi krzykami cierpiących, mówiła do swoich spowiedników: „O, gdybyście wy słyszeli i widzieli, co ja widzę i słyszę, że dzieje się z duszami w Czyścicu i Piekło, ze mną jak sądzę byście płakali”<sup>11</sup>.

Dzięki zdolnościom nadprzyrodzonym matka Dorota ujrzała i przepowiedziała kres świetności Zakonu Krzyżackiego, jego upadek moralny oraz nagłą śmierć wielkiego mistrza Konrada von Wallenrode. Jako człowiek miała powody, by źle mówić o zwierzniku krzyżackiej korporacji. A jeden z powodów był dostatecznie ważki, ponieważ, jak podaje Pizuński, w symbolicznym dniu 25 stycznia 1393, tj. 46. rocznicę urodzin pomezkańskiej pustelnicy, mistrz Konrad razem z doktorem Leandrem mieli odbyć w katedrze kwidzyńskiej konsylium, którego celem było usunięcie pobożnej wdowy ze stolicy Diecezji Pomezkańskiej i w konsekwencji – niedopuszczenie do jej umieszczenia w rekluzorium<sup>12</sup>. Najprawdopodobniej za sprawą prepozyta Jana Rymana (Reymana), mającego duży wpływ na mistrza Konrada jako jego najbardziej zaufany prawnik, decyzja ta została zmieniona, lecz argumenty, które spowodowały odstąpienie od pierwotnego zamiaru, pozostają do dzisiaj jedynie w sferze domysłów.

W trakcie przesłuchania przed wielebnymi ojcami-komisarzami ówczesny biskup pomezkański Jan I Mnich (Mönch), ustosunkowując się do artykułu ósmego danego po raz trzeci (8/III), zeznał, że wierzy w jego prawdziwość, podając za powód wiary wiedzę pochodzącą od samej matki Doroty, która przepowiedziała śmierć mistrza Konrada oraz wybór na jego następcę – na dobre dwa miesiące przed tym zdarzeniem – Konrada von Jungingen. Zwierzchnik Diecezji Pomezkańskiej podał ponadto, że „po śmierci wspomnianego Mistrza [Konrada – G.O.], sam ksiądz Biskup zeznający napisał do Mistrza Jana, spowiednika tejże pani Doroty, by ją prosił, aby wstawiła się do Pana, żeby ziemi Pruskiej dał dobrego zwierzchnika. Jan z Kwidzyna jej to polecił. A potem, gdy ta Dorota w duchu wszelkie zamki ziemi Pruskiej obeszała i nikogo nie znalazła, powiedziała wspomnianemu spowiednikowi, że Pan ukrył to przed nią.

<sup>9</sup> *Akta procesu...*, s. 325.

<sup>10</sup> Tamże.

<sup>11</sup> Tamże.

<sup>12</sup> Por.: P. Pizuński. *Nadworny heretyk wielkiego mistrza*. [W:] P. Pizuński. *Sekretne sprawy Krzyżaków*. Gdańsk: Wydawnictwo ARENGA, 2005, s. 123.



Potem Pan chcąc ją pocieszyć objawił jej o obecnym Mistrzu, mówiąc, że ojczyzna ze wszzech stron będzie w pokoju, jeżeli będzie miał ufność w Panu, a nadto, że ma znieść wiele niebezpieczeństw. I jeżeli będzie miał ufność w Panu, ze wszystkich wyjdzie<sup>13</sup>.

Nie tyle jednak przepowiedzenie przez Dorotę Swertveger śmierci mistrza Konrada, ile spełnienie się wizji spowodowało, zdaniem Janusza Hochleitnera

duże zamieszanie w środowisku pomezzańskim. Podczas widzenia ujrzała duszę wielkiego mistrza, którą pokazało jej pięciu demonów. Dopiero po wizji Chrystusa Dorota poinformowała spowiednika o przebywaniu duszy Konrada w piekle. W ten sposób Dorota tłumaczyła nagłą chorobę i zgon wielkiego mistrza jako początek kary za grzechy, zwłaszcza brak życia sakramentalnego. Te wieści zaczęły zataczać po jej śmierci coraz większy obszar, wpływając na wzrost ducha chrześcijańskiego wśród wiernych, zwłaszcza zaś duchowieństwa pomezzańskiego<sup>14</sup>.

Do tego samego wydarzenia nawiązała także niedawno siostra Kamila Leszczyńska w zbeletryzowanej biografii Doroty Swertveger. Autorka przywołała obraz pani Doroty, która ujrzała duszę wielkiego mistrza Konrada von Wallenrode otoczoną przez demony. Jego nagły zgon, spowodowany najpewniej atakiem apopleksji, 20 lipca 1393 roku, kwidzyńska rekluza utożsamiała z początkiem poważnych kar za grzechy, jakich dopuszczał się sam zwierzchnik krzyżackiej korporacji, i za pogłębiający się marazm w sferze duchowej Krzyżaków. Jak zaznacza Leszczyńska, dopiero gdy zmarł wielki mistrz, Pomezanię i następnie całe państwo zakonne obiegła wieść o jej proroczym rychłym zgonu Konrada von Wallenrode<sup>15</sup>.

Mistrz Jan, składając bardzo obszernie zeznania przed księżmi-komisarzami, wykorzystał uczciwie okazję, by w nawiązaniu do artykułu 8/III opowiedzieć także o przypadku mistrza Konrada<sup>16</sup>. Sprawa ta była jeszcze dość świeża, chociaż od zgonu byłego zwierzchnika krzyżackiej korporacji upłynęło już jedenaście lat. Podkreślam tutaj jednoznaczność postawę tego kapłana, który w określonym celu – solidaryzując się ze średniowieczną nauką Kościoła – zdecydował się na przypomnienie postaci wielkiego mistrza w powiązaniu z wizjami matki Doroty. Ograniczył się jednak do bezpiecznych ogólników, korespondujących z oczekiwaniami członków komisji papieskiej, nie drążył przyczyn, które doprowadziły mistrza Konrada do piekła. Niewykluczone, że to jednak zrobił, ale w aktach procesu kanonizacyjnego nie ma stosownych zapisów, które by moje przypuszczenie potwierdzały.

<sup>13</sup> *Akta procesu...*, s. 477–478. Zob. jeszcze: P. Cierzniakowski, J. Liguz. *Błogosławiona Dorota z Mąków*, „Krople Historii” 2007, nr 8, s. 21.

<sup>14</sup> J. Hochleitner. *Głębia zaufania. Dzieje życia i kultura błogosławionej Doroty z Mąków Wielkich*. Elbląg: [Janusz Hochleitner], 1997, s. 41.

<sup>15</sup> Por.: S.M. K. Leszczyńska. *Z całego serca. Z wszystkich sił. Opowiadanie o życiu bł. Doroty z Mąków Wielkich*. Olsztyn: [Dariusz Sonak], 2013, s. 187.

<sup>16</sup> Jan z Kwidzyna był 107. świadkiem (T. 107) procesu kanonizacyjnego matki Doroty. Zeznawał w poniedziałek 27 października 1404 roku w Kwidzynie. Został przedstawiony księżom-komisarzom jako „Mistrz świętej Teologii, Profesor oraz Dziekan katedry Pomezjańskiej”. Notariusz błędnie podał, że zeznający określił swój wiek na ponad 50 lat, a członkowie komisji papieskiej nie sprostowali zapisu protokolanta. W rzeczy samej, w 1404 roku Jan z Kwidzyna liczył sobie 61 lat, ponieważ urodził się w 1343 roku.

Z kolei inny świadek kwalifikowany procesowi, prepozyt Jan Ryman (Reyman)<sup>17</sup>, odpowiadając na artykuł 8/III, zeznał, że wierzy, iż treści zawarte w danym artykule są prawdziwe, ponieważ objawienia matki Doroty nie podważały w najmniejszej mierze prawideł średniowiecznej teologii. W ocenie tego świadka objawienia te „były [...] niekiedy obrazowe, niekiedy umysłowe; w których nie była oszukiwana, ponieważ na to miała świadectwo od Boga; są one rozrzutnie opisane w Księgach Objawień”<sup>18</sup>. Prepozyt Jan był przekonany, że kwidzyńska rekluza wszystko, co widziała i o czym następnie opowiadała swoim spowiednikom, czyniła z Bożą pomocą, ponieważ „była niewiastą niewykształconą i całkiem niepiśmienną”<sup>19</sup>. Prepozyt Jan potwierdził ponadto, że matka „Dorota znała niektóre wyroki Boże, zarówno co do dusz będących w Czyśćcu, jak w Piekło. Kary ich w Czyśćcu, ich jęki i krzyki, często słyszała. I sama Dorota do zeznającego i Mistrza Jana z Kwidzyna, swoich spowiedników, często mówiła poruszona krzykami dusz będących w Czyśćcu: «O gdybyście wy słyszeli i widzieli to, co ja słyszę i widzę, że dzieje się z duszami, które są w Czyśćcu, jak sądzę ze mną też opłakiwalibyście ich kary przez ogromne współczucie»”<sup>20</sup>. Brat Jan, przemilczawszy imię mistrza Konrada, wspominał podczas kwidzyńskiego przesłuchania o widzeniu matki Doroty, w którym ujrzała duszę „pewnego zmarłego, której po śmierci pięciu głównych demonów towarzyszyło i prowadziło ją na karę; [...] O rzeczonej duszy potępionej sama Dorota powiedziała, że widziała rzeczy bardzo straszliwe”<sup>21</sup>.

Cóż zatem takiego haniebnego uczynił za życia mistrz Konrad, że zdecydowano się go po śmierci natychmiast potępić i o nim głęboko zapomnieć? Czy chodzi tutaj tylko o jakiś zły ludzki przykład, którego Kościół Katolicki nie zaaprobował i miłosiernie nie przebaczył, czy jednak o coś więcej, co może rzutuje nawet na współczesne problemy Stolicy Apostolskiej?

<sup>17</sup> Jan Ryman (Reyman) urodził się najpewniej w 1340 roku. Był doktorem prawa kanonicznego. Piastował wysoką godność prepozyta kapituły katedralnej do 13 kwietnia 1393. Doceniając jego talenty prawnicze wielki mistrz, Konrad von Wallenrode uczynił go swoim najwyższym jurystą. Po śmierci chlebodawcy powrócił z Malborka do Kwidzyna i pracował w świątyni jako kanonik katedralny. Po zgonie biskupa pomezkańskiego Jana I Mnicha (Möncha), co miało miejsce 7 lutego 1409 roku, aż do swojej śmierci w wieku 77 lat, w dniu 4 września 1417 roku, był biskupem Diecezji Pomezkańskiej. Jako kanonik Jan Ryman (Reyman) składał zeznania przed komisarzami papieskimi w drugim okresie przesłuchań, trwającym od 13 października do 6 listopada 1404 roku, dokładnie – w środę, 22 października 1404, w infirmerii katedralnej i odpowiadał tylko na artykuły dane po raz trzeci. W procesie kanonizacyjnym Doroty z Mątów wystąpił jako 79. świadek, a jego przesłuchanie rozciągnęło się aż na trzy dni z uwagi na konieczność robienia przerw, aby można było przesłuchać innych świadków, którzy przybyli specjalnie do Kwidzyna i musieli pilnie powracać do swoich domostw i obowiązków. Oficjalnie był drugim, po Janie z Kwidzyna, spowiednikiem matki Doroty. Jego zeznania mają bezpośrednie odniesienie do napisanej przez Jana z Kwidzyna *Książeczki o życiu, cnotach i cudach Doroty z Mątów*. Miejscami powtarzają one pewne treści dosłownie, inne – niemal dosłownie.

<sup>18</sup> *Akta procesu...*, s. 257.

<sup>19</sup> Tamże, s. 270.

<sup>20</sup> Tamże.

<sup>21</sup> Tamże.

Ten nie do końca jednak negatywny bohater Zakonu przejął sukcesję po Konradzie Zöllnerze von Rotenstein (1382–1390). Zanim objął najwyższy urząd w państwie zakonnym gorliwie piastował ważne funkcje administracyjne, doskonale znał się na rzemiośle wojennym, odznaczał się nie tylko walecznością, lecz także wyjątkowym bitewnym i cywilnym okrucieństwem<sup>22</sup>. Przeszedł ścieżkę w zakonnej karierze od prokuratora w Iławie, przez komtura domowego w Dzierzgoniu, komtura w Człuchowie do Wielkiego Marszałka (1382) i następnie Wielkiego Komtura (1387), co czyniło zeń faktycznie drugą osobę w państwie. Zasłynął z wywarcia wielkiego wpływu na wojskowość krzyżacką za sprawą rozpoznawania i gromadzenia w celach militarno-grabieżczych wiedzy o drogach pogranicza litewsko-krzyżackiego<sup>23</sup>.

W drugiej połowie wieku szesnastego, a więc wcześniej od księdza Jana Leo, inny polski dziejopis, Marcin Murinius, w *Kronice mistrzów pruskich* zapisał:

Roku Pańskiego 1388, za Waclawa cesarza a Władysława Jagiełła króla polskiego szczęśliwego panowania, na mistrzowską stolicę Konrad von Walpot albo Walerodus jest wybrany. Ten był prawy żołnierz, człowiek okrutny a nieprzyjaciel i prześladowca wielki mnichów i księży (sam zakonnikiem będąc), tak iż przy śmierci swojej żadnego cierpieć nie mógł<sup>24</sup>.

Ta zwięzła, lecz treściwa charakterystyka mistrza Konrada, w której nie zgadzają się daty, ukazuje nam człowieka o cechach wielce przydatnych Zakonowi, gdy chodzi o krwawe powiększanie majątku i poszerzanie granic państwa krzyżackiego. Z drugiej jednak strony Murinius eksponuje w osobowości wielkiego mistrza to, co nie znalazło uznania zarówno w czasach, gdy żył, ani wtedy, gdy umarł. Murinius pisze o otwartej wojnie, jaką toczył zwierzchnik zakonnej korporacji z mnichami i klerem, nie podając jednak żadnych szczegółów, które przybliżyłyby nas do istoty sporu. Widocznie i dla tego kronikarza, żyjącego ponad sto pięćdziesiąt lat po zgonie mistrza Konrada, jak i czasów, w których powstawała *Kronika mistrzów pruskich*, sprawa napiętnowanego przez Kościół mistrza wciąż nie była obojętna. Autor kroniki wołał zatem niedopowiedzenie niż narażanie się Kościołowi na zgubny w skutkach zarzut sympatyzowania z przebywającym w piekle mistrzem.

Oporów podobnych do tych, które towarzyszyły być może Muriniusowi, nie odnajduję na szczęście dla sprawy w *Dziejach Prus*. Tutaj Konrad von Valpot, Konrad

<sup>22</sup> O okrucieństwie mistrza Konrada świadczy chociażby przypadek opisany w *Dziejach Prus*: „Toczył on wiele wojen ze Żmudzinami i Litwinami, a żeby był bezpieczniejszy od ich najazdów, zaczął umacniać zamki Kłajpedę i Ragnetę głębokimi fosami i wysokimi murami. Do wykonania tych prac postanowił zmusić także wasali i wieśniaków Biskupa Warmińskiego. Gdy Biskup sprzeciwił się temu jego żądaniu, on posłał wielu konnych do dóbr Biskupstwa i wieśniakom, którzy zajęci pracą w lasach odmawiali posłuszeństwa jego twardym rozkazom, niesłychanym rodzajem okrucieństwa kazał odrąbać ręce i nogi. Straszliwy i żalony był widok oglądając po lasach tylu wieśniaków leżących z odciętymi rękami i nogami i przebijających niebo jękami. Sprawa ta napędziła chłopom takiego strachu, że 500 mężczyzn własnymi wydatkami najętych posłali do Kłajpedy i tyleż do Ragnety. Gdy Żmudzini napadli na nich z zasadki w sam dzień Bożego Ciała, wszyscy wybici do jednego nędznie sześli”. Ks. J. Leo. *Dzieje...*, s. 194.

<sup>23</sup> Szerzej na ten temat: P. Pizuński. *Poczet wielkich mistrzów krzyżackich 1198–2000*. Gdańsk: Wydawnictwo ARENGA, 2003, s. 109–114.

<sup>24</sup> M. Murinius. *Kronika mistrzów pruskich*. Olsztyn: Wydawnictwo Pojezierze, 1989, s. 171.

Walerod czy Konrad Wallenrod w jednej osobie został następująco scharakteryzowany przez siedemnastowiecznego kronikarza Jana Leo:

Człowiek czarny, wielkiego oblicza, gniewny, żądny zaszczytów, chciwy, niezbożny, jak wyniknie z tego, co nastąpi. Konrad Celner z tego powodu był jak najbardziej zalecany, że w miarę możliwości powściągał nieumiarkowanie swych braci, chciwie zabiegających o nową nazwę i przekonywał, że trzeba zachować dawną nazwę Apostolską i dla swej osoby zachował. Ten zaś pierwszy przydał sobie tytuł Władcy, pisząc, że jest Mistrzem z Bożej łaski i był sprawcą tego, że posługiwali się nim Wielki Komtur, Marszałek i niektórzy inni urzędnicy, co odtąd weszło w użycie. Chociaż tytułów tych wolno im było używać z nadania Cesarza, jak powiedziane zostało na początku Zakonu<sup>25</sup>.

Mistrza Waleroda zwano pospolicie, aby ubliżyć, *Waltrödde*, co po Germańsku znaczy dziki piesek. On sam siebie zwał przyjacielem BOGA a nieprzyjacielem Kapłanów. *Gottes freund, Undt aller Pfaffen feindt*. Zwykł był mawiać, że w poszczególnych krainach trzeba utrzymywać Kapłanów po jednym, z Biskupem w jakiejś znakomitszej miejscowości, aby nikomu nie przeszkadzali, a można było ich mieć wtedy, gdy sama konieczność tego wymaga do tego, do czego ustanowieni zostali<sup>26</sup>.

Ale ksiądz Jan Leo nie poprzestaje na powyższej charakterystyce mistrza Konrada. Ujawnia bowiem takie szczegóły z jego biografii, które pozwalają na rozwiązanie zagadki i udzielenie odpowiedzi na postawione w tytule artykułu pytanie. Okazuje się, że wielki mistrz Konrad von Wallenrode był pod przemożnym wpływem niejakiego doktora Leandra, albańskiego lekarza, „heretyka wypędzonego z Galii”, którego utrzymywał u siebie „i miał za ulubieńca, a chociaż posługiwał się nauką najbardziej niedorzeczną, mimo to odważał się dla jej obrony schodzić z Mnichami, nawet pod karą ognia, kto by sprawę przegrał”<sup>27</sup>. Leo podkreśla, że przyszły wielki mistrz znał doktora Leandra wcześniej, zanim został zwierzchnikiem krzyżackiej korporacji i że nie krył się z okazywaniem sympatii jemu samemu oraz jego światopoglądowi. Leander, będąc lekarzem, posiadał jak na czasy Średnowiecza dostatecznie bogatą wiedzę nie tylko medyczną i zapewne miał określone wpływy w otoczeniu Wielkiego Komtura Konrada, jak i Wielkiego Mistrza Konrada.

Niewykluczone więc, że to pod wpływem albańskiego obcokrajowca wielki mistrz jeśli nie propagował, to przynajmniej akceptował osiem-dziewięć artykułów ułożonych przez heretyka, które wstrząsnęły nie tylko, jak zakładam, państwem zakonnym, ale także Stolicą Piotrową. Pamiętajmy, że wielki mistrz podlegał bezpośrednio papieżowi i że wszelkie spory między zakonem i głową Kościoła rozgrywały się nie bez wielkich emocji oraz gróźb ekskomuniki. Jak zatem rozumiał miejsce i rolę Zakonu mistrz Konrad? W których ze swoich oczekiwań inicjował świadomie spór ze swoimi podwładnymi, zakonnym klerem oraz samym papieżem? Czy jego „herezje” nie miały jednak głębszych kulturowo-religijnych podstaw? Europa wieków średnich otworzyła się przecież z dziejowej konieczności na ruchy kacerskie. Odłamy żebracze aktywne w XIV wieku, jak na przykład albigeni, waldensi, wiklifiści czy sekta wolnego ducha

<sup>25</sup> Ks. J. Leo. *Dzieje...*, s. 191.

<sup>26</sup> Tamże, s. 194.

<sup>27</sup> Tamże, s. 193.

poszukiwały bliższego kontaktu z Pismem Świętym traktowanym jako najważniejsze źródło wiary, dalekie od hierarchizacji podtrzymywanej z całą mocą przez papieństwo.

A może doktor, matematyk i teolog Leander, uchodząca z Francji, z miasteczka Santes (von Sanctonio), skazany na karę śmierci w latach 80. XIV wieku za kacerstwo, próbował przenieść na grunt katolicki dualistyczną wersję chrześcijaństwa, mającą swe źródło geograficzne na Bałkanach, szczególnie w Bułgarii i propagowaną przez bogomilów, zwolenników popa Bogumiła? Bogomilizm był przecież jednym z bardzo aktywnych nurtów religijnych od X do XVII wieku, mocno zwalczanym przez papieństwo i władców feudalnych. Niewykluczone zatem, że jego zwolenników można byłoby odnaleźć nawet na malborskim zamku. Idee głoszone przez bogomilów, podobnie jak herezje Leandra, stanowiły bowiem określone zagrożenie dla samej Stolicy Piotrowej oraz porządku feudalnego. Negowali przecież Eucharystię i Stary Testament, odrzucali kult maryjny, krytykowali kult świętych i ikon, nie uznawali władzy kościelnej, byli przeciwni praktykom odpustowym, opowiadali się za spowiedzią grupową, chrztem przez położenie ewangelii Janowej na głowie chrzczonego oraz częstym odmawianiem Modlitwy Pańskiej (120 razy dziennie) i życiem w ascezie.

Najważniejsze nauki głoszone przez Leandra dadzą się wyrazić w postaci dziewięciu artykułów: o ośmiu pisze Jan Leo, a dziewiąty dodał inny kronikarz, radca wyższego sądu krajowego Celle. Wydaje się, że każdy z tych artykułów niósł treści, z którymi oficjalna doktryna kościelna nie mogła się pogodzić. Tym bardziej więc ich zestaw prowokował do gwałtownego sprzeciwu ze strony papieża. Przyjrzyjmy się obydwu wersjom artykułów zamieszczonych w odrębnych źródłach i opracowaniach.

Lp.	Wersja Pawła Pizuńskiego <sup>28</sup>	Wersja Jana Leo <sup>29</sup>
1	Wszyscy, którzy są pod wpływem szatana, choćby dawali datki mnichom i księżom, a sami głodowali, żadnego nie będą mieli z tego pożytku. Bóg i tak ich wyklnie i skieruje do najgorszych prac.	Wszyscy, którzy mnichom i Kapłanom udzielają wsparcia, są pod władzą Diabła, bo wspierają leniuchów, podczas gdy Bóg stworzył człowieka do pracy.
2	Wszyscy książęta i panowie, którzy budowali klasztory, ale bawili się ciągle i uctowali, nie dojdą do Boga.	Wszyscy Władcy, którzy wzniesli Klasztory, jak długo stoją całe, nie mogą zażywać oglądania Boga.
3	Wszyscy mnisi i księża są heretyckimi kłamcami i nic sobie nie robią z tego, co chwalą. Bo chociaż uczą prawd wiary, to jednak postępują wbrew jej wskazaniom.	Wszyscy Mnisi i Kapłani są zakłamanymi błędnowiercami, bo nie zachowują swoich ślubów i nie czynią tego, co nakazują i czego uczą.
4	Wszyscy kapłani są pod wpływem diabła. Wzbraniają kontaktów cielesnych z kobietami, podczas gdy Bóg do tego je stworzył.	Wszyscy kaznodzieje trzymane są pod władzą Diabła, ponieważ zakazują stosunku z kobietami, który Bóg dozwolił.

<sup>28</sup> P. Pizuński. *Nadworny heretyk...*, s. 121–122.

<sup>29</sup> Ks. J. Leo. *Dzieje...*, s. 193–194.

5	Praca, wiara i Bóg są równie przyjemne, więc nie dostąpią jasności Ci, którzy zawodzą i pożądamy uciech cielesnych.	Modlitwy, stan, dzieło i wiara każdego człowieka jednakowo Bogu się podobają i nie ma piekła, jak tylko dla tych, którzy nie są posłuszni swemu pożądaniu.
6	Nie słuchać mszy, nie głosić kazań, nie spowiadać się, nie świętować i nie pościć, bo miłość Boga jest wielka. Wszelkie obrzędy są jedynie wymysłem księży.	Odprowadzać Msze, głosić kazania, spowiadać, śpiewać, obchodzić święta, pościć, przeciwstawiać się pragnieniom serca, to wynalazki chciwych kapłanów.
7	Mylą się ci wszyscy, którzy uznają papieża z jego odpustami ekskomunikami i prawami a głoszą, że człowiek od samego poczęcia jest grzeszny.	Wszyscy, którzy dobrze myślą o Papieżu, o odpustach, o jego karach i prawach, nie mogą być zbawieni przed sądem ostatecznym.
8	Wszystkie kobiety, które nie dopuszczają do siebie swego męża i mężowie, którzy dopuszczali się zdrad, wspólnie powinni odprawiać pokutę ogółną, mając świadomość bycia w związku małżeńskim.	Wszystkie niewiasty, które odmówiły spółkowania domagającym się mężczyznom i wzajemnie wszyscy mężczyźni, którzy tego odmówili niewiastom, będą oglądać Boga jakby przez ciemną zasłonę, chyba że spełnią pokutę uprawiając nierząd poza małżeństwem.
9	Wszyscy ludzie, którzy są ochrzczeni są również kapłanami. Mogą chrzczyć własne dzieci i mogą udzielać im wszystkich sakramentów, łącznie z sakramentem małżeństwa.	

Teraz sprawa wydaje się wreszcie jasna: przedkładane przez Leandra artykuły uderzały w kościelne fundamenty, były reformatorskie i jeszcze przedwczesne, przedwczesne w tym sensie, że musiało upłynąć co najmniej jedno półwiecze, by do głosu mogły dojść idee Marcina Lutera i się przyjąć. Niemniej ruchy kacerskie przygotowały określony grunt pod odnowę Kościoła, dlatego o zwolenników reformacji, gdy już nastąpiła, było znacznie łatwiej. „Z opiekunem swym Walerodem – pisał Jan Leo – wziął [Leander – G.O.] życia koniec nieszczęsny, ale stosowny do swych czynów i nauki. **Niemniej to, czego uczył, w wielu sercach utkwilo głęboko**”<sup>30</sup>. Podobnie o znaczeniu malborskiej herezji napisał Szymon Grunau, który podał, że kacerskie nauki Leandra „**pozostały w sercach licznych Krzyżaków, rycerstwa, ludzi luźnych, którzy nie szanowali duchownych.** [...] to nastawienie przetrwało do chwili ówczesnej, tj. do 1510 r.”<sup>31</sup>.

Nagła śmierć mistrza Konrada, do dzisiaj budząca podejrzenia co do naturalności zgonu<sup>32</sup>, położyła kres rozpowszechnianiu się idei Leandra, chociaż już po pogrzebie wielkiego mistrza jego nadworny heretyk wezwał kanoników pomezkańskich do dysputy teologicznej, która się miała odbyć w Kwidzynie. Wszystko wskazuje na to, że Leander w drodze do stolicy Diecezji Pomezkańskiej został utopiony, a nie utopił się

<sup>30</sup> Ks. J. Leo. *Dzieje...*, s. 194. Podkr. – G.O.

<sup>31</sup> S. Zonenberg. *Kronika Szymona Grunaua*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2009, s. 45–46. Podkr. – G.O.

<sup>32</sup> Zob. np. W. Urban. *Krzyżacy. Historia działań militarnych*. Tłum. E. Możejko. Warszawa: Książka i Wiedza, 2005, s. 254.

sam w stawie położonym niedaleko podmiejskiej gospody<sup>33</sup>. Z punktu widzenia katolickiego kleru sprawiedliwości stała się w tym momencie zadość. Zgodnie z mentalnością średniowieczną, nieodległą zresztą w tym przypadku od świadomości współczesnej, również przyroda zmanifestowała swoją niechęć wobec umierającego wielkiego mistrza Zakonu Krzyżackiego. W tym bowiem dniu, jak zapisał dziejopis ksiądz Jan Leo, „Roku tysięcznego trzechsetnego dziewięćdziesiątego trzeciego umiera Konrad Walerod podczas wielkiej burzy, błyskawic i grzmotów, co pospólstwo źle tłumaczyło. Poprzedziły też jego śmierć ciągle deszcze, przez które zasiewy zgniły na polach. Wisła i Nogat zerwały nasypy<sup>34</sup>. Tenże Jan Leo konstatował nie bez nuty triumfu:

Umarł, jak słuszna, bez spowiedzi i rozgrzeszenia Sakramentalnego oraz Komunii świętej. Skoro bowiem za życia znienawidził i wzgardził Kapłanów, zarówno świeckich jak zakonnych, a nawet własnego Zakonu, których zwał psiarkami: za niegodnego ich jako sług i narzędzi Boga został przezeń uznany. Albo też jako błędnowierca i opiekun błędnowierców pozbawiony został Sakramentów Kościoła [...] <sup>35</sup>.

Czas na podsumowanie i wnioski. Zarysowany problem i jego analiza upoważniają do postawienia tezy, w myśl której w procesie kanonizacyjnym Doroty z Mątów komisja papieska świadomie przemilczała drażliwe szczegóły związane z postacią wielkiego mistrza Konrada von Wallenrode, eksponując i utrwalając w protokołach tylko to, co mieściło się w polityce Stolicy Apostolskiej oraz zapewniało względną ochronę dobrego imienia Zakonu Krzyżackiego. Mistrz Konrad występuje na kartach procesu kanonizacyjnego wyłącznie w roli bohatera negatywnego, Juliana Apostaty, odszczepieńca i heretyka, który pozostawał – z punktu widzenia mentalności średniowiecznej – pod zgubnym wpływem szatana oraz jego sługi – doktora Leandra. „Reformy” zaproponowane przez mistrza Konrada, chociaż ograniczone, to jednak drastyczne, uderzały wprost w fundamentalne krzyżackie statuty, burzyły ważne zapisy w zakonnych ustawach, atakowały instytucję kościelną, a więc i pozycję papieską, a na żadne rozwiązania rewolucyjne ówczesny papież ani jego poplecznicy nie byli gotowi. Główny wstrząs miał dopiero nadejść wraz z Marcinem Lutrem, a poglądy Leandra wyraźnie korespondowały co do istoty, przynajmniej w niektórych punktach, ze stanowiskiem pierwszego protestanta. Dlatego wszystko, co się wiązało z postacią mistrza Konrada jako heretyckie musiało być z odgórnego przykazania uznane za złe i skazane na wieczne potępienie oraz rychłe zapomnienie. Dzisiaj też nie wyjaśnimy z całą pewnością rzeczywistej przyczyny śmierci wielkiego mistrza. Nie udowodnimy, czy był to zgon naturalny wskutek apopleksji albo powikłań po chorobie przebiegającej z wysoką temperaturą (silne nowe zakażenie?) czy może jednak padł on ofiarą zabójstwa skoro noszono się z zamiarem zgładzenia wielkiego mistrza, gdyby sprawy miały się toczyć nie po myśli dostojników

<sup>33</sup> O zamachu na życie Leandra pisze np. Karol Górki. Zob. K. Górski. *Zakon Krzyżacki a powstanie państwa pruskiego*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1977, s. 120. Zob. też, co napisał ks. Jan Leo: „Gdy więc on [Leander – G.O.] miał zacząć uroczystą rozprawę z Mnichami w Kwidzynie i już przyszedł blisko miasteczka, znaleziony został utopiony w gliniance”. Ks. J. Leo. *Dzieje...*, s. 194.

<sup>34</sup> Ks. J. Leo. *Dzieje...*, s. 191.

<sup>35</sup> Tamże, s. 194.

krzyżackich. Spiski wewnątrz tej Maryjnej korporacji nie należały do wyjątków, a w wyniku jednego z nich zginął przecież wielki mistrz Werner von Orseln<sup>36</sup>.

Niemalą rolę w osiągnięciu strategicznego celu wyznaczonego przez Stolicę Apostolską, tj. deprecjacji wszystkiego, co się wiązało z postacią mistrza Konrada, odegrała kwidzyńska rekluza. Zawsze była mu nieprzychylna. Zawsze jawnie potępiała jego słabą miłość do Chrystusa, słabe bycie chrześcijaninem i niedbanie o rozwój duchowy własny oraz braci zakonnych. W jej widzeniach Konrad von Wallenrode występował przecież niezmiennie w otoczeniu książąt-demonów, a świadkiem jego męki było piekło i straszny ogień. Wszystko tutaj pasowało: i sceneria, i rodzaj zasłużonej kary za bluźnierstwa przeciwko Panu Bogu i za złe traktowanie kapłanów oraz zakonników. Pozostawienie na kartach procesu kanonizacyjnego wyłącznie wybiórczej informacji na temat losów mistrza Konrada mogło stanowić również swoiste memento dla jego bezpośredniego sukcesora, Konrada von Jungingen, i kolejnych następców zwierzchnika korporacji. Być może byli po matce Dorocie jeszcze inni mistycy lub mistyczki krzyżackie, w których wizjach pojawiali się wielcy mistrzowie Zakonu Błogosławionej Maryi Teutonów jako dusze cierpiące męki w czyścicu, lecz wiedza ta do nas nie dotarła. Ale nawet gdyby dotarła, byłby to już temat na kolejny ekskurs z filologią śledczą i historią wieków średnich w tle.

Dialog kultur, jak widać, nie kończy się wraz z epoką, który dany dialog wywołała i w którym był on obecny. Dzisiaj Watykan, tak samo jak w Średniowieczu, musi się na bieżąco odnosić do kwestii, które również zaprzętały umysł mistrza Konrada. Uogólniając je, można powiedzieć, że wciąż do zadań pilnych Stolicy Piotrowej należą problemy natury cielesnej kleru, jego wciąż niezadowolający stan rozwoju duchowego i poddawanie się pokusom materialnym, a także poszukiwanie skutecznych metod perswazyjnych, które by wspomagały papieża w zabieganiu o zatrzymanie wiernych w Kościele oraz wzmacniały następców świętego Piotra w odwiecznej walce dobra ze złem.

## Bibliografia

- Akta procesu kanonizacyjnego Doroty z Mątów od 1394 do 1521*. Tłum. bp J. Wojtkowski, Olsztyn: [Julian Wojtkowski], 2014.
- Bobińska H., Ojcewicz G. *Zabójstwo wielkiego mistrza Wernera von Orseln*. Kwidzyn: Kwidzyńskie Centrum Kultury – Gdynia: Wydawnictwo Region, 2015.
- Borzyszkowski M. *Błogosławiona Dorota z Mątów*, Olsztyn: Warmińskie Wydawnictwo Diecezjalne, 1984.
- Cierzniakowski P., Liguz J. *Błogosławiona Dorota z Mątów*. „Krople Historii” 2007, nr 8.
- Epoka i życie błogosławionej Doroty z Mątów. Materiały I Sympozjum Dorotańskiego w Kwidzynie*. Red. J. Wiśniewski. Elbląg: Diecezja Elbląska, 1996.
- Górski K. *Zakon Krzyżacki a powstanie państwa pruskiego*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1977.
- Hagiografia polska. Słownik bio-bibliograficzny*. Red. o. Romuald Gustaw OFM. T. 1. A–K. Poznań: Księgarnia św. Wojciecha, 1971.

<sup>36</sup> Szerzej na ten temat: H. Bobińska, G. Ojcewicz. *Zabójstwo wielkiego mistrza Wernera von Orseln*. Kwidzyn: Kwidzyńskie Centrum Kultury – Gdynia: Wydawnictwo Region, 2015.



- Hochleitner J. *Głębia zaufania. Dzieje życia i kultura błogosławionej Doroty z Mątw Wielkich*. Elbląg: [Janusz Hochleitner], 1997.
- Jan z Kwidzyna. *Żywoć Doroty z Mątw*. Tłum. bp J. Wojtkowski. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2011.
- Księga o świętach Mistra Jana z Kwidzyna. Objawienia błogosławionej Doroty z Mątw*. Tłum. bp J. Wojtkowski. Olsztyn: [Julian Wojtkowski], 2013.
- Kujawska-Komender T. *Wstęp do badań nad pismami Doroty z Mątw*. [W:] *Nasza Przeszłość. Studia z dziejów Kościoła i kultury katolickiej w Polsce*. Red. ks. A. Schletz C.M. T. 5. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Teologicznego Księży Misjonarzy, 1957, s. 84–132.
- Kwiatkowski S. *Pobożność Doroty z Mątwów a środowisko społeczne*. [W:] *Epoka i życie błogosławionej Doroty z Mątw*. Red. J. Wiśniewski. Elbląg: Diecezja Elbląska, 1996, s. 57–72.
- Kwiatkowski S. *Źródła wiedzy i autorytety religijne wśród ludności i duchowieństwa pogranicza pomeziańsko-pomorskiego na przełomie XIV i XV wieku*. [W:] *Prace z dziejów państwa zakonu krzyżackiego*. Red. A. Czacharowski. Toruń: Wydawnictwo UMK, 1984.
- Leo J., Ks., *Dzieje Prus*. Z branieńskiego wydania roku 1725 przełożył bp Julian Wojtkowski. Olsztyn: [Julian Wojtkowski], 2008.
- Leszczyńska K., S.M. *Najcenniejszy klejnot. Proces kanonizacyjny Doroty z Mątw Wielkich*. Olsztyn: [Dariusz Sonak], 2015.
- Leszczyńska K., S.M. *Średniowieczna Święta a człowiek XXI wieku. Kulisy powstawania książki o błogosławionej Dorocie*. [W:] *Kwidzyńska rekluza. Uniwersalne i regionalne przejawy kultu błogosławionej Doroty z Mątw Wielkich*. Red. J. Hochleitner. Kwidzyn: Towarzystwo Miłośników Ziemi Kwidzyńskiej, 2014, s. 271–276.
- Leszczyńska K., S.M., *Z całego serca. Z wszystkich sił. Opowiadanie o życiu bł. Doroty z Mątw Wielkich*, Olsztyn: [Dariusz Sonak], 2013.
- Liedtke A. *Dorota z Mątwów*. [W:] *Hagiografia polska. Słownik bio-bibliograficzny*. Red. o. Romuald Gustaw OFM. T. 1: A–K. Poznań: Księgarnia św. Wojciecha, 1971, s. 311–316.
- Matela L. *Na tropach tajemniczych wierzeń*. „Nieznany Świat” 2015, nr 11, s. 24–27.
- Mistrz Jan z Kwidzyna, *Siedmiolilie Doroty z Mątw (1347–1394)*. Tłum. bp J. Wojtkowski, Olsztyn: [Julian Wojtkowski], 2012.
- Misztal H. *Błogosławiona Dorota z Mątwów*. [W:] *Polscy święci*. T. 1. Red. o. J. Roman BAR OFM-conv. Warszawa: Wydawnictwo Akademii Teologii Katolickiej, 1983, s. 27–68.
- Murinius M. *Kronika mistrzów pruskich*. Olsztyn: Wydawnictwo Pojezierze, 1989, s. 170–176.
- Ojcewicz G. *Cudowne interwencje Doroty z Mątw: uzdrowienia i pomoc w nagłych wypadkach*. [W:] *In nomine Domini. Księga Pamiątkowa ku czci Księdza Biskupa Jana Styry w 50. rocznicę posługi kapłańskiej* Olsztyn–Elbląg: Wydział Teologii UWM, 2015, s. 191–206.
- Ojcewicz G. *Portret Doroty z Mątw według Güntera Grassa*. [W:] *Kwidzyńska rekluza. Uniwersalne i regionalne przejawy kultu błogosławionej Doroty z Mątw Wielkich*. Red. J. Hochleitner. Kwidzyn: Towarzystwo Miłośników Ziemi Kwidzyńskiej, 2014, s. 235–269.
- Ojcewicz G. *Śmiertelna pobożność. Święta Dorota z Mątw: mity i rzeczywistość*. Szczytno: Wydawnictwo Grzegorza Ojcewicza „GregArt”, 2016.
- Ojcewicz G. *Wielki mistrz Konrad von Jungingen i wyżsi dostojnicy krzyżacy jako świadkowie procesu kanonizacyjnego Doroty z Mątw*. „Schody Kawowe” (Kwidzyn) 2015, nr 3 (63) (Rok XVI), lipiec–wrzesień, s. 20–22.
- Ojcewicz G. *Z czym wypadnie się zmierzyć piszącemu odważnie o Dorocie z Mątw? „Schody Kawowe”* (Kwidzyn) 2014, nr 4 (60) (Rok XV), październik–grudzień, s. 19–22.
- Pizuński P. *Nadworny heretyk wielkiego mistra*. [W:] P. Pizuński. *Sekretne sprawy Krzyżaków*, Gdańsk: Wydawnictwo ARENGA, 2005, s. 118–124.
- Pizuński P. *Poczet wielkich mistrzów krzyżackich 1198–2000*. Gdańsk: Wydawnictwo ARENGA, 2003, s. 109–114.

- Radziwiński A. *Kwidzyn w Średniowieczu*. [W:] *Kwidzyn. Dzieje miasta*. Red. K. Mikulski, J. Liguz. Kwidzyn: Kwidzyńskie Centrum Kultury, 2013, s. 55–90.
- Urban W. *Krzyżacy. Historia działań militarnych*. Tłum. E. Możejko. Warszawa: Książka i Wiedza, 2005.
- Wiśniewski J. *Niektóre aspekty pobożności błogosławionej Doroty z Mątów Wielkich*. [W:] *Kwidzyńska rekluza. Uniwersalne i regionalne przejawy kultu błogosławionej Doroty z Mątów Wielkich*. Red. J. Hochleitner. Kwidzyn: Towarzystwo Miłośników Ziemi Kwidzyńskiej, 2014, s. 53–76.
- Wiśniewski J. *Zabiegi o wyniesienie na ołtarze i zatwierdzenie kultu Doroty z Mątów Wielkich*. [W:] *Kaci, święci, templariusze. Studia z dziejów średniowiecza*. T. 14. Malbork: Muzeum Zamkowe w Malborku, 2008, s. 563–579.
- Wojtkowski J. *Średniowieczny proces kanonizacyjny błogosławionej Doroty w Kwidzynie*. [W:] *Kwidzyńska rekluza. Uniwersalne i regionalne przejawy kultu błogosławionej Doroty z Mątów Wielkich*. Red. J. Hochleitner. Kwidzyn: Towarzystwo Miłośników Ziemi Kwidzyńskiej, 2014, s. 33–50.
- Zonenberg S. *Kronika Szymona Grunaua*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2009.



KULTUROZNAWSTWO  
КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ  
CULTURAL STUDIES



Х.Ф. БОЯДЖИЕВА. ЦЕРЕТЕЛЛИ  
(Предисловие, подготовка текста и комментарии  
М.Л. Федорова<sup>1</sup>)

МАКСИМ Л. ФЕДОРОВ

Российская академия наук  
Институт мировой литературы им. А.М. Горького  
Отдел рукописей  
Поварская ул., д. 25а, г. Москва, 121069, Россия  
e-mail: maksimfyodorov@yandex.ru  
(получено 17.09.2016; принято 26.09.2016)

**Abstract**

**H.F. Boyadzhiyeva. *Tseretelli*.**

**(Preface, preparation of the text and comments by M.L. Fedorov) H.F.**

The published memoirs are devoted to the remarkable actor N.M. Tseretelli and cover the period of his work in the Kamerny Theater. The name of Tseretelli, today known only to a narrow circle of experts, was very famous in the first half of the 20th century, primarily thanks to his works with A. Tairov and a number of roles in cinema films (“Papirosnitsa from Mosselprom”, “Aelita”, etc.). In her memoirs, Tseretelli’s partner in Kamerny theater, H.F. Boyadzhiyeva, returns the distinct and almost unknown page of history to the national culture.

**Key words**

Memoirs, Kamerny Theater, archive.

---

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-04-00388 *Антропософия и литературно-художественная жизнь России XX века. Научное описание фонда Л.А. Новикова в собрании Отдела рукописей ИМЛИ РАН.*

## Резюме

Публикуемые мемуары посвящены замечательному артисту Н.М. Церетелли и охватывают период его работы в Камерном театре. Имя Церетелли, сегодня известное лишь узкому кругу специалистов, в первой половине XX в. имело огромную славу. Прежде всего благодаря его работам с А.Я. Таировым, а также целому ряду ролей, сыгранных в кинематографе («Папиросница из Моссель-прома», «Аэлита» и др.). Таким образом, Х.Ф. Бояджиева, партнер Церетелли по Камерному театру, восполняет утраченное, возвращает в отечественную культуру яркую и почти неизвестную страницу истории.

## Ключевые слова

Мемуары, Камерный театр, архив.

В 2014 году в Отдел рукописей Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ОР ИМЛИ РАН) было передано уникальное частное собрание документов по истории антропософского движения в России 1920-х–1990-х годов. Архив, достаточно разнообразно представляющий историю одной из значимых духовных, инициатических школ русской и, шире, европейской культуры XX века, насчитывает значительный объем материалов. Коллекция, хранившаяся в частных руках, не была описана и находилась вне поля зрения ученых. На протяжении полувека она собиралась Людвигом Александровичем Новиковым – коллекционером, ученым, последователем антропософии. Он являл собой живую связь времен: молодым человеком, познакомившись с Клавдией Н. Бугаевой, он увлекся этим интеллектуально-духовным учением и всю свою жизнь посвятил его изучению и сохранению документов, связанных с историей антропософии в России и СССР. Он тесно общался с последователями антропософии, знавшими Андрея Белого, Максимилиана А. Волошина, Маргариту Сабашникову, Михаила А. Чехова и др.

После смерти близких к нему антропософов, учеников Белого и Бугаевой, он бережно сохранял их архивы, исследовал собранные ими материалы, и остаток своей жизни посвятил написанию фундаментальной истории антропософского движения в России. К сожалению, смерть Новикова в 2005 году помешала ему закончить этот труд.

В составе коллекции отложились документы забытой сегодня актрисы Камерного театра Христины Феофановны Бояджиевой. Она оставила воспоминания об Александре Я. Таирове, художнике Камерного театра Владимире Г. Бехтееве, Осипе Э. Мандельштаме, которые хранятся в ОР ИМЛИ РАН и в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Тесно связанная с антропософским движением в России, Х.Ф. Бояджиева была знакома с М.А. Волошиным, о котором также оставила воспоминания.

Публикуемые мемуары посвящены замечательному артисту Николаю Михайловичу Церетелли и охватывают период его работы в Камерном театре. Имя

Церетелли, сегодня известное лишь узкому кругу специалистов, в первой половине XX в. имело огромную славу. Прежде всего благодаря его работам с А.Я. Таировым, а также целому ряду ролей, сыгранных в кинематографе (*Папиросница из Моссельпрома*, *Аэлита* и др.). Таким образом, Бояджиева, партнер Церетелли по Камерному театру, восполняет утраченное, возвращает в отечественную культуру яркую и почти неизвестную страницу истории.

Документ публикуется в соответствии с нормами современной орфографии.

## **Ф. 637 (Новиков Л.А.), Л. 1–6.**

**Х.Ф. Бояджиева.**

**Николай Михайлович Церетелли.**

### **Автограф на тетрадных листах шариковой ручкой**

Христина Феофановна Бояджиева – актриса Камерного театра. Родилась в 1898 году в Киеве в семье инженера и учительницы. В 1916 году поступила в театральную школу при Камерном театре и одновременно в Балетную школу известного танцовщика Михаила Мордкина. В 1918–19 годах работала как артистка балета в Экспериментальном театре, где осуществлял свои постановки легендарный хореограф Касьян Голейзовский. В 1920 году была принята в труппу Камерного театра, где проработала до 1944 года. Затем по собственному желанию уехала на Сахалин и два сезона прослужила в Охинском театре Сахалина. Безусловно, самый яркий период ее актерской биографии приходится на годы работы с А.Я. Таировым. Среди сыгранных ею ролей на сцене Камерного театра заметными стали работы в спектаклях: *Косматая обезьяна*, *Очная ставка*, *Сирокко*, *Сильнее смерти*, *Адриенна Лекуврер*, *Египетские ночи*, *Мадам Бовари*, *Замужняя невеста* и др. В двух легендарных спектаклях Камерного театра (*Покрывало Пьяретты* и *Ящик с игрушками*) Х.Ф. Бояджиева дублировала первую актрису театра А.Г. Коонен. На Сахалине Бояджиева участвовала в спектаклях: *Без вины виноватые*, *Женитьба Белугина*, *Коварство и любовь*, *Самолет опаздывает на сутки*, *Факир на час*, *Платон Кречет*, *Русский вопрос*, *Поздняя любовь* и др. Оставленные ею воспоминания относятся к поздним годам ее жизни.

Церетелли Николай Михайлович (настоящее имя – Саид Мир Худояр Хан, 1890–1942) – выдающийся артист русского театра. Внук бухарского эмира. Окончил театральную школу А.И. Адашева. Еще во время учебы принимал участие в московских гастрольях труппы М. Рейнхардта, играл вместе с А. Моисси в спектакле *Царь Эдип*, с которым гастролитировал по многим городам Европы. С 1913 по 1916 годы служил в труппе МХТ. В Камерном театре с 1916 г. по 1928 год с перерывом в сезон 1924–25 годов, когда он был занят в спектакле *Поджигатели* А.В. Луначарского, поставленном К.В. Эггертом и К.В. Сварожичем в Новом драматическом театре. Про его уход из Камерного театра (из-за конфликта с А.Я. Таировым) в 1924 году корреспондент *Жизни искусства* писал: «Церетелли ушел из Камерного театра... А нам казалось, что это невероятное обстоятельство. Коонен и Церетелли – колонны, подпирающие Камерный, и вдруг... одна из колонн выбывает из строя» (Лорензаччо (Бройде М.О.). *У рампы*. «Жизнь



искусства» 1924, № 24, 10 июня, с. 16). После Камерного театра в качестве режиссера работал в различных музыкальных театрах, в том числе по приглашению Г.М. Ярона ставил в Московском театре оперетты. В 1934-1940 годы работал в провинциальных театрах. По приглашению Н.П. Акимова с 1941 года служил в Ленинградском театре комедии. Из блокадного Ленинграда смертельно больным был вывезен в эвакуацию в Киров, где вскоре и скончался. Известный коллекционер и знаток народной крестьянской игрушки, по настоянию своего друга А.В. Луначарского Церетелли написал книгу *Русская крестьянская игрушка* (Москва: Academia, 1933).

## Николай Михайлович Церетелли

Мне посчастливилось быть с Николаем Михайловичем Церетелли в продолжение многих лет в Камерном театре. Человек прирожденного благородства как внутреннего, так и внешнего. Он был пленителен на сцене, очень прост и добр в жизни. Выше среднего роста, хорошо сложен, тренированная фигура. На высокой шее небольшая голова красивой формы, с горбинкой нос, узкое, продолговатое лицо, голос мягкий, гибкий, очень приятного тембра<sup>2</sup>. Впервые я увидела Николая Михайловича на сцене в пьесе Анненского в стихах *Фамира-Кифаред*<sup>3</sup> на тему греческих трагедий. Фамира, сын Нимфы, полубогини, и про-

---

<sup>2</sup> Похожие характеристики дала Н.М. Церетелли и его постоянный партнер на сцене Камерного театра А.Г. Коонен: «Это имя сейчас как-то ушло в тень, а между тем в годы, когда Церетелли играл в Камерном театре, он был одним из любимейших актеров Москвы. Такие его роли, как Фамира Кифаред, король Арлекин, Морис Саксонский в *Адриенне Лекуверр*, Мараскин в *Жирофле-Жирофля*, Ибен в *Любовь под вязами*, вспоминают до сих пор те, кто видел его на сцене. Церетелли пришел к нам потому, что Камерный театр был ему творчески и душевно близок. Он был моим неизменным партнером в течение многих лет. Мы были большими друзьями, я любила его не только как партнера, с которым мне легко было играть, но очень ценила его как товарища, ценила его большое внимание и заботу. Церетелли обладал прекрасными внешними данными: красивое лицо, гибкое, пластичное тело, большой голос своеобразного тембра – то мягкий, певучий, то с каким-то резким, металлическим звучанием. Он был сыном бухарского принца, внуком эмира бухарского, а свою фамилию получил от отчима. В облике Церетелли очень чувствовался восток. В одних ролях он этим мастерски пользовался, в других – искусно преодолевал» (А.Г. Коонен. *Страницы жизни*. Москва: Искусство, 1985, с. 217).

<sup>3</sup> *Фамира-Кифаред* – легендарный спектакль Камерного театра, поставленный А.Я. Таировым по трагедии Ин. Анненского, в котором Н.М. Церетелли исполнял заглавную роль Фамиры. Премьера 2 ноября 1916 года. Спектакль во многом определил эстетику Камерного театра и стал в значительной мере эталонным для режиссерской системы А.Я. Таирова. Это произошло в том числе и благодаря его сотрудничеству с одной из «амазонок авангарда» Александрой Экстер, выступившей сценографом спектакля. «Постановка *Фамиры-Кифарэд*, несомненно, самое значительное явление московской театральной жизни в начале сезона. Я вовсе не хочу этим сказать, что спектакль оправдал все возлагавшиеся на него надежды – слишком своеобразен был замысел, слишком сложна драма Анненского сама по себе, слишком неблагоприятно для больших затей в наше военное время, чтобы все вышло так, как

стого смертного, наделен музыкальным талантом. Он играет на кифаре. Когда Церетелли в одежде, ниспадающей мягкими складками, с лавровым венком на голове, перебирая струны под музыку композитора А. Фортера<sup>4</sup>, звучащую в оркестре, произносил, почти пел стихи, то на сцене затихали нимфы и сатиры, а в зрительном зале люди прислушивались к волнующему голосу, доходившему до самого сердца. Фамира хотел состязаться в своем искусстве с самим богом Апполоном, за что был наказан и ослеплен. Он будет ходить по дорогам и селам со своей кифарой, а его мать, превращенная в птичку, станет указывать ему путь. Во втором акте за сценой раздавался трагический крик большого страдания. На сцену вылетает Фамира, уже ослепленный, с раскинутыми руками, как бы хватаясь за воздух. Мне думается, что в то время в Москве не было другого актера с данными Церетелли, который мог бы с такой глубиной и очарованием сыграть Фамиру Кифаред.

В 1917 году была поставлена Таировым *Саломея* Оскара Уайльда. Советских пьес еще не было. На Большой Никитской в быв. *Ирто*<sup>5</sup>, где была маленькая

---

предполагалось. Но именно ввиду перечисленных обстоятельств даже промахи спектакля интересны, а самый факт его значителен». (Я. Тугендхольд. *Письмо из Москвы*. «Аполлон» 1917, № 1, с. 72–74).

<sup>4</sup> Фортер Анри (1882–1958) – французский дирижер и композитор. В 1915–1920 годах сотрудничал с Камерным театром: написал музыку к спектаклям: *Женитьба Фигаро*, *Сирано де Бержерак*, *Фамира-Кифаред*, *Голубой ковер*, *Король-Арлекин*, *Принцесса Брамбилла*, *Благовещение*. А.Г. Коонен вспоминала: «В ту же пору вступил в нашу семью замечательный композитор и музыкант Анри Фортер. Ему принадлежала музыка к *Фигаро*, *Фамире Кифаред*, *Брамбилле* и ряду других наших спектаклей того времени. Вступив в театр, он сразу же стал одним из самых пламенных приверженцев режиссуры Таирова. Все задачи, которые ставил перед ним Александр Яковлевич, легко и органично входили в сферу его творчества. К сожалению, наше творческое содружество с Фортером оборвалось очень рано. Примерно в двадцатом году его жена, француженка, выросшая в Париже, настояла на их возвращении в Париж. Фортер переживал это трагически. Уезжая, он плакал и говорил, что Россия и Камерный театр стали его второй родиной. Мы встретились с ним через несколько лет во время гастролей Камерного театра в Париже. Это была печальная встреча. Фортер с горечью рассказывал, что в родном городе он никак не может пробиться и сильно бедствует, говорил, что свое пребывание и работу в Камерном театре вспоминает как самую прекрасную пору жизни. Так в житейской суете и неразберихе затерялось прекрасное дарование большого художника». (А.Г. Коонен. *Страницы жизни*. Москва: Искусство, 1985, с. 217–218).

<sup>5</sup> Не получая прибыли от своих постановок, театр не смог расплатиться за арендуемое им помещение на Тверском бульваре и 12 февраля 1917 года оказался на улице. На помощь ему сразу пришло Московское справочно-статистическое бюро (ИРТО). А.Г. Коонен так вспоминает об этом периоде:

«И вот в один воистину прекрасный день рано утром раздался телефонный звонок. Некоторое время я ничего не понимала. Аппарат трещал, шипел, но вдруг сквозь дикий хрип я услышала голос Александра Яковлевича.

– Алиса?! Кричите ура! Сообщаю новый адрес Камерного театра. Записывай-те! Москва, Большая Никитская, дом 19, во вто-о-о-ром дворе.

Телефон снова дико захрипел, и разговор оборвался.

Помещение, в которое мы переехали, принадлежало Российскому театральному обще-

сцена и небольшой зрительный зал, шла впервые *Саломея*<sup>6</sup>. Публика оставалась

ству. Приютили нас здесь при содействии А.А. Яблочкиной и А.И. Южина, которые сердечно и дружески относились к Камерному театру. В этом помещении днем работала актерская биржа, а с четырех часов зал и маленькая сцена предоставлялись нам.

Переселение наше произошло в самый разгар Февральской революции. Театральный муравейник был взбудоражен. Каждый день приносил тысячи новых постановлений, проектов. Как из рога изобилия, сыпались новости и слухи. Скоро мы узнали, что комиссаром всех московских театров был назначен Александр Иванович Южин, а управляющим Большого театра Леонид Витальевич Собинов. Горячо отнеслась актерская братия к решению один день в месяц играть бесплатно, отдавая свой заработок в пользу бывших политзаключенных. За кулисами театров шли бесконечные споры о том, можно ли играть великим постом или нельзя». (А.Г. Коонен. *Страницы жизни*. Москва: Искусство 1985, с. 232).

И далее: «Помещение, в котором нам предстояло играть, оказалось никак не приспособленным для театра. Сцена не имела ни колосников, ни боковых карманов, ни даже кулис. Надо было проявить немалую изобретательность, чтобы ставить здесь спектакли. Крошечная комната, разгороженная занавеской, служила и мужской и женской актерской уборной. Стремянка вела на антресоли. Это было очень остроумное изобретение Таирова. Днем здесь поочередно дежурили Церетелли и Фортер, ведавшие финансовыми и административно-хозяйственными делами, а во время спектакля помещался небольшой оркестр. Технический персонал состоял из одного рабочего и уборщицы. Костюмерной заведовала наша актриса Корнилова, она же была реквизитором. Каждый день в четыре часа, когда биржа кончала работу, мы приходили, открывали окна, чтобы проветрить прокуренный зал, расставляли стулья для публики и обставляли сцену. Первое время мы все работали, не получая денег. С начала сезона, когда в кассу стали поступать скромные средства, они шли на оплату оркестра, технического персонала и на содержание созданного своими силами буфета, который нас очень поддерживал.

Несмотря на трудный быт, на нашей маленькой сцене шла кипучая творческая жизнь. Недостатки сценического устройства вызвали к жизни многие новаторские решения, определившие характер наших постановок того времени. Некоторые из этих находок в дальнейшем прочно вошли в практику театра. (А.Г. Коонен. *Страницы жизни*. Москва: Искусство 1985, с. 234–235).

<sup>6</sup> Премьера спектакля *Саломея* – 9 октября 1917 г. «От Камерного театра ждешь предельных завершений, конструктивной и гармонической точности. *Саломею* А.А. Экстер и А.Я. Таирова можно не принять целиком – любителям театральных феерий с настоящими тиграми. Но те, кто ищут в театре бодлеровских *correspondances*, извинят промахи из возможных и бесспорно талантливых интерпретаций уайльдовской трагедии!» (Наг Инбер. *Саломея*. «Театральная газета» 1917, 18 октября, № 42, с. 5–6).

«Живой иллюстрацией к одушевленной, немного парадоксальной, но искренней речи Таирова была *Саломея* с Коонен. Великолепное зрелище, ничего общего не имеющее с ребячески-беспомощной и аляповато-наивной постановкой *Саломеи* в Малом театре». (Аскольд. *Камерный театр*. «Театр» М. 1917, 14 декабря, № 2075, с. 3).

А.Г. Коонен писала: «22 октября 1917 года спектакль *Саломея* возвестил о втором рождении Камерного театра. Этот спектакль сыграл большую роль в истории нашего театра, так же как и в моей творческой жизни. Александр Яковлевич считал, что большое сценическое произведение не может родиться сразу, без предварительных эскизов, без трамплина. Таким своеобразным трамплином для будущей *Федры* стала *Саломея*. (...)

Спектакль этот принес большую удачу театру, сразу поднял его репутацию в глазах теа-

в пальто и калошах, актеры же на сцене – полуобнаженные играли: сидя, лежа, стоя, не замечая холода. Внутреннее действие спектакля насыщенное большими страстями, борьбой этих страстей, конфликтов заставляла актеров вовлеченных и увлеченных действием забывать о холоде. Музыка в спектакле почти не было, кроме танца Саломеи поставленного М. Мордкиным<sup>7</sup>, который Алиса Георгиевна Коонен исполняла с большим мастерством. Звучала музыка Уайльдковского слова, вовлеченного А.Я. Таировым в закономерную ритмическую форму. Помню, как выходила Саломея в серебряном уборе с маленьким веером в руке. Смотря на луну, она говорила: «Она похожа на серебряную монету, она совсем как маленький серебряный цветок». Голос у Алисы Георгиевны в это время был тоже серебряный, а внизу из глубины раздавался голос Иоканаана, которого в 1919 году играл Н.М. Церетелли. Голос нервный, гневный. Ритмически он как бы разбивал всю атмосферу, царившую на сцене. Несмотря на запрет Ирода, Саломея добивается, чтобы вывели пророка. Появляется Иоканаан, ослепленный светом, с полуопущенной головой. Чистый, целомудренный, неуязвимый в своих верованиях и убеждениях. Таким играл его Н.М. Церетелли. Никакие ухищрения Саломеи не могут его тронуть. Его голос звучит все более гневно, проклиная порок и призывая к покаянию. Те, кто видел Николая Михайловича, рассказывают, что он был очень красив в этой роли. *Саломея* шла 1 ч. 40 м. без перерыва с неизменным вниманием публики.

В Монте-Видео, в Южной Америке хотели, чтобы ее ставили 2-3 раза в день. Другой спектакль *Покрывало Пьеретты*<sup>8</sup> по сценарию Шницлера, музыка ав-

---

тальной Москвы. Волей обстоятельств, вступив в соревнование с Малым театром, мы это соревнование, по общему признанию, выиграли.

В спектакле прекрасно играли почти все актеры. Великолепен был Аркадии – Ирод. Для всех, кто знал этого прекрасного комедийного актера, его выступление в роли, требующей трагической силы, показалось просто чудом. Потрясал зал сильный металлический голос Церетелли – Иоканаана. Очень обаятелен был в роли Сирийца молодой актер Королев. Импозантен в своей первой маленькой роли римлянина Тигеллина был Глубоковский. Прекрасно играла Иродиаду Ненашева.

Оформление *Саломеи* было одной из лучших работ Экстер по экспрессии, темпераменту, по чувству формы.

*Саломею* мы играли очень много. Этот спектакль неизменно собирал полный зал в нашем маленьком театре на Никитской, с успехом шел в других городах и за рубежом». (А.Г. Коонен. *Страницы жизни*. Москва: Искусство 1985, с. 235–238).

<sup>7</sup> Мордкин Михаил Михайлович (1880–1944) – русский танцовщик, солист балета Большого театра, хореограф, балетный педагог. Х.Ф. Бояджиева посещала балетную школу М. Мордкина.

<sup>8</sup> *Покрывало Пьеретты* – один из самых известных спектаклей Таирова, поставленный им еще до Камерного в Свободном театре. Премьера 4 ноября 1913 года. Одним из первых он вошел в репертуар созданного режиссером Камерного театра. В книге *Кто, что, когда в Камерном театре*, изданной к его десятилетию, говорилось, что спектакль *Покрывало Пьеретты* утвердил закон: «Пантомима – основа всякого театрального искусства». (*Кто, что, когда в Камерном театре*. Москва, 1914–1924, с. 9).

«Единодушно признано, что *Покрывало Пьеретты* есть первая постановка [Свободного театра], о которой можно серьезно говорить, которая действительно отражает творческое

стрийского композитора Донани<sup>9</sup>. В продолжение многих лет Николай Михайлович Церетелли и Алиса Георгиевна Коонен неизменно очаровывали зрителей своей игрой. Пьеро и Пьеретта любят друг друга, но родители выдают ее замуж за богатого Арлекина. Пьеро грустит, ничто не может его утешить. Неожиданно в мансарде появляется Пьеретта в подвеночном покрывале, это были брюссельские кружева. Начинаясь замечательная сцена двух актеров, тренированных, прекрасно владевших движением, жестом, мимикой, внутренне наполненных. Это была песня любви и отчаяния. Пьеро предлагает выпить яд. Он наливает бокал, высыпает яд и выпивает свой бокал. Когда он видит, что Пьеретта колеблется, он выбивает бокал из ее руки и, умирая, падает к ее ногам. Николай Михайлович был необычайно пластичен от природы. Его движения, последую-

---

горение режиссера, а не бросает в лицо публике одно лишь стремление сделать 'почуднее', сделать так, как до сих пор не было сделано». (Борный. *Покрывало Пьеретты в Свободном театре*. «Актер» 1913, № 5, с. 2-4).

Но прозвучали и критические отзывы на этот спектакль и на работу в нем Н.М. Церетелли: «В характере постановки на сцене Свободного театра... сказывается стремление к внутренней монументальности, к отяжелению этой вещи углубленными и утонченными переживаниями... Я вынужден отдать предпочтение приему гротеска, примененному в постановке *Шарф Коломбины* Вс. Мейерхольдом, приему углубления трагедии, по пути которого ошибочно пошел сильный и талантливый режиссер Свободного театра А. Я. Таиров». (М. М. Бонч-Томашевский. *Пантомима А. Шницлера в Свободном театре*. «Маски» Москва, 1913–1914, № 2, с. 47).

«Менее подходит Церетелли к роли Пьеро. В характере сценического темперамента артиста есть излом и страсть к подчеркиванию, доведению до грани страдания и резкости интонаций своей пластической выразительности» (Архив ЦНБ СТД).

В этом спектакле Х.Ф. Бояджиева дублировала А.Г. Коонен и выступала, таким образом, партнером Н.М. Церетелли.

А.Г. Коонен вспоминала: «После закрытия Свободного театра группа молодежи, объединившаяся вокруг Таирова во время работы над *Покрывалом Пьеретты* и *Желтой кофтой*, решила не расходиться. Мы часто собирались или у меня, или у Таирова и без конца говорили о том, как организовать свой маленький театр. Как-то после одного из таких разговоров я, Таиров и еще несколько молодых актеров пошли побродить по Тверскому бульвару. И здесь речь, конечно, шла о театре. Я заметила, что Таиров все время поглядывает на особняки вдоль бульвара. Вдруг он остановился.

– Вот здесь, в этом доме, – воскликнул он, показывая на один из особняков, – можно было бы сделать прекрасный театр!» (А.Г. Коонен. *Страницы жизни*. Москва: Искусство, 1985, с. 187).

«*Покрывало Пьеретты*, бывшее как бы зачатком нашего театра, оказалось вообще необыкновенно счастливым спектаклем. Его любили мы, исполнители, любил Таиров. Его любили зрители. Он прошел около тысячи раз. Имел большой успех в ряде городов нашей страны и за рубежом. Интересно, что, вопреки мнению скептиков, считавших, будто пантомима не может быть понятна широким зрителям, он неизменно встречал горячий прием у самой неискушенной публики. (А.Г. Коонен. *Страницы жизни*. Москва: Искусство, 1985, с. 228).

<sup>9</sup> Эрнё Донани (1877–1960) – венгерский композитор, пианист и дирижер. Х.Ф. Бояджиева ошибочно называет его австрийским композитором. Написал в 1910 г. музыку к балету *Покрывало Пьеретты*.

щее от предыдущего, вытекали гармонично, как волны морские, одна за другой. Когда во втором акте Пьеретта танцует с Арлекином гинель-польку – Арлекин замечает, что на ее голове нет свадебного покрывала. Пьеретта ищет покрывало и вдруг видит в окне призрак Пьеро, несущий на вытянутых руках ее покрывало. Здесь не было никакого особенного освещения, никаких иллюзий. Николай Михайлович настолько входил в образ Пьеро, так владел движением, что он становился почти невесомым. И вы действительно видели призрак Пьеро. Многие годы играл Николай Михайлович в *Адриенне Лекуврер*<sup>10</sup>, которую прекрасно

<sup>10</sup> Адриенна Лекуврер – известный и очень популярный у зрителя спектакль Камерного театра. Премьера 25 ноября 1919 года. С неизменным успехом долгие десятилетия эта постановка удерживалась в репертуаре театра.

А.Г. Коонен писала: «Успех спектакля оказался беспримерным. Я играла Адриенну без дублерш почти двадцать девять лет. *Адриенна* была показана по всей стране от Мурманска до Одессы, от Ленинграда до Владивостока, ей аплодировали зрители Рима, Брюсселя, Берлина, Буэнос-Айреса, Парижа. Во Франции, на родине Адриенны, этот спектакль был оценен особенно высоко. В Москве на 750-м представлении *Адриенны* выступил Жан-Ришар Блок. Он сказал: ‘Ваш театр хорошо известен и любим во Франции. Все артисты и люди, понимающие и любящие искусство, знают Александра Таирова – художника-новатора, указывающего новые пути театру... Таиров и Коонен сотворили с этой пьесой чудеса... Мы им дали довольно посредственную мелодраму, а они из нее сделали потрясающую трагедию. Мы им предложили Скриба, а они вернули нам Шекспира.’

В Париже, когда мы приехали туда с гастрольями, я в первый же свободный вечер вместе с Александром Яковлевичем пошла в *Комеди Франсэз* и в антракте зашла в актерское фойе. С глубоким волнением остановилась я перед портретом Адриенны, в короткие мгновения передо мной пронеслась вся трагическая жизнь великой актрисы, жизнь, о которой мне посчастливилось поведать многим и многим тысячам зрителей.

Последним моим спектаклем, после которого навсегда опустился занавес Камерного театра, была *Адриенна Лекуврер*. (А.Г. Коонен. *Страницы жизни*. Москва: Искусство, 1985, с. 252).

«Коонен, мастерски сыгравшая роль Адриенны, и Церетелли, великолепный Морис Саксонский, подошли к теме трагического пафоса явно инспирированные духом Корнеля и Расина. (...) Художнику Фердинандову принадлежат исключительные по красоте костюмы, очень интересная мебель и, пожалуй, слишком причудливый и отвлеченный павильон, – стружки и диски портала казались чрезмерно надуманными. Сценическая площадка уводила актеров в глубину и мало было первых планов. (...) Спектакль имел большой успех, и даже московские театралы, в общем косо смотрящие на достижения Таирова, много аплодировали на генеральной репетиции и вызвали режиссера» (В. Ашмарин. *Театр и искусство*. «Адриенна Лекуврер». «Известия ВЦИК», 1919, 27 ноября, № 345, с. 23.)

«В мужском персонале, несомненно более сильном, чем женский, мы видим крупную величину в лице г. Церетелли, хорошей игре которого несколько вредит манерность исполнения и ненужная местами приподнятость тона» («Театральная газета» 1918, № 31–32, 11 августа, с. 14).

«Нет другого советского спектакля, который жил бы такой долгий срок – четверть века (с 1919 года); память подсказывает лишь два-три спектакля, которые дожили до такого же числа представлений. Но 750-е непрерывное исполнение одной артисткой одной и той же роли в одном и том же спектакле – этого, кажется, вообще не было в истории театра.

Для исполнительницы главной женской роли, и такой трудной, как Адриенна Лекуврер

исполняла Алиса Георгиевна Коонен, графа Мориса Саксонского. Он совершенно не походил на настоящего графа Саксонского, портрет которого мы видели в музеях: широкоплечий, с круглым, приятным лицом и голубыми глазами. Николай Михайлович был блестящим, благородным человеком, привыкшим легко и непринужденно ориентироваться в аристократических салонах. Он фехтовал с большим изяществом владел плащом, что было нелегко, особенно при поклонах почти менуэтного характера. Церетелли строго придерживался стиля эпохи, в которой шло действие пьесы. Он был очень трогателен в конце спектакля в своем большом горе от невозможности помочь любимой женщине, когда на его руках умирала Адриенна Лекуврер.

Н.М. Церетелли был неповторим в пьесе Лотара *Король Арлекин*<sup>11</sup>. Его лицо, выбеленное, как у клоуна, оставалось красивым и одухотворенным. Зрителей поражало гармоническое слияние внутреннего и внешнего образа. Его Арлекин умнее, благороднее, остроумнее и добрее настоящего короля. Внешняя пластичность почти акробатическая, удивляя грациозностью, оставляла в памяти зрителей неизгладимый след.

И, наконец, Мараскин в оперетте Лекока *Жирофле-Жирофля*<sup>12</sup>. Когда Николай Михайлович появлялся на сцене в полуфраке, в цилиндре, в черном трико

(любимая роль Рашели, Сарры Бернар, Элеоноры Дузе), 750-е представление – число не только почетное, но и опасное. Что, если за четверть века роль эта потускнела в красках, поблекла в своей действенности? Что, если в том же гриме и костюме, с теми же словами роли выходит на сцену уже другая артистка, тень прежней? Что, если спектакль этот превратился лишь в одно воспоминание о давно минувшем успехе?

Этого не случилось. Коонен играет Адриенну с той же свежестью чувств, с той же трагической силой» (С. Николаев С. *Адриенна Лекуврер*. «Вечерняя Москва» 1944, 19 июня, с. 4).

<sup>11</sup> *Король-Арлекин* – спектакль, поставленный А.Я. Таировым по пьесе Р. Лотара. Премьера 29 ноября 1917 года. А.К. Коонен в своих мемуарах писала: «*Король Арлекин* в ряде моментов перекликался с идеями и чувствами времени. В очень интересном рисунке, демонстрируя виртуозную пластику, играл Церетелли лицедея, ниспровергающего трон короля. Оформлял спектакль Фердинандов. Это была его первая работа как художника. Конструкция оказалась очень любопытной, хотя технически недостаточно совершенной. (А.Г. Коонен. *Страницы жизни*. Москва: Искусство, 1985, с. 238).

<sup>12</sup> *Жирофле-Жирофля* – спектакль, поставленный А.Я. Таировым по пьесе Ш. Лекока. Премьера 3 октября 1922 года.

«После мучительных блужданий по полям драмы, после конвульсивных гримас всех этих *Благовещений* и *Формик с Федрами* – Камерный театр показал, наконец, бесспорный, прекрасный спектакль. Материалом для работы послужила старая лекоковская оперетка *Жирофле-Жирофля*, текст которой заново переведен и удачно переработан Адуевым и Арго в той средней между 'прозой' и 'поэзией' манере, которой виртуозно владеют Маяковский и Демьян Бедный.

Конструктивизм торжествует здесь по всей линии, – почти по всей... Легкость, целесообразность, координация частей, великолепная дисциплинированность дают организованное выражение свежести трюков, изобретательности и находчивости постановщика, художника (Якулова) и, вероятно, самого последнего сотрудника спектакля» (*Театр и музыка. Оперетка в Камерном*. «Правда» 1922, 11 октября, № 229, с. 5).

А.Г. Коонен писала: «Жанр оперетты особенно подвластен рутине и штампу. Таиров, уйдя

с тросточкой в руке; напевая, грассируя, подтанцовывая, смущаясь, рекомендовал себя родителям невесты с таким очарованием, что мгновенно покорял зрительный зал. Срывал аплодисменты после танца во втором акте.

Он играл, пел, танцевал с такой легкостью, что зрителям казалось, будто для него это не составляет никакого труда. На самом деле при его блестящих способностях каждодневный труд, всевозможные упражнения, занятия. Этот спектакль пользовался большим успехом, как в городах России, так и за рубежом. Люди смеялись, аплодировали, уходили домой радостные, отдохнувшие. Причем в Европе и Южной Америке, не зная русского языка, реагировали в тех же местах, только возможно более бурно. Часто мы играли по 2 спектакля в день, причем второй шел с большим подъемом. В двадцатилетие театра *Жирофле-Жирофля* шел на сцене Большого театра, которая давала возможность большего разлета, а акустические данные – возможность полного звучания. Актеры вылетали на сцену легко, темпераментно. Спектакль прошел с большим успехом. Юбилейные даты театра отмечались торжественно, устраивались капустники, приезжали интересные люди. Среди них Василий Иванович Качалов<sup>13</sup>. На одном из таких капустников Николай Михайлович и Алиса Георгиевна выступали в танце, пантомиме под музыку *Серенады* Дриго<sup>14</sup>. Алиса Георгиевна в длинном черном платье, Николай Михайлович во фраке, который он умел носить. Они чокались бокалами, потом бросали их и начинали танец двух влюбленных. Грациозность, тонкая игра, четкие пластичные движения оставляли чарующее впечатление. Тот, кто видел в их исполнении этот танец-пантомиму вспоминают его как редкое явление в искусстве. Церетелли любили в театре, любили его товарищи, портнихи, одевальщицы. Он занимался с молодыми актерами, вводил их в спектакли, радовался их удачам. Николай Михайлович увлекался глиняной вятской игрушкой, дома у него был целый маленький музей. Когда ему удавалось приобрести новые, он показывал их нам за кулисами и по-детски радовался. У него был очень приятный смех. Мы знаем, что на долю Николая Михайловича выпали большие страдания, последние годы он работал в театре Акимова<sup>15</sup> в Ленинграде. Рассказывают, что во время блокады он делился последним кусочком хлеба. Когда его вывезли уже больного, истощенного, он не выдержал

---

от традиций музыкальной комедии и комической оперы, задумал *Жирофле-Жирофля* как музыкальную эксцентриаду. Фабула оперетты Лекока очень легко входила в этот план. Замысел Таирова был протестом против шаблонов традиционной оперетты, против так называемой венщины. Никаких привычных для оперетты атрибутов: ни ресторанного шика, ни выпевания лирических арий, ни ослепительного блеска туалетов премьерши. Любопытно, что позднее именно в Вене, создавшей целую эпоху в искусстве оперетты, новаторство Таирова было встречено восторженно». (А.Г. Коонен. *Страницы жизни*. Москва: Искусство 1985, с. 271)

<sup>13</sup> Качалов Василий Иванович (наст. фамилия Шверубович, 1875–1948) – артист, стоявший у истоков Художественного театра, ведущий актёр труппы Станиславского, один из первых Народных артистов СССР (1936).

<sup>14</sup> Дриго Риккардо (1846–1930) – итальянский и российский композитор и дирижер. Дирижер Итальянской оперы в Санкт-Петербурге, дирижер и композитор в Марининском театре.

<sup>15</sup> Театр комедии, долгие годы возглавляемый выдающимся режиссером и художником Н.П. Акимовым. После его смерти был переименован в Театр комедии имени Н.П. Акимова.



и умер в Кирове от дистрофии. Галина Сергеевна Киреевская<sup>16</sup>, актриса театра, говорила мне, что доктор Фрадкина, с которой она проживала в одной квартире рассказывала, что она присутствовала при последних минутах жизни Николая Михайловича. Он очень страдал. На столике возле кровати стоял маленький бюст Пушкина, с которым он никогда не расставался<sup>17</sup>.

В моей памяти Николай Михайлович остался молодым, красивым, пленительным на сцене – простым и добрым в жизни. В течение многих лет он щедро и тепло отдавал себя зрительному залу, вызывая в нем чувство радости, сочувствия, восхищения. Чувства, которые так необходимы людям, чувства, которые дают людям силы жить.

Я благодарю Николая Михайловича за то, что он вызывал во мне эти чувства.

Х. Бояджиева  
1976 г.

## Литература

- Коонен А.Г. *Страницы жизни*. Москва: Искусство, 1985.  
 Тугендхольд Я.А. *Письмо из Москвы*. «Аполлон». 1917, № 1, с. 72–74.  
 Инбер Н. *Саломея*. «Театральная газета». 1917, 18 октября, № 42, с. 5–6.  
 Аскольд. *Камерный театр*. «Театр». 1917, 14 декабря, № 2075, с. 3.  
*Кто, что, когда в Камерном театре*. Москва, 1914–1924, с. 9.  
 Борный. *Покрывало Пьеретты в Свободном театре*. «Актер» 1913, № 5, с. 2–4.  
 Бонч-Томашевский М.М. *Пантомима А. Шницлера в Свободном театре*. «Маски». Москва, 1913–1914, № 2, с. 47.  
 «Известия ВЦИК». 1919, 27 ноября, № 345, с. 23.

<sup>16</sup> Г.С. Киреевская – актриса Камерного театра и близкая подруга Х.Ф. Бояджиевой.

<sup>17</sup> О последних мгновениях жизни Н.М. Церетелли оставил воспоминания артист Камерного театра Ю.О. Хмельницкий: «Мне потом рассказывали о его ужасной жизни в блокадном городе. В последней стадии дистрофии его срочно, самолетом вывезли из Ленинграда. В Кирове сняли с самолета и поместили в госпиталь, так как дальше уже нельзя было везти. Я узнал о последних минутах его жизни. У него был любимый маленький бюстик Пушкина, с которым он никогда не расставался. Когда его увозили из Ленинграда, никаких вещей с собой он не взял, может быть, для этого у него уже не было сил, а вот Пушкина он захватил, и в госпитале на тумбочке у кровати, на которой лежал Церетелли, стоял этот бюст. Женщина-врач, обходя больных, прочитав у изголовья кровати табличку с фамилией больного, спросила лежащего без движения человека с провалившимися глазами, с огромной, черной с проседью бородой: ‘Скажите, пожалуйста, в Москве когда-то был очень известный и популярный артист Церетелли, вы случайно не его родственник?’ Едва слышно он ответил: ‘Только никому не говори-те – это я!’ Закрыв глаза, глубоко вздохнул и перестал дышать.

Так трагически закончилась жизнь артиста, дарившего людям свое жизнерадостное, оптимистическое, яркое и талантливое искусство» (Ю.О. Хмельницкий. *Из записок актера тауровского театра*. Москва: ГИТИС, 2004, с. 136).

«Театральная газета». 1918, № 31-32, 11 августа, с. 14.

Николаев С. *Адриенна Лекуврер*. «Вечерняя Москва». 1944, 19 июня, с. 4.

*Театр и музыка. Оперетка в Камерном*. «Правда». 1922, 11 октября, № 229, с. 5.

Хмельницкий Ю.О. *Из записок актера таировского театра*. Москва: ГИТИС, 2004.

## PATRIOTA POWSZECHNEGO ABSURDU<sup>1</sup>. IN MEMORIAM WADIM SIDUR

ZBIGNIEW T. SZMURŁO

Wyższa Szkoła Bezpieczeństwa z siedzibą w Poznaniu  
Wydział Nauk Społecznych w Giżycku  
Katedra Nauk Humanistycznych  
ul. Orzeszkowej 1, 60–778 Poznań  
e-mail: [pressart@poczta.onet.pl](mailto:pressart@poczta.onet.pl)  
(nadesłano 09.09.2016; zaakceptowano 10.10.2016)

### **Abstract**

#### **The Patriot of the Universal Nonsense in Memoriam Vadim Sidur**

The article is devoted to the works of the Moscow artist, Vadim Sidur, on the occasion of the 30th anniversary of his death. Vadim Sidur (1924–1986), an outstanding Soviet artist – a sculptor, a graphic artist and also a sensitive poet and prose writer, remained unknown for many decades. His works were barely tolerated in the Soviet Union. At present, he is considered an avant-garde artist, but his compositions still provoke and even trigger aggression. In Poland, his works are waiting for the full exploration and for presentation in exhibition showrooms.

### **Key words**

Soviet Union, Russia, Poland, the art, the sculpture, the poetry, Vadim Sidur, Grob-Art, the anniversary of the death.

---

<sup>1</sup> Л. Лернер. *Взывающий*. «Еврейский Обозреватель» 2014, nr 11 (263), s. 16.

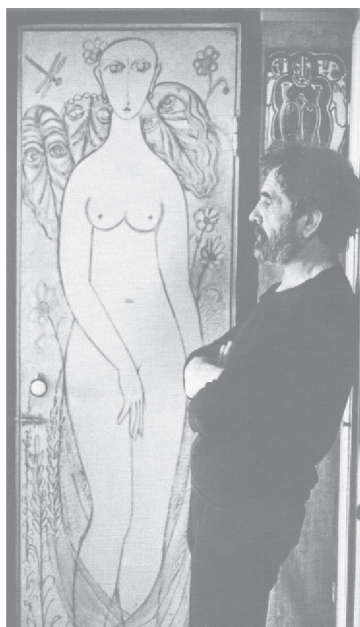
## Abstrakt

W artykule zostaje przypomniana twórczość moskiewskiego artysty Wadima Sidura w 30 rocznicę śmierci. Wadim Sidur (1924–1986) wybitny radziecki twórca – rzeźbiarz, grafik, rysownik, a także wrażliwy poeta i autor utworów prozatorskich – przez wiele dziesięcioleci był nieznany. Jego twórczość była zaledwie tolerowana w Związku Radzieckim. Obecnie jest zaliczany do grona artystów awangardowych, ale jego dzieła nadal prowokują i wywołują nawet agresję. W Polsce jego twórczość czeka na pełne odkrycie i zaprezentowanie w salonach wystawowych.

## Słowa kluczowe

Związek Radziecki, Rosja, Polska, sztuka, rzeźba, poezja, Wadim Sidur, Grob-Art, rocznica śmierci.

*Умрут все  
Никто не воскреснет  
Только Лето вернется  
Если войны не будет<sup>2</sup>.*



Fot. 1. Wadim Sidur na tle kompozycji „Zuzanna i starcy”, 1976

W tym roku minęła trzydziesta rocznica śmierci Wadima Sidura (fot. 1), wybitnego radzieckiego rzeźbiarza, grafika, wrażliwego poety i autora utworów prozatorskich,

<sup>2</sup> В. Сидур. \*\*\* (Умрут все). [W:] *Самая счастливая осень. Стихотворения 1983–1986 гг.* Москва: Отдел культуры исполкома Перовского райсовета, 1990, s. 93.

a także – jak trafnie zauważył Leonid Lerner – „patrioty powszechnego absurdu”<sup>3</sup>. Sidur zmarł 26 czerwca 1986 roku – dwa dni przed sześćdziesiątymi drugimi urodzina-  
nami<sup>4</sup>.

Trzeba przyznać, iż trzydzieści lat po śmierci Sidura on sam i jego twórczość w Polsce wciąż nie są dobrze znane. Zaledwie kilku badaczy zdecydowało się zająć analizą i przybliżaniem jego artystycznej spuścizny, jednakże pomimo upływu lat nie zorganizowano ani jednej wystawy prezentującej artystyczny dorobek tego interdyscyplinarnego twórcy. W propagowaniu dorobku artysty dużą rolę odegrała prof. Joanna Mianowska, jej liczne publikacje<sup>5</sup>, głównie w języku rosyjskim, które w interesujący sposób wprowadzają czytelników w świat Sidura.

Znamienne jest to, że przez długi okres widoczny był w Polsce brak zainteresowania zadziwiającym fenomenem artystycznym, jakim jest twórczość artystyczna Sidura, który znany był wąskiemu gronu polskich badaczy kultury rosyjskiej. W latach sześćdziesiątych o twórczej postawie i dokonaniach Sidura pisano w czasopiśmie na Węgrzech<sup>6</sup>, Czechosłowacji<sup>7</sup> czy Jugosławii<sup>8</sup>, w polskiej prasie ukazało się natomiast zaledwie kilka tekstów. W 1985 roku napisał o Sidurze anonimowo Lucjan Suchanek. Jego tekst ukazał się w krakowskim dwumiesięczniku literacko-politycznym „Arka”, który początkowo (w latach 1983–1990) ukazywał się poza cenzurą<sup>9</sup>. Z kolei w pierwszej rocznicę śmierci artysty wspominał o twórczości Sidura Andrzej Drawicz<sup>10</sup>, który od lat znał go, cenił też jego postawę: „Dima Sidur okazał się twardym i prawdziwym artystą”<sup>11</sup>, podobały mu się także Sidurowskie rzeźby w przeciwieństwie do rzeźb ciepszącego się dużą popularnością Ernesta Nieizwiastnego, który odważył się przeciwstawić publicznie Nikicie Chruszczowowi:

[...] rzeźby mi się nie podobały. Odczułem je jako zbyt ekspresjonistyczne, wrzaskliwe i przegadane spiętrzeniem natrętniej symboliki. Może dlatego, że na krótko przedtem obejrzałem

<sup>3</sup> Л. Лернер. *Взывающий...*, s. 16.

<sup>4</sup> Wadim Sidur został pochowany na cmentarzu w Pieriedielkino obok grobu rodziców, dla których stworzył i ustawił rzeźbę-nagrobek. Jej model posłużył, już po śmierci artysty, do realizacji pomnika „Tym, którzy zostali bez pochówku” ustawionego w Moskwie.

<sup>5</sup> J. Mianowska. *Świat Wadima Sidura (Мир Вадима Сидура)*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1999; Eadem. *В. Сидур – эмиграция внутрь себя*. „Studia Rossica”, t. 10: *O literaturze rosyjskiej nowej i dawnej*. Red. W. Skrunda. Warszawa 2000; Eadem. *Диссидентство Вадима Сидура в контексте его переписки с Карлом Аймермахером*. „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica” 2008, nr 8, s. 121–132; Eadem. *Диссидентство по-сидуrowsки*. [W:] В. Гопман и др. (ред.). *Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен. Материалы международной научной конференции*. Москва: Новый Гуманитарный Университет Натальи Несгеровой 2003, s. 226–235; Eadem. *Wadim Sidur*. [W:] J. Mianowska. *Rosyjska literatura emigracyjna i literatura rosyjskiej opozycji wewnętrznej w komentarzach*. Bydgoszcz: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1998, s. 107–143.

<sup>6</sup> Z. Rab. *Vadyim Szidurnal*. „Űj Írás” 1970, nr 3.

<sup>7</sup> J. Bob. *Tvar súčasníka*. „Kultúrny život”, 21.05.1965.

<sup>8</sup> S. Maleša. *Sve ljubavi Vадима Sidura*. „Osvobodenje” 29.04.1968.

<sup>9</sup> L. Suchanek. /anonimowo/. *Wadim Sidur*. „Arka” 1985, nr 11, s. 114–116.

<sup>10</sup> A. Drawicz. *Pamięci Dimy Sidura (1924–1986)*. „Tygodnik Powszechny” 1987, nr 30.

<sup>11</sup> A. Drawicz. *Pocztunek na mrozie*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie 1990, s. 68.

lakonicznie wyraziste formy Dimy Sidura. Potem dowiedziałem się skądinąd, że Niezwiasty też umie być bardzo zwięzły, niemal ascetyczny. Ale nie wtedy<sup>12</sup>.

Twórczość Sidura nie jest dobrze znana nawet wśród polskich krytyków artystycznych. Jeszcze gorzej było, jak stwierdza Joanna Mianowska, w latach osiemdziesiątych ubiegłego wieku:

В Польше Сидур общеизвестен не был. Лишь во второй половине 1980-х годов в Гданьском университете была написана о нем магистерская работа, затем в 1986 году в Эльблонге состоялась персональная выставка его работ. Имя Сидура прозвучало и на страницах журнала «Тыгель»<sup>13</sup>.

W lipcu 1988 roku Julia Sidur otrzymała egzemplarz pracy magisterskiej<sup>14</sup> obronionej na Uniwersytecie Gdańskim, która w założeniach miała przybliżyć w Polsce dokonania tego moskiewskiego rzeźbiarza i artysty, w zasadzie u nas nieznanego.

We wspomnianym przez Mianowską „Tyglu. Kwartalniku Elbląskim” pojawiły się artykuły o twórczości Sidura. W Elblągu udało się również przygotować kilka przedsięwzięć, które usiływały wydobyć z niepamięci postać Sidura i jego twórcze dokonania. W czerwcu 1986 roku kilkanaście fotogramów prac Sidura pokazano na wystawie „Sztuka bez granic. Aktualne zjawiska i tendencje sztuki światowej”, która została przygotowana przez Centrum Sztuki – Galerię EL. Kilka tygodni po śmierci Sidura na łamach sobotniego wydania „Dziennika Bałtyckiego” został opublikowany artykuł przybliżający sylwetkę i twórcze dokonania artysty<sup>15</sup>. Wystawę „Twórczość Wadima Sidura w dokumentacji fotograficznej Eduarda Gładkowa” można było oglądać już w listopadzie 1986 roku w elbląskiej Galerii Sztuki Współczesnej „UNI-ART”<sup>16</sup>. Zawartość tej wystawy wraz z referatem na temat sztuki Sidura zaprezentowano na sympozjum naukowym „Radziecka awangarda literacka lat dwudziestych i jej kontynuacje”, zorganizowanym przez Zakład Literatury Rosyjskiej i Radzieckiej Instytutu Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej<sup>17</sup>.

Po ukończeniu studiów w Stroganowce<sup>18</sup> Sidur prezentował swoje prace na wystawach zbiorowych, które były przyjmowane i oceniane krytycznie, a wręcz negatyw-

<sup>12</sup> Ibidem, s. 101.

<sup>13</sup> J. Mianowska. *Вадим Сидур и Карл Аймермахер «О деталях поговорим при свидании...»* [Recenzja książki]. „Polilog. Studia Neofilologiczne” 2014, nr 4, s. 317.

<sup>14</sup> Z.T. Szmurło. *Twórczość Wadima Sidura*. Praca magisterska napisana w Zakładzie Historii Literatury Rosyjskiej i Radzieckiej Instytutu Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego pod kierunkiem dra Jerzego Godwoda. Gdańsk 1988. Recenzentem pracy był dr Zbigniew Żakiewicz. Zafascynowany twórczością Wadima Sidura był również zmarły w kwietniu 2016 roku prof. dr hab. Henryk (Żeńka) Łatyszew – językoznawca, literaturoznawca, znawca literatury rosyjskiej i wieloletni wykładowca Instytutu Filologii Rosyjskiej Uniwersytetu Gdańskiego. Prowadząc niekonwencjonalne zajęcia ze studentami, starał się propagować współczesną kulturę Kraju Rad. Dzięki niemu jesienią 1983 roku studenci rusycystyki Uniwersytetu Gdańskiego zawitali w pracowni Wadima Sidura.

<sup>15</sup> Z.T. Szmurło. *W pracowni rzeźbiarza*. „Dziennik Bałtycki” 01.08.1986.

<sup>16</sup> Z.T. Szmurło. *Sztuka naszych przyjaciół*. „Kwartalnik Galeria EL” 1988, nr 16, s. 78.

<sup>17</sup> Uniwersytet Gdański, 12–13.12.1986.

<sup>18</sup> Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское). Jedna z najstarszych artystycznych uczelni Rosji została założona w 1825 r. przez hrabiego Siergieja G.

nie<sup>19</sup>, gdyż proponowane wartości absolutnie nie odpowiadały założeniom preferowanym przez władze. Radzieccy krytycy dostrzegali we wczesnych erotycznych rzeźbach Sidura tylko nadmierne zafascynowanie ich autora czysto formalnymi, zewnętrznymi środkami artystycznego wyrazu. Głównym zarzutem był brak idei<sup>20</sup> będącej odbiciem narzuconych wartości realizmu socjalistycznego, a idea musiała być przecież zgodna z linią komunistycznej partii.

Sidur przez wiele dziesięcioleci realizował z uporem swoje artystyczne przesłanie-misję:

[...] выстроил собственную философию, в центре которой художник-пророк, чья миссия – предупредить людей о грядущих глобальных катастрофах<sup>21</sup>.

W samotności, z dala od sal wystawowych, w jego piwnicy-pracowni powstawały rzeźby o niezwyklej sile wyrazu, stojące w jawnej opozycji do obowiązujących kanonów sztuki radzieckiego realizmu socjalistycznego; jego odczuwania świata, a przede wszystkim jego sztuki nie akceptowano. Społeczeństwo, umiejętnie zwodzone i sterowane przez partyjnych aparatczyków i ideologów, nie знаło jego dokonań. Praktycznie do ostatnich dni swojego życia pozostawał w cieniu innych – był w swojej ojczyźnie nieznanym.

Owcześni radzieccy krytycy sztuki nie bardzo potrafili zaszufladkować jego artystyczne działania. Jakąż trzeba było mieć wewnętrzną siłę i pragnienie tworzenia, opowiadania o tragizmie życia mimo świadomości, że stworzone rzeźby, rysunki, grafiki nie zaistnieją w salach wystawowych<sup>22</sup>:

До самой смерти скульптора созданные им образы томились в подвале – легендарной мастерской, куда ежедневно спускались ученые, писатели, художники (Юрий Трифонов и Василий Шукшин, Булат Окуджава и Виктор Некрасов, Юрий Любимов и Милош Фор-

---

Stroganowa (1794–1882), rosyjskiego działacza państwowego, archeologa, mecenasa kultury i kolekcjonera. W swojej historii uczelnia nosiła wiele nazw, od 2009 roku – Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова (МГХПА им. С.Г. Строганова). Por. З.Н. Быков (ред.). *Московское Высшее Художественно-Промышленное Училище (бывшее Строгановское). (1825–1965)*. Москва: Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР, 1965; Е.Н. Шульгина, И.А. Пронина. *История Строгановского училища. 1825–1918. Российская академия художеств*. Москва: ООО ТИД Русское слово-РС, 2002; О.Л. Голубева, А.Н. Лаврентьев, А.Н. Бурганов, В.П. Бурый, Н.Н. Ганцева. *Строгановская школа композиции. К 180-летию основания МГХПУ им. С.Г. Строганова*. Москва: «Сварог и К», 2005; А.Н. Лаврентьев (ред.), А.В. Сазиков, С.В. Курасов, Е.А. Заева-Бурдонская. *Строгановка. 190 лет русского дизайна*. Москва: Русский мир, 2016.

<sup>19</sup> М. Мармелова. *В этом ли истоки нового?* «Советская Культура», 25.09.1956; В. Зименко. *Пути и перепутья*. «Советская Культура» 1957, № 97; Г. Кучеренко. *Есть ли вообще современный стиль?*. «Советская Культура», 05.01.1963.

<sup>20</sup> Г. Абовина. *Крепящее мастерство ваяния*. «Советская культура» 18.05.1957, s. 2.

<sup>21</sup> М. Сидур. *Вывставка в галерее журнала «Знамя», 2002 год, ноябрь, «МИФ ВАДИМА СИДУРА» (к 10-летию журнальной публикации «Памятника современному состоянию»)*. [Online:] <<http://znamlit.ru/gallery.html?id=3>> (dostęp: 15.09.2016).

<sup>22</sup> Por. Z.T. Szmurło. *Wadim Sidur – rzeźbiarz i poeta*. „Tygiel. Kwartalnik Elbląski” 1994, nr 12, s. 22.

ман) ...и агенты КГБ. Те, от кого приходили с Лубянки, подозревали автора скульптур в патологическом интересе к войне, насилию и жестокости. «Это не интерес, даже не долг, – отвечал Сидур, – а жизненная необходимость. Многие годы я пытаюсь освободиться от того, что переполняло меня [...]»<sup>23</sup>.

W pracowni Sidura mieszczącej się w piwnicznych pomieszczeniach domu przy Komsomolskim prospekcie, sąsiadującym z XVII-wieczną cerkwią Nikoły w „Chamownikach” (1676–1682), pojawiały się wciąż nowe pomysły kolejnych prac, będących nieodzownym elementem mistycznego, prowokującego i zarazem tragicznego świata. Świat Sidura to ustawiczna ucieczka – przed śmiercią, wykluczeniem, twórczym odizolowaniem:

Мастерская в подвале на Комсомольском проспекте, 5, была своего рода культурной биржей. Бывали там, кроме тех, кого вы назвали, также и Аксенов, и Евтушенко, Копелев, Войнович, Юрий Любимов, Вениамин Смехов, физики Виталий Гинзбург (будущий лауреат Нобелевской премии), врачи, композиторы и дирижеры. Подвальные дискуссии привлекали и киношников, и видных прогрессивных деятелей культуры из Восточной и Западной Европы, которые оказывались в Москве. Они обсуждали текущие проблемы и современного искусства, кино, театра и вообще культурно-политических проблем вне официальной доктрины. А если встречались люди поколения Сидура, то нередко вспоминали войну с разных точек окопов, где почти каждый из них участвовал и был ранен... Интересно, что все дискуссии проходили мирно, дружелюбно и с всеобщим отвращением к ужасам войны<sup>24</sup>.

Twórca niepokorny, poszukujący wyjścia z kręgu współczesnych mu absurdów, zmagał się z cieniem wojny, podczas której został ranny i cudem przywrócony życiu. Wadim Abramowicz Sidur (urodzony 28 czerwca 1924 roku w Jekatierinosławiu<sup>25</sup> / Dniepropetrowsku) pomimo odniesionych kontuzji, co miało wpływ na jego zdrowie, zmagał się ze swoimi słabościami i odizolowaniem (fot. 2).

Sidur szukał najbardziej adekwatnego języka środków artystycznego wyrazu dla przekazania swojego przesłania tym wszystkim, którzy żyją i będą żyć w świecie pełnym absurdów i ustawicznego strachu. Jak konstatuje wspomniany już Lerner:

Так началась его война с войной. Первым из скульпторов своего времени он осознал, что после ужасов XX века говорить на языке Родена уже нельзя. Его путь к металлу, материалу, в котором он смог выразить себя до конца, в работе с которым его космиче-

<sup>23</sup> Л. Лернер. *Взывающий...*, s. 16.

<sup>24</sup> А. Андреевская. *Памятник современному состоянию*. (Интервью у К. Аймермахера). [Online:] <<http://www.tverkult.ru/pamyatnik-sovremennomu-sostoyaniyu/>> (dostęp: 01.09.2016).

<sup>25</sup> «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Народный комиссариат внутренних дел. Выпись о рождении № 3155. Настоящим свидетельствуется, что в книге записей о рождении № 26 за 1924 год в ЗАГСе № 1 при губисполкоме совершена: запись за № 1812 про рождение мальчика по имени ВАДИМ, по отчеству АБРАМОВИЧ, по фамилии СИДУР, родившийся 28 дня июня месяца в 1924 году в Екатеринославе. Отцом является гражданин АБРАМ ИУДОВИЧ СИДУР, а матерью гражданка ЗИНАИДА ИВАНОВНА СИДУР. Все вышеизложенное подписями и приложением печати удостоверяется». [W:] В. Сидур. *Памятник современному состоянию*. Миф. Москва: Вагриус 2002, s. 45.





Fot. 2. Inwalida, 1964

ская фантазия переплелась с необычайно жестким, точным и логичным мышлением, начинался с канализационных труб<sup>26</sup>.

Sidor starał się odnaleźć w trudnej radzieckiej rzeczywistości. Nagromadzone w nim wojenne przeżycia w zestawieniu z trudną do zaakceptowania odhumanizowaną ideologią były czynnikiem sprawczym ustawicznego szukania i odnajdywania najbardziej adekwatnych do postawionych zadań form artystycznego wyrazu – przesłania do człowieka jako do istoty chorej<sup>27</sup>.

W umęczonym ciele wzburzony żywioł – w przypadku życia i twórczości Sidura – to bogactwo ścierających się i jednocześnie wyraziście dopełniających się żywiołów. Efekty tego procesu – rzeźby i rysunki – przez wiele lat gromadzone były w jednej przestrzeni pracowni. Piwniczne pomieszczenia wypełniały rzeźby i płaskorzeźby, poustawiane, a właściwie poupychane dzieła: metalowe odlewy małych rozmiarów, gipsowe płaskorzeźby na biblijne tematy, wykreowani z rur kanalizacyjnych prorocy w kapeluszach, a przede wszystkim monumentalne, ciągle uzupełniane, właściwie niedokończone nigdy „Współczesne ukrzyżowanie” (fot. 3). Wywierały silne wrażenie na każdym, kto miał szczęście być wprowadzony w artystyczny świat Sidura. Mistyczny klimat wzmacniały fotografie Sidurowskiej krainy autorstwa wybitnego moskiewskiego fotografika Eduarda Gładkowa, zamieszczane w różnych katalogach i książkach publikowanych za granicą. Gładkow jak mało kto poznał prace Sidura i z aparatem fotograficznym w ręku śledził procesy jego twórczych poszukiwań<sup>28</sup>.

Na początku lat osiemdziesiątych ubiegłego wieku stan zdrowia artysty mocno się pogorszył, co też bardzo wyraźnie przeszkadzało mu w dalszych działaniach:

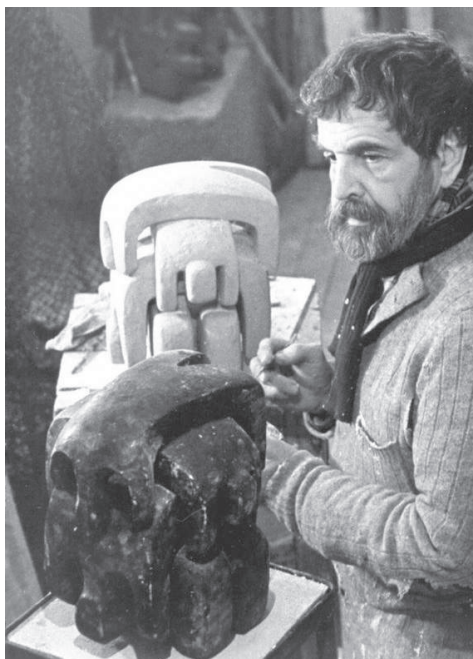
<sup>26</sup> Л. Лернер. *Взывающий...*, s. 16.

<sup>27</sup> Por. A. Jakimowicz. *Współczesna eschatologia Rosji i zachodu. Wygodny obóz koncentracyjny czy niewygodny łagier?* „Kamena” 1991, nr 2, s. 28.

<sup>28</sup> Por. Э. Гладков. *И создал ГРОБ-АРТ. Фотоальбом о жизни и творчестве замечательного художника В. Сидура*. Москва: Радуница, 1998.



Fot. 3. Artysta w pracowni



Fot. 4. Wadim Sidur i rzeźba „Treblinka”

В 1984 году, оправившись немного от второго инфаркта, Вадим Сидур продолжал работу над акварелями и рисунками. Заниматься скульптурой ему было уже не под силу. В 1985 году он опять написал несколько стихотворений, касающихся неизбежного расставания с жизнью:

Петля Времени  
 Пуповина смерти  
 Железный ошейник  
 Гаррота  
 Душат каждого  
 Весь его срок  
 Сломен  
 Жизни седьмой позвонок..

В начале 1986 года Вадим Сидур, преодолевая болезнь, ненадолго возвращается к скульптуре. Из ваты и белой простынной ткани он создает почти в натуре три длинные, условные женские фигуры<sup>29</sup>.

Pracował do ostatnich swoich dni. Chciał jak najwięcej stworzyć – nie potrafił inaczej żyć, jego naturą było pokazywanie siebie jako medium i twórcze wydobywanie z siebie siły sprawczej poszukiwań. Kiedy choroba nie pozwalała mu zestawiać rzeźbiarskich kompozycji, ucieczką, schronieniem i swoistym dopełnieniem stawały się wiersze:

<sup>29</sup> Ю. Сидур. *Послесловие*. [W:] *Самая счастливая осень...*, s. 156.

Ночной приступ  
 Словно крепость берешь на приступ  
 Находясь между жизнью и смертью  
 Утром кровь из пальца и сноваприступ  
 И анализ Сито  
 Есть ли в моче эритроциты  
 Но пока есть желание сочинять стихи  
 Значит я еще не умер  
 Или в значительной степени жив  
 Внутри меня бурит стихия  
 Ее отражение – пишу стихи я<sup>30</sup>.

Wadim Sidur regularnie korespondował z prof. Karlem Eimermacherem, a efektem 15-letniej wymiany listów jest niezwykle interesujący ich zbiór, dzięki któremu można poznać wiele interesujących szczegółów dotyczących jego życia, twórczości, a także poglądów. W listach zawarte są zarówno liczne komentarze do aktualnie powstających prac, jak również pomysły, idee, marzenia i pragnienia<sup>31</sup>. Po jego śmierci porządkowaniem pozostawionej spuścizny zajęła się Julia Sidur (1940–2006)<sup>32</sup>, żona artysty<sup>33</sup>, która kontynuowała korespondencję z niemieckim badaczem. W sierpniu 1986 roku napisała do Eimermachera:

Получила письмо от Готфрида, Бианки из Тюбингена и Збигнева Томаша Шмурло. Один Збигнев не знал, что Дима умер. Он написал Диме письмо, что пишет диплом на тему: «Вадим Сидур, путь к Гроб-Арту». Он написал также, что приедет в Москву и просит о свидании, потому что написал очень много статей о Димином творчестве, и у него есть к нему вопросы. Потом Збышек приехал в Москву в конце июля и узнал от Эдика о Диминой смерти. Он был здесь всего два дня, мне не дозволился, я как раз общалась с москховцами. И только когда он уехал обратно в Польшу, я получила по нормальной почте его письмо, оно шло так долго, как будто он писал не из Польши, а с Луны. Это лишний раз доказывает, что обычная переписка по нашей почте искусственно затруднена и длится столь же долго, как при Петре Первом. Но в те времена все делалось, чтобы ускорить переписку, а у нас – чтобы замедлить. Поэтому я не уверена, что письмо, которое я ему

<sup>30</sup> В. Сидур. \*\*\* (*Ночной приступ*). [W:] *Самая счастливая осень...*, s. 145.

<sup>31</sup> В. Сидур и К. Аймермахер. «*О деталях поговорим при свидании...*». Переписка, составление, подготовка текста и комментарии В. Волонникова. Москва: РОССПЭН 2004.

<sup>32</sup> Г. Геннис, Н. Нольде. *Она помогла дару. Не стало Юлии Сидур – вдовы художника, скульптора, прозаика и поэта – Вадима Сидура*. «Новая Газета» 2006, № 68. [Online:] <<http://2006.novayagazeta.ru/nomer/2006/68n/n68n-s27.shtml>> (dostęp: 01.09.2016).

<sup>33</sup> Julia Sidur przez wiele lat uczyła języka francuskiego w moskiewskiej szkole. Była nie tylko żoną i towarzyszem artystycznych zmagani Wadima Sidura, ale z czasem stała się jego pomocnikiem. W 1972 roku przestała uczyć i do 1986 roku współuczestniczyła w tworzeniu rzeźb (работала «неквалифицированным помощником собственного мужа»). Po latach ujawnił się jej talent pisarski. Jest autorką kilku książek (*Роза Террестриэл*, 2003; *Пришелец и пенсионерка*, 2005; *Человек прозрачный*, 2006). Prowadziła także dziennik, w którym zawarła wiele interesujących informacji o życiu i tworzeniu w Sidurowskiej pracowni, a także opisała wizyty wybitnych twórców i uczonych odwiedzających piwnicę. Znalazły się tam również fakty z życia inteligencji i twórców. Zob. Ю. Сидур. «*Время, когда не пишут дневников и писем...*». *Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973*. Москва АИРО-XXI – Санкт-Петербург: Алетей, 2015.

написала, вообще дойдет до него. Но, в принципе, я очень рада, что этот молодой человек занимается серьезно в Польше Диминым творчеством. Карлуша, я знаю, что у тебя есть его координаты, может быть, тебе стоит еще раз войти с ним в контакт? Он очень серьезный и симпатичный молодой человек<sup>34</sup>.

Za życia Sidur miał tylko jedną wystawę indywidualną w 1968 roku. W radzieckim państwie swoje prace mógł pokazywać tylko na wystawach zbiorowych, jednak nie był na nie zapraszany zbyt często. Z kolei na Zachodzie, dzięki działaniom propagatorskim prof. Eimermachera twórczość moskiewskiego rzeźbiarza była rozpoznawana i ceniona. W 1971 roku niemiecki sławista zorganizował pierwszą wystawę indywidualną prac Sidura w szwajcarskim Frauenfeld. Poza granicami Związku Radzieckiego publikowane były albumy z fotografiami jego prac, monografie i omówienia. Bardzo chętnie ustawiano też duże rzeźbiarskie kompozycje – powiększone wersje wcześniejszych rzeźb – na skwerach europejskich miast. Większość z nich doskonale wpisuje się w przestrzeń publiczną wielu miast niemieckich<sup>35</sup>. W Moskwie udało się Sidurowi zrealizować ustawienie tylko dwóch struktur rzeźbiarskich<sup>36</sup>. Niektóre jego rzeźby stały się nagrobkami wybitnych postaci radzieckiego życia naukowego i artystycznego i można je było oglądać na cmentarzach w Moskwie (Cmentarz Nowodiewiczij<sup>37</sup>) i w Pieriedielkino<sup>38</sup>. Dzisiaj Sidur uważany jest za klasyka radzieckiej (rosyjskiej) sztuki awangardowej. Stworzone przez niego dzieła znajdują się w zbiorach muzeów, o jego twórczości można przeczytać w książkach i encyklopediach. W Moskwie istnieje też Muzeum Wadima Sidura.

Sidur pozostawił bogatą spuściznę artystyczną: rzeźby, grafiki, rysunki. Do najbardziej przejmujących i jednocześnie charakterystycznych jego dzieł należą rzeźby: „Ofiarom bomb” (1965), „Inwalida” (1962) (fot. 2), „Pogrzeb” (1965), „Operacja serca” (1966), „Pomnik dla tych, którzy nie zostali pogrzebani” (1972), „Kobieta i stal” (1977), „Wołający” (1979). W swojej twórczości zrealizował też wiele rzeźbiarskich cykli: „Kobiece początek” (1968–1979), „Tematy biblijne” (1972–1980), „Mój harem” (1977–1978), „Metalowi prorocy” (1969–1983) (fot. 5)<sup>39</sup>.

Mówiąc o powstawaniu rzeźb Sidura, nie sposób nie wspomnieć o różnorodności stosowanego przez niego materiału: od ceramicznych figurek, poprzez wykonane

<sup>34</sup> Ю. Сидур, К. Аймермахер. *Время новых надежд... Переписка 1986–1992*. Москва 2014, s. 37–72, cyt. za: [Online:] <<http://gifter.ru/archive/12017>> (dostęp: 10.08.2016). List od Julii Sidur nigdy nie dotarł do adresata. Jednakże to dzięki niej po jakimś czasie nadeszła okazała przesyłka z Niemiec od profesora Eimermachera, a w niej katalogi wystaw i książki o Sidurze, w tym odbitki kserograficzne maszynopisu MITU – *Pomnik czasom obecnym* oraz wiersze, które już po śmierci artysty weszły w skład zbiorku *Najszcześniejsza jesień*.

<sup>35</sup> В. Воловников. *Скульптуры Вадима Сидура в Германии*. „Partner” 2013, nr 1 (184).

<sup>36</sup> *Структура № 1* перед Институтом морфологии человека и *Структура № 2* перед Институтом геохимии им. Вернадского в Москве. Пор. И. Мак. *О «гроб-арте» Вадима Сидура вспомнили к юбилею*. „The Newspaper Art. Russia” 17.07.2014. [Online:] <<http://www.theartnewspaper.ru/posts/691/>> (dostęp: 1.08.2016.).

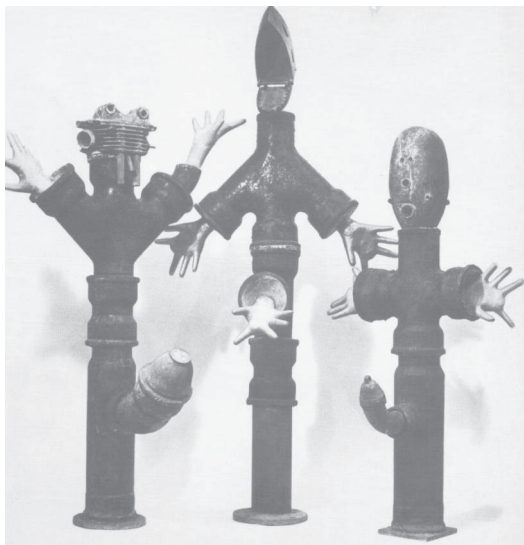
<sup>37</sup> Nagrobek akademika E.S. Wargi (1968); nagrobek akademika I. Tamma (1973).

<sup>38</sup> Nagrobek pisarza I. Zwieriewa (1967).

<sup>39</sup> Пор. *Vadim Sidur. Plastik, Grafik, 1957–1974. Eine Ausstellung der Universität Konstanz vom 30.4–20.5 1975*. Konstanz: Die Universität, 1975.

w drewnie, szlachetnym kamieniu, aluminium i brązie, do kompozycji składanych, budowanych z różnych przedmiotów. Najczęściej znajduje je na wysypisku śmieci: przedmioty porzucone, zapomniane, niechciane. Ich los, decyzją użytkownika, został przesądzony, wyobraźnia zaś i ręka artysty podnosi je z cmentarzyska cywilizacji XX wieku do rangi dzieła sztuki, którego miejscem jest salon wystawowy czy muzeum.

Przedmioty te ponownie stają się obiektem zainteresowania człowieka, który potrafi dostrzec w nich siłę wyrazu, przyjąć je jako źródło inspiracji i wraz z nimi, a może przy ich pomocy, kreować nową rzeczywistość. Sidur tworzył rzeźby-obiekty złożone z elementów różnych maszyn, z rur kanalizacyjnych, łącząc je z bardziej szlachetnymi materiałami oraz z wyrzeźbionymi fragmentami ludzkiego ciała. W zestawieniach tego typu wcale nie chodzi o zaskoczenie odbiorcy. Nie jest to też tworzenie z brzydkich, pokaleczonych przedmiotów rzeczy estetycznych czy wręcz baśniowych.



Fot. 5. Metalowi Prorocy

Na początku lat siedemdziesiątych – po cyklach: „Metalowi Prorocy” (1971) (fot. 5) oraz „Płaskorzeźby na tematy biblijne” (1972) – Sidur dochodzi do kolejnego (okazuje się, że niezmiernie ważnego dla jego całej twórczości) cyklu, który został zatytułowany „Trumny”. Jest to zarazem początek nowego kierunku w jego twórczości – „Grob-Art” (fot. 6). Trzeba też podkreślić, iż jest on jedynym reprezentantem tego kierunku:

Усоив у западных коллег технику работы с металлоломом, Сидур создавал из него скульптуры, которые вроде бы стремился наделить глубоким философским смыслом, но в реальных произведениях (собранных частенько из бывших в употреблении канализационных труб) достигал не более чем легкого постмодернистского иронизма. Ни философствования, ни иронии мы не находим у его западных предтеч. Там решаются иные, чисто пластические, точнее *пост-пластические задачи*<sup>40</sup>.

<sup>40</sup> В.В. Бычков. *Эстетический опыт России на рубеже тысячелетия*. «Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда» 2006, nr 2, s. 22.

Cykl składa się zaledwie z siedmiu horyzontalnych kompozycji – zbitych ze zwykłych, nieheblowanych desek trumien, w których umieszczone zostały szkice ludzi, (ludzie-symbole, ludzie-cienie) zbudowane z najróżniejszych metalowych części niezidentyfikowanych urządzeń<sup>41</sup>. Akurat ten cykl wywarł bardzo duże wrażenie na wielu badaczach, którzy zestawiali jego rzeźbiarskie kompozycje z pracami artystów z żelaznej kurtyny:

Obrazy bólu i śmierci Günther Ueckera, zawierające maszynerię, gwoździe i noże, można porównać z trumnami Wadima Sidura – zbiornikami napelnionymi resztkami maszyn, narzędzi, sprzętu przemysłowego<sup>42</sup>.

Koncepcje plastyczne i filozoficzne Sidura, odzwierciedlone bardzo wyraziście w cyklu „Grob-Art”, dość bliskie były praktyce i postawie artystycznej wielu współczesnych twórców europejskich. W polskiej sztuce współczesnej twórczość Mariana Kruczaka, Władysława Hasiora, Józefa Szajny dość wyraźnie koresponduje z dokonaniem moskiewskiego rzeźbiarza<sup>43</sup>.

Doświadczenia osobiste, potęgowane niezwykle wyrazistym, dramatycznym sposobem budowania form, przekształcone zostały w namacalny, groteskowy sen. Jest to zarazem projekcja niszczycielskich tendencji naszego współczesnego życia, w którym egzystujący ludzie i ich potomkowie narażeni są na zniszczenie nie przez jakieś tajemnicze i wrogie siły, ale przez innego człowieka. W kompozycjach tych widoczny jest strach i niepokój artysty, niepokój człowieka wrażliwego na piękno otaczającego świata i na rozgrywającą się wokół tego piękna tragedię ludzkiego życia. Jest to niepokój człowieka miłującego ludzi i pokój. Tragedię naszego życia determinują tendencje panujące w „epoce równowagi strachu” – wywołują one tylko grozę, strach i bezsilność. Autor powołuje do życia śmierć, która być może stanie się przestrożą przed okropnościami przyszłej wojny i zagłady. Sidurowskie „Trumny” są także filozoficzną dysputą i medytacją o przemijaniu wszelkich wartości; są to refleksje artysty i jego zatroskanie o los współczesnego mu świata, a także wizja jego przyszłego, może nie tak już odległego losu. Strach i niepokój, niepokój człowieka wrażliwego na piękno otaczającego świata i na rozgrywające się wokół niego akty przemocy<sup>44</sup>.

Свой «Гроб-Арт» (для русского уха в самом названии непередаваемая словами ирония) Сидур понимал как воплощение размышлений о значимых для человечества темах: «о жизни и смерти, ...о том, к чему ведет человечество наша железно-атомная цивилизация, разрушившая, кроме всего прочего, представления о мире, вещи и человеке как о чем-то целом, нерушимом и гармоничном. Макромир и микромир разбит, расщеплен на осколки, частицы, прах... «Гроб-арт» – это попытка передать средствами искусства вот эти мои размышления и чувства<sup>45</sup>.

<sup>41</sup> Por. Z.T. Szmurło. *Rzeźby – pytania Wadima Sidura*. „Tygiel. Kwartalnik Elbląski” 1996, nr 19–20, s. 44–62.

<sup>42</sup> A. Jakimowicz. *Współczesna eschatologia Rosji i zachodu...*, s. 28.

<sup>43</sup> Por. Z.T. Szmurło. *Twórczość Wadima Sidura* (maszynopis pracy magisterskiej). Gdańsk 1988, s. 121.

<sup>44</sup> Z.T. Szmurło. *Wadim Sidur*. „Kwartalnik Galeria EL” 1986, nr 11–12, s. 138.

<sup>45</sup> М. Сидур. *Вадим Сидур. Очерк творчества на фоне событий*. Москва: Московский государственный музей Вадима Сидура 2004, s. 144.

Sidur często opowiadał też o swoich przemyśleniach. Rzeźby, rysunki, a także same idee są elementami wypełniającymi jego literacki MIT – *Pomnik czasom obecnym*. Wiele cennych informacji na temat jego sztuki, w tym o cyklu „Grob-Art”, można znaleźć w listach do Eimermachera:

[...] А теперь мне хочется немного рассказать тебе о той, в общем, не свойственной мне теоретической работе над «Декларацией Гроб-Арта», которая будет состоять из «Аксиом Гроб-Арта» и вытекающих из них принципов Гроб-Арта. Так как все эти аксиомы, принципы и положения разбросаны у меня по многочисленным тетрадам, относящимся не только к последнему времени, но и к периоду написания первой части МИФа, то выудить их оттуда само по себе уже является нелегкой задачей<sup>46</sup>.

Mówiąc o rzeźbach z cyklu „Grob-Art” (fot. 6), nie można pominąć teoretycznych rozważań Sidura, które doprowadziły do jego powstania:

Cykl ten, składający się z siedmiu kompozycji, można uważać za zakończony, a jednocześnie za OTWARTY... Czuję, że „TRUMNY” mogą się przekształcić w coś większego niż cykl, stają się dla mnie całym kierunkiem, który określam mianem „Grob-Art”<sup>47</sup>.

Sidur często zwracał uwagę na to, że żyjemy w bardzo trudnych, niespokojnych czasach wypełnionych strachem, a proponowane przez niego rzeźbiarskie kompozycje z cyklu „Grob-Art” są sztuką równowagi strachu („Гроб-Арт – это искусство равновесия страха”)<sup>48</sup>.

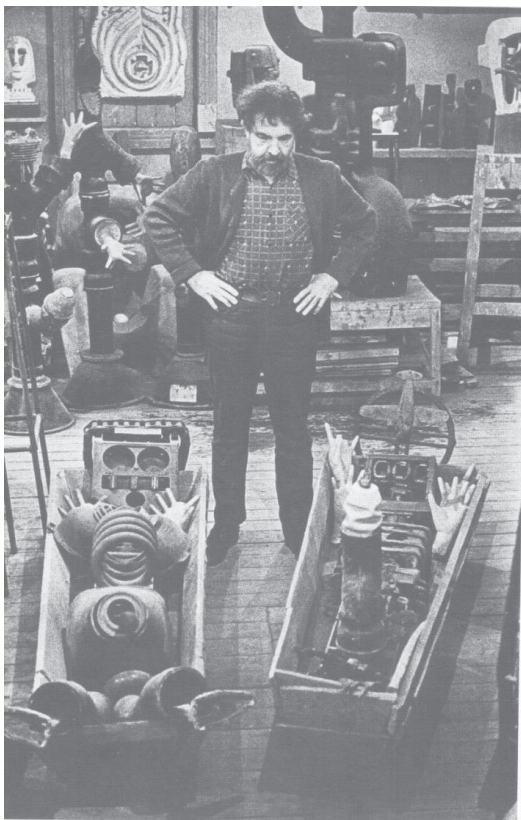
Przedmioty wykorzystywane przez twórcę – to znaki. Sidur – przez cały czas artystycznej działalności dążący do ukazywania prawdy życia za wszelką cenę, z jej wszystkimi, nawet najbardziej jaskrawymi przejawami, prawdy zawartej w codzienności – z całą świadomością wykorzystywał autentyczne fragmenty otaczającego świata, a więc realny, pospolity i w wielu przypadkach brzydki, nieestetyczny przedmiot. Rury kanalizacyjne, szczątki jakichś urządzeń, poszarpane blachy i inne odpadki porzucone przez ludzi pozwalały Sidurowi ukazywać tę prawdę. Na gruncie ówczesnej sztuki radzieckiej szczególnie Sidurowska „Sztuka trumien” odbiegała od założeń sztuki socrealistycznej. Sztuka Sidura to sztuka ludzi niespokojnych, przepełnionych bólem, krzyczących z rozpacz. Ma zdolność inspirowania i wywoływania licznych skojarzeń. W wyniku kreacyjnego manipulowania starymi rurami kanalizacyjnymi, kranami, zepsutymi urządzeniami elektrycznymi bądź dziecięcą zabawką powstawały dzieła o zupełnie odmiennej niż pojedynczy przedmiot wartości znaczeniowej.

Sidur umiał wsłuchać się w mowę przedmiotów, ale zapewne chodziło mu nie o samo ich zrozumienie. Jak każdy artysta miał on pełne prawo do przekształcania rzeczywistości.

<sup>46</sup> Аймермахер К. (сост.). «Человек одинок в этом мире, художник же одинок вдвойне...». Из переписки Вадима Сидура и Карла Аймермахера. Авт. введение Юлия Сидур. «Октябрь» 1998, nr 7, s. 107–147. [Online:] <<http://magazines.russ.ru/october/1998/7/vospomin.html>> (dostęp: 1.09.2016).

<sup>47</sup> Wywiad przeprowadzony przez K. Eimermachera w roku 1979. [W:] Vadim Sidur, Plastik/Grafik. Austellung im Hamburg. Cremon 36, 5. September – 3. Oktober 1979.

<sup>48</sup> «Человек одинок в этом мире, художник же одинок вдвойне...»...



Fot. 6. Wadim Sidur i kompozycje rzeźbiarskie z cyklu „Grob-Art”

Wkraczał Sidur na wysypiska śmieci, w świat – nieskończony zbiór przedmiotów o najbardziej różnorodnych i zaskakujących kształtach, strukturze – życia i zniszczenia (fot. 6):

Именно здесь  
 Я нашел множество предметов  
 Выразивших потом  
 Мое отношение к миру  
 Головы ЖЕЛЕЗНЫХ ПРОРОКОВ  
 Все составляющие  
 ГРОБ-МУЖЧИНУ  
 ГРОБ-ЖЕНЩИНУ  
 ГРОБ-ДЕВУШКУ  
 ГРОБ-РЕБЁНКА  
 Я сделал великое дело  
 Очистил лес  
 И создал  
 ГРОБ-АРТ<sup>49</sup>.

<sup>49</sup> В. Сидур \*\*\* (Осень в Алабине – пора костров). [W:] Idem. Самая счастливая осень..., s. 42–43.



Twórczość Sidura można odbierać jako przesłanie – przepowiednię dla przyszłych, niekoniecznie bardzo odległych, pokoleń, aby w pogoni na udoskonalaniem środków wzajemnej zagłady zatrzymali się, poczuli, że eskalacja przemocy je niszczy. Jak stwierdza Michaił Sidur<sup>50</sup>, oceniając wszechstronną twórczość swojego ojca:

На языке пластики, в стихах и в прозе Сидур-философ говорил об одних и тех же волновавших его проблемах. Он, опираясь на весь трагический опыт двадцатого века, словно обращался к живущим в следующем столетии. Демонстрируя в одних работах красоту и хрупкость окружающего мира, в других своих вещах он показывал то, к чему может привести эскалация насилия. Используя прием контраста, он предостерегал нас от повторения страшных ошибок своего времени. Через тридцать лет (по нынешним временам, срок воистину огромный) его предсказания звучат еще более жутковато-актуально. Из своих бесконечно далеких и кажущихся ныне относительно спокойными семидесятых годов художник-пророк будто сумел увидеть пылающие башни Нью-Йорка, взорванные дома российских городов и трупы заложников в «Норд-Осте». Отсюда тот накал трагизма, который звучит в его вопле «терроризм!!!», доносящемся со страниц «Мифа». Словно для увековечивания этих, тогда еще не наступивших, событий Сидуром была создана скульптура «Нике третьей мировой войны»: человеческая фигура с пустыми глазницами на обгоревшем черепе, она же – оплавленный остов сторевавшего небоскреба<sup>51</sup>.

Trudno było mu się pogodzić i zrozumieć, że w życiu prawie zawsze towarzyszy człowiekowi ból: rodzi się najczęściej w bolesnym okrzyku matki cieszącej się z przekazania życia, a rozstanie ze światem, w trakcie przechodzenia na jego drugą stronę, jest przewyciężaniem bólu słabnącego ciała:

Prześladuje i nie opuszcza mnie – człowieka, który poznał smak wojny i pokoju – jeszcze jedno widzenie – МЕКА ЧЛӨWIEKA ТUŻ ПRZЕD ŚMIERCIĄ. Dlaczego prawie zawsze człowiek rozstaje się z życiem w upokarzających i nieludzkich cierpieniach? Czy czasami nie zbliża się ludzkość do granicy, aby żądać i mieć PRAWO DO GODNEJ ŚMIERCI?<sup>52</sup>

Szukając przedmiotów, z których powstawały kompozycje rzeźbiarskie, artysta odnajdywał nie tylko ich tajemnicę, lecz także swoiste piękno i tragedię.

Мертвые куклы  
Выброшенные на помойке  
Расплющенные  
Растерзанные  
С выколотыми глазами  
Распоротыми животами

<sup>50</sup> Michaił Sidur (1955–2010) – założyciel i wieloletni dyrektor Muzeum Wadima Sidura, autor interesującej monografii, omawiającej twórczość Wadima Sidura. Por. M. Сидур. *Вадим Сидур. Очерк творчества...*

<sup>51</sup> M. Сидур. *Миф Вадима Сидура*. «Знамя» 2003, nr 1 [Online:] <<http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/sid.html>> (dostęp: 1.09.2016).

<sup>52</sup> W. Sidur (wywiad przeprowadzony przez K. Eimermachera z 1977 r. [W:] *Vadim Sidur, Plastik/Grafik*. Ausstellung in Hamburg, German 36, 5 September – 3 October 1979 [katalog wystawy]).

Снова убитые  
Дети Европы<sup>53</sup>.

Nikomiu niepotrzebne lalki stały się elementem kompozycji rzeźbiarskich („Młodzieniec w pułapce na myszy”, „Dzieci Europy”, „Porwanie Europy”). Te i inne prace Sidura korelują z dokonaniem polskiego artysty Władysława Hasiora:

Śmietnikowy złom objets trouvés – przedmiotów znalezionych: aluminiowych widelców i gipsowych baranek wielkanocnych z czułością dziecka ożywił Hasior w nową egzystencję, nobilitowana artystycznie<sup>54</sup>.

Zbędne przedmioty stawały się też głównymi elementami większości prac moskiewskiego twórcy. Szczególnym odkryciem były dla niego stare łopaty, które posłużyły do stworzenia interesujących autoportretów:

Старые ржавые железные лопаты  
Собранные мной на свалках мусора  
Напоминают большие осенние листья  
Похожие на человеческие лица  
Несчастные в своей ненужности<sup>55</sup>.

W przypadku Sidura możemy mówić o jego wszechstronności, interdyscyplinarności, oscylowaniu pomiędzy sztuką, literaturą, a nawet filmem. Pracę nad swym pierwszym utworem literackim (*Pomnik czasom obecnym*) rozpoczął Sidur w 1973 roku, zakończył zaś w 1974 roku. Dzięki nagromadzeniu realiów z łatwością dających się zidentyfikować w życiu Sidura – w niektórych partiach autentycznych dokumentów (odpis aktu urodzenia, legitymacji Komsomołu czy ankiety personalnej ojca) – możemy rozpatrywać MIT jako utwór autobiograficzny. MIT *Pomnik czasom obecnym*, trochę okrojony przez redaktorów, ukazał się w 1992 roku w moskiewskim miesięczniku „Znamia”<sup>56</sup>, a pełne wydanie w formie książki ukazało się w 2002 roku<sup>57</sup>.

W dorobku artystycznym Sidura ważną rolę odgrywały jego wiersze. Bez poezji obraz Sidura-twórcy byłby uboższy. Jego wiersze stały się specyficzną odmianą intymnego szkicownika, zawierającego wyraźny ładunek filozoficzny i moralny, niepozbowiony emocjonalnego zageszczenia o niezwykle rozległej amplitudzie nastrojów. Dla Sidura jego poezja – nawet w chwilach, kiedy zmęczenie chorobą i ból nie pozwalały mu rzeźbić – nie zastępowała rzeźby czy rysunku. Była tylko dopełnieniem jego twórczego życia. Przestrzenią literacką zbiorku *Najszczęśliwsza jesień* jest przede wszystkim Ałabino – podmoskiewska miejscowość letniskowa, w której Sidurowie odziedziczyli po rodzicach Wadima małą dachę. Często występuje też przestrzeń pracowni, a w ostatnich wierszach, pisanych tuż przed śmiercią – szpitala. Jednak to Ałabino urasta w tym zbiorku do przestrzeni magicznej, oczyszczającej, przynoszącej wolność.

<sup>53</sup> В. Сидур. \*\*\* (*Мертвые куклы*). [W:] *Самая счастливая осень...*, s. 44.

<sup>54</sup> В. Ковальска. *Польская авангарда искусства 1947–1970*. Warszawa 1975, s. 90.

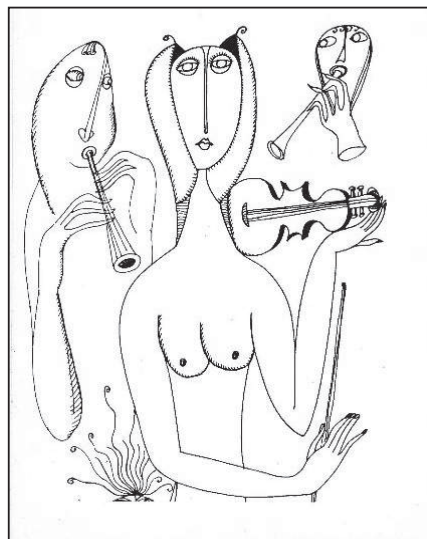
<sup>55</sup> В. Сидур. \*\*\* (*Старые ржавые железные лопаты*)..., s. 45.

<sup>56</sup> В. Сидур. *Памятник современному состоянию: Миф*. «Знамя» 1992, nr 8, s. 9–68; nr 9, s. 114–179.

<sup>57</sup> В. Сидур. *Памятник современному состоянию: Миф*. Москва: Вагриус, 2002.



Fot. 7. Rysunek z tomu wierszy *Najszcześniejsza jesień*



Fot. 8. Rysunek z tomu wierszy „*Najszcześniejsza jesień*”



Fot. 9. Rysunek z tomu wierszy *Najszcześniejsza jesień*

Występujący w wielu rzeźbach i rysunkach Sidura erotyzm z nie mniejszą intensywnością pojawia się w jego poezji. Sidur-rzeźbiarz w poezji jawi się także jako subtelny malarz-kolorysta, oddający przy pomocy tkanki poetyckiej bogactwo barw swojej Arkadii, będącej przestrzenią szczęśliwej jesieni. Osobnym, równie ważnym zagadnieniem w poezji Sidura jest jego stosunek do upływającego czasu. Autor, zdając sobie sprawę, że okres pełnego rozkwitu sił witalnych ma już za sobą, nie popada jednak w rozpacz. Wie, że po najszcześniejszej jesieni musi nadejść zima<sup>58</sup>.

W utworach literackich Sidura pojawia się także problem jego narodowości, pochodzenia:

Я держу маму за руку. Мы идем мимо Финотдела по улице Карла Маркса. Навстречу нам тетья Фрося, жена дворника дяди Тараса. Она наклоняется ко мне и спрашивает:

– Ты кто? РУССКИЙ или УВРЕЙ?

Я гордо отвечаю: «Я РУССКИЙ ЕВРЕЙ»<sup>59</sup>

W przypadku Wadima Abramowicza Sidura mamy do czynienia z bardzo charakterystyczną dwoistością narodową. Przynależność do dwóch narodów pozostawiła wyraźny ślad w życiu i twórczości artysty, znalazła odzwierciedlenie w odbieraniu i budowaniu świata<sup>60</sup>. On sam często określał siebie jako mieszkańca, pół-Rosjanina i pół-Żyda:

Я – цветок гибрид  
 Полу-русский  
 Полу жид  
 Художник неоднородный  
 Космополит безродный  
 Время цветения  
 Эпоха безвременья  
 Неустойчив морально  
 Для гибрида это нормально  
 Почти задушен  
 Плевками в душу<sup>61</sup>.

Samo nazwisko Sidur jest czytelnym znakiem przynależności do świata judaistycznego. *Sidur* to żydowski modlitewnik, księga zawierająca modlitwy przeznaczone do odmawiania zarówno w domu, jak i w synagodze w dni powszednie i zwykłe soboty. W *Sidurze* modlitwy są ułożone według określonego porządku<sup>62</sup>. Istnieją też modli-

<sup>58</sup> Por. Z.T. Szmurło. *Wadim Sidur – rzeźbiarz i poeta*. „Tygiel. Kwartalnik Elbląski” 1994, nr 12, s. 24–25.

<sup>59</sup> В. Сидур. *Памятник современному состоянию: Миф*. «Знамя» 1992, № 8, s. 14.

<sup>60</sup> И. Мьяновска. *Еврейская тематика в творчестве Марка Шагала и Вадима Сидура*. „Studia Rossica Posnaniensia” 1998, nr 28, s. 29–36.

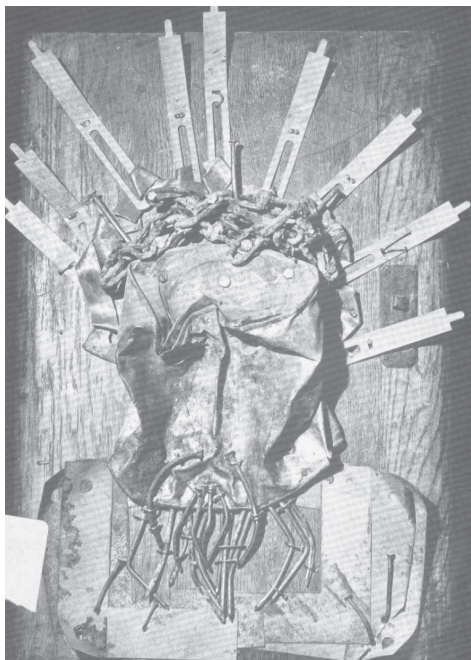
<sup>61</sup> В. Сидур. \*\*\* (*Я – цветок гибрид*). [W:] *Самая счастливая осень...*, s. 118.

<sup>62</sup> „Układ modlitw odpowiada porządkowi dnia hebrajskiego, który rozpoczyna się wieczorem. Tak więc modlitwy wieczorne poprzedzają modlitwy poranne, a te ostatnie z kolei występują przed popołudniowymi. Modlitwy codzienne poprzedzają modlitwy odmawiane rzadziej np. w Szabat, a te z kolei występują przed modlitwami na święta przypadające raz w roku. Zgodnie z tą zasadą, przed modlitwami szabatowymi znajdują się wybrane błogosławieństwa odmawiane niezależnie od wyją-

tewniki przeznaczone do odmawiania w szabat oraz księgi z modlitwami na święta – *Sidur Szalem*<sup>63</sup>.

Paradoksalne jest jednak to, iż artystyczne dokonania moskiewskiego rzeźbiarza, ledwie tolerowanego przez partyjnych aparatczyków i ludzi odpowiedzialnych za stan ówczesnej radzieckiej kultury i sztuki, po wielu latach stając się własnością publiczną, nadal niepokoją, a nawet wywołują – jak kiedyś – protesty, a nawet agresję odbiorców.

Sztuka rzeźbiarza-nonkonformisty w czasach radzieckich często krytykowana, obecnie w wielu kręgach uznawana i doceniana, prezentowana na licznych wystawach, w nowej rosyjskiej rzeczywistości wywołuje różne reakcje, nie zawsze pozytywne. Stała się czynnikiem niepokoju, zagubienia i wciąż prowokuje.



Fot. 10. Chrystus, 1969

Kolejnym paradoksem jest to, że krytykowany za życia *Sidur* jako autor religijnych rzeźb, rysunków i grafik (fot. 10) obecnie staje się przedmiotem oburzenia, a jego dzieła są obiektem ataków wandalizmu. Dzisiejsza Rosja, zrzuciwszy z siebie ateizm jako państwową ideologię, nie do końca rozumie przesłanie sztuki Sidura. Jego wiersze dla niektórych współczesnych Rosjan są przykładem złego smaku (to dość łagodne określenie), a także są porównywane do pornografii i ich zdaniem obrażają uczucia

---

kowych okazji, czyli błogosławieństwa nad pokarmami i napojami, nad zapachami, znakami w przyrodzie, nad ludźmi, w obliczu dobrych lub złych wiadomości, po posiłku i inne”. A.P. Kluczyński. *Sidur Beit Polin. Modlitewnik na dni powszednie, szabaty i święta*. „Rocznik Teologiczny” 2015, t. 57, z. 3, s. 377.

<sup>63</sup> W Polsce ukazały się dwa sidury – modlitewniki. Por. S. Spitzer (tłum. i obj.). *Modły Izraelitów na dni powszednie i święta, uroczystości i posty oraz obrządki i ceremonie religijne*. Kraków 1926; G. Nativ (red.). *Sidur Beit Polin. Modlitewnik na dni powszednie, szabaty i święta*. Warszawa 2015.

religijne. Taką reakcję wywołał wiersz ze zbioru *Najszczęśliwsza jesień* zamieszczony w Internecie (fot. 7, 8, 9)<sup>64</sup>.

Празднуя  
Христа  
Рождение  
Верующие  
Христиане  
Добрые  
Прихожане  
Жертву  
Приносят  
Миллионам  
Невинных  
Младенцев  
Горло  
Режут  
Маленьких  
Покойников  
Обряжают  
Вокруг  
Зарезанных  
Пляшут  
Счастья  
Друг  
Другу  
Желают  
А  
После  
Торжества  
Христова  
Трупы  
Убитых  
Ёлок  
Долго  
Гниют  
На  
*Помойках*<sup>65</sup>.

Wiersz prowokował, a oburzeni członkowie jednego z rosyjskich komitetów obywatelskich w oficjalnym piśmie do urzędu prokuratorskiego domagali się usunięcia utworu i ocenzurowania:

Данный издевательски ёрнический текст стихотворения порнографа и христианоненавистника Вадима Сидура, очевидно и бесспорно, направлен на оскорбление религиозных чувств верующих христиан, на унижение человеческого достоинства верующих христиан по признаку отношения к религии (к христианству) и на возбуждение

<sup>64</sup> [Online:] <<http://lib.ru/POEZIQ/SIDUR/stihi.txt>> (dostęp: 1.09.2016).

<sup>65</sup> В. Сидур \*\*\* (*Празднуя*). [W:] *Самая счастливая осень...*, s. 39–40.

религиозной ненависти и вражды», – отмечается в заявлении. Общественный комитет просит «установить лиц, виновных в публичном размещении указанного экстремистского антихристианского стихотворения Вадима Сидура, и возбудить в отношении этих лиц уголовное дело по статьям 282 и 148 Уголовного кодекса Российской Федерации». «Прошу Вас добиться в судебном порядке признания вышеуказанного стихотворения Вадима Сидура экстремистским материалом и внесения его в федеральный список экстремистских материалов»<sup>66</sup>.

List powstał kilka miesięcy po brutalnej akcji prawosławnej bojówki „Boża Wola” na wystawie „Rzeźby, których nie widzimy”, pokazywanej latem 2015 roku w moskiewskim „Maneżu” – centralnym salonie wystawowym Rosji, kiedy to doszło do skandalicznego zniszczenia kilku grafik Sidura<sup>67</sup>. Pamiętać trzeba, że jego plastycznych dzieł w zasadzie nie pokazywano na wystawach radzieckich, bo w ZSRR zakazano go jako „rzeźbiarza religijnego”. On sam, weteran wojny, któremu kula niemieckiego snajpera rozkruszyła szczękę, mawiał, że „w okopach niewierzących nie ma”. Władze pozwalały mu tworzyć, czasem coś u niego zamawiały. Ale brać udziału w wystawach nie pozwalały. W 1974 roku wyrzucono go z partii za portret Sołżenicyna<sup>68</sup>. Nazwa wystawy pochodzi z tytułu artykułu późniejszego laureata Nagrody Nobla (2003), akademika Witalija Ginzburga (1916–2009)<sup>69</sup>, który w czasach Gorbaczowowskiej pierestrojki wystąpił w obronie artystycznej spuścizny Sidura, „domagając się cofnięcia zakazu wystawiania prac «religijnego» Sidura»<sup>70</sup>.

Po zniszczeniu grafik Sidura jego twórczość w kręgach rosyjskiego prawosławia została poddana krytyce:

Творчество Сидура – это не религиозное (но и не антирелигиозное) искусство, оно оторвано от прямо религиозного, традиционного православного или западного христианского восприятия образа Христа. [...] Когда-то это было подвальное (нонконформистское) искусство. Художники, такие, как попавший на днях под ‘праведный гнев’ (а работам Вадима Сидура досталось больше всего), были в страшном загоне. Они даже не могли помышлять о том, чтобы выйти из своих подвалов и быть услышанными обществом, получить сочувствие своим мыслям и исканиям. Это вовсе не значит, что все искусство того времени (как впрочем и любого) только на этом основании достойно сочувствия<sup>71</sup>.

<sup>66</sup> *Издательски ёрнический текст направлен на оскорбление религиозных чувств христиан.* «Русская народная Линия» 17.10.2015. [Online:] <[uskline.ru/news\\_rl/2015/10/17/izdatelski\\_yornicheskij\\_tekst\\_napravlen\\_na\\_oskorblenie\\_religioznyh\\_chuvstv\\_hristian/](http://uskline.ru/news_rl/2015/10/17/izdatelski_yornicheskij_tekst_napravlen_na_oskorblenie_religioznyh_chuvstv_hristian/)> (dostęp: 1.09.2016).

<sup>67</sup> W. Radziwinowicz. *Prawosławni talibowie robią porządek w Rosji.* „Gazeta Wyborcza” 27.08.2015. [Online:] <<http://wyborcza.pl/1,75399,18639841,prawoslawni-talibowie-robia-porzadek-w-rosji.html>> (dostęp: 1.09.2016).

<sup>68</sup> W. Radziwinowicz. *Prawosławna bojówka Boża Wola terroryzuje życie artystyczne w Moskwie.* „Gazeta Wyborcza” 24.08.2015. [Online:] <<http://wyborcza.pl/1,75410,18617190,prawoslawna-bojowka-boza-wola-terroryzuje-zycie-artystyczne.html?disableRedirects=true>> (dostęp: 1.09.2016).

<sup>69</sup> В. Гинзбург. *Скульптуры, которых мы не видим.* «Литературная Газета» 29.04.1987.

<sup>70</sup> W. Radziwinowicz. *Prawosławna bojówka...*

<sup>71</sup> К. Бенедиктов. *О Вадиме Сидуре в контексте.* «Православие и Мир» 17.08.2015. [Onli-

Twórcza spuścizna Sidura – patrioty absurdu – znalazłszy się w świecie targanym różnymi sprzecznościami, popada też w ten absurdalny układ. Artysta został posądzony o antychrześcijaństwo, a jego dzieła zaliczono do kategorii „antysztuka”:

Он умел работать, в его творчестве, конечно, есть эстетические моменты, (хотя его талант слишком превозносят). Но в его творчестве присутствуют и патологические моменты. Талант и патология в нем совмещались. Его работы оставляют впечатление, что их как будто делали два разных человека. Некоторые выставленные «произведения» В. Сидура на самом деле никакого отношения к искусству не имеют, а скорее являются антиискусством. Очень жаль, что организаторы выставки сознательно выдают оскорбительные для верующих и вообще всех нормальных людей поделки за, якобы, подлинное искусство [...] <sup>72</sup>.

Nie można zapominać, że – jak sądzi Jakimowicz:

[...] aż do końca XX wieku sztuka Rosji i Związku Radzieckiego, też związane z nią idee, miały charakter ginącej cywilizacji, która była tępiona w kraju w swoich niezależnych i swobodnych manifestacjach, a także zanikała na emigracji. Krótko mówiąc, były to okaleczone peryferia europejskiej kultury. Taka wizja dzisiejszej Rosji jest zarówno prawdziwa, jak i fałszywa. W rzeczywistości bowiem sztuka i ideologia w Rosji zajmują się głównie problemami apokaliptycznymi, z wyjątkiem tej części kultury masowej, oficjalnej sztuki propagandowej i klasycznej, kultury opery i baletu, które zostały włączone do establishmentu. W teorii i twórczości dominuje tam problem Wielkiego Upadku <sup>73</sup>.

Dzisiaj też, już w Rosji, sztuka bywa tępiona, zrzucana z postumentów i atakowana w salach wystawowych jako niewygodny element wygodnego życia uwikłanego w absurdy, paradoksy i – przed czym przestrzega nadal Sidur – wypełnionego przemocą stosowaną w imię innej, może bardziej zakamuflowanej, wielkomocarstwowej ideologii nowej rosyjskiej rzeczywistości, dopuszczającej (!) łamanie przyjętych przez świat zasad, przekraczanie wszelkich, w tym państwowych, granic.

Nie zmienia to faktu, że sztuka Sidura, posiadająca wiele wartości metafizycznych, ontologicznych, sakralnych, etycznych oraz wybitne walory publicystyczno-demaskatorskie, ukazuje z jednej strony część prawdy o współczesnym człowieku, z drugiej zaś strony jest indywidualnym protestem artysty w obronie tegoż człowieka. I staje się elementem wyzwalającym w nim niekonięcznie pozytywne emocje. Dzieła Sidura, przemawiając do odbiorców, często stają się niewygodnymi dla ich sumienia i wygadanych światopoglądów pytaniami.

## Bibliografia

Bob J. *Tvar súčasníka*. „Kultúrny život” 21.05.1965.

Drawicz A. *Pamięci Dimy Sidura (1924–1986)*. „Tygodnik Powszechny” 1987, nr 30.

ne:] <<http://www.pravmir.ru/konstantin-benediktov-o-vadime-sidure-i-kontekstah/>> (dostęp: 1.09.2016).

<sup>72</sup> A. Салтыков. *Об антиискусстве и уважении*. «Православие и Мир» 18.08.2015. [Online:] <<http://www.pravmir.ru/portoierery-aleksandr-saltykov-ob-antiiskusstve-i-uvazhenii/>> (dostęp: 1.09.2016).

<sup>73</sup> A. Jakimowicz. *Współczesna eschatologia...*, s. 27.



- Drawicz A. *Pocałunek na mrozie*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1990.
- Jakimowicz A. *Współczesna eschatologia Rosji i zachodu. Wygodny obóz koncentracyjny czy niewygodny łagier?* „Kamena” 1991, nr 2.
- Kluczyński A.P. *Sidur Beit Polin. Modlitewnik na dni powszednie, szabaty i święta*. „Rocznik Teologiczny” 2015, t. 57, z. 3.
- Kowalska B. *Polska awangarda artystyczna 1947–1970*. Warszawa 1975, s. 90.
- Maleša S. *Sve ljubavi Vadima Sidura*. „Osvobodenje” 29.04.1968.
- Mianowska J. *Rosyjska literatura emigracyjna i literatura rosyjskiej opozycji wewnętrznej w komentarzach*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1998.
- Mianowska J. *Świat Wadima Sidura (Мир Вадима Сидура)*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1999.
- Mianowska J. *Библейские сюжеты в творчестве Марка Шагала и Вадима Сидура*. [W:] Andrzejko Cz. (red.). *Библейские мотивы в русской литературе*. Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2000.
- Mianowska J. *B. Сидур – эмиграция внутрь себя*. „Studia Rossica” t. 10: *O literaturze rosyjskiej nowej i dawnej*. Red. W. Skruna. Warszawa 2000.
- Mianowska J. *Вадим Сидур и Карл Аймермахер «О деталях поговорим при свидании...»*. [Rec.]. „Polilog. Studia Neofilologiczne” 2014, nr 4, s. 317–321.
- Mianowska J. *Диссидентство по-сидуровски*. [W:] В. Гопман и др. (ред.). *Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен*. Материалы международной научной конференции. Москва: Новый Гуманитарный Университет Натальи Нестеровой 2003, s. 226–235.
- Mianowska J. *Диссидентство Вадима Сидура в контексте его переписки с Карлом Аймермахером*. „Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica” 2008, nr 8, s. 121–132.
- Mianowska J. *Еврейская тематика в творчестве Марка Шагала и Вадима Сидура*. „Studia Rossica Posnaniensia” 1998, nr 28.
- Nativ. G. (red.). *Sidur Beit Polin. Modlitewnik na dni powszednie, szabaty i święta*. Warszawa: Związek Postępowych Gmin Żydowskich w Polsce, 2015.
- Rab Z. *Vadyim Szidurnal*. „Új Írás” 1970, nr 3.
- Radziwinowicz W. *Prawosławna bojówka Boża Wola terroryzuje życie artystyczne w Moskwie*. „Gazeta Wyborcza” 24.08.2015. [Online:] <<http://wyborcza.pl/1,75410,18617190,prawoslawna-bojowka-boza-wola-terroryzuje-zycie-artystyczne.html?disableRedirects=true>> (dostęp: 1.09.2016).
- Radziwinowicz W. *Prawosławni talibowie robią porządek w Rosji*. „Gazeta Wyborcza” 27.08.2015. [Online:] <<http://wyborcza.pl/1,75399,18639841,prawoslawni-talibowie-robia-porzadek-w-rosji.html>> (dostęp: 01.09.2016).
- Spitzer S. (tłum. i obj.). *Modły Izraelitów na dni powszednie i święta, uroczystości i posty oraz obrządku i ceremonie religijne*. Kraków: Nakładem S. Spitzera, 1926.
- Suchanek L. /anonimowo/. *Wadim Sidur*. „Arka” 1985, nr 11, s. 114–116.
- Szmurło Z. T. *Wadim Sidur*. „Kwartalnik Galeria EL” 1986, nr 11–12.
- Szmurło Z.T. *Rzeźby – pytania Wadima Sidura*. „Tygiel. Kwartalnik Elbląski” 1996, nr 19–20, s. 44–62.
- Szmurło Z.T. *Sztuka naszych przyjaciół*. „Kwartalnik Galeria EL” 1988, nr 16, s. 78.
- Szmurło Z.T. *Twórczość Wadima Sidura*. Praca magisterska napisana w Zakładzie Historii Literatury Rosyjskiej i Radzieckiej Instytutu Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego pod kierunkiem dra Jerzego Godwoda. Gdańsk 1988.
- Szmurło Z.T. *W pracowni rzeźbiarza*. „Dziennik Bałtycki” 1.08.1986.
- Szmurło Z.T. *Wadim Sidur – rzeźbiarz i poeta*. „Tygiel. Kwartalnik Elbląski” 1994, nr 12.
- Vadim Sidur. Plastik, Grafik. 1957–1974*. Eine Ausstellung der Universität Konstanz vom 30.04.2015.–20.05.1975. Konstanz: Die Universität, 1975.

- Абовина Г. *Крепящее мастерство ваяния*. «Советская культура» 1957 (18.05.), s. 2.
- Аймермахер К. (сост.) *«Человек одинок в этом мире, художник же одинок вдвойне...»*. Из переписки Вадима Сидура и Карла Аймермахера. Авт. введение Юлии Сидур. «Октябрь» 1998, № 7, s. 107–147. [Online:] <<http://magazines.russ.ru/october/1998/7/vospomin.html>> (1.09.2016.).
- Андреевская А. *Памятник современному состоянию*. (Интервью у К. Аймермахера). [Online:] <<http://www.tverkult.ru/pamyatnik-sovremennomu-sostoyaniyu/>> (01.09.2016.).
- Бенедиктов К. *О Вадиме Сидуре в контексте*. «Православие и Мир» 17.08.2015. [Online:] <<http://www.pravmir.ru/konstantin-benediktov-o-vadime-sidure-i-kontekstah/>> (01.09.2016.).
- Быков З.Н. (ред.). *Московское Высшее Художественно-Промышленное Училище (бывшее Строгановское). (1825–1965)*. Москва: Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР, 1965.
- Бычков В.В. *Эстетический опыт России на рубеже тысячелетия*. «Эстетика: Вчера. Сегодня, Всегда» 2006, № 2, s. 22.
- Воловников В. *Скульптуры Вадима Сидура в Германии*. „Partner” 2013, № 1 (184).
- Геннис Г., Нольде Н. *Она помогла дару. Не стало Юлии Сидур – вдовы художника, скульптора, прозаика и поэта – Вадима Сидура*. «Новая Газета» 2006, № 68. [Online:] <<http://2006.povayagazeta.ru/nomer/2006/68n/n68n-s27.shtml>> (1.09.2016.).
- Гинзбург В. *Скульптуры, которых мы не видим*. «Литературная Газета» 29.04.1987.
- Гладков Э. *И создал ГРОБ-АРТ. Фотоальбом о жизни и творчестве замечательного художника В. Сидура*. Москва: Радуница, 1998.
- Голубева О.Л., Лаврентьев А.Н., Бурганов А.Н., Бурый В.П., Ганцева Н.Н. *Строгановская школа композиции. К 180-летию основания МГХПУ им. С.Г. Строганова*. Москва: «Сварог и К» 2005.
- Зименко В., Пути и перепутья. «Советская Культура» 1957, № 97.
- Издательский ёрнический текст направлен на оскорбление религиозных чувств христиан*, «Русская народная Линия» 17.10.2015. [Online:] <[uskline.ru/news\\_rl/2015/10/17/izdevatelski\\_yornicheskij\\_tekst\\_napravlen\\_na\\_oskorblenie\\_religioznyh\\_chuvstv\\_hristian/](http://uskline.ru/news_rl/2015/10/17/izdevatelski_yornicheskij_tekst_napravlen_na_oskorblenie_religioznyh_chuvstv_hristian/)> (1.09.2016.).
- Кучеренко Г. *Есть ли вообще современный стиль?* «Советская Культура» 1963 (05.01.).
- Лаврентьев А.Н., Сазиков А.В., Курасов С.В., Заева-Бурдонская Е.А. *Строгановка. 190 лет русского дизайна*. Москва: Русский мир, 2016.
- Лернер Л. *Взывающий*. «Еврейский Обозреватель» 2014, № 11 (263), s. 16.
- Мак И. *О «гроб-арте» Вадима Сидура вспомнили к юбилею*. „The Newspaper Art. Russia” 17.07.2014. [Online:] <<http://www.theartnewspaper.ru/posts/691/>> (1.08.2016.).
- Мармелова М. *В этом ли истоки нового?*. «Советская Культура» 25.09.1956.
- Мяновска И. *Диссидентство по-сидуровски*. [W:] В. Гопман и др. (ред.). *Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен*. Москва: Ровый гуманитар, Университет Натальи Нестеровой, 2003.
- Мяновска И. *Еврейская тематика в творчестве Марка Шагала и Вадима Сидура*. „Studia Rossica Posnaniensia” 1998, nr 28, s. 29–36.
- Салтыков А. *Об антиискусстве и уважении*. «Православие и Мир» 18.08.2015. [Online:] <<http://www.pravmir.ru/portoierey-aleksandr-saltyikov-ob-antiiskusstve-i-uvazhenii/>> (1.09.2016.).
- Сидур В. и К. Аймермахер. *«О деталях поговорим при свидании...»*. Переписка, составление, подготовка текста и комментарии В. Воловникова. Москва: Издательство Российская Политическая Энциклопедия, 2004.
- Сидур В. *Памятник современному состоянию. Миф*. Москва: Вагриус, 2002.

- Сидур В. *Памятник современному состоянию: Миф*. «Знамя» 1992, № 8, s. 9–68; 1992, № 9, s. 114–179.
- Сидур В. *Самая счастливая осень*. [Online:] <<http://lib.ru/POEZIQ/SIDUR/stihi.txt>> (01.09.2016.).
- Сидур В. *Самая счастливая осень. Стихотворения 1983–1986 гг.*, Москва: Отдел Культуры исполкома Перовского райсовета. Постоянная экспозиция работ Вадима Сидура, 1990.
- Сидур В., Аймермахер К. *О деталях поговорим при свидании... Переписка*. Сост., подготовка текста и комментарии В. Воловникова. Москва: Издательство РОССПЭН, 2004.
- Сидур М. *Вадим Сидур: очерк творчества на фоне событий*, Москва: Московский государственный музей Вадима Сидура, 2004.
- Сидур М. *Выставка в галерее журнала «Знамя», 2002 год, ноябрь*. «МИФ ВАДИМА СИДУРА». К 10-летию журнальной публикации «Памятника современному состоянию». [Online:] <<http://znamlit.ru/gallery.html?id=3>> (15.09.2016.).
- Сидур М. *Миф Вадима Сидура*. «Знамя» 2003, № 1. [Online:] <<http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/sid.html>> (1.09.2016.).
- Сидур Ю. *«Время, когда не пишут дневников и писем...»*. Хроника одного подвала. Дневники 1968–1973. Москва АИРО-XXI – Санкт-Петербург: Алетейя, 2015.
- Сидур Ю. *Пришелец и пенсионерка*, Москва: Время, 2005.
- Сидур Ю. *Роза Террестриэл. Роман о запретном счастье или любовная драма чужого мира*. Москва: Время, 2003.
- Сидур Ю., Аймермахер К. *Время новых надежд... Переписка 1986–1992*. Москва: АИРО-XXI, 2014.
- Шульгина Е.Н., Пронина И.А. *История Строгановского училища. 1825–1918. Российская академия художеств*. Москва: ООО ТИД Русское слово-РС, 2002.

### Wykaz fotografii (ze zbiorów własnych autora)

- Fot. 1. *Wadim Sidur na tle kompozycji „Zuzanna i starcy” = Вадим Сидур на фоне композиции «Сусанна и старцы»*, 1976. [W:] К. Eimermacher, E. Gladkov (fotos), *Vadim Sidur, Skulpturen*, (katalog wystaw). Bochum 1984.
- Fot. 2. *Inwalida = Инвалид*, 1964. [W:] К. Eimermacher, E. Gladkov (fotos). *Vadim Sidur, Skulpturen* [katalog wystaw]. Bochum 1984.
- Fot. 3. *Artysta w swojej pracowni = Художник в своей мастерской*. [W:] К. Eimermacher, E. Gladkov (fotos), *Vadim Sidur, Skulpturen*, (katalog wystaw), Bochum 1984.
- Fot. 4. *Wadim Sidur i rzeźba Treblinka / Вадим Сидур и скульптура «Треблінка»*. [W:] К. Eimermacher, E. Gladkov (fotos). *Vadim Sidur, Skulpturen* [katalog wystaw]. Bochum 1984.
- Fot. 5. *Metalowi Prorocy = Железные Пророки*. [W:] К. Eimermacher, E. Gladkov (fotos), *Vadim Sidur, Skulpturen* [katalog wystaw]. Bochum 1984.
- Fot. 6. *Wadim Sidur i kompozycje rzeźbiarskie z cyklu „Grob-Art” = Вадим Сидур и скульптурные композиции из цикла «Гроб-Арт»*. [W:] К. Eimermacher, E. Gladkov (fotos). *Vadim Sidur, Skulpturen* [katalog wystaw]. Bochum 1984.
- Fot. 7. *Rysunek = Рисунок*. [W:] В. Сидур. *Самая счастливая осень. Стихотворения 1983–1986 гг.* Москва: Отдел Культуры исполкома Перовского райсовета. Постоянная экспозиция работ Вадима Сидура, 1990.
- Fot. 8. *Rysunek = Рисунок*. [W:] В. Сидур, *Самая счастливая осень. Стихотворения 1983–1986 гг.* Москва: Отдел Культуры исполкома Перовского райсовета. Постоянная экспозиция работ Вадима Сидура, 1990.

- Fot. 9. *Rysunek = Рисунок*. [W:] В. Сидур, *Самая счастливая осень. Стихотворения 1983–1986 гг.* Москва: Отдел Культуры исполкома Перовского райсовета. Постоянная экспозиция работ Вадима Сидура, 1990.
- Fot. 10. *Chrystus = Христос*, 1969. [W:] К. Eimermacher, E. Gladkov (fotos). *Vadim Sidur, Skulpturen* [katalog wystaw]. Bochum 1984.



TEOZOFIA  
TEOCOFIA  
THEOSOPHY



## NICHOLAS ROERICH. THE MYSTERIOUS BRIEF REFLECTIONS ON THREE ROERICH CONTROVERSIES

PIOTR KLAFKOWSKI

University of Szczecin  
Institute of Sociology  
Ethnology and Cultural Anthropology Unit  
Krakowska 71–79, 71-017 Szczecin, Poland  
e-mail: pklafkowski@gmail.com  
(received 10.09.2016; accepted 15.11.2016)

### **Abstract**

The paper discusses three controversies connected with Nicholas K. Roerich: was he a Bolshevik spy, were there any ulterior motives behind his Central Asian Expeditions, and was he the reincarnation of the Great Fifth Dalai Lama of Tibet. It also includes a brief biography of N.K. Roerich.

### **Key words**

Nicholas K. Roerich, Tibet, Russia, Central Asian Great Game, Theosophy.

### **Abstrakt**

**Tajemniczy Mikołaj Rerich.**

**Refleksje na temat trzech kontrowersji związanych z Roerichem**

Artykuł omawia trzy kontrowersje związane z Mikołajem K. Roerichem: czy był on bolszewickim szpiegiem, czy za jego ekspedycjami do Azji Środkowej kryły się jakieś nieznane jeszcze motywy, oraz czy wierzył, iż był reinkarnacją Piątego Dalajlamy Tybetu. Artykuł zawiera także krótką biografię Roericha.



## Słowa kluczowe

Mikołaj Roerich, Tybet, Rosja, Środkowoazjatycka Wielka Gra, teozofia.

*One should not coerce others, nor should one even try to persuade them. One may only suggest, strengthening it with the cement of feeling.*  
Agni Yoga (1929), verse 394

## Introduction and acknowledgements

Nicholas Konstantinovich Roerich<sup>1</sup> (1874–1947) is probably one of the best-known Russian painters and thinkers both in his native country, in the English-speaking West, and in India. He defies easy classification – he was a painter, an archeologist, a historian, a philosopher, a tireless campaigner for peace and protection of cultural monuments in times of both war and peace, a stage-designer, a founder of several institutions of art, a poet, finally a traveler in Central Asia, even a hero of a still unexplained alleged tax evasion scandal in the United States. Indeed, it would be easier to say what he was not than what he was, as the above list is far from complete.

However, he is still surprisingly little-known in Poland. Two of his books have been translated into Polish<sup>2</sup>, but his paintings remain unknown to the Polish audience, and his achievements in the humanitarian and cultural monuments protection fields seem to be known only to international lawyers.

One thing that can be said about his paintings is that they share one feature with the art of Michelangelo, William Blake and Van Gogh – he who has seen one painting by Roerich shall always recognize him. He just cannot be mistaken for anybody else, even for his younger son Svetoslav Roerich, also a painter of genius.

The lives and achievements of Roerich and his family have recently been the subject of several papers by Małgorzata Gdok-Klafkowska<sup>3</sup>. In her paper of 2011 Małgorzata

<sup>1</sup> The name is spelled “Ryorig” in Russian” and “Roerich” in English, French and German. In Polish the most logical spelling seems “Rerich”, but many sources both printed and electronic use the English spelling “Roerich”.

<sup>2</sup> M. Rerich. *Ałtaj–Himalaje*. Transl. by E.P. Melech. Introd. by B. Gaforow. Series Rodowody Cywilizacji. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980; N. Rerich. *Znaki*. Transl. by A. Szymański. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1983.

<sup>3</sup> M. Gdok. *Yuri Nikolayevich Roerich 1902–1960, an Outline of His Life and His Works in Tibetan Studies*. [In:] “Lingua Posnaniensis” 1996, vol. 38. Poznań, pp. 115–141. M. Gdok-Klafkowska. *The Dream of Kanchenjonga. The Roerich Family and Himalayan Studies*. [In:] *Buddhist Himalaya. Studies in Religion, History and Culture*, vol. I: *Tibet and the Himalayas*. Ed. by Al. MacKay and A. Balikci-Denjongpa. Gangtok: Namgyal Institute of Tibetology, 2011, pp. 305–322. M. Gdok-Klafkowska. *Mikołaj Konstantynowicz Rerich jako prekursor komunikacji międzykulturowej*. [In:] *Homo Communicans*. 2: *Человек в пространстве межкультурных коммуникаций*. Ed. by K. Janaszek, J. Miturska-Bojanowska, R. Gawarkiewicz. Szczecin: Grafform, 2012, pp. 50–52. M. Gdok-Klafkowska. *Agni*

Gdok-Klafkowska gave a comprehensive annotated bibliography of the recently-published Roerich studies in Russian, to which I refer those who are interested in the Roerichs and can read Russian.

In 2007, at the international conference marking the Golden Jubilee of the Namgyal Institute of Tibetology in Gangtok, Sikkim, India, our joint presentation of a paper on Nicholas Roerich's Sikkim connections stirred a lively discussion, during which several questions were asked concerning the less known or more controversial aspects of the activities of that extraordinary man. In a way, the present paper picks up the thread from there, of course being only my own thoughts on those points. I think time has come to present them in the open.

We gratefully acknowledge our indebtedness to LesLee Alexander, Alexandre Andreyev, John Bray, Ruth A. Drayer, and Alex MacKay, for their invaluable help with books and additional information.

Our special word of thanks goes to Professor Chie Nakane, Professor Emerita of Social Anthropology at the University of Tokyo, for placing the latest Japanese work on Amdo Gendun Choshpel at our disposal.

On my own side I have the honor of paying homage to the late Elizabeth Clare Prophet (1939–2009, once known to millions as Guru Ma) as well as of expressing my gratitude to Karen LeBeau and to The Summit Lighthouse, for the giant work they all have accomplished in propagating the Roerich Heritage in the English-speaking world and for their invariably helpful answers to all my questions.

One more remark. The British and American writers on Roerich and Russian politics in Central Asia tend to concentrate on the purely political aspects of the Great Game, and if they mention its religious and spiritual aspects, it is usually with hardly-masked amazement or irony. However, a look at the map will remind the sceptic that Russia – and the USSR – has Mongolia, Manchuria, and China right across the border, Tibet and India are also not too far away, and there is a significant Buddhist population within Russia/USSR/Russian Federation: the Buryats, the Kalmyks, and at least a part of the people of Tuva (formerly known as Urianghai). The Russian Oriental studies have always been at the world's highest level. Helena P. Blavatsky (1831–1891), the creator of modern Theosophy, was Russian, though she wrote in English, and Theosophy was spreading rapidly among the higher spheres on Moscow, Sankt-Peterburg and other Russian cities at the turn of the 19th and 20th centuries; let it not be forgotten that Konstantine Tsiolkovsky, the father of space travel, was also interested in Theosophy and wrote several works on subjects related to it.<sup>4</sup> The events we are interested in

---

*Joga jako płaszczyzna dialogu między Wschodem a Zachodem.* [In:] *Homo Communicans*. 2: *Человек в пространстве...*, pp. 79–83. M. Gdok-Klafkowska. *Helena I. Rerich (1879–1955) i jej rola w rozwoju ruchów Pax Cultury i Agni Jogi.* [In:] “Zwierciadło Etnologiczne” 2012, No. 1 (Szczecin), pp. 33–37. M. Gdok-Klafkowska, P. Klafkowski. *Mysł o przyrodzie w filozofii rosyjskiej. Szkice do portretu.* [In:] *Ekorozwój i Agenda 21: Interdyscyplinarny model kształcenia.* Ed. by P. Pieczyński. Szczecin: Collegium Balticum, 2007, pp. 135–146.

<sup>4</sup> Compare: M. Gdok-Klafkowska, P. Klafkowski. *Mysł o przyrodzie w filozofii rosyjskiej...* P. Klafkowski. *Czy ludzkość ma jeszcze szansę? Konstanty Ciołkowski, Mikołaj Roerich i Danił Andrejew.* [In:] *Dialog kultur i społeczeństw.* Ed. by B. Afeltowicz, J. Miturska-Bojanowska, H. Walter. Szczecin: volumina pl, 2016, pp. 83–92.

followed the collapse of the Manchu Empire in China (1911), the treaty between Tibet and Mongolia that formerly declared the independence of both countries (1913), the October Revolution (1917), and the second Mongolian declaration of independence in 1921, so they really meant the end of an epoch. Many of the contemporaries believed that all these events were fulfilling ancient Buddhist and Central Asian prophecies (of Shambhala, Maitreya, the rise of a new Chingis Khan in the person of Baron Ungern-Sternberg etc.). The mystic side of the last years of Tsarist Russia is probably best exemplified by the importance at the Tsar's court of Rasputin and the Buriat-born doctor Pyotr A. Badmaev who practiced Tibetan medicine in Sankt-Peterburg (both rose to importance, at least partly, because of giving treatments to the haemophiliac Tsarevitch Alexei). If we remember all that, many of the events described below may suddenly make more sense than it at first appeared.

### Nicholas Roerich, a Biographic Note

As the present paper refers to many events that may not be generally known, it seems advisable to begin with a capsule biography of Nicholas K. Roerich. Our hero was born in Sankt-Peterburg in 1874, in a rich family of a respected notary. As a young child he had serious health problems and the doctors recommended him staying outdoors as much as possible, which resulted in his early interest in nature, landscapes, archeology and history. Already as a child he showed an exceptional gift for drawing. He completed two courses of studies – law at Sankt-Peterburg University and painting at the Academy of Arts. His diploma work, the painting titled *Messenger*, was bought by Andrei Tretaykov and can still be seen in the Tretaykov Gallery. In 1900 he spent a year in France studying painting with Fernand Cormon<sup>5</sup>. On his return to Russia he married Helena Ivanovna Shaposhnikova (1879–1955); they had two sons, Yuri (1902–1960) the Oriental scholar and Svetoslav (1904–1993) the famous painter. In 1913, in Paris, he was the stage and costume designer for the first performance of Igor Stravinsky's ballet *The Rite of Spring*<sup>6</sup>; the original suggestion of the topic and the plot of the ballet is also his, and his name is printed besides Stravinsky's in the published scores of the work.

In 1916 his health deteriorated rapidly and his doctors recommended moving to Finland for its good air.

After the October Revolution he was asked to become the Minister of Culture, but declined on account of his poor health. When the Russian–Finnish border was closed in May 1918 he became a *de facto* exile, though not a political one. The family travelled

<sup>5</sup> Fernand Cormon (1845–1924) was once considered one of France's most important historical painters, but now he is nearly forgotten. His style is often described as academic, though many of his paintings have a clear mystic touch. His painting *The Death of Ravana, the King of Lanka* of 1875 is based on the Indian mythology that Roerich was fascinated with. Both Toulouse-Lautrec and Van Gogh have been Cormon's students.

<sup>6</sup> The premiere of *The Rite of Spring* has been carefully reconstructed by the British ballet and Roerich scholar Kenneth Archer and Mariinsky Orchestra and Ballet, Sankt-Peterburg. It is available as DVD BelAir Classiques BAC241, released 2008.

in Scandinavia, then stayed in London for some time, and finally moved to the United States in 1920, where Roerich quickly became extremely popular, “a star” or “a celebrity” in today’s terms. In 1923, in New York, Nicholas Roerich Museum was opened, functioning until today, the first American art museum devoted to a single artist.

At the end of 1923 the family arrived in India, fulfilling Nicholas and Helena’s life-long dream. In 1923–1925 the Roerichs travelled in India, Sikkim, and Bhutan. In 1925–1928 Nicholas lead the famous Roerich Expedition to Central Asia and Tibet. On their return, the family settled in the township of Naggar, in the Kulu Valley, then in the province of Punjab. It was there they set up the Urusvati Himalayan Research Institute<sup>7</sup>, the first interdisciplinary center of Himalayan studies in all their aspects, from cosmic rays, through botany, biology and geology, to pharmacognosy (one of Nicholas Roerich’s dreams was to find a medical herb that could help curing cancer)<sup>8</sup>, history, and linguistics.

The route of the Roerich Expedition included a one-month detour in Moscow and a few weeks of researches in the Altai and Buryatia. As we shall see, this brief episode still invokes numerous suspicions and controversies.

He maintained good contacts with the United States, where he became a friend of Henry A. Wallace (1888–1965), President Franklin Delano Roosevelt’s Secretary of Agriculture since 1935 and Vice-President of the United States in 1941–1945. In 1934–1935 he led the American Botanical Expedition to Manchuria, Mongolia and China; the main objective of the expedition was the search for draught-resisting grasses that could be planted in the US. His attitude to America was full of enthusiasm, but this is no place to discuss it in details.

Ever since he witnessed the deterioration of Russia’s ancient cities of the “Golden Ring”<sup>9</sup> in the early years of the 20th century, and heard of the destruction of cultural monuments during the Russo-Japanese war of 1904, Roerich dreamt of an international pact that would guarantee the protection of cultural monuments, as well as their personnel, both in times of war *and* peace. The fact that he was also a lawyer, though he

<sup>7</sup> The idea of setting up such an institution was announced in Darjeeling, but the actual institute consisted of two separate buildings at Naggar, Kulu Valley, a short walk up the hill from Roerich’s house.

<sup>8</sup> This point was stressed several times by Svetoslav N. Roerich and his wife Devika Rani Roerich, in their conversations with me at the time I had the honor of being their guest in Naggar in 1976. They both confirmed that Nicholas Roerich believed there was a herbal cure for cancer, and that one should look for it in Tibet or Mongolia. The Urusvati Institute included medical and botanical sections and laboratories, with Svetoslav Roerich heading the botanical unit. On the subject of Tibetan medicine in Russia see Т. И. Грекова. *Тибетская медицина в России, история в судьбах и лицах*. Санкт-Петербург: Атон, 1998.

<sup>9</sup> The collective name of eight larger and several smaller ancient Russian cities north-east of Moscow. Roerich was sent there by the Russian Archaeological Society in 1900 to paint the architectural monuments and document their state of preservation; he made another tour of ancient Russian cities in 1903–1904. The result was one of the most famous series of his paintings, *Old Russia* (almost 90 paintings). Most of them can now be seen at the Museum of the East in Moscow. On the paintings’ turbulent history see R.C. Williams. *Russian Art and American Money 1900–1940*. Cambridge, Mass. and London, England: Harvard University Press, 1980, p. 44.

never practiced law, was of great help, he was also a friend of several eminent Russian lawyers (particularly of Georges Chklaver, 1897–1970). His efforts in this field brought him the Nobel Peace Prize nomination in 1929. The whole story is too long to be told here, but let us note its climax: on April 15, 1935, the Treaty on the Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historic Monuments, best known as the Roerich Pact, was signed in Washington. The Pact received the support of President Roosevelt and the US Government signatory was Henry A. Wallace. This Treaty guaranteed the protection of academic and art institutions, and culture monuments, together with their personnel, in times of war and peace.

As a kind of cultural equivalent of the Red Cross sign Roerich suggested the symbol that is now known as PAX CULTURA, Peace Flag or Roerich Flag: three small red circles within a larger one on white field<sup>10</sup>. This symbol meant *here are cultural treasures, do not attack or destroy!* The symbol can be interpreted as science, art, and religion united in culture, or, in terms of Indian philosophy, as past, present and future united in infinity of the Wheel of Time. Since 1954 the Roerich Flag has been replaced by the Blue Shield<sup>11</sup> as defined by the Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict<sup>12</sup>.

Unfortunately, for reasons that are still not fully explained, the same year witnessed the rapid decline of Roerich's popularity in the United States; we shall return to this point later on in this paper. He never returned to New York, but kept in touch with the various cultural institutions he set up in America. During the Second World War he was very active in promoting and securing the British and American help to the Soviet Union in its war against Germany. He died in Naggar in 1947.

The physical amount of his work is simply staggering – approximately 7 thousand paintings of all kinds, several volumes of academic and philosophic writings, several stage designs for various operas and ballets that became historic (notably *The Rite of Spring*), numerous art institutions he set up, a volume of poems, finally much creative writing that is still not fully known. Unfortunately, we still do not have a collected edition of his writings.

<sup>10</sup> See Plate 3 at the end of this paper. Roerich always stressed that he did not design this symbol himself, pointing to its frequent appearance in both Eastern and Western art.

<sup>11</sup> See Plate 4 at the end of this paper.

<sup>12</sup> This is the Hague Convention of 14.05.1954. It should be noted that the International Roerich Pact Committee has turned over all its documentation to the organizers of the Hague Convention, as the aims of the two were almost identical. However, the Roerich Pact speaks of protection the cultural monuments *both in times of war and peace*, while the Hague Convention limits itself only to the times of armed conflicts, which is a far-reaching difference. For more information about the Roerich Pact in Polish see: L. Gralow. *Pakt Rericha. Ochrona skarbów kultury*. Warszawa: L. Gralow, 1936; S. Nahlik. *Grabież dzieł sztuki, rodowód zbrodni międzynarodowej*. Wrocław–Kraków: Ossolineum, 1958; K. Malinowski (Ed.) *Biblioteka Muzealnictwa i Ochrony Zabytków*. Seria B T. IV: *Międzynarodowa Ochrona Dóbr Kulturalnych, ochrona prawna w razie konfliktów zbrojnych*. Zbiór tekstów wybrał oraz opatrzył wstępem i komentarzem Stanisław Edward Nahlik. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Sztuki, Zarząd Muzeów i Ochrony Zabytków, Ośrodek Dokumentacji Zabytków, 1962; H. Nieć. *Ojczyzna dzieła sztuki, międzynarodowa ochrona integralności narodowej spuścizny kulturalnej*. Warszawa–Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980.

On the other hand, we do have an authoritative edition in Russian of the 14 volumes of the *Agni Yoga* (also known as the *Living Ethics*), a syncretic philosophic-religious system the Roerichs propagated all their lives, originally published between 1924 and 1938, first in Russian, subsequently in English and many other languages<sup>13</sup>. The followers of this system all over the world identify themselves with the sign of a small rectangular plate with Sanskrit words MAITREYA SANGHA<sup>14</sup>, usually – but not necessarily – in red on white<sup>15</sup>.

There is a point that must be clarified here. The English-language sources often refer to our hero as Professor Roerich. He definitely was a professor – he set up his own art school in Sankt-Peterburg in or around 1906 – and he had the right to the title. The problem is that the American press usually called him a professor in the context of his interest in India, Tibet, and Mongolia, thus creating an impression he was a professor in Oriental studies, which he was not.

There are several biographies of Roerich in Russian<sup>16</sup>, English, German, and other languages, but a definitive academic biography, with full annotations and references, still remains to be written.

The Roerich Heritage of Peace Through Culture and Universal Ethics is very much alive and increasingly important in our violent and confused world. Its various aspects are topics of numerous international conferences usually held in Russia or India. It is a pity these do not (yet?) reach Poland.

## The Many Faces of Nicholas Roerich

The points that raise most controversies in connection with Nicholas Roerich are connected either with politics or with the occult, both being risky subjects. Nicholas and Helena Roerich were believers in Theosophy and Helena P. Blavatsky's works<sup>17</sup>, but admitting one's interest in these subjects in today's academic world usually means scorn and ridicule. However, as these questions arise again and again, they cannot

<sup>13</sup> See M. Gdok-Klafkowska. *The Dream of Kanchenjonga...*, pp. 318–319 for bibliography of books on Agni Yoga, and M. Gdok-Klafkowska. *Агни-Йога, Учение зчивой этики...*, pp. 79–83 for an introduction to this system. Agni Yoga consists of 14 volumes in Russian and 17 volumes in English; the difference stems from the fact that the last volume in Russian has been divided into four parts in English because of its length. The editions in English and Russian are considered equally authoritative. The Russian edition is now published by the MCR (Международный центр Рерихов) in Moscow, and the English edition, by the Agni Yoga Society, New York. I would also like to mention a Russian edition in two volumes – *Agni Yoga, Учение зчивой этики* – published by the EKSMO Publishers, Moscow 2003; this edition contains a detailed chronology of the first volume that is usually not given in other editions.

<sup>14</sup> These words mean *Maitreya's Community*, Maitreya being the name of the Buddha who is to come in future as the last Buddha of the present age.

<sup>15</sup> See Plate 5 at the end of this paper.

<sup>16</sup> For a list of Roerich's biographies in Russian see M. Gdok-Klafkowska. *The Dream of Kanchenjonga...*, p. 308.

<sup>17</sup> Some sources suggest that it was Helena who introduced Nicholas to Theosophy. It was also Helena Roerich who translated H.P. Blavatsky's *opus magnum*, *The Secret Doctrine*, into Russian.

forever be swept under the carpet of the “purely academic”. Whoever is seriously interested in Nicholas Roerich and his family – some of the most remarkable people of our times – has to be prepared to tackle such points. Theosophy is not considered an academic topic and if it is mentioned in religious-science textbooks it is usually in the context of *ex cathedra* absolute rejection, but it was extremely important to the Roerichs and much of their heritage cannot really be understood without knowing at least the basic tenets of it. One does not have to accept it, but in the context of the Roerichs, one cannot ignore it, either<sup>18</sup>.

Probably one of the best known Roerich controversies is his story of the mysterious book kept in Hemis Monastery in Ladakh and containing an account of Jesus Christ's stay in India during his “missing years”. This story has acquired its own and quite considerable literature both for and against it. Whatever one's stand here is, this topic can be considered sufficiently known and it does not fall within the scope of the present paper<sup>19</sup>.

From his writings one thing seems obvious – Nicholas Roerich was extremely fond of everything secret and mysterious. He enjoyed the role he fit to perfection – the one of a Wise Guru from Russia (from WHERE?) talking to rich American audiences about India, Tibet, and Mongolia, the lands and cultures his listeners knew nothing about. Whispers of the forbidden secrets of the East followed him wherever he went, no doubt with his knowledge and consent, and attracted even more people to his lectures and exhibitions of paintings. The message Roerich tried to break to the West was and remains of paramount importance – *Peace Through Culture* and *Universal Ethics*, or to use their best-known names, *PAX CULTURA* and *AGNI YOGA* – and therefore increasingly larger and larger crowds at Roerich events meant more opportunities for the Cause (to use the capital letter in a Theosophic way).

There are three questions that return again and again wherever Roerich is mentioned: the story of his claims to have been the reincarnation of the Great Fifth Dalai Lama of Tibet, his alleged dreams of setting up a united Buddhist state in Central Asia with the help of the self-exiled Sixth Panchen Lama of Tibet (which involves the various guesses concerning the ulterior reasons of his Central Asian expeditions), and finally the overall question: was he a Communist, a Bolshevik, a spy, all of it or none of it (strike out the inapplicable)?

The above questions have taken a new dimension in recent years thanks to the publication of Zina Fosdick's memoirs<sup>20</sup> and several manuscript works by Helena Roerich, Nicholas Roerich's wife<sup>21</sup>. There is an unfortunate side to it – the publication of works

<sup>18</sup> See the book in Polish, A. Wańka. *Teozoficzna panreligia*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2006. This excellent monograph written by a Roman Catholic priest is remarkably impartial and deserves a careful study.

<sup>19</sup> See E.C. Prophet. *The Lost Years of Jesus. On the discoveries of Notovich, Abhedananda, Roerich, and Caspari*. Malibu, California and Livingstone – Montana: Summit University Press, 1984.

<sup>20</sup> Zinaida Grigor'evna Fosdik (1889?–1970), who was born in Odessa and lived in New York since 1914, was one of the closest friends of the Roerichs. Her attitude to them is best exemplified by the title of her memories: *Мои учителя, Встречи с Рерихами, По Страницам Дневника 1922–1934* [*My Teachers, Meetings with the Roerichs, Pages from Diaries 1922–1934*]. Москва: Сфера 2002.

<sup>21</sup> For all the particulars see M. Gdok-Klafkowska. *The Dream of Kanchenjonga...*, pp. 311–312 and

of private, deeply personal, and spiritual character seems to have done more harm than good, as these items are now used as if they were academic sources of information. Helena Roerich often stressed that the time was not yet ripe to publish this or that, and it seems she was all too right on the point! People have not changed much, and as always, they are generally more interested in loud sensations than in quiet wisdom.

Gdok-Klafkowska's paper of 2011 listed all the Russian language sources known to us in 2007<sup>22</sup>. From my own point of view, I would like to add some important works in English, Meyer and Brysac (excellent work but with rather clumsy system of footnotes)<sup>23</sup>, Culver and Hyde<sup>24</sup>, Stasulane (one of the best monographs on N. Roerich that I know)<sup>25</sup>, Dryer (an excellent work but very badly edited and lacking sufficient footnotes and references)<sup>26</sup>, and Hopkirk<sup>27</sup>. One should also mention a recent and fairly detailed biography of Roerich in German by Waldenfels<sup>28</sup>.

One book is a class of its own and needs a very special word of thanks – *The Occult in Russian and Soviet Cultures*, an inexhaustible mine of information not to be found anywhere else, at least not in English<sup>29</sup>.

Let me also mention the works to which I have no access, so as to pre-empt criticism from those having better libraries or finances: Maria Carlson's history of Theosophy in Russia<sup>30</sup>, Edwin Bernbaum's work on Shambhala<sup>31</sup>, Shaumian's history of Tibet in the context of Tsarist Russia and the Great Game<sup>32</sup>, the three books in Russian on the Roerich Expedition written by its senior members (Dekroa<sup>33</sup>, Portniagin<sup>34</sup>,

---

318–319.

<sup>22</sup> M. Gdok-Klafkowska. *The Dream of Kanchenjonga...*

<sup>23</sup> K.E. Meyer, S.B. Brysac. *Tournament of Shadows, the Great Game and the Race for Empire in Central Asia*. New York: Basic Books, 1999, pp. 462–463.

<sup>24</sup> J.C. Culver, J. Hyde. *American Dreamer, A Life of Henry A. Wallace*. New York and London: W.W. Norton & Company, 2001.

<sup>25</sup> Stasulane A. *Theosophy and Culture. Nicholas Roerich*. Roma: Editrice Pontificia Universita Gregoriana, 2005, pp. 291–292.

<sup>26</sup> R.A. Drayer. *Nicholas and Helena Roerich, the Spiritual Journey of Two Great Artists and Peacemakers*. Wheaton, Illinois and Chennai – India: Quest Books, 2005.

<sup>27</sup> P. Hopkirk. *Wielka Gra*. Poznań: Zysk i S-ka, 2011. The Polish translation (2011) of *The Great Game. On Secret Service in High Asia*.

<sup>28</sup> E. Waldenfels. *Nikolai Roerich Kunst, Macht und Okkultismus*. Berlin: Osburg Verlag, 2011.

<sup>29</sup> B.G. Rosenthal (Ed.) *The Occult in Russian and Soviet Cultures*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1997.

<sup>30</sup> M. Carlson. *No Religion Higher Than Truth. A History of the Theosophical Movement in Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1993; К.Н. Рябинин. Развенченный Тибет. Урал: Амрита, 1996.

<sup>31</sup> E. Bernbaum. *Shambhala. A Search for the Mythical Kingdom Beyond the Himalayas*. New York: Shambhala, 2001.

<sup>32</sup> T. Shaumian. *Tibet. The Great Game and Tsarist Russia*. New Delhi: Oxford University Press, 2000.

<sup>33</sup> N. Dekroa (= N.V. Kordashevskiy) was the Expedition's security officer. See N. Dekroa. *Тибетские странствия полковника Кордашевского (с экспедицией Н.К. Рериха по Центральной Азии)*. Санкт-Петербург: Aiurveda Press, 2000.

<sup>34</sup> П.К. Портнягин. *Современный Тибет. Экспедиционный дневник 1927–1928*. "Aryavarta Jour-



Riabinin<sup>35</sup>), finally the more recent works by A. Andreev<sup>36</sup> whose prices place them beyond my means<sup>37</sup>.

Let me now briefly present my views on the three questions presented above. I think I ought to repeat that these are my own reflections, nothing more than that, and that I obviously have no proof to support them.

### Was Nicholas Roerich a Communist, a Bolshevik, or a spy?

As Małgorzata Gdok-Klafkowska stated in her paper of 2011, Roerich – though an émigré – was not a typical political exile fleeing the October Revolution<sup>38</sup>. Even if, at some time, he did write or speak in public against the Soviet rule<sup>39</sup>, he appears to have been not an enemy, rather a harsh though understanding critic. It seems he really loved his country *no matter who ruled it*, and always wanted to work for it, if not outright to return to it one day.

Was he a Bolshevik? Was he a Communist? Had he been one, what would have been more obvious than accepting the post of a Culture Minister he was offered in Petersburg in 1918, maybe on condition that he takes it when his health improves?<sup>40</sup>

It seems that the credit for accusing Nicholas Roerich of Bolshevism (indeed, if he considered it an accusation) goes to the Right Hon. Lieutenant Colonel Frederick Marshman Bailey C.I.E, the British Political Officer for Sikkim and Tibet, who was stationed in Gangtok in 1921–1928 (he lived 1882–1967).

Dryer tells the story of how Colonel Bailey decided Roerich was a Communist<sup>41</sup>. The point was simple. When in Sikkim, Roerich met Col. Bailey and his party. Some time prior to that meeting one of Roerich's Sikkimese guides told him that really all men are equal no matter how much wealth they have. To Roerich this statement seemed an echo of Swami Vivekananda's teachings and he was so impressed that the enthusi-

---

nal" 1998, vol. 2. Санкт-Петербург, 1998.

<sup>35</sup> K.N. Riabinin, who was a doctor, took care of the health matters, and P.K. Portniagin was in charge of supplies and transportation. See Bibliography Section III.

<sup>36</sup> А. Андреев. *Тибет в политике царской, советской и постсоветской России*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, Нартанг, 2006; А. Андреев. *Перухи. Мифы и факты*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011; А. Andreyev. *The Myth of the Masters Revived. The Occult Lives of Nikolai and Helena Roerich*. "Eurasian Studies Library" 2014, vol. 4 (Leiden: Brill Academic Publishers).

<sup>37</sup> Other than with direct quotations from Fosdick and references to Dorjiev's books, this paper is based solely on the English language sources, which enables me to show one particular point of view and try arguing with it.

<sup>38</sup> M. Gdok-Klafkowska. *The Dream of Kanchenjonga...*

<sup>39</sup> А. Andreyev. *Soviet Russia and Tibet. The Debauch of Soviet Diplomacy*. "Brill's Tibetan Studies Library" 2003, vol. 4 (Leiden and Boston: Brill), p. 294; R.A. Drayer. *Nicholas and Helena Roerich...*, p. 200; А. Stasulane. *Theosophy and Culture...*, p. 291–292.

<sup>40</sup> At that time Roerich had serious health problems and his doctors advised him to live in Finland due to its better climate and air. The exact nature of his problems is not known, but his biographers note that his health was so bad he had written his last will, so it must have been serious.

<sup>41</sup> R.A. Drayer. *Nicholas and Helena Roerich...*, pp. 101–102.

astically repeated the guide's words to Bailey, giving them his own full support. This, apparently, convinced Bailey that Roerich was a Communist, so he denounced him to both the British and the Tibetan Governments. If this tale is true, and it certainly has the ring of truth, then there are probably more Communists in the world that even Bailey might fear! This episode is not dated, but Drayer says Bailey denounced Roerich to the British and the Tibetans "a few days before Roerich's fifty-third birthday"<sup>42</sup>.

Let us have a closer look at Bailey's opinion about Nicholas Roerich as quoted by Dryer: "(October 1927) Professor Roerich intends visiting Tibet and that he is a Bolshevik... I met Professor Roerich in Darjeeling in May 1924 and his son George stayed for a few days with me in April 1924 in Gangtok. At that time they were anti-Bolshevik...."<sup>43</sup>.

There is something amazing here. At the time Bailey met the Roerichs for the first time, in 1924, he was sure they were not Bolsheviks. He never met them again until 1928, but in 1927 he denounced them to the Tibetan Government as Bolsheviks, and really sentenced the Roerich Expedition to death. The Tibetan Government detained them at Nagchu, even to the Tibetans the coldest and worst place in Tibet to stay in winter; after all, the Roerichs were detained on Bailey's denunciation, so he bore the responsibility for it. One might wish to see Bailey's face when he learnt that the Roerichs had survived the ordeal, even though three Mongols and two Tibetans travelling with the expedition died of cold. After all, he had to be their host yet again, in May 1928. A year later, as reported by Meyer and Brysac, Bailey referred to N. Roerich in the following way to an unspecified colleague in Washington: "The man is... a humbug, a bad painter... but in character rather agreeable in a vague way, and almost certainly not a Bolshevik agent"<sup>44</sup>. He confirmed the opinion to his mother: "They were not Bolshie then but... now are working for them. They tried to get into Lhasa but the Tibetans wouldn't let them. Don't mention the above to anyone"<sup>45</sup>. He does not say that the Tibetans stopped the Roerich Expedition at least partly because of his warning. *Kill a Commie for mommy* ... somehow it sounds familiar.

Finally, the spying charges. This is obviously a very different matter and only the full access to archive materials may ever prove or disprove them. Many books on Nicholas Roerich by British and/or American authors are full of allegations or suspicions of this kind. Let us ask the basic question – whose spy would he be? The Soviet one in India, Tibet, and the US? The White Russian or American spy in Moscow at the time of the Roerichs' brief visit to the USSR in 1926? The American spy in Central Asia? Both, in Harbin, Manchuria, and China? I leave aside the suspicions that he may have been an American spy, but a Soviet one? It seems hardly possible that Feliks Dzerzhinsky<sup>46</sup>

<sup>42</sup> Ibidem.

<sup>43</sup> R.A. Drayer. *Nicholas and Helena Roerich...*, p. 232.

<sup>44</sup> K.E. Meyer, S.B. Brysac. *Tournament of Shadows...*, p. 472.

<sup>45</sup> Ibidem.

<sup>46</sup> The Roerichs stayed in Moscow June through September 1926 (R.C. Williams. *Russian Art...*, pp. 126–128). J. Decter. (*Nicholas Roerich, The Life and Art of a Russian Master*. Rochester, Vermont: Park Street Press, 1989, p. 203), has this to say: „Some weeks later, Roerich and George (+Yuri, PK) were sitting in the CHEKA reception room waiting to see Felix Dzhherzninsky, the head of that orga-

would employ so unpredictable a man as a Soviet spy. If half of the stories of his temper during his two expeditions are true, such appointment would only mean trouble.<sup>47</sup>

### What were the true motives behind his expeditions?

It is generally believed by historians and Roerich's biographers that his two expeditions to Central Asia in 1925–1928 and 1934–1935 have been backed by some ulterior motives. Was he, as some suggest, really trying to find Shambhala in the Altai in 1926?<sup>48</sup> Did the Roerichs really find the Belovodye – the White Waters – and were told by its people to keep quiet about it? Is this why George Roerich's official report of the expedition leaves the Altai episode unmentioned?<sup>49</sup> But again, why has Nicholas Roerich devoted a whole chapter of his own book to it? Why has the son said not even one word about something that was so important to his father?

It seems of no doubt that Roerich truly considered himself a messenger of the Western Buddhists to Tibet and Mongolia. Did he really dream of setting up a united Buddhist state<sup>50</sup> (consisting of Tibet, Mongolia, possibly Buryatia and at least some parts of Manchuria) in Central Asia, possibly with the help of the self-exiled Sixth Panchen Lama?<sup>51</sup> Is this why Roerich is heaping praises on the Sixth Panchen – although he invariably calls him “*Tashi Lama*”<sup>52</sup> – while he has only words of harsh criticism for the Great XIII Dalai Lama? Meyer and Brysac state that “the return of the Panchen to Tibet was the one goal on which the Tibetans, Chinese, British, and Russians were agreed”<sup>53</sup>. A few lines below, they add a significant statement: “The British wanted the Panchen to return, but not under the aegis of the Russians, which helps explain their obsession

---

nization, when Dzherzhinsky suddenly dropped dead in his Office”. Are we to understand that the Mahatmas have killed him, just in case he might wish to arrest the Roerichs and send them to prison camps?

<sup>47</sup> I have no access to the diaries of Dekroa, Portniagin and Riabinin, but R.C. Williams. *Russian Art...*, pp. 138–139 repeats the words of the senior American member of the 1934–1935 Roerich Botanical Expedition which make it clear Roerich was not an easy expedition leader to work with.

<sup>48</sup> On the basis of Roerich's published works in both Russian and English it seems of no doubt he believed in the existence of the subterranean kingdom of Shambhala somewhere under the Himalayas, and connected the story with the Altai traditions of the underground country of Belovodye.

<sup>49</sup> George Roerich's *Trails to Inmost Asia, Five Years of Exploration with the Roerich Central Asian Expedition*, New Haven 1931, does not say anything about the Expedition's work in the Altai, while his father's *Altai–Himalaya*, New York 1929, has a whole chapter devoted to it.

<sup>50</sup> Decter makes such claims, but gives no references to support them. Compare: J. Decter. *Nicholas Roerich, The Life and Art of a Russian Master*. Rochester, Vermont: Park Street Press, 1989, pp. 188–189.

<sup>51</sup> The Sixth Panchen Lama fled to China in 1923. His reasons are attributed to the taxing of Tashi Lhunpo Monastery by the Tibetan Government of the XIII Dalai Lama, but the episode is not fully explained yet.

<sup>52</sup> The name is not incorrect – the monastery of the Panchen Lamas is called *Tashi Lhunpo* – but the Tibetans always referred to him as Panchen Lama or Panchen Rinpoche.

<sup>53</sup> K.E. Meyer, S.B. Brysac. *Tournament of Shadows...*, p. 467.

with the Roerich Expedition”<sup>54</sup>. If this is true, obviously the US sponsors of the expeditions – and particularly of the Botanical Expedition of 1934–1935 – would have to be in the know, first of all Henry Wallace, Roerich’s direct link to President Roosevelt. But if so, why did Wallace make such an abrupt turn when the conflict exploded between Nicholas Roerich and Louis Horch, who administered the Nicholas Roerich Museum in New York in Roerich’s absence? What links, if any, connected Horch and Wallace?<sup>55</sup>

Culver and Hyde have the following to say: “In mid-June 1935 Wallace wrote Horch that in a few days he would be at the Newark airport for two hours on his way to Connecticut and would like to meet privately. Whatever was said during those two hours changed everything”<sup>56</sup>. It seems obvious that it was Wallace who made Horch turn against Roerich, not the other way round.

Let us remember that the above meeting took place only two months after the climax of Roerich’s efforts of almost four decades – the signing of the Roerich Pact in Washington on April 15, 1935. The Pact was supported by the US President Franklin Delano Roosevelt, and the United States signatory was the same Henry Wallace, the US Secretary of Agriculture in 1935 and the Vice President in 1941–1945. A possibly significant point here is that President Roosevelt’s mother was a descendant of Franklin Delano II (1808–1898), the man who spent many years in China where he is said to have made and lost millions. Culver and Hyde hint in a footnote that President Roosevelt may have been favorably disposed to Nicholas Roerich and his ideas because of his (= Roosevelt’s) mother<sup>57</sup>.

However, neither Horch nor Wallace have ever disclosed the details of that fateful conversation that marked the end of Nicholas Roerich’s unlimited popularity in America. Was it only the case of ca. 50 thousand dollars that Roerich allegedly had not paid in taxes? That must have been small change to men like Horch and Wallace. It seems that someone clearly wanted to get rid of Roerich, and it must have been SOME someone. At the moment we cannot even guess who he was and what his motives were.

To add one more trouble, at that same time Roerich was criticized by American press for his behavior in Manchukuo, the puppet state US did not recognize: Roerich presented the honorary medal of the Roerich Museum in New York to the puppet emperor of Manchukuo, supposedly claiming he did it on behalf of the US Government. However, Roerich was not an American citizen, so the act – though, if true, an irresponsible one – could easily be dismissed as not involving the US in any way.

Another point – even the most detailed accounts of Roerich’s expeditions agree there is no evidence whatsoever of any contacts between Roerich and the Sixth Panchen Lama<sup>58</sup>. This, in turn, puts a question mark on his alleged plans to get the

---

<sup>54</sup> Ibidem.

<sup>55</sup> For a more detailed account of the conflict between Horch, Wallace, and Roerich see R.C. Williams. *Russian Art...*, pp. 140–144. The statements by Williams concerning Roerich promising American support to Mongolian liberation movements are not confirmed in many the source works at my disposal.

<sup>56</sup> J.C. Culver, J. Hyde. *American Dreamer...*, p. 141.

<sup>57</sup> Ibidem, p. 136.

<sup>58</sup> A. Andreyev. *Soviet Russia and Tibet...*, p. 303.

Panchen's help in setting up a Buddhist state in Central Asia. All we have are Roerich's words of April 19, 1926 to Alexander Bystrov, the USSR Consul at Urumchi, concerning Roerich's hope of getting in touch with the self-exiled Panchen.<sup>59</sup>

And yet another related point. It seems obvious to Roerich biographers that, if he had any long-range political plans connected with Tibet, the exiled Panchen Lama, or the alleged Buddhist state in Central Asia, the one man he would have to be in close contact with was Agvan Dorjiev<sup>60</sup>. As far as I know, Roerich's relations with Dorjiev have not been studied in detail as yet.

There may be yet another side to all this. Many sources indicate that all kinds of suspicions about Roerich really began with his brief visit to the USSR in 1926. Is it necessary to conclude he was a Soviet spy? It seems that the British and American biographers of Roerich base such conclusion not on the fact he was allowed to enter the USSR, but because he was allowed to leave it<sup>61</sup>. However, the USSR of 1926 was not yet Stalin's land of terror. Roerich's sister and brother lived there and nothing threatened them. Two of Roerich's friends from the university held the highest government ranks – G. Chicherin the Foreign Affairs Commissar, and A. Lunacharsky the Commissar of Education (including art and culture). Two of the most important and influential Soviet writers – Vladimir Mayakovsky the poet and Maxim Gorky the novelist – were Roerich's friends and advocated his visit. It is also known that Nadezhda Krupskaya, Lenin's widow, was interested in meeting Roerich. On top of all that, let us not forget that two of Roerich's powerful American sponsors, Sina<sup>62</sup> and Maurice Lichtmann, ar-

<sup>59</sup> K.E. Meyer, S.B. Brysac. *Tournament of Shadows...*, pp. 462–463.

<sup>60</sup> Agvan Dorjiev (Tib. Ngawang Dorje), 1854–1928, was a Buryat Buddhist monk who rose to the rank of the adviser to the XIII Dalai Lama and is generally regarded to have been the most important link between Russia (both before and after the October Revolution) and Tibet. It is known that Dorjiev and Roerich met already at the turn of 1908/1909, when Dorjiev set up a committee to support the idea of building a Buddhist temple on the outskirts of Sankt-Peterburg (see J. Snelling J. *Buddhism in Russia, the Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar*. Shaftesbury, Dorset – Rockport, Massachusetts – Brisbane, Queensland: Element Books, 1993, p. 136). I have consulted two of Dorjiev's works available to me – his memoirs and his account his his trip round the world (A. Dorjiev A. *Dorjiev. Memoirs of a Tibetan Diplomat*. Ed. and transl. by Thubten Jigme Norboo and Dan Martin. "Hokke Bunka Kenkyou. Journal of the Institute for the Comprehensive Studies of the Lotus Sutra" 1991, vol. 17 (Tokyo: Rissho University) and A. Доржиев. *Занимательные заметки, описание путешествия вокруг света (Автобиография)*. "Памятники письменности Востока" 2003, No 133), and Roerich's name does not appear in either. Of course, it may also mean that the matters between the two men were too confidential to allude to them in print. See also A. Андреев. *Храм Будды в Северной Столице*. Санкт-Петербург: Нартанг, 2004.

<sup>61</sup> A good example from K.E. Meyer, S.B. Brysac. *Tournament of Shadows...*, p. 466: "Roerich repeatedly denied that his was a Soviet expedition, but without the tacit blessings from Moscow he could not have proceeded from Siberia through Mongolia and Tibet, nor would he have been able to procure the five cars lent by the Soviet trade mission in Outer Mongolia for the five cars lent by the Soviet trade mission in Outer Mongolia for *the Shambhala project*". Tibet had no relations with the USSR, so any "tacit blessings from Moscow" would not help the Roerich Expedition with the Tibetan Government.

<sup>62</sup> That is Zinaida G. Fosdik, M. Lichtmann's wife, see fn. 20 above.

rived in Moscow almost exactly at the same time as the Roerichs did, no doubt as some kind of security in case things went wrong.<sup>63</sup>

Too much is sometimes made of the help that the Soviet Government gave the Roerich Expedition. Some claim that the Soviets supplied Roerich with arms and ammunition. As we learn from Williams: “The Soviet government provided passports and two Browning revolvers to the expedition and Louis Horch added another 100.000 dollars to Roerich’s bank accounts in exchange for his five series of paintings (*His Country, Sikkim, Tibetan Path, Himalaya, and Banners of the East*)”<sup>64</sup>. Let us remember that the word *passport* in 1926 did not mean today’s document confirming the identity and nationality/citizenship of the bearer, but simply stood for a travel permit (= permission to pass). Two Brownings do not make an army and can hardly equal a hundred thousand dollars.

### **Did Roerich claim to be the reincarnation of the Great Fifth Dalai Lama of Tibet?**

The third and last Roerich controversy brings us to the realm of the spiritual. What is the original source of the claim?

Meyer and Brysac say the following: “There (= in Darjeeling), if we are to believe British intelligence reports, Roerich also met with Tibetan monks who recognized him – by virtue of the seven moles on his neck that formed the astronomical design of the Great Bear – as the reincarnation of the great Fifth Dalai Lama”<sup>65</sup>. The exact source is not given. The date is not given, but the context suggests 1923 as the year of the event.

Andreyev repeats the story with some differences<sup>66</sup>. The seven moles move to Roerich’s right cheek (though no photograph of Roerich that I have seen seems to show them, and seven moles ought to be noticeable), and the entire story is given as a confirmation of Helena Roerich’s earlier discovery of the same. Andreyev gives his source as Sidorov (compare: Sidorov’s book *Na vershinax*<sup>67</sup>). I have no access to that edition, but the book is included in the third volume of Sidorov’s collected writings in five volumes<sup>68</sup>.

---

<sup>63</sup> In this context one feels tempted to ask on what charges should the Roerichs be arrested and imprisoned? They were not political enemies, Nicholas Roerich was tireless at propagating Russian culture in the US and could be an important link between the USSR and the US, and any accusations of anti-Soviet activities were out of question. One often gets the impression that the writers accusing Roerich of being a Soviet spy are really just disappointed he was not arrested and sent to prison camps right on his arrival in the USSR in 1926.

<sup>64</sup> R.C. Williams. *Russian Art...*, p. 128.

<sup>65</sup> K.E. Meyer, S.B. Brysac. *Tournament of Shadows...*, p. 457.

<sup>66</sup> A. Andreyev. *Soviet Russia and Tibet...*, p. 295.

<sup>67</sup> Valentin M. Sidorov (1932–1998) was the key man in the great revival of interest in Roerich in the USSR in the 1980s. The title of the book in question translates as *On the summits*. See M. Gdok-Klafka. *The Dream of Kanchenjonga...*, pp. 317–318.

<sup>68</sup> В Сидоров. Семь дней в Гималаях. Москва: Издательство Художественная литература, 2000, pp. 3–142.

Andreyev also gives two references to Sine Fosdick's diaries<sup>69</sup>. Let us have a look at them.

On July 29, 1922, Fosdick wrote: "In between, N.K. (= Nicholas Konstantinovich) voluntarily revealed himself to have been the Dalai Lama of Tibet, as M.M. said. He is a high spirit and has a giant mission in the Russia of the future"<sup>70</sup>.

Leaving aside the ambiguity of "He" (does it refer to N.K. or to M.M.?), let us concentrate on the latter. Who is, or was, M.M.? As the context clearly indicates the initials stand for Master Morya, the Mahatma Guide of the Roerichs<sup>71</sup>. He usually communicated through Helena Roerich, so Andreyev's attributing the information to her is justified – in a way. Master Morya, also referred to as El Morya or El Morya Khan, was claimed by Helena P. Blavatsky to have been one of her chief teachers and guides. Let us not forget that both Nicholas and Helena Roerich were Theosophists. The passage indicates that Roerich made such claims on Master Morya's authority before meeting the Tibetan lamas in Darjeling a year later.

On August 14, 1928, Fosdick wrote: "N.K. was the Fifth Dalai Lama who built the Potala. He jokingly remarked that he advertizes himself by talking well about him (= the Fifth Dalai Lama) in his own work. The ancient art of Tibet is fine, but not the new one and (no) imitating of China and India"<sup>72</sup>.

So, it seems, Roerich believed himself to be the reincarnation of Great Fifth Dalai Lama (1618–1673) on the authority of Mahatma El Morya<sup>73</sup>. So far there are only two Dalai Lamas the Tibetans call Great, the Fifth and the Thirteenth. Does this make any sense? It is true that there was much confusion in Tibet after the death of the Great Fifth, and three different monks were believed by different parties to be his true reincarnations<sup>74</sup>. As my Tibetan teachers explained, it *IS* possible that in time of trouble such a high spiritual being as a Dalai Lama – the visible manifestation of Bodhisattva Avalokiteśvara – may "split" and reincarnate his three constituents – body, speech, and mind – separately, to become one when the time of trouble passes. In this way, the triple reincarnation of the Great Fifth – one now officially listed as Sixth, one as Seventh, and the third one generally regarded an impostor and a puppet in the hands

<sup>69</sup> A. Andreyev. *Soviet Russia and Tibet...*; З.Г. Фосдик. *Мои учителя. Встречи с Перухами. По страницам дневника 1922–1934*, pp. 77 and 289, entries for 29 July 1922 and 14 August 1928.

<sup>70</sup> З.Г. Фосдик. *Мои учителя...* Transl. from the Russian by PK.

<sup>71</sup> Master Morya was first mentioned by Helena P. Blavatsky. For a detailed discussion of the influence of Theosophy on Nicholas and Helena Roerich see Andreyev 2008 (in Russian) and 2014 (in English).

<sup>72</sup> З.Г. Фосдик. *Мои учителя...* Transl. from the Russian by PK.

<sup>73</sup> So far only two Dalai Lamas are referred to by the Tibetans as Great, the Fifth One Ngawang Lobzang Gyatsho (1617–1683) and the Thirteenth One Thubten Gyatsho (1876–1933).

<sup>74</sup> See for full details: Dharmatāla Damchö Gyatsho. *Rosary of White Lotuses, Being the Clear Account of How the Precious Teaching of Buddha Appeared and Spread in the Great Hor Country*. Transl. from the Tibetan and annotated by P. Klafkowski. "Asiatische Forschungen" 1987, Bd. 95 (Wiesbaden), pp. 302–323 (original pagination), pp. 259–277 (Western pagination); Klafkowski P. *The Secret Deliverance of the Sixth Dalai Lama as Narrated by Dharmatāla*. "Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde" 1979, Heft 3 (Wien); Petech L. *China and Tibet in the Early XVIII Century*. Leiden: Brill, 1972.

of a Mongol Khan in Tibet – have become one in the person now officially listed as the Eighth Dalai Lama<sup>75</sup>. Therefore, Roerich's claims do not seem to hold water. Also, it seems unbelievable that such information should be disclosed – to a foreigner! – by monks from one of Tibet's important monasteries, as Andreyev has it<sup>76</sup>.

The Fourth Dalai Lama Yonten Gyatsho (1589–1617), a native Mongolian, still remains the only Dalai Lama so far who was not a Tibetan.

Of course, it is possible that the British intelligence sources referred to by Meyer and Brysac and Andreyev will become available someday. However, as far as the accuracy of British intelligence services goes in Russian contexts, let me recall that H.E. Richardson, the last British Representative in Tibet, wrote to his colleague Basil Gould on July 1, 1946: “They say that he (= Amdo Gendun Chosphe<sup>77</sup>) is corresponding regularly with /Nicholas/ Roerich, a Soviet Tibetologist”<sup>78</sup>. As we see, British Russophobia was not always backed by knowledge.

## He Who Laughs Last Laughs Best

Meyer and Brysac quote the following words by Roerich noted down by Riabinin: “Roerich says that if the Dalai Lama refuses to accept the Mission of the Western Buddhists and if America is not given an urgent reply, then the separation of the Eastern and Western Buddhists is inevitable. Instead of gaining the friendly help of powerful America, there will be difficult consequences for Tibet”<sup>79</sup>.

In the final count it is clear that Roerich was right. Tibet discouraged both the Russians (by refusing to have any direct relations with the USSR), the Americans (by mishandling the Roerich Expedition that claimed, even if incorrectly, to represent the United States), and even its closest neighbors the Indians (by raising territorial claims against India already in its independence year 1947). The Tibetan Government blindly

<sup>75</sup> Jampel Gyatsho, 1758–1804.

<sup>76</sup> A. Andreyev. *Soviet Russia and Tibet...*, p. 295.

The monastery in question is the Moru Monastery, also known as Maru Gompa (dmar ru dgon pa). Some information about it is given by Ferrari, A. *Mk'yen brtse's Gude to the Holy Places of Central Tibet*. “Serie Orientale Roma” 1958, vol. 16. Roma: Instituto Italiano per il Medio ed Estremo Orienta, pp. 41, 87, and 94–95.

<sup>77</sup> Amdo Gendun Chosphe<sup>77</sup> (A mdo dge 'dun chos 'phel), who lived 1903?–1951, was one of the best known and most controversial Tibetan monks of his time, involved for a time with the short-lived Tibet Improvement Party. He spent his last years in jail in Lhasa. In the 1970s, several Tibetans told the undersigned that at the time of Gendun Chosphe's arrest in July 1946 many people in Lhasa were convinced that H.E. Richardson denounced him to the Tibetan Government as a Marxist disguised as monk, a friend and assistant of Roerich (of course, of George/Yuri Roerich, not Nicholas), and so a man with suspicious Soviet connections. More about it can be found in: M.C. Goldstein. *A History of Modern Tibet 1913–1951. The Demise of a Lamaist State*. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press, pp. 452–463.

Gendun Chosphe is probably best remembered today for his book in Tibetan on the arts of love, the Tibetan equivalent of the Kamasutra.

<sup>78</sup> M.C. Goldstein. *A History of Modern Tibet...*, p. 462.

<sup>79</sup> K.E. Meyer, S.B. Brysac. *Tournament of Shadows...*, pp. 469–470.



believed the likes of Colonel Bailey, which left it completely alone on its Roof of the World. When China invaded, Britain turned its back on her former ally, India was too weak to do anything (having just been partitioned and burdened with two Pakistans at its borders), and both the US and the USSR were not interested in helping the country that refused to have any direct dealings with them. Great Britain and the US have blocked Tibet's last-minute desperate attempt at joining the United Nations Organization. Roerich's words came true, with a vengeance.

## Plates



Plate 1. Nicholas K. Roerich 1874–1947<sup>80</sup>



Plate 2. Helena I. Roerich 1879–1955<sup>81</sup>

<sup>80</sup> Source: [Online:] <[https://www.google.pl/search?q=Nicholas+K.+Roerich+1874%E2%80%931947&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwiOirum2dPQAhXDfywKHfgDBUIQ\\_AUICCGB&biw=1600&bih=794#imgrc=omk3EwSPZCn03M%3A](https://www.google.pl/search?q=Nicholas+K.+Roerich+1874%E2%80%931947&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwiOirum2dPQAhXDfywKHfgDBUIQ_AUICCGB&biw=1600&bih=794#imgrc=omk3EwSPZCn03M%3A)> (10.09.2016).

<sup>81</sup> Source: [Online:] <<http://channelings.tripod.com/id153.html>> (10.09.2016).



**PAX CULTURA**

Plate 3. The *PAX CULTURA* Flag also known as the Peace Flag or the Roerich Flag<sup>82</sup>



Plate 4. The Blue Shield Sign introduced by the Hague Convention of 1954<sup>83</sup>



Plate 5. The *MAITREYA SANGHA* sign of the Agni Yoga Societies all over the world<sup>84</sup>

<sup>82</sup> Source: [Online:] <[https://en.wikipedia.org/wiki/Roerich\\_Pact#/media/File:Pax\\_cultura.svg](https://en.wikipedia.org/wiki/Roerich_Pact#/media/File:Pax_cultura.svg)> (10.09.2016).

<sup>83</sup> Source: [Online:] <[https://www.google.pl/search?q=The+Blue+Shield+Sign+introduced+by+the+Hague+Convention+of+1954&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwj71IO\\_3dPQAhUBvBQKHYYUAusQ\\_AUICCGB&biw=1600&bih=794#imgrc=UFcZF5-RqJN\\_QM%3A](https://www.google.pl/search?q=The+Blue+Shield+Sign+introduced+by+the+Hague+Convention+of+1954&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwj71IO_3dPQAhUBvBQKHYYUAusQ_AUICCGB&biw=1600&bih=794#imgrc=UFcZF5-RqJN_QM%3A)> (10.09.2016).

<sup>84</sup> Source: [Online:] <[https://www.google.pl/search?q=MAITREYA+SANGHA&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwj6hOrt3tPQAhXLIswKHVRbAZkQ\\_AUICCGB&biw=1600&bih=794#imgrc=StqrIJ7HuhrEJM%3A](https://www.google.pl/search?q=MAITREYA+SANGHA&source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwj6hOrt3tPQAhXLIswKHVRbAZkQ_AUICCGB&biw=1600&bih=794#imgrc=StqrIJ7HuhrEJM%3A)> (10.09.2016).

## Bibliography

### I. Basic

- Andreyev A. *Soviet Russia and Tibet. The Debacle of Soviet Diplomacy*. "Brill's Tibetan Studies Library" 2003, vol. 4 (Leiden–Boston: Brill).
- Andreyev A. *The Myth of the Masters Revived. The Occult Lives of Nikolai and Helena Roerich*. "Eurasian Studies Library" 2014, vol. 4 (Leiden: Brill Academic Publishers).
- Bernbaum E. *Shambhala. A Search for the Mythical Kingdom Beyond the Himalayas*. New York: Shambhala, 2001.
- Carlson M. *No Religion Higher Than Truth. A History of the Theosophical Movement in Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1993.
- Culver J.C. Hyde J. *American Dreamer, A Life of Henry A. Wallace*. New York and London: W.W. Norton & Company, 2001.
- Decter J. *Nicholas Roerich, The Life and Art of a Russian Master*. Rochester, Vermont: Park Street Press, 1989.
- Dharmatāla Damchø Gyatsho. *Rosary of White Lotuses, Being the Clear Account of How the Precious Teaching of Buddha Appeared and Spread in the Great Hor Country*. Transl. from the Tibetan and annotated by P. Klafkowski. "Asiatische Forschungen" 1987, Bd. 95 (Wiesbaden).
- Drayer R.A. *Nicholas and Helena Roerich, the Spiritual Journey of Two Great Artists and Peacemakers*. Wheaton, Illinois and Chennai, India: Quest Books, 2005.
- Ferrari, A. *Mk'yen brtse's Gude to the Holy Places of Central Tibet*. "Serie Orientale Roma" 1958, vol. 16 (Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Orienta).
- Gdok M. *Yuri Nikolayevich Roerich 1902–1960, an Outline of His Life and His Works in Tibetan Studies*. "Lingua Posnaniensis" 1996, No 38, pp. 115–141.
- Gdok-Klafkowska M. *The Dream of Kanchenjonga. The Roerich Family and Himalayan Studies*. [In:] *Buddhist Himalaya. Studies in Religion, History and Culture*. Vol. I: *Tibet and the Himalayas*. Ed. by A. MacKay and A. Balicki-Denjongpa. Gangtok: Namgyal Institute of Tibetology, 2011, pp. 305–322.
- Gdok-Klafkowska M. *Mikołaj Konstantynowicz Rerich jako prekursor komunikacji międzykulturowej*. [In:] *Homo Communicans*. Vol 2: *Человек в пространстве межкультурных коммуникаций*. Ed. by K. Janaszek, J. Miturska-Bojanowska, R. Gawarkiewicz. Szczecin: Grafform, 2012, pp. 50–52.
- Gdok-Klafkowska M. *Agni Joga jako płaszczyzna dialogu między Wschodem a Zachodem*. [In:] *Homo Communicans*. Vol. 2: *Человек в пространстве межкультурных коммуникаций*. Ed. by K. Janaszek, J. Miturska-Bojanowska, R. Gawarkiewicz. Szczecin: Grafform, 2012, pp. 79–83.
- Gdok-Klafkowska M. *Helena I. Rerich (1879–1955) i jej rola w rozwoju ruchów Pax Culture i Agni Jogi*. "Zwierciadło Etnologiczne" (Rocznik Katedry Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Szczecińskiego) 2012, No. 1, pp. 33–37.
- Gdok-Klafkowska M., Klafkowski P. *Mysł o przyrodzie w filozofii rosyjskiej. Szkice do portretu*. [In:] *Ekorozwój i Agenda 21. Interdyscyplinarny model kształcenia*. Ed. by P. Pieczyński. Szczecin: Collegium Balticum, 2007, pp. 135–146.
- Goldstein M.C. *A History of Modern Tibet 1913–1951, the Demise of a Lamaist State*. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1989.
- Gralow L. *Pakt Rericha. Ochrona skarbów kultury*. Warszawa, 1936.
- Hopkirk P. *Wielka Gra*. Poznań: Zysk i S-ka, 2011<sup>85</sup>.
- Klafkowski P. *The Secret Deliverance of the Sixth Dalai Lama as Narrated by Dharmatāla*. "Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde" 1979, Heft 3 (Wien).

<sup>85</sup> The Polish translation of *The Great Game. On Secret Service in High Asia*.

- Klafkowski P. *Czy ludzkość ma jeszcze szansę? Konstanty Ciołkowski, Mikołaj Roerich i Daniil Andrejew*. [In:] *Dialog kultur i społeczeństw*. Ed. by B. Afeltowicz, J. Miturska-Bojanowska, H. Walter. Szczecin: volumina pl, 2016, pp. 83–92.
- Klafkowski P. *Czy ludzkość ma jeszcze szansę? Konstanty Ciołkowski, Mikołaj Roerich i Daniil Andrejew* (in the press).
- Message of the 1929 Roerich Museum Series*. New York: Roerich Museum Press, 1930.
- Meyer K.E., Brysac S.B. *Tournament of Shadows. The Great Game and the Race for Empire in Central Asia*. New York: Basic Books, 1999.
- Nahlik S. *Grabież dzieł sztuki, rodowód zbrodni międzynarodowej*. Wrocław–Kraków: Ossolineum, 1958.
- Malinowski K. (Ed.) *Biblioteka Muzealnictwa i Ochrony Zabytków Seria B Tom IV: Międzynarodowa Ochrona Dóbr Kulturalnych, ochrona prawna w razie konfliktów zbrojnych*. Zbiór tekstów wybrał oraz opatrzył wstępem i komentarzem S.E. Nahlik. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Sztuki, Zarząd Muzeów i Ochrony Zabytków, Ośrodek Dokumentacji Zabytków, 1962.
- Nieć H. *Ojczyzna dzieł sztuki, międzynarodowa ochrona integralności narodowej spuścizny kulturalnej*. Warszawa–Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980.
- Petech L. *China and Tibet in the Early XVIII Century*. Leiden: Brill, 1972.
- Prophet E.C. *The Lost Years of Jesus: on the discoveries of Notovich, Abhedananda, Roerich, and Caspari*. Malibu, California and Livingstone, Montana: Summit University Press, 1984.
- Roerich G.N. *Trails to Inmost Asia, Five Years of Exploration with the Roerich Central Asian Expedition*. New Haven: Yale University Press, 1931.
- Reich M. *Altaj–Himalaje*. Transl. by E.P. Melech. Introd. by B. Gaforow. Series Rodowody Cywilizacji. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980.
- Reich N. *Znaki*. Transl. by A. Szymański. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1983.
- Roerich N. *Altai–Himalaya, a Travel Diary*. Brookfield, Connecticut: Arun Press, 1983.
- Roerich N. *Heart of Asia, Memoirs from the Himalayas*. Rochester, Vermont: Inner Traditions, 1990.
- Roerich N. *Shambhala, In Search of the New Era*. Rochester, Vermont: Inner Tradition International, 1990.
- Roerich N. *The Invincible*. New York: Nicholas Roerich Museum, 1974.
- Shakabpa T.W.D. *Tibet, a Political History*. Yale: Yale University Press, 1967.
- Shaumian T. *Tibet: The Great Game and Tsarist Russia*. New Delhi: Oxford University Press, 2000.
- Stasulane A. *Theosophy and Culture: Nicholas Roerich*. Roma: Editrice Pontificia Università Gregoriana, 2005.
- Rosenthal B.G. (Ed.) *The Occult in Russian and Soviet Cultures*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1997.
- The Roerich Pact and the Banner of Peace*. New York: The Roerich Pact and Banner of Peace Committee, 1947.
- Wańka A. *Teozoficzna panreligia*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2006.
- Waldenfels E. *Nikolai Roerich Kunst, Macht und Okkultismus*. Berlin: Osburg Verlag, 2011.
- Williams R.C. *Russian Art and American Money 1900–1940*. Cambridge, Mass. and London, England: Harvard University Press, 1980.
- Андреев А. *Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России*. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Нева» – Москва: Олма-Пресс, 2002.
- Андреев А. *Храм Будды в Северной Столице*. Санкт-Петербург: Нартанг, 2004.
- Андреев А. *Тибет в политике царской, советской и постсоветской России*. Санкт-Петербург: Издательство СПГУ, Нартанг, 2006.

Андреев А. *Гималайское Братство. Теософский миф и его творцы*. Санкт-Петербург: Издательство СПГУ, 2008.

Андреев А. *Рерихи. Мифы и факты*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011.

Грекова Т.И. *Тибетская медицина в России. История в судьбах и лицах*. Санкт-Петербург: Атон, 1998.

Сидоров В. *Семь дней в Гималаях*. Москва: Издательство «Художественная Литература», 2000, pp. 3–142.

Фосдик З.Г. *Мои учителя. Встречи с Рерихами. По страницам дневника 1922–1934*. Москва: Сфера, 2002.

## II. Works by and about the Roerichs in Russian

For a comprehensive topical and annotated bibliography of the Roerich studies in Russian see Gdok-Klafkowska 2011.

## III. Works by the participants in the Roerich Expedition

Декроа Н. (= Н.В. Кордашевский). *Тибетские странствия полковника Кордашевского (с экспедицией Н.К. Рериха по Центральной Азии*. Санкт-Петербург: Аюрведа Пресс, 2000.

Портнягин П.К. *Современный Тибет. Экспедиционный дневник 1927–1928*. “Aryavarta Journal” 1998, Vol. 2 (Санкт-Петербург).

Рябинин К.Н. *Развенчанный Тибет*. Магнитогорск: Амрита-Урал.

## IV. Works by and about Agvan Dorzhiev

Dorjiev A. *Dorjiev. Memoirs of a Tibetan Diplomat*. Ed. by and transl. by Thubten Jigme Norboo and Dan Martin. “Hokke Bunka Kenkyou (Journal of the Institute for the Comprehensive Studies of the Lotus Sutra)” 1991, Vol. 17 (Tokyo: Rissho University).

Snelling J. *Buddhism in Russia, the Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar*. Shaftesbury, Dorset – Rockport, Massachusetts – Brisbane, Queensland: Element Books, 1993.

Доржиев А. *Занимательные заметки, описание путешествия вокруг света (Автобиография)*. “Памятники письменности Востока” 2003, No 133 (Москва).

## V. Works by and about Amdo Gendun Chosphele

Choephel G. *The White Annals*. Transl. by Samten Norboo. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1978.

Chöphel G. *Tibetan Arts of Love*. Introd. and transl. by J. Hopkins with Dorje Yudon Yuthok. Ithaca, New York: Snow Lion Publications, 1992.

Samten N. *Life and Works of Gedun Chophele*. “Tibetan Review” 1977, vol. 12, No. 6 (June), pp. 12–13 and 16.

Horkhang S.P., Horkhang J.T., Hoshi I., Okawa K. *mkhas mchog dge 'dun chos 'phel gyi rtags pa brjod pa / Gendun Chophele, the life and death of a legendary Tibetan scholar monk*. 2012<sup>86</sup>.

<sup>86</sup> Texts in Tibetan with parallel Japanese translations. Place not given in English, published 2012, ISBN 978-4-86337-100-2. This extremely interesting book contains a biography of Gendun Chosphele written by his friend and disciple, and a shorter work by the first author's son discussing the circumstances of Gendun Chosphele's death. On pp. 152–170 we find an extremely comprehensive bibliography of works by and about Gendun Chosphele in all languages.

HISTORIA  
ИСТОРИЯ  
HISTORY



## O HISZPAŃSKICH DYPLOMATACH W ROSJI XVIII WIEKU UWAG KILKA

CEZARY TARACHA

Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II  
Wydział Nauk Humanistycznych  
Instytut Historii  
Katedra Świata Hiszpańskiego, Polityki i Relacji Międzynarodowych  
Collegium Norwidianum, Al. Raławickie 14, 20-950 Lublin, Polska  
e-mail: logro@kul.lublin.pl

PABLO DE LA FUENTE

Vistula University (Akademia Finansów i Biznesu Vistula)  
Wydział Filologii  
ul. Stokłosy 3, 02-787 Warszawa, Polska  
(nadesłano 1.09.2016; zaakceptowano 20.10.2016)

### **Abstract**

#### **A few remarks on the Spanish diplomats in the 18th century Russia**

In the 18th century diplomatic relations between Spain and Russia became constant and from 1761 the Spanish embassy in Saint Petersburg operated on a continuous basis. In the period between 1727 and 1808 there were 26 Spanish diplomats working in the diplomatic posts of Saint Petersburg (Moscow), including 13 heads and 13 secretaries of the Spanish diplomatic mission. The social background, education and preparation for duties of the aforementioned personnel are the key issues tackled in the paper. The authors postulate that Spanish diplomats in Russia were typical representatives of the 18th century diplomatic corps.



## Key words

Diplomacy, Spanish-Russian relations, 18th century.

## Abstrakt

W XVIII wieku relacje dyplomatyczne pomiędzy Hiszpanią a Rosją przybrały charakter trwały, a od 1761 roku hiszpańska ambasada w Petersburgu funkcjonowała w sposób ciągły. W okresie od 1727 do 1808 roku na placówce w Petersburgu (Moskwie) pracowało 26 hiszpańskich dyplomatów, w tym 13 szefów oraz 13 sekretarzy poselstwa. Ich pochodzenie społeczne, formacja oraz przygotowanie do służby stanowią główny przedmiot rozważań niniejszego tekstu. Autorzy stawiają tezę, że dyplomaci pracujący w Rosji są typowymi przedstawicielami osiemnastowiecznego korpusu dyplomatycznego.

## Słowa kluczowe

Dyplomacja, relacje hiszpańsko-rosyjskie, XVIII wiek.

Relacje bilateralne pomiędzy Hiszpanią a Rosją w XVIII wieku stanowią przedmiot zainteresowania historyków obu krajów, a także innych badaczy zajmujących się problematyką międzynarodową, dyplomacją czy służbami wywiadowczymi. Podstawowe znaczenie w zakresie tej problematyki mają publikacje Anny Marii Schop Soler<sup>1</sup>. Na uwagę zasługują również prace takich historyków, jak José María Sánchez Diana, Glynn Barrat<sup>2</sup> czy Olga Volosiuk<sup>3</sup>. W obszarze relacji dyplomatycznych autorzy wymienionych tekstów odnoszą się przede wszystkim do ich przebiegu oraz treści, mniejszą uwagę zwracają natomiast na kwestie jakości personelu dyplomatycznego czy organizację i funkcjonowanie placówek<sup>4</sup>. Tymczasem nie ulega wątpliwości, że

---

<sup>1</sup> A.M. Schop Soler. *Die spanisch-russischen eziehungen im 18. Jahrhundert*. Wiesbaden: O. Harrasowitz, 1970; A.M. Schop Soler. *Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia 1733–1783*. Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores, Dirección General de Relaciones Culturales, 1984.

<sup>2</sup> G. Barratt. *Russia in Pacific waters, 1715–1825. A Survey of the Origins of Russia's Naval Presence in the North and South Pacific*. University of British Columbia Press Pacific Maritime Studies. Vancouver – London: UBC Press, 1981.

<sup>3</sup> J.M. Sánchez Diana. *Relaciones diplomáticas entre Rusia y España en el siglo XVIII (1780–1783)*. „Hispania” 1952, nr 12, s. 590–605; O. Volosiuk. *La política exterior de España (1789–1793) según los diplomáticos rusos*. „Investigaciones Históricas” 1998, nr 18, s. 123–137; M. Kovacs. *La primera reacción del estado español a la aparición de Rusia como una gran potencia. Instrucciones del rey Felipe V al conde de Bena, ministro plenipotenciario en Rusia (1741)*. „Hispania” 1999, nr 9, s. 565–586.

<sup>4</sup> C. Taracha. *Sekrety hiszpańskiej ambasady w Rosji. Matryca szyfrowa księcia de Liria z 1727 roku*. „Studia Rossica Gedanensia” 2015, t. 2, s. 360–370.

również te okoliczności odgrywają znaczącą rolę w prowadzeniu skutecznej polityki zagranicznej.

Przyjrzyjmy się więc hiszpańskim dyplomatom pracującym w osiemnastowiecznej Rosji w aspekcie liczbowym oraz jakościowym. Z danych, które publikuje wybitny znawca hiszpańskiej polityki zagranicznej epoki pierwszych Burbonów, francuski historyk Didier Ozanam, wynika, że w okresie 1727–1808 w Rosji pracowało 26 dyptomatów (13 szefów oraz 13 sekretarzy placówki)<sup>5</sup>. Dla porównania dodajmy, że ambasadę w Paryżu obsługiwało w epoce pierwszych Burbonów 44 dyptomatów (24/20)<sup>6</sup>, w Wiedniu – 32 (16/16)<sup>7</sup>, w Holandii – 31 (17/14)<sup>8</sup>, w Londynie – 29 (13/16)<sup>9</sup>, w Państwie Kościelnym – 28 (16/12)<sup>10</sup>, a w Polsce – 8 (6/2)<sup>11</sup>. Do liczb tych należy, rzecz jasna, podchodzić w kontekście różnych uwarunkowań o charakterze politycznym i dyplomacyjnym. Przykładowo hiszpańska ambasada w Paryżu funkcjonowała niemal bez przerw na przestrzeni XVIII wieku. Stałe relacje z Cesarstwem z kolei nawiązano dopiero w roku 1725, kiedy to Wiedeń uznał Filipa V Burbona za prawowitego władcę Hiszpanii. W Warszawie dyplomaci przedstawiciele Madrytu rezydowali przejściowo w latach czterdziestych, sześćdziesiątych i dziewięćdziesiątych. W przypadku Rosji natomiast hiszpańska placówka działała okresowo w pierwszej połowie stulecia, na stałe dopiero od roku 1761.

Co można powiedzieć o ludziach, którzy nią kierowali? Jaka była ich przynależność społeczna, formacja intelektualna i zawodowa? Jakie mieli przygotowanie do pełnienia misji w tym konkretnym kraju? Jakie rangi nadawano dyplomatom wysyłanym do Moskwy i Petersburga? Jeżeli chodzi o pochodzenie społeczne szefów hiszpańskiej placówki w Rosji, to sześciu z nich przynależało do arystokracji oraz wyższej szlachty (książe de Liria<sup>12</sup>, markiz de Almodóvar, wicehrabia de la Herreria, hrabia de Lacy, markiz de la Torre i hrabia de Noroña). Dwaj pierwsi byli kawalerami Orderu Złotego Runa<sup>13</sup>, hrabia de Lacy – Zakonu św. Jakuba<sup>14</sup>, a wicehrabia de la Herreria, Pedro Normande, José de Onis i Miguel de Gálvez – Orderu Karola III<sup>15</sup>. Pozostali wywodzili się

<sup>5</sup> D. Ozanam. *Les diplomats espagnols du XVIII siècle. Introduction et répertoire biographique (1700–1808)*. Seria Collection de la Casa de Velázquez, 64. Collection de la Maison des pays ibériques, 72. Madrid: Casa de Velázquez – Bordeaux: Maison des pays ibériques, 1998, s. 496–497.

<sup>6</sup> Ibidem, s. 482–483.

<sup>7</sup> Ibidem, s. 477–478.

<sup>8</sup> Ibidem, s. 493–494.

<sup>9</sup> Ibidem, s. 485–486.

<sup>10</sup> Ibidem, s. 498–499. Liczę tu łącznie szefów placówki, jej sekretarzy oraz agentów generalnych i prokuratorów mających odrębne zadania związane z relacjami na płaszczyźnie kościelnej.

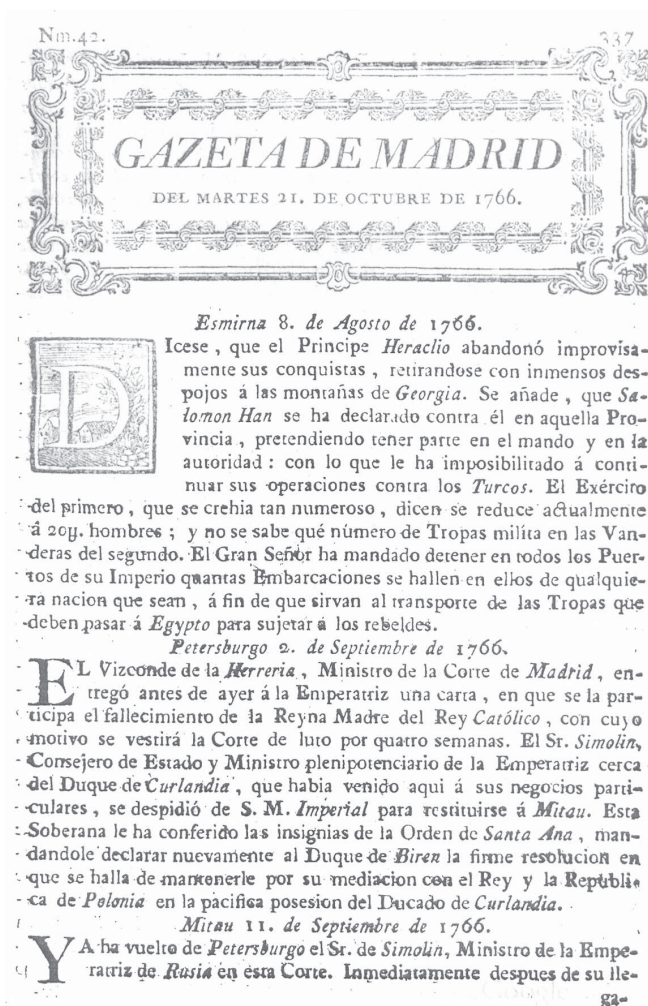
<sup>11</sup> D. Ozanam. *Les diplomates espagnols...*, s. 491.

<sup>12</sup> A. Alemparte Guerrero. *Las relaciones hispano-rusas en el siglo XVIII. Un relevante papel de marinos y militares españoles*. „Revista de Historia Naval” 2004, nr 87, s. 7–44.

<sup>13</sup> C. Taracha. *Order Złotego Runa dla księcia Alberta*. [W:] *Studia nad sztuką Renesansu i Baroku*. T. IV. Red. J. Lileyko. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2000, s. 253–262.

<sup>14</sup> Założony przez króla Leona Ferdynanda II w 1170 roku. W XVI wieku godność rycerza zakonu stała się tytułem honorowym związanym z zasługami dla hiszpańskiej rodziny królewskiej.

<sup>15</sup> Order ustanowiony przez króla Karola III Burbona w roku 1771. Był nadawany osobom zasłużo-



Rys. 1. „Gazeta Madrycka” z 8 VIII 1766 r. informuje o spotkaniu wicehrabiego de la Herreria z cesarową Katarzyną II w Petersburgu

ze średniej, urzędniczej szlachty. Najogólniej rzecz ujmując, można stwierdzić, że jest to skład typowy dla hiszpańskiego korpusu dyplomatycznego XVIII stulecia. W pierwszej połowie wieku znaczący udział mieli przedstawiciele wyższej warstwy stanu szlacheckiego, z czasem jednak, na skutek określonej polityki społecznej oświeconych monarchów budujących aparat urzędniczy państwa na nowych zasadach, wśród szefów placówek widzimy osoby wywodzące się ze średniego segmentu tej grupy społecznej.

Podobnie rzecz się ma z formacją intelektualną i przygotowaniem „zawodowym” ludzi kierujących hiszpańską placówką w Rosji. Większość z nich to osoby związane z dyplomacją lub łączące karierę dyplomatyczną z pracą w *Primera Secretaría de Estado*. Naszą uwagę zwraca jednak fakt, że kilka osób wywodziło się z kręgów wojskowych, co było charakterystyczne dla osiemnastowiecznej dyplomacji hiszpańskiej

nym dla Hiszpanii i dynastii panującej.

(i w ogóle europejskiej)<sup>16</sup>. W tej grupie osób jedynie Miguel de Gálvez odbył studia uniwersyteckie.

Tabela 1. Szefowie hiszpańskiej placówki dyplomatycznej w Rosji XVIII wieku

Dyplomata	Ranga	Czas trwania misji	Formacja i przynależność zawodowa
Książę de Liria	A	1727–1730	armia/dyplomacja
Juan Casco y Villademoros	Chda	1730–1734	dyplomacja
Markiz de Almodóvar	MP	1761–1763	dyplomacja
Wicehrabia de la Herreria	MP	1763–1771	armia/dyplomacja
Hrabia de Lacy	MP	1772–1780	armia/dyplomacja
Pedro Normande	ChA	1780–1782	dyplomacja
Markiz de la Torre	MP	1782–1783	armia/dyplomacja
Pedro Normande y Mericán	MP	1784–1788	dyplomacja
Miguel de Gálvez y Gallardo	MP	1788–1792	uniwersytet/dyplomacja
José de Onis y López	MP	1793–1797	dyplomacja
Joaquín de Onis y González	ChA	1797–1799	dyplomacja
Hrabia de Noroña	MP	1802–1807	armia/dyplomacja
Benito Pardo de Figueroa	MP	1807–1808	armia/dyplomacja

Źródło: Opracowanie własne na podstawie: *Les diplomats espagnols du XVIII siècle. Introduction et répertoire biographique (1700–1808)*. Madrid 1998.

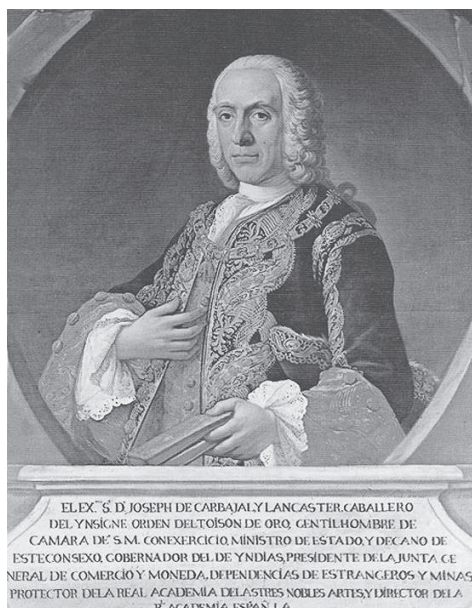
Warto podkreślić również fakt, że w latach 1761–1808 żaden z szefów placówki w Petersburgu (Moskwie) nie otrzymał rangi ambasadora, wszyscy natomiast, poza okresowymi zastępcami w randze *chargé d'affaires*, byli ministrami pełnomocnymi, a więc dyplomatami drugiej kategorii<sup>17</sup>. W hiszpańskiej hierarchii znaczenia państw osiemnastowieczna Rosja nie należała bowiem do grupy najważniejszych. W tej kwestii zresztą obowiązywała zasada wzajemności, rosyjscy przedstawiciele w Madrycie mieli tę samą rangę, co hiszpańscy dyplomaci w Petersburgu.

Kilka słów warto poświęcić z kolei pensjom i dodatkowym uposażeniom hiszpańskich dyptomatów pracujących w Moskwie i Petersburgu. Kwestie finansowego zabezpieczenia działalności służb zagranicznych stały się w XVIII wieku przedmiotem uregulowań ze strony poszczególnych państw, które zabezpieczały w swych „budżetach” określone sumy na dyplomację, konsulaty, struktury wywiadowcze oraz wprowadzały stałe uposażenia i wynagrodzenia dla osób z nimi związanych. W Hiszpanii stosowne rozporządzenia wydał w 1749 roku José de Carvajal y Lancaster<sup>18</sup>, pierwszy sekretarz

<sup>16</sup> C. Taracha. *Hiszpańscy dyplomaci z kręgów wojskowych w XVIII wieku. Zarys problematyki*. [W:] *Między misją a profesją. Ewolucja roli dyplomaty w stosunkach międzynarodowych na przestrzeni dziejów*. Red. R. Simiński, A. Szczepańska-Dudziak. Szczecin: Wydawnictwo Uniwersytetu Szczecińskiego, 2016, s. 115–120.

<sup>17</sup> D. Ozanam. *Les diplomates espagnols...*, s. 24.

<sup>18</sup> José de Carvajal y Lancaster (1698–1754), hiszpański dyplomata i polityk, w latach 1746–1754 pierwszy sekretarz stanu.



Rys. 2. José de Carvajal y Lancaster, pierwszy sekretarz stanu Ferdynanda VI

Źródło: *José de Carvajal y Lancaster*. [W:] *Wikipedia*. [Online:] <[https://pl.wikipedia.org/wiki/Jos%C3%A9\\_de\\_Carvajal\\_y\\_Lancaster](https://pl.wikipedia.org/wiki/Jos%C3%A9_de_Carvajal_y_Lancaster)> (dostęp: 20.09.2016).

stanu, odpowiedzialny za politykę zagraniczną państwa. W regulaminie dotyczącym uposażeń zapisano, że szefowie placówki dyplomatycznej w Rosji mają otrzymywać odpowiednio: ambasadorowie – 360 tysięcy, ministrowie pełnomocni – 180 tysięcy, a *chargé d'affaires* – 45 tysięcy reali rocznej pensji<sup>19</sup>. W drugiej połowie XVIII wieku pensję *ministrom plenipotenciarios* podniesiono do 360 tysięcy<sup>20</sup>. Do tego wypłacano im, podobnie jak dyplomatom pracującym w innych stolicach europejskich państw, różnorodne dodatki: koszta zasiedlenia (*gastos de primer establecimiento*), koszta podróży (*gastos de viaje*), wydatki nadzwyczajne (*gastos extraordinarios*), wydatki sekretne (*gastos secretos*) oraz wydatki na utrzymanie kaplicy przy siedzibie poselstwa (*gastos de capilla*)<sup>21</sup>.

Jeżeli chodzi o czas kierowania placówką rosyjską, to wahał się on od kilku do kilkunastu lat. Najdłużej pracowali w Rosji wicehrabia de la Herreria i hrabia de Lacy, którzy w państwie carów spędzili po osiem lat. Czas ten zależał od wielu różnych okoliczności, tak obiektywnych, jak i subiektywnych, a więc od stanu i temperatury wzajemnych relacji, polityki kadrowej i doraźnych potrzeb Pierwszego Sekretariatu

<sup>19</sup> D. Ozanam. *La diplomacia de los primeros Borbones (1714–1759)*. „Cuadernos de Investigación Histórica” 1982, nr 6, s. 179.

<sup>20</sup> Por. D. Ozanam. *Les diplomates espagnols...*, s. 65.

<sup>21</sup> C. Taracha. *Kilka uwag o kaplicach przy hiszpańskich placówkach dyplomatycznych w krajach niekatolickich (XVIII wiek)*. [W:] *Narrata de fontibus hausta. Studia nad problematyką kościelną, polityczną i archiwistyczną ofiarowane Janowi Skarbkowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Red. A. Barańska, W. Matwiejczyk. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2010, s. 215–230; Tenże: *Kilka uwag na temat kaplicy przy hiszpańskim poselstwie w Rosji drugiej połowy XVIII wieku*. [W:] *Między Rzymem a Nowosybirskiem. Księga Jubileuszowa dedykowana ks. Marianowi Radwanowi SCJ*. Red. I. Wodzianowska, H. Łaskiewicz. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2012, s. 683–688.

Estado de las fuerzas de Mar, y tierra del Imperio de Rusia.			
n.º	Regimientos	homs.	
<u>Casa Real</u>			
	Guardias de corps	300	
	Guardias a cavallo	1000	
	Regim. de Guard. apie.	1300	
1.	Probragenski	2656	
2.	Simianski	1728	
3.	Imaelski	1728	
	Reg. infant. de campaña	6112	
1.	Angria.		
2.	Arbican.		
3.	Amurski		
4.	de Moscú		
5.	de Moscú		
6.	Kieff		
7.	trouki		
8.	Niemobourg		
9.	Wolodimer		
10.	Niwogorod		
11.	Musielburg		
12.	Smolensk		
13.	Siberia		
14.	Replki		
15.	Smolenski		
16.	Azoff		
17.	Meronet		
18.	Niwogorod chernigoff		
19.	Kiezan		
20.	Woudal		
21.	Kawtoff		
22.	Stranigel		
23.	Replki		
24.	Replki		
25.	Replki		
26.	Replki		
27.	Replki		
28.	Kapanski		
29.	Wibourg		
30.	Auglitz		
31.	Kiewholm		
32.	Belozerski		
33.	La Doga		
34.	Wlowram		
35.	Cawran		
36.	Yelikalouski		
37.	Narwad		
38.	Tobolsk		
39.	Tunguski		
40.	Chazarski		
41.	Apicharonski		
A2.	Kaharsinski		
A3.	Archebowski		
A4.	Przeglinski		
A5.	Miszki		
A6.	Cawrmaki		
	Reg. cada uno a 2637 homs. hazen		121.302.
	Reg. de cavalleria		
1.	del cuerpo		
2.	del Gran Duque		
3.			
4.			
5.			
6.			
	Reg. cada uno de 846 homs. hazen		5076.
	Reg. de campaña		
1.	Moscow		
2.	Kieff		
3.	trouki		
4.	Wolodimer		
5.	Siberia		
6.	trouki		
7.	Wiazki		
8.	Stranigel		
9.	Angria		
10.	Narwad		
11.	olonetz		
12.	Jambourg		
13.	Tobolsk		
14.	Novotroicki		
15.	Riga		
16.	Reban		
17.	Wologzki		
18.	Replki		
19.	St. Niemobourg		
20.	Cawrmaki		
21.	Auglitzki		
22.	Replki		
23.	Archanzel		
24.	Niwogorod		
25.	Narwad		
26.	Cawran		
27.	Astracan		
28.	Niwogorod		
29.	Replki		
	29 Reg. de a 1350 homs. hazen		39150.
<u>Nota</u>			
<p>El año de 1756 de las decenas Reg. de cavalleria, por un Reg. de cavalleria, por un se van a guales con, ni con espaldas del cuerpo de drag. ni con buelto a entrar despues de la guerra.</p>			

Rys. 3. Pierwsza strona raportu dotyczącego rosyjskich sił zbrojnych

Źródło: Archivo Histórico Nacional, Estado, 4430.

Stanu, ale również osobistej sytuacji konkretnych dyptomatów, np. stanu zdrowia. Dla przykładu Miguel de Gálvez, który rozchorował się podczas pobytu w Rosji, otrzymał pozwolenie na powrót do Hiszpanii, ale zmarł w drodze<sup>22</sup>.

Jak więc widzimy, hiszpańscy dyplomaci kierowani do Moskwy i Petersburga w XVIII wieku zasadniczo nie odbiegali swym pochodzeniem społecznym, sytuacją materialną oraz przygotowaniem do służby od swych kolegów pracujących w innych stolicach europejskich. Analizując przebieg ich karier, zauważymy, że dla niektórych misja w Rosji stanowiła szczyt (czasem zwieńczenie) dyplomacyjnej drogi, np. markiz de la Torre<sup>23</sup> czy Miguel de Gálvez<sup>24</sup>. Inni natomiast pracowali w stolicach państw ważniejszych z perspektywy hiszpańskiej. I tak książę de Liria po zakończeniu mi-

<sup>22</sup> D. Ozanam. *Les diplomates espagnols...*, s. 265.

<sup>23</sup> Ibidem, s. 261.

<sup>24</sup> Ibidem, s. 265.

sji w Rosji został ambasadorem w Wiedniu<sup>25</sup>, a markiz de Almodóvar ambasadorem w Lizbonie<sup>26</sup>.

Przyjrzyjmy się z kolei najbliższemu współpracownikom szefów, a więc sekretarzom placówki dyplomatycznej w państwie carów. W latach 1727–1808 funkcję tę sprawowało trzynaście osób. W większości wywodzili się oni ze średniej i drobnej szlachty. Niektórzy karierę w dyplomacji łączyli ze służbą w armii lub w innych działach administracji państwowej. Podobnie jak ich szefowie służyli w placówce rosyjskiej od kilku do kilkunastu lat, najdłużej Pedro Normande. Ich pobory jako urzędników państwowych w służbie dyplomatycznej zostały określone na podstawie wspomnianego regulaminu ministra Carvajala z 1749 roku. Przewidywały one dla sekretarzy placówek drugiej kategorii roczną pensję w wysokości 18 tysięcy dla sekretarzy ambasady, a 9 tysięcy reali dla sekretarzy poselstwa<sup>27</sup>. Dodatkowe uposażenia to zwrot kosztów podróży oraz pierwszego zasiedlenia<sup>28</sup>.

Tabela 2. Sekretarze hiszpańskiej placówki dyplomatycznej w Rosji XVIII wieku

Dyplomata	Ranga	Czas trwania misji	Formacja i przynależność zawodowa
Juan Casco	S	1727–1734	administracja/dyplomacja
Ignacio Poyanos	S	1761–1762	armia/dyplomacja
Antonio Jiménez Navarro	S	1763–1769	armia/dyplomacja
Manuel Delitala	S	1770–1772	dyplomacja
Pedro Normande	S	1772–1783	dyplomacja
Miguel José de Azanza	S	1783–1784	dyplomacja
Pedro Macanaz	S	1785–1789	dyplomacja
Francisco Ibáñez	S	1789–1790	dyplomacja
Alfonso Aguirre Yoldi	S	1790–1793	dyplomacja
Felipe Amat	S	1793–1795	dyplomacja
Joaquín de Onis	S	1796–1804	dyplomacja
Gabriel de Aristizábal	S	1805	dyplomacja
Joaquín de Anduaga	S	1805–1807	dyplomacja

Źródło: Opracowanie własne na podstawie: D. Ozanam. *Les diplomates espagnols...*

Różnie układały się zawodowe kariery sekretarzy hiszpańskiej placówki po ich wyjeździe z Rosji. Sześciu z nich po zakończeniu misji na wschodzie podjęło pracę w *Primera Secretaría de Estado*, czterech wysłano na inne placówki, a jeden (Ignacio Poyanos) wrócił do służby wojskowej. Najbardziej spektakularny sukces odniósł Pedro Normande, który pracował w Rosji najpierw jako sekretarz, a później szef poselstwa.

Podobnie jak w przypadku hiszpańskich placówek, w innych europejskich stolicach dyplomaci akredytowani w Petersburgu przed wyruszeniem do Rosji przechodzi-

<sup>25</sup> Ibidem, s. 258.

<sup>26</sup> Ibidem, s. 324.

<sup>27</sup> Ibidem, s. 88.

<sup>28</sup> Ibidem, s. 88–89.

AHO, 6119-2 7 2063

*Instrucción de lo que vos D.<sup>n</sup> Pedro Normande Caballero de la distinguida Orden de Carlos Tercero, y Oficial de mi Primer-Secretaria de Estado habeis de observar en desempeño del encargo con que os he honrado de mi Ministro interino cerca de la Emperatriz de las Russias Catalina Segunda.*

*Aunque desde el mes de Enero de 1781, en que di mi Instrucción al Marques de la Torre habiendo nombrado Ministro Plenipotenciario a la Corte de Rusia, han variado de aspecto algunas cosas por medio de la Paz que felizmente se efectuó el año proximo pasado entre mi Corona y la Gran Bretaña, y aun varios puntos de aquella Instrucción quedan ya encuados, os encargo, no obstante, observeis durante el tiempo que os mantubiereis en la Corte de Peterburgo con el caracter de Ministro interino que he venido en concederos todos los demas puntos de dicha Instrucción que pertenecen a las maximas generales, lenguaje, y conducta que previene al Marques de la Torre en aquel tiempo, como tambien los que contiene la Instrucción dada a su antecesor*

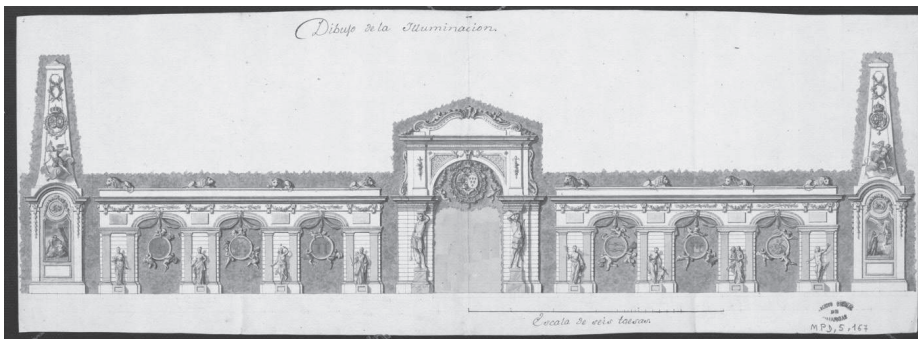
Rys. 4. Instrukcja dla Pedro Normande, Madryt, 20 VII 1784. Archivo Histórico Nacional, Estado, 6119/2.

li pewne procedury administracyjne. Szefowie misji na przykład otrzymywali standardowy zestaw dokumentów i materiałów<sup>29</sup> niezbędnych do pełnienia obowiązków. Były to: nominacja, instrukcja, listy uwierzytelniające, listy polecające, matryca szyfrowa, paszporty.

Analizując materiały źródłowe, zwłaszcza zaś korespondencję, bez trudu dostrzeżemy, że placówka rosyjska należała do najtrudniejszych z perspektywy hiszpańskich dyptomatów. Stąd też często w ich listach kierowanych do przełożonych spotykamy prośby o przeniesienie do innych stolic, narzekanie na stan zdrowia. Wiele różnorodnych czynników wpływało na tego rodzaju opinie: odmienność kulturowa i wyznaniowa Rosji, odległość, surowy klimat.

<sup>29</sup> Por. C. Taracha. *Prywatna korespondencja hrabiego Arandy z Warszawy (1760–62)*. „Roczniki Humanistyczne KUL” 2000, t. 48, z. 2, s. 293–311.





Rys. 5. Rysunek. Iluminacja siedziby ambasady hiszpańskiej w Moskwie z okazji ślubu księcia Asturii Ferdynanda z Barbarą Braganzą, autor książę de Liria

Źródło: Archivo General de Simancas, Mapas, Planos y Dibujos, 5/167.

## Bibliografia

- Alemparte Guerrero A. *Las relaciones hispano-rusas en el siglo XVIII. Un relevante papel de marinos y militares españoles*. „Revista de Historia Naval” 2004, nr 87, s. 7–44.
- Barratt G. *Russia in Pacific waters, 1715–1825. A Survey of the Origins of Russia's Naval Presence in the North and South Pacific*. University of British Columbia Press Pacific Maritime Studies. Vancouver – London: UBC Press, 1981.
- Kovacs M. *La primera reacción del estado español a la aparición de Rusia como una gran potencia. Instrucciones del rey Felipe V al conde de Bena, ministro plenipotenciario en Rusia (1741)*. „Hispania” 1999, nr 9, s. 565–586.
- Ozanam D. *La diplomacia de los primeros Borbones (1714–1759)*. „Cuadernos de Investigación Histórica” 1982, nr 6, s. 179.
- Ozanam D. *Les diplomats espagnols du XVIII siècle. Introduction et répertoire biographique (1700–1808)*. Seria Collection de la Casa de Velázquez, 64. Collection de la Maison des pays ibériques, 72. Madrid: Casa de Velázquez – Bordeaux: Maison des pays ibériques, 1998, s. 496–497.
- Sánchez Diana J.M. *Relaciones diplomáticas entre Rusia y España en el siglo XVIII (1780–1783)*. „Hispania” 1952, nr 12, s. 590–605.
- Schop Soler A.M. *Die spanisch-russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert*. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1970.
- Schop Soler A.M. *Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia 1733–1783*. Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores, Dirección General de Relaciones Culturales, 1984.
- Taracha C. *Order Złotego Runa dla księcia Alberta*. [W:] *Studia nad sztuką Renesansu i Baroku*. T. IV. Red. J. Lileyko. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2000, s. 253–262.
- Taracha C. *Prywatna korespondencja hrabiego Arandy z Warszawy (1760–62)*. „Roczniki Humanistyczne KUL” 2000, t. 48, z. 2, s. 293–311.
- Taracha C. *Kilka uwag o kaplicach przy hiszpańskich placówkach dyplomatycznych w krajach niekatolickich (XVIII wiek)*. [W:] *Narrata de fontibus hausta. Studia nad problematyką kościelną, polityczną i archiwistyczną ofiarowane Janowi Skarbkowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Red. A. Barańska, W. Matwiejczyk. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2010, s. 215–230.
- Taracha C. *Kilka uwag na temat kaplicy przy hiszpańskim poselstwie w Rosji drugiej połowy XVIII wieku*. [W:] *Między Rzymem a Nowosybirskiem. Księga Jubileuszowa dedykowana ks. Marianowi*

- Radwanowi SCJ*. Red. I. Wodzianowska, H. Łaskiewicz. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2012, s. 683–688.
- Taracha C. *Sekrety hiszpańskiej ambasady w Rosji. Matryca szyfrowa księcia de Liria z 1727 roku*. „*Studia Rossica Gedanensia*” 2015, t. 2, s. 360–370.
- Taracha C. *Hiszpańscy dyplomaci z kręgów wojskowych w XVIII wieku. Zarys problematyki*. [W:] *Między misją a profesją. Ewolucja roli dyplomaty w stosunkach międzynarodowych na przestrzeni dziejów*. Red. R. Simiński, A. Szczepańska-Dudziak. Szczecin: Wydawnictwo Uniwersytetu Szczecińskiego, 2016, s. 115–120.
- Volosiuk O. *La política exterior de España (1789–1793) según los diplomáticos rusos*. „*Investigaciones Históricas*” 1998, nr 18, s. 123–137.

## ИЗ ВАРШАВЫ КО ДВОРУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО, ИЛИ НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВАТОВСТВО

НАТАЛЬЯ Г. ТЕРЕХОВА

Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»  
Департамент иностранных языков, Кафедра иностранных языков  
ул. Шаболовка, д. 31, стр. 23, 115162, Москва, Россия  
e-mail: natgenter@gmail.com  
(nadesłano 7.03.2016; zaakceptowano 27.07.2016)

### **Abstract**

#### **From Warsaw to the court of Peter the Great or futile matchmaking**

In the second decade of the XVIII century in European diplomatic circles an ambitious project of a dynastic alliance between the Russian and Spanish ruling houses came into existence. The study based on archival sources, reconstructs the stages and details of this transnational project. The author clarifies the purpose of the initiators and the role of intermediaries, one of whom came with a secret mission to the court of Peter the Great from Warsaw.

### **Key words**

History of diplomacy XVIII, the foreign policy of Peter I, dynastic alliances in Europe, the Duke of Parma, the Vatican, Warsaw Theatines.

### **Резюме**

Во второй декаде XVIII в. в европейских дипломатических кругах возник амбициозный проект по заключению династического альянса между российским и испанским правящими домами. В публикуемом исследовании на основании архивных источников реконструируются этапы и детали этого транснацио-

нального проекта. Автор уточняет цели инициаторов и роль посредников, один из которых прибыл с тайным поручением ко двору Петра Первого из Варшавы.

## Ключевые слова

История дипломатии XVIII, внешняя политика Петра I, династические альянсы Европы, герцог Пармы, Ватикан, варшавские театинцы.

В 20-е годы XVIII в. при дворе Петра I появился приехавший из Польши театинец падре Франческо Арчелли. Даже спустя 300 лет обстоятельства его пребывания в Санкт-Петербурге и Москве остаются мало изученными. Редкие упоминания о нем отрывочны и скупы на подробности. Театинцу была посвящена одна специальная работа, опубликованная в 1922 году<sup>1</sup> в Италии, одна небольшая статья в местной газете его родного города Пьяченца<sup>2</sup> и, наконец, он был кратко упомянут в примечании к сборнику научных трудов по итальянской славистике, изданном в 2011 году<sup>3</sup>. Содержание и цели миссии Арчелли кратко описал Н.Н. Бантыш-Каменский<sup>4</sup>:

Еще в начале сего 1722 года приехал в Россию патер дон Франциско Арчелли. Комиссия его состояла в следующем: гишпанский король, приняв намерение женить наследника, своего сына инфанта дона Фердинанда, на царевне Наталье Петровне поручил се дело родственнику своему пармскому герцогу Франциску Фарнезе, который отправил от себя помянутого свойственника своего Арчелли с изустным донесением о вверенном ему по секрету деле сватовства. В мае месяце того же года дан был оному Арчелли портрет помянутой царевны для отсылки в Гишпанию. Арчелли получил от короля и от герцога верющие полномочия и от обоих письма заключить не токмо брачный, но и еще два договора о союзе и коммерции с Россиею. Государь дал знать, что он о комиссии Арчелли не оставит впредь изъясниться<sup>5</sup>.

Почти дословно эта интерпретация была приведена С.М. Соловьевым<sup>6</sup>. Историки называли Арчелли «патером», однако, следует заметить, что данное опреде-

<sup>1</sup> M. D'Amato. *Un teatino diplomatico del secolo XVIII*. «Nuova Rivista Storica» 1922, vol. 7 (Napoli).

<sup>2</sup> E. Nasalli Rocca. *Un diplomatico piacentino alla corte di Pietro il Grande*. «Libertà» 31 gennaio 1967, с. 5.

<sup>3</sup> M. Di Salvo. *Italia, Russia e mondo slavo*. Firenze: Firenze University Press, 2011, с. 191.

<sup>4</sup> Н.Н. Бантыш-Каменский. *Обзор внешних сношений России*. Ч. 1: *Гишпания 1688–1718*. Санкт-Петербург: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства Иностранных дел, 1894, с. 165.

<sup>5</sup> Подробнее там же о паузе в испано-русских контактах, возникшей после приезда в 1688 г. в Мадрид русских послов, которые «уверили о вечном мире и союзе и приглашали его, короля, к общему вспоможению противу турок и татар..., просили о вспоможении и поддержании онаго взаимы трех или по крайней мере двух миллионов ефимков без процентов или с платежом, по окончании с турками войны...».

<sup>6</sup> С.М. Соловьев. *История России с древнейших времен*. Кн. 4. Т. 16. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1895, с. 616.

ление более подходит священнику протестантскому, но не католическому. Подобная информация о нем была воспроизведена в начале нового тысячелетия исследователями, занимающимися историей российско-испанских отношений XVIII века<sup>7</sup>. Приняв во внимание то, что задуманный матримониальный альянс не состоялся из-за преждевременной кончины маленькой Натальи и Арчелли уехал из России весной 1725 года, В.Н. Бобылев приходит к следующему выводу: «Миссия патера Арчелли не имела успеха, но это существенно не отразилось на состоянии русско-испанских отношений...»<sup>8</sup>. Следует заметить, что исследователи не придали должного значения тому факту, что театинец приехал ко двору Петра из Варшавы. Думается, что проведение подобных переговоров означало, однако, важный вклад в сближение позиций всех заинтересованных сторон, являлось важным маневром при осуществлении внешней политики России, и могло оказать влияние на складывавшийся в Европе баланс сил<sup>9</sup>. Двухлетнее присутствие в России католического священника, выполнявшего секретное дипломатическое поручение, представляется нам случаем особенным и не столь банальным, как это может показаться на первый взгляд.

В русской историографии имя Франческо Арчелли впервые встречается в 1887 году, в сборнике Русского исторического общества он назван «монах-театинец»<sup>10</sup>. В этом определении кроется неточность, т.к. членами учрежденного в 1524 году Ордена<sup>11</sup> не могли быть монахи, в него входили только священники. Самое недавнее упоминание о миссии Арчелли на русском языке относится к 2009 году, оно отличается краткостью – «о браке с Натальей переговоры вел Франциск Арчелли, министр герцога Пармского»<sup>12</sup>. Несмотря на то, что театинец не вполне корректно назван «министром» (термин, применявшийся по отношению к послам, а он таковым все-таки не являлся), однако при этом за-

<sup>7</sup> В.С. Бобылев. *Россия и Испания в международных отношениях 2-ой половины XVIII в.* Москва, 2000, с. 22; С.В. Амелченкова. *Испанское влияние на русскую культуру в XIX в.* Москва: Российский университет дружбы народов, 2008, с. 39.

<sup>8</sup> В.С. Бобылев. *Россия и Испания в международных...*, с. 23.

<sup>9</sup> См. подробнее: Н.Н. Молчанов. *Дипломатия Петра Первого.* Москва: Издательство «Международные отношения», 1984; О.В. Волосюк. *Испания и российская дипломатия в XVIII в.* Москва: Издательство РУДН, 1997; С.П. Пожарская. *Русско-испанские отношения в конце XVII – первой четверти XVIII в.* [В:] *Россия и Испания. Историческая ретроспектива.* Отв. ред. З.В. Удальцова. Москва: АН СССР, 1987; A. Saitta. *Guida critica alla storia moderna.* Roma-Bari: Laterza, 1994.

<sup>10</sup> *Сборник русского исторического общества.* Т. 58. Санкт-Петербург: Русское историческое общество, 1887.

<sup>11</sup> B. Ferro. *Istoria delle missioni de' chierici teatini con la descrizione de' regni, fede, riti e costumi delle genti.* Roma, 1706; Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. *Энциклопедический словарь.* Т. 32. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз – И.А. Эфрон, 1901, с. 730; M. Campanelli. *I Teatini.* Roma: Ed. di Storia e Letteratura, 1987.

<sup>12</sup> К.А. Писаренко. *Тайны дворцовых переворотов.* Москва: Вече, 2009, с. 395; *Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1799.* Т. 1. Москва: Издательство «Международные отношения», 1991, с. 82.

служенно подчеркнута роль герцогства Пармского в реализации столь амбициозного матримониального проекта.

Начало данному исследованию было положено несколько лет назад в связи с находкой в Архиве внешней политики Российской Империи (АВПРИ) неизвестного письма герцога Фарнезе<sup>13</sup>, адресованного Петру I. В тексте после типичной для своего времени пышной преамбулы сообщается о том, что герцог направляет к Петру Великому некоего Франческо Арчелли, который «изустно» изложит суть дела<sup>14</sup>. Представляется важным отметить, что содержание обнаруженного письма опровергает следующее распространенное утверждение – «императорский титул Петра при его жизни признали лишь Венеция, Швеция и Пруссия»<sup>15</sup>.

Автор письма, герцог Франческо Фарнезе (1694–1727) мало известен в русскоязычной литературе. В рамках настоящей работы хотелось бы обратить внимание на некоторые неточности, допущенные Бантыш-Каменским: «свойственник» и «отправил от себя». Называя Арчелли «свойственником», Бантыш-Каменский слегка преувеличил: герцог и граф были земляками<sup>16</sup>. Франческо Арчелли происходил из знатной семьи Фонтана, документы которой хранятся в Архиве города Пьяченца<sup>17</sup>. Предположительно он принадлежал к Конвенту Сан Винченцо, учрежденному в XVI в. епископом Беато Паоло Бурали. В Библиотеке Пьяченцы в фонде Паластрелли под номером 35 доступен всем желающим исписанный мелким аккуратным почерком манускрипт – собрание сочиненных им проповедей, но о его дипломатической деятельности до и во время поездки в Россию, к сожалению, мало что известно<sup>18</sup>.

Важным обстоятельством для нашего сюжета является то, что падре Арчелли приходился земляком знаменитому кардиналу Джулио Альберони<sup>19</sup>. Пока не совсем ясно, встречались ли они лично, были ли знакомы. Однако в сборнике документов «Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1799»<sup>20</sup> о наме-

<sup>13</sup> G. Drei. *I Farnese. Grandezza e decadenza di una dinastia italiana*. Ed. G.A. Tassoni. Roma: Libreria dello Stato, 1954; E. Nasalli Rocca. *I Farnese*. Piacenza: Dall'Oglio editore, 1969; A. Saitta *Guida critica alla storia moderna*. Roma: Laterza, 1994.

<sup>14</sup> Подробный анализ данного источника и его научный перевод сделан нами в статье *Письмо герцога Фарнезе Петру Первому. Неопубликованный источник первой трети XVIII в.* (в печати).

<sup>15</sup> И.В. Курукин. *Романовы*. Москва: Молодая гвардия, 2012, с. 125.

<sup>16</sup> Расстояние между городами Парма и Пьяченца составляет 57 км.

<sup>17</sup> Federico Arcelli. *Genealogia della famiglia Arcelli*. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2008.

<sup>18</sup> О более позднем этапе деятельности Ф. Арчелли см.: С. Taracha. *Szpiedzy i dyplomaci. Wywiad hiszpański w XVIII wieku*. Lublin: Werset, 2005.

<sup>19</sup> S. Bersani. *Storia del cardinale Giulio Alberoni*. Un presbitero educato al Collegio Alberoni. Piacenza 1861; É. Bourgeois. *Le secret des Farnese; Philippe V et la politique d'Alberoni*. Paris, 1892; *Letteres intimes de J. Alberoni*. Edit por É. Bourgeois. Paris, 1892; G. Bianchi. *Giulio Alberoni e il suo secolo*. Piacenza, 1901; P. Castagnoli. *Il Cardinale Giulio Alberoni*. Roma, 1929; S. Harcourt-Smith. *Cardinal of Spain. The life and strange career of Alberoni*. New York: Knopf, 1944.

<sup>20</sup> *Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1799*. Сост. О.В. Волосюк, К.В. Рожков, Х.М. Гонсалес, М. Семпере. Т. 1. Москва: Издательство «Международные отношения», 1991.

рении сотрудничать с кардиналом, ставшим всемогущим испанским премьер-министром, мы узнаем из рескрипта, подготовленного Петром I в апреле 1719 г. для Александра Нарышкина. Молодому дипломату предписывалось

прибыв к е. к[оролевскому] в-ву в Мадрит разглашение о себе учинить, что будто ради того обучения навигации приехал. А потом, снискав удобной способ, буде у вышеупомянутого королевского гишпанского министра кардинала Альберония [...] объявить ему [...], что на самом деле прислали мы Вас ко двору е. к. в-ва и велели впредь до указа пребывать инкогнито»<sup>21</sup>. Далее в рескрипте читаем: «Вам надлежит положитьца на его кардиналово разсуждение и в том поступить по его совету... А что Вам как от короля, так и от кардинала Алберония ответствовано или что предложено будет и приятна ль Ваша присылка, о том имеете к нам немедленно писать посланною при сем цифирью [...].

Петр далее ссылается на встречу в «Галандии» послов Беретти Ланди и Куракина, во время которой «учинено предложение о желании е. к. к-ва ко вступлению с нами в альянс, к чему мы так ожде, как тогда объявили, так и ныне совершенную склонность имеем»<sup>22</sup>.

Данный источник подчеркивает роль Петра I в проработке деталей заключения «альянса» и возможного брака одной из своих дочерей с испанским принцем<sup>23</sup>. «Петр активно использовал брачную дипломатию: сына Алексея он женил на Брауншвейгской принцессе, племянницы Екатерина и Анна стали макленбургской и курляндской герцогинями, а дочь Анну он готовился выдать за герцога Голштинии, но помимо герцогских княжеств нужен был и настоящий стратегический союзник из числа крупных держав»<sup>24</sup>. Кардинал Альберони тоже слыл мастером брачных комбинаций: ему удалось в 1714 году устроить брак родственницы герцога Фарнезе с испанским королем. Эта операция вошла во все учебники по истории дипломатии<sup>25</sup>. Отечественные историки не связывали фигуру Арчелли со знаменитым кардиналом, но оба итальянских автора, писавших на эту тему в 20-е и в 60-е годы прошлого века, не преминули указать на Джулио Альберони как на первопричину участия театинца в проекте.

В начале XVIII века территория итальянских государств стала ареной военных действий, развернувшихся за так называемое испанское наследство<sup>26</sup>, вели их австрийские Габсбурги и испанские Бурбоны. По окончании этих войн под

<sup>21</sup> Там же, с. 66.

<sup>22</sup> Там же, с. 66–67.

<sup>23</sup> А.Б. Каменский. *От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в.* Москва: РГГУ, 1999; *Правящие элиты и дворянство в России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. Отв. сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. Москва: РОССПЭН, 2013.

<sup>24</sup> И.В. Курукин. *Романовы...*, с. 126.

<sup>25</sup> *История дипломатии*. Ред. В.П. Потемкин. Москва: ОГИЗ. Серия Библиотека внешней политики, 1956, с. 247; J. Black. *A History of Diplomacy*. London: Reaktion, 2010.

<sup>26</sup> F. Valsecchi. *Il problema italiano nella politica europea del Secolo XVIII da Utrecht ad Aquisgrana (1713–1748)*. Milano: La Gordiatica, 1951; F. Valsecchi. *Gli stati dell'Italia settentrionale nel periodo anteriore alle riforme (1715–1748)*. Milano: Univ. di Milano, 1953; G. Quazza. *La decadenza italiana nella storia europea*. Torino: Einaudi, 1971. G. Quazza. *Lequilibrio italiano nella politica europea alla vigilia della guerra per la secessione polacca*. «Storia del Risorgimento» 1945 (Torino); A. Visconti. *L'Italia nell'epoca di Controriforma 1513–1713*. Milano: Arnoldo Mondadori, 1958.

властью Австрии оказались многие северные и центральные области Апеннинского полуострова. Итальянские историки утверждают, что идея испано-русского альянса, разработанная герцогом Фарнезе, «имела сильную антиавстрийскую составляющую»<sup>27</sup>.

Разные подходы в определении авторов идеи, а также сроков начала проекта объясняются отчасти его секретностью. Данное обстоятельство делает этот исторический казус многослойным, полным неожиданных поворотов. До сих пор согласно мнению, сложившемуся в отечественной историографии, падре Арчелли приехал якобы из Пармы. Однако это не соответствует действительности. Значительный вклад в выявление источников, относящихся к миссии Арчелли, был сделан выдающимся русским историком Е.Ф. Шмурло. Перечень ценных документов, хранившихся в папке номер 1445 в фондах Государственного Архива Неаполя<sup>28</sup> был опубликован им в сборнике «Россия и Италия»<sup>29</sup> в 1915 году. Так, Шмурло сообщил о наличии 18 писем падре Арчелли, написанных из Москвы и Санкт-Петербурга, а также другой заслуживающей внимания корреспонденции. Представляет интерес выдержка из письма<sup>30</sup> герцога Фарнезе испанскому двору следующего содержания: «падре Арчелли происходит из знатной семьи и приехал в Россию в свите посла в Варшаве графа Григория Долгорукова»<sup>31</sup>.

Фраза эта, будучи опубликованной на итальянском языке, не была замечена российскими исследователями, однако история знакомства, сближения, установления доверительных отношений между католическим священником Арчелли и русским послом в Польше заслуживает самого пристального внимания. Возникает вопрос: что связывало театинца с князем Долгоруким? Все ли нам известно о деятельности Франческо Арчелли в Варшаве? Долгорукому был доверен чрезвычайно сложный участок дипломатической работы в соседней стране, история отношений с которой отличалась особой напряженностью и периодическими обострениями, приведшими к тому, что «в 1717 году царь с согласия Сейма добился признания России гарантом политического устройства Речи Посполитой, т.е. легального права вмешиваться во внутренние дела соседнего государства»<sup>32</sup>.

В отечественной и в польской историографии сложились диаметрально противоположные оценки деятельности человека, бывшего проводником петровской политики в Варшаве. Официальные шаги и высказывания русского дипло-

<sup>27</sup> E. Nasalli Rocca. *Un diplomatico piacentino...*

<sup>28</sup> L.P. Gachard. *Les archives farnésiennes à Naples*. «Bulletins de la Commission Royale d'histoire» 1869, vol. 9 (Bruxelles); L. van der Essen, A. Cauchie. *Inventaire des archives farnésiennes de Naples au point de vue de l'histoire des Pays-Bas catholiques*. Bruxelles: Kiessling, 1911.

<sup>29</sup> Е.Ф. Шмурло. *Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией*. Петроград: Издательство Академии Наук, 1915. Благодарю А.В. Захарова за указание на это издание.

<sup>30</sup> Е.Ф. Шмурло. *Россия и Италия*. Письмо от 25 июля 1723 г., с. 241.

<sup>31</sup> *Дворянские роды Российской империи*. Т. 1: *Князья Долгоруковы*. Санкт-Петербург: ИПК Вести, 1993, с. 188, 202, 203.

<sup>32</sup> Курукин И.В. *Романовы...*, с. 125.



мата были описаны С.М. Соловьевым в подробностях, эти же сведения кратко обобщены в словаре Брокгауза и Эфрона. Считается, что князь Долгорукий показал себя столь верным и активным радетелем интересов государя и православия, что вызвал «лютую» ненависть польской шляхты, которая потребовала его выдворения из страны. Точка зрения понятная и логичная, дословно эта официальная версия приведена на русском языке в наши дни на популярном современном интернет-ресурсе «Википедия». Но переключаем страничку на польский язык и с удивлением читаем: «В период своего пребывания в Польше Долгорукий снискал доверие польской шляхты, которая частично оказала влияние на его мировоззрение. Долгорукий приказал отдать своих детей на воспитание варшавских театинцев, а в конце 20-х гг. весь клан Долгоруких начал в России борьбу за изменение государственного устройства». Удалось найти источник, содержащий оценку, столь противоречащую точке зрения, принятой в русской историографии, – это научное многотомное издание «История польской дипломатии», вышедшее в Варшаве в 1982 году<sup>33</sup>. К сожалению, ни одного специального исследования об этом русском после в Польше обнаружить не удалось, остается неизвестным, кто входил в круг его общения, кто мог на него влиять, при каких обстоятельствах закончилось его пребывание в стране. Нельзя не посетовать на отсутствие на настоящий момент средств, при помощи которых можно было бы ответить на некоторые важные вопросы: впитал ли человек, на протяжении двадцати лет живший в Речи Посполитой, влияние духа вольницы или остался стойким приверженцем самодержавия, а также, насколько он был устойчив в вопросах вероисповедания, ведь известны случаи переходов в католичество некоторых аристократов петровского времени.

Мария Д'Амато, а вслед за ней Эмилио Назалли Рокко в своих публикациях отмечали, что падре Арчелли «был принят в доме русского посла, его полюбили, он стал наставником детей Долгорукого и вскоре его политическим доверенным. Семья эта всегда оказывала существенное влияние на дела русского государства, была очень влиятельной, пользовалась доверием царя. В 1721 году Долгорукого вызвали обратно на Родину и падре Арчелли последовал за ним в Москву»<sup>34</sup>. Итальянские авторы подчеркивают участие князя в делах театинца, но на русском языке упоминаний о том, что он был близко знаком с Григорием Долгоруким, нет. Можно предположить, что такое упущение связано с трагической историей семьи князей Долгоруких<sup>35</sup>, в которой были и опала, и пытки, и ссылка, и жестокие казни. О попытке ограничения самодержавия, предпринятой в 1730 году, написаны блестящие работы, и нет нужды пересказывать их здесь, но важно отметить, что преследованиям<sup>36</sup> во время правления импера-

<sup>33</sup> *Historia dyplomacji polskiej*. Т. 2: 1572–1795. Red. Z. Wójcik. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1982, с. 432. Выражаю признательность Е. Прокопович-Микуцкой за помощь в переводе с польского языка.

<sup>34</sup> E. Nasalli Rocca. *Un diplomatico piacentino...*

<sup>35</sup> Е.В. Анисимов. *Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра*. Москва: Мысль, 1986.

<sup>36</sup> Свидетельство страданий, выпавших на долю членов семьи, оставила кн. Н.Б. Долгорукая.

трицы Анны Иоановны подвергся не кто иной, как один из воспитанников падре Арчелли, Сергей Григорьевич Долгоруков. Возможно, сведения, касавшиеся этой фигуры, долгое время умалчивались по соображениям цензуры (или самоцензуры).

Несомненно, послы отец и сын Долгорукие, их круг общения в Варшаве, частная переписка и другие документы заслуживают специального исследования, которое ведется автором данной статьи. Вполне вероятно, что двадцать лет, проведенные в католической стране, славной своими вольнолюбивыми порядками, не прошли для этих русских дворян бесследно, думается, они ощутили на себе влияние шляхетской вольницы, местных традиций, основу которых составляли такие неведомые для москвитов понятия, как свобода слова и свобода политических собраний.

Политическое господство шляхты обусловило преобладание сословно-демократических принципов над монархическими. В Польше тогда существовал полицентризм общественно-политической жизни со всеми признаками плюралистического характера в конфессиональной, правовой, культурной и художественных областях. Известны высокие оценки ранней шляхетской демократии таких видных мыслителей Ренессанса, как Макиавелли и Эразм Роттердамский. В эпоху Просвещения республиканскими порядками Речи Посполитой восхищались Ж.Ж. Руссо и Г.Б. де Мабли. [...] Эти свободы, формируя склад ума и тип мышления политически активной шляхты, стали со временем важной составной частью общенациональной культуры и ментальности<sup>37</sup>.

Дополнить рассказ о польской составляющей миссии Арчелли необходимо упоминанием о том, что учрежденную в Варшаве театинскую Коллегию Нобилей, в которой учились дети князя Долгорукого, двадцатью годами позже закончил будущий король Станислав Август Понятовский<sup>38</sup>, на долгие годы сохранивший теплые отношения с деканом, часто встречавшийся с ним для интеллектуальных бесед<sup>39</sup>.

---

*Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева.* Послесловие Е. Анисимова. Санкт-Петербург: Художественная литература, 1992. О симпатии к Екатерине Долгоруковой и о радости московских иностранцев при известии о том, что она стала невестой Императора Петра II, см. в письмах ее современника итальянца Дж. Б. Венути: M. di Salvo. *Italia, Russia e mondo slavo.* Biblioteca di Studi Slavistici. Firenze: Firenze University Press, 2011, с. 191.

<sup>37</sup> А.В. Липатов. *Шляхетская демократия эпохи Просвещения. Национальная ментальность, культурно-государственная традиция и историческая необходимость.* [В:] *Польша и Европа в XVII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой.* Москва: Институт славяноведения РАН, 1999, с. 214, 215; М. Шульце-Вессель. *Остерман и его политика в отношении Польши в историческом освещении.* [В:] *Польша и Европа в XVII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой.* Москва: Институт славяноведения РАН, 1999.

<sup>38</sup> С.-А. Понятовский. *Мемуары.* Серия Тайны истории в романах, повестях и документах. Москва: Терра, 1995.

<sup>39</sup> S. Ciampi. *Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche della Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali di Europa.* «Annali universali di statistica economia pubblica, storia, viaggi e commercio» 1834, vol.

Напомню, что падре Арчелли приехал в Россию в 1722 году, а обмен сообщениями о рождении дочери и сына у русского и испанского монархов состоялся 1717 году. В связи с этим возникает вопрос, занимался ли кто-нибудь российско-испанским брачным проектом, или на пять лет проект был отложен? Чтобы в этом разобраться, необходимо отойти от дат, заданных Бантыш-Каменским, и обратить внимание на 1718 год, когда в России появился еще один примечательный, незаслуженно забытый персонаж.

Неточность в формулировке, допущенная Бантыш-Каменским, повторенная затем Соловьевым и всеми, кто касался миссии Арчелли в контексте истории российско-испанских отношений, состоит в следующем: испано-русский брачный проект был начат не в 1722 году, а раньше. Первоначально его в России вел другой иностранец – аббат Иван Крушала<sup>40</sup>, чьи пять писем Е.Ф. Шмурло обнаружил в папке номер 1445 Неаполитанского архива<sup>41</sup>. Историк приводит строки из письма этого выходца с берегов Которского залива<sup>42</sup>, адресованного герцогу Фарнезе. Крушала рассказывает о том, как попал на службу к москвитам. Письмо датировано 7 августа 1717 г. и послано из Венеции<sup>43</sup>: «Призванный на службу Его Царского величества Императора Великой России во время нахождения в Париже, я должен был принять приглашение и собравшись в течение месяца отправиться ко двору, на чем настаивал также мой кузен Кавалер Змайевич, который уже много лет осуществляет командование легким флотом упомянутого монарха». Сразу по прибытии в Петербург Крушала сообщает герцогу в Парму (28 мая 1718 г.): «Здесь уже считают решенным, что младшая дочь обещана другому трону, под сенью которого цветут лилии юного монарха»<sup>44</sup>. Шмурло не перевел эту фразу, и, вероятно, поэтому фигура Крушалы в течение 80 лет не ассоциировалась отечественными исследователями с переговорами по заключению российско-испанского брачного союза.

О том, что Петром был приглашен на службу в только что образованную Коллегию иностранных дел некий аббат Иоганн Кружали, весьма кратко пи-

---

43 (Roma).

<sup>40</sup> Ум. в 1732 г., подробно о нем см.: Л.Г. Климанов. *Деятель культуры Венецианской Далмации. Аббат Крушала – поэт, путешественник, дипломат*. [В:] *Общество и культура на Балканах в Средние века. Сборник научных трудов*. Калининград: КГУ, 1985.

<sup>41</sup> Е.Ф. Шмурло. *Россия и Италия...*, с. 235.

<sup>42</sup> Бока Которская в XV–XVIII вв. была частью Рагузской республики, которая в 1699 г. вошла в состав венецианских владений. Интересна точка зрения П. Прето на роль этой маленькой адриатической республики: “Porta dell’Oriente per i cristiani, dell’Occidente per i turchi, fedele figlia della Chiesa romana e amica della cattolica Spagna, vassalla del sultano, distributrice di notizie ad amici e nemici. Spia doppia dei turchi e dei cristiani...” [Дверь на Восток для христиан, на Запад – для турок, верная дочь римской Церкви и подруга католической Испании, вассал султана и распространительница новостей среди друзей и врагов. Двойной шпион турок и христиан]. Цит. по P. Preto. *I servizi segreti di Venezia. Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima*. Milano: Il Saggiatore, 2010.

<sup>43</sup> Е.Ф. Шмурло. *Россия и Италия...*, с. 241.

<sup>44</sup> Е.Ф. Шмурло. *Россия и Италия...*, с. 238. См. подробно на эту тему: Е.В. Анисимов. *Елизавета Петровна*. Москва: Молодая гвардия, 1999.

сали специалисты, занимающиеся историей становления российских дипломатических учреждений<sup>45</sup>: «гистории писатель» аббат Иоганн Кружали должен был «трудиться над составлением гистории», но в случае надобности не отказывать в своей помощи секретарям. Видимо, отвлекавшей его дополнительной нагрузки случилось столь много, что, из-под его пера не вышло ни строчки по истории России, что дало повод справедливо отметить его как историографа «номинального»<sup>46</sup>.

Итак, падре Арчелли не был первым, кому был поручен проект русско-испанского матримониального союза, и другой немаловажный вывод, который можно сделать, – маленькое герцогство Пармское имело в Московии своего информатора! Шмурло называет имя аббата из Далмации среди «агентов»<sup>47</sup>. Уместность этого определения подтверждается и сведениями П. Прето о решении Сената Венецианской республики завести себе информатора в Московии без афиширования этого шага. Вопрос был рассмотрен на одном из заседаний Сената в 1703 году и в мотивировочной части вынесенного решения сообщалась: «для внедрения в окружение и с тем, чтобы следить за шагами этого Царо (Czaro)»<sup>48</sup>.

По прошествии года, в 1704 г., Венецианский Сенат вновь вернулся к вопросу «о внедрении в окружение» Петра I и подтвердил насущность и необходимость подобной меры. Спустя несколько лет в Венеции по инициативе Петра учреждается первое на территории итальянских государств и второе после Амстердама российское консульство. Существует гипотеза о том, что Петр сделал это после тайного посещения им венецианских кораблестроительных верфей<sup>49</sup>. Это дает нам основания предположить, что вопрос, которому венецианцы уделили столь пристальное внимание, не был впоследствии закрыт: вряд ли Серениссима безучастно наблюдала за активными действиями Петра на своей территории. Возможно, таким «своим человеком у москвитов» стал венецианский подданный аббат Джованни Крушала. Будущий бенедиктинец обучался в Венеции, затем в Риме в «Коллегии неофитов», которая «была создана в XVI веке вслед за учреждением 'Общества Иисуса', поставлена под управление трех кардиналов и пользовалась особым покровительством пап. Ее выпускники предназначались для пропаганды католицизма в тех землях, где он не был господствующей религией, и для миссионерской деятельности»<sup>50</sup>. Есть сведения о том, что И. Крушала был награжден Орденом Святого Марка незадолго до своего отъезда в Россию. Известно, что Серениссима практиковала награждение вид-

<sup>45</sup> С.Л. Турилова. *История внешнеполитического ведомства России (1720–1832). К 200-летию МИД России*. Москва: Институт психологии РАН, 2000, с. 15.

<sup>46</sup> В.С. Иконников. *Опыт русской историографии*. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1891–1908, с. 1922.

<sup>47</sup> Е.Ф. Шмурло. *Россия и Италия...* Т.4. Ленинград, 1927, с. 231.

<sup>48</sup> P. Preto. *I servizi segreti di Venezia...*, с. 233 (пер. Н.Г. Тереховой).

<sup>49</sup> С.О. Андросов. *Петр Великий в Венеции*. [В:] *A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*. Ed. by L. Hughes, M. di Salvo. La Fenice: Rome, 1996, с. 19–27.

<sup>50</sup> Л.Г. Климанов. *Деятель культуры Венецианской Далмации...*

ных далматинцев после войны за Морею с тем, чтобы поощрить самых верных адептов Венецианской республики, под власть которой Далмация перешла согласно условиям Карловицкого договора в 1699 году.

Итак, Е.Ф. Шмурло видел в Неаполитанском архиве документы, касавшиеся аббата Крушалы и падре Арчелли, хранившиеся в одной папке. Возникает вопрос, почему Мария Д'Амато, единственный итальянский автор, работавший с этими источниками, не обратила внимание на переписку Ивана (Иоганна, Джованни) Крушалы с герцогом Пармским по вопросу устройства брака испанского принца с дочерью Петра? Почему столь неординарная личность, дипломат, поэт, автор известного сочинения о путешествии в Китай<sup>51</sup>, человек, фактически начавший этот проект, был полностью проигнорирован? Перед нами еще один эпизод умолчания и недосказанности, который мы попытаемся прояснить.

После ознакомления с изящно выполненным изданием *Театинец-дипломат в XVIII веке* нам довелось испытать смешанные чувства: прежде всего, – искренней благодарности за то, что Мария Д'Амато спасла ценные источники. Ее публикация на сегодняшний день представляет собой уникальную возможность узнать содержание писем падре Арчелли, отправленных из Москвы и Петербурга в 1722–1725 гг.<sup>52</sup> Вопреки тому, что до сих пор утверждает знаменитая итальянская энциклопедия Треккани<sup>53</sup>, в Неаполитанском архиве их давно нет! Они были уничтожены нацистами<sup>54</sup> при отступлении 30 сентября 1943 г.<sup>55</sup>. Номера утраченных дел бесценного корпуса источников «Карте Фарнезиане» были перечислены в работе, выполненной одним из местных архивариусов, увидевшей свет в 1951 г.<sup>56</sup>, но публикация, очевидно, осталась незамеченной.

<sup>51</sup> И. Крушала был отправлен в Китай в составе русского посольства, благодаря ему удалось подписать с китайской стороной труднейший договор, позволявший, наконец, произвести демаркацию границ между двумя странами, см. Л.Г. Климанов. *Деятель культуры Венецианской Далмации...*

<sup>52</sup> На русский язык письма Арчелли никогда не переводились, мы сейчас заканчиваем эту работу и надеемся, что их публикация вызовет интерес у специалистов.

<sup>53</sup> Национальная энциклопедия, основана в 1926 г. при участии крупных деятелей итальянской культуры и политики, а также председателя правительства Б. Муссолини.

<sup>54</sup> Хотя Л.Г. Климанов пишет о бомбардировке Неаполя союзными силами, послужившей причиной столь драматичной утраты документов, нам летом 2014 г. удалось поработать в зале, где хранились Карте Фарнезиане и узнать достоверно, что они были сожжены из огнеметов при отступлении.

<sup>55</sup> R. Filangieri di Candida. *Perdita e recupero del diplomatico farnesiano*. [B:] *Miscellanea archivistica Angelo Mercati*, Città del Vaticano 1952, с. 103.

<sup>56</sup> G. Ramacciotti. *Le vicende storiche dell'Archivio Farnesiano a Napoli e la sua reale consistenza*. «Archivio storico per le province parmensi» 1951, Ser. 4, 4 (Parma), с. 115. Советским специалистам в конце 60-х годов уже было известно, какие источники по истории отношений между Италией и Россией хранятся в Государственном Архиве Неаполя. Ничто не указывает на наличие документов по миссии Арчелли, перечисленных Е.Ф. Шмурло пятьюдесятью годами раньше, в фондах неаполитанского архива. См.: *Справка о документах по истории отношений между Италией и Россией, хранящихся в некоторых государственных архивах Италии*.

Затем чувство признательности и восхищения трудом историка, который в данном, поистине трагическом, случае можно без иронии назвать героическим, сменилось недоумением: ни до, ни после публикации тоненькой книжки с письмами падре Арчелли и своими комментариями Мария Д'Амато как исследователь или публицист себя никак не проявила. Ни ее имени, ни ее работы мы не нашли в выпущенном корифеем итальянской науки неаполитанцем Бенедетто Кроче перечне работ по археографии *Rivista di archivistica paleografia diplomatica e scienze storiche* под эгидой Archivio storico per le province napoletane<sup>57</sup>. Пока в том, что касается фигуры автора *Un teatino diplomatico del secolo XVIII*, у нас возникает больше вопросов, чем ответов, хотя относительно некоторых из них можно попытаться выдвинуть предположения. Например, отвечая на вопрос о том, почему Д'Амато не включила источники по Ивану Крушале в свой том, необходимо подчеркнуть, что в отличие от всех отечественных историков, она рассматривала миссию Арчелли с точки зрения не российско-испанских, а российско-итальянских отношений, это подтверждается подзаголовком, выделенном ею, – *Исследование по истории отношений между Италией и Россией*<sup>58</sup>. Таким образом, стремясь выявить доказательства существования исторических эпизодов, являвшихся точками соприкосновения между Россией и Италией, она отобрала из знаменитой папки только те документы, в которых фигурировал ее итальянский персонаж, поэтому Далмация и ее венецианский подданный не заинтересовали Марию.

В Италии в те годы происходили значительные перемены: в феврале 1922 года папа Пий IX впервые нарушил традицию и после своего избрания обратился к пастве, к римлянам и ко всему миру с внешнего балкона собора святого Петра, а не с внутреннего, как это в знак протеста происходило, начиная с 1870 года<sup>59</sup>. В этот период Святой престол и итальянское правительство начали подготовку к заключению Конкордата, т.к. отношения между объединенной Италией и Ватиканом были прерваны более 50 лет назад.

Эти события совпали со кратковременным всплеском иллюзий, которые в 20-е годы XX века. Ватикан испытал по отношению к Советской России и которые могут объяснить внезапный интерес Д'Амато к миссии Арчелли, не нашедший подтверждения в других ее работах. В первом же письме Арчелли обмолвился: «Приехал я в прошлом году благодаря доброму участию Римского двора в Москве»<sup>60</sup>. При этом некоторые свои письма он подписал «Teatino Missionario Apostolico» (Театинского Ордена апостольский миссионер), а также ре-

---

[В:] *Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений*. Москва: Наука, 1968, с. 407.

<sup>57</sup> De Luca tra Papini e Croce. «Scrinia. Rivista di archivistica paleografia diplomatica e scienze storiche» 2007, IV, 2, с. 238.

<sup>58</sup> Contributo alla storia delle relazioni tra l'Italia e la Russia.

<sup>59</sup> A. Macchia. *La Santa Sede di fronte alle dittature. Dall'isolamento a un nuovo ruolo internazionale*. [В:] *Il patto Ribbentrop-Molotov, l'Italia e l'Europa (1939–1941)*. In a cura di A. Basciani, A. Macchia e V. Sommella. Roma: Aracne, 2013, с. 396.

<sup>60</sup> D'Amato. *Un teatino diplomatico del secolo 18. Contributo alla storia delle relazioni tra l'Italia e la Russia*. Napoli: Federico & Ardia, 1922, с. 61 (пер. Н.Г. Тереховой).

гулярно жаловался: «Mi sono privato sino del mio religioso capitale» (я потратил даже мои религиозные деньги). Эти сведения подтверждают мнение петербургского историка Л.Г. Климанова о том, что «проект брака был составлен с явным расчетом на российский престол. Не исключено, что проект родился в римской курии, строившей определенные расчеты, конфессиональные и политические, в отношении России, где при дворе Петра I служило несколько влиятельных католиков: П. Гордон, М. Змаевич и др.»<sup>61</sup>.

Мы, в принципе, согласны с этой точкой зрения, только с необходимым уточнением, – проект не «родился в римской курии», а римская курия его охотно поддержала и приложила немало усилий, с тем чтобы довести задуманное до конца даже после того, как Петр Первый охладил к этой идее ввиду изменения внешнеполитической конъюнктуры в конце 1719 года, в связи с чем дипломат Нарышкин с подготовленным рескриптом так и не был отправлен в Испанию. Приведем слова Е.Ф. Шмурло из статьи *Католицизм в России*<sup>62</sup>: «Пропаганда католицизма в России, зачастую, идя рука об руку с политическими задачами папства, ослабевала или усиливалась, но никогда не изменяла основным своим принципам».

При чтении комментариев Д'Амато к письмам театинца возникает впечатление, что истинной целью написания работы был рассказ о его религиозных усилиях с целью «возвращения России в лоно Святого престола»<sup>63</sup>. Таким образом, ситуацию начала XX века под пером Д'Амато призван был проиллюстрировать исторический эпизод, относящийся к началу века восемнадцатого. Тогда

в Европе было известно, что Петр вынашивал планы реформирования государственно-церковных отношений в России [...], что он не упускал из виду вероятности своего второго брака с католической принцессой Франции или Австрии. „В связи с осуществлением этого проекта, – пишет в своих мемуарах герцог Сен-Симон, поддерживавший связи с русскими дипломатами и наблюдавший Петра во время его пребывания при дворе Людовика XV, – неизбежно вставал вопрос о католической церкви“. Ватикан пристально следил за действиями русского монарха. Папа все еще не терял надежды достичь вос-

<sup>61</sup> Л.Г. Климанов. *Деятель культуры Венецианской Далмации...*, с. 70.

<sup>62</sup> Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. *Энциклопедический словарь*. Т. 14а: *Карданахи–Керо*. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз – И.А. Эфрон, 1895, с. 735.

<sup>63</sup> Е.Ф. Шмурло. *Сношения России с папским престолом в царствовании Петра Великого (1697–1707)*. Белград: Русский научный институт в Белграде, 1929; Ф.А. Терновский. *Император Петр I в его отношении к католицизму и протестантизму*. «Труды Киевской Академии» 1869, № 3 (Киев); Э.К. Суттнер. *Восточные церкви в унии с Римом*. [В:] *400 лет брестской церковной унии 1596–1996. Критическая переоценка. Сборник материалов международного симпозиума. Неймеген, Голландия*. Москва: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1998; А. Тамборра. *Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога*. Пер с ит. Москва; ББИ св. ап. Андрея, 2007; П. Пирлинг. *Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане*. Санкт-Петербург: Издание АС. Суворина, 1892; П. Пирлинг. *Россия и папский престол*. Кн. 1: *Русские и флорентийский собор*. Пер. с франц. В.П. Потемкина. Москва: Современные проблемы, 1912.

соединения церквей под эгидой Рима, а напряженные отношения Петра с собственной православной иерархией только стимулировали такие планы<sup>64</sup>.

Трудно преувеличить роль Марии Д'Амато в спасении исторических источников, заслуживает внимания и ее подход к изложению этого исторического казуса, – отталкиваясь от текста писем, она старается проанализировать мотивы поведения Франческо Арчелли, разбирает проявления его чувств, опасений, надежд, сочувственно описывает трудности и заботы скромного театинца, попавшего волею судьбы в круговорот большой европейской политики. В ее работе заметны зерна того новаторского подхода, зародившегося в Италии, который много лет спустя назовут «микроисторией», без преувеличения можно было бы назвать Д'Амато его предшественницей<sup>65</sup>. Но, отдавая должное автору, приходится признать, что созданный ею текст трудно назвать работой историка, скорее речь может идти о произведении пропагандиста, и заказано<sup>66</sup> оно было, скорее всего, Институтом Восточной Европы, учрежденным в Риме в 1921 году по инициативе отдела по работе с прессой Министерства иностранных дел правительства Муссолини<sup>67</sup>. Секретарем нового ведомства был назначен славист Этторе Ло Гатто, перу которого принадлежит перевод рукописи<sup>68</sup> Е.Ф. Шмурло, изданной на итальянском языке в одном из номеров журнала «L'Europa orientale», выпускаемом указанным институтом. Название до сих пор не изданной на русском языке статьи Евгения Францевича *Иван Крижанич – панславист или миссионер?* говорит об идеологически обусловленном характере усилий специалистов, деятельность которых лежала в русле политики курии, проводимой в тот период.

Известно, что Е.Ф. Шмурло после эмиграции из большевистской России жил в Италии. Вероятно, они были знакомы или напрямую, или через Ло Гатто, и, думается, именно Евгений Францевич сообщил Д'Амато о существовании

<sup>64</sup> Т.В. Зонова. *Дипломатия Петра I в отношении государств Апеннинского полуострова*. [В:] К 300-летию Великого посольства Петра в Западную Европу. Предисл. В.М. Матвеева. Москва: МГИМО(У) МИД РФ, каф. дипломатии, 1999, с. 34.

<sup>65</sup> См. подробнее об этом методе: Э. Гренди. *Еще раз о микроистории*. «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории» 1997 (Москва), с. 291; С. Черутти. *Микроистория. Социальные отношения против культурных моделей?* «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории» 2006, с. 354; Н.Г. Терехова. *Итальянская микроистория. 25 лет спустя*. «Одиссей. Человек в истории» 2014 (Москва), с. 393.

<sup>66</sup> Е.С. Токарева. *Отношения СССР и Ватикана. От переговоров к разрыву 1922–1929*. [В:] *Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века. Материалы colloquium, состоявшегося в Москве 23–24 июня 1998 года*. Ред. Е.С. Токарева, А.В. Юдин. Институт всеобщей истории РАН, Папский комитет исторических наук (Ватикан) – Москва: ИВИ РАН Санкт-Петербург: Аллетейя, 2003.

<sup>67</sup> См. подробнее на эту тему: S. Santoro. *L'Italia e l'Europa orientale. Diplomazia culturale e propaganda (1918–1943)*. Presentazione di M. Palla. Temi di Storia, 62. Milano: FrancoAngeli, 2005.

<sup>68</sup> Prof. Eugenio Šmurlo. *Jurij Križanić (1618–1683). Panслависта o миссионерио?* Tradotto da Lo Gatto. «Russia» 1926, 5, 3–4 (Roma). Подробнее о работе Института Восточной Европы: G. Petracchi. *Gli studi sull'Europa Orientale alla fine degli anni Venti*. [В:] *Un Istituto Scientifico a Roma: L'Accademia d'Ungheria (1895–1950)*. Cosenza, 1993.



папки номер 1445 под названием «*Moscovia – Trattative per l'alleanza con la Spagna. Raguaglio di Alessio. Anni 1723–1728*», содержащей письма Крушалы, Арчелли и переписку Петра Первого с царевичем Алексеем. При этом бросается в глаза несовпадение года написания писем царевичем (1718 г.) и датировки, указанной в названии дела. Эта нестыковка Д'Амато не остановила, и она включила материалы по трагической истории сына Петра в издание о деятельности Арчелли, не объяснив, есть ли помимо фигуры царя какая-либо связь между этими двумя эпизодами.

Смущает ряд неточностей, допущенных в работе итальянского автора. Согласно ее комментариям, вопрос о предусмотренном брачным контрактом католическом бракосочетании и о переходе невесты в католичество был решенным: якобы князь Григорий Долгорукий смог уговорить Петра I согласиться на этот шаг, и только неожиданная смерть царевны воспрепятствовала дальнейшему развитию событий в нужном направлении. На самом деле специалисты по испано-русским отношениям упоминают два контракта – существовала испанская версия и вариант, составленный Петром, который отнюдь не предполагал смену веры царевной Натальей, а испанскому принцу предназначался все-таки польский престол, а не русский. Затем Д'Амато многократно упоминает о том, что Арчелли стал наставником детей Петра I. Эти сведения не находят подтверждения в работах российских и иностранных авторов, рассматривавших семейную жизнь Петра Первого и Екатерины, особенности воспитания и обучения царевен<sup>69</sup>. Опровержением близости театинца к Петру Первому может служить отсутствие рассказа Арчелли о коронации Екатерины, он лишь жалуется на дороговизну в городе, возникшую в связи с наплывом гостей и любопытных. Представляется странным, что падре не был приглашен на праздничные мероприятия при дворе, если все-таки он был «вхож в царскую семью». Известно, что значительное количество иноземцев было приглашено на это грандиозное мероприятие. Вот что писал в марте 1724 г. специально вызванный по этому случаю из Вены португальский аббат Томаш да Сильва де Авелар: «Мне еще угрожает злополучная поездка в Московию, на чем настаивает Лиссабон, хотя там знают только о существовании царицы, а не царя. Присутствие на коронации шведки, жены одного из капралов, дело очень дорогое, предстоит преодолеть более чем 400 легуа пути среди невежд»<sup>70</sup>.

Все версии Д'Амато без тени сомнения подхватил в 1967 году Эмилио Назалли Рокка, директор архива г. Пьяченцы. Похоже, что статья в местной га-

<sup>69</sup> М. de Villebois-Mareuil. *Mémoires*. «Revue Retrospective» 3 me Serie. Paris, 1838. М. de Villebois-Mareuil. *Mémoires secret pour servir a l'histoire de la cour de Russie*. Paris, 1853, с. 132–133; П.И. Бартевев. *Оснадцатый век*. Кн. 3. Москва: Типография Т. Рис, 1869, с. 23; Е.В. Анисимов. *Елизавета Петровна*. Москва: Молодая гвардия, 1999; В.Г. Григорян. *Русские жены европейских монархов*. Москва: АСТ, 2011.

<sup>70</sup> *Россия – Португалия. XVIII – начало XX века. Сборник документов*. Т. 1: 1722–1815. Министерство иностранных дел Российской Федерации, Министерство иностранных дел Португальской Республики. Редкол.: А. В. Глушко (пред.) и др. Москва: МТ 2, 2007, с. 25.

зете была написана им в некоторой спешке<sup>71</sup>, он даже не съездил в Неаполь удостовериться в наличии источников лично и не уполномочил на это никого из сотрудников или неаполитанских коллег. Видимо, у него не было в запасе тех двух-трех месяцев, на которые, возможно, растянулась бы выверка содержания хранилища, и он, увы, указал в своей статье, что письма Арчелли все еще находятся в государственном архиве Неаполя. «Почему примерно в 1720 году герцогом был выбран именно Арчелли для исполнения деликатной миссии в Восточной Европе сначала в Праге, затем в Польше и, наконец, в России, где благодаря стечению обстоятельств он оказался в высоких кругах при дворе?» – задается вопросом Назалли Рокка и сам отвечает: – «Вне всякого сомнения по причине своих высоких культурных и духовных качеств». Такое объяснение не может считаться достаточным и, вероятно, допустимо говорить о том, что две итальянские работы по миссии Арчелли были написаны с целями популяризации идеи восстановления единства христианского мира. Как написал внимательный исследователь российско-итальянских отношений Джорджо Петракки, итальянский подход к ним всегда отличало «чередование мифологизации и практичности». Используя определение «итальянский» в контексте истории международных отношений, нельзя пренебрегать таким важным фактором, как Ватикан: «существование на территории Италии этого крохотного государства, причем не просто самостоятельного, но даже более влиятельного в планетарном масштабе, чем приютившая его страна, – явление поистине уникальное»<sup>72</sup>.

Упоминание о более поздней деятельности падре Арчелли встречается у П. Бартенева<sup>73</sup> в письме Дука Де Лирия из Варшавы от 30 декабря 1731 года. Дипломат был назначен первым испанским посланником в Россию при императоре Петре II. Он публикует инструкцию для падре Арчелли в письме от 30 апреля 1730 года<sup>74</sup>, из этого следует, что театинец не вернулся на родину в Пьяченцу, как пишет об этом Мария Д'Амато, а продолжил свою деятельность в других столицах и был при этом востребован в дипломатических кругах Европы. К сожалению, ни аббат Крушала, ни падре Арчелли не оставили описаний своего пребывания в России, хотя в литературе на итальянском языке к тому времени уже сложилась богатая традиция<sup>75</sup>.

<sup>71</sup> Необходимо учесть, что в конце 1965 г. закончился II Ватиканский Собор, материалы которого, кстати, были опубликованы на русском языке спустя 33 года. См. *Документы II Ватиканского собора*. Пер. Андрея Коваля. Москва: Паолине, 1998.

<sup>72</sup> А.А. Красиков. *Ватикан – государство и церковь*. [В:] *На перекрестке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века*. Под ред. Т.В. Зоной. Институт Европы РАН. Москва: Издательство «Весь Мир», 2011, с. 406; см. также по этой теме: Е.А. Коровин. *Католицизм как фактор современной мировой политики*. Москва – Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1931; М. Шейнман. *Ватикан между двумя мировыми войнами*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1948; Н.А. Ковальский. *Католицизм и дипломатия*. Москва: Наука, 1969; С. Маджистер. *Политика Ватикана и Италия. 1943–1948*. Москва: Прогресс, 1982.

<sup>73</sup> П.И. Бартенев. *Оснадцатый век*. Кн. 3..., с. 126.

<sup>74</sup> Там же, с. 128.

<sup>75</sup> См. подробнее: Дж. Д'Амато. *Сочинения итальянцев о России (конец XV–XVI веков)*.

Обзор историографии по данному вопросу можно считать исчерпанным, но источники пока выявлены не полностью, хотя обнаруженное в ходе проводимого исследования неопубликованное письмо герцога Пармского императору Петру Великому вызывает несомненный интерес. Заслуживают внимания также опубликованные более 90 лет назад письма дипломата-театинца из России, перевод которых на русский язык пополнит копилку ценных свидетельств<sup>76</sup>, зафиксированных в переписке и в мемуарах иностранцев, посетивших Россию в период правления Петра Великого. Представляется достаточно востребованной публикация перевода на русский язык писем католического священника, имевшего в Европе сеть корреспондентов и контактов и выполнявшего в России в течение двух лет миссию, которую можно назвать «невыполнимой».

Именно так историк Манискалько Базиле определил причины отрицательного итога поездки иезуита Антонио Поссевино в Россию во времена Ивана Грозного, состоящие по его мнению в

народном мандате на то, чтобы царь «своими бы государьством владел и правил, как ему, государю, годно: и кто будет ему, государю, и его государьству изменники и лиходеи, и над теми в животе и в казни его государская воля», то есть получивший право держать в руках бразды правления своей державой, не мог рисковать потерей народного консенсуса, издревле связанной с символической чистотой православной веры; а этот консенсус перестал бы, вероятно, существовать после заключения унии с Римом<sup>77</sup>.

Миссия Арчелли, также как и состоявшаяся на полтора столетия ранее миссия иезуита Поссевино, была обречена на неудачу с самого начала и не только из-за того, что преждевременно скончалась царица Наталья, «а из-за вопросов веры и политических проблем, которые были бы поставлены вопросами веры»<sup>78</sup>.

---

*Историко-библиографический очерк.* Москва: РГГУ, 1995; С. Андросов. *Джузеппе Франки и его свидетельство о России петровского времени.* «Russia Romana» 1998, vol. 5 (Pisa – Roma: Estratto); М. Ди Сальво. *Кастрат Петра Великого. Филиппо Балатри в Московии (1699–1701).* [В:] *Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг.* Москва: Древлехранилище, 2006. «Italia, Russia e mondo slavo». Firenze, 2011. Там же о Франческо Гуаскони Di Salvo M. Florence. *Amsterdam, Moscow. An Italian Merchant In Peter the Great Time;* А. Поссевино. *Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.).* Пер. и коммент. Л. Годовиковой. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1983; *Современное состояние Великороссии или Московии, прибытие и изгнание отцов общества Иисуса. Публикация свящ. В. Кучумова в: Первая постоянная католическая миссия в Москве (1686–1689) по мемуарам Иржи Давида.* [В:] *Патриарх Иоаким и его время. Макарьевские чтения.* Вып. 11, Можайск: Терра, 2004.

<sup>76</sup> Ю.П. Беспятых. *Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмалъ).* Санкт Петербург: БЛИЦ, 1998.

<sup>77</sup> Базиле Манискалько. Дж.Б. «Московия» Антонио Поссевино. *Отчет о невыполнимой миссии.* [В:] «Друг-зеркало для друга...» *Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв.* Отв.ред. И.В. Поткина. Москва: Институт российской истории РАН, 2013, с. 155.

<sup>78</sup> Манискалько Базиле. Дж.Б. «Московия» Антонио Поссевино..., с. 155.

Новизна представленного исследования о миссии Арчелли состоит в выявлении следующих, на наш взгляд, важных фактов, которые были прежде упущены: во-первых, инициатива миссии, состоявшей в заключении российско-испанского матримониального союза, принадлежала не испанскому королю, не театинцу Арчелли, а Петру Первому; во-вторых, вопреки общепринятой версии, на начальном этапе проектом занимался не «патер» Арчелли, а выходец из Венецианской Далмации Иван Крушала; в-третьих, переговоры были начаты не в 1722 году, а на пять лет раньше<sup>79</sup>, в-четвертых, подключившийся позднее театинец действовал не один, а при поддержке князя Долгорукого. И, наконец, последнее, но самое важное: активную роль в продвижении идеи брака между представителями католической и православной монархий играл Святой престол.

## Литература

- Амельченкова С.В. *Испанское влияние на русскую культуру в XIX в.* Москва: Российский университет дружбы народов, 2008.
- Андросов С.О. *Петр Великий в Венеции.* [В:] *A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia.* Ed. by L. Hughes, M. di Salvo. La Fenice: Rome, 1996.
- Андросов С. *Джузеппе Франки и его свидетельство о России петровского времени.* «Russia Romana» 1998, vol. 5 (Pisa – Roma: Estratto).
- Анисимов Е.В. *Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра.* Москва: Мысль, 1986.
- Анисимов Е.В. *Елизавета Петровна.* Москва: Молодая гвардия, 1999.
- Базиле Манискалько Дж.Б. «Московия» Антонио Поссевино. *Отчет о невыполнимой миссии.* [В:] «Друг-зеркало для друга...» *Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв.* Отв.ред. И.В. Поткина. Москва: Институт российской истории РАН, 2013.
- Бантыш-Каменский Н.Н. *Обзор внешних сношений России.* Ч. 1: *Гушпания 1688–1718.* Санкт-Петербург: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства Иностранных дел, 1894.
- Бартев П.И. *Оснадцатый век.* Кн. 3. Москва: Типография Т. Рис, 1869.
- Беспятых Ю.П. *Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в.* (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмалъ). Санкт-Петербург: БЛИЦ, 1998.
- Бобылев В.С. *Россия и Испания в международных отношениях 2-ой половины XVIII в.* Москва, 2000.
- Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. *Энциклопедический словарь.* Т. 14а: *Карданахи–Керо.* Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз – И.А. Эфрон, 1895.
- Брокгауз Ф.А. Эфрон И.А. *Энциклопедический словарь.* Т. 32. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз – И.А. Эфрон, 1901.
- Волосюк О.В. *Испания и российская дипломатия в XVIII в.* Москва: Издательство РУДН, 1997.
- Гренди Э. *Еще раз о микроистории.* «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории» 1997 (Москва).

<sup>79</sup> Л.Г. Климанов считает, что «соглашение о начале переговоров было, по всей видимости, достигнуто во время пребывания Петра в Париже в мае-июне 1717 г., и вероятно, обсуждалось во время разговоров находившегося в царской свите Б.И. Куракина с папским нунцием в Париже Бендивольо».

- Григорян В.Г. *Русские жены европейских монархов*. Москва: АСТ, 2011.
- Д'Амато Дж. *Сочинения итальянцев о России (конец XV–XVI веков). Историко-библиографический очерк*. Москва: РГГУ, 1995.
- Ди Сальво М. *Кастрат Петра Великого. Филиппо Балатри в Московии (1699–1701)*. [В:] *Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг.* Москва: Древлехранилище, 2006.
- Дворянские роды Российской империи*. Т. 1: Князь Долгоруковы. Санкт-Петербург: ИПК Вести, 1993.
- Документы II Ватиканского собора*. Пер. Андрея Коваля. Москва: Паолине, 1998.
- Долгорукая Н.Б. *Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева*. Послесловие Е. Анисимова. Санкт-Петербург: Художественная литература, 1992.
- Зонова Т.В. *Дипломатия Петра I в отношении государств Апеннинского полуострова*. [В:] *К 300-летию Великого посольства Петра в Западную Европу*. Предисл. В.М. Матвеева. Москва: МГИМО(У) МИД РФ, каф. дипломатии, 1999.
- Иконников В.С. *Опыт русской историографии*. Киев: Типография. Императорского Университета св. Владимира, 1891–1908.
- История дипломатии*. Ред. В.П. Потемкин. Москва: ОГИЗ. Серия: Библиотека внешней политики, 1956.
- Каменский А.Б. *От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в.* Москва: РГГУ, 1999.
- Климанов Л.Г. *Деятель культуры венецианской Далмации. Аббат Крушала – поэт, путешественник, дипломат*. [В:] *Общество и культура на Балканах в Средние века. Сборник научных трудов*. Калининград: КГУ, 1985.
- Ковальский Н.А. *Католицизм и дипломатия*. Москва: Наука, 1969.
- Коровин Е.А. *Католицизм как фактор современной мировой политики*. Москва – Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1931.
- Красиков А.А. *Ватикан – государство и церковь*. [В:] *На перекрестке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века*. Ред. Т.В. Зонова. Институт Европы РАН. Москва: Издательство «Весь Мир», 2011.
- Курукин И.В. *Романовы*. Москва: Молодая гвардия, 2012.
- Липатов А.В. *Шляхетская демократия эпохи Просвещения. Национальная ментальность, культурно-государственная традиция и историческая необходимость*. [В:] *Польша и Европа в XVII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой*. Москва: Институт славяноведения РАН, 1999.
- Маджистер С. *Политика Ватикана и Италия. 1943–1948*. Москва: Прогресс, 1982.
- Молчанов Н.Н. *Дипломатия Петра Первого*. Москва: Издательство «Международные отношения» 1984.
- Первая постоянная католическая миссия в Москве (1686–1689) по мемуарам Иржи Давида*. [В:] *Патриарх Иоаким и его время. Макарьевские чтения*. Вып. 11. Можайск: Терра, 2004.
- Пирлинг П. *Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане*. Санкт-Петербург: Издание АС. Суворина, 1892.
- Пирлинг П. *Россия и папский престол*. Кн. 1: *Русские и флорентийский собор*. Пер. с франц. В.П. Потемкина. Москва: Современные проблемы, 1912.
- Писаренко К.А. *Тайны дворцовых переворотов*. Москва: Вече, 2009.
- Пожарская С.П. *Русско-испанские отношения в конце XVII – первой четверти XVIII в.* [В:] *Россия и Испания. Историческая ретроспектива*. Отв. ред. З.В. Удальцова. Москва: АН СССР, 1987.

- Понятовский С.-А. *Мемуары*. Серия Тайны истории в романах, повестях и документах. Москва: Терра, 1995.
- Поссевино А. *Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.)*. Пер. и коммент. Л. Годовиковой. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1983.
- Правящие элиты и дворянство в России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. Отв. сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. Москва: РОССПЭН, 2013.
- Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1799*. Т. 1. Сост. О.В. Волосюк, К.В. Рожков, Х.М. Гонсалес, М. Семпере. Т. 1. Москва: Издательство «Международные отношения» 1991.
- Россия – Португалия. XVIII – начало XX века. Сборник документов*. Т. 1: 1722–1815. Министерство иностранных дел Российской Федерации, Министерство иностранных дел Португальской Республики. Редкол.: А. В. Глушко (пред.) и др. Москва: МТ 2, 2007.
- Сборник русского исторического общества*. Т. 58. Санкт-Петербург: Русское историческое общество, 1887.
- Соловьев С.М. *История России с древнейших времен*. Кн. 4. Т. 16. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза» 1895.
- Справка о документах по истории отношений между Италией и Россией, хранящихся в некоторых государственных архивах Италии*. [В:] *Из истории русско-итальянских культурных и общественных отношений*. Москва: Наука, 1968.
- Суттнер Э.К. *Восточные церкви в унии с Римом*. [В:] *400 лет брестской церковной унии 1596–1996. Критическая переоценка. Сборник материалов международного симпозиума. Неймеген, Голландия*. Москва: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 1998.
- Тамборра А. *Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога*. Пер с ит. Москва; ББИ св. ап. Андрея, 2007.
- Терехова Н.Г. *Итальянская микроистория. 25 лет спустя*. «Одиссей. Человек в истории» 2014 (Москва).
- Терновский Ф.А. *Император Петр I в его отношении к католицизму и протестантству*. «Труды Киевской Академии» 1869, 3 (Киев).
- Токарева Е.С. *Отношения СССР и Ватикана. От переговоров к разрыву 1922–1929*. [В:] *Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века*. Материалы коллоквиума, состоявшегося в Москве 23–24 июня 1998 года. Ред. Е.С. Токарева, А.В. Юдин. Институт всеобщей истории РАН, Папский комитет исторических наук (Ватикан) – Москва: ИВИ РАН Санкт-Петербург: Аллетей, 2003.
- Турилова С.Л. *История внешнеполитического ведомства России (1720–1832). К 200-летию МИД России*. Москва: Институт психологии РАН, 2000.
- Черутти С. *Микроистория. Социальные отношения против культурных моделей? «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории»* 2006.
- Шейнман М. *Ватикан между двумя мировыми войнами*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1948.
- Шмурло Е.Ф. *Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией*. Петроград: Издательство Академии Наук, 1915.
- Шмурло Е.Ф. *Сношения России с папским престолом в царствовании Петра Великого (1697–1707)*. Белград: Русский научный институт в Белграде, 1929.
- Шульце-Вессель М. *Остерман и его политика в отношении Польши в историческом освещении*. [В:] *Польша и Европа в XVII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой*. Москва: Институт славяноведения РАН, 1999.

- Arcelli F. *Genealogia della famiglia Arcelli*. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2008.
- Bersani S. *Storia del cardinale Giulio Alberoni*. Un presbitero educato al Collegio Alberoni. Piacenza 1861.
- Bianchi G. *Giulio Alberoni e il suo secolo*. Piacenza, 1901.
- Black J. *A History of Diplomacy*. London: Reaktion, 2010.
- Bourgeois É. *Le secret des Farnese; Philippe V et la politique d'Alberoni*. Paris, 1892.
- D'Amato M. *Un teatino diplomatico del secolo XVIII. Contributo alla storia delle relazioni tra l'Italia e la Russia* «Nuova Rivista Storica» 1922, vol. 7. (Napoli: Federico & Ardia).
- Campanelli M. *I Teatini*. Roma: Ed. di Storia e Letteratura, 1987.
- Castagnoli P. *Il Cardinale Giulio Alberoni*. Roma, 1929.
- Ciampi S. *Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche della Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali di Europa*. «Annali universali di statistica economia pubblica, storia, viaggi e commercio» 1834, vol. 43 (Roma).
- Di Salvo M. *Italia, Russia e mondo slavo*. Biblioteca di Studi Slavistici. Firenze: Firenze University Press, 2011.
- Drei G. *I Farnese. Grandezza e decadenza di una dinastia italiana*. Ed. G.A. Tassoni. Roma: Libreria dello Stato, 1954.
- Essen L. van der, Cauchie A. *Inventaire des archives Farnésiennes de Naples au point de vue de l'histoire des Pays-Bas catholiques*. Bruxelles: Kiessling, 1911.
- Ferro B. *Istoria delle missioni de' chierici teatini con la descrizione de' regni, fede, riti e costumi delle genti*. Roma, 1706.
- Filangieri di Candida R. *Perdita e recupero del diplomatico farnesiano*. [B:] *Miscellanea archivistica Angelo Mercati*, Città del Vaticano 1952.
- Gachard L.P. *Les archives farnésiennes à Naples*. «Bulletins de la Commission Royale d'histoire» 1869, vol. 9 (Bruxelles).
- Genovese G. «Virgole contro pensieri». *De Luca tra Papini e Croce*. «Scrinia. Rivista di archivistica paleografia diplomatica e scienze storiche» 2007, IV, 2 (Napoli: Arte tipografica).
- Harcourt-Smith S. *Cardinal of Spain. The life and strange career of Alberoni*. New York: Knopf, 1944.
- Historia dyplomacji polskiej*. T. 2: 1572–1795. Red. Z. Wójcik. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1982.
- Letteres intimes de J. Alberoni*. Edit por É. Bourgeois. Paris, 1892.
- Macchia A. *La Santa Sede di fronte alle dittature. Dall'isolamento a un nuovo ruolo internazionale*. [B:] *Il patto Ribbentrop-Molotov, l'Italia e l'Europa (1939–1941)*. In a cura di A. Basciani, A. Macchia e V. Sommella. Roma: Aracne, 2013.
- Nasalli Rocca E. *Un diplomatico piacentino alla corte di Pietro il Grande*. «Libertà» 31 gennaio 1967.
- Nasalli Rocca E. *I Farnese*. Piacenza: Dall'Oglio editore, 1969.
- Petracchi G. *Gli studi sull'Europa Orientale alla fine degli anni Venti*. [B:] *Un Istituto Scientifico a Roma: L'Accademia d'Ungheria (1895–1950)*. Cosenza, 1993.
- Preto P. *I servizi segreti di Venezia. Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima*. Milano: Il Saggiatore, 2010.
- Quazza G. *L'equilibrio italiano nella politica europea alla vigilia della guerra per la secessione polacca*. «Storia del Risorgimento» 1945 (Torino).
- Quazza G. *La decadenza italiana nella storia europea*. Torino: Einaudi, 1971.
- Ramacciotti G. *Le vicende storiche dell'Archivio Farnesiano a Napoli e la sua reale consistenza*. «Archivio storico per le province parmensi» 1951, Ser. 4, 4 (Parma).
- Saitta A. *Guida critica alla storia moderna*. Roma–Bari: Laterza, 1994.

- Santoro S. *L'Italia e l'Europa orientale. Diplomazia culturale e propaganda (1918-1943)*. Presentazione di M. Palla. Temi di Storia, 62. Milano: FrancoAngeli, 2005.
- Šmurlo E. *Jurij Križanić (1618-1683). Panslavista o missionario?* Tradotto da Lo Gatto. «Russia» 1926, 5, 3-4 (Roma).
- Taracha C. *Szpiedzy i dyplomaci. Wywiad hiszpański w XVIII wieku*. Lublin: Werset, 2005.
- Valsecchi F. *Il problema italiano nella politica europea del Secolo XVIII da Utrecht ad Aquisgrana (1713-1748)*. Milano: La Gordiada, 1951.
- Valsecchi F. *Gli stati dell'Italia settentrionale nel periodo anteriore alle riforme (1715-1748)*. Milano: Univ. di Milano, 1953.
- Villebois-Mareuil M. de. *Mémoires*. «Revue Retrospective» 3 me Serie. Paris, 1838. Villebois-Mareuil M. de. *Mémoires secret pour servir a l'histoire de la cour de Russie*. Paris, 1853.
- Visconti A. *L'Italia nell'epoca di Controriforma 1513-1713*. Milano: Arnoldo Mondadori, 1958.





BIBLIOGRAFISTYKA  
БИБЛИОГРАФИСТИКА  
BIBLIOGRAPHY



POLSKA LEKSYKOLOGRAFIA TERMINOLOGICZNA  
Z KOMPONENTEM ROSYJSKIM Z ZAKRESU EKONOMII,  
HANDLU I ZARZĄDZANIA.  
BIBLIOGRAFIA SŁOWNIKÓW  
WYDANYCH W LATACH 1887–2015

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański  
Wydział Filologiczny  
Instytut Skandynawistyki  
Pracownia Języka Fińskiego, Kultury i Gospodarki Finlandii  
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna  
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska  
e-mail: finkw@univ.gda.pl  
(nadesłano 29.05.2016; zaakceptowano 27.07.2016)

**Abstract**

**Polish terminological lexicography in the field of economics, trade, management, including a Russian component.**

**A bibliography of dictionaries published between 1887–2015**

The article contains a list of 149 Polish terminological dictionaries in the field of economics, trade, management (each including the Russian language), published in Poland during the years 1887–2015. The bibliography is composed in chronological order. The purpose of the article is to present the richness of terminology written by Polish specialists.

The material in question has been excerpted and catalogued on the basis of bibliographical sources, scientific publications, publishing and library catalogues available at the time. The fact that so much bibliographical material has been collected proves that for publishers, Russian is still a prestigious language, which enjoys a high social and communicative status.

The bibliography exemplifies editorial dynamics and welcoming attitude towards the Russian language on the part of national publishing agencies and scientific centers.

## Key words

Bibliography, bilingual and multilingual dictionaries, Russian language, terminography, economics, trade, management.

## Резюме

**Польская терминологическая лексикография  
в области экономики, торговли и менеджмента  
с русским языковым компонентом.**

**Библиография словарей, изданных в 1887–2015 годах**

Настоящая статья представляет собой библиографический перечень 149 лексикографических изданий по экономике, торговле и менеджменту, изданных в Польше в 1887–2015 гг., языковым компонентом которых является *русский*. Главная цель работы экспонировать богатство терминографических работ, составленных польскими специалистами.

Материал к библиографии собран и каталогизирован на основе библиографических источников, научных трудов, подписных каталогов и каталогов научных библиотек. Составление такого обширного библиографического перечня свидетельствует, несомненно, о том, что русский язык все время относится к группе престижных языков с высоким общественно-коммуникационным статусом, значимых в межкультурных контактах.

Настоящая библиография отражает издательскую динамику в Польше и открытость на русский язык.

## Ключевые слова

Библиография, двуязычные и многоязычные словари, русский язык, терминография, экономика, торговля, менеджмент.

## Zawartość zbioru bibliograficznego

Poniższy wykaz zawiera zbiór 149 słowników terminologicznych, których obiektem opisu jest język rosyjski. Zamieszczono w nim prace leksykograficzne rejestrujące terminy z zakresu ekonomii, handlu i zarządzania, które zostały wydane w latach 1887–2015 w Polsce, sporadycznie także za granicą bądź w koedycji z zagranicznymi wydawcami. Przyjęcie w niniejszej bibliografii zasady konsekwentnego porządkowania chronologicznego tytułów i wydań ułatwia możliwie przejrzysty wgląd czytelnika w zasób i stan polskiego słownictwa dla interesującego przedziału czasowego. W wykazie zamieszczono dzieła zarówno samodzielne, jak i będące dodatkiem do

innych prac. Do spisu bibliografii włączono opracowania indeksy terminów dziedzinowych, glosariusze i in.

W zbiorze dominują słowniki dwujęzyczne – 94 pozycje (63%). Blisko połowę stanowią opracowania wielojęzyczne – 52 pozycje (35%). Ponadto utrwalono 3 (2%) prace terminograficzne z językiem rosyjskim bez polskiego komponentu.

Ożywienie leksykograficzne nastąpiło po roku 1990; w latach 1992–1999 opublikowano 23 słowniki (15%). Największy przyrost wydań słownikowych przypada na lata 2000–2009; wówczas ukazało się 61 słowników (41%). W ostatnim pięcioleciu światło dzienne ujrzały już 23 pozycje terminograficzne (15%). Można sądzić, że tendencja wzrostowa zapoczątkowana na rynku wydawniczym po transformacji polityczno-ekonomicznej lat 90. utrzyma się. Sytuację wydawniczą w Polsce na przestrzeni trzech wieków ilustruje tabela 1.

Tabela 1. Ilość wydanych słowników w poszczególnych dekadach

Lata	Ilość	%	Lata	Ilość	%
1887	1	0,67	1960–1966	2	1,34
1902	3	2,00	1971–1979	9	6,04
1914	1	0,67	1980–1985	6	4,02
1923	1	0,67	1992–1999	23	15,4
1938–1939	5	3,35	2000–2009	61	40,9
1947	1	0,67	2010–2015	23	15,4
1952–1959	13	8,72	Łącznie	149	100

## Podstawa katalogowania

Materiał faktograficzny został wyekscerpowany z dostępnych źródeł bibliograficznych, publikacji naukowych (monografii, artykułów naukowych, recenzji etc.), katalogów bibliotecznych (NUKAT, WorldCat, Biblioteki Narodowej i in.) oraz wydawniczych. Następnie został on poddany selekcji dziedzinowej i systematyzacji chronologicznej.

Podczas przygotowywania niniejszej bibliografii do publikacji stosowano poniższe zasady. W procesie konfigurowania wykazu zachowano porządek chronologiczny, co oznacza, iż pozycje słownikarskie pogrupowano według roku ich wydania. W poszczególnych odcinkach czasowych publikacje uszeregowano alfabetycznie według nazwisk autorów, a w przypadku opracowań zbiorowych według tytułów – w obu przypadkach zgodnie z kolejnością liter alfabetu polskiego. Nazwiska redaktorów, jak również osób uczestniczących w procesie opracowywania haseł słownikowych, podaje się po tytule dzieła. W przypadku pozycji sygnowanych nazwiskiem autora po nazwisku umieszczono pełne imię (imiona). W odniesieniu do prac zbiorowych imię redaktora (redaktorów) i autorów haseł umieszczono przed nazwiskiem. Tytuły pozycji drukowanych w alfabetach innych aniżeli łańciski (oprócz cyrylicy) podaje się w zapisie transkrypcji, jaka ma zastosowanie w procedurze katalogowania bibliotecznego. W miejscu opisu bibliograficznego zamieszczono nazwę wydawcy, instytucji wydawniczej lub jej od-

działu. W adresie bibliograficznym uwzględniono również kolejność wydania, nazwę serii i – każdorazowo – liczbę stron (z wyjątkiem niektórych publikacji w wersji elektronicznej online). Po adresie bibliograficznym, zwykle w nawiasach kwadratowych, umieszcza się informacje dodatkowe dotyczące zamieszczonego w publikacji indeksu rzeczowego, języków przekładu, przeznaczeniu pracy, tytułu okładkowego, zapisów dodatkowych na stronach przytytułowych, informacje o innym tytule pierwszego / poprzedniego bądź oryginału wydania, jak też adnotacje informujące o przeznaczeniu (typie) publikacji dla określonego odbiorcy. W przypadku występowania ekwiwalentnego tytułu (tytułów) innojęzycznego przytacza się obydwie, bądź równoległe. W niektórych wypadkach w nawiasach kwadratowych przed adresem bibliograficznym podaje się nazwisko właściwe autora bądź jego zapis polskojęzyczny, jeśli w oryginale występuje zapis cyrylicy.

Sporządzony wykaz bibliograficzny słowników ma charakter użytkowy – z założenia winien służyć jako przydatne, aktualne i łatwo dostępne informatorium. Korzystać z niego mogą nie tylko uczeni, leksykografowie, ale też osoby doskonalące swe kompetencje językowe oraz tłumacze tekstów specjalistycznych.

### **Chronologiczny wykaz bibliograficzny terminografii polskiej z zakresu ekonomii, handlu i zarządzania, wydawanej w latach 1887–2015**

**1887**

*Słowniczek wyrażeń handlowych polsko-rosyjsko-francusko-niemiecki do użytku korespondujących.* Warszawa: Drukarnia Paprocki, 1887, ss. 62.

**1902**

Berger Hugo. *English Modern Prose Reader. A Selection for the Use of Commercial and Technical Schools with an Appendix = Английская хрестоматия. Избрание статей для употребления в коммерческих и технических училищах.* Warsaw: Leppert and Co., 1902, ss. 213, [2] [Zawiera słownik angielsko-rosyjski].

[Kalina Paweł]. *Немецко-русский и русско-немецкий коммерческий словарь.* Сост. П. Калина. Варшава: [s.n.], 1902, ss. [2], 149.

Kocent-Zieliński Władysław, Kierst Władysław. *Podręcznik do korespondencji kupieckiej w pięciu językach: polskim, rosyjskim, niemieckim, francuskim i angielskim.* Warszawa: [s.n.], 1902, ss. 820, [1].

**1914**

Szulborski Tadeusz. *Słownik handlowy polsko-rosyjsko-niemiecko-francusko-angielski.* Warszawa: S. Orgelbrand i Synowie, 1914, ss. [6], 498.

**1923**

Szulborski Tadeusz. *Słownik handlowy polsko-rosyjsko-niemiecko-francusko-angielski.* Wyd. 2. Warszawa: Księgarnia F. Hösocka, 1923, ss. 498.

**1938**

Drewnowski Artur. *Słownik towaroznawczo-przemysłowy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko-angielski, a częściowo i łaciński (chemikalia i rośliny)*. Obejmuje: *minerały, surowce, półfabrykaty, fabrykaty, metale, stopy, barwniki (...)*, wszystko z objaśnieniami i równoznacznikami w językach polskim i obcych. Zeszyt 1. Wilno: nakł. autora, 1938, ss. 80.

Drewnowski Artur. *Słownik towaroznawczo-przemysłowy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko-angielski, a częściowo i łaciński (chemikalia i rośliny)*. Obejmuje: *minerały, surowce, półfabrykaty, fabrykaty, metale, stopy, barwniki (...)*, wszystko z objaśnieniami i równoznacznikami w językach polskim i obcych. Zeszyt 2. Wilno: nakł. autora, 1938, ss. 81–160.

Drewnowski Artur. *Słownik towaroznawczo-przemysłowy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko-angielski, a częściowo i łaciński (chemikalia i rośliny)*. Obejmuje: *minerały, surowce, półfabrykaty, fabrykaty, metale, stopy, barwniki (...)*, wszystko z objaśnieniami i równoznacznikami w językach polskim i obcych. Zeszyt 3. Wilno: nakł. autora, 1938, ss. 161–240.

Drewnowski Artur. *Słownik towaroznawczo-przemysłowy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko-angielski, a częściowo i łaciński (chemikalia i rośliny)*. Obejmuje: *minerały, surowce, półfabrykaty, fabrykaty, metale, stopy, barwniki (...)*, wszystko z objaśnieniami i równoznacznikami w językach polskim i obcych. Zeszyt 4. Wilno: nakł. autora, 1938, ss. 241–320.

**1939**

Drewnowski Artur. *Słownik towaroznawczo-przemysłowy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko-angielski, a częściowo i łaciński (chemikalia i rośliny)*. Obejmuje: *minerały, surowce, półfabrykaty, fabrykaty, metale, stopy, barwniki (...)*, wszystko z objaśnieniami i równoznacznikami w językach polskim i obcych. Zeszyt 5. Wilno: nakł. autora, 1939, ss. 321–400 [Wydanie nieukończone].

**1947**

Makarewicz Roman, Makarewicz Irena. *Przewodnik językowy. Cz. 2: Polsko-angielska-holenderska-szwedzka-włoska-rosyjska (zwroty – słownictwo – listy handlowe – informator)*. London: Skład główny Kiosk Księgarski „Ogniska Polskiego”, 1947, ss. 247.

**1952**

Benisławski Juliusz. *Rosyjsko-polski słowniczek wyrazów najczęściej spotykanych w literaturze z dziedziny ekonomiki i organizacji pracy w przemyśle*. Warszawa: Główny Instytut Pracy, 1952, ss. 20 [350 haseł].

*Słownik towaroznawczy*. T 1: A–B. Red. nacz. Wacław Walewski. Warszawa: Polskie Wydawnictwa Gospodarcze, 1952, ss. [1], łamy 5–1240, ss. [2] [Hasła w języku polskim i odpowiedniki angielskie, francuskie, hiszpańskie, niemieckie, rosyjskie, włoskie. T. 9: *Indeks alfabetyczny*].

Śleszyński Aleksander, Miara Józef. *Rosyjsko-polski podręczny słownik gospodarczy*. „Życie Gospodarcze” 1952, R. 7, nr 12–17.



**1953**

*Słownik towaroznawczy*. T. 2: C–E. Red. nac. Waław Walewski. Warszawa: Polskie Wydawnictwa Gospodarcze, 1953, ss. [6], łamy 5–1230, ss. [2] [Hasła w języku polskim i odpowiedniki angielskie, francuskie, hiszpańskie, niemieckie, rosyjskie, włoskie. T. 9: *Indeks alfabetyczny*].

**1954**

Benisławski Juliusz. *Słownik najczęściej spotykanych terminów z dziedziny ekonomiki i organizacji przedsiębiorstw przemysłowych w pięciu językach: polskim, angielskim, francuskim, niemieckim i rosyjskim*. Studia i Materiały. Instytut Ekonomiki i Organizacji Przemysłu. Nr 42. Warszawa: Instytut Ekonomiki i Organizacji Przemysłu, 1954, ss. 149, [1].

*Słownik towaroznawczy*. T. 3: F–I. Red. nac. Waław Walewski. Warszawa: Polskie Wydawnictwa Gospodarcze, 1954, ss. [6], łamy 7–1268 [Hasła w języku polskim i odpowiedniki angielskie, francuskie, hiszpańskie, niemieckie, rosyjskie, włoskie. T. 9: *Indeks alfabetyczny*].

**1955**

Krzymski Ludwik. *Słownik samochodowo-transportowy rosyjsko-polski = Русско-польский автотранспортный словарь*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Techniczne, 1955, ss. XVI, [2], 516 [Dla pracowników przemysłu motoryzacyjnego, transportu drogowego, zaopatrzenia i handlu].

*Słownik towaroznawczy*. T. 4: J–K. Red. nac. Waław Walewski. Warszawa: Polskie Wydawnictwa Gospodarcze, 1955 [Hasła w języku polskim i odpowiedniki angielskie, francuskie, hiszpańskie, niemieckie, rosyjskie, włoskie. T. 9: *Indeks alfabetyczny*].

**1956**

*Słownik towaroznawczy*. T. 5: L–M. Red. nac. Waław Walewski. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Gospodarcze, 1956, ss. [6], łamy 5–1392 [Hasła w języku polskim i odpowiedniki angielskie, francuskie, hiszpańskie, niemieckie, rosyjskie, włoskie. T. 9: *Indeks alfabetyczny*].

*Słownik towaroznawczy*. T. 6: N–O. Red. nac. Waław Walewski. Warszawa: Polskie Wydawnictwa Gospodarcze, 1956 [Hasła w języku polskim i odpowiedniki angielskie, francuskie, hiszpańskie, niemieckie, rosyjskie, włoskie. T. 9: *Indeks alfabetyczny*].

*Słownik towaroznawczy*. T. 7: Po–St. Red. nac. Waław Walewski. Warszawa: Polskie Wydawnictwa Gospodarcze, 1956, ss. [6], łamy 5–1810 [Hasła w języku polskim i odpowiedniki angielskie, francuskie, hiszpańskie, niemieckie, rosyjskie, włoskie. T. 9: *Indeks alfabetyczny*].

**1959**

Benisławski Juliusz. [*Pięcujęzyczny*] *5-języczny podręczny słownik ekonomiki przemysłu*, Instytut Ekonomiki i Organizacji Przemysłu. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Gospodarcze, 1959, ss. 214, [2] [1609 haseł polskich z odpowiednikami angiel-

skimi, francuskimi, niemieckimi, rosyjskimi w językach obcych z odsyłaczami do haseł polskim].

*Słownik towaroznawczy*. T. 8: *Su–Wi*. Aut. Aleksander Asztemborski et al. Red. nac. Wacław Walewski. Materiał zebrała i przygotowała do druku B. Ilińska. Warszawa: Polskie Wydawnictwa Gospodarcze, 1959, ss. [6], łamy 5–2072 [Hasła w języku polskim i odpowiedniki angielskie, francuskie, hiszpańskie, niemieckie, rosyjskie, włoskie. T. 9: *Indeks alfabetyczny*].

#### 1960

*Słownik towaroznawczy*. T. 9: *Wł–Ż* oraz *Indeks alfabetyczny do t. 1–9*. Red. nac. Wacław Walewski. Aut. Zenon Bagiński et al. Warszawa: Polskie Wydawnictwa Gospodarcze, 1960, ss. [6], łamy 5–916 [Hasła w języku polskim i odpowiedniki angielskie, francuskie, hiszpańskie, niemieckie, rosyjskie, włoskie].

#### 1966

Feldman Marian. *Słownik polsko-rosyjsko-angielsko-francusko-niemiecki podstawowych pojęć z dziedziny opakowań*. Warszawa: Centralne Techniczne Biuro Wydawnicze, 1966, ss. 34, [2] [Nadb.: *Opakowania – Poradnik – Informator*].

#### 1971

*Rosyjsko-polski wybór terminów i wyrażen ekonomicznych*. Red. Tamara Krywol. Warszawa: Szkoła Główna Planowania i Statystyki, 1971, ss. 323, [1].

#### 1974

Dmitrijuk Laryssa, Krywol Tamara, Rydzewska Danuta. *Rosyjsko-polski wybór terminów i wyrażen ekonomicznych*. Cz. 2: *Polsko-rosyjska. Wybór terminów i wyrażen ekonomicznych*. Red. Tamara Krywol. Warszawa: Szkoła Główna Planowania i Statystyki, 1974, ss. 541, [1].

#### 1977

Dmitriuk Laryssa, Krywol Tamara, Rydzewska Danuta. *Wybór terminów i wyrażen ekonomicznych*. Cz. 1: *Rosyjsko-polska*. Przygotowała do druku Anna Bednarz. Wyd. 2. Warszawa: Szkoła Główna Planowania i Statystyki, 1977, ss. 465 [wydanie 1 pt.: *Rosyjsko-polski wybór terminów i wyrażen ekonomicznych*].

Dmitrijuk Laryssa, Krywol Tamara, Rydzewska Danuta. *Wybór terminów i wyrażen ekonomicznych*. Cz. 2: *Polsko-rosyjska*. Wyd. 2. Warszawa: Szkoła Główna Planowania i Statystyki, 1977, ss. 541, [1].

*Польско-русский экономический словарь. Около 30 000 терминов = Słownik ekonomiczny polsko-rosyjski. Około 30 000 terminów*. Под. ред. Маркианы Николаевной Осьмовой. Москва: Государственное экономическое издательство «Русский Язык», 1977, ss. 493, [3].

**1979**

Fidyk Marta, Skup-Stundis Teresa, *Język rosyjski dla ekonomistów. Cz. 1: Materiał leksykalny i strukturalno-gramatyczny*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979, ss. 476.

Fidyk Marta, Skup-Stundis Teresa, *Język rosyjski dla ekonomistów. Cz. 2: Materiał leksykalny i strukturalno-gramatyczny*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979, ss. 354.

Fidyk Marta, Skup-Stundis Teresa, *Język rosyjski dla ekonomistów. Cz. 3: Tablice i reguły gramatyczne, słownik rosyjsko-polski*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979, ss. 129, [1].

*Краткий терминологический справочник по экономике геологоразведочных работ = Terminological Handbook for Economy of Geologic Prospecting = Mały poradnik terminologiczny ekonomiki prac geologicznych*. Редколл. Д. Андреев et al. СЕВ, Постоянная комиссия по геологии. Варшава: Геологическое издательство, 1979, ss. 203, [1] [Hasła rosyjskie, angielskie, bułgarskie, węgierskie, niemieckie, hiszpańskie, mongolskie, polskie, rumuńskie, słowackie i czeskie].

**1980**

*Leksykon polskiej produkcji eksportowej = Справочник польской экспортной продукции = Directory of Polish Export Production*. Przew. kol. red. Witold Skrabalak. Polska Izba Handlu Zagranicznego. Warszawa: Agpol, 1980, ss. 970, [38].

[*Siedmio*] *7-języczny słownik terminów handlowych*. Red. Jerzy Altkorn i Štefan Sloboda. Akademia Ekonomiczna w Krakowie – Wyższa Szkoła Ekonomiczna w Bratysławie, Kraków 1980, ss. 563 [Hasła angielskie, czeskie, francuskie, niemieckie, polskie, rosyjskie, słowackie; indeksy].

**1984**

*Słownik ekonomiczny rosyjsko-polski. Około 35 000 haseł = Русско-польский экономический словарь*. Red. Danuta Rydzewska i Tamara Krywol. Warszawa: Państwowe Wydawnictwa Ekonomiczne – Moskwa: Russkij Jazyk, 1984, ss. 503, [1].

**1985**

Fidyk Marta, Skup-Stundis Teresa, *Język rosyjski dla ekonomistów. Materiał leksykalny i strukturalno-gramatyczny. Cz. 1*. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985, ss. 476, [3] [Glosaria].

Fidyk Marta, Skup-Stundis Teresa, *Język rosyjski dla ekonomistów. Materiał leksykalny i strukturalno-gramatyczny. Cz. 2*. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985, ss. 354, [2] [Glosaria].

Fidyk Marta, Skup-Stundis Teresa, *Język rosyjski dla ekonomistów. Podręcznik dla studentów zaocznych. Cz. 3: Tablice i reguły gramatyczne, słownik rosyjsko-polski*. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985, ss. 123, [5].

**1992**

Cichowski Edmund, *Słownik polsko-rosyjski, rosyjsko-polski dla biznesmenów*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Wir, 1992, ss. 225.

Hajczuk Roman, Nosowicz Jan Franciszek, Ruśkowski Eugeniusz. *Kieszonkowy polsko-rosyjski słownik handlowy = Карманный польско-русский коммерческий словарь*. Red. nauk. Jan Franciszek Nosowicz. Białystok: Wydawnictwo Agencji ER, 1992, ss. 102, 110 [Współwydanie w kierunku przeciwnym: Я.Ф. Носович, Е. Руськовский, Р. Хайчук. *Карманный русско-польский коммерческий словарь*. Под научной ред. Яна Франтишека Носовича].

*Słownik handlowy polsko-rosyjsko-niemiecko-francusko-angielski*. Ułożył Tadeusz Szulborski. Redakcja magazynu „PARUS” Mińsk. Białystok: Na zamówienie Przedsiębiorstwa Handlowego „Elan”, 1992, ss. [4], 498, [10] [Reprint. Oryg.: Warszawa, Księgarnia F. Hösocka, 1923].

### 1993

Bogdanowa Alewtina, Starościk Anna. *Marketing po rosyjsku*. Olsztyn: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1993, ss. 265 [Tekst równoległy polski i rosyjskie; glosaria].

Ratajczak Piotr. *Słownik pięcioletni ekonomiczno-handlowy (polsko-angielsko-francusko-niemiecko-rosyjski)*. Seria Lingwistyczna. Zielona Góra: Wydawnictwo Kanton, 1993, ss. 348, [4].

*Słownik finansowo-bankowy angielsko-polsko-niemiecko-rosyjski*. Oprac. Jan Świątek et al. Międzynarodowa Szkoła Bankowości i Finansów w Katowicach. Warszawa: Edytor, 1993, ss. 140.

*Wielojęzyczny słownik zwrotów handlowych. Polski, Deutsch, English, Français, Русский*. Red. Jan J. Stoppa. Gdańsk: Exter, 1993, ss. 187, [1].

### 1994

Domagalski Stanisław. *Praktyczny polsko-rosyjsko-ukraiński słownik ekonomiczno-handlowy = Практический польско-русско-украинский экономико-коммерческий словарь*. Warszawa: Warszawski Dom Wydawniczy, cop., 1994, ss. 538, [6].

Grabowska Jolanta. *Mały praktyczny słownik biznesmena rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1994, ss. 267, [1] [Tytuł grzbietowy: *Mały praktyczny słownik biznesmena rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*].

### 1995

Jochym-Kuszklikowa Ludwika, Kossakowska Elżbieta, Stawarz Stanisław. *Polsko-rosyjski słownik handlowy*. Warszawa–Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1995, ss. XI, [1], 384.

Kienzler Iwona. *Коммерческая корреспонденция. Wzory rosyjskich listów handlowych z tłumaczeniami*. Gdynia: Ivax, 1995, ss. 201 [Tekst równoległy rosyjski i polski].

*Mały leksykon ubezpieczeniowy*. Zebrał i oprac. Norbert Laskowski. Warszawa: „Edytor” na zlec. Fundacji „Blżej Europy”, 1995, ss. 123 [*Mały słownik ubezpieczeniowy polsko-niemiecko-angielsko-rosyjski*].

### 1996

Jochym-Kuszklikowa Ludwika, Kossakowska Elżbieta. *Rosyjsko-polski słownik handlowy*. Warszawa–Kraków: Wydawnictwo Naukowe Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1996, ss. XIII, [1], 652, [4].

Konopielko Bronisława. *Słownik finansowy rosyjsko-polski = Русско-польский финансовый словарь*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1996, ss. [8], 403.

Parchański Józef. *Słownik górniczy sześćojęzyczny polsko-angielsko-francusko-hiszpańsko-rosyjsko-niemiecki*. Katowice Wydawnictwo: „Wiadomości Górnicze”, 1996, ss. XVI, [2] 544 [12 000 definicji, 4300 terminów; dla zarządów kopalń, pracowników inż. dozoru, działów marketingu kopalń i spółek, pracowników naukowych, projektantów związanych z górnictwem oraz studentów].

### 1997

Bogdanowicz Elżbieta et al. *Leksykon terminologii prawniczej i ekonomicznej (polsko-rosyjski i rosyjsko-polski)*. Red. nauk. Jan Franciszek Nosowicz, Leonarda Dacewicz. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Filia Uniwersytetu Warszawskiego. Białystok 1997, ss. 283.

*Kody kreskowe. Wymagania dotyczące symboliki „EAN/UPC” PN-EN-797+AC = Bar Coding. Symbology Specifications „EAN/UPC” = Codes à barres. Spécifications des symbologies „EAN/UPC” = Strichcodierung. Symbologiespezifikationen „EAN/UPC” = Стриховой код. Требования к обозначениям „EAN/UPC”*. Warszawa: Polski Komitet Normalizacyjny, 1997, ss. 33 [Niniejsza norma jest tłumaczeniem oficjalnej wersji normy europejskiej EN 797:1995 z wprowadzoną poprawką AC:1996].

Świrepo Leon. *Rosyjska korespondencja handlowa*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwa Ekonomiczne, 1997, ss. 270 [Zawiera *Краткий коммерческий словарь*, s. 253–270].

### 1998

Adamowicz Ryszard, Kędziorek Anna. *Rosyjsko-polski słownik tematyczny*. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne PWN, 1998, ss. 509, [3] [Indeks; zawiera terminologię handlową, bankową i finansową].

Bartosiewicz Aleksandra et al. *Język rosyjski dla studentów politologii*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1998, ss. 371 [*Словари: Польско-русский словарь; Русско-польский словарь; Список важнейших польских, российских и международных политических и экономических организаций, учреждений и постановлений*].

Grzybowska Wioletta. *Polsko-rosyjski słownik tematyczny*. Warszawa: Harald G. Dictionaries, Przedsiębiorstwo Wydawnicze, cop., 1998, ss. 437, [3] [Zawiera terminologię finansową].

### 1999

Bartosiewicz Aleksandra et al. *Język rosyjski dla studentów politologii*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1999, ss. 303 [*Словари: Польско-русский словарь; Русско-польский словарь; Список важнейших польских, российских и международных политических и экономических организаций, учреждений и постановлений*].

Witkowski Andrzej. *Słownik transportowy polsko-rosyjsko-niemiecki i rosyjsko-polsko-niemiecki = Польско-русско-немецкий и русско-польско-немецкий транспортный словарь*. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Transportowe, cop., 1999, ss. X, [2], 565, [5].

**2000**

- Domagalski Stanisław. *Praktyczny słownik polsko-rosyjsko-ukraiński. Ekonomia i handel z indeksami terminów rosyjskich i ukraińskich = Практический словарь польско-русско-украинский. Экономика и торговля с индексами русских и украинских терминов = Практичний словник польсько-російсько-український. Економіка і торгівля з індексами російських і українських термінів*. Warszawa: Rea, 2000, ss. 1319 [Tytuł grzbietowy: *Słownik polsko-rosyjsko-ukraiński*].
- Hajczuk Roman. *Podręczny słownik biznesmena (polsko-angielsko-niemiecko-rosyjski)*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2000, ss. 278, [4].
- Skiba Rozalia, Szczepaniak Małgorzata. *Słownik do kursu handlowo-menedżerskiego Деловая речь. Rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*. Warszawa: Rea, cop., 2000, ss. 192.
- Witkowski Andrzej. *Słownik skrótów transportowych = Abkürzungsbuch für Verkehr = Dictionary of Transport Abbreviations A-Z*. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Transportowe, 2000, ss. VIII, 217, [3] [Wyjaśnienia ok. 8000 skrótów w językach: polskim, angielskim, francuskim, hiszpańskim, łacińskim, niemieckim, rosyjskim, włoskim, holenderskim i in.].

**2001**

- Bartosiewicz Aleksandra et al. *Język rosyjski dla studentów politologii*. Wyd. 2 popr. i uzup. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2001, ss. 324 [*Словари*, s. 287–322: *Польско-русский словарь*, s. 291–302; *Русско-польский словарь*, s. 303–318; *Список важнейших польских, российских и международных политических и экономических организаций, учреждений и постановлений*, s. 319–322].
- Karolczuk Marzanna, Michaluk Maryna, Szymula Robert. *С экономической лексикой запанибрат*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2011, ss. 236 [Zawiera *Словарь – минимум*, s. 223–236].
- Lubocha-Kruglik Jolanta, Zobek Teresa, Zych Anna. *Ekonomia. Rosyjsko-polski słownik tematyczny*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001, ss. 689, [1] [Dla uczniów i studentów średnich i wyższych szkół ekonomicznych, lektorów języka rosyjskiego, tłumaczy].
- Markunas Antoni. *Типовые фразы русского языка для делового общения*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2001, ss. 190 [Zawiera *Словарик начинающего бизнесмена*, s. 173–186].
- Świrepo Leon. *Rosyjska korespondencja handlowa*. Wyd. 2 popr. Warszawa: Państwowe Wydawnictwa Ekonomiczne, 2001, ss. 270, [1] [Zawiera *Краткий коммерческий словарь*, s. 253–270].
- Thematic Dictionary. English. Polish. Belarussian. Russian. Słownik tematyczny*. Red. Roman Hajczuk, Hanna Miatluk, Aleksandr Zubow. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2001, ss. 172 [Tytuł grzbietowy: *English-Polish-Belarusian-Russian Thematic Dictionary*; zawiera terminologię pieniężną].

**2002**

- Aleksiejenko Michaił. *Polsko-rosyjsko-ukraiński słownik języka oficjalno-urzędowego = Польско-русско-украинский словарь деловой речи = Польсько-російсько-український словник ділового мовлення*. Институт Русского языка РАН им.

В.В. Виноградова – Щетинский университет. Институт славянской филологии. Москва: Азбуковник, 2002, ss. 774, [2].

Mroczek Tatiana. *Русская коммерческая корреспонденция. Краткий словарь торгово-экономических терминов = Wzory listów i dokumentacji handlowej we współczesnym języku rosyjskim wraz z tłumaczeniami*. Wrocław: Dolnośląskie Wydawnictwo Edukacyjne, 2002, ss. 193.

### 2003

Bartosiewicz Aleksandra et al. *Język rosyjski dla studentów politologii*. Wyd. 2 popr. i uzup. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2003, ss. 324 [*Словари*, s. 287–322; *Польско-русский словарь*, s. 291–302; *Русско-польский словарь*, s. 303–318; *Список важнейших польских, российских и международных политических и экономических организаций, учреждений и постановлений*, s. 319–322].

Bondar Natalia, Chwatow Sergiusz. *Biznes-kontakt 2. Teksty do słuchania, klucze do testów i ćwiczeń kontrolnych, komentarz gramatyczny, słownik rosyjsko-polski*. Wyd. uaktualn. i uzup. Warszawa: Rea, cop., 2003, ss. 91, [1].

Domagalski Stanisław, Celer Natalia. *Słownik biznesu rosyjsko-polski, polsko-rosyjski = Русско-польский, польско-русский словарь бизнеса*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2003, ss. 578.

Grzegorzycyk Krzysztof, Hancyk Bolesław, Buchcar Rafał. *Towary niebezpieczne w transporcie drogowym*. Błonie: Wydawnictwo AdeR, ca 2003, ss. 505 [Alfabetyczny wykaz terminów polskich, angielskich, francuskich i rosyjskich].

*Język rosyjski. Rozmówki biznesowe. Najważniejsze sytuacje, praktyczne dialogi, profesjonalne zwroty*. Oprac. Jolanta Lubocha-Kruglik, Teresa Zobek. Seria Biznes. Warszawa: Langenscheidt, 2003, ss. 336.

Kłobukowa Lubow et al. *Język rosyjski w sferze biznesu*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003, ss. 269, [2] [Dla studentów kierunku „rosyjski język biznesu” oraz dla studentów kierunków ekonomicznych, handlowych i menedżerskich; stanowi adaptację na polski rynek podręcznika *Русский язык в деловом общении*; zawiera słownik rosyjsko-polski].

Grzegorzycyk Krzysztof, Hancyk Bolesław, Buchcar Rafał. *Towary niebezpieczne w transporcie drogowym*. Błonie: Wydawnictwo AdeR, ca 2003, ss. 505 [Alfabetyczny wykaz terminów polskich, angielskich, francuskich i rosyjskich].

Lubocha-Kruglik Jolanta, Zobek Teresa. *Rozmówki biznesowe – język rosyjski. Najważniejsze sytuacje, praktyczne dialogi, profesjonalne zwroty*. Seria Biznes. Warszawa: Langenscheidt Polska, cop., 2003, ss. 336 [Tytuł okładkowy: *Langenscheidt – rozmówki biznesowe — język rosyjski*].

Rieger Janusz, Rieger Ewa. *Słownik tematyczny rosyjsko polski = Русско-польский тематический словарь*. Wyd. 2 zm. Warszawa: Wiedza Powszechna, cop., 2003, ss. 787 [Zawiera terminologię z zakresu handlu i usług].

### 2004

*Podręczny polsko-rosyjski słownik biznesmena = Краткий польско-русский словарь бизнесмена*. Red. nauk. Jurij Lukszyn, Wanda Zmarzer. Aut. Jurij Lukszyn et al. Warszawa: Difin, 2004, ss. 319.

Zawada Anna. *Terminologia ekonomiczna pochodzenia niemieckiego we współczesnym języku rosyjskim*. [W:] *Kontakty językowe w Europie Środkowej = Sprachkontakte in Mitteleuropa. Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej przez Wydział Filologiczny Wszechnicy Mazurskiej w Olecku w dn. 23–24.06.2003: Kontakty językowe w Europie Środkowej w perspektywie dia- i synchronicznej (Sprachkontakte in Mitteleuropa aus dia- und synchronischer Sicht)*. Red. Andrzej Kątny. Szkoła Letnia Lingwistyki Stosowanej. Studia Językoznawcze Wszechnicy Mazurskiej. Olecko 2004 [Alfabetyczny [rosyjsko-polski] spis [165] terminów ekonomicznych zapożyczonych z języka niemieckiego].

## 2005

- Bondar Natalia, Chwatow Sergiusz. *Biznes-kontakt 2. Teksty i dialogi do słuchania, klucze do tekstów i ćwiczeń kontrolnych, komentarz gramatyczny, słownik polsko-rosyjski*. Wyd. uaktualn. i uzup. Warszawa: Rea, cop., 2005, ss. 95, [1].
- Fast Larysa, Zwolińska Magdalena. *Biznesmeni mówią po rosyjsku. Dla średnio zaawansowanych = Русский язык в деловой среде. Средний уровень*. Warszawa: Poltext, 2005, s. 255 [1 dokument dźwiękowy (kasetę dźwiękową); zawiera słownik].
- Fast Larysa. *Biznesmeni mówią po rosyjsku. Dla zaawansowanych = Русский язык в деловой среде. Продвинутый уровень*. Warszawa: Poltext, 2005, ss. 342 [Zawiera słownik].
- Kłobukowa Lubow et al. *Język rosyjski w sferze biznesu*. Wyd. 1. Dodruk. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005, ss. 269, [2] [Stanowi adaptację na polski rynek podręcznika *Русский язык в деловом общении*; dla studentów kierunku „rosyjski język biznesu” oraz dla studentów kierunków ekonomicznych, handlowych i menedżerskich; zawiera słownik rosyjsko-polski].
- Krzyszowski Tomasz P., Ostanina-Olszewska Julia *Polsko-angielsko-rosyjski słownik biznesmena*. Łódź: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Humanistyczno-Ekonomicznej, 2005, ss. 237 [Dla biznesmenów, tłumaczy, lektorów i studentów kierunków ekonomicznych, menedżerskich i filologicznych, pracowników handlu zagranicznego i instytucji finansowych; tytuł grzbietowy: *Słownik biznesmena*].
- Węgorzewska Wanda, Maskiewicz Stanisław. *Język rosyjski. Cło*. Wyższa Szkoła Cła i Logistyki. Warszawa 2005, ss. 157 [*Словарь таможенных терминов*, s. 124–153].

## 2006

- Gierlasińska Lucyna. *Słownik terminów ubezpieczeniowych polsko-rosyjski, rosyjsko-polski*. Toruń: Wydawnictwo Lenz i Załęcki Sp. z o.o., 2006, ss. 231.
- Kłobukowa Lubow et al. *Język rosyjski w sferze biznesu*. Wyd. 1. Dodruk 2. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006, ss. 269, [2] [Stanowi adaptację na polski rynek podręcznika *Русский язык в деловом общении*; dla studentów kierunku „rosyjski język biznesu” oraz dla studentów kierunków ekonomicznych, handlowych i menedżerskich; zawiera słownik rosyjsko-polski].
- Rozmówki biznesowe. Język rosyjski. Najważniejsze sytuacje, praktyczne dialogi, profesjonalne zwroty*. Oprac. Jolanta Lubocha-Kruglik, Teresa Zobek. Seria Praca za Granicą. Warszawa–Berlin: Langenscheidt Polska, 2006, ss. 336.



Witkowska-Lewicka Franciszka. *Hu nyxa ni nepa! Vademecum leksyki rosyjskiego języka biznesu*. Dokument elektroniczny. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2006 [1 dysk optyczny (CD-ROM)].

## 2007

Fast Larysa, Zwolińska Magdalena. *Biznesmeni mówią po rosyjsku. Dla średniozaawansowanych = Русский язык в деловой среде. Средний уровень*. Warszawa: Poltext, 2007, ss. 255 [1 dysk optyczny (CD-ROM); zawiera słownik].

Fast Larysa. *Biznesmeni mówią po rosyjsku. Dla zaawansowanych = Русский язык в деловой среде. Продвинутый уровень*. Warszawa: Poltext, 2007, s. 343 [1 dysk optyczny (CD-ROM); zawiera słownik].

Jochym-Kuszlukowa Ludwika, Kossakowski Elżbieta, Stawarz Stanisław. *Polsko-rosyjski słownik handlowy*. Wyd. 1. Dodruk. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007, ss. XII, 344.

Kuca Zoja. *Język rosyjski w biznesie dla średnio zaawansowanych*. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 2007 [Publikacja przeznaczona dla studentów kierunków ekonomicznych i menedżerskich, kursantów szkół językowych, ludzi biznesu. Zawiera *Краткий русско-польский бизнес-гlossарий*, s. 188–199].

Ludwika Jochym-Kuszlukowa, Elżbieta Kossakowska. *Rosyjsko-polski słownik handlowy*. Wyd. 1. Dodruk. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007, ss. XIV, 654.

Kłobukowa Lubow et al. *Język rosyjski w sferze biznesu*. Wyd. 1. Dodruk. 3. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007, ss. 269, [2] [Stanowi adaptację na polski rynek podręcznika *Русский язык в деловом общении*; dla studentów kierunku „rosyjski język biznesu” oraz dla studentów kierunków ekonomicznych, handlowych i menedżerskich; zawiera słownik rosyjsko-polski].

*Rozmówki biznesowe język rosyjski. Nowe wydanie. Najważniejsze sytuacje, praktyczne dialogi, profesjonalne zwroty*. Oprac. Jolanta Lubocha-Kruglik, Teresa Zobek. Seria Praca za granicą. Warszawa: Langenscheidt Polska, 2007, ss. 336.

Świrepo Leon. *Rosyjska korespondencja handlowa*. Wyd. 3 uzup. Warszawa: Państwowe Wydawnictwa Ekonomiczne, 2007, ss. 279, [1] [Zawiera *Краткий коммерческий словарь*].

## 2008

Dudakov Vladimir, Szoltysek Jacek. *Моя логистика. Русский язык для логистиков = Język rosyjski dla logistyków*. Biblioteka Logistyka. Instytut Logistyki i Magazynowania. Poznań 2011, ss. 196 [Glosaria rosyjskie; *Русско-польский словарь*, s. 164–179; *Польско-русский словарь*, s. 180–195].

Fałowski Adam. *Słownictwo rosyjskie w Waaren-Lexicon in zwölf Sprachen Ph. A. Nemnicha*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, cop., 2008, ss. 187 [Języki: polski, rosyjski, niemiecki; zawiera *Indeks*].

Fast Larysa, Zwolińska Magdalena. *Biznesmeni mówią po rosyjsku. Dla średnio zaawansowanych = Русский язык в деловой среде. Средний уровень*. Warszawa: Poltext, 2008, s. 255 [1 dysk optyczny (CD-ROM); zawiera słownik rosyjsko-polski].

Kapusta Piotr. *Słownik eksportera*. Cz. 1: *Polsko-rosyjski*. Seria Foreign Trade Collection. Kraków: Wydawnictwo Dr Lex, 2008, ss. 316 [Słownik przeznaczony dla pra-

cowników handlu zagranicznego, spedytorów, przewoźników, tłumaczy, studentów oraz pracowników naukowych].

Kozierkiewicz Roman Kosaczenko Oksana. *Słownik terminologii biznesowej polsko-angielsko-rosyjski*. Warszawa: Wydawnictwo C.H. Beck, 2008, ss. V, 348 [Dla osób studiujących język angielski i język rosyjski w biznesie, jak również dla instytucji utrzymujących kontakty handlowe z Federacją Rosyjską i krajami dawnego ZSRR].

Ratajczak Piotr. *Słownik pięcioletni ekonomiczno-handlowy*. Zielona Góra: Kanion, 2008, ss. 349 [Odpowiedniki w językach: polskim, angielskim, francuskim, niemieckim, rosyjskim].

## 2009

Buczek Anna. *Rosyjski w biznesie [aktualne tematy, nagrania, słówka i zdania, dialogi, wzory dokumentów]*. Warszawa: Edgard, 2009, ss. 144 [Na okładce: *wzory listów i dokumentów; dogadaj się w każdej biznesowej sytuacji*; zawiera 1 dysk optyczny (CD-ROM)].

Fast Larysa, Zwolińska Magdalena. *Biznesmeni mówią po rosyjsku. Dla zaawansowanych = Русский язык в деловой среде. Продвинутый уровень*. Warszawa: Poltext, 2009, s. 343 [1 dysk optyczny (CD-ROM); zawiera słownik].

Jochym-Kuszlukowa Ludwika, Kossakowska Elżbieta. *Biznes i gospodarka. Słownik polsko-rosyjski*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009, ss. 591.

Jochym-Kuszlukowa Ludwika, Kossakowska Elżbieta. *Biznes i gospodarka. Słownik rosyjsko-polski*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009, ss. 638.

Kapusta Piotr. *Słownik biznesmena. Cz. 1: Polsko-rosyjska*. Seria Foreign Trade Collection. Kraków: Wydawnictwo Dr Lex, 2009, s. 234.

Kapusta Piotr. *Słownik biznesmena. Cz. 2: Rosyjsko-polska*. Seria Foreign Trade Collection. Kraków: Wydawnictwo Dr Lex, 2009, ss. 227.

Kapusta Piotr. *Słownik eksportera. Cz. 1: Polsko-rosyjska*. Seria Foreign Trade Collection. Kraków: Publishing House Dr Lex, 2009, ss. 316 [Słownik przeznaczony dla pracowników handlu zagranicznego, spedytorów, przewoźników, tłumaczy, studentów oraz pracowników naukowych].

Kapusta Piotr. *Słownik eksportera. Cz. 2: Rosyjsko-polska*. Seria Foreign Trade Collection. Kraków: Publishing House Dr Lex, 2009, ss. 323 [Słownik przeznaczony dla pracowników handlu zagranicznego, spedytorów, przewoźników, tłumaczy, studentów oraz pracowników naukowych].

Kapusta Piotr. *Słownik handlowy polsko-rosyjski, rosyjsko-polski*. Dokument elektroniczny. Do Leksykonii dostosował LexLand. Seria Leksykonia. Knurów: LexLand – Kraków: Wydawnictwo Dr Lex, cop., 2009 [1 dysk optyczny (CD-ROM); opracowano na podstawie: *Słownik eksportera polsko-rosyjski, Słownik eksportera rosyjsko-polski*, Dr Lex, Kraków 2008/2009; 50 000 haseł, wyrażeń i zwrotów; przeznaczony dla ludzi biznesu, prawników, tłumaczy, przewoźników, studentów oraz pracowników naukowych].

Kapusta Piotr, Chowaniec Magdalena. *Słownik biznesu polsko-angielsko-rosyjski*. Kraków: Wydawnictwo Dr Lex, 2009, ss. 276.

Karpiński Łukasz. *Język rosyjski. Logistyka*. Warszawa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Cła i Logistyki, 2009, ss. 195.

- Kłobukowa Lubow et al. *Język rosyjski w sferze biznesu*. Wyd. 1. Dodruk 4. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009, ss. 269, [2] [Stanowi adaptację na polski rynek podręcznika *Русский язык в деловом общении*; dla studentów kierunku „rosyjski język biznesu” oraz dla studentów kierunków ekonomicznych, handlowych i menedżerskich; zawiera słownik rosyjsko-polski].
- Mroczek Tatiana. *Русская коммерческая корреспонденция. Краткий словарь торгово-экономических терминов = Wzory listów i dokumentacji handlowej we współczesnym języku rosyjskim wraz z tłumaczeniami*. Wyd. 2 uzup. Wrocław: Dolnośląskie Wydawnictwo Edukacyjne, 2009, ss. 205.
- Słownik podstawowych terminów z zakresu ubezpieczeń społecznych polsko-angielsko-niemiecko-rosyjski*. Warszawa: ZUS, 2009, ss. 47.

## 2010

- Bondar Natalia, Chwatow Sergiej. *Komunikacja biznesowa po rosyjsku*. Cz. 2: *Transakcje w handlu zagranicznym*. Seria Biznes Kontakt. Warszawa: Rea, 2010, s. 321 [Zawiera *Podręczny słownik polsko-rosyjski* oraz *Słowniczek skrótów rosyjskich*].
- Kapusta Piotr, Chowaniec Magdalena. *Słownik biznesu polsko-angielsko-rosyjski*. Dodruk. Kraków: Wydawnictwo Dr Lex, 2010, ss. 278.
- Kłobukowa Lubow et al. *Język rosyjski w sferze biznesu*. Wyd. 1. Dodruk 5. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010, ss. 269, [2] [Dla studentów kierunku „rosyjski język biznesu” oraz dla studentów kierunków ekonomicznych, handlowych i menedżerskich; stanowi adaptację na polski rynek podręcznika *Русский язык в деловом общении*; zawiera słownik rosyjsko-polski].
- Сискин Еленa. *Русский язык в бизнесе*. Wyd. 1. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, 2010, ss. 272, [4] [Indeks].
- Szelewski Maciej. *Ergonimy komercyjne w polskiej i rosyjskiej przestrzeni językowej*. Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2010, ss. 366 [Indeks nazw, s. 329–363; Definicje słownikowe i encyklopedyczne: (1) *Język polski*, s. 295–303; (2) *Język rosyjski*, s. 303–313; (3) *Język angielski*, s. 313–315].
- Ziętala Grzegorz Adam. *Rosyjska korespondencja służbowa w ćwiczeniach ze słownikiem rosyjsko-polskim = Русская деловая корреспонденция в упражнениях с русско-польским словарем*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2010, s. 275 [Dla studentów filologii rosyjskiej w ramach przedmiotów: rosyjski język biznesu, rosyjska korespondencja handlowa, interkulturowa komunikacja pisemna oraz dla kursów języka rosyjskiego; zawiera *Słownik rosyjsko-polski*, s. 167–250].

## 2011

- ABC nowoczesnego przedsiębiorcy*. Red. Kazimierz Ostaszewski i Michał Mulawa. Lublin: Wydawnictwo „Pietrzak”, 2011, ss. 198 [Zawiera glosariusz językowy: jęz. ang. i ros].
- Gordon Jacek. *Wzory listów i pism rosyjskich. Poradnik ze słownikiem*. Warszawa: Kram, 2011, ss. 312.
- Kapusta Piotr. *Polsko-angielsko-rosyjski słownik handlu zagranicznego*. Kraków: Dr Lex Publishing Hosue, 2011, ss. 395 [Na okładce: „22 000 haseł”].

Karolczuk Marzanna, Michaluk Maryna, Szymula Robert. *С экономической лексикой запанибрат*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2011, ss. 236 [Zawiera *Словарь — минимум*, s. 223–236].

Kłobukowa Lubow et al. *Язык роsyjski w sferze biznesu*. Wyd. 1. Dodruk 6. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2011, ss. 269, [2] [Dla studentów kierunku „rosyjski język biznesu” oraz dla studentów kierunków ekonomicznych, handlowych i menedżerskich; stanowi adaptację na polski rynek podręcznika *Русский язык в деловом общении*; zawiera słownik rosyjsko-polski].

*Słownik podstawowych terminów z zakresu ubezpieczeń społecznych polsko-angielsko-niemiecko-rosyjski*. Wyd. 2. Warszawa: ZUS, 2011, ss. 57.

## 2012

Gołabek Karolina, Balandyk Paulina. *Русский язык. Культура речи и письмо в деловом общении*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012 [1 dysk optyczny (CD-ROM); *Словарь*, s. 209–224].

Gordon Jacek. *Wzory listów i pism rosyjskich. Poradnik oraz słownik*. Tłum. Helena Olenderek. Warszawa: Kram, cop., 2012, ss. 311 [Tekst w języku polskim i rosyjskim].

Kapusta Piotr. *Rosyjsko-polski słownik skrótów ekonomicznych*. Kraków: Publishing House Dr Lex, 2012, ss. 224.

Skoblenko Aleksander. *Wzory umów i pism = Образцы договоров и документов. Dwujęzyczne wydanie polsko-rosyjskie. Wzory umów i pism w obrocie prawnym z CD. Seria Wielki zbiór pism. T. 12*. Warszawa: Wydawnictwo C.H. Beck, 2012, ss. XVII, [1], 701 [1 dysk optyczny (CD-ROM); na okładce podtytuł: *Wydanie polsko-rosyjskie. Wzory umów i pism z CD = Польско-русское издание. Образцы договоров и документов с компакт-дискком*; dysk optyczny zawiera wzory umów i pism zawartych w opracowaniu].

*Słownik podstawowych terminów z zakresu ubezpieczeń społecznych polsko-angielsko-niemiecko-rosyjski*. ZUS. Wyd. 3. Warszawa: Biuro Poligrafii ZUS, 2012, ss. 104.

Żelezik Anna, Rolak Irina. *Менеджмент и коммуникации. Русский язык бизнеса. Продвинутый уровень*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2012, ss. 470, [2] [1 dysk optyczny (CD-ROM); zawiera *Русско-польский словарь*, s. 407–444; *Польско-русский словарь*, s. 445–460].

## 2013

Lesicka Olga. *Indeks zanalizowanych anglojęzycznych zapożyczeń terminologicznych (w języku rosyjskim)*. [W:] *Anglojęzyczne zapożyczenia terminologiczne w rosyjskich czasopismach ekonomicznych przełomu XX i XXI wieku*. Rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem prof. dr hab. Stanisława Siatkowskiego. Uniwersytet Warszawski. Wydział Lingwistyki Stosowanej. Katedra Studiów Interkulturowych Europy Środkowo-Wschodniej. Warszawa 2013, s. 526–539 [Indeks zawiera odpowiedniki angielskie terminów; dostępny w wersji elektronicznej: <<http://depotuw.ceon.pl/bitstream/handle/item/396/Doktorat%20Olga%20Lesicka.pdf?sequence=1>>].

**2014**

Strmiska-Mietlińska Anna. *Rosyjska korespondencja handlowa = Русская коммерческая корреспонденция*. Warszawa: Polskie Wydawnictwa Ekonomiczne, 2014, ss. 240 [Książka została napisana z myślą o studentach kierunków ekonomicznych, uczestnikach kursów językowych oraz słuchaczach pomaturalnych studiów ekonomicznych; zawiera *Краткий коммерческий словарь* (słowniczek słów i wyrażen niezbędnych w prowadzeniu korespondencji handlowej), s. 201–234].

**2015**

Kawęcka Magdalena, Mocarz-Kleindienst Maria. *Rosyjsko-polski słownik terminów biznesowych*. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2015, ss. 100.

Kapusta Piotr. *Słownik eksportera*. T. 1: *Polsko-rosyjski*. Wyd. 2. Seria Foreign Trade Collection. Kraków: Wydawnictwo Dr Lex, 2015, ss. 323, [3] [Słownik przeznaczony dla pracowników handlu zagranicznego, spedytorów, przewoźników, tłumaczy, studentów oraz pracowników naukowych].

Kapusta Piotr. *Słownik eksportera*. T. 2: *Rosyjsko-polski*. Wyd. 2. Seria Foreign Trade Collection. Kraków: Wydawnictwo Dr Lex, 2015, ss. 323, [1] [Słownik przeznaczony dla pracowników handlu zagranicznego, spedytorów, przewoźników, tłumaczy, studentów oraz pracowników naukowych].

**Źródła ekscerpcji**

*Bibliographie der Wörterbücher erschienen [!] in der Deutschen Demokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik China, Volksrepublik Polen = Библиография словарей изданных в Венгерской Народной Республике, Германской Демократической Республике, Китайской Народной Республике, Народной Республике Болгарии, Польской Народной Республике, Румынской Народной Республике, Союзе Советских Социалистических Республик, Чехословацкой Социалистической Республике = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Chińskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Koreańskiej Republice Ludowo-Demokratycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Socjalistycznej Federacyjnej Republice Jugosławii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich*. T. 1: 1945–1961. Red. Danuta Rymsza-Zalewska, Irena Siedlecka. Symbole klasyfikacji dziesiątej oprac. S. Osmólska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1965.

*Bibliographie der Wörterbücher erschienen [!] in der Deutschen Demokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik China, Volksrepublik Polen = Библиография словарей изданных в Венгерской Народной Республике, Германской Демократической Республике, Китайской Народной Республике, Народной Республике Болгарии, Польской Народной Республике, Румынской Народной Республике, Союзе Советских Социалистических Республик, Чехословацкой Социалистической*

*Pecny6nyke = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Chińskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Koreańskiej Republice Ludowo-Demokratycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Socjalistycznej Federacyjnej Republice Jugosławii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 2: 1962–1964. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśa-Zalewska, Irena Siedlecka. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo Techniczne, 1968 + Indeks powiązań językowych do Bibliografii słowników wydanych w 1945–1961.*

*Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Koreanischen Volksdemokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Sozialistischen Föderativen Republik Jugoslawien, Tschechoslovakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik China, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Chinese People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic, German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Korean People's Democratic Republic, Polish People's Republic, Rumanian People's Republic, Socialist Federal Republic of Yugoslavia, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Chińskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Koreańskiej Republice Ludowo-Demokratycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Socjalistycznej Federacyjnej Republice Jugosławii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 3: 1965–1966. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśa-Zalewska, Irena Siedlecka. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1969.*

*Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Rumänischen Volksrepublik, Tschechoslovakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic, German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian People's Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Rumuńskiej Republice Ludowej, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 4: 1967–1968. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśa-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1970.*

*Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslovakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republic, German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych*

w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 5: 1969–1970. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśza-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1972.

*Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republik [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 6: 1971–1972. Red. Elżbieta Głowacka, Danuta Rymśza-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1974.*

*Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republik [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics = Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich. T. 7: 1973–1974. Red. Mieczysław Boratyn, Danuta Rymśza-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, cop. 1976.*

*Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich = Bibliographie der Wörterbücher erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republik [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics. T. 8: 1975–1976. Red. Mieczysław Boratyn, Danuta Rymśza-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 1978.*

*Bibliografia słowników wydanych w Bułgarskiej Republice Ludowej, Czechosłowackiej Republice Socjalistycznej, Niemieckiej Republice Demokratycznej, Polskiej Rzeczpospolitej Ludowej, Socjalistycznej Republice Rumunii, Węgierskiej Republice Ludowej, Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich = Bibliographie der Wörterbücher*

- erschienenen in der Deutschen Demokratischen Republik, Sozialistischen Republik Rumänien, Tschechoslowakischen Sozialistischen Republik, Ungarischen Volksrepublik, Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken, Volksrepublik Bulgarien, Volksrepublik Polen = Bibliography of dictionaries published in Bulgarian People's Republic, Czechoslovak Socialist Republik [!], German Democratic Republic, Hungarian People's Republic, Polish People's Republic, Rumanian Socialist Republic, Union of Soviet Socialist Republics. T. 9: 1977–1978. Red. Mieczysław Boratyn, Danuta Rym-sza-Zalewska. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 1981.*
- Grzegorzczuk P. *Index lexicorum Poloniae. Bibliografia słowników polskich*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967.
- Wojan K. *Proces integracji języków europejskich wyrażonej w zasobach homonimiki języka polskiego, rosyjskiego i fińskiego*. [W:] *Kontakty językowe w Europie Środkowej. Sprachkontakte in Mitteleuropa*. Red. A. Kątny. The Summer School of Applied Linguistics. Series Studia Językoznawcze Wszechnicy Mazurskiej. Olecko 2004, s. 47–58.
- Wojan K. *Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006.
- Wojan K. *Bibliografia polsko-rosyjskich i rosyjsko-polskich słowników przekładowych za lata 1990–2005 w układzie chronologicznym*. „Przegląd Rusycystyczny” 2006, z. 1 (113), s. 65–80.
- Wojan K. *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe lingwistyczne i encyklopedyczne wydane w latach 1782–2012*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013.
- Wojan K. *Z polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników z językiem rosyjskim za lata 2005–2011 w układzie chronologicznym*. „Przegląd Rusycystyczny” 2013, z. 1 (141), s. 133–159.





RECENZJE  
РЕЦЕНЗИИ  
REVIEWS



**Ирина Бетко**

**„Души изменчивой приметы”... Избранные тексты украинской и русской классики в зеркале мифо-архетипического анализа**

Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2016, 296 ss.  
(nadesłano 28.09.2016; zaakceptowano 30.09.2016)

Coraz rzadziej w zwyczajach i obiegu naukowym się zdarza, by autor opracowania literaturoznawczego bezinteresownie dedykował komuś własne obszerne opracowanie. Lecz gdy do tego dochodzi, warto się nad danym, nieprzypadkowym przecieź, faktem chociaż przez moment zastanowić, albowiem Profesor Iryna Betko najnowszą swoją monografię poświęciła pamięci niedawno zmarłego artysty i myśliciela, Georgija Snopkowa, prywatnie – męża Badaczki, który, jak wynika z dedykacji, „przez całe życie niestrudzenie poszukiwał duchowego sensu bytu”. Przywołana dedykacja może więc być subtelnym duchowym łącznikiem, niewidzialnym, ale obecnym spoiwem pomiędzy światami żywych TU i żywych TAM. Może być jednocześnie mistycznym sygnałem wysłanym przez Autorkę, że duch jest nieśmiertelny i że objawia się on człowiekowi na różne sposoby. Tym właśnie, jak zakładam, wewnętrznym stanowiskiem Badaczki da się określić klucz do jej rozważań, które otwiera postać osiemnastowiecznego ukraińskiego filozofa i mistyka Hryhorija Skoworody, a zamyka obraz poetki *Srebrnego wieku*, Anny Achmatowej.

Autorka od dawna zajmuje się tematyką religijną i filozoficzną, wytrwale i z oryginalnymi rezultatami interpretacyjnymi poszukuje inspiracji twórczych w obszarze mitów i Biblii. Sięga więc do źródeł najbardziej pierwotnych z pierwotnych i najbardziej wieloznacznych z wieloznacznych. Wybiera zatem jedną z najtrudniejszych ścieżek badawczych, ale też i niezwykle intelektualnie atrakcyjnych, dających sporo wewnętrznej satysfakcji, albowiem z drzeniem i dziecięcą ufnością dotyka ona bezpośrednio Boskości i sacrum, wchodzi w określony nimb kreacji oraz pozostaje w świetle nagłych objawień oraz wiecznych prawd. Dzięki tej uniwersalistycznej słownej energii Autorka może doświadczać i autentycznie doświadcza kontaktu z ludzkością w jej najczystszej postaci, o czym pisał w natchnieniu Carl Gustav Jung (1875–1961), szwajcarski naukowiec, psychiatra i psycholog, artysta malarz i gnostyk. Jung, pozostawiając nam koncepcję archetypów i symboli, stworzył także przed Badaczką wielce płodną okazję metodologiczną do zbadania tego, co już jest przynajmniej częściowo odbiorcy znane – pod nowym lub pod mało znanym kątem. Wydaje się, że znacznie trudniej jest dostrzec szczelinę w monumentalnej budowli, aniżeli zbudować kolejne piętro na niej, podobne do pozostałych. Iryna Betko wykorzystała tę szczególną okazję i skupiła się na metafizycznym kontekście dwóch wielkich literatur światowych: ukraińskiej i rosyjskiej, ilustrując swoje przemyślenia za pomocą odwołań do wybranych twórców i ich znaczących utworów. W ten sposób stworzyła damsko-męski krąg, w którym główne role odegrali Skoworoda, Puszkina, Gogol, Tiutczew, Franko, Łesia Ukrainka, Antonycz i Achmatowa. To osiem nazwisk, którym przypisano osiem rozdziałów w omawianej monografii, a więc – zaznaczono formalnie więź tego opracowania ze Wszechświatem za pomocą liczby osiem.

W tomie Iryny Betko jest więc obecny Kosmos, archetypy i symbole, dla których Autorka znajduje oryginalne wcielenia w ośmiu różnorodnych duszach: 1. duszy mistyka, 2. duszy „wolnej powieści”, 3. duszy „maleńkiego człowieka”, 4. duszy „zakochanego poety”, 5. duszy *Zwiedłego listowia*, 6. duszy wołyńskiej driady, nimfy leśnej żyjącej w drzewie, 7. duszy Dowbusza, 8. duszy „Carskosielskiej Muzy”. Łączy ona udanie te dusze z konkretnymi pisarkami i pisarzami, eksponując w ich biografii twórczych to, co uznawała za ważne z punktu widzenia wiedzy naukowej i tego, co jest bliskie jej sercu, jej światopoglądowi, jej subiektywnemu odczuwaniu świata i jego indywidualnego rozumienia. Dlatego, jak sądzę, występuje tutaj w odpowiednich proporcjach pierwiastek żeński i męski, a nie tylko jeden z nich, bo tylko w takiej próbie, gdy Badaczka jako kobieta pisze o wrażliwości literackiej przedstawicielek tej samej płci i przedstawicieli płci przeciwnej, pojawia się niepowtarzalny przykład odbioru literatury nie tyle nawet z perspektywy płciowej, ile duchowej, a ta – płeć traktuje drugorzędnie.

Przyjrzyjmy się zatem tytułom poszczególnych rozdziałów, one bowiem wprost potwierdzają powyższe spostrzeżenia o niezwykle starannie przemyślanej konstrukcji omawianej monografii: Глава I. Душа мистика. Феномен Григория Варсавы Сквороды; Глава II. Душа „свободного романа”. Евгений Онегин как миф; Глава III. Душа маленького человека. Мифы и архетипы против стереотипов; Глава IV. Душа „влюблённого поэта”. Аниматические лики тютчевской лирики; Глава V. Душа Увядавшей листвы. Глубиннопсихологический подтекст лирической драмы Ивана Франко; Глава VI. Душа волинской дриады. *Opus magnum* Леси Украинки как „лесная” Песнь Песней; Глава VII. Душа Довбуша. Заветный текст Богдана Игоя Антоныча; Глава VIII. Душа „Царскосельской Музы”. Архетипический мир ахматовской поэзии.

**Rozdział pierwszy** wypełniają rozważania dotyczące duszy mistyka – fenomenu Hryhoriya Skovorody. Autorka przybliżyła nam problematykę związaną z nim samym i stanem badań nad tą zjawiskową osobowością. Nawiązuje do ustaleń naukowych Dmitrija Czyżewskiego i innych badaczy, zestawia Skovorodę z Jungiem, wydobywając aspekty bliskości typologicznej, omawia koncepcję *człowieka duchowego* w świetle poglądów szwajcarskiego psychologa, przywołuje konteksty literackie (*Сад божественных пѣсней...*) i umieszcza je w polu teorii indywidualizacji, analizuje elementy symboliczno-archetypicznego systemu obrazów „boskich pieśni”, interpretuje archetypiczny podtekst synkretycznego obrazu-symbolu Bogurodzicy.

**Rozdział drugi** wypełniają następujące problemy: Миф несостоявшейся инициации в художественной структуре *онегинского текста*; Мифологическая подоплёка хронотопа в *онегинском тексте*; Центральная пара героев как воплощение полярных мифо-архетипических начал; Центральный кватернион персонажей: мифо-архетипические мотивы и художественные функции; *Татьянин миф* в художественной структуре *онегинского текста*; Мифо-архетипическая символика образа протагонистки в ипостаси *аниматической лунной девы*; Историческая контекстуальность мифов и архетипов в *онегинском тексте*.

**W rozdziale trzecim** Autorka ilustruje tezę, w myśl której mity i archetypy można rozpatrywać w funkcji oponentów wobec stereotypów. W tym celu Badaczka wybrała twórczość Nikołaja Gogola, którą potraktowała jako intelektualne i duchowe wyzwanie rzucone przez pisarza współczesności. Analizę słynnego *Szynela* Autorka

przeprowadza pod kątem rytualno-mitologicznym, a głównego bohatera opowieści postrzega jako wcielenie mitotypu *świętego skryby*. Następnie czyni krok dalej i w obrazie Akakija Akakijewicza Baszmaczkiina dostrzega cechy wysoce uduchowionego chrześcijanina, które z uwagi na dokonywane – pod wpływem *ciemnych sił* – przez protagonistę życiowe wybory stopniowo zanikają, a zmieniona rzeczywistość wiedzie małego człowieka ku *nowemu szynelowi*, symbolizującemu odejście od sfery sacrum. Skutkiem „zdrady” ducha na rzecz materii jest powstanie nowej jakości, nowej psycho-metafizycznej płaszczyzny, na jakiej będzie odtąd wiecznie funkcjonować radca tytułarny Baszmaczkin. Rozdział zamykają rozważania o *Szynelu* jako paradygmacie psychicznego i duchowego dziedzictwa kultury.

**Rozdział czwarty** zdominowała twórczość Fiodora Tiutczewa. Badaczka podejmuje tutaj następujące kwestie: Две личности поэта как координаты его психобиографии; *Аниматический* потенциал тютчевской лирики; Психобиографические истоки лейтмотива *anima amanta*; Лейтмотив *anima amanta* в тютчевской лирике; *Anima amanta* и её лирические ипостаси в вихре *страстей роковых*; Мотивы *Песни Песней*, опосредованные пушкинской традицией, в стихах *денисьевского* цикла.

**W rozdziale piątym** pojawia się ponownie twórca ukraiński – tym razem Iwan Franko. Tekst *Zwiędłe listowie* (*Увядшая листва*) umieszcza Badaczka na tle ukraińskiego modernizmu i nadaje mu przywilej utworu sztandarowego. Wskazuje na intertekstualne pokłady tego dramatu lirycznego. Pisze o autorskiej *Przedmowie* jako artystycznym świadectwie odznaczającym się głębokim psychologizmem. Następnie rozpatruje kategorię miłości z punktu widzenia innych kategorii jej towarzyszących w świadomości społecznej, jak: *smutek*, *cierpienie*, *śmierć*. Omawia trzy etapy *lirycznej psychodramy* głównego bohatera, by zająć się problemem źródeł tejsze psychodramy i by zasugerować jej związki z archetypami, zwłaszcza z *cieniem* i *animą*. Poczynione przez Autorkę obserwacje wiodą ją ku kwestii ambiwalentnego charakteru indywidualnego doświadczenia *animistycznego*. Rozdział zamykają refleksje na temat wielopostaciowości *animy* w kontekście dramatu *Zwiędłe listowie*.

**W rozdziale szóstym** po raz pierwszy pojawia się wśród twórców, którym Iryna Betko poświęca osobną część, kobieta – poetka Łesia Ukrainka. Tę wyjątkową w literaturze ukraińskiej postać Badaczka wiąże tutaj ściśle ze starotestamentową *Pieśnią nad Pieśniami*, rozpisując swoje przemyślenia na następujące kwestie: Две „песни любви”. Перекличка проблематики, специфика хронотопа; Центральная пара влюблённых: символично-мифологические соотнесения; Мистерия страстной взаимной любви героя и героини; Мифо-инициальная парадигматика *любви*, которая *крепка, как смерть*; Инициальные испытания любви как путь к постижению собственной души.

**Rozdział siódmy** ponownie wypełnia aura literatury ukraińskiej za sprawą Bohdana Ihora Antonyczca i jego tajemnego tekstu *Książę wiosny dźwięcznogłosej*, w którym Badaczka upatruje motywy psychobiografii ukraińskiego poety. Syntezę sztuk wiąże Autorka z bogactwem idei. Nawiązuje do estetycznej i mitozofskiej paradygmatyki *Księcia*... Ukazuje duszę głównego bohatera na tle dynamicznego rozwoju jego sfer: świadomej i nieświadomej. Kieruje naszą uwagę ku pograniczom archaiki i moderni-

zmu. Podchodzi do fatalnej namiętności jako do psychicznego i emocjonalnego fenomenu.

**W ostatnim rozdziale, ósmym,** króluje wielka dama rosyjskiej poezji, Anna Achmatowa, której liryczny świat rozpatruje Badaczka z pozycji archetypów i naświetla następujące zagadnienia: В силовом поле *анимуса*; Солярно-лунарные / астральные образы и символы; *Аниматические* мотивы голоса, песни и ветра; *У самого моря*. Прелюдия любовной психодрамы лирической героини; Мифо-архетипический мотив роковой *встречи-разлуки*; Любовная психодрама в развитии; Взаимодействие *аниматических* и *теневого* аспектов; Вызревание стабильного чувства как предпосылка *священного брака*.

Jak widać, Profesor Iryna Betko w recenzowanej rozprawie filologicznej przedmiotem swoich dociekliwych rozważań uczyniła istotny fragment literatury ukraińskiej i rosyjskiej zaliczanej do dzieł klasyki literatury. Pomimo że mają one już stosunkowo sporą bazę krytyczną, Badaczka zdecydowała się na jeszcze jedną próbę kompleksowej analizy wybranych przez siebie tekstów, odnosząc je do koncepcji archetypów i mitów funkcjonujących w świadomości ludzkiej i z tej próby wysłała obronną ręką. Po nowemu zinterpretowała religijno-mistyczne poglądy Skoworody w świetle poglądów Junga. W *Eugeniuszu Onieginie* odczytała ukryte treści poematu, które wtopiła w ramy mitów i archetypów, zwłaszcza w mit inicjacyjny, odnosząc go do głównego bohatera, oraz mit Tatiany, który został powiązany z mentalnością księżycową. Zajmując się Gogolem i jego *Szynelem*, Autorka w analizie mitologicznej przekroczyła granice tradycyjnego odbioru Baszmaczki i wyeksponowała jego świat duchowy. Biorąc pod lupę twórczość Tiutczewa, Badaczka ujawniła dwoistość osobowościową poety, która przesądziła o jego psychologiczno-symbolicznej biografii i uwarunkowała złożone relacje, w jakie wchodzi *anima* w lirycznym Tiutczewowskim świecie. Z kolei w *Zwiędłym listowiu* problematyka tekstu rozpatrzona pod względem archetypowych aspektów *cienia* i *animy* pozwoliła na nowe spojrzenie na poetykę danego utworu. Pisanie o *Pieśni leśnej* Łesi Ukrainki jako tekście nawiązującym przez archetypy do starotestamentowej *Pieśni nad Pieśniami* stanowiło niemałe wyzwanie badawcze, które doprowadziło Irynę Betko do wniosku, że w danym przypadku mamy do czynienia z tekstem inicjalnym, gdzie miłość głównych bohaterów symbolizuje złożoną drogę integracji duchowej i jest warunkiem koniecznym do osiągnięcia pełni własnej psyche. W *Duszy Dowbusza (Duszy Dobosza)* Badaczka dostrzegła ważne aspekty biografii samego Antonycza, autora analizowanego przez nią poematu dramatycznego i udowodniła, że utwór ten charakteryzuje się wciąż niedocenianym przez literaturoznawców bogactwem estetycznym oraz poznawczym, ponieważ są w *Duszy Dowbusza* inspirujące badawczo treści z pogranicza świadomości archaicznej oraz nowoczesnej. Iryna Betko rzuciła także rzadkiej próby światło na świat liryki Achmatowej, gdy napisała o wzajemnym oddziaływaniu na siebie w tym świecie trzech motywów: *cienia*, *animusz* i *animy*. W swoim czasie, na jednym ze spotkań w petersburskiej „Wieży” Wiaczesława Iwanowa, Aleksander Błok powiedział na wieczorku literackim, na którym była także obecna Achmatowa, że pisze ona wiersze tak, jakby stała przed mężczyzną, a trzeba pisać tak, jakby stała przed... Bogiem. Myślę, że ta duchowa refleksja Błoka jest cechą każdej wielkiej twórczości, jest zarazem świadectwem obecności wieczności, archetypów i symboli w ludzkiej doczesności.

Śp. Georgij Snopkow, jak już wiemy, przez całe życie niestrudzenie poszukiwał duchowego sensu bytu. Czy go odnalazł? Tego nie wiem, ale wiem na pewno, że Profesor Iryna Betko znalazła go już dawno, co doskonale – erudycyjnie, interesująco i przekonująco – udokumentowała w recenzowanym dziele.

GRZEGORZ OJCEWICZ

Profesor emeritus

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Polska

Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie, Polska

e-mail: gojcew@poczta.onet.pl



**Wanda Laszczak**

***W kręgu kultury Bogoczlowieczeństwa. Studia zebrane o świętej Matce Marii (Skobcowej)***

Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Studia i Monografie nr 524, 2015, 371 ss.

(nadesłano 12.05.2016; zaakceptowano 13.05.2016)

Gdy w 2007 roku ukazała się nakładem Uniwersytetu Opolskiego monografia Profesor Wandy Laszczak *Życie znaczy „kroczyć po wodzie”*. *Studia o Matce Marii. Część pierwsza*, nikt chyba nie przypuszczał, że na kontynuację tego dzieła w postaci książkowej wypadnie poczekać... osiem lat. Powiem od razu, że czekać było warto, chociaż okres ten, niezależny zapewne w sporej mierze od samej Autorki, wydaje się wyjątkowo długi. Już wtedy, w 2007 roku, wspomniane opracowanie było, jak sądzę, źródłem bogatych duchowo i literaturoznawczo przeżyć nie tylko dla mnie, lecz dla każdego, komu nie są obce sprawy osób zaliczanych do luminarzy pierwszej fali emigracji rosyjskiej<sup>1</sup>. Recenzowana dzisiaj monografia moje pierwsze bardzo pozytywne wrażenia wzmacnia i przekonuje mnie, że tak skomplikowana badawczo materia, jaką jest sama postać głównej bohaterki *W kręgu kultury Bogoczlowieczeństwa*, świętej Matki Marii, jak również jej bardzo złożone piśmarstwo, w pełni uzasadniają tę sporą edytorską rozpiętość w czasie. Teksty Matki Marii, zwłaszcza filozoficzno-religijne, nie należą do łatwych w odbiorze i interpretacji i wie o tym każdy, kto kiedykolwiek po nie sięgnął oraz poznał jej różnorodne tematycznie, gatunkowo i rodzajowo utwory.

Dorobek badawczy Profesor Wandy Laszczak na temat życia i twórczości św. Matki Marii upoważnia mnie do postawienia tezy, że jest ona niekwestionowanym ekspertem i autorytetem naukowym w danym zakresie i w kwestiach podjętych w omawianej monografii. Znam tę Badaczkę z licznych oryginalnych oraz nowatorskich opracowań, które w sposób niezbity dowodzą jej ogromnej wiedzy i doskonałego orientowania się w poruszanej w książce problematyce: pod względem merytorycznym i naukowym wszystko znajduje się tutaj na właściwym miejscu, a warsztat zdradza ogromne doświadczenie pisarskie i niezwykłą wrażliwość oraz przenikliwość badawczą, gdy Wanda Laszczak podejmuje tematy związane z życiem i twórczością św. Matki Marii, a także filozofią i religią.

Monografia *W kręgu kultury Bogoczlowieczeństwa* miała już w sporej części swój debiut edytorski, właśnie w postaci dzieła *Życie znaczy „kroczyć po wodzie”*, i był to debiut naukowo bardzo udany. Sądzę, że fakt ukazania się drukiem części wcześniejszego opracowania wpływa dodatkowo korzystnie na ocenę merytoryczną obecnej książki jako poszerzonej całości, która – zgodnie z otwartym przesłaniem zawartym we wstę-

<sup>1</sup> Zob. G. Ojcewicz: [rec.] W. Laszczak. *Życie znaczy „kroczyć po wodzie”*. *Studia o Matce Marii. Część pierwsza*. *Studia i Monografie*, nr 389. Opole 2007, ss. 168. [W:] „Slavia Orientalis” 2009, nr 1, s. 79–82.

pie – pewne rzeczy powtarza, pewne uzupełnia, pewne podaje po nowemu. Zawartość omawianej pracy zaświadcza bowiem o tym, że od 2007 roku wiele dobrego i ważnego wydarzyło się w sferze dokonań naukowych w odniesieniu do Jelizawiey Kużminy-Karawajewej i Jelizawiey Skobcowej w jednej osobie. I na te wszelkie nowości była i pozostaje otwarta Autorka, dając wymierny dowód owej otwartości na stronach najnowszego tomu.

Z uwagi na specyficzną konstrukcję monografii z 2015 roku wydaje się celowe przeprowadzenie chociażby strategicznego porównania obydwu opracowań, aby poznać kierunek i rozległość zmian, a także dostrzec, co nowego pojawiło się w danej książce w stosunku do poprzedniej. O ile *Życ znaczy „kroczyć po wodzie”* składało się z czterech rozdziałów oraz wstępu nazwanego *Kilka uwag wstępnych*, o tyle *W kręgu kultury Bogocześnictwa* tworzy pięć rozdziałów poprzedzonych wprowadzeniem pod tym samym co poprzednio tytułem: *Kilka uwag wstępnych*. Pierwotny rozdział pierwszy (2007) miał tytuł *Od „marnotrawnej intelektualistki” do człowieka przebóstwionego* i nie posiadał żadnych podrozdziałów wyodrębnionych w spisie treści. W wersji z 2015 roku rozdział pierwszy otrzymał brzmienie *W nurcie życia* i budują go cztery podrozdziały: wspomniany *Od „marnotrawnej intelektualistki” do człowieka przebóstwionego*, *Szkoła ascezy*, *Wyobraźnia plastyczna*, *W kręgu mistyki Rabindrana-tha Tagorego* (opowieść *Jurali*).

Z kolei dawny rozdział drugi *W kręgu monastycyzmu* również obecnie zachował swój tytuł i prawie tę samą graficznie wyodrębnioną zawartość. Prawie, ponieważ do dwóch poprzednich podrozdziałów z 2007 roku (*Monastycyzm w świecie* [монашество в мире] w świetle prac filozoficzno-religijnych oraz *Inspiracje patrystyczne w prozie narracyjnej*) Autorka dodała nowe erudycyjne studium *Misterium „Anna” jako usprawiedliwienie „grzesznicy”*.

Również rozdziały trzecie w obydwu monografiach przyjęły ten sam kształt tytułu: *Bóg – człowiek – świat*, ale w wydaniu z 2007 roku ten rozdział liczył trzy podrozdziały (*Sens dziejów w profetycznym świadectwie poematu „Pięćdziesiątnica”*, *Idea sofianicznej pełni*, *Liryczne ekspresje socjologiczne*), a w wersji z 2015 roku – pięć, został bowiem wzbogacony o dwa nowe studia: *Teurgiczny wymiar pracy ludzkiej w świetle psalmu „Pochwała pracy”*, *Teoria chrześcijańskiej twórczości. Perspektywa polemiczna*. Na marginesie: Wanda Laszczak zaproponowała, by *Духов день* tłumaczyć jako *Pięćdziesiątnica*. Pojawia się tu jednak pewien problem nie tyle nawet natury translatorskiej, ile wynikający z różnicy religijnej. U katolików święto *Zesłania Ducha Świętego* (*Zielone Świątki*) jest obchodzone w niedzielę po pięćdziesięciu dniach od zmartwychwstania Jezusa Chrystusa. W tradycji prawosławnej w tym czasie najpierw w niedzielę jest obchodzony *Троицын день*, a dopiero w poniedziałek – *Духов день*. By zachować wierność wobec oryginału i realiów prawosławnych, należałoby zatem *Духов день* transponować jako *Dzień Ducha Świętego*, uwzględniając zaś realia katolickie – jako *Dzień po Zesłaniu Ducha Świętego*.

W opracowaniu *Życ znaczy „kroczyć po wodzie”* ostatni rozdział miał tytuł *W nurcie rosyjskiego mesjanizmu*, a w dziele *W kręgu kultury Bogocześnictwa* rozdział czwarty został zatytułowany następująco: *Rosja – Europa – Izrael* i wchłonął poprzedni tekst w formie podrozdziału drugiego. Obecnie rozdział czwarty wygląda tak: „*Zdobądź dla mnie Indyjskie Królestwo*”. *Inteligencja i rewolucja w prozie narracyjnej*, wspo-

mniany – *W nurcie rosyjskiego mesjanizmu, Zastanawiające podobieństwa. Matka Maria i Teresa Benedykta od Krzyża, Żydzi i chrześcijanie.*

Całkowicie nowy strukturalnie jest w omawianej monografii rozdział piąty: *Myśliciele rosyjscy*. Tworzą go następujące podrozdziały: *Aleksiej Chomiakow. W kręgu filozofii ducha „soborowości”, Fiodor Dostojewski a idea wolności, Władimir Sołowjow. Między Wschodem i Zachodem*. Książkę uzupełniają: *Bibliografia, Indeks nazwisk, Aneks translatorski. Matka Maria „Anna”* (w tłumaczeniu Autorki) oraz *Резюме*.

Książka *W kręgu kultury Bogoczołwieczeństwa* jest w mojej ocenie nie tylko wartościowa pod względem naukowym, ale także magazynuje Boską i życiową mądrość, którą reprezentowała Jelizawieta Skobcowa jako Matka Maria i którą w wymiarze naukowym przedstawiła oraz oceniła uczciwie Wanda Laszczak. Czytając to opracowanie, wyczuwa się bez trudu ogromną fascynację Autorki postacią prawosławnej mniszki, by nie rzec – prawdziwe badawcze zauroczenie, które przynosi podwójne korzyści czytelnikowi: otrzymuje on bowiem nie tylko zwarty, przemyślany, udokumentowany i bardzo ciekawy materiał, lecz jest on dodatkowo zasilony szczerą autorską prywatnością. W ten sposób nauka została połączona ze sztuką i kwestiami religijnymi, z głęboką wiarą i wiedzą teologiczną Autorki, co musiało dać i dało tak świetne rezultaty podczas prezentowania analiz życia Jelizawiey Skobcowej i jej trudnych, doprawdy, do interpretowania, jak też do tłumaczenia na język polski, utworów. Innymi słowy, szczęśliwie się stało, że św. Matka Maria znalazła bratnią duszę w osobie Profesor Wandy Laszczak, ponieważ braterstwo dusz ułatwia niezmiernie brnięcie przez badawczą pustynię i kroczenie po wodzie, gdy ktoś – jak Badaczka – odważnie się mierzy z wyszukaną materią mistyczną. A taką właśnie materią jest twórczość Jelizawiey Skobcowej.

Wypada zaznaczyć, że Autorka odniosła się także w odpowiednich partiach tekstu do bieżącej sytuacji międzynarodowej, związanej z konfliktem ukraińsko-rosyjskim, wyrażając wprost swój stosunek do tego, co dzieje się na wschodnim froncie (Donieck, Mariupol, Ługańsk), a uczyniła tak przede wszystkim – jak zakładam – ze względu na konieczność dokonania weryfikacji historiozoficznych antycypacji samej św. Matki Marii oraz współczesnych jej filozofów rosyjskich, wypowiadających się na temat misyjnej roli narodu rosyjskiego. W konfrontacji z najnowszą rzeczywistością – zwłaszcza po aneksji Krymu – ocena agresywnych działań Rosji musiała wypaść w opinii Autorki jednoznacznie negatywnie. W monografii – niejako przy okazji – pojawiło się wiele nowych tłumaczeń ważnych wierszy św. Matki Marii w autorskim przekładzie lub ich fragmentów, w tym – przekład kluczowego w rozważaniach Autorki misterium *Anna*. Fakt ten obiektywnie wzbogaca polską translatorykę o nowe prace rosyjskiej mniszki, a prac tych w ojczystym języku jest wciąż za mało.

Muszę podkreślić i tę ważną rzecz, że Autorka nie wpadła w sidła nadmiernej fascynacji oraz bigoteryjnej ekscytacji postacią rosyjskiej mniszki, że nie przekształciła swojej monografii w traktat dewocyjny w potocznym tego słowa znaczeniu. Takiego traktatu nie mógłbym pewnie ani czytać, ani tym bardziej recenzować: owszem, jest szczerą i jawna admiracja, lecz zawsze wysmakowana i roztropnie wyważona, poddyktowana równoległością wrażliwości estetycznej św. Matki Marii i Profesor Wandy Laszczak. Kończę to omówienie jeszcze jednym spostrzeżeniem: książka *W kręgu kul-*

*tury Bogoczołowieczeństwa* ma wartość ewangelizującą i jako taka jest światu – zwłaszcza teraz! – bardzo potrzebna.

GRZEGORZ OJCEWICZ

Profesor emeritus

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Polska

Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie, Polska

e-mail: gojcew@poczta.onet.pl

**«Да сохранит нас, за все отвечая, речи родимой бескрайняя даль...»**

**Рецензия на двухтомную монографию**

**„Mówimy, jak mówimy...”. *Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne.***

Red. Marcelina Grabska, Żanna Śładkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, ss. 255.

**„Mówimy, jak mówimy...” *Gdzie ukryta jest potoczność?***

Red. Marcelina Grabska, Żanna Śładkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015, ss. 279.

(nadesłano 17.09.2016; zaakceptowano 20.09.2016)

Опыт XX века показывает, что эффект движения вперед имеют те страны, которые занимаются развитием коммуникативных технологий (японская теория языкового существования, американская теория речевой коммуникации и др.). Попытке создать модель и исследовать технологии обыденной речи, того, как и что мы говорим в разных ситуациях общения, и посвящены обе монографии.

Рецензируемые монографии были созданы в Мастерской по исследованию разговорной речи при Институте восточнославянской филологии Гданьского университета.

Подчиняясь поэтичности названий обеих монографий и входящих в них глав, мы тоже не удержались от поэтического названия рецензии (слова из стихотворения Надежды Кондаковой).

В монографиях исследуются актуальные проблемы разговорной речи. Как известно, литературный язык состоит из двух разновидностей: кодифицированный литературный язык и разговорная речь. Причем вторая его разновидность не менее важна, чем первая.

XX век обогатил состав наук, занимающихся речью: кроме психологии речи, в настоящее время она исследуется лингвистикой, психолингвистикой, теорией коммуникации, социологией, философией и другими науками. Дело в том, что современное общество характеризуется активным развитием речевых коммуникаций. Не случайно Платон считал, что «государство есть общение». Именно речь создает общественный настрой, основы которого в скрытых помыслах, словесной ауре и др. Сама речь – это живая и диффузная стихия, она стоит в начале становления человека.

Первая монография называется **«Говорим, как говорим...»**. **Речевая коммуникация: интердисциплинарный подход** (Гданьск, 2014). Здесь прослеживается интерес к онтологии разговорности как составляющей языковой действительности. Данная монография была задумана как презентация разносторонних исследований русской разговорной речи, функционирующей в повседневной

речевой коммуникации. Разговорность представлена здесь как важный источник миропостижения. Само название указывает на ее неизбежность в речевой коммуникации.

Данная монография, авторами которой являются известные ученые из всех восточнославянских стран, состоит из трех глав. Речевая коммуникация представлена в них как 1) идеи, характеризующие современное бытие; 2) разговорность в национальном коммуникативном пространстве; 3) оценка в речевой коммуникации. Все три главы структурно сопоставимы: в первых двух размещено по 6 статей, в третьей – 7.

Не только сама монография, но и отдельные главы имеют поэтические названия. Так, первая глава называется «Обыденность в нас голосит...» (строки Станислава Высянского), в ней показано, что обыденность (разговорность) присутствует не только в текстах сугубо личного характера, что закономерно, но и в текстах политического дискурса, нарочито выпячивающих простоту и доступность. Присутствует разговорность и в политических текстах (Клара Штайн и Денис Петренко), в СМИ, и в интернет-коммуникации (Елена Маринова, Анастасия Беловодская). Так, в статьях Марцелины Грабской поднимается интереснейшая проблема инференции и антиципации в текстах, статья Галины Бартовицкой посвящена речевой экспрессии. Общим выводом из данной главы может быть следующий: разговорная речь вторгается в такие сферы жизни, которые ей были ранее недоступны.

Во второй главе «На тропах Сментка» разговорная речь рассматривается как «сор», который неблагоприятно влияет на наш язык. С данным утверждением трудно согласиться, потому что именно разговорная речь – живой источник пополнения языка.

Часто языковая свобода называется в монографии излишней, на самом деле – это естественный путь демократизации языка, вспомним Пушкина: «Как уст румяных без улыбки, без грамматической ошибки я русской речи не люблю...». Именно нарушения часто рождают новое.

В аспекте исследования разговорности в национальном коммуникативном пространстве в монографии представлены результаты исследований русской разговорной речи в регионах России (Валентина Щаднева, Ирина Наумова), в Литве (Данута Балшайтите), Эстонии (Елизавета Костанди), в болгарском языке (Агата Мокшицка), а также разговорные вкрапления в польской публицистике (Марек Маршалек).

В третьей главе «Оценка в речевой коммуникации» представлены разнообразные исследования по реализации оценочности в разговорной речи, например, роль суффиксов в создании оценочности (Петр Червински). В главе представлены два концепта («Благополучие» Жанна Сладкевич и «Безразличие» – Лада Овчинникова и Иоанна Мампе), а также синтаксические конструкции русского (Наталья Герасименко) и украинского языков (Татьяна Космеда, Оксана Халиман), в которых сочетаются слова положительной оценки с отрицательно маркированными. В данной главе также помещена статья блестящего немецкого лексикографа Х. Вальтера, в которой содержатся тончайшие наблюдения над использованием и трансформацией пословиц в современном мире.

Таким образом, первая монография, которую можно назвать 1-м томом исследования разговорной речи, являет собой логически завершенное исследование, хотя идейный вдохновитель и научный руководитель работы Марцелина Грабска справедливо указывает на то, что точку ставить в этих вопросах рано.

Вторая монография под названием *«Говорим, как говорим...»: где скрыта разговорность?»* является продолжением первой.

В ней также представлены разработки названной Мастерской, а также работы известных лингвистов разных стран.

Монография содержит теоретико-методологические, описательные разработки и разработки прагматического характера. В ней содержатся попытки выяснить, где скрыта разговорность и в чем состоят симптомы обыденности (разговорности).

Первая глава начинается фразой Збигнева Херберта «Бродят мысли в голове – обыденная идиома». В ней показано, что обыденность (разговорность) в движении мыслей, пространстве концептуализации, в проблеме установления отдельных концептов и коммуникативных ситуаций (Магдалена Кавенцка). Несколько статей посвящено концептуализации субъективности в русском литературном тексте и разговорной речи; при исследовании использованы разные, в том числе и новые методы – прототипический подход, контекстуальный анализ, теоретические размышления (М. Грабска).

Данная глава начинается анализом способов концептуализации субъективности как сложного когнитивного процесса, в основе которого лежит глобальное противопоставление «Я – Другой», где многое завуалировано в его речи, концепт «культурный человек» предстает в карикатурном образе (Ирина Фадеева, Владимир Сулимов). Проанализирована коммуникативная ситуация извинения (Галина Костюшкина, Юлия Туфанова).

Вторая глава под названием «Кажись цветком и будь змеей под ним»: разговорность, скрытая в слове, образе, дискурсе» посвящена имплицитной интенции адресата в межличностном общении, когда он упаковывает свои мысли в образы, символы, метафоры. Все это скрыто, например, в принтах на футболках, где «работают» еще и визуальные формы (Жанна Сладкевич). В статье остается открытым вопрос о том, является ли данный вербально-иконический текст искусством или кичем. Думается, что ни то, ни другое не является однозначным ответом. Все дело в том, что принты (как и мода вообще) выполняют в основе своей коммуникативную функцию: они кричат «я свой». Прозвища начальников, рассматриваемые в статье Габриэлы Вильк, тоже предельно коммуникативны: они подчеркивают дистанцию с начальством. В статье Елены Омельченко исследуется перформансная коммуникация, а Елена Вельман-Омелина выявляет специфику деловой коммуникации. Две статьи главы посвящены диалогу (Татьяна Шаповалова и Антон Лавицкий, Валентина Маслова).

Третья глава «Секреты не скроются от науки»: выявленная разговорность» – это библиографии (Катажина Воян), анализ юридического и обиходного дискурсов, преломление исследований в лингводидактике (Наталья Музыченко).

В целом в монографии поражает бережное отношение к разговорной речи, словно ученые услышали и согласились со словами Анны Ахматовой: «...мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово».

Таким образом, речевая коммуникация в монографиях представлена как 1) идеи, характеризующие современное бытие; 2) разговорность в национальном коммуникативном пространстве; 3) оценка в речевой коммуникации; 4) речевые эмоции.

Существующий в наше время разброс в исследовании разговорной речи нашел отражение и в данных коллективных монографиях, в которых реализованы основные тенденции понимания онтологии и функционирования разговорной речи в разных европейских странах. Научная ценность рецензируемых монографий обусловлена представленным в них моделированием процессов речевой коммуникации в различных условиях.

Названные книги предлагают филологам интересный материал и позволяют обратиться к важной и благодатной проблеме – исследованию разговорной речи, в них расставлены верные акценты в изучении данной проблемы.

Рецензируемые монографии, безусловно, заслуживают высокой оценки как в научном, так и прикладном аспектах (например, при обучении русскому языку как иностранному); они существенно дополняют сведения о разговорной речи, в том числе русской разговорной речи. Полагаем, что данные монографии вызовут интерес у специалистов-лингвистов, психологов, этнографов и представителей других наук, занимающихся проблемами речи, а также у докторантов, аспирантов и студентов филологических специальностей.

ВАЛЕНТИНА АВРААМОВНА МАСЛОВА

Учреждение образования  
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»  
Филологический факультет  
Кафедра общего и русского языкознания  
Московский проспект, д. 33, ауд. 608, 210038, Витебск, Беларусь  
e-mail: kobirusyaz@vsu.by



**Elżbieta Nowicka**

***Zapisane w operze. Studia z historii i estetyki opery***

Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2012, ss. 224

(nadesłano 17.05.2016; zaakceptowano 18.05.2016)

Wydaje się, że wielu miłośników opery, niebędących znawcami i badaczami tej sztuki od strony naukowej, dostrzeżę w przedmiocie swoich westchnień, zachwytów przede wszystkim to, co zaśpiewane bądź zatańczone, zdecydowanie mniejszą wagę przywiązując do zapisu tekstowego. Słaba znajomość libretta opery wynika m.in. z faktu postrzegania jej jako „mniej artystycznej” formy wyrazu od prezentacji muzycznej. Zdaniem Elżbiety Nowickiej, autorki pracy poświęconej temu, co jednak „zapisane w operze”, tego rodzaju punkt widzenia jest zbyt jednostronny, wąski i nieprecyzyjny. Badaczka stoi na stanowisku, że należy również podjąć trud odczytania, „odszyfrowania” niełatwego, często hermetycznego, przekazu tekstowego opery. Tylko wówczas można bowiem tę ostatnią właściwie zrozumieć i ocenić. Posiadając zaś całościowy ogląd owej sztuki, otrzymujemy do ręki klucz ułatwiający „otwarcie” innych zjawisk, fenomenów kulturowych, a nawet procesów cywilizacyjnych, ich dojrzałą analizę i interpretację. E. Nowicka patrzy na operę niezwykle szeroko, widząc w niej zapis określonych doświadczeń kultury, a także mentalności i wrażliwości jednostki ludzkiej. Jest to więc – innymi słowy – w jej przeświadczeniu cenne źródło do poznania przeszłości, w żadnym wypadku nieustępujące rangą ważności innym wypowiedziom twórców kultury i sztuki. Analizując libretto, zdobywamy informacje nie tylko o ogólnym zarysie koncepcji dzieła, o jego bohaterach, lecz również poznajemy określone idee, refleksje filozoficzno-światopoglądowe, społeczno-polityczne i estetyczne danego czasu: epoki, okresu historycznego. Tak pojęte *novum* przybiera – wedle autorki monografii – zarówno postać linii równoległych, jak i przecinających się pętli. Zamiarem badaczki jest zaś pogłębiany, twórczy namysł nad owymi „liniami” i „pętlami” w perspektywie opery właśnie.

Praca składa się z trzech, wewnątrznie zróżnicowanych, ujętych problemowo, rozdziałów. Pierwszy z nich został opatrzony tytułem *Polska i Moskwa w pułapkach historii i dramatu*. Przedmiotem kolejnego są *Obrazy losu, obszary sztuki*. Trzeci rozdział, *Cyprian Norwid pisze operę*, jest poświęcony mało znanym zagadnieniom związanym z działalnością twórczą wybitnego polskiego romantyka. Poszczególne rozdziały, będące w istocie autonomicznymi studiami, przynoszą szereg interesujących informacji na temat dzieł operowych z różnych epok oraz towarzyszących im kontekstów kulturowych. Autorka, zgodnie z przyjętą strategią badawczą, przyczynia się do „otwarcia” nowych sposobów odbioru oper, zwłaszcza tych wybitnych, jak chociażby *Tosca* Giacomo Pucciniego. Na podkreślenie zasługuje fakt, iż jej rozważania nie pretendują do miana „całościowych”, syntetyczno-podsumowujących. Są przemyślanym, oryginalnym przyczynkiem do tego, jak można – ale niekoniecznie trzeba – czytać operę, a nie zwieńczeniem mniej lub bardziej bogatych ustaleń badawczych z tego zakresu.

Z punktu widzenia historyka idei, zajmującego się myślą rosyjską i jej związkami z koncepcjami ideowymi powstałymi na gruncie polskim, na szczególną uwagę zasługuje kulturowe ujęcie problematyki dymitriad, będących splotem różnorodnych wy-

darzeń (politycznych, militarnych, obyczajowych), łączących na początku XVII wieku w określony sposób (w pozytywnym bądź negatywnym zespoleniu w zależności od przyjętej perspektywy spojrzenia) Polaków i Rosjan. Badaczka trafnie zauważyła, że Polacy i Rosjanie mieli i nadal mają zdecydowanie odmienne podejście do tego naznaczonego dramatyzmem spięcia w dziejach i kulturze ich narodów. Potwierdzają to poświęcone dymitriadom dzieła naukowe autorstwa jednych i drugich. Na uwagę, zdaniem E. Nowickiej, zasługuje jednak to, iż rzeczony zagadnienie nie doczekało się pogłębionej realizacji w polskich dziełach kultury, zarówno dawniejszych, jak i współczesnych. Badaczka podkreśla, że pomimo ważkiego sztafażu historycznego (rywalizacja między Rzeczypospolitą a Rosją, triumf oręża polskiego, dwuletnia obecność Polaków na Kremlu w latach 1610–1612, dużego zapotrzebowania na mity narodowe z obecnością wątku intrygi w społeczeństwie polskim), kwestie te, choć przez niektórych twórców sygnalizowane, nie frapowały tak, jak mogłoby się wydawać.

Wiele wskazuje na to, że jedną z przyczyn takiego stanu rzeczy jest zbyt emocjonalne, „rozmyte” podejście do zagadnienia dymitriad przez Polaków działających na szeroko rozumianej niwie kultury, a co za tym idzie – brak analiz bardziej intelektualnych, historiozoficznych, obleczonej w artystyczną formę. Nie można też nie uwzględnić innego czynnika – obaw twórców polskich, zwłaszcza w XIX wieku, przed reperkusjami ze strony władz rosyjskich w przypadku opublikowania dzieła (dzieł) o burzliwych relacjach polsko-rosyjskich w XVII stuleciu. Charakterystyczna pod tym względem jest m.in. postawa Zygmunta Krasińskiego, autora powieści historycznej *Agaj-Han*, traktującej o barwnych, zawiłych perypetiach życiowych Maryny Mniszchówny, żony Dymitra Samozwańca. Została ona napisana w Genewie i wydana w 1833 roku pod pseudonimem (autor przybrał pseudonim „A.K.”). Ujęcie Krasińskiego wydaje się interesujące, „podbudowane” merytorycznie; pisarz wyzyskał m.in. relacje Juliana Ursyna Niemcewicza, dotyczące panowania Zygmunta III Wazy (zwraca na nie uwagę również Nowicka). Zasięg oddziaływania tej powieści był jednak raczej niewielki, na pewno znacznie mniejszy od chociażby wpisujących się w obręb tej samej tematyki dzieł Fryderyka Schillera czy też Aleksandra Puszkina.

Schiller i Puszkini to twórcy, którzy w przeświadczeniu polskiej badaczki stworzyli najlepsze ujęcia postaci Dymitra Samozwańca (dzieło Schillera jest niedokończone). Dymitr wykreowany przez nich jest człowiekiem świadomym swoich celów i zamiarów, jako pretendent do rosyjskiego tronu ma wyraźną świadomość różnorakich uwikłań, uwarunkowań własnego położenia. Za trafną należy uznać, opartą na analizie Puszkinińskiego dramatu *Borys Godunow*, konstatację E. Nowickiej, iż Dymitr nie postrzega władzy jako sfery związanej z przestrzenią geograficzną i legitymizacją prawną, traktując ją raczej, przynajmniej początkowo, jako „zanurzoną” w historii oralnej – w istocie mało precyzyjnej opowieści, przekazywanej ustnie. Tak też, zdaniem autorki recenzowanej pracy, zostało to ujęte w operze *Borys Godunow*. Autor libretta do tej ostatniej (oraz muzyki), Modest Musorgski, jest bohaterem końcowej części pierwszego rozdziału charakteryzowanej monografii. Omówiono szereg aspektów związanych z powstałą w latach 1868–1872 operą Musorgskiego (jedyną – dodajmy – jego dokończoną operą), m.in. takich jak specyfika scen zbiorowych, znaczenie efektu kontrastu w odniesieniu do poszczególnych scen. Pojawiły się również interesujące informacje na temat wymowy pierwszej, pochodzącej z 1869 roku, wersji sztuki

oraz kolejnej, drugiej, która jako ostateczna miała swoją prapremierę w 1874 roku. W pierwszej wersji dzieła Dymitr jawi się jako postać de facto „ukryta”, o której mówią przede wszystkim inni, zaś w drugiej – działająca, barwna, pozostająca w określonych relacjach z Maryną Mniszchówną.

Z rozważań Nowickiej, poświęconych operze rosyjskiej i nie tylko (są również przykłady włoskie, niemieckie, francuskie), wynika, że była ona dziełem otwartym, w znacznie większym stopniu pozbawionym ram od powstającego równolegle dramatu. W takim duchu status sztuki operowej ujęty został zwłaszcza w drugim rozdziale monografii, traktującym m.in. o *Don Carlosie* Giuseppe Verdiego, *Opowieściach Hoffmanna* Jacquesa Offenbacha, *Dziecku i czarach* Maurice’a Ravela. Oprócz inspirowanych do namysłu analiz powyższych oper, interesujące wydają się także uwagi na temat związków i relacji libretta z literaturą piękną. Libretto w ujęciu autorki nie jest pozbawioną oryginalności, wtórną do swojej literackiej „macierzy” jakością. Nie należy ono do dramatu „klasycznego”, Arystotelesowskiego. Swego rodzaju „librettowość” niektórych obszarów sztuki dramatycznej, głównie romantycznej, można zaś łączyć z operą. Tego rodzaju konstatacje badaczka uznaje za konstytuujące fenomen teatru, zwłaszcza XIX-wiecznego.

Ostatni rozdział rozprawy, poświęcony Cyprianowi Kamilowi Norwidowi i podejmowanym przez niego próbom tłumaczenia zaginionego libretta opery *Marcella* Antoniego Kątskiego, jest wymownym przyczynkiem do biografii twórczej tego romantyka, „odkrytego” dopiero na przełomie XIX i XX wieku, a w badaniach naukowych traktujących o związkach między operą a literaturą w epoce romantyzmu nadal „źle obecnego”. Oryginał tegoż libretta, oparty na francuskim dramacie Bernarda Lopeza, podobnie jak Norwidowskie tłumaczenie, nie zachował się do czasów współczesnych. Pomimo tego mankamentu Nowicka, w swoich eksperymentalnych i zarazem pionierskich dociekaniach, wskazuje na rozbieżności i punkty wspólne między wrażliwością estetyczną i etyczną polskiego wieszczka a ideami zawartymi w dziele Francuza.

*Zapisane w operze* to wymowny przyczynek do badań nad kształtem i specyfiką dzieł operowych, zwłaszcza wielkich, powszechnie znanych i uznanych za współkonstytuujące europejską kulturę i estetykę. Na uwagę zasługują również obecne w pracy odniesienia do wydarzeń historycznych, zwłaszcza tych, które złączyły na początku XVII wieku losy Polaków i Rosjan (dymitriady). Elżbieta Nowicka dała się poznać ponadto jako autorka oryginalnych refleksji na temat związków literatury pięknej z librettem opery oraz odkrywczyni nieznanej karty z dziejów pracy twórczej Cypriana Kamila Norwida. Czytelnicy zainteresowani tymi zagadnieniami znajdą w dziele polskiej badaczki interesującą lekturę.

PIOTR KOPROWSKI

Uniwersytet Gdański

Wydział Historyczny

Instytut Historii

Zakład Historii Myśli i Kultury Politycznej

ul. Wita Stwosza 55, 80–952 Gdańsk, Polska

e-mail: piotrkoprowski12@wp.pl

KRONIKA  
ХРОНИКА  
CHRONICLE



JUBILEUSZE  
ЮБИЛЕИ  
ANNIVERSARIES





*T. Bogdanowicz,*

PROFESOR TADEUSZ BOGDANOWICZ.  
JUBILEUSZ 70-LECIA URODZIN

Szanownego Jubilata Profesora Tadeusza Bogdanowicza, którego siedemdziesięciolecie świętujemy dzisiaj w podniosły sposób, znam od dawien dawna, *испокон веков*, jak by powiedzieli Rosjanie. Miałam przyjemność studiować z Panem Profesorem w tym samym czasie, na tym samym kierunku, w kochanym Gdańsku, znać te same drogi i ścieżki prowadzące do akademików, stołówki i biblioteki, dziekanatu i rektoratu, do sal wykładowych, gdzie mieliśmy możliwość wysłuchać wykładów naszych Nauczycieli: Gabrieli Porębiny, Leszka Moszyńskiego, Ludwika Grochowskiego, Zbyszka Żakiewicza, Jurka Godwoda, Borysa Bugrowa, Larisy Kostiućzuk, Bogusława Krei, Zbigniewa Rynducha, Kazimierza Mężyńskiego, Edmunda Rabowicza, Genowefy Kurpisowej, Bogdana Nesterowicza i wielu, wielu innych nie mniej ważnych i utrwalonych w naszych „papierowych” indeksach. Wspomnieć też warto i to, że mieliśmy częstokroć tych samych kolegów, przyjaciół i znajomych, najczęściej z Wydziału Humanistycznego. Łączą nas wspomnienia o Staszku Ułaszku, Franku Apanowiczu, Maj-



ce Polakowskiej, o Bogusiu Żyłce, Andrzeju Leszczyńskim, o Zosi Burnewicz, o Krysi Podrażce, Tereni Załęskiej i Teresce Szymanik oraz o nieżyjących już, niestety, Jarku Frąckiewicz, Andrzeju Kudliku, Jurku Gurbiszu, Henryku Szabale. I, co najważniejsze, byliśmy z Profesorem Tadeuszem Bogdanowiczem, jak wielu naszych rówieśników, świadkami bądź uczestnikami ważnych przełomowych wydarzeń w życiu kraju i naszym osobistym – w roku 1968 i 1970. Przeto też Szanowny Jubilat jest dla mnie po prostu Tadeuszem, Tadzkiem, Kolegą, Przyjacielem, co pozwala mi wspomnieć jeszcze [...], iż w 1973 roku zmienił stan cywilny, Jego żoną została Krystyna, która do dnia dzisiejszego jest wierną i oddaną towarzyszką życia Profesora, matką ich syna – Rafała.

Niemniej, snując wspomnienia, nie mogę zapominać o tym, że Tadeusz Bogdanowicz jest przede wszystkim Profesorem Gdańskiego Uniwersytetu, ważną postacią w funkcjonowaniu Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej, w działalności Katedry Rosjoznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej, że zajmuje ważne i znaczące miejsce w nauce, w polskim literaturoznawstwie, w badaniach historycznoliterackich i kulturologicznych. Jest autorem szeregu prac o Andrieju Płatonowie, Aleksandrze Małyszkinie, Michaiile Bułhakowie, o współczesnej literaturze rosyjskiej: Aleksandrze Sołżenicynie, Ludmile Pietruszewskiej, Wiktorii Tokariowej.

Swoją drogę naukową zaczął od pracy magisterskiej *Aleksander Grin – jako pisarz marynista*, którą napisał pod opieką naukową prof. dr hab. Gabrieli Porębiny, co zaważyło na Jego całej późniejszej karierze naukowej, zainteresowaniu literaturą rosyjską okresu radzieckiego. Profesor Porębina jako pierwsza zwróciła uwagę na uzdolnienia naukowe Tadeusza Bogdanowicza, na Jego pracowitość i ambicje. W 1972 roku został więc zatrudniony na etacie adiunkta w Zakładzie Literatury Rosyjskiej.

W tym okresie zainteresowania badawcze Jubilata zdominowała problematyka kulturologiczna oraz filozoficzne aspekty procesu historycznoliterackiego XX wieku w Rosji. By zbadać te procesy u źródeł, Profesor podjął decyzję wyjazdu na studia doktoranckie do Moskwy, do MGU, gdzie Jego opiekunem naukowym został prof. dr hab. Aleksy Mietzenko. Uwarunkowania estetyczne ugrupowania literackiego „Na przełęczy”, spuścizna artystyczna i wystąpienia programowe kreatorów estetyki tego ugrupowania: Aleksandra Wrońskiego, Aleksandra Leśniowa, a przede wszystkim Andrieja Płatonowa, określiły przedmiot i zakres refleksji interpretacyjnej rozprawy doktorskiej, której obrona odbyła się w 1979 roku na Wydziale Humanistycznym Uniwersytetu Moskiewskiego. Zasadnicze tezy pracy zostały przedstawione na międzynarodowych konferencjach i opublikowane w pismach krajowych i zagranicznych.

Mimo iż Pan Profesor był bardzo pochłonięty dysertacją, publikacjami, trudnościami życia na obczyźnie, zawsze znalazł czas na pomoc bliźnim. Mogłam przekonać się o tym, gdy znalazłam się w Moskwie, by odbyć kwerendę w jej bibliotekach i zaliczyć staż na Uniwersytecie Moskiewskim. Tadeusz pomógł mi pokonać trudności i problemy w administracji MGU, na Wydziale Filologicznym, słynnej „stieklasce”. Pokazał drogi, a raczej perspektywy, oraz ścieżki prowadzące do stołówek, barów i sklepików, na poszczególne piętra „chrama nauki”, do bibliotek, przede wszystkim do Leninówki, do metra, do księgarni.

Zagadnienia kreacji mitu artystycznego tak charakterystyczne dla wielu pisarzy rosyjskich lat dwudziestych i trzydziestych XX wieku zdominowały dalsze zainteresowania badawcze Profesora. Ujęta w tym kontekście twórczość Płatonowa, pisarza przez

długi czas dyskryminowanego i odsuniętego ze względów politycznych na margines życia literackiego, stała się przedmiotem Jego szerszej refleksji krytycznej. Objęła zarówno złożoną i wielowymiarową strukturę poetycką, jak i specyfikę gatunkową dzieł, a również uwarunkowania komunikacji literackiej oraz obszerny kontekst historycznoliteracki w Rosji. W 1988 roku na podstawie przygotowanej rozprawy *Mit – historia – kultura w twórczości Andrzeja Płatonowa* Jubilat uzyskał stopień doktora habilitowanego w Uniwersytecie Moskiewskim. Zdecydowana większość publikacji naukowych Profesora, które w tym czasie ukazały się w periodykach krajowych i zagranicznych, poświęcona była twórczości Płatonowa, Bułhakowa, Małyszki. Analiza i interpretacja objęła takie figury poetyckie, jak: topika, motywika oraz symbolika mityczna w szerokim kulturowym i filozoficznym aspekcie.

Kolejny krąg zainteresowań badawczych Profesora dotyczył twórczość Aleksandra Małyszki, ujętej w świetle ekspresjonistycznej kreacji artystycznej. Przedmiotem pogłębionej analizy stały się zagadnienia struktury poetyckiej w świecie przedstawionym tekstów pisarza. Swoimi przemyśleniami na ten temat dzielił się na zebraniach naukowych Zakładu Literatury Rosyjskiej, którym kierowała wówczas prof. dr hab. Janina Sałajczykowa.

Osobny rozdział w życiu intelektualnym Profesora uwarunkowany był zainteresowaniem się zagadnieniami przezwyciężenia terroru politycznego w Rosji oraz odbudowy kultury rosyjskiej, której rozwój przerwany został w okresie stalinizmu. W twórczości pisarzy rosyjskich okresu „poodwilżowego” nastąpił zwrot do źródeł kultury, do przestrzeni wartości uniwersalnych. Prof. Bogdanowicz zauważył: „Bez wątpienia są to przestrzenie kulturowe – dom, świątynia, ikona i cmentarz – od zawsze uznawane były za obszary sacrum, czyli miejsca, z których promienieją niezmiennie wartości nadające sens ludzkiemu życiu”. Problematyka antropologiczna najbardziej uwidoczniła się w nurcie prozy wiejskiej, przeto też Profesor szczególnemu oglądowi poddał twórczość Włodzimierza Sołouchina, Wasilija Biełowa, Wiktora Astafiewa oraz niektóre wypowiedzi publicystyczne i literackie Aleksandra Sołżenicyna. Zainteresowania Profesora obracały się wokół pytania stawianego przez tych pisarzy: dzięki jakim wartościom tradycja kulturowa przetrwała? Z pewnością dzięki wartościom najbliższym człowiekowi: miłości do rodziny, przywiązaniu do określonego miejsca na ziemi, potrzebie łączności z transcendencją. Z dawien dawna – zauważał Profesor – wartości te realizowane były w domu oraz w świątyni, to znaczy w miejscach przypominających człowiekowi o jego ostatecznym przeznaczeniu. Podobną funkcję pełniły również nekropolia i ikona – osobliwe obszary łączności między światem żywych i umarłych. Pisarze rosyjscy okresu „poodwilżowego”, eksponując problematykę kultury sakralnej, przedstawiając ją na tle bogatej tradycji narodowej, ukazywali straty moralne narodu, któremu odebrano wiarę i tradycję. Człowiek pozbawiony oparcia w rodzinie, tradycji czy wierze stawał się łatwym łupem ideologicznej indoktrynacji.

Ostatnimi czasy Profesor Tadeusz Bogdanowicz dużo uwagi poświęca najnowszej literaturze rosyjskiej, na wskroś dyskursywnej, metatekstowej i poligatunkowej. Na podstawie twórczości Wiktora Pielewina, Ludmiły Pietruszewskiej, Wiktorii Tokariowej Profesor dowodzi, iż literatura rosyjska również stała się ostentacyjnie autoreferencjalna, podkreślająca swą konstrukcyjną, a nie odtwórczą rolę. Pan Profesor, zmierzając tropem Jeana-François Lyotarda, mówi o wielości językowej i genologicznej

form twórczości, które uzupełniają i rozszerzają semantykę wypowiedzi artystycznej poprzez ciągłą aktualizację dyskursu kulturowego, określonego przez Zygmunta Baumaną „płynną ponowoczesnością”.

Mówiąc o Jubilacie, wspominając Jego drogę naukową i moje z Nim kontakty, nie sposób pominąć osiągnięć dydaktycznych Profesora. Są one bowiem spore i ważne. Prowadził różnego rodzaju zajęcia: ćwiczenia, konwersatoria, wykłady, proseminaria i seminaria na studiach I, II i III stopnia o zróżnicowanej tematyce dla studentów filologii rosyjskiej oraz wykłady z antropologii kultury dla studentów na kierunkach nauk społecznych w szkołach niepublicznych w Gdańsku. Dlatego często opracowywał szereg programów autorskich do różnego rodzaju zajęć dydaktycznych. Profesor Tadeusz Bogdanowicz jest lubianym i docenianym Nauczycielem, przyjacielem młodzieży.

Czcigodny Jubilat sprawdził się również jako organizator i uczestnik życia administracyjnego Instytutu, Wydziału i Uniwersytetu Gdańskiego, jako wicedyrektor ds. Nauki Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej, jako kierownik Zakładu Literatury Rosyjskiej Uniwersytetu Gdańskiego. Miałam okazję niejednokrotnie być podwładną Pana Profesora Bogdanowicza. Okres ten wspominam z dużą sympatią i uznaniem.

*Irena Fijałkowska-Janiak*

Przedruk: I. Fijałkowska-Janiak. *O Jubilacie*. [W:] *Meandry słowiańskiej kultury. Księga jubileuszowa poświęcona Profesorowi Tadeuszowi Bogdanowiczowi*. Red. L. Kalita. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2016, s. 17–20.

IRENA FIJAŁKOWSKA-JANIAK

Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny  
Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich  
Katedra Rosjoznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej  
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska  
e-mail: ir.harb@wp.pl

## BIBLIOGRAFIA WYBRANYCH PRAC NAUKOWYCH PROFESORA TADEUSZA BOGDANOWICZA

### Rozprawy i monografie naukowe

- Tadeusz Bogdanowicz. *Художественные открытия А. Платонова и А. Малышкина в прозе 20–30-х годов. Концепция личности и истории*. Автореферат диссертации доктора филологических наук. Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1988, ss. 28.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Художественные открытия А. Платонова и А. Малышкина в прозе 20–30-х годов. Концепция личности и истории*. Диссертация доктора филологических наук. Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1988, ss. 324.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Mit – historia – kultura w twórczości Andrieja Płatonowa*. Gdańsk: Uniwersytet Gdański – Wydawnictwo, 1992, ss. 141.

### Redakcja naukowa monografii wieloautorских

- Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku*. Red. Elżbieta Biernat i Tadeusz Bogdanowicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1999, ss. 203.
- W kręgu literatury rosyjskiej II*. Red. Tadeusz Bogdanowicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1999, ss. 206.

### Studia i artykuły

- Tadeusz Bogdanowicz. *Struktura kompozycyjno-narracyjna opowieści A. Płatonowa „Dżan” (próba analizy)*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia rosyjska” 1985, nr 14, s. 85–91.
- Tadeusz Bogdanowicz. *O диалектике „нового героя” в творчестве А. Платонова*. „Przegląd Rusycystyczny” 1986, nr 1, s. 33–44.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Dialog kultur w twórczości А. Платонова*. „Przegląd Rusycystyczny” 1986, nr 2, s. 35–40.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Дифференциация мифа в творчестве А. Платонова*. [W:] *Сборник научных трудов Самаркандского университета*. Самарканд: Самаркандский государственный университет им. Алишера Навои, 1987, s. 87–94.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Нравственные искания раннего А. Платонова*, „Филологические науки” 1987, nr 5, Москва, s. 85–91.

- Тадеуш Богданович. *Военные рассказы А. Платонова. Проблемы поэтики*. „Подъем” 1988, ч. 3, s. 112–120.
- Тадеуш Богданович. *Биография – культура – история в творчестве А. Платонова*, „Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка” 1988. Т. 47, № 2, s. 148–158.
- Тадеуш Богданович. *Проблемы философской утопии в творчестве М. Булгакова и А. Платонова*. [W:] *Тезисы научной конференции МГУ*. Москва 1988, s. 63–68.
- Тадеуш Богданович. *О творческой позиции и поэтике А. Платонова 20-х годов. На материале повести «Происхождение мастера»*. „Вестник Московского университета, серия 9, Филология,” 1988, № 2, s. 13–20.
- Тадеуш Богданович. *Система повествования в творчестве А. Платонова*, „Вестник Московского университета” 1989, s. 94–98.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Andrzej Płatonow wobec mitu modernistycznego. Opowieść „Dżan”*. [W:] *Analizy i interpretacje. Skrypt do ćwiczeń ze wstępu do literaturoznawstwa i historii literatury rosyjskiej. Opracowanie zbiorowe*. Red. Janina Sałajczyk. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1989, s. 77–92.
- Тадеуш Богданович. *Ранние произведения Андрея Платонова (К вопросу о формировании теоретических взглядов писателя)*, „Филологические науки” 1989, № 1, s. 75–79.
- Тадеуш К. Богданович. *К вопросу о формировании творческих взглядов А. Платонова*, „Филологические науки” 1989, № 2, s. 75–78.
- Tadeusz Bogdanowicz. *W poszukiwaniu wartości. O prozie A. Płatonowa (opowieść „Dżan”)*. [W:] *Pejzaż od nowa malowany. Szkice o literaturze rosyjskiej XX wieku*. Red. Janina Sałajczykowa. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1994, s. 70–84.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Symbolika chrześcijańska w twórczości W. Rasputina*. [W:] *Świat przedstawiony w dziełach pisarzy Wschodniej Słowiańszczyzny*. Red. Włodzimierz Wilczyński. Zielona Góra: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Tadeusza Kotarbińskiego, 1998, s. 95–97.
- Tadeusz Bogdanowicz. „*Jedność przeciwieństw*”. *Narracja w twórczości Aleksandra Małyszki*. [W:] *W kręgu literatury rosyjskiej I*. Red. Elżbieta Biernat. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996, s. 143–158.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Fantastyka w twórczości M. Bułhakowa*. [W:] *Воронежский сборник научных трудов*. Воронеж 1998, s. 94–101.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Miraż przestrzeni miejskiej w twórczości Andrieja Płatonowa*. [W:] *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku*. Red. Irena Fijałkowska-Janiak. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, s. 157–162.
- Tadeusz Bogdanowicz. „*Archipelag Gułag*” *Aleksandra Sołżenicyna – zagadnienie degradacji świadomości ludzkiej*. [W:] *W kręgu literatury rosyjskiej II*. Red. Tadeusz Bogdanowicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1999, s. 143–158.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Mit Petersburga w twórczości A. Małyszki*. [W:] *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich II*. Red. Telesfor. Poźniak i Anna Skotnicka-Maj. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1999, s. 211–216.

- Tadeusz Bogdanowicz. *Waloryzacja przestrzeni artystycznej w powieści Aleksandra Małyszki „Sewastopol”*. [W:] *Wschód – Zachód. Słowiańsko-germańskie badania literaturoznawcze, językoznawcze i glottodydaktyczne na przelomie milenium*. Red. Marzena Rycielska i Grażyna Lisowska. Słupsk: Pomorska Akademia Pedagogiczna, 2002, s. 11–18.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Kategoria przestrzeni artystycznej w powieści Aleksandra Małyszki „Sewastopol”*. „*Slavica Wratislaviensia*” 2003, t. 122, s.189–194.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Symbolika nekropolii w twórczości pisarzy rosyjskich drugiej połowy XX wieku*. „*Słupskie Prace Filologiczne. Seria Neofilologia*” 2003, nr 2, s. 5–10.
- Tadeusz Bogdanowicz. „*Doktor Żywago*” Borysa Pasternaka – *dramat świadomości artysty*. [W:] *W kręgu literatury rosyjskiej III*. Red. Elżbieta Biernat. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2003, s. 195–205.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Eschatologiczny wymiar nekropolii w twórczości pisarzy rosyjskich drugiej połowy XX wieku*. [W:] *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich V*. Red. Izabella Malej i Zofia Tarajło-Lipowska. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004, s. 209–214.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Obraz ginących pamiątek kultury sakralnej w literaturze rosyjskiej drugiej połowy XX wieku*. [W:] *Wschód – Zachód. Dialog języków i kultur w kontekście globalizacji*. Red. Zoja Nowożenowa i Grażyna Lisowska. Słupsk: Wydawnictwo Pomorskiej Akademii Pedagogicznej, 2004, s. 35–40.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Między sacrum a profanum. Tradycja kultury chrześcijańskiej w twórczości wybranych pisarzy rosyjskich drugiej połowy XX wieku*. [W:] *Wschód – Zachód. Dialog języków i kultur w kontekście globalizacji*. Red. Zoja Nowożenowa i Grażyna Lisowska. Słupsk: Wydawnictwo Pomorskiej Akademii Pedagogicznej, 2004, s. 9–12.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Demaskacja mitów sowieckich w powieści „Szczęśliwa Moskwa” A. Płatonowa*. [W:] *Wschód – Zachód. Dialog języków i kultur*. Red. Zoja Nowożenowa. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej, 2006, s. 9–12.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Meandry czasu i przestrzeni bohaterów A. Płatonowa*. [W:] *Literatury i języki wschodniosłowiańskie z perspektywy początku XXI wieku*. Red. nauk. Andrzej Ksenicz i Bazyl Tichoniuk. Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2007, s. 131–139.
- Tadeusz Bogdanowicz. *W poszukiwaniu wartości. Twórczość pisarzy rosyjskich drugiej połowy XX wieku*. [W:] *Dom – spotkanie przestrzeni prywatnej i publicznej na tle przemian cywilizacyjnych XIX i XX w. Zbiór studiów*. Red. Zbigniew Opacki i Dagmara Płaza-Opacka. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, s. 85–90.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Między sacrum a profanum. Tradycja kultury chrześcijańskiej w literaturze i sztuce rosyjskiej XX wieku*. „*Studia i Badania Naukowe. Pedagogika*” 2011, t. 5, nr 1, Ateneum – Szkoła Wyższa w Gdańsku, s. 173–178.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Odmieńcy, wyobcowani i samotni bohaterowie w twórczości W. Nabokowa*. [W:] *Przestrzeń, ekonomia, społeczeństwo: czasopismo naukowe Sopotkiej Szkoły Wyższej*” 2012, nr 1, s. 82–90.

- Tadeusz Bogdanowicz. *Wędrownka do centrum. Meandry czasu i przestrzeni bohaterów w powieściach V. Nabokova*. „Studia i Badania Naukowe. Pedagogika” 2013, t. 7, nr 1, Ateneum – Szkoła Wyższa w Gdańsku, s. 107–113.
- Tadeusz Bogdanowicz. *Semantyka przestrzeni miejskiej w twórczości Andrieja Płatonowa*. [W:] *Rosja w kryształach. Rozważania, fakty i miraż. Tom poświęcony Profesorowi Franciszkowi Apanowiczowi*. Red. Diana Oboleńska, Urszula Patocka-Sigłowy, Katarzyna Arciszewska i Karolina Rutecka. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, s. 96–107.

### Recenzje publikowane

- Tadeusz Bogdanowicz. Rec.: Э.А. Шубин. *Современный русский рассказ. Вопросы поэтики жанра*. Ленинград: Наука, 1974. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia Rosyjska” 1981, nr 8, s. 185–188.
- Тадеуш Богданович. Rec.: Ю.Э. Голосовкер. *Логика мифа*. Москва: Наука, 1986. „Новое литературное обозрение” 1992, Москва, s. 198–202.
- Тадеуш Богданович. Rec.: К.А. Баршт. *Поэтика прозы Андрея Платонова*. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. „Вестник Московского университета” 2002, № 2, s. 193–195.
- Tadeusz Bogdanowicz. Rec.: I. Hubicka. *Proza Ludmiły Pietruszewskiej lat 1985–1995. Z zagadnień poetyki*. Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2004. „Słupskie Prace Filologiczne. Seria Neofilologia” 2006, nr 3, s. 135–138.

### Przekład

- Peeter Torop. *Zagadnienie intekstu*. Przeł. Tadeusz Bogdanowicz. „Pamiętnik Literacki” 1991, LXXXII, z. 2, s. 236–275.

Opracowały: Liliana Kalita i Katarzyna Wojan

LILIANA KALITA

Uniwersytet Gdański

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich

Katedra Rosjoznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej

Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska

e-majl: liliana.kalita@ug.edu.pl

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański

Wydział Filologiczny

Instytut Skandynawistyki

Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska

e-mail: finkw@univ.gda.pl

IN MEMORIAM





## ŻYCIORYS PROF. DRA HAB. LESZKA MOSZYŃSKIEGO

Profesor dr hab. Leszek Moszyński urodził się 19 lutego 1928 roku w Lublinie, a zmarł w Gdańsku w kwietniu roku 2006. W mieście urodzenia skończył szkołę średnią (1947) i rozpoczął studia w zakresie filologii polskiej i słowiańskiej na Katolickim Uniwersytecie Lubelskim, które potem kontynuował na Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu pod kierunkiem Profesora Władysława Kuraszkiewicza. Pracę magisterską z zakresu filologii słowiańskiej obronił w roku 1951, stopień doktora uzyskał osiem lat później, habilitował się w roku 1962. Tytuł naukowy profesora nadzwyczajnego (kiedyś to był tytuł naukowy, a nie informacja o etacie, na jakim się jest zatrudnionym) uzyskał w roku 1972, sześć lat później zaś – tytuł profesora zwyczajnego. Przyznano Mu tytuł doktora honoris causa Uniwersytetu Łódzkiego oraz członkostwo dwóch zagranicznych akademii nauk (w Lublanie oraz Skopiu). W roku 1992 został wybrany na członka korespondenta Polskiej Akademii Umiejętności.

Wypromował blisko 400 magistrów filologii polskiej, rosyjskiej i słowiańskiej na różnych polskich uczelniach, kilkunastu doktorów, recenzował wiele doktoratów, rozpraw habilitacyjnych. Napisał ponad 20 wniosków o profesorski tytuł naukowy.

Pracę dydaktyczną rozpoczął na Katolicki Uniwersytecie Lubelskim, a kontynuował na Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, potem Uniwersytecie Mikołaja Kopernika w Toruniu, Uniwersytecie Gdańskim oraz Wyższej Szkole Pedagogicznej w Bydgoszczy i Wyższej Szkole Pedagogicznej w Słupsku, pracując również w Instytucie Badań Literackich w Poznaniu (Poznańska Pracownia Leksykograficzna) oraz toruńskiej Pracowni Słownika Polszczyzny XVI wieku. Współpracował naukowo



z komisjami Polskiej Akademii Nauk. Był członkiem Towarzystwa Naukowego w Toruniu i Gdańsku, Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk i Towarzystwa Naukowego KUL w Lublinie, a także Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Pełnił wiele funkcji zarówno organizacyjnych (kierował zakładami oraz instytutami w obrębie filologii polskiej), jak i społecznych.

Profesor Leszek Moszyński pełnił funkcję wiceprezesa gdańskiego Klubu Inteligencji Katolickiej. Przetłumaczył z okazji VI Światowego Dnia Młodzieży na prośbę dominikanina ojca Jana W. Góry *Apel Jasnogórski* na język świętych Cyryla i Metodego. Został też zaproszony do spotkania z Ojcem Świętym Janem Pawłem II w dniu 9 czerwca 1987 roku w auli KUL w Lublinie. W trudnych latach osiemdziesiątych minionego wieku pełnił też kilka funkcji związkowych: był członkiem Tymczasowego Samorządu Pracowniczego UG, przewodniczącym Komisji Oddziałowej Wydziału Humanistycznego, członkiem Komisji Zakładowej NSZZ „Solidarność” UG, w stanie wojennym zaś brał udział w strajku okupacyjnym budynku ówczesnego Wydziału Humanistycznego UG. Uczestniczył w tworzeniu GSA i „Słowa Akademickiego”.

Bibliografię naukowych osiągnięć Profesora (zestawioną przez wnuka, Jana Kałużyńskiego) znajdziemy w wydanych jako księga jubileuszowa w roku 1998 „Tematach” (od pierwszych publikacji z roku 1954 do czerwca 1997). Jej uzupełnieniem jest *Wykaz prac opublikowanych po czerwcu roku 1997 (do roku 2005)* opracowany i opublikowany w X numerze „Sławistyki”, zatytułowanym *Mistrz i Jego Przyjaciele* przez ostatniego wypromowanego przezeń doktora Jarosława Karzarnowicza, później profesora nadzwyczajnego Akademii Pomorskiej w Słupsku. Do opracowania pozostaje ta część publikacji, którą poznaliśmy po roku 2006. Według tychże zestawień Profesor Leszek Moszyński do roku 2005 opublikował 8 książek, jedną edycję źródłową żywotów Konstantyna i Metodego, 250 rozpraw i artykułów, 43 hasła encyklopedyczne, 46 recenzji naukowych, 92 streszczenia, polemiki, biografie, komunikaty i teksty popularyzacyjne i 16 artykułów publicystycznych. Uczestniczył również w niezliczonej liczbie konferencji, sympozjów i spotkań naukowych tak w kraju, jak i za granicą.

Profesor Leszek Moszyński, na co wskazują wspomniane bibliografie, był paleoslawistą, komparatystą w zakresie języków słowiańskich, historykiem języka polskiego, etymologiem oraz dialektologiem. W Jego dorobku znajdują się ponadto prace onomastyczne, studia nad poszczególnymi wydaniem Biblii i starosłowiańską teonią.



Badał terminy religijne i fragmenty Ewangelii funkcjonujące w przekładach słowiańskich. Nie tylko w Europie szeroko znane są Jego prace, w tym szczególnie *Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft* (1992) i *Wstęp do filologii słowiańskiej* (2006). Korekty tej drugiej Profesor dokonywał będąc już bardzo chorym, kończyła ją zaś Żona, dr Danuta Moszyńska. Pełen tekst drugiego wydania, „poprawione i uzupełnione”, wyszedł już po śmierci Autora.

Swój księgozbiór ofiarował Pan Profesor Bibliotece Głównej Uniwersytetu Gdańskiego, a książki odbierali i pakowali ówcześni studenci oraz doktoranci gdańskiej slawistyki.

## Wybrane publikacje

- Geografia niektórych zapożyczeń niemieckich w staropolszczyźnie*. Prace Komisji Filologicznej. T. XV, z. 3. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1954.
- Wyrównania deklinacyjne w związku z mazurzeniem polskim, ruskim, połabskim*. Prace Językoznawcze 21. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1960.
- Język Kodeksu Zografskiego*. Część 1. *Imię nazywające (rzeczownik)*. Monografie Slawistyczne 31. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975. Część 2: *Imię określające i zastępcze (przymiotnik, liczebnik zaimek)*. Monografie Slawistyczne 52. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1990.
- Cytaty ewangelijne w tekście Kodeksu Supraskiego*. [W:] *Проучвания върху Супрасълския сборник, старобългарски паметник от X век*. София 1980, s. 45–50.
- Slavisches Reflexivverbum griechisches Medium in der kirillomethodianischen Evangelienübersetzung*. [W:] *Symposium Methodianum. Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg zum Gedenken an der 1100. Tagestat des heiligen Method*. Neuried: Hieronymus, 1988, s. 633–640.
- Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft*. Köln–Weimar–Wien: Böhlau Verlag, 1992.
- Izbrana vprašanja staropoljske in staroslovenske leksikografije (Jan Mączyński 1564 – Matija Kostelec 1680)*. „Slavistična Revija” 47. Ljubljana 1999, s. 109–121.
- Fragmenty Dziejów Apostolskich macedońskiego Apostoła z Wranesznicy wobec serbskiego Apostoła Maticy serbskiej*. [W:] *Делото на Блаже Конески (Остварувања и перспективи)*. Скопје: МАНУ, 2002, s. 271–297.
- Autorytet Cyryla i Metodego a stała rewizja ich przekładu Ewangelii*. [W:] *Autorytety i normy*. Łódź: Archidiecezjalne Wydawnictwo Łódzkie, 2003, s. 321–333.
- Biblia Szymona Budnego. Charakterystyka przekładu*. [W:] *Biblie staropolskie*. Poznań: Ośrodek Wydawnictw Naukowych Polska Akademia Nauk, 2003, s. 41–48.
- Wstęp do filologii słowiańskiej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. Wydanie 2. poprawione i uzupełnione. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2006.

Krystyna Szcześniak

### KRYSTYNA SZCZEŚNIAK

Uniwersytet Gdański  
Wydział Filologiczny  
Katedra Slawistyki

Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska  
e-mail: kry.szczesniak@gmail.com

## MOJE WSPOMNIENIE O PROFESORZE LESZKU MOSZYŃSKIM

Gdy niedawno<sup>1</sup> wzięłam do ręki swój indeks studencki z Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, wystawiony z datą 1 października 1966 roku, na jego 21 stronie zobaczyłam pierwszy wpis z nazwiskiem Pana Profesora – był to egzamin z języka staro-cerkiewno-słowiańskiego, zdawany 5 lutego 1968 roku. Ponowne wpisy pochodzą już z roku IV i są to zaliczenia wykładu oraz konwersatorium ze współczesnych problemów paleofilologii słowiańskiej (strona 52 tegoż indeksu), także wykładów z gramatyki porównawczej języków słowiańskich i z zagadnień historycznej fonologii słowiańskiej, a ponadto seminarium magisterskiego. Jest to sześć kolejnych wpisów z początku roku 1970, z których pięć powtórzono na stronie 60 tegoż indeksu (obowiązywał wtedy system rozliczeń semestralnych). Na roku V znajdują się trzy kolejne wpisy: dwa dotyczą zaliczenia seminarium magisterskiego, a jeden – wykładu na temat rozwoju pisma u Słowian (odpowiednio na stronach: 64 i 68). Ostatni wpis, w którym pojawia się (obok nazwiska Profesora Waława Cimochońskiego) podpis Pana Profesora Leszka Moszyńskiego, znajduje się na stronie 92 i poświadcza przedstawienie pracy magisterskiej o *Nazwach miejscowych powiatu gołdapskiego związanych z lasem*, a także zawiera ocenę tejże pracy i wynik egzaminu magisterskiego, który odbył się 19 czerwca roku 1971.

Pamiętam ze studiów (a rozpoczynały się one dwa lata przed Marcem '68 i kończyły pół roku po Grudniu '70) spotkania na toruńskiej uczelni z wieloma sławami naukowymi. Mieliśmy to szczęście, że na naszej studenckiej drodze stanęli tacy Profesorowie (niestety, dziś już w zdecydowanej większości nieżyjący), jak pochodzący z Wilna: Waław Cimochoński (znawca języków bałtyckich i albańskiego) i Konrad Górski (mówiący przepiękną polszczyzną, a na wykładzie z pamięci cytujący nie tylko teksty Mickiewiczowe, ale i Krasickiego), a także wielkiej klasy historyk literatury, profesor „trzech lwowskich uniwersytetów” – Artur Hutnikiewicz (zapamiętany przez nas nie tylko z racji „ciekawych” wypowiedzi na temat językoznawców i literaturoznawców). Słuchaliśmy wykładów uczennic wileńskiego klasyka, profesora Stefana Srebrnego: Zofii Abramowiczówny (dopiero na Jej pogrzebie dowiedzieliśmy się, że przez wiele lat ręcznie przepisywała teksty dla szkoły w Laskach) i Pani profesor Marii Józefowicz (która jednakowo traktowała studentów filologii klasycznej i nas, niebo-

<sup>1</sup> Tekst ten jest poszerzoną formą wspomnień o Panu Profesorze Leszku Moszyńskim, które wydukuwała „Gazeta Uniwersytecka” [2006, nr 8 (83), s. 26–27] niedługo po Jego śmierci.

raków, z polonistyki). Chadzaliśmy też na zajęcia prowadzone przez profesora Bronisława Nadolskiego (bardzo obrazowo opowiadającego nam na przykład o aniołkach z epoki baroku) i wykłady z literatur ludowych słowiańskiego pogranicza ówczesnego doktora Mirosława Kasjana oraz ćwiczenia z niezrównanym opiekunem Koła Naukowego Językoznawców doktorem Jerzym Maciejewskim czy z bardzo życzliwą studentom doktor Aleksandrą Krupianką i surową, acz sprawiedliwą, dr Teresą Friedelówną. Między nimi był od zawsze obecny w moim życiu studenckim Pan Profesor. Ówcześni doktorzy i magistry, których nazwiska pojawiły się również we wspomnianym indeksie, są dziś cenionymi pracownikami nie tylko toruńskiej Alma Mater.

Byli to naukowcy wielkiej wiedzy, którzy niejednokrotnie z dużą pobłażliwością patrzyli na nasze raczkowanie w morzu wiedzy polonistycznej. Dostawaliśmy niezłą szkołę dosłownie i w przenośni. Umieli Oni spokojnie (w miarę) patrzeć na nasze dorastanie, umiejętnie prowadzili nas przez meandry nauki. Nigdy jednak – choć byli wśród nich ludzie o różnych poglądach i przekonaniach religijnych – nie wprowadzali nas w niuanse kontaktów między sobą. Pozwalali nam na dojrzałą (czasem przychodzącą dopiero po latach lub po lekturze *Lat toruńskich* czy też *gdańskich*), samodzielnią ocenę. I chyba dlatego, że to byli tak ważni ludzie i tak ważne w historii Polski daty, lata studenckie pamiętamy wszyscy bardzo wyraźnie. Zawsze też przy okazji naszych spotkań (dzięki koleżankom i kolegom, którzy zostali w Toruniu, spotykamy się co kilka lat w grodzie Kopernika) pojawiało się nazwisko Profesora Leszka Moszyńskiego. Gdy zastanawiałam się, dlaczego tak się działo, że niezależnie od naszej specjalizacji wspominaliśmy zawsze to właśnie nazwisko, przychodziły mi na myśl różne odpowiedzi. Może działo się tak dlatego, że prowadził On jeden z egzaminów, o których do dzisiaj studenci opowiadają legendy (sławetny scs), a może dlatego, że specjalizacja językoznawcza miała jeden egzamin więcej – i był to nasz ostatni, wyjątkowo trudny egzamin (gramatyka porównawcza języków słowiańskich).

Sądzę, że jednak stało się tak głównie dlatego, że owe egzaminacyjne i wykładowe spotkania z Panem Profesorem wymagały od nas dużej wiedzy i to niezależnie od wybranej specjalizacji. Byliśmy traktowani poważnie, a to zobowiązywało. Gdy patrzę na to z perspektywy lat, widzę, że Pan Profesor miał zawsze dla nas wiele cierpliwości.

Za zgodą „bohatera” jednego z takich wydarzeń, wtedy studenta IV roku toruńskich studiów polonistycznych (aczkolwiek bez wymieniającego Jego nazwiska), dziś również pracownika naukowego Uniwersytetu Warszawskiego (choć nie polonisty ani językoznawcy), przytoczę jedno wydarzenie, które doskonale obrazuje ową cierpliwość i takt naszego Pana Profesora. Były to pierwsze zajęcia po feriach wiosennych. Grupa seminaryjna (a same zajęcia były związane ze specjalizacją językoznawczą) była tradycyjnie niewielka (wieść gminna głosiła, że na tym seminarium trzeba było się uczciwie napracować...), składała się w przeważającej części z pań i jednego pana (wspomnianego bohatera anegdoty). Zajęcia (również tradycyjnie) rozpoczynały się raniutko, skoro świt i – jak to bywało (i chyba nadal bywa) – po feriach nie wszyscy nawet w akademiku stawili się w komplecie. Koniec końców wydelegowano przedstawiciela grupy na wspomniane zajęcia, zakładając przy tym, że jeśli pojawi się na nich jedna osoba, to zajęcia się nie odbędą. Kolega też był bardzo zmęczony, bo pracował długo w nocy (pomagał Mamie przy czyszczeniu wagonów kolejowych) i do skowronków nie należał, ale poświęcił się dla dobra ogółu... i poszedł. Pan Profesor przyszedł

punktualnie, zerknął do sali (a wszyscy, którzy w tamtych latach studiowali w toruńskim *Majusie*, pamiętają sławetną salę numer V z jej olbrzymimi ławami i groźną katedrą stojącą obok podwójnej tablicy) i zobaczywszy jedną tylko osobę, zapytał: „Sam Pan jest?”. „Tak, Panie Profesorze”, odpowiedział delikwent, licząc na szybkie pójście do domu i już oczyma wyobraźni widział posłanie w akademiku... Pan Profesor rozwiął jednak jego nadzieję, mówiąc: „Zaczekajmy, może ktoś jeszcze dojdzie” i odszedł do swego pokoju. Wrócił parę minut później i nie zobaczywszy nikogo więcej, powiedział: „Widzę, że nikt więcej nie przyjdzie”. Kiedy kolega zaczął już prawie pakować się do domu – dodał: „Zatem zaczynajmy”. Pan Profesor zawsze mówił niezbyt głośno, za oknem szumiały tramwaje i samochody, noc była nieprzespana... Skutek był pewny do przewidzenia... drzemka. Kolega, opowiadając mi to zdarzenie, mówił, że nie pamięta, ile czasu drzemał, ale ocknął się na głos Pana Profesora, wyraźnie i najgłośniejszym, jak tylko mógł, mówiącego kolejne słowa, dotyczące tekstu zapisywanego na tablicy... W takiej atmosferze dotrwali uczeń i Nauczyciel do końca wykładu i nigdy, naprawdę nigdy (mówił tenże kolega), Pan Profesor nie nawiązał do tego zdarzenia, aczkolwiek osoba ucznia była (nie tylko z racji bycia pojedynczym seminarzystą) znakomicie rozpoznawalna...

Z kolei z mojego ostatniego egzaminu pamiętam inne zdarzenie. Gdy wyjątkowo stremowana (ostatni egzamin, w dodatku liczący się do tak zwanej średniej, następował po egzaminie z historii języka polskiego, równie obszernym), wszedłem do sali, w której odbywał się egzamin, Pan Profesor zadał mi pytanie: „Jaki język słowiański najbardziej lubię i cenię?”. Dobrze przygotowana z materiałów dotyczących języka rosyjskiego szybko odpowiedziałam: „Rosyjski”, ale (po chwili milczenia ze strony Egzaminatora) dodałam: „No i polski”. Zadowolona, że będę odpowiadać z tego, co znam najlepiej, usłyszałam. „Dobrze, ma pani rację... każdemu powinien być najbliższy jego język narodowy”. Ścierpłam, ale cóż, uznałam (bo inaczej wszak nie mogło być) rację Pana Profesora. Z tym egzaminem wiąże się też kolejne zabawne zdarzenie. Każdy z nas odpowiadał na trzy pytania. Tak też było i ze mną. Pan Profesor, oprócz przytoczonego wyżej pierwszego pytania, zadał mi drugie (o cechę, której nie ma żaden z żywych słowiańskich języków; tu się ze mną bawił jak kot z myszą, bo jeśli tylko wymieniał jakąś cechę, to okazywało się, że ma ją jakiś maleńki dialekt jakiegoś języka, a kiedy w końcu wymieniał tę właściwą, czyli posiadanie obu samogłosek nosowych, powiedział, że już tracił nadzieję...), a potem trzecie, dla mnie najtrudniejsze (które, muszę przyznać, czasem również zadają swoim studentom na egzaminie): „Jaką ocenę postawiłabym sobie?”. Sam wynik tego egzaminu, wpisany jak zwykle drobnym, charakterystycznym pismem Pana Profesora, był dla mnie bardzo dużym zaskoczeniem.

Kolejne spotkanie z Panem Profesorem, które odbyło się pod koniec V roku studiów, związane było z rozmową o propozycji pracy w Gdańsku na filologii rosyjskiej. A że jednocześnie otrzymałam taką propozycję zatrudnienia w Instytucie Filologii Polskiej Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, skomentował to stwierdzeniem: „Osiołkowi w żłoby dano...”. Jednakże, gdy nic nie wyszło z mego zatrudnienia na UMK (ze względów, które określały wówczas wartość kandydata), a za późno było na rozpoczęcie starań o etat na Uniwersytecie Gdańskim, po roku pracy nauczycielskiej (gros moich zajęć stanowił... język rosyjski) w Technikum Hodowlanym i Rolniczym w Dobrocinie, gdzie odpracowywałam stypendium fundowane, przysłał wypełnione przez

siebie dokumenty, będące moim podaniem o pracę na UG, z zaznaczeniem miejsca, gdzie powinnam zostawić swój podpis...

„Dla zachęty” (po studiach polonistycznych) przydzielił mi w pierwszym roku mojej pracy na UG trzy grupy studenckie, z którymi miałam prowadzić gramatykę historyczną języka rosyjskiego. Była to z kolei realizacja innego powiedzenia Pana Profesora: „Młodym pracownikiem nie należy się zbyt przejmować. Należy go wrzucić na głęboką wodę – jak utonie, to znaczy, że pomoc niewiele by dała (bo widocznie sam delikwent zanadto się nie przyłożył), a jak dopłynie, to i tak tej pomocy nie potrzebuje (a ewentualna pomoc mogłaby tylko przeszkodzić w jego samorozwoju)”. Wiem, że takiej swoistej szkole życia na uczelni poddawane były również moje koleżanki i moi koledzy – mówili bowiem o tym wyraźnie (w dyskusji przeprowadzonej rok przed odejściem Pana Profesora do innego, na pewno lepszego świata), na sympozjum „Mistrz i jego przyjaciele”, zorganizowanym przez pracowników Zakładu Etnolingwistyki z Jego ukochanej katedry z okazji 77. rocznicy urodzin Pana Profesora i 7. rocznicy istnienia Katedry Sławistyki jako samodzielnej jednostki dydaktycznej. Wspomniana dyskusja ukazała się prawie rok po tym majowym spotkaniu w X tomie „Sławistyki”, zawierającym części: *Mistrz* (tu znajduje się *List do Przyjaciół* autorstwa Pana Profesora, ostatni gdański artykuł Pana Profesora i bibliografia Jego prac, będąca kontynuacją z tomów poprzednich „Sławistyki”), *O Mistrzu* (artykuły Jego kolegów dotyczące spotkań z Panem Profesorem w czasie studiów i późniejszej pracy), *Mistrzowi* (teksty dedykowane Panu Profesorowi przez zaproszonych przez Niego kolegów i koleżanki, a także tych pracowników Katedry Sławistyki, niejednokrotnie już uczniów Jego uczniów i uczennic, którzy zechcieli odpowiedzieć na to zaproszenie). Do tomu dołączona została płytka z zapisem głosów w dyskusji panelowej na temat stanu sławistyki w Polsce.

Pan Profesor bardzo czekał na tę książkę, staraliśmy się..., ale niestety, z różnych względów nie udało nam się wydać jej wcześniej. Żałujemy, ale i tak ostatnie słowo należało do Pana Profesora. Na okładce wydawnictwa *Mistrz i jego przyjaciele* znalazła się pewna zagadka dla sławistów, a właściwie trzy zagadki. Dwie nasze, pracowników ówczesnego Zakładu Etnolingwistyki, wymagały odpowiedzi na pytania: „W jakich językach i z jakich wydań pochodzi znajdujący się tam cytat?” oraz „Do czego nawiązuje tytułowy Mistrz z naszego sympozjum?”. Trzecia zagadka została zadana przez Pana Profesora, gdy zobaczył projekt okładki: „Co jest *nie tak* w cytacie zapisanym gładką?” Gdy zapisuję te pytania, widzę ten sam uśmiech Pana Profesora, jaki towarzyszył memu gorączkowemu szukaniu owej jedynej cechy języka polskiego, wyróżniającej go spośród innych języków słowiańskich...

Środowisko gdańskie pożegnało Pana Profesora na Mszy świętej w kościele parafialnym w Baninie o wczesnej godzinie porannej, kiedy to zwykle zaczynają się pierwsze zajęcia na uczelni, a był to dzień, w którym miały odbyć się pierwsze zajęcia po Święcie Wielkiejnocy. Przyszli wszyscy. Studenci, którzy uczestniczyli w Jego ostatnich wykładach, ale także i ci, którzy już mieli pozdawane u Niego egzaminy lub tylko znali Jego nazwisko i niektóre prace, ale jeszcze się z Nim nie spotkali na wykładach. Ci ostatni, gdy prosiłam o podpis na kartce, którą przekazaliśmy Panu Profesorowi na Niedzielę Palmową (przez Jego Wnuka Michała) wraz z książką profesora Bartoszewskiego, którego bardzo cenił, powiedzieli wówczas: „Dla nas to zaszczyt znaleźć się na



tej kartce”. Delegacja Ich wszystkich stanęła przy Sztandarze, który pochylił w momencie zatraskiwania drzwi samochodu odwożącego Pana Profesora do Poznania.

W Baninie pojawili się też koledzy i koleżanki Pana Profesora z czasów pierwszej „Solidarności”, których tak bardzo zaskoczyła ta śmierć. Przybyli absolwenci filologii rosyjskiej (a dziś już samodzielni pracownicy naukowcy i doktorzy, będący niejednokrotnie cenionymi pracownikami innych uczelni) oraz naszej młodej katedry (wśród nich doktoranci FSD). Swą obecnością zaszczyliły to pożegnanie władze Uczelni i Wydziału. Przyszli też pracownicy Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej (którego był współzałożycielem) oraz innych instytutów i katedr naszej uczelni. Stawili się również Jego młodsi (choć nie zawsze już młodsi) współpracownicy z Katedry Sławiastyki, których „ściągnął” do Gdańska z różnych uczelni (Uniwersytetu Jagiellońskiego, Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Uniwersytetu Warszawskiego) lub odkrył na Uniwersytecie Gdańskim.

Towarzyszyliśmy Rodzinie i Bliskim Pana Profesora, a z Nim samym żegnaliśmy się kwiatami, przypominającymi swym kolorem wiosnę, minione Święta Wielkiejnocy i nadzieję na to, że nie wszystko się skończyło. Takie kwiaty bardzo długo jeszcze stały na biurku Pana Profesora w ówczesnym pokoju numer 245, dziś już nieistniejącego Wydziału Filologiczno-Historycznego, gdzie prowadził swoje konsultacje. Na Cmentarzu Junikowskim w Poznaniu, gdzie Profesora Leszka Moszyńskiego żegnała kilka tygodni później nauka polska i zagraniczna, w tym także Jego koledzy, koleżanki i przyjaciele oraz uczniowie, mogła już być tylko nasza delegacja. I w piękne słoneczne popołudnie znów pochylił się sztandar...

Na otwarciu majowej konferencji w Łodzi w roku 2006, gdzie Pan Profesor wraz z Żoną bywał od wielu lat, a która tym razem nosiła jakże znamienny tytuł „Pogranicza”, Pani profesor Maria Kamińska, Jego Promotorka w doktoracie honoris causa Uniwersytetu Łódzkiego, powiedziała wówczas znaczące słowa: „Emanował ciepłem i dobrocią. Jak dobrze, że spotkaliśmy Go na swej drodze [...]”.

W trakcie tych dziesięciu lat od tamtych chwil pożegnania kilkakrotnie odwiedzałam Cmentarz Junikowski, zawsze chyląc głowę przed grobem. Udało nam się ocalić Katedrę Sławiastyki, ukochane dziecko Profesora Moszyńskiego, choć niektórzy zapłacili za to wiele. Miejmy nadzieję, że w nowym budynku Neofilologii znajdzie się miejsce na tablicę Mu dedykowaną i salę noszącą Jego imię. Pierwsze rozmowy z nowymi władzami dziekańskimi pozwalają bowiem mieć taką nadzieję. Na dzień 18 listopada 2016 roku pracownicy Katedry Sławiastyki zaplanowali ponadto jednodniowe sympozjum dedykowane Panu Profesorowi, na którym referaty wygłoszą zaproszeni przez nich goście.

*Krystyna Szczesniak*

#### KRYSTYNA SZCZEŚNIAK

Uniwersytet Gdański

Wydział Filologiczny

Katedra Sławiastyki

Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska

e-mail: kry.szczesniak@gmail.com

KONFERENCJA SLAWISTYCZNA POŚWIĘCONA PAMIĘCI  
PROFESORA LESZKA MOSZYŃSKIEGO  
*BADANIA NAD KULTURĄ SŁOWIAN.  
MIĘDZY SYNCHRONIĄ A DIACHRONIĄ.*  
UNIwersytet Gdański, Wydział Filologiczny,  
Gdańsk 18 listopada 2016 roku

W tym roku minęła dziesiąta rocznica śmierci Profesora dr. hab. Leszka Moszyńskiego (19.02.1928–16.04.2006). W związku z rocznicą na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego odbyła się sesja naukowa „Badania nad kulturą Słowian. Między synchronią a diachronią”, zorganizowana przez pracowników Katedry Sławiastyki przy wydatnej pomocy jej doktorantów. Sesja odbyła się w jednym z przestron-



Fot. 1. Od lewej: kierownik Katedry Sławiastyki prof. UG dr hab. Dušan-Vladislav Paždjerski, prof. dr hab. Krystyna Szcześniak oraz prodziekan ds. kształcenia prof. UG dr hab. Paweł Sitkiewicz



Fot. 2. Od lewej: córka Śp. Profesora dr med. Bogna Kałużyńska, małżonka dr Danuta Moszyńska, prof. dr hab. Emil Tokarz oraz prof. dr hab. Regina Pawłowska

nych audytoriów gmachu Neofilologii. Zgromadzonych gości przybyłych z ośrodków akademickich, z którymi związany był prof. Leszek Moszyński (Lublin, Poznań, Toruń, Bydgoszcz), powitał Prodziekan Wydziału Filologicznego prof. UG dr hab. Paweł Sitkiewicz. Następnie głos zabrał kierownik Katedry Sławistyki prof. UG dr hab. Dušan Vladislav Paždjerski, wyrażając radość z tego, że w ten szczególny sposób gdańskie środowisko sławistyczne może uczcić pamięć swego Mistrza, założyciela Katedry Sławistyki. Ten sam wątek podjęła Pani prof. dr hab. Krystyna Szcześniak, podkreślając, jak ważnym wzorem osobowościowym – zwłaszcza dla młodego pokolenia sławistów – był Profesor. Pani Profesor Krystyna Szcześniak odczytała skierowane do uczestników konferencji ciepłe słowa nadesłane przez osoby, które z różnych względów nie mogły uczestniczyć w obradach, a zachowujące Profesora we wdzięcznej pamięci. Listy przesłali: prof. dr hab. Leszek Bednarczuk, prof. UMK dr hab. Czesław Łapicz, prof. dr hab. Ewa Siatkowska, prof. dr hab. Jan Sokołowski, prof. dr hab. Maria Wojtyła-Świerzowska, prof. dr hab. Hanna Popowska-Taborska. Profesor Szcześniak przypomniała również, że dziesięć lat temu, symbolicznie żółtymi kwiatami (był to okres Wielkiej Nocy) żegnaliśmy prof. Leszka Moszyńskiego podczas mszy św. w Jego kościele parafialnym w Baninie (pochowany został w Poznaniu). Fakt ten przypominał wymowny, okazały bukiet żółtych tulipanów, zdobiący prezydialny stół konferencyjny.



Fot. 3. Od lewej: prof. UŁ dr hab. Rafał Zarębski, prof. dr hab. Feliks Czyżewski oraz prof. UKW dr hab. Mirosława Wronkowska



Fot. 4. Od lewej: prof. dr hab. Emil Tokarz i prof. IS PAN dr hab. Mariola Jakubowicz



Fot. 5. Od lewej: dr Mieczysław Dziekoński (Erfurt, Niemcy), prof. dr hab. Emil Tokarz, prof. IS PAN dr hab. Mariola Jakubowicz



Fot. 6. Prof. dr hab. Bogdan Walczak

Gośćmi honorowymi konferencji byli członkowie Rodziny Pana Profesora: małżonka – Pani dr Danuta Moszyńska, córka – Pani dr Bogna Kałużyńska, a także przedstawiciele najmłodszego pokolenia państwa Moszyńskich – Jan i Michał Kałużyńscy – wnukowie. W takim też ścisłym gronie Rodziny Pana Profesora, Jego uczniów oraz uczestników konferencji zgromadziliśmy się na uroczystej mszy św. w intencji śp. Leszka Moszyńskiego, która została odprawiona w kaplicy Centrum Ekumenicznego Sióstr Brygidek w Gdańsku Oliwie tuż przed rozpoczęciem obrad.

Część referatową rozpoczął prof. dr hab. Feliks Czyżewski tematem *Pogranicze kulturowe w świetle inskrypcji nagrobnych wschodniej Lubelszczyzny*, prezentując jeden z językowych aspektów szeroko zakrojonych interdyscyplinarnych badań lubelskich nekropolii. Są one bliskie sercu Rodziny Moszyńskich, gdyż na nich znaleźli wieczny spoczynek liczni przodkowie Profesora. Do problemu wielokulturowości jako wartości, o którym mówił prof. Czyżewski, nawiązała prof. dr hab. Regina Pawłowska poprzez podzielenie się własnym doświadczeniem wychowania w wieloetnicznej rodzinie. Z problematyką z zakresu cyrylometodianistyki – tak bowiem prof. Moszyński nazywał główny nurt swoich badań – korespondowały dwa kolejne wystąpienia: *Przemiany w leksyce synaksarionów – słownictwo w odpisach z XVI–XVII wieku wobec słownictwa w atoskim, najstarszym słowiańskim przekładzie XIV wieku* prof. UKW dr hab. Mirosławy Wronkowskiej-Dimitrowej oraz *Z zagadnień nazewnictwa geograficznego w staropolskich przekładach Biblii* prof. UŁ dr hab. Rafała Zarębskiego.

Po ożywionej dyskusji wokół referatów oraz przerwie kawowej wystąpiła prof. IS PAN dr hab. Mariola Jakubowicz, mówiąc *O znaczeniu badań Leszka Moszyńskiego dla rekonstrukcji języka prasłowiańskiego* oraz podkreślając unikatowe znaczenie w literaturze sławistycznej *Wstępu do filologii słowiańskiej* autorstwa prof. Moszyńskiego (na tym dziele uformowało się wielu adeptów sławistyki). W klimat zainteresowań Profesora Słowiańszczyzną Południową wprowadził słuchaczy wspólny tekst *Leszka Moszyńskiego fascynacje południem Słowiańszczyzny. Triesteńscy Chorwaci* prof. dr hab. Emila Tokarza oraz dr. Mieczysława Dziekońskiego. Przypomniano, iż za szczególnie wkład w rozwój badań Słowiańszczyzny Południowej uhonorowano Profesora tytułem doktora honoris causa Macedońskiej Akademii Nauk oraz to, iż Profesor Moszyński był członkiem Słoweńskiej i Macedońskiej Akademii Nauk.

Część referatową zakończył prof. dr hab. Bogdan Walczak pięknym wspomnieniem *Leszek Moszyński jako uczeń Władysława Kuraszkiewicza*, otwierając jednocześnie przestrzeń dla osobistych wspomnień o Profesorze. Ta ostatnia część sesji była niezwykle emocjonalna i wzruszająca. O swoich kontaktach z Profesorem opowiadali Jego uczniowie, byli studenci, współpracownicy, przyjaciele. Wiele uwagi w trakcie dyskusji poświęcono kondycji przedmiotów paleosławistycznych na polskich uczelniach, w tym języka staro-cerkiewno-słowiańskiego.

Swoimi wzruszającymi wspomnieniami zechciały podzielić się z uczestnikami spotkania Małżonka Profesora oraz Córka, wzbogacając Jego portret jako człowieka niezwykle oddanego swojej rodzinie, zaangażowanego w wychowanie dzieci i wnucząt.

Sesja miała niezwykle charakter dzięki obecności na niej przedstawicielei wszystkich gdańskich jednostek sławistycznych: polonistów, kaszubistów, rusycystów, kroatystów, serbistów, przedstawicielek dawnej gdańskiej Pracowni Języka Cerkiewno-

wiańskiego PAN, udowadniając tym samym, iż poczucie wspólnoty słowiańskiej nie jest sprawą wyłącznie historyczną.

Wszystkim uczestnikom sesji za obecność oraz niezwykle starannie przygotowane teksty referatów serdecznie dziękujemy!

W imieniu Komitetu Organizacyjnego

*Anita Gostomska, Dorota Żyłko*

ANITA GOSTOMSKA\*

DOROTA ŻYŁKO\*\*

Uniwersytet Gdański

Wydział Filologiczny

Katedra Sławistyki

Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska

\*e-mail: [filag@ug.edu.pl](mailto:filag@ug.edu.pl)

\*\*e-mail: [dozyl@wp.pl](mailto:dozyl@wp.pl)

SPRAWOZDANIA  
ОТЧЁТЫ  
REPORTS





# ОТЧЕТ О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

## Речь. Человек. Мир: Речевое воздействие

### в разных дискурсах

Гданьский университет, Гданьск, 19–20 мая 2016 г.



19–20 мая 2016 года в здании факультета общественных наук Гданьского университета прошла I Международная научная конференция из цикла «Речь. Человек. Мир», во время которой предметом обсуждения стало «речевое воздействие в разных дискурсах». Организатором мероприятия выступила Кафедра прагматики коммуникации и лингводидактики Института восточнославянской филологии Гданьского университета. В организационный комитет вошли: проф. ГУ д-р филол. наук Жанна Сладкевич (председатель), канд. филол. наук Александра Климкевич, канд. филол. наук Катажина Вондоловска-Леснер. Почетный патронат над конференцией осуществлял мэр города Гданьска Павел Адамович.

Речевое воздействие присутствует в коммуникативном поведении во всех областях и на всех этапах человеческой жизни. Ребенок плачем убеждает взрослых, чтобы о нем позаботились, родители прививают ребенку систему ценностей и принятых моделей поведения, школа укрепляет или модифицирует убеждения, вынесенные из дома, средства массовой информации показывают примеры «правильного поведения» в частной и общественной сфере, намекая, что стоит покупать, что стоит читать, кого стоит любить, а по отношению к кому следует проявлять осторожность. Необходимость исследования механизмов речевого воздействия в публичном дискурсе обусловлена сложившейся актуальной социокультурной ситуацией, представляющей благоприятную почву для модуляции идеологических ориентиров широкой аудитории посредством убедительного слова — через масс-медиа, маркетинговые технологии или современный дидактический инструментарий.

Ведущей целью конференции было создание платформы для обмена наблюдениями между учеными, исследования которых (из области языкознания, эристики, психо- и социолингвистики, общественной психологии, социологии, юриспруденции, маркетинга и других дисциплин) способствуют углублению знаний о способах речевого воздействия в различных типах дискурса: полити-

ческом, медийном, религиозном или дидактическом, как в пространстве национальной, так и межкультурной коммуникации.

В этой связи спектр тематических направлений работы конференции был широк и охватывал следующие аспекты: аргументация и манипуляция в частной и публичной коммуникации; сущность суггестивного высказывания, типология и иерархия персуазивных жанров; дифференциация отдельных воздействующих техник и явлений, выходящих за пределы персуазии: убеждение, внушение, агитация, манипуляция, пропаганда, ложь, принуждение, индоктринация; тактико-стратегическое планирование высказывания, взаимодействие адресанта и адресата в процессе коммуникации; специфика речевого воздействия в специализированных дискурсах.

Торжественная церемония открытия Международной научной конференции «Речь. Человек. Мир: Речевое воздействие в разных дискурсах» состоялась 19 мая 2016 года в актовом зале факультета общественных наук, где собрались участники, гости конференции и студенты. Встречу открыл декан филологического факультета, профессор Гданьского университета д-р филол. наук Анджей Цейнова, поприветствовавший организаторов и гостей конференции. В своем выступлении декан обратил внимание на актуальность и обоснованность научных исследований в области речевого воздействия, подчеркнул важность историко-культурного контекста суггестивных речей и важность понимания широкими массами процессов языковой манипуляции. С приветственным словом к гостям конференции обратилась директор Института восточнославянской филологии канд. филол. наук Катажина Арцишевска, подчеркнув своевременность проведения научной встречи такого широкого тематического диапазона. Профессор Гданьского университета д-р филол. наук Жанна Сладкевич, заведующая кафедрой прагматики коммуникации и лингводидактики, на правах организатора поприветствовала гостей, определила основные направления работы конференции и объявила открытие пленарной части мероприятия.

На пленарном заседании выступили с приветствиями и докладами представители крупных академических центров Польши и России. Выступления в этой секции открыла профессор д-р филол. наук Дорота Дзевановска из Краковского Педагогического университета им. Комиссии народного образования с докладом на тему *Как защититься от манипулятивного воздействия и расположить к себе людей?*, в котором рассмотрела базовые техники воздействия и представила свой взгляд на вопрос об эффективных методах защиты от манипуляции. В своем выступлении профессор охарактеризовала некоторые приемы сопротивления оказываемому речевому и психологическому воздействию (напористость, инстинкт торможения агрессии и эмпатия, самооценка, внешнее согласие, вежливость и т.д.).

В выступлении под заглавием *Персуазивность новостных сервисов интернета* профессор д-р филол. наук Александр Киклевич из Варминско-Мазурского университета в Ольштыне проанализировал специфику речевого воздействия в информационных интернет-сервисах, делающего их мощным инструментом идеологического программирования: сегментация, профилирование информации, ее контрфактивность и т.п. Докладчик продемонстрировал действие ме-

ханизма формирования отношения к факту на основе трехурвневой модели переработки информации в СМИ: 1) уровень экстенциональной (референциальной, фактивной) информации; 2) уровень интенциональной (интерпретативной, в т.ч. аксиологической) информации и 3) уровень прагматической информации.

Профессор д-р полит. наук Михаил Ильин из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве в докладе *Создание новых государств: убедительность перформативных высказываний и эффективность перформативных актов* представил результаты исследований на тему соотношения перформативных высказываний и совершаемых политических актов. Действенность политики выражается в способности фактического самоосуществления того, что предписывается и утверждается в декларациях, приказах, резолюциях. Это перформативы, которые начинают самоосуществляться с момента их провозглашения. Важным аспектом при этом, как отметил профессор, является масштаб события: единичный акт коммуникации перерастает в политическое действие, имеющее статус исторического события.

Выступление декана филологического факультета Гданьского университета по делам студентов канд. филол. наук Уршулы Патоцкой-Сигловы под заглавием *«Горячая линия» Владимира Путина — президент в огне вопросов граждан* было посвящено вопросам манипуляции в специфическом для российской политической коммуникации жанре телеконференции, позволяющем главе государства представить себя в том образе, в котором его хотят видеть жители страны: хорошего хозяина, советника, отца народа, эксперта. По мнению докладчика, избранная форма общения с народом способствует абсолютизации роли президента России в мировой политике, героизации его личности, укреплению имиджа и росту его популярности.

После завершения пленарной части работа конференции продолжилась в нескольких тематических секциях, посвященных специфике речевого воздействия в определенных дискурсах: «Медийный дискурс», «Политический дискурс», «Специализированный дискурс».

В секции, посвященной медийному дискурсу (дискурсу СМИ), результаты своих исследований представили докладчики из Вильнюсского университета: проф. Данута Балшайтите *В эфире «Русское радио Балтия»: особенности текстов новостного блока*, канд. филол. наук Виктория Макарова *Особенности аргументации в современном российском медиадискурсе (на материале текстов о новых и потенциальных членах Евросоюза)* и канд. филол. наук Анастасия Беловодская *«Путин» как медиамем: к вопросу о механизмах конструирования медиаобразов*. Репрезентантами Краковского педагогического университета им. Комиссии народного образования в этой секции были: проф. д-р филол. наук Леслава Кореновска с рефератом *Языковая игра как средство персуазии (на примере фильма «Бесславные ублюдки» К. Тарантино)* и канд. филол. наук Мирослав Вархолек, предметом выступления которого была персуазивность в масс-медиа (на примере публицистических текстов о русско-чеченской войне). Проф. ГУ д-р филол. наук Жанна Сладкевич выступила с докладом на тему *ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ: к вопросу о концепте и контексте*, в котором рассмотрела вопрос соз-

дания новых концептов в современном публичном дискурсе на примере выражения «вежливые люди», появившегося как интернет-мем и разросшегося до размеров концепта. Проф. Татьяна Кузнецова из Национального Университета «Одесская юридическая академия» определила специфику «языка вражды» в современном информационном пространстве на примере украинской прессы. Варшавский университет был представлен двумя докладчиками: канд. филол. наук Иоанной Василюк, предметом выступления которой была полемическая статья и комментарий, а также инструментарий средств речевого воздействия, используемых в газетной полемике; магистром Ежи Бяломызым, который осветил проблему введения имплицитных смыслов в речах польских политиков посредством числовых операторов. Канд. филол. наук Кристина Ратайчик из Лодзинского университета представила явление контаминации в русском и польском газетном заголовке как инструмент манипуляции.

Совещание в секции «Политический дискурс» открыло выступление проф. Якова Садовского из Папского университета Иоанна Павла Второго в Кракове, посвященное знакам официального дискурса в кинематографии перестройки. Канд. филол. наук Петр Зэмшал из Университета Николая Коперника в Торуня, оставаясь в рамках советского идеологического субдискурса о культуре, представил отношения «власть – художник» в текстах более раннего периода (1953–1957 гг.). Канд. филол. наук Йоланта Юзьвяк из Университета Казимира Великого в Быдгоще проанализировала реализацию культурного кода «звездные войны» в маркетинговой коммуникации и политическом дискурсе. Силезский университет в Катовицах представили: канд. филол. наук Эва Капела с докладом *Воздействующий потенциал стратегии самооценки в политическом интервью* и канд. филол. наук Изабела Новак, которая рассмотрела реализацию персуазивной функции в публичных выступлениях политиков (на материале текстов новогоднего поздравления президентов Российской Федерации и Республики Польша). Магистр Марта Ноинска из Гданьского университета охарактеризовала роль невербальных элементов в жанре новогоднего поздравления главы государства на материале польских, российских и немецких выступлений.

В секции «Специализированный дискурс» результаты своих исследований представила профессор Силезского университета д-р филол. наук Йоланта Любоха-Кругик в докладе, посвященном коммуникативным стратегиям в юридическом дискурсе. Профессор д-р филол. наук Станислав Пуппель из Университета им. Адама Мицкевича в Познани осветил проблему культурного кода наследия в ракурсе эколоингвистики. Предметом выступления д-р филол. наук Зои Новоженовой, профессора Гданьского университета, были языковые стратегии и тактики в эзотерическом дискурсе. Гданьский университет в этой секции был представлен широко. В докладах канд. филол. наук Магдалены Белени-Граевской, канд. филол. наук Эльжбеты Петрась, магистров Адама Конопки и Беаты Рамщиковской были рассмотрены вопросы специфики речевого воздействия в экономическом, законодательном, проповедническом дискурсе и деятельности пресс-служб. Магистр Люцина Костельняк из Вроцлавского университета проанализировала использование этических понятий в польском языке жестов,

в то время как магистр Анна Гоц из Ягеллонского университета рассмотрела приемы речевого воздействия в текстах, посвященных экзорцистам.

20 мая, во второй день конференции, заседания проходили в двух секциях: «Литературный дискурс» и «Языковой, научный и культуроведческий дискурс».

В секции «Литературный дискурс» канд. филол. наук Ирина Дуркалевич из Государственной высшей профессиональной школы им. С. Пигоня в Кросно выступила с рефератом на тему *Духовность личности через призму маленьких нарративов*; канд. филол. наук Елена Гудзенко из Киевского университета им. Тараса Шевченко в докладе *Критика или прокурорский допрос?* представила драму украинского писателя Николая Кулиша, его протест против предпринимаемых советской властью попыток идеологизации украинской литературы.

Работа секции «Языковой, научный и культуроведческий дискурс» открылась докладом профессора Силезского университета д-р филол. наук Оксаны Малысы на тему *Персуазивная функция комиссивных жанров*. Канд. филол. наук Адам Яскульски из Университета им. Н. Коперника в Торуня прочел реферат, посвященный определению понятия «языковая манипуляция» и проблемам с ее идентификацией. Когнитивный аспект социальной персуазии в качестве предмета своего выступления выбрал канд. филол. наук Ежи Свентэк из Ягеллонского университета. Канд. филол. наук Иоанна Мампе из Гданьского университета и канд. филол. наук Лада Овчинникова из Военно-морской академии в Калининграде представили совместный реферат о речевых средствах формирования патриотизма у обучающихся. Работа секции завершилась выступлением канд. филол. наук Александры Климкевич из Гданьского университета, посвященным результатам исследования на тему языковой манипуляции в академической дидактике.

Заочное участие в конференции приняли: проф. Тетяна Космеда, д-р филол. наук Анджей Нарлох и канд. филол. наук Лукаш Малэчки из Университета им. Адама Мицкевича в Познани, проф. Валентина Маслова и канд. филол. наук Антон Лавицкий из Витебского государственного университета им. Петра Машерова, проф. Клара Штайн и проф. Денис Петренко из Северо-Кавказского федерального университета в Ставрополе, проф. Елена Маринова из Государственного университета им. Николая Лобачевского в Нижнем Новгороде, канд. филол. наук Ассель Шетиева из Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова, канд. филол. наук Эва Бялэк из Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине, канд. филол. наук Камилла Милковска-Самуль из Высшей школы общественной психологии в Варшаве, канд. филол. наук Елена Косарева из Петербургского государственного университета, канд. филол. наук Наталья Кутуза из Одесского национального университета им. И. Мечникова и канд. филол. наук Ирина Самойлова из Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

В работе конференции приняли участие польские и зарубежные лингвисты, литературоведы, психологи, социологи и специалисты других научных направлений. Польшу представляли ученые из таких академических центров, как Варшавский университет, Ягеллонский университет, Папский университет

Иоанна Павла Второго, Педагогический университет им. Комиссии народного образования в Кракове, Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, Университет им. А. Мицкевича в Познани, Университет Николая Коперника в Торуне, Силезский университет в Катовицах, Вроцлавский университет, Лодзинский университет. Среди иностранных гостей следует назвать ученых из России (Москва, Ставрополь, Санкт-Петербург), Казахстана (Актюбинск), Украины (Одесса, Киев), Беларуси (Гродно, Витебск), Литвы (Вильнюс).

Итогом работы научной конференции стала декларация участников о дальнейшем систематическом проведении исследований в области манипуляции и других форм речевого воздействия в различных дискурсах. Участники двухдневного симпозиума имели возможность обсуждать актуальные исследовательские проблемы не только в ходе заседаний, но и во время банкета, а также культуроведческой экскурсии по старинной части города Гданьска. Материальным результатом интенсивной работы участников конференции станет двухтомная рецензируемая коллективная монография под заглавием *Речевое воздействие в разных дискурсах*, издание которой запланировано на 2017 год. Следующая конференция из цикла состоится в мае 2018 года. Сердечно приглашаем к участию!

ЖАННА СЛАДКЕВИЧ

Гданьский университет  
Филологический факультет  
Институт русистики и востоковедения  
Кафедра прагматики коммуникации и лингводидактики  
ул. Вита Ствоша 51, 80-308 Гданьск, Польша  
e-mail: filzs@ug.edu.pl

Снимки (автор: канд. филол. наук Александра Климкевич)



На фото слева направо: декан филологического факультета д-р филол. наук Анджей Цейнова; директор Института восточнославянской филологии канд. филол. наук Катажина Арцишевска; заведующая кафедрой прагматики коммуникации и лингводидактики д-р филол. наук Жанна Сладкевич.



Профессор Краковского педагогического университета им. Комиссии народного образования д-р филол. наук Дорота Дзевановска.





Профессор д-р полит. наук Михаил Ильин из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве.



На фото слева направо: декан филологического факультета Гданьского университета по делам студентов канд. филол. наук Уршула Патоцка-Сигловы; профессор Гданьского университета д-р филол. наук Катажина Воян; профессор д-р филол. наук Александр Киклевич из Варминско-Мазурского университета в Ольштыне; профессор Гданьского университета д-р филол. наук Зоя Новоженова.

## **SPRAWOZDANIE Z MIĘDZYNARODOWEJ KONFERENCJI NAUKOWEJ**

***Potrzeby współczesnej dydaktyki akademickiej i dydaktyki przekładu,***  
**Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny,**  
**Gdańsk 22–23 września 2016**

W dniach 22–23 września 2016 roku na Uniwersytecie Gdańskim odbyła się Międzynarodowa Konferencja Naukowa „Potrzeby współczesnej dydaktyki akademickiej i dydaktyki przekładu”. Organizatorami konferencji były Katedra Lingwistyki Stosowanej i Translatoryki UG, Pracownia Badań Nad Akwizycją i Nauczaniem Języków Obcych UG, Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka UG, Katedra Językoznawstwa Wschodniosłowiańskiego i Translatoryki UG oraz Katedra Filologii Germańskiej UMK w Toruniu.

Uroczystość zainaugurował dr hab. prof. UG Maciej Michalski, Dziekan Wydziału Filologicznego, a gości powitała dr hab. prof. UG Diana Oboleńska, Dyrektor Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej. Otwarcie konferencji uświetnione zostało wykładami plenarnymi wygłoszonymi przez dra hab. prof. UMK Lecha Zielińskiego (*Problemy współczesnej akademickiej dydaktyki przekładu w Polsce. Próba diagnozy i wyznaczenia potencjalnych kierunków zmian*), prof. dra hab. Józefa Grabarka i dr hab. prof. UG Hannę Biaduń-Grabarek (*Pułapki językowe w procesie kształcenia tłumaczy*) oraz dr hab. prof. UG Alicję Pstygę (*Intertekstualność w przekazie medialnym jako problem dydaktyki przekładu*).

Celem konferencji była wymiana doświadczeń naukowych badaczy z polskich oraz zagranicznych ośrodków naukowych. Dyskusja dotyczyła różnych obszarów badań, między innymi pracy ze studentem o indywidualnych potrzebach i oczekiwaniach edukacyjnych, problemów dydaktyki akademickiej w kontekście zmian społecznych, edukacyjnych i cywilizacyjnych, aspektów ekolingwistycznych i ekodydaktycznych w dydaktyce akademickiej, dydaktyki spersonalizowanej, dydaktyki przekładu, korekty i ewaluacji przekładu, dydaktyki tłumaczeń symultanicznych, intersemiotycznych, intralingwalnych czy interkulturowych oraz przekładu w nauczaniu drugiego i trzeciego języka obcego.

Wygłoszono 48 referatów w czterech językach: polskim, rosyjskim, niemieckim i angielskim.

W konferencji wzięli udział polscy naukowcy z Uniwersytetu Gdańskiego, Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, Uniwersytetu Jagiellońskiego, Uniwersytetu Pedagogicznego w Krakowie, Uniwersytetu Śląskiego, Uniwersytetu Warszawskiego, Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Uniwersytetu w Białymstoku, Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej w Suwałkach, Uniwersytetu Łódzkiego, Wyższej Szkoły Zawodowej w Płocku, Politechniki Koszalińskiej, Collegium Medicum Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, Uniwersytetu Wrocławskiego, Uniwersy-

tetu Technologiczno-Humanistycznego w Radomiu, a także uczeni z Rosji, Białorusi, Turcji i Austrii.

JOANNA MAMPE

Uniwersytet Gdański

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich

Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka

Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska

e-mail: zanna.m@wp.pl

## ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НА ТЕМУ:

*Диалог культур и обществ*, Щецинский университет, Щецин,  
4 июня 2016 г.

4 июня 2016 г. в Щецинском университете состоялась международная интердисциплинарная научная конференция на тему: *Диалог культур и обществ*, организованная Институтом истории и международных отношений Щецинского университета, Главной библиотекой Щецинского университета, Кемеровским государственным университетом (Российская Федерация) и Институтом славистики им. Эрнста Морица Арндта в Грайфсвальде (Германия).

Участников семинара приветствовала канд. фил. наук Йоланта Митурска-Бояновска, отметившая важную роль взаимных культурных связей между представителями разных стран и обществ.

Заседание открыл проф. Харри Вальтер с докладом «Слово о слове года (лингвистические размышления)», в котором проанализировал функционирование отдельных лексем в современных немецких и российских средствах массовой информации, учитывая фактическую политическую ситуацию в Германии и России. В своём выступлении Докладчик анализировал прежде всего слово года *Flüchtlinge* (*беженцы*), которое наиболее точно описывает события, доминирующие в немецком обществе в 2015 году, обратил внимание на „конкурентов” слова *Flüchtling* в рейтинге лексикона 2015 года, а также на антислова 2015 г., такие как *Gutmensch* (ирон.), (досл. *добрый человек*) и композит (пренебр.) *Russland-Versteher* (букв. понимающий Россию), (*Крымнаш, крымнашовец*). Докладчик отметил, что тенденции образования «Слов года» в русском и немецком языках довольно близки, хотя и не тождественны. Главное, что их отличает от слов других лет – это необычность и налёт новизны.

Доклад проф. Валерия Михайловича Мокиенко «Миролюбие в диалоге культур: муха, курица или муравей?» был посвящён концепту «Миролюбие», который в русской фразеологии, как показал приведенный анализ, представлен несколькими типами образов. С одной стороны, это образ тихой, но потенциально непредсказуемой водной стихии и низко стелющейся травы (*тише воды, ниже травы*) или человека, который такую воду не способен замутивить. С другой – это образ человека, который не способен обидеть даже насекомое (*мухи (комара) не обидит*) либо домашнюю птицу (*курицы не обидит*). Мерилом абсолютного миролюбия и кротости остаётся *божья коровка*. Каждое из этих выражений характеризует различные оттенки миролюбивости, смирённости и толерантности. Анализ проведён на материале русского, польского и других европейских языков.

В выступлении канд. гум. наук Ольги Макаровской «Проект экспериментального концептуария мемориативов (на материале котоматричных текстов)» был затронут ряд проблем относительно создания словаря нового типа (концептуария) на базе надписей, размещенных на котоматрицах. В качестве единиц описания были выделены зафиксированные в текстах котоматриц культурные источники. К ним автор отнесла (не)вербальные факты экстеромира, закрепившиеся в памяти человека и при необходимости употребляемые в устных и письменных текстах. Во избежание терминологической путаницы в качестве названия этих культурных источников О. Макаровской было предложено использовать слово *мемориативы*. Автор также представила характеристику котоматрицы как одного из видов интернет-мема.

Канд. фил. наук Пётр Клафковски в своём выступлении «Есть ли у человечества ещё шанс? Константин Циолковский, Николай Рерих и Даниил Андреев» проанализировал три первоначальные концепции человеческого развития, выдвинутые избранными российскими мыслителями: Константином Циолковским, Николаем Рерихом и Даниилом Андреевым, ссылаясь на их эффектные, мистические произведения.

С докладом о «Памятниках в польской, русской и украинской исторической политике» выступил проф. Анджей Фуриер, обсуждая вопрос присутствия в публичном пространстве Польши и Украины советских памятников, а также украинских памятников в Польше, построенных для реализации интересов политических властей. Выступление проф. А. Фуриера представляет собой польский подход к этому вопросу и одновременно является приглашением к дискуссии для российских и украинских исследователей.

Проблему советских памятников в Польше представил также в своём выступлении «Памятники отброшенной дружбы – люстрация памяти в Польше и русская реакция» канд. фил. наук Марек Червиньски. Автор обратил внимание на историко-политико-культурный фон воздвижения памятников, приводя во внимание государственные и международные документы, напомнил, как строились специфические международные отношения (польско-советские / российские, польско-украинские, польско-кыргызские и др.), а также привёл ряд примеров сноса памятников польскими местными властями после 1989 года.

Проф. Ольга Викторовна Фельде в выступлении «Устные мемораты о ссыльных в сибирской лингвокультуре XXI века» проанализировала воспоминания коренных сибиряков о ссыльных сталинской эпохи с точки зрения коммуникативной диалектологии. Эмпирическим материалом исследования являлись записи устных рассказов коренных сибиряков о ссыльных, сделанные автором в районах Северного Приангарья в 2012–2016 гг., а также иллюстрации словарных статей из словаря Г.В. Афанасьевой-Медведевой (2008–2014). Исследованию подвергались тексты, записанные от коренных сибиряков, т.е. рожденных в Сибири потомков первых русскоязычных засельщиков сибирских земель (XVII–XVIII вв.) и потомков переселенцев из западных и центральных губерний Российской Империи XIX в., которых объединило „двойное этническое со-

знание”: сознание принадлежности к русскому этносу и сибирскому субэтносу одновременно.

В докладе на тему «Популяционная генетика и прародина индоевропейцев» мгр Марта Ноиньска осветила вопрос происхождения европейцев и их языков, который на протяжении многих лет беспокоит не только лингвистов, но и археологов и генетиков. Выступление было посвящено современным генетическим исследованиям, которые могут помочь восстановить пути миграции европейцев в доисторические времена. Автор представила реконструкцию Kalevi Wiik о ранних миграциях европейских мужчин на основе анализа Y-ДНК, обратила внимание на различные гипотезы относительно индоевропейской прародины в отношении лингвистических и археологических теорий, а также недавние открытия генетиков.

Проф. Катажина Войя в докладе на тему «Многоязычная Финляндия. Национальные меньшинства и их языки в современной Финляндии» рассматривала сложности современной демографической и социолингвистической ситуации в Финляндии. В докладе обсуждалось положение следующих языковых меньшинств: шведоязычных финнов (финских шведов), саамов, рома (скандинавских каале), евреев, татар, карелов, так называемые старых русских (фин. *vanhavanäläiset*), эстонцев, евреев, карелов, а также глухих сообществ.

Канд. фил. наук Агата Любовица в выступлении «Современные датско-гренландские отношения на основе постколониальной теории» проанализировала нынешние датско-гренландские отношения, акцентируя своё внимание на том, как колониальное прошлое влияет на политику, развитие литературы и искусства обоих народов в XXI веке.

Канд. фил. наук Йоланта Митурска-Бояновска выступила с докладом на тему «Чайникофф, Kebabownia – эргонимы в России и Польше», в котором представила анализ «гастрономических» эргонимов на примере современных названий различных баров и ресторанов, находящихся в России и Польше. Автор обратила внимание также на языковые игры в создании этих номинаций (неймов).

Д-р Ольга Валентиновна Ломакина выступила с докладом на тему «Текстообразующий потенциал фразеологии и паремиологии», в котором представила примеры реализации текстообразующей функции фразеологии и паремиологии в языке Л.Н. Толстого. Автор обратила внимание на то, что Л.Н. Толстой использует паремии в качестве заглавий произведений или отдельных частей произведения. Другим примером реализации текстообразующей функции фразеологии в языке Л.Н. Толстого является употребление фразеологических единиц и пословиц в качестве смысловых доминант текста. Наряду с анафорическим повтором, писатель строит повествование при помощи смысловых доминант, наиболее яркой из которых является фразеологическая единица *дурное дело*.

Выступая с докладом «Число „три“ как символ в языке и культуре» мгр Беттина Кайзер проанализировала символическое наполнение числа *три* в избранных фразеологизмах и пословицах немецкого, английского и славянских языков. Автор обратила внимание на то, что число *три* как символ ‘счастливо-

го числа' является символом в языке и в культуре, поскольку язык – это часть культуры, её продукт и основа.

Выступление канд. фил. наук Магдалены Ящевской «Святые покровители в польских паремиях» было посвящено лингвистическому отражению культа святых в польских пословицах и поговорках. Автор проанализировала паремии, связанные с жизнью святых, легендами, апокрифическими рассказами, покровителями святых. М. Ящевска обратила внимание на то, что паремии во многих случаях были хорошо известны не только в различных слоях польского общества, но и среди других европейцев, которые были благочестивыми и религиозными на протяжении многих веков.

Проф. Ольга Борисовна Абакумова в своём выступлении «Оценка в пословицах и реализация смысла послания автора читателю в художественном тексте» представила когнитивно-дискурсивную модель актуализации смысла пословицы в дискурсе, рассматривая её с точки зрения возможностей в плане анализа выражения оценочности в пословицах, использованных в художественном тексте. Предлагаемая Автором когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе (модель КДМ) имеет четырехчастную структуру и включает *коммуникативную, констатиивную, репрезентативную и регулятивную составляющие*. Автор рассмотрела оценочный аспект реализации смысла пословицы в бытовом диалоге на примере использования пословицы в рассказе Р. Бредбери *Другие времена (The Other Foot)*.

Канд. фил. наук Мария Коссаковска-Марас выступила с докладом на тему «Теория поколений и диалог культур», в котором представила интенсивно развивающееся и практически применяемое учение под названием *теория поколений*, которое дает возможность понять причины трудностей в общении между людьми и использовать эти знания в различных отраслях жизни. Автор обратила внимание, что в настоящее время в образовательной среде участвуют прежде всего четыре поколения: *бэби-бумеры* (1943–1963 гг.), *поколение X* (1963–1983 гг.), *поколение Y (Миллениум)* (1983–2000 гг.), *поколение Z* (2003–2023 гг.), а также привела примеры организации учебного процесса, учитывающего черты *поколений Y и Z*.

Доклад канд. фил. наук Анны Хау «Категории национальности и гражданства в языковой картине мира билингвальных детей» затронул очень актуальный вопрос, касающийся актуализации проблем языковой картины мира в конкретных случаях языкового функционирования данного человека. Автор проанализировала лексемы *национальность* и *гражданство*, на основании которых указала на проблему функционирования разных картин мира, существующих в разных языках.

Иоанна Мампе и Татьяна Николаевна Резникова в докладе на тему «Межкультурный диалог и культура речи на занятиях по русскому языку» обратили внимание на многозначность терминов *язык* и *речь*, на существенные различия между литературной и обиходной формой национального языка, а также на значение языка как хранителя культуры. Особое внимание Авторы уделили формам и методам работы, которые используются при формировании компетенции межкультурного диалога у подростков, а также учёт того, что различные

уровни владения речевой культурой подростков зависят от индивидуального и социального опыта, индивидуального мышления, взаимоотношений в семье и в социуме.

Доц. канд. фил. наук Марина Вячеславовна Межова выступила с докладом на тему «Межкультурные различия функционирования лексемы *учитель* в английской и русской лингвокультурах», в котором опираясь на гипотезу лингвистической относительности Сепира–Уорфа обратила внимание на то, что в английской языковой картине мира лексема *учитель* имеет другой семантический и культурологический смысл, чем в русской языковой картине мира. Автор проанализировала также исторический аспект семантики данных лексем и их функционирование в разных контекстах и в художественных текстах.

С докладом «Социальная специфика современного медийного словотворчества» выступила проф. Лариса Викторовна Рацибурская, обращая внимание на то, что активные деривационные процессы, характеризующие современный русский язык последних десятилетий и результаты которых представлены прежде всего в медийном словотворчестве, во многом обусловлены социальными изменениями, происходящими в российском обществе на рубеже XX–XXI вв. Новые лексико-словообразовательные номинации отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей, их культурой и социальной принадлежностью, являются инструментом распространения массовой культуры, а также идеологического воздействия на сознание носителей языка.

Доц. канд. фил. наук Ирина Васильевна Баданина в выступлении «Употребление номинаций женщин в современном русском языке (на примере спортивной лексики)» проанализировала примеры лексических единиц, называющих спортсменов. Номинации, связанные со спортом, будучи одним из проявлений языкового антропоцентризма, активно развиваются в современном русском языке начиная с советского периода. Автор обратила внимание на стилистическую нейтральность спортивных номинаций женщин не только в новых толковых словарях, но и в спортивном дискурсе СМИ.

С докладом о «Теории интертекстуальности в современном языкознании» выступила канд. фил. наук Александра Макарова, в котором представила лингвистическое понимание концепции интертекстуальности и различные языковые подходы к этой концепции. Многие лингвисты придерживаются широкого определения данного языкового явления, которое вербально представлено в культуре в виде цельных текстов, имён людей, артефактов, ситуаций. Автор рассмотрела вопрос интертекста и интертекстемы, считающейся его единицей, обратила внимание на связь интертекстуальности с понятием прецедентности и её проявлении в прецедентных текстах.

Канд. фил. наук Доминика Агата Мысляк в докладе «Телевидение и Католическая Церковь на основании энциклики Пия XII *Miranda Prorsus* как участники живого диалога культур. Введение в проблему» рассмотрела проблему взаимоотношений Католической Церкви и телевидения, ссылаясь на энциклику *Miranda Prorsus* Папы Пия XII от 8 сентября 1957 года. По мнению Автора, Церковь и телевидение могут быть восприняты как участники живого диалога



культур. В связи с объективным техническим прогрессом, современный диалог существенно отличается от отношений между Церковью и обществом в эпоху Возрождения, Ватикан перестал быть абсолютным авторитетом для верующих и неверующих. Автор отмечает, что Католическая Церковь в настоящее время также следит за развитием средств массовой информации и пытается действовать в соответствии с последними новинками в этой области.

В выступлении «Два письма – два важных вопроса. Частная переписка Матери Марии (Скобцовой) с Отцом Сергием Булгаковым» проф. Гжегож Ойцевич представил и прокомментировал два письма, написанные Матерью Марией (Скобцовой) в 1938 и 1939 годах Отцу Сергию Булгакову. В первом письме монахиня сообщила ему об итогах открытого конфликта с Отцом Киприаном (Керном), который был приходским священником прихода в Париже на ул. Лурмель, где Мать Мария служила. Второе письмо разъясняет вопрос о неправомерном аресте Виталия Зеньковского вооруженными силами Парижа и последствия этого события.

MARIA KOSSAKOWSKA-MARAS

Uniwersytet Rzeszowski  
Wydział Filologiczny  
Katedra Filologii Rosyjskiej  
Al. mjr W. Kopisto 2b, 35-315 Rzeszów, Polska  
e-mail: marineczka@mail.ru

## O AUTORACH

АТИРКУЛ Е. АГМАНОВА / АТИРКУЛЬ ЕГЕМБЕРДИЕВНА АГМАНОВА

Doktor habilitowany nauk filologicznych; profesor Katedry Lingwistyki Teoretycznej i Stosowanej na Wydziale Filologicznym Euroazjatyckiego Uniwersytetu Narodowego im. L.N. Gumilowa w Astanie (Kazachstan). Problematyka badawcza: komunikacja międzykulturowa (międzyetniczna), badania nad uczeniem się języka drugiego (aspekty kognitywne, psycholingwistyczne, socjolingwistyczne, lingwodydaktyczne), językoznawstwo porównawcze rosyjsko-kazachskie, socjolingwistyka, zagadnienia predykatywności, leksykografia dwujęzyczna. Wielokrotnie nagradzana przez władze Kazachstanu za działalność w sferze nauki i edukacji. Realizuje i kieruje projektami naukowo-badawczymi, finansowanymi z grantów. Autorka ponad 170 publikacji naukowych. Do najważniejszych można zaliczyć monografię *Предикативность. Теория и моделирование усвоения второго языка* (Pawłodar 2007), podręczniki akademickie: *Усвоение второго языка. Проблемы теории и методологии исследования* (Astana 2013), *Русский язык. Учебное пособие для казахоязычных студентов-репатриантов* (współaut.) (Astana 2015); autorka i współautorka licznych artykułów naukowych i tez konferencyjnych, m.in. *Концепт южане в контексте полиэтнического социума Казахстана* (współaut.) (Wołgograd 2015), *Современные подходы к изучению идентичности в работах казахстанских лингвистов* (Kokczetaw 2013). Publikuje w języku rosyjskim i kazachskim.

WS

ИРИНА В. БАДАНИНА / ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА БАДАНИНА

Doktor nauk humanistycznych, językoznawstwo; docent w Katedrze Metodyki Nauczania Języka Rosyjskiego w Instytucie Filologii Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego w Moskwie. Zainteresowania badawcze: język rosyjski w przestrzeni post-radzieckiej, komunikacja międzykulturowa oraz słowotwórstwo języka rosyjskiego. Autorka ponad 60 publikacji naukowych, w tym cyklu artykułów na temat nominacji osób w języku rosyjskim w aspekcie historycznojęzykowym oraz kontrastywnym (rosyjsko-litewskim). Uczestniczka licznych prestiżowych międzynarodowych konferencji naukowych.

MN

## DENYS CHYK / ДЕНИС ЧИК

Doktor nauk filologicznych; literaturoznawstwo. Od 2011 docent Katedry Filologii Angielskiej w Akademii Humanistyczno-Pedagogicznej im. T. Szewczenki w Krzemieńcu (Ukraina). Od 2013 habilitant w Katedrze Literatur Obcych i Teorii Literatury Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego w Berdiańsku (Ukraina). Praca doktorska pt. *Проза Г. Квитки-Основьяненко и английский сентиментализм* (Tarnopol 2008). Od 2011 redaktor naczelny czasopisma „Кременецькі компаративні студії” („Kremenets Comparative Studies”). Zainteresowania naukowe obejmują komparatykę literacką, typologię i cechy narodowościowe literatury ukraińskiej i angielskiej pierwszej połowy XIX w., genologię komparatystyczną literatury ukraińskiej i literatur zachodnioeuropejskich, imagologię literacką. Autor ponad 50 publikacji w postaci artykułów naukowych, m.in.: *Архетип мудрого старика в украинском и английском романах воспитания первой половины XIX в.* („Вестник Университета Российской Академии Образования” 1/2014), *Ex providentia tajōgit. Жанровий різновид сімейного роману-хроніки в англійській та українській літературі I-ї половини XIX ст.* („Наукові записки Бердянського державного педагогічного університету” 1/2014), *Реконструкція історії у сімейному романі-хроніці в англійській та українській літературі I-ї половини XIX ст.* (М. Еджворт, Г. Квітка-Основ'яненко) („Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна” 1107, Філологія 70/2014), *Жанрова специфіка «роману великої дороги». Проблеми поетики та типології* („Література в контексті культури” 26/2015), *Mitologizowanie toposu uczyty w powieściach Castle Rackrent M. Edgeworth i Pan Chalawski H. Kwitki-Osnowjanenki* („Porównania” 17/2015). Publikuje głównie w języku ukraińskim; pisze również po rosyjsku i po polsku.

WS

## DANIEL DZIENISIEWICZ

Magister; doktorant w Instytucie Językoznawstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; absolwent UAM w zakresie filologii rosyjskiej z filologią angielską (2013) oraz filologii rosyjskiej (2015). Zainteresowania naukowe koncentrują się wokół zagadnień korpusologii, frazematyki, leksykologii, słowotwórstwa, języka prasy oraz języka osobniczego. Autor i współautor kilku artykułów naukowych, m.in. *Automatyzacja wizualizacji grafowej synonimów dla potrzeb dydaktyki języków obcych (na przykładzie przymiotników rosyjskich z prefiksem „без-”/„бес-”)* (w: *Kultury wschodniosłowiańskie - oblicza i dialog. Białoruś - Rosja - Ukraina*, Poznań 2014), *On the Japaneseness of Polish. A linguochronological approach* („Opuscula Iaponica et Slavica” 3/2016).

KW

## DOROTA DZIEWANOWSKA

Doktor habilitowany nauk humanistycznych, językoznawca i glottodydaktyk, profesor nadzwyczajny Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie. Pracuje w Katedrze Dydaktyki Języka Rosyjskiego Instytutu Neofilologii (filologia rosyjska), Wydział Filologiczny. Specjalizuje się w glottodydaktyce, metody-

ce nauczania języka rosyjskiego. Zainteresowania szczegółowe dotyczą następujących zagadnień: kształtowanie sprawności mówienia w korelacji z pozostałymi sprawnościami językowymi w procesie glottodydaktycznym, strategię nauczania artykulacji, intonacji i akcentuacji rosyjskiej, strategię nauczania gramatyki i ortografii rosyjskiej, problemy preparacji i ewaluacji materiałów glottodydaktycznych oraz programów nauczania, dobór i przyswajanie materiału glottokulturoznawczego i kształtowanie kompetencji komunikacyjnej studentów rusycystyki. Jest autorką i współautorką ponad dwudziestu cenionych podręczników szkolnych i akademickich, skryptów, poradników metodycznych, programów nauczania języka rosyjskiego na różnych poziomach (łącznie ok. 40 edycji prac), dwóch monografii: *Kształtowanie sprawności mownych w procesie nauczania języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną w klasach V i VI szkoły podstawowej* (Kraków 1993), *Aspektowo-kompleksowe nauczanie akcentuacji na studiach rusycystycznych* (Kraków 2005), a także kilkudziesięciu artykułów naukowych, tez, referatów konferencyjnych i recenzji. Redaguje „Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica”. Ostatnio zajmuje się problematyką komunikacji międzykulturowej i komunikacji niewerbalnej.

KW

## MAKSIM L. FEDOROV / МАКСИМ ЛЬВОВИЧ ФЕДОРОВ

Doktor nauk filologicznych; starszy pracownik naukowy (od 2011), sekretarz naukowy i kierownik Czytelni Działu Rękopisów Instytutu Literatury Powszechnej im. M. Gorkiego Rosyjskiej Akademii Nauk w Moskwie (Rosja). W badaniach naukowych skupia się na historii literatury, historii teatru, tekstologii, archiwistyce. W l. 2002–2011 kierował jedną z sekcji Państwowego Muzeum Literatury w Moskwie (Muzeum-mieszkaniami Dostojewskiego); był współorganizatorem szeregu wystaw poświęconych twórczości Dostojewskiego. Prowadził cykl programów telewizyjnych nadawanych na ogólnorosyjskich kanałach tematycznych z zakresu kultury (2006–2009). Ostatnie publikacje jego autorstwa to m.in. *От священной «безлюбовности» к мелодраме. Миф об Ипполите у Еврипида, Сенеки и Расина* (Gdańsk 2016), *Литературное наследство» неизданные «польские» тома* („Przegląd Rusycystyczny” 2016), *Древнерусский город как фактор формирования личности (по материалам воспоминаний Н.П. Анциферова)* (Moskwa 2016), *«Чайка» А.П.Чехова: опыт прочтения хореографом* (Petersburg 2014), *«Я не увижу знаменитой «Федры».....». К 100-летию Камерного театра* (Petersburg 2014). Obecnie jest członkiem zespołu badawczego Uniwersytetu Gdańskiego realizującego projekt *Kultura polska wobec zachodniej filozofii ezoterycznej w latach 1890–1939* w ramach grantu Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki.

WS

## IRENA FIJAŁKOWSKA-JANIAK

Ur. w Charbinie (Chiny); doktor habilitowany nauk humanistycznych, profesor nadzwyczajny, literaturoznawca, rosjoznawca; uczennica dr. Zbigniewa Żakiewicza. Wykładowca literatury powszechnej, kierownik Katedry Rosjoznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej w Instytucie Rusycystyki i Studiów Wschodnich na Wydziale Fi-

logicznym Uniwersytetu Gdańskiego. Zainteresowania badawcze obejmują literaturę rosyjską przełomu XIX i XX w., motywy filozoficzno-religijne w twórczości pisarzy rosyjskich, historiozofię, tematykę filozofii ezoterycznej w kulturze, współczesną powieść okultystyczną, literackie dziedzictwo systemu filozoficznego i etycznego masonerii (literatura i Loża), wpływy wolnomularstwa na literaturę rosyjską. Autorka, redaktorka i współredaktorka monografii *U ścian cerkiewnych. O twórczości filozoficzno-religijnej Wasyla Rozanowa* (Gdańsk 1992), *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku* (Gdańsk 1998), *Lustro. Literatura - kultura - język* (Gdańsk 2010), *Zbliżenie. Literatura - kultura - język - translatoryka* (Gdańsk 2011), a także licznych artykułów naukowych publikowanych m.in. na łamach pism: „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego”, „Roczniki Humanistyczne Towarzystwa Naukowego KUL”, „Toronto Slavic Quartely”. Współredaktor (razem z Wolfem Moskowichem) dwóch tomów z serii *Jews and Slavs: Jewish-Polish and Jewish-Russian contacts* (Jerozolima-Gdańsk 2003) oraz *Jews, Poles and Russians. Jewish-Polish and Jewish-Russian contacts* (Jerozolima-Gdańsk 2008). Współpracowała z Uniwersyte-tem Hebrajskim w Jerozolimie. Obecnie członek zespołu realizującego projekt *Kultura polska wobec zachodniej filozofii ezoterycznej w latach 1890-1939* (grant Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki).

KW

## PABLO DE LA FUENTE

Doktor (*summa cum laude*) geografii i historii; hiszpański historyk, politolog; absolwent Barcelońskiego Uniwersytetu Autonomicznego oraz Podyplomowych Studiów Archeologii Podmorskiej dla Nurków Zawodowych w Instytucie Nowych Zawodów Barcelońskiego Uniwersytetu Autonomicznego; doktorat uzyskany (z wyróżnieniem) na Wydziale Geografii i Historii Universidad Nacional de Educación a Distancia w Madrycie (UNED). Wykładowca Wydziału Filologicznego Akademii Biznesu i Finansów Vistula w Warszawie; b. asystent Katedry Historii i Kultury Krajów Języka Hiszpańskiego KUL, obecnie jej współpracownik. Wykładał gościnnie na uczelniach: Universitat Ramon Llull-AUCER (Puigcerdà, Hiszpania), Universitat de Girona (Hiszpania) i in.; prowadził badania naukowe w Centre d'Arqueologia Subaquàtica de Catalunya (Girona, Hiszpania), Institut Menorquí d'Estudis (Port Mahon, Minorka, Hiszpania) i in.

Zainteresowania naukowe obejmują historię książki i kultury, historię morskiej archeologii podwodnej, historię wojskowości (nowożytność i współczesność), historię literatury hiszpańskiej średniowiecznej i nowożytnej, kulturę i cywilizację Ameryki Łacińskiej, język hiszpański, a także historię Kościoła katolickiego, kulturę zakonną, prześladowania Kościoła w czasie wojny domowej w Hiszpanii. Ekspert w procesie beatyfikacji 191 księży, męczenników za wiarę zamordowanych w Katalonii. Autor, współautor i redaktor około 90 prac naukowych, w tym 11 książek, m.in. *Les fortificacions reials del golf de Roses en l'època moderna* (Figueres 1998), *La ciudad como problema militar. Perpiñán y los ingenieros de la monarquía española (ss. XVI-XVII)* (Madryt 1999), *Roses II, Perola V i Presido. Tres vaixells enfonsats a l'Empordà durant la Guerra del Francès (1808-1814)* (Gerona 2003), *Cuando l'Empordà se hizo frontera. La*

*Real Plaza de Guerra de San Fernando de Figueres* (Figueras 2004), *La fundació de Sant Miquel de Colera. Història del naixement de la carolina empordanesa* (Colera 2006), *El Triunfante. Tecnología y ciencia en la España de la Ilustración. Historia de un navío hundido en el golfo de Rosas* (Barcelona 2007), *Los Búnqueres de la Jonquera* (Figueras 2008), *Història militar de la Guerra civil a la comarca de la Selva. Patrimoni i memòria republicana* (Santa Coloma de Farners 2010), *La Reial Fàbrica de vaixells de Sant Feliu de Guíxols (1715-1721)* (Sant Feliu de Guíxols 2010), *Exercise Arrcade Bugle I. Staff Ride Reader* (Mönchengladbach 2010), *La Rovirada-1811* (Madryt 2011), *España y Polonia. Primeras constituciones* (Lublin 2013), *Entre Oriente y Occidente. Actas del Primer Congreso de Hispanistas (Lublin 5-7/6/2013)* (Lublin 2013), *Terroryzm wczoraj i dziś. Wybrane problemy* (Lublin 2015).

Koordynator międzynarodowego projektu *Gorzkie żale, skarb polskiej duchowości i kultury, dla papieża Franciszka i Świata Hiszpańskiego*, którego owocem jest książka *Amargas lamentaciones. Un tesoro de la espiritualidad y la cultura polaca para el papa Francisco y el Mundo Hispano* (współaut. C. Taracha) (Lublin 2015), zawierająca hiszpańskojęzyczną wersję polskiego nabożeństwa pasywnego *Gorzkie żale*, powstałego w 1707 roku (*Snopek Mirry z Ogrodu Gethsemańskiego albo żalodne Gorzkie Męki Syna Bożego (...) rozpamiętywanie*), oraz dwie płyty z nagraniami nabożeństwa w języku hiszpańskim; wraz z prof. Cezarym Tarachą dokonał przekładu tekstu *Gorzkich żali*.

KW

## ANITA GOSTOMSKA

Doktor nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; absolwentka Uniwersytetu Śląskiego; kroatystka; ukończyła Podyplomowe Studium Nauczania Kultury Polskiej i Języka Polskiego jako Obcego w Szkole Języka i Kultury Polskiej Uniwersytetu Śląskiego. Obecnie adiunkt w Katedrze Sławistyki na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego. Prowadzi badania z zakresu historii literatury chorwackiej i przekładoznawstwa, szczególnie interesuje się pisarstwem kobiet. Autorka artykułów, m.in. *O strategii tłumaczenia na przykładzie powieści »Ministerstwo bólu« Dubravki Ugrešić* („Przekłady Literatur Słowiańskich” 2009), *Banita czy nomada? Dubravki Ugrešić wypowiedzi dla prasy* (w: *Od banity do nomady*, Opole-Brno 2010), *Wokół Bośni Andrić* (w: *Spotkania międzykulturowe*, t. 1: *Literaturoznawstwo, kultura*, Katowice 2013), *Ženske autobiografske naracije s početka dvadesetog stoljeća prema hrvatskom književnom kanonu* (w: *Transmisije kroatistike*, Zagrzeb 2015), *Andrić* *Wakacje na południu. Próba reinterpretacji* (w: *Czytać, wędrować, być. Tom dedykowany Profesorowi Zdzisławowi Daraszowi*, Warszawa 2016), *Polskie przekłady zbioru »Priče iz davnine« Ivany Brlić-Mažuranić* („Przekłady Literatur Słowiańskich” 2016).

KW

## FILIP GRALIŃSKI

Doktor; adiunkt w Pracowni Systemów Informacyjnych Wydziału Matematyki i Informatyki na Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Interesuje się przede wszystkim lingwistyką komputerową, w tym: pozyskiwaniem i przetwarzaniem kor-

pusów diachronicznych, przetwarzaniem języka naturalnego, analizą składniową, tłumaczeniem automatycznym, leksykografią, identyfikacją bytów nazwanych oraz pozyskiwaniem danych językowych z Internetu. Ponadto jego zainteresowania obejmują folklor współczesny, przede wszystkim wyszukiwanie tekstów folkloru współczesnego w Internecie, legendy miejskie i listy-łańcuszki. Autor i współautor ponad 50 prac, m.in. książki *Znikająca nerka. Mały leksykon współczesnych legend miejskich* (Poznań 2012), licznych publikacji za granicą (w Chinach, Francji, Bułgarii, Hiszpanii, Niemczech, Słowenii). Uczestniczył w tworzeniu *Wielkiego słownika polsko-niemieckiego* oraz *Wielkiego słownika niemiecko-polskiego*. Współautor programu tłumaczeniowego *translativa.pl*. Kierownik obsługi informatycznej ze strony Poleng Sp. Wykonawca trzech projektów badawczych NPRH, MNiSW.

KW

### LILIANA KALITA

Doktor nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; adiunkt w Katedrze Rosjoznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej Instytutu Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego; założycielka i kierownik Pracowni Badań Kulturowych nad Najnowszą Literaturą Rosyjską. Zainteresowania naukowe obejmują literaturę rosyjską po 1917 roku, szczególnie emigrację „pierwszej fali” i twórczość Marka Ałdanowa, a także literaturę najnowszą i kinematografię rosyjską. Autorka ponad 20 publikacji naukowych; redaktor i współredaktor czterech monografii wieloautorских: *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku* (Gdańsk 2005), *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku. Poszukiwania, eksperymenty, re-wizje* (Gdańsk 2008), *Samotność. Aspekty, konteksty, wymiary* (t. 1–2, Gdańsk 2016), *Meandry słowiańskiej kultury. Księga jubileuszowa poświęcona profesorowi Tadeuszowi Bogdanowiczowi* (Gdańsk 2016). Publikuje na łamach czasopism: „Przegląd Rusycystyczny”, „Rossica Olomucensia”, „Slavia Orientalis”, „Studia Rossica Posnanensia”, „Studia Wschodniosłowiańskie”.

Twórczyni i przewodniczka *Spacerów filmowych* szlakami scenarii filmowych w Trójmieście. Uczestniczka projektu *Lokalni przewodnicy i przewodniczki*. Współpracuje m.in. z Instytutem Kultury Miejskiej, Stowarzyszeniem Opowiadaczy Historii Dolnego Miasta w Gdańsku, Gdańską Galerią Günтера Grassa, Muzeum Sopotu.

KW

### PIOTR KLAFKOWSKI

Doktor nauk humanistycznych, anglista, językoznawca-orientalista (obszary badań: subkontynent indyjski i Tybet), celtysta, etnolog i antropolog kultury, tłumacz. Absolwent i były pracownik Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Wychowanek prof. Lokesha Chandry’ego i jego Sarasvati Vihara (Międzynarodowej Akademii Kultury Indyjskiej w New Delhi). Studiował też na University of Delhi, Jawaharlal Nehru University w New Delhi, w Instytucie Celtyckim Uniwersytetu w Oslo oraz w Instytucie Eskimologii Uniwersytetu w Kopenhadze. Stypendysta Fundacji Alexandra von Humboldta na Uniwersytecie w Bonn (1981–1983). Laureat Dyplomu Honorowego Fundacji ROLEX w Genewie (1981) i Dyplomu Honorowego Domu Bretonii w Poznaniu (1996). Głównie zainteresowania badawcze: historia i historiografia

Tybetu, język tybetański, życie i nauki historycznego Buddy, dżajнизм, mniejszości etniczne i językowe świata, dzieje i współczesność różnych systemów pisma, nowe ruchy filozoficzno-religijne i ich literatura, współczesne języki i kultury celtyckie, etnojęzykowe obrzeża Skandynawii (społeczność i kultura języka nynorsk, Sameland, Farey, Grenlandia), etnomuzykologia. Prowadził badania terenowe w Indiach, Norwegii, Irlandii, Kornwalii, na Farerach (czyli Wyspach Owczych), w Petersburgu i Moskwie. Obecnie adiunkt w Zakładzie Etnologii i Antropologii Kulturowej Instytutu Socjologii Uniwersytetu Szczecińskiego.

Autor licznych prac, m.in. monografii *Człowiek i kultury w obliczu zagrożeń. Studia orientalne i celtyckie* (Szczecin 2013), studium przekładów *Modlitwy Pańskiej* na tybetański (Wiedeń 1983), wprowadzeń i komentarzy filologicznych do książek światowego formatu, m.in. *The secret deliverance of the Sixth Dalai-Lama. As narrated by Dharmatāla* (ed. from the Hor Chos-'byun by Dharmatāla and transl. into English, with an introd. and comments P. Klafkowski) (Wiedeń 1979), rozdziałów monografii z zakresu buddologii himalaistycznej i hinduistyki, m.in. *Buddhist Himalaya. Studies in religion, history and culture. Proceedings of the Golden Jubilee Conference of the Namgyal Institute of Tibetology* (Gangtok 2008), redaktor „Zeszytów Konwersatorium Celtyckiego Domu” (Poznań 2000; 2001). Znaczącym dziełem jest komentowany przekład jednej z największej kronik tybetańsko-mongolskich *Rosary of white lotuses. Being the clear account of how the precious teaching of Buddha appeared and spread in the great Hor country* (Wiesbaden 1987), sfinansowany przez Fundację Humboldta. Udostępnił po raz pierwszy w Polsce wiele literackich tekstów celtyckich oraz z literatury buddyjsko-konfucjańskiej. Tłumacz książek, m.in. *Polakowi tylko Boga a skrzypic. Dzieje lutnictwa na ziemiach polskich do II wojny światowej. Wystawa* (aut. J. Jaskulski, R.J. Wieczorek) (Poznań 1996), poezji, m.in. *Nie zaznałem tu szczęścia. Wybór wierszy Tshangjanga Gjatsho (1683-1746), VI Dalaj Lamy Tybetu* (Poznań 1995). Publikuje głównie za granicą, m.in. Austrii, Niemczech, Indiach, USA; prace ukazywały się w serii „Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde”, na łamach „Estudios Latinoamericanos”, „Tibet Society Bulletin” (Bloomington), „Buddhist Studies” (Delhi) i in. Teksty naukowe i przekłady są cytowane w piśmiennictwie indyjskim, rosyjskim, holenderskim, brytyjskim i amerykańskim; szereg opracowań zostało ujętych w liczących się w świecie bibliografiach oraz dziejach tybetologii.

B. członek Komisji do Badań Wschodu przy Komitecie Nauk Etnologicznych PAN i b. członek Rady Programowej Działu Studiów Buddyjskich i Kultur Dalekiego Wschodu Książnicy Pomorskiej w Szczecinie, członek-założyciel Stowarzyszenia „Pax Cultura” w Szczecinie. Laureat dyplomu honorowego Fundacji ROLEX w Genewie (1981) i dyplomu honorowego poznańskiego Domu Bretanii (1996).

Organizator życia akademickiego, współorganizator wystaw o tematyce buddyjskiej, uczestnik i prelegent we wszystkich ważniejszych wydarzeniach poświęconych Tybetowi w l. 1993–2002 w Poznaniu (zwłaszcza na festiwalach *Tybet w Poznaniu* organizowanych przez poznańskie Muzeum Etnograficzne) oraz w Szczecinie (od 2003). Wygłosił kilka wykładów w cyklu *Academia Buddhica* odbywającego się w Książnicy Pomorskiej im. Stanisława Staszica w Szczecinie, wykłady w cyklach *Spotkania z historią* oraz *Od magii do psychotroniki* (w 130. rocznicę wydania *Księgi Oahspe*), odbywających się na Zamku Książąt Pomorskich w Szczecinie. Autor głośnych wykładów



i prelekcji, m.in. *Tybetańska literatura historyczna. Charakterystyka i najważniejsze źródła* (Szczecin 2001), *Obrońca dzieci, których świat nie chciał. Życie i dzieła doktora Johna Ballou Newbrough'a* (Poznań 2002), *Celtowie w dzisiejszej Europie. Tradycja i współczesność* (Szczecin 2005), *Tybetańska Księga Umarłych* (Szczecin 2010), *Znaczenia sanskrytu dla kultury indyjskiej* (Szczecin 2011). Uczestnik, prelegent, muzyk i tłumacz na wszystkich festiwalach kultury celtyckiej organizowanych przez poznański Dom Bretanii po rok 2002.

KW

## PIOTR KOPROWSKI

Doktor nauk humanistycznych, historia; adiunkt w Instytucie Historii na Wydziale Historycznym Uniwersytetu Gdańskiego, członek Pracowni Historii Rosji i Europy Wschodniej; humanista, historyk idei, poeta. Zainteresowania naukowe: historia Kościoła rzymskokatolickiego w XX w., rosyjska myśl społeczno-filozoficzna XIX w., polska i europejska myśl filozoficzna XX w., współczesna polska edukacja w kontekście przemian cywilizacyjno-kulturowych, psychologia humanistyczna. Członek Polskiego Towarzystwa Historycznego oraz Towarzystwa Historiograficznego. Autor około 50 prac naukowych, w tym monografii: *W kręgu romantyzmu. Kształtowanie się struktur światopoglądowych Iwana Turgeniewa* (Gdańsk 2008), *Pozytywista, ale jaki? Światopogląd Iwana Turgeniewa w latach 1848–1883* (Gdańsk 2009), *Między sacrum i profanum. Biografia intelektualna Janusza Stanisława Pasierba* (Pelplin 2015); publikował m.in. w Cambridge Scholars Publishing (*Homo Viator. Janusz Pasierb on East Central European Intellectual Identity, East Central Europe in Exile*. Vol. 1: *Transatlantic Migrations*. Ed. A. Mazurkiewicz. Newcastle upon Tyne 2013), na łamach czasopism: „Slavia Orientalis”, „Przegląd Wschodnioeuropejski”, „Studia Historica Gedanensia”, „Studia Redemptorystowskie”, „Ateneum Kapłańskie” i in. W 2014 debiutował jako poeta tomikiem wierszy *Czekając na Słońce* (Pelplin 2014), kolejne zbiory wierszy to: *W rytmie ciszy* (Lubliniec 2015), *Niś metafizyki* (Rzeszów 2015), *Z historią w (nie) tle* (Rzeszów 2016).

KW

## MARIA KOSSAKOWSKA-MARAS

Doktor nauk humanistycznych, językoznawca, glottodydaktyk; starszy wykładowca, z-ca kierownika Katedry Filologii Rosyjskiej na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Rzeszowskiego. Zainteresowania naukowo-badawcze związane są z nauczaniem języka rosyjskiego jako obcego, kompetencjami nauczyciela języków obcych, kompetencjami autokreacyjnymi studentów oraz samokształceniem studentów. Opiekun i kierownik praktyk pedagogicznych; sekretarz naukowy Podkarpackiego Komitetu Okręgowego Olimpiady Języka Rosyjskiego; koordynator ds. Modułu Nauczycielskiego.

Autorka i współautorka ok. 80 prac z zakresu metodyki, m.in. monografii *Optymalizacja kształcenia nauczyciela języka obcego na przykładzie studiów rusycystycznych* (Rzeszów 2005), skryptów: *Урок иностранного языка. Lekcja języka obcego* (Rzeszów 2007), *Знакомимся с Россией* (Rzeszów 2009), *Путешествием по России* (Rzeszów

2010), *Мир русского кино* (Rzeszów 2013); liczne publikacje za granicą (w Bułgarii, w Czechach, w Rosji, na Łotwie). Redaktor tematyczny „Zeszytów Naukowych Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Glottodydaktyka”. Uczestniczyła w projekcie *Budowa potencjału dydaktycznego Uniwersytetu Rzeszowskiego na poziomie europejskim* współfinansowanym ze środków Unii Europejskiej w ramach Europejskiego Funduszu Społecznego (wizyta studyjna na Uniwersytecie Università degli Studi Roma Tre w Rzymie (2011).

KW

## ELENA B. KUZMINA / ЕЛЕНА БОРИСОВНА КУЗЬМИНА

Doktor nauk humanistycznych, językoznawstwo; starszy wykładowca w Katedrze Języka Rosyjskiego na Wydziale Filologicznym Petersburskiego Uniwersytetu Państwowego (Rosja). Zainteresowania naukowe koncentrują się wokół zagadnień pragmatyki językowej, leksykologii i leksykografii rosyjskiej oraz dialektologii języka rosyjskiego. Dorobek naukowy obejmuje 43 publikacje. Współautorka *Псковского областного словаря с историческими данными* (w l. 1967–2016 ukazało się 26 tomów słownika). Realizuje liczne projekty naukowo-badawcze; obecnie kieruje projektem leksykograficznym poświęconym badaniom pragmatycznych aspektów współczesnego słownictwa ogólnorosyjskiego (2015–2017). W ramach tego projektu przygotowała rozdział *Прагматический компонент семантики слова как отражение национального своеобразия языка (лексикографический аспект)* do tomu drugiego gdańskiej monografii *W poszukiwaniu tożsamości językowej* (Gdańsk 2016).

WS

## LUDMIŁA ŁUCEWICZ / ЛЮДМИЛА ЛУЦЕВИЧ

Prof. zw. dr hab. nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; kierownik Zakładu Kulturologii Wschodnioeuropejskiej w Instytucie Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej na Wydziale Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego. Specjalizuje się w badaniach historii literatury rosyjskiej XVIII–XXI w.; obiekt zainteresowań stanowią relacje między literaturą i filozofią rosyjską, sacrum w literaturze, psalterz jako źródło inspiracji poetyckiej, proza autobiograficzna, antropologia kultury. Autorka ponad 200 publikacji naukowych, w tym siedmiu monografii, dwóch podręczników, współredaktor wielu tomów zbiorowych, m.in. „Серебряный век” *русской поэзии* (Kiszyniów 1994), „Стихи мои, спокойно расскажите про жизнь мою...”. *Очерк жизни и творчества Сергея Есенина* (Kiszyniów 1995), *Псалтырь в ранней древнерусской книжности и литературе XVII в.* (Kiszyniów 2000), *Стихотворные переложения псалмов XVIII в.* (Kiszyniów 2001), *Стихотворные переложения псалмов последней трети XVIII в.* (Kiszyniów 2002), *Псалтырь в русской поэзии* (Petersburg 2002), *Русская псалтырная поэзия XVIII века. Стихотворные переложения псалмов* (Kiszyniów 2004), *Память о псалме. Sacrum/profanum в современной русской поэзии* (Warszawa 2009), *Ф.И. Дмитриев-Мамонов. Псалтырь, переложенная на оду* (oprac., słowo wstępne, komentarz; Petersburg 2006).

KW

## OLGA MAKAROWSKA

Doktor nauk humanistycznych, językoznawstwo; adiunkt w Zakładzie Pragmatyki Komunikacyjnej Języków Obcych Instytutu Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej na Wydziale Neofilologii Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Tematyka badawcza obejmuje lingwokonceptologię, teorię komunikacji międzykulturowej, lingwodydaktykę, komunikację językową w Internecie, memetykę lingwistyczną. Autorka dwóch monografii naukowych: *Концепты русской народной и национальной песни* (Poznań 2004) i *Культурные, культурно-личностные и коммуникативно-стилевые детерминанты интерперсональной коммуникации между польской и русской молодежью* (Poznań 2014), a także licznych artykułów w polskich i zagranicznych czasopismach naukowych oraz rozdziałów monografii wieloautorskich. Prace z zakresu lingwodydaktyki dotyczą kształtowania i doskonalenia kompetencji językowej i komunikacyjnej w procesie nauczania języka rosyjskiego jako obcego. Autorka koncepcji modyfikacji metodyki nauczania języka rosyjskiego studentów generacji *homo clipus*; dokonała naukowego opisu specyfiki myślenia klipowego. Nowsze prace nt. komunikacji językowej w Internecie zawierają analityczny opis specyfiki gatunkowo-kulturowej współczesnych przekazów medialnych na przykładzie memów z kotami. Członek Zespołu Redakcyjnego rocznika „Studia Rossica Gedanensia” (od 2016).

WS

## JOANNA MAMPE

Doktor nauk humanistycznych, językoznawstwo; adiunkt w Katedrze Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka Instytutu Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego. Założycielka i kierownik Pracowni Badań nad Socjolingwistycznymi Aspektami Języka oraz Pracowni Badań nad Akwizycją i Nauczaniem Języków Obcych, członek Pracowni Badań nad Rosyjskim Językiem Potocznym. Ma szerokie zainteresowania naukowe, które obejmują różne działy językoznawstwa, a mianowicie glottodydaktykę (nauczanie języka rosyjskiego, nauczanie języka polskiego jako obcego, akwizycja języka, badania empiryczne), socjolingwistykę, psycholingwistykę, lingwokulturologię, pragmalingwistykę, dyskursologię, komunikologię, komunikologię porównawczą. Autorka i współredaktorka kilkudziesięciu prac naukowych, w tym serii czterech monografii wieloautorskich: *Socjolingwistyczne badania w teorii i praktyce. Ujęcie interdyscyplinarne*, t. 1–4 (współred. Ł. Owczinnikowa, H. Makurat, F. Marzouk, Gdańsk 2014, 2015, 2016). Publikuje w Polsce i za granicą (Białoruś, Czechy, Japonia, Rosja), m.in. na łamach czasopism naukowych: „Rossica Olomucensia”, „Слово. ру. Балтийский акцент”, „Вопросы филологических наук”, „Studia Wschodniosłowiańskie”, „Studia Rusycystyczne”. Członek Zespołu Redakcyjnego „Известия высших учебных заведений. Серия Гуманитарные науки” (Rosja). Członek wielu stowarzyszeń naukowych, m.in. Towarzystwa Neofilologicznego, Polskiego Stowarzyszenia Nauczycieli i Wykładowców Języka Rosyjskiego, Międzynarodowej Asocjacji Wykładowców Języka Rosyjskiego i Literatury (МАПРЫАЛ), Polskiego Towarzystwa Neofilologicznego Oddział w Gdańsku oraz Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego Oddział Gdański. Aktywna organizatorka życia akademickiego w Gdańsku; współorganizowała „Dyktanda z języka rosyjskiego” dla licealistów i studentów województwa

pomorskiego (od 2014). Współpracuje z Okręgową Komisją Maturalną w Gdańsku (2012).

KW

## VALENTINA A. MASLOVA / ВАЛЕНТИНА АВРААМОВНА МАСЛОВА

Prof. zw. dr hab. nauk filologicznych, językoznawstwo; pracownik Katedry Językoznawstwa Ogólnego i Rosyjskiego Witebskiego Uniwersytetu Państwowego im. P. Maszeraua w Witebsku (Białoruś). Wybitna badaczka o szerokich zainteresowaniach obejmujących przede wszystkim takie dziedziny, jak: teoria języka, językoznawstwo kognitywne, lingwistyka tekstu, psycholingwistyka. Stworzyła nowy kierunek badawczy - lingwistykę kulturową oraz opracowała koncepcję poetyki lingwistycznej. Autorka ponad 300 publikacji, w tym kilku cenionych monografii naukowych, a także wielu popularnych i wielokrotnie wznawianych podręczników akademickich, jak m.in. *Лингвокультурология* (Moskwa 2001, 2004, 2007 i nast.), *Homolingualis в культуре* (Moskwa 2004, 2007), *Современные направления в лингвистике* (Moskwa 2008), *Когнитивная лингвистика* (Mińsk 2004, 2006, 2008), *Введение в когнитивную лингвистику* (Moskwa 2004, 2005, 2008, 2011). Ostatnio wydane prace jej autorstwa to: *Поэтический текст. Новые подходы и решения* (Moskwa 2016), *Коды культуры в пространстве языка z serii: Концептуальные и лингвальные миры* (Petersburg 2015), *Лингвокультурология как наука о человеке, его языке, сознании и культуре* (w: *Kalba ir konteksta*, Vilnius 2015), *Общечеловеческие, национальные и региональные ценности. Лингвокультурологический подход* (w: *W poszukiwaniu tożsamości językowej*, t. 2, Gdańsk 2016). Publikuje w języku rosyjskim, białoruskim i polskim. Aktywnie uczestniczy w licznych przedsięwzięciach upowszechniających naukę; wzięła udział w ponad 200 międzynarodowych konferencjach naukowych. Laureatka państwowych nagród i odznaczeń Republiki Białoruś.

WS

## ВИКТОРИЯ V. НИКУЛЬЦЕВА / ВИКТОРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА НИКУЛЬЦЕВА

Doktor nauk humanistycznych, literaturoznawstwo i językoznawstwo; docent w Katedrze Stylistyki Języka Rosyjskiego, Kultury Mowy i Retoryki Państwowego Moskiewskiego Uniwersytetu Regionalnego. Krąg zainteresowań naukowych obejmuje zagadnienia języka literatury pięknej, filologicznej analizy tekstu artystycznego, tekstologii, krytyki literackiej i in. Autorka i współautorka ponad 150 prac literaturoznawczych, metodycznych, w tym: *Теория и методика преподавания русского языка в специальной (коррекционной) школе V вида. Курс лекций* (Moskwa 2008), *Русский язык и культура речи. Учебное пособие для студентов высших и средних специальных учебных заведений, обучающихся по дефектологическим специальностям* (współaut.) (Moskwa 2008), *Теория и методика преподавания русского языка в специальной (коррекционной) школе V вида: Учебное пособие по курсу «Методика преподавания русского языка (специальная)» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031800 логопедия. В 2-х ч.* (Moskwa 2008), a także leksykograficznych: słownika *Словарь неологизмов Игоря-Северянина* (Moskwa 2008) i tematycznych artykułów słownikowych

i encyklopedycznych. Uczestniczka licznych konferencji naukowych rusycystycznych i literaturoznawczych. Laureatka konkursu *За образцовое владение русским языком в профессиональной речи* (2006).

MN

## MARTA NOIŃSKA

Magister, językoznawstwo; absolwentka Uniwersytetu Gdańskiego (filologia rosyjska i filologia angielska); asystent w Katedrze Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka w Instytucie Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego. Zainteresowania naukowe obejmują językoznawstwo porównawcze (polsko-rosyjskie i polsko-angielskie), lingwistykę populacyjną (kwestie etnogenezy Europejczyków), socjolingwistykę oraz analizę dyskursu (język polityki). Autorka kilku artykułów naukowych, m.in. z obszaru genetyki lingwistycznej (historia ludów zasiedlających Europę na podstawie analiz DNA). Redaktor językowy kilku monografii pokonferencyjnych w zakresie języka angielskiego, m.in. *Nowe wyzwania, nowe horyzonty. Czterdzieści lat skandynawistyki gdańskiej*, t. 3: *Język, kultura i społeczeństwo Finlandii* (Gdańsk 2016). Członek Zespołu Redakcyjnego „Studia Rossica Gedanensia”.

KW

## GRZEGORZ OJCEWICZ

Doktor habilitowany nauk humanistycznych, literaturoznawstwo, przekładoznawstwo, historia Średniowiecza (Zakon Krzyżacki, św. Dorota z Mątów); b. prof. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie i Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie. Filolog śledczy, znawca życia i twórczości Iwana Bunina, Sergiusza Jesienina, św. Matki Marii z Paryża; literaturoznawca, badacz XX-wiecznej emigracji rosyjskiej. Teoretyk i praktyk przekładu artystycznego oraz specjalistycznego (policyjno-prawniczego i administracyjnego). Kierownik zespołu badawczego UWM realizującego projekt *Specyfika tłumaczeń sądowo-prawniczych w świetle współczesnej translatoologii* (2010–2013). Autor i współautor ponad 380 publikacji, w tym 30 książek. W dorobku naukowym znajduje się m.in. nowatorska monografia o Jarosławie Mogutynie *Skazani na trwanie. Odmieńcy XX wieku w esejach Jarosława Mogutina* (Olsztyn 2007) oraz przekład tomu poetyckiego Borysa Popławskiego *Automatyczne wiersze* (Olsztyn 2009). Pomysłodawca i współautor nagrodzonej przez Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji książki z obszaru filologii śledczej *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie* (Szczytno 2009); współautor najnowszej monografii z tej samej serii *Zabójstwo Wielkiego Mistrza Wernera von Orseln* (Kwidzyn–Gdynia 2015). Autor i współautor licznych opracowań, m.in. takich jak *Podstawy translatoryki* (Gdańsk 1991), *Przestępczość w Rosji i Polsce. Wybór tekstów policyjno-prawniczych do samodzielnego tłumaczenia* (Szczytno 2005), *Kryminalistyka w Rosji i Polsce. Wybór tekstów specjalistycznych do samodzielnego tłumaczenia z języka rosyjskiego i na język rosyjski* (Szczytno 2013). Redaktor naukowy i współautor wielojęzycznych słowników specjalistycznych, m.in. *Podręczny słownik administracji: polski, białoruski, litewski, rosyjski, ukraiński* (Szczytno 2009); *Praktyczny słownik policyjno-prawniczy. Polski. Angielski. Francuski. Niemiecki. Rosyjski* (Szczytno 1996); *Słownik unijny. Integracja*

*i bezpieczeństwo: polski, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski* (Szczytno 2005); *Słownik kryminalistyczny z elementami medycyny sądowej i genetyki. Polski. Angielski. Francuski. Niemiecki. Rosyjski* (Szczytno 2012). Posiada w dorobku prace poświęcone pracy policji, m.in. *Wywiad hipnotyczny w pracy policji* (Szczytno 2011). Współredaktor i współautor olsztyńskiej serii naukowej „Luminarze Rosyjskiej Emigracji”.

Członek Międzynarodowego Komitetu Słowistów Polskiej Akademii Nauk. B. redaktor naczelny czasopisma naukowego „Acta Neophilologica” (2005–2013).

KW

#### ELENA V. OMELCHENKO / ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА ОМЕЛЬЧЕНКО

Doktor nauk humanistycznych, językoznawstwo; docent w Katedrze Języka Rosyjskiego i Metodyki Nauczania Języka Rosyjskiego Południowouralskiego Państwowego Uniwersytetu Humanistyczno-Pedagogicznego w Czelabińsku. Zainteresowania naukowe obejmują językoznawstwo sugestywne, dyskurs, strategie komunikacyjne, perswazję językową, analizę filologiczną tekstu, retorykę pedagogiczną, kulturę języka. Autorka ponad 100 publikacji naukowych, w tym trzech monografií dotyczących zagadnień komunikacji fascynacyjnej m.in. *Фасцинативная коммуникативная стратегия в различных типах дискурса* (Czelabińsk 2013). Publikuje w Rosji i za granicą. Redaktor naczelny internetowego magazynu popularnonaukowego „Метеор-Сити” (Czelabińsk).

MN, KW

#### ELIZAVETA A. OSOKINA / ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА ОСОКИНА

Doktorantka Południowouralskiego Państwowego Uniwersytetu Humanistyczno-Pedagogicznego w Czelabińsku. Interesuje się problematyką konceptualizacji ciał niebieskich oraz miłości w kontekście świadomości językowej. Autorka kilku konferencyjnych artykułów naukowych i popularnonaukowych z zakresu semantyki i frazeologii (również porównawczej), m.in. *Анализ текстов песен Бориса Гребенщикова (альбом «Равноденствие»)* (2011), *Лексико-семантические средства вербализации Концепта «звезда»* (2014), *Роль прецедентности в процессе лексико-фразеологической репрезентации концепта «звезда»* (2016). Redaktor menedżer stron internetowych magazynu popularnonaukowego „Метеор-Сити” (Czelabińsk).

MN

#### SIARHEI PADSASONNY / СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОДСОСОННЫЙ / СЯРГЕЙ АЛЯКСАНДРАВІЧ ПАДСАСОНЫ

Doktor nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; adiunkt w Instytucie Lingwistyki Stosowanej w Uniwersytecie Warszawskim. Absolwent Homelskiego Uniwersytetu Państwowego im. Franciszka Skaryny (Wydział Filologii); studia także na Wydziale Psychologii.

Filolog, historyk literatury rosyjskiej, kontekstów kulturowych literatury rosyjskiej XIX w., zagadnień mentalności rosyjskiej, rosyjskiej myśli filozoficzno-religijnej, przekładu literackiego. Znanca twórczości Fiodora Dostojewskiego. Autor ponad 40 pu-

blikacji naukowych w Polsce, na Białorusi, w Rosji. W dorobku naukowym znajduje się monografia *Грех по Достоевскому* (Mińsk 2007).

Redaktor naczelny Działu Informacji Telewizji Bielsat (TVP S.A.). Dziennikarz; twórca ponad tysiąca reportaży o tematyce politycznej, społecznej, kulturowej. Przeprowadził setki wywiadów ze znanymi politykami, naukowcami, ekspertami. Pracował jako reporter na Białorusi, w Niemczech, w Polsce, w Rosji, na Ukrainie, w Szwecji.

KW

## DENIS I. PETRENKO / ДЕНИС ИВАНОВИЧ ПЕТРЕНКО

Doktor habilitowany nauk filologicznych, literaturoznawstwo; profesor Katedry Teorii i Metodyki Nauczania Dyscyplin Historycznych i Filologicznych na Wydziale Historyczno-Filologicznym Państwowego Stawropolskiego Instytutu Pedagogicznego (Rosja). Zainteresowania naukowe: filologia, semiotyka, filozofia języka, teoria przekładu (metapoetyka przekładu), kaukazoznawstwo.

Autor i współautor ok. 50 prac, w tym 17 monografii, m.in. *Русская метапоэтика* (współaut.) (Stawropol 2006), *Небо. Солнце. Земля. Традиционная символика дома в городской среде Ставропольского края* (współaut.) (Stawropol 2008), *Лермонтов и барокко* (współaut.) (Stawropol 2007), *Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его переводы на русский язык* (Stawropol 2009), *Метапоэтика Лермонтова* (współaut.) (Stawropol 2009), *Лингвистический витализм метапоэтики К.И. Чуковского* (Stawropol 2013), *Универсальность Лермонтова* (współaut.) (Stawropol 2014), *Люди на все времена (сборник посвящается творческим людям Ставрополя, внесшим большой вклад в культуру и просвещение)* (współaut.) (Stawropol 2014), *А.А. Потебня. Диалог во времени* (współaut.) (Rostów n/Donem 2015), *Гармония и симметрия. Язык, поэзия, гармония, симметрия глазами ученых, уроки симметрии* (współaut.) (Stawropol 2015), współautor dwóch podręczników akademickich, tj. *Филология. История. Методология. Современные проблемы* (współaut.) (Stawropol 2011), *Язык современной исторической науки. Семиотический анализ исторического текста* (współaut.) (Stawropol 2006), współautor słownika *Русская метапоэтика. Учебный словарь* (Stawropol 2006), współredaktor prac, m.in. *Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 Государственного архива Ставропольского края)* (Stawropol 2012), *Филология. Школы и направления. Учебное пособие* (współred.) (Stawropol 2014), współautor przewodników bibliograficznych, m.in. *Лермонтов и Кавказ. Библиографический указатель* (Stawropol 2012). Opracował wielotomowe antologie tekstów, m.in. *Три века русской метапоэтики. Легитимация дискурса* (t. 1–4, Stawropol 2002–2006), *Глагол будущего. Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века* (Stawropol 2007), *Опальные. Русские писатели открывают Кавказ* (Stawropol 2010).

Członek Generalnej Komisji przy Gubernatorze Kraju Stawropolskiego. Laureat Nagrody Gubernatora Stawropolskiego Kraju w dziedzinie nauki i innowacji dla młodych naukowców (2015).

KW

NATALIYA PIDDUBNA / НАТАЛИЯ ПОДДУБНАЯ /  
НАТАЛІЯ ПІДДУБНА

Doktor nauk filologicznych, językoznawstwo; docent w Katedrze Języka Ukraińskiego Charkowskiego Narodowego Uniwersytetu Pedagogicznego im. H. Skoworody (Ukraina). Ogółem na dorobek naukowy składa się ok. 60 publikacji, w tym artykuły naukowe, rozdziały w książkach, streszczenia zjazdowe, współautorstwo podręczników akademickich i skryptów. Obecnie obiekt zainteresowań badawczych stanowi teolingwistyka oraz słownictwo religijne – przede wszystkim dynamika, funkcje stylistyczne, werbalizacja konceptów religijnych. Zagadnieniom tym autorka poświęciła ponad 20 swoich publikacji. Ostatnie z nich ukazały się m.in. na łamach „Studia Ucrainica Posnaniensia”: *Вербалізація концепту ‘Бог’ у ‘Байках світових’ Степана Руданського* (4/2016), *Вербалізація концепту священнослужитель в українських пареміях* (2/2015), w czasopiśmie i tomach ukraińskich: *Роль Л.А. Булаховського в становленні української теолінгвістики* (Kijów 2015), *Вербалізація концепту «Бог» у співомовках С. Руданського* (Łuck 2015), *Linguistic Image of a Clergyman in Ukrainian Paremiis* (Donieck 2014) oraz rosyjskich: *Религиозная лексика как интердискурсивный элемент в дневнике Александра Довженко* (Sarańsk 2013).

WS

LARISA V. RATSIBURSKAYA / ЛАРИСА ВИКТОРОВНА РАЦИБУРСКАЯ

Profesor, doktor habilitowany w zakresie nauk humanistycznych, językoznawstwo. Kierownik Katedry Współczesnego Języka Rosyjskiego i Językoznawstwa Ogólnego Uniwersytetu im. Łobaczewskiego w Niżnym Nowgorodzie. W kręgu zainteresowań badawczych znajdują się morfemika, ortoepia i fonetyka, słowotwórstwo, neologia, a także socjolingwistyka, język mediów, leksykografia dydaktyczna. Autorka i współautorka ponad 240 prac naukowych: monografii, podręczników akademickich i opracowań metodycznych oraz słowników i poradników językowych, a także szeregu artykułów. Ważniejsze prace: *Унікальные части слова в историческом и современном освещении* (Niżnyj Nowgorod 1996), *Унікальные морфемы в современном русском языке* (Moskwa 1998), *Словообразовательное гнездо и принципы его описания* (Niżnyj Nowgorod 2002), *Основные понятия фонетики* (Niżnyj Nowgorod 2004), *Основные понятия орфоэпии* (Niżnyj Nowgorod 2005), *Неология и неография современного русского языка* (współaut.) (Moskwa 2005), *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. В 2 т.* (współaut.) (Moskwa 2005), *Человек и его язык. Комплексный лингвокультурологический словарь для школьников* (współaut.) (Niżnyj Nowgorod 2005), *Словарь уникальных морфем современного русского языка* (Moskwa 2009), *Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. Учебное пособие* (współaut.) (Moskwa 2011), *Современный русский язык. Морфемика. Учебное пособие* (współaut.) (Moskwa 2013), *Новые тенденции в русском языке начала XXI века* (współaut.) (Moskwa 2014), *Проблемы словотворчества в современных российских СМИ. Учебное пособие* (współaut.) (Moskwa 2015), *Специфика современного медийного словотворчества. Учебное пособие* (współaut.) (Moskwa 2015) i in.



Członek Komisji Słowotwórstwa Słowiańskiego przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów (od 2015).

KW, MN

VLADIMIR N. SHAPOSHNIKOV / ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ  
ШАПОШНИКОВ

Doktor habilitowany nauk humanistycznych, językoznawstwo; profesor w Katedrze Lingwodydaktyki i Komunikacji Międzykulturowej na Wydziale Języków Obcych Państwowego Uniwersytetu Psychologiczno-Pedagogicznego w Moskwie (Rosja). Obszar zainteresowań obejmuje badania zagadnień aktywnych procesów we współczesnym języku rosyjskim, historię języka, teorię języka, komparatystykę międzyjęzykową, lingwistykę stosowaną. Stworzył oryginalną szkołę badawczą. Autor ponad 100 prac naukowych, w tym monografii: *Историческая этнонимика* (Petersburg 1992), *Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века* (Moskwa 2000), popularnej i wielokrotnie wznawianej *Русская речь 1990-х гг. Современная Россия в языковом отражении* (Moskwa 1998, 2006, 2010), *Семантические преобразования в современном русском языке* (Moskwa 2012), *Просторечие в системе русского языка на современном этапе* (Moskwa 2012). Z nowszych publikacji wymienić można *Предикативное слово «было» в современном русском языке. Норма выражения и границы нормы* (w: „Studia Rossica Gedanensia” 2/2015). Członek Kolegium Redakcyjnego czasopisma „Проблемы филологии: язык и литература”. W l. 2000–2003 laureat stypendium Rządu Federacji Rosyjskiej dla wybitnych uczonych (l. 2000–2003).

WS

ŻANNA SŁADKIEWICZ / ЖАННА РОМУАЛЬДОВНА СЛАДКЕВИЧ

Doktor habilitowany nauk humanistycznych, językoznawstwo; profesor nadzwyczajny; absolwentka Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały (studia filologiczne, specjalność: nauczanie języka rosyjskiego jako obcego, 1999); związana z Uniwersytetem Gdańskim od 1999 roku; kierownik Katedry Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka w Instytucie Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego (od 2014). Założycielka i kierownik Pracowni Badań nad Rosyjskim Językiem Potocznym, członek Pracowni Badań nad Socjolingwistycznymi Aspektami Języka; z-ca redaktora naczelnego „Studia Rossica Gedanensia”, członek Rady Recenzentów czasopisma „Neofilolog”. Opublikowała ponad 80 prac naukowych (w tym sześć książek) z zakresu językoznawstwa rosyjskiego, słowiańskiego, fonetyki, frazeologii, glottodydaktyki, komunikologii, komunikologii porównawczej, komunikologii niewerbalnej, pragmalingwistyki, lingwokulturologii, socjolingwistyki, psycholingwistyki. Badania skoncentrowane na zagadnieniach typologii osobowości językowych, dyskursologii, ściślej: dyskursu politycznego, medialnego, satyrycznego, służbowego; metaforyki politycznej, komunikacji masowej, perswazyjnej i wizualnej; część prac poświęcona frazeologicznym studiom porównawczym polsko-rosyjskim. Wydała rozprawę habilitacyjną *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия* (Gdańsk 2013). Współautorka podręcznika akademickiego: *Ćwiczenia*

z fonetyki języka rosyjskiego dla początkujących (Gdańsk 2014), autorka i współredaktorka monografii: „Słowa, słowa, słowa”... w komunikacji językowej III (Gdańsk 2011), „Mówimy, jak mówimy...” Komunikacja w języku potocznym. Podejście interdyscyplinarne (Gdańsk 2014), „Mówimy, jak mówimy...” Gdzie ukryta jest potoczność? (Gdańsk 2015), *Imiona komunikacji językowej, czyli demakijażowanie sensów* (Gdańsk 2015), *W poszukiwaniu tożsamości językowej*, t. 1 (Gdańsk 2016). Publikuje w języku polskim i rosyjskim m.in. na łamach pism „Opcje”, „Polilog. Studia Neofilologiczne”, „Przegląd Rusycystyczny”, „Rossica Olomucensia”, „Studia Slawistyczne”, „Семиозис и культура”, „Слово.ру. Балтийский акцент”, „Studia Rossica Gedanensia”, „Studia Slavica”; większość prac ukazała się za granicą (Białoruś, Czechy, Rosja, Litwa, Ukraina).

KW

## KLARA E. STAIN / КЛАРА ЭРHOВНА ШТАЙН

Profesor, doktor habilitowany w zakresie nauk filologicznych, literaturoznawstwo; wybitna badaczka; ekspert akredytowany przy Federalnym Rejestrze Ekspertów w Dziedzinie Naukowo-Technicznej Ministerstwa Edukacji Federacji Rosyjskiej (2014). Profesor Katedry Języka Rosyjskiego na Wydziale Humanistycznym Północnokaukaskiego Uniwersytetu Federalnego w Stawropolu. Rozległe zainteresowanie naukowe obejmują filologię, semiotykę, filozofię języka, historię myśli, metapoetykę, lingwistykę (teorię języka) oraz kaukazoznawstwo. Autorka i współautorka ponad 500 cenionych publikacji, w tym dziesięciu monografii, m.in. *Язык. Гармония. Поэзия* (Stawropol 1989), *Принципы анализа поэтического текста* (Petersburg 1993), *Гармония поэтического текста. Склад. Ткань. Фактура* (Stawropol 2006), *Лермонтов и барокко* (współaut.) (Stawropol 2007), *Небо. Солнце. Земля. Традиционная символика дома в городской среде Ставропольского края* (współaut.) (Stawropol 2008), *Метапоэтика Лермонтова* (współaut.) (Stawropol 2008), *Универсальность Лермонтова* (współaut.) (Stawropol 2014), *Люди на все времена* (współaut.) (Stawropol 2014), *Потебня. Диалог во времени* (współaut.) (Rostów n/Donem 2015), licznych podręczników akademickich, m.in. *Системный подход к изучению динамических явлений на синхронном срезе языка* (Stawropol 2006), *Филология. История. Методология. Современные проблемы* (współaut.) (Stawropol 2011), *Гармония и симметрия. Учебное пособие* (współaut.) (Rostów n/Donem 2015), a także redaktor naukowy kilkunastu obszernych antologii tekstów literackich.

Kieruje Pracownią Naukowo-Badawczą *Текст как явление культуры: Кавказоведение. Методология. Семиотики*, Szkołami Naukowymi: *Лингвистика текста. Семантика. Синтактика. Прагматика* oraz *Лингвистика текста*, przewodnicząca cyklu seminariów naukowych „Textus” (1994–2012). Członek Zespołu Redakcyjnego „Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова”. Członek licznych stowarzyszeń i komisji naukowych. Uhonorowana wieloma odznaczeniami państwowymi za wkład w rozwój nauki rosyjskiej i literatury Kaukazu Północnego, medalem *За мир и гуманизм на Кавказе* (2012), a także medalem *В память 200-летия подписания мирного договора между Россией и Персией*.

KW, MN

## KRYSTYNA SZCZEŚNIAK

Profesor, doktor habilitowany nauk humanistycznych, językoznawstwo; profesor zwyczajny i b. kierownik Katedry Sławistyki Uniwersytetu Gdańskiego. Wybitna specjalistka w dziedzinie onomastyki, fitonimii, językoznawstwa ogólnego, języka religii i kulturoznawstwa (w tym świata zamów); obszar badań naukowych obejmuje pogranicza (kultur, języków, czasów, religii, mniejszości językowych), zwłaszcza na terenie byłych Prus Wschodnich i Mazur, a także Słowiańszczyzny Zachodniej, Południowej i Wschodniej. Autorka ponad 120 publikacji naukowych, w tym trzech monografii: *Nazwy miejscowości byłych powiatów oleckiego i gołdapskiego* (Gdańsk 1994), *Toruńska teka Marcina Giersza. Analiza materiału onomastycznego* (Gdańsk 1994), *Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny* (Gdańsk 2008/2013). Redaktor lub współredaktor naukowy książek: *Tematy. Księga jubileuszowa w 70. rocznicę urodzin Profesora Leszka Moszyńskiego* (Gdańsk 1998), *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza* (Gdańsk 2002), *Rośliny w języku i kulturze* (Gdańsk 2011), *Przeszłość i teraźniejszość języków słowiańskich* (Poznań 2009), *Rośliny w języku i kulturze* (Gdańsk 2011). Publikacje na łamach m.in. „Acta Baltico-Slavica”, „Annales Universitatis Mariae Curie Skłodowska”, „Baltistica” (Litwa), „Colloquia Orientalia”, „Hungaro-Baltoslavica” (Węgry), „Jaćwież”, „Jezikovni zapiski. Glasilo Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša” (Słowenia), „Lingua Sacra”, „Onomastika Slavogermanica”, „Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza”, „Rocznik Sławistyczny”, „Roczniki Humanistyczne”, „Rozprawy Komisji Językowej ŁTN”, „Sławistyka”, „Studia Germanica Gedanensia”, „Studia Rossica Gedanensia”, „Studia Russica” (Węgry), „Tytuł. Pismo Literacko-Artystyczne”, a także w tomach zbiorowych na Białorusi, Łotwie i in.

Członek Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego. Recenzent czasopism naukowych „Acta Baltico-Slavica” (do 2015 roku) i „Rozpraw Komisji Językowej ŁTN” oraz „Rocznika Przekładoznawczego” (Toruń).

KW

## ZBIGNIEW T. SZMURŁO

Doktor nauk humanistycznych w zakresie nauk o polityce (Olsztyn 2010); adiunkt, kierownik Katedry Nauk Humanistycznych na Wydziale Nauk Społecznych w Giżycku Wyższej Szkoły Bezpieczeństwa z siedzibą w Poznaniu. Absolwent gdańskiej rusycystyki. Rosjoznawca, armenoznawca, tłumacz języka rosyjskiego, znany publicysta, dziennikarz oraz popularyzator kultury, artysta plastyk (liczne wystawy indywidualne i zbiorowe w kraju i za granicą). Prezes Izby Gospodarczej Polska–Armenia. Członek Rady Naukowo-Programowej Centrum Badań Wschodnich Ośrodka Badań Naukowych im. W. Kętrzyńskiego w Olsztynie. Publikacje naukowe z zakresu problematyki rosyjskiej (głównie królewieckiej) oraz Kaukazu (ze szczególnym nastawieniem na Armenię) w postaci artykułów w czasopismach naukowych i rozdziałów monografii wieloautorskich. Zainteresowania naukowe obejmują m.in. uwarunkowania oraz przemiany historyczne, kulturowe, polityczne gospodarcze i cywilizacyjne, zachodzące na obszarze postradzieckim, w szczególności w państwach Kaukazu Południowego (Armenia, Azerbejdżan, Gruzja) oraz w obwodzie kaliningradzkim Federacji Rosyj-

skiej. Bada również zagadnienia współpracy polsko-ormiańskiej oraz polsko-rosyjskiej i sytuację Polonii na Wschodzie. Współinicjator ustawienia w Elblągu (2005) chaczkaru - wykonanego w Armenii ormiańskiego krzyża wotywnego - dla upamiętnienia 90. rocznicy ludobójstwa popełnionego na ludności ormiańskiej w Turcji oraz 1600-lecia powstania ormiańskiego alfabetu.

WS

## CEZARY TARACHA

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie historii; absolwent historii (1989) i historii sztuki (1992) w Katolickim Uniwersytecie Lubelskim Jana Pawła II; profesor nadzwyczajny KUL JPII; kierownik Katedry Świata Hiszpańskiego, Polityki i Relacji Międzynarodowych w Instytucie Historii Wydziału Nauk Humanistycznych KUL JP II (dawniej: Katedry Historii i Kultury Krajów Języka Hiszpańskiego).

Zainteresowania naukowe: historia, kultura i współczesność krajów języka hiszpańskiego, relacje Polski z Hiszpanią i Ameryką Łacińską, polityka międzynarodowa, dyplomacja, wywiad, kryptografia, informacja, historia regionalna, a także biografie (m.in. osoba bł. Władysława Goral). Autor i współautor ponad 400 prac naukowych, popularnonaukowych i publicystycznych, w tym ok. 200 publikacji naukowych, 3 monografii. Najważniejsze publikacje książkowe: *Szpiedzy i dyplomaci. Wywiad hiszpański w XVIII wieku* (Lublin 2005), *Cartas desde Varsovia. Correspondencia particular del conde Pedro de Aranda con Ricardo Wall, 1760–1762* (Lublin 2005), *Władysław Goral. Błogosławiony biskup i męczennik (1898–1945). Wybrane aspekty życia, posługi, nauczania i męczeństwa* (Lublin 2006), *Gabriela Mistral, noblistka z Chile* (Lublin 2008), „Zniszczyć wszystko, co zagraża naszym interesom”. *Wywiad hiszpański w XVIII wieku* (Lublin 2008), *Szpiegostwo, wywiad, państwo* (Lublin 2009), *Błogosławiony biskup Władysław Goral. Czas i miejsce posługi* (Lublin 2009), *Od Lepanto do Bailen. Studia z dziejów wojskowości hiszpańskiej (XV–XIX wiek)* (Lublin 2010), *Ojos y oídos de la Monarquía Borbónica. La organización de espionaje y la información secreta durante el siglo XVIII* (Madrid 2011), *Misja pułkownika Boissimene. Meandry polityki zagranicznej Hiszpanii Filipa V* (Lublin 2012), *Polska-Hiszpania. Wczoraj i dziś. Studia poświęcone wybranym zagadnieniom z historii i współczesności* (Lublin 2012), *Siedem wieków Dąbrowicy. Studia z dziejów miejscowości* (Lublin 2012), *Entre oriente y occidente. Actas del Primer Congreso de Hispanistas, Lublin, 05–07 de junio de 2013* (Lublin 2013). Ogłosił wiele tekstów naukowych i popularnonaukowych w czasopismach polskich (m.in. „Teki Komisji Historycznej PAN”, „Estudios Hispánicos”, „Roczniki Humanistyczne”, „Przegląd Historyczny”, „Archiwa Biblioteki i Muzea Kościelne”, „Studia Historyczne”) i zagranicznych oraz wydawnictwach zbiorowych. Redaktor naukowy serii Biblioteka „Polsko-Iberyjska”.

Współpracuje z Ośrodkiem Badań nad Tradycją Antyczną w Polsce i Europie Środkowowschodniej Uniwersytetu Warszawskiego, z wieloma instytucjami naukowymi, społecznymi i kościelnymi w kraju i za granicą, m.in. w Logroño, Valladolid i Murcia w Hiszpanii, Valparaíso w Chile. Współzałożyciel Towarzystwa Hiszpańsko-Polskiego KUL (1989), przewodniczący Rady Naukowej Instytutu Hiszpańsko-Polskiego w Lublinie (2004), koordynator Pro Iberii d/s nauki i kultury; współzałożyciel Lubelskiego

Towarzystwa Gitarowego (1992), organizator „Spotkań z Muzyką Organową” w Dąbrowicy (od 2001). Stypendysta Ministerstwa Spraw Zagranicznych Hiszpanii (1990, 1994) oraz Fundacji Lanckorońskich (2004).

Autor koncepcji i główny koordynator międzynarodowego projektu *Gorzkie żale, skarb polskiej duchowości i kultury, dla papieża Franciszka i Świata Hiszpańskiego*, którego owocem jest książka *Amargas lamentaciones. Un tesoro de la espiritualidad y la cultura polaca para el papa Francisco y el Mundo Hispano* (Lublin 2015), zawierająca hiszpańskojęzyczną wersję polskiego nabożeństwa pasyjnego *Gorzkie żale*, powstałego w 1707 roku (*Snopek Mirry z Ogródu Gethsemańskiego albo żałosne Gorzkiey Męki Syna Bożego (...) rozpamiętywanie*), oraz dwie płyty z nagraniami nabożeństwa w języku hiszpańskim. Prof. Taracha wraz z dr Pablo de la Fuente z Vistula University w Warszawie dokonali całościowego przekładu tekstu *Gorzkich żali*.

KW

#### NATALIA G. TEREKHOVA / НАТАЛЬЯ ГЕННАДИЕВНА ТЕРЕХОВА

Dyplomowany specjalista, specjalność nauczycielska: język włoski i włoska literatura; absolwentka Uniwersytetu im. M. Łomonosowa w Moskwie (Rosja); starszy wykładowca w Katedrze Języków Obcych Narodowego (Zakład Języków Obcych) Uniwersytetu Badawczego „Szkoła Wyższa Ekonomii” w Moskwie; studiowała we Włoszech na Uniwersytecie w Genui, Uniwersytecie Ca Foscari w Wenecji, w Centro Studi Italiani. Zainteresowania naukowe dotyczą historii rosyjsko-włoskich stosunków dyplomatycznych oraz gospodarczych (w szczególności XVIII w.), radziecko-włoskich stosunków gospodarczych, regionalistyki włoskiej, włoskiego dyskursu społecznego, historii urbanistyki włoskiej. Autorka kilkunastu artykułów w języku włoskim i rosyjskim; współuczestniczyła w przekładzie włoskiej encyklopedii *Итальянская энциклопедия домашних животных De Agostini* (Moskwa 2003) oraz książki *Цена нефти* M. Nikolazzięgo (Moskwa 2012).

Członek Związku Tłumaczy Rosyjskich oraz kilku międzynarodowych organizacji non profit, takich jak World Monument Fund, Fondo Ambiente Italiano, The Renaissance Society of America.

KW

#### PIOTR WIERZCHOŃ

Profesor, doktor habilitowany nauk humanistycznych, językoznawstwo; dyrektor Instytutu Językoznawstwa Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza (od 2012); b. profesor Uniwersytetu Studiów Zagranicznych Hankuk w Seulu (2002–2006), kierownik Zakładu Filologii Koreańskiej UAM; dyrektor King Sejong Institute Poznań, kurator Zakładu Językoznawstwa Ogólnego i Porównawczego. Zainteresowania naukowe: chronologizacja słownictwa polskiego XIX i XX w., leksykografia historyczna, automatyzacja przetwarzania języka naturalnego, leksykografia przekładowa, korpusy językowe, humanistyka cyfrowa (wydobywanie wiedzy ze źródeł cyfrowych), filozofia języka, język koreański.

Autor kilkunastu książek i kilkudziesięciu artykułów w językach: polskim, angielskim, koreańskim, japońskim, rosyjskim. Ważniejsze monografie: *Fotodokumenta-*

*cja. Chronologizacja. Emendacja. Teoria i praktyka weryfikacji materiału leksykalnego w badaniach lingwistycznych* (Poznań 2008), *Jaskółki przejawów internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny w materiałach z lat 1894–1984. Tylko sto przykładów* (Łask 2008), *ANTI* (Poznań 2008), *Kotuś. «Verba polona abscondita...»* (w fotodokumentacji). *Szkic lingwochronologiczny. Centuria pierwsza* (Poznań 2008), *Dlaczego fotodokumentacja? Dlaczego chronologizacja? Dlaczego emendacja? Instalacja gazowa, parking podziemny i „odległość niezerowa”* (Poznań 2009), *Depozytorium leksykalne języka polskiego. Nowe fotomateriały z lat 1901–2010* (Warszawa 2010). Twórcza współczesnej szkoły ekscerpcyjno-lingwochronologicznej oraz metody fotodokumentacyjnej w leksykografii.

KW

## KATARZYNA WOJAN

Doktor habilitowany nauk humanistycznych, językoznawstwo; profesor nadzwyczajny; absolwentka Uniwersytetu Gdańskiego (1988; filologia rosyjska) oraz Uniwersytetu w Turku (Finlandia 1993; fennistyka); pracuje w Instytucie Skandynawistyki Uniwersytetu Gdańskiego; kierownik Pracowni Języka Fińskiego, Kultury i Gospodarki Finlandii (od 2015). Założycielka i kierownik dwu pracowni naukowo-badawczych afiliowanych przy Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego: Pracowni Leksykograficzno-Bibliograficznej oraz Pracowni Języka Fińskiego. Wcześniej była związana z Instytutem Filologii Wschodniosłowiańskiej UG (l. 1999–2015). Redaktor naczelna „*Studia Rossica Gedanensia*”, członek Międzynarodowego Komitetu Redakcyjnego kwartalnika „*Болгарская русистика*” (Sofia, Bułgaria), Zespołu Recenzentów m.in. roczników „*Studia Wschodniosłowiańskie*” (Białystok), „*Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis: Studia Russologica*” (Kraków); członek międzynarodowych towarzystw naukowych, m.in. European Acoustics Association, Polskiego Towarzystwa Akustycznego, Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Aktywnie współpracuje z Centre for International Mobility/Finnish Studies at Universities abroad w Helsinkach. Wielokrotna stypendystka Rządu Finlandii.

Autorka, współautorka lub współredaktorka ok. 150 prac z zakresu językoznawstwa ogólnego, słowiańskiego, ugrofińskiego, komparatystyki lingwistycznej, nostrytyki, leksykologii porównawczej, słowiańskiej, ugrofińskiej, interlingwistyki, paleolingwistyki, leksykografii przekładowej, historii leksykografii, biobibliografistyki i bibliografistyki, przekładoznawstwa, akustyki mowy, w tym 15 książek, m.in. *Wstęp do badań wieloznaczności leksemów w ujęciu kontrastywnym* (Gdańsk 2010), *Przypadkowe i nieprzypadkowe wędrówki leksemów* (Gdańsk 2010), *Rosyjskie leksemy homonimiczne w teorii językoznawczej i praktyce leksykograficznej* (Gdańsk 2011), *Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005* (Gdańsk 2006), *Słownik homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi* (Gdańsk 2011), *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe lingwistyczne i encyklopedyczne wydane w latach 1782–2012* (Gdańsk 2013), *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe terminologiczne wydane w latach 1782–2012* (Gdańsk 2014), *Języki sztuczne. Zapotrzebowanie społeczeństw czy fantazja jednostek? Zarys dziejów interlingwistyki* (Gdańsk 2015). Autorka pierwszej

polskojęzycznej monografii o języku fińskim *Język fiński w teorii i praktyce* (Gdańsk 2016) oraz pierwszego w Polsce dużego słownika polsko-fińskiego: *Polsko-fiński tezaurus tematyczny*. T. 1: *Ziemia i Kosmos* (Gdańsk 2012). Znaczna część prac poświęcona badaniom homonimiki leksemowej w aspekcie relacji języków: polski-rosyjski, polski-fiński, rosyjski-fiński. Twórczyni szkoły metodologiczno-badawczej w zakresie homonemiki międzyjęzykowej. Publikacje w językach: polskim, rosyjskim, angielskim, fińskim na łamach m.in. „Acta Albaruthenica”, „Archives of Acoustics”, „Българска русистика” (Bułgaria), „Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego”, „Fenno-Ugristica” (Estonia), „Język. Komunikacja. Informacja”, „Między Oryginałem a Przekładem”, „Przegląd Rusycystyczny”, „Speculum Linguisticum”, „Studia Rossica Gedanensia”, „Studia Scandinavica”, „Symbolae Philologorum Posnaniensium Graecae et Latinae”, „Съпоставително езиковзнание” (Bułgaria). Posiada dorobek w dziedzinie przekładu literackiego na język fiński (publikacja w „Parnasso” 3/1994). Jest aktywną organizatorką życia akademickiego na Uniwersytecie Gdańskim. Współpracuje z zagranicznymi ośrodkami naukowymi, m.in. na Białorusi, w Bułgarii, w Estonii, w Finlandii, w Rosji i na Ukrainie.

KW

#### EVGENIA A. ZHURAVLEVA / ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЖУРАВЛЕВА

Doktor habilitowany nauk filologicznych, profesor; kierownik Katedry Lingwistyki Teoretycznej i Stosowanej Euroazjatyckiego Uniwersytetu Narodowego im. L.N. Gumilowa w Astanie (Kazachstan). Badania naukowe oscylują wokół zagadnień komunikacji międzykulturowej (międzyetnicznej), kontaktów językowych, socjolingwistyki, lingwistyki kognitywnej, teorii języka, leksykologii i leksykografii. Obiektem prowadzonych badań są również paradygmaty antropocentryczne w językoznawstwie. Dorobek obejmuje ponad 190 prac naukowych, w tym monografie, podręczniki akademickie, słownik, artykuły i opracowania naukowe. Najważniejsze publikacje to monografie: *Прецедентные тексты начала XXI века* (współaut.) (Moskwa 2007), *Концептосфера русского языка в полиэтничном обществе Казахстана* (Ałmaty 2014), *Русский язык в Казахстане. Варьирование и функционирование* (Astana 2015); *Словарь аббревиатур по материалам средств массовой информации Казахстана* (współaut.) (Astana 2015). Z nowszych prac: *Условия формирования ментальности в полиэтничном сообществе* (w: *W poszukiwaniu tożsamości językowej*, t. 2, Gdańsk 2016), *Trends in the formation of Kazakhstan's variety of Russian* (Frankfurt a.M. 2016). Laureatka nagród państwowych Kazachstanu za osiągnięcia naukowe i dydaktyczne (2006, 2008, 2015). Kierownik i realizator licznych projektów naukowo-badawczych (w l. 2010-2016).

WS

#### DOROTA ŻYŁKO

Doktor nauk humanistycznych; slawistka i rusycystka; starszy wykładowca w Katedrze Sławistyki na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego. Rozprawa doktorska z zakresu cyrylometodianistyki: *Pouczenia ascetyczne czyli Słowa Izaaka*

Syryjczyka, biskupa Niniwy (XV-wieczny Kodeks Przemyski) – monografia zabytku. Uczennica prof. Leszka Moszyńskiego. Autorka i współautorka ponad 30 publikacji naukowych z zakresu paleografii cerkiewnosłowiańskiej, pragmatyki przekładu, cyrylo-metodjanistyki (fonetyka, semantyka redakcji języka staro-cerkiewno-słowiańskiego), słowiańskiego językoznawstwa historyczno-porównawczego, m.in. *Kodeks Przemyski jako XV-wieczna cerkiewnosłowiańska ruska redakcja adaptacji białorusko-ukraińskiej »Słów« Izaaka Syryjczyka* („Studia Russica” 17, Budapeszt 1999), *Konsekwencje utożsamienia głosek [ě] oraz [i] w parach wyrazowych typu utěšati sę – utišiti sę dla semantyki Kodeksu Przemyskiego* („Словянський збірник” 7, Odessa 2000), *Utożsamienie głosek [ě] oraz [i] jako problem semantyczny tekstu cerkiewnosłowiańskiego* (w: *Dialektologia jako dziedzina językoznawstwa i przedmiot dydaktyki. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Karolowi Dejnie*, Łódź 2002), *Z problemów przekładu hymnografii bizantyjskiej na języki słowiańskie* (w: *Przekład. Język. Kultura*, Lublin 2002), *Pojęcia: мълчание і безмълвие w cerkiewnosłowiańskich przekładach tekstów Izaaka i Efrema Syryjczyków* (w: *Chrześcijańskie dziedzictwo duchowe narodów słowiańskich*, Białystok 2003), *Nikołaja Fiodorowicza Fiodorowa uwagi o piśmie* (w: *Письменность славян: прошлое, настоящее, будущее*, Gdańsk-Krasnojarsk 2006), *Realizacja fonetyczna grup spółgłoskowych tl/tł, dl/dł wśród byłych mieszkańców dzisiejszej zachodniej Białorusi* (w: *Droga ku wzajemności*, Grodno 2007), *Uwagi o polskich i rosyjskich przekładach Saussure’owskiej triady langue – parole – langage* (w: *Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej*, Gdańsk 2013), *Uwagi o wzajemnych związkach filozofii i socjologii* (współaut. B. Żyłko) (w: *Meandry słowiańskiej kultury. Księga jubileuszowa poświęcona Profesorowi T. Bogdanowiczowi*, Gdańsk 2016).

Dokonała przekładów naukowych (współ z Bogusławem Żyłką) z języka rosyjskiego książki *Oblicza Rosji. Szkice z historii kultury rosyjskiej XIX wieku* Borysa Jegorowa (Gdańsk 2002) oraz tekstów z języka cerkiewnosłowiańskiego w *Krzyż i koło. Z historii symboliki chrześcijańskiej* Borysa Uspińskiego (Gdańsk 2010).

Członek Kolegium Recenzentów „Rocznik Przekładoznawczy”. Członek Oddziału Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego w Gdańsku.

KW



## WYTYCZNE DLA AUTORÓW

*Studia Rossica Gedanensia* jest założonym w 2013 roku rocznikiem Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego. Publikuje oryginalne teksty naukowe z obszaru ruscystyki. Nadesłane prace nie powinny przekroczyć objętości 120 000 znaków (łącznie ze spacjami), czyli około 60 stron.

Rocznik prowadzi cztery działy: I. Studia i artykuły, II. Recenzje i omówienia, III. Bibliografie, oraz IV. Kronika.

Autorzy prac winni przestrzegać następujących wskazówek:

1. Tytuł pracy nie powinien być zbyt długi.
2. Artykuł winien być opatrzony dwoma abstraktami (do 200 słów każdy): jednym w języku angielskim wraz z angielskim tłumaczeniem tytułu i słowami kluczowymi (5–10 słów) oraz drugim w języku polskim lub rosyjskim wraz ze słowami kluczowymi (5–10 słów) i ewentualnym tłumaczeniem tytułu.
3. W bibliografii należy podać inicjały imienia i nazwisko autora, pełny tytuł pracy (w języku oryginału pracy). Przy pozycjach książkowych należy podać nazwę wydawcy oraz miejsce i rok wydania. W przypadku czasopism należy wymienić tytuł czasopisma, rok wydania, numer oraz strony.

Nadesłane prace Redakcja rocznika przekazuje do recenzji. Komitet Redakcyjny czasopisma podejmuje decyzję o przyjęciu do publikacji na podstawie opinii wydanych przez recenzentów numeru.

**Prace przesłane do publikacji w czasopiśmie winny być napisane w języku angielskim, polskim lub rosyjskim.**

Teksty należy przysyłać w formie elektronicznej do końca czerwca każdego roku.

Redakcja prosi wszystkich Autorów o przygotowanie notki o sobie w języku polskim, rosyjskim lub angielskim.

Komitet Redakcyjny  
*Studia Rossica Gedanensia*

## ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

*Studia Rossica Gedanensia* – это ежегодник Института восточнославянской филологии на филологическом факультете Гданьского университета, основанный в 2013 году. В журнале публикуются оригинальные научные тексты по русистике. Присланные работы по объему не должны превысить 120 000 символов (включая пробелы), или примерно 60 страниц.

Ежегодник состоит из четырех разделов: I. Исследования и статьи, II. Рецензии и обзоры, III. Библиографии и IV. Хроника.

Присланные работы должны соответствовать следующим требованиям:

1. Заглавие текста не может быть слишком длинным.
2. Статья должна иметь два резюме (до 200 слов каждое): одно на английском языке с переводом на английский язык заглавия и ключевыми словами (5–10 слов) и второе на польском или русском языке с ключевыми словами (5–10 слов) и, желательно, переводом заглавия.

3. В библиографии следует указать инициалы имени и полную фамилию автора, полное оригинальное заглавие работы (на языке, на котором она написана). При оформлении книжных изданий следует указать издательство, место и год издания. При оформлении журналов следует указать его полное заглавие, год издания, номер и страницы.

Присланные работы редакторы ежегодника пересылают рецензентам. Редакционная коллегия журнала принимает решение о публикации на основании заключения, составленного рецензентами данного номера.

**Работы, присланные для публикации в журнале, должны быть написаны на английском, польском или русском языке.**

Тексты должны быть отправлены в электронном виде до конца июня каждого года.

Редакторы просят всех авторов подготовить сведения о себе на польском, русском или английском языке.

Редакционная коллегия  
*Studia Rossica Gedanensia*

## GUIDELINES FOR AUTHORS

*Studia Rossica Gedanensia*, the annual journal of the Institute of East Slavic Philology, Faculty of Languages of the University of Gdańsk, was founded in 2013, with the aim of publishing original scientific papers in all fields of Russian studies. Submitted papers should not exceed a total of 120,000 keystrokes (characters and spaces), i.e. approximately 60 pages.

The journal consists of four major sections: I. Studies and Articles, II. Reviews and Polemics, III. Bibliographies, and IV. Chronicle.

The following guidelines are of particular importance:

1. The title of the paper should be as short as possible.
2. The paper should be preceded by two abstracts, each less than 200 words. One abstract should be in English (including an English translation of the title and 5–10 key words). The other abstract should be in either Polish or Russian (including 5–10 key words).
3. The reference list should include the initials of the first name and the full surname of the author, as well as the full title of the paper (in the language of the original paper). In the case of books, the publisher's name, as well as the place and year of publication, should be stated. In the case of periodicals, the full title of the periodical, year of publication, consecutive volume number, current issue number, and pages should all be stated.

Upon receipt of the paper, the Editorial Office forwards it to the reviewers. The Editorial Committee's decision as to whether the paper should be accepted for publication or not is based on the opinions of the reviewers.

**The papers submitted for publication in the journal should be written in English, Polish or Russian.**

Please kindly submit your papers in electronic format by the end of June.

The Editorial Board kindly requests all authors to submit short notes about themselves in Polish, Russian or English.

Editorial Board  
*Studia Rossica Gedanensia*